Кристофер Сташеф

Спутник чародея
Обезумевший чародей

Спутник чародея
Обезумевший чародей

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

Чародей поневоле

Кристофер Сташеф

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

CHRISTOPHER

STASHEFF

The Warlock's Companion

The Warlock Insane

КРИСТОФЕР

СТАШЕФ

Спутник чародея

Обезумевший чародей

АСТ издательство ЕРМАК
Москва
2004

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44
С11

Серия основана в 1999 году

Christopher Stasheff
THE WARLOCK'S COMPANION
1988

THE WARLOCK INSANE
1989

Перевод с английского Н.А. Сосновской

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Художник М.Н. Калинкин

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Spectrum и Nova Littera Ltd.

**Подписано в печать 4.12.03. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 31,92. Тираж 7000 экз. Заказ № 85.**

Сташеф К.

С11 Спутник чародея. Обезумевший чародей: Фантаст. романы / К. Сташеф; Пер. с англ. Н.А. Сосновской. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. — 606, [2] с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-021610-6 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9577-0877-1 (ЗАО НПП «Ермак»)

Кристофер Сташеф — человек, который сумел сказать собственное — бесконечно оригинальное — слово там, где сделать это, казалось бы, было уже практически невозможно. То есть — в жанре иронической фэнтези. В «сагах» о высоких замках, сильно нуждающихся в ремонте, и прекрасных принцессах, из последних сил правящих разваливающимися по швам королевствами, о веселых обольстительных ведьмочках, гнусных до неправдоподобия монстрах — и, конечно, о благородных героях, чье единственное оружие в мире «меча и магии» — юмор, юмор и еще раз юмор!

Вы — поклонник обаятельных приключений «чародея поневоле» Рода Гэллоуглаcа и его супруги, ведьмочки Гвен?

Вы знакомы уже и с его ПОТРЯСАЮЩИМИ ДЕТЬМИ — «прирожденным гением от магии» Магнусом, «магом-романтиком» Джеффри, «магом-интеллектуалом» Грегори и ироничной колдуньей Корделией?

Теперь ВСЕ СЕМЬЯ ГЭЛЛОУГЛАС — В СБОРЕ и совместными усилиями пытается раскрыть ВАЖНУЮ ТАЙНУ

Что это значит? Новые приключения!

Приключения увлекательные, озорные — и БЕСКОНЕЧНО СМЕШНЫЕ!..

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

© Christopher Stasheff, 1988, 1989
© Перевод. Н.А. Сосновская, 2004
© ООО «Издательство АСТ», 2004

Спутник чародея

ПРОЛОГ

Хосе нахмурился, глядя на дисплей, и напечатал: «МОЗГ, КОПИРУЙ ДАННЫЕ». Дисплей опустел, замигал и перешел в режим команд и стандартных ответов. «ЗАГРУЗИТЕ БЛОК МОЗГА».

Хосе зажмурился и помотал головой. Нет, сейчас не время было думать о Марсии. Сейчас он находился на рабочем месте, и надо было работать. Ему за это платили, и если бы он напортачил, то не получил бы ни гроша. Более того: его бы попросту выперли с работы. Хосе сердито нажал на клавишу. Открылось «окно» производственной лаборатории, расположенной внизу, и Хосе набрал команду: «ПРОВЕРЬТЕ УСТАНОВКУ БЛОКА МОЗГА».

По дисплею проворно побежали буковки. Строка ответа гласила: «БЛОК МОЗГА ЗАГРУЖЕН».

Хосе кивнул. Он знал, что произошло в стерильной белой комнате внизу: техник поместил шар из нержавеющей стали размером с баскетбольный мяч внутрь полушария-фиксатора, где шар должен был пребывать в то время, покуда шла запись новой программы. Внутри же шара находился новенький, с иголочки, кибернетический мозг — гигантский кристалл, трехмерная конструкция, способная навечно зафиксировать схему

электрических сигналов. Однако пока что это был всего-навсего чистый, старательно, образцово выращенный кристалл. Техник подсоединил «шлейфы», ведущие от компьютера Хосе к блоку ROM-мозга. Таким образом мозг был подготовлен к записи базовой операционной программы.

Экран вновь опустел, затем появился очередной запрос: «ОБОЗНАЧЬТЕ ЗАДАЧУ».

Хосе набрал: «А = В =

«Равняется»... «Равенство»... Две маленькие параллельные черточки знака равенства вдруг заставили Хосе содрогнуться, и он сам поразился глубине собственной реакции. Идея равенства, которой он всегда был предан, оказывается, не на шутку разбередила его душу — а все из-за того, что нынче утром Марсия снова закатила ему скандал. Ей, видите ли, захотелось выяснить, вправду ли они с Хосе равны настолько, насколько должны бы быть. Ну а с Марсией всегда так бывало — стоило ей начать спорить, ее уж не остановишь...

А началось все с того, что Хосе сообщил, когда Марсия вышла из ванной:

— Завтрак готов.

Марсия, обернувшись банным полотенцем, остановилась в коридоре и одарила Хосе самым ехидным взглядом, на какой только была способна.

— Набрать верный код программы автоповара я не хуже тебя смогла бы, Хосе.

Хосе удивленно посмотрел на нее.

— Ну конечно, смогла бы. Просто я подумал, что было бы неплохо...

— Что было неплохо намекнуть мне на то, что я не занимаюсь своим делом? Между прочим, если ты забыл, то я тебе напомню: теперь женщины не обязаны быть кухарками.

— Ничего я не забыл! Ты мне не служанка.

— Ага, и мужчины тоже не слуги, верно? — насмешливо осведомилась Марсия.

Хосе нахмурился.

— Ну да. Никто никому не слуга, да?

— Не болтай ерунды! — фыркнула Марсия. — Если и мужчины не станут этого делать, то кто тогда?

— Ну... Просто каждый будет готовить для себя. Так?

— Вот уж! — огрызнулась Марсия. — И что тогда?

— Тогда, если каждый будет готовить для себя, никто никому не будет слугой.

— Ах так, стало быть, великие и могущественные мужчины все же могут порой снизойти до рабского труда?

Хосе совсем растерялся.

— Означает ли это, что я не имею права время от времени готовить для тебя завтрак?

Марсия покраснела и буркнула:

— Не будь ослом!

С этими словами она развернулась и вихрем умчалась в спальню.

Чувствуя себя в высшей степени не в своей тарелке, Хосе на всякий случай посмотрел на календарь. Вот уж действительно — «Остерегайся ид...»*.

Он вздохнул и откусил кусочек тоста. Тост показался ему ужасно невкусным.

Только-только Хосе успел просмотреть обзор последних новостей и дал компьютеру команду распечатать некоторые, наиболее интересные новости подробно, как Марсия все тем же стремительным вихрем вылетела из спальни — уже безупречно одетая и причесанная, и возопила:

— В Декларации независимости записано, что мы должны быть равны, так?

Хосе обернулся и устремил на супругу ошарашенный взор.

— Что... Как ты ска...

* Каких «ид», то есть — кануна, преддверия каких-либо событий, следует остерегаться герою, имеющему дело со скандалящей по пустякам супругой, читатель скорее всего догадается сам. А исторически это предупреждение относилось к Юлию Цезарю и было высказано, согласно Плутарху, неким прорицателем. — *Здесь и далее примеч. пер.*

— Я говорю о Декларации! А мы ни за что не сможем стать равными по-настоящему, покуда зависим друг от друга! Для настоящего равенства люди должны быть *не*-зависимы. Вот о чем сказано в Декларации!

Хосе побледнел.

— Только не говори, что...

— Нет, скажу! Позволь мне самой готовить себе завтрак! — Она откусила кусочек оладьи и скривилась. — Холодная!

— Ну хорошо. Значит, мне не стоило ради тебя эксплуатировать автоповара! — взорвался Хосе. Стиснув зубы, он подошел к кухонной стойке, быстро собрал в пакет все, что приготовил для Марсии, и приготовился выбросить пакет в мусорное ведро.

— Эй! — вскрикнула Марсия. — И что же мне теперь есть?

Хосе подарил ей взгляд, полный искреннего изумления.

— Что? Закажи себе сама, что хочешь. По крайней мере будет горячее.

— У меня уже нет времени ждать! А все из-за того, что я задела твое дурацкое мужское самолюбие!

— Мое дурацкое мужское самолюбие не имеет ничего общего с тем, что ты не любишь есть холодные оладьи!

— А я разве сказала, что я не люблю холодные оладьи?

— Ты сказала, что оладья холодная...

— Но я ее ела! Уж мог хотя бы приготовить новую!

— Теперь уж и не знаю, хватит ли энергии, — буркнул Хосе, отвернулся и принялся нажимать кнопки на панели автоповара.

— А, так теперь ты еще и издеваешься?! — Марсия вскочила, вздернула подбородок. Сверкая глазами, она вопросила: — И скажи мне на милость, господин Великий Поборник Равенства, не собираешься ли ты поиздеваться и над своей священной Декларацией?

Хосе резко развернулся и посмотрел на жену широко раскрытыми глазами.

— У меня и в мыслях такого не было!

— Но ты готов нарушить все ее пункты до единого, не так ли?

— Да я не то что пункта — и ни одной фразы из Декларации не нарушил!

— Вот как? Ну а как насчет того места, где сказано: «Все люди наделены их Творцом определенными неотъемлемыми правами»?

— Я никогда...

Но Марсия не дала Хосе договорить.

— И Джефферсон показывает, что это означает: «эти люди должны быть свободными и независимыми личностями»!

Хосе нахмурился.

— Не думаю, чтобы ты дословно...

— Ну, ясное дело, теперь ты будешь цепляться к словам! А я тебе вот что скажу, мистер Всезнайка: если «все люди должны быть свободными и независимыми личностями», то жены должны быть свободны и независимы от своих мужей!

— Но он-то говорил про *штаты!* — взвыл от отчаяния Хосе.

— Он говорил про *принципы!* — Марсия развернулась и решительно направилась к двери. — Пошли, опоздаем! — Усевшись на дальний край мягкого сиденья, она дала компьютеру команду: — «Эйт-Майл и Адамс». — А Хосе велела: — Дверь закрой.

Хосе хмуро поглядывал на супругу, но промолчал — решил потренировать смирение.

Как же, смиришься тут... Марсия продолжала атаку:

— Если какой-то принцип относится к государству, он относится и к людям. И если штат Нью-Джерси должен был обрести независимость от Англии, то и жена должна быть независима от мужа!

— Так ты ведь и есть независима!

Аэрокар тронулся с места. Хосе швырнуло на сиденье.

— Тогда почему ты ждешь, что я буду готовить тебе завтрак?

— Завтрак! — Хосе от отчаяния заехал себе кулаком по лбу. — Твои оладьи сидят внутри автоповара!

— О, не переживай, я не помру с голода! — И действительно, на умирающую от голода Марсия была похожа очень мало — она просто-таки вся сияла и лучилась. — В конце концов, могу остановиться и перекусить где-нибудь по пути. Но все это — из-за того, что ты затеял этот дурацкий спор!

Хосе промолчал насчет того, кто и что начал. Он только вдохнул поглубже. Завтрак? Да на что он ей сдался, завтрак этот несчастный? Она была сыта по горло препирательствами!

— Ой, пожалуйста, можешь сколько угодно строить из себя великомученика! — фыркнула Марсия. — Неужели ты совсем не способен постоять за себя?

Хосе обиженно взглянул на жену.

— Ну вот... Теперь у тебя вид, как у побитого щенка, — презрительно проговорила Марсия. — Честное слово, Хосе, ты порой так ко мне цепляешься, что просто дышать тяжело. Ну если в твоей драгоценной Декларации написано, что каждый должен быть свободной и независимой личностью, уж мог бы ты хотя бы мне позволить быть такой личностью!

Хосе закатил глаза.

— Хо-ро-шо! — процедил он сквозь зубы. — Если тебе хочется именно этого, то ты это получишь. Я дам тебе развод!

— Развод? — вскрикнула Марсия, потрясенная до глубины души. — Хосе! Да как тебе такое в голову пришло? Как ты вообще мог об этом *подумать*?

Хосе утратил дар речи.

— Только из-за того, что я... что я немножко вздорная... Хосе! Не может быть!

— Но... Но я подумал... Ты же сказала, что тебе хочется быть...

— Даже не *смей*!

— ...Свободной и независимой личностью! — прокричал Хосе в полный голос.

— Это Декларация так хочет, а не я! Да как ты мог подумать, что я хочу развода?

— Но ведь это как раз и значит «быть независимой»...

— Ну все, договорились... — Марсия наклонилась и сжала руку мужа. — Неужели мне нельзя с тобой даже немножко пошутить с утра, а?

Аэрокар приземлился, из динамика послышался кибернетический голосок:

— «Эйт-Майл и Адамс».

— Даже думать не смей ни о каком разводе! — скомандовала Марсия, чмокнула Хосе в щеку и сказала на прощание: — Приятного тебе дня, милый.

Да уж... Задачка не из легких! Можно ли было провести этот день приятно, когда он начался с такой перепалки? Хосе философски вздохнул, потом вздохнул еще раз, пытаясь овладеть разбушевавшимися эмоциями и гадая, сумеет ли он когда-нибудь научиться определять, когда Марсия шутит, а когда — говорит серьезно.

И все же он никак не мог перестать думать об утреннем споре. Чем бы он ни занимался — вспоминал и вспоминал о нем. Хосе в очередной раз испустил тяжкий вздох, убрал руки с клавиатуры, закрыл глаза, откинулся на спинку стула и попытался воскресить в памяти весь разговор с Марсией от начала до конца, чтобы сделать выводы и положить эти выводы на полочку.

Декларация. Вот в ней-то и было все дело. Декларация была краеугольным камнем аргументов Марсии — фразы типа «все люди наделены их Творцом определенными неотъемлемыми правами» и «эти колонии должны стать свободными и независимыми штатами». Хосе знал, что Марсия цитирует Декларацию независимости не совсем точно, что она перевирает слова Джефферсона ради того, чтобы оправдать свои доводы.

На самом деле это особого значения не имело: когда Марсия бывала в *таком* настроении, она пользовалась любым оружием, какое только подворачивалось под руку. И все же, решил Хосе, для того чтобы у него была возможность аргументированно спорить с Марсией, ему следовало увидеть эти треклятые фразы в том самом виде, в каком их написал Джефферсон, дабы убедиться в том, что он, Хосе, не такой уж злостный нарушитель Декларации.

В конце концов Хосе очистил дисплей и набрал код центральной библиотеки, чувствуя себя в высшей степени по-дурацки: ведь он точно знал, что живет на свете, следуя своим собственным идеалам. Доказывать самому себе, что ты прав, — это ли не проявление слабости?

На дисплее появился логотип сайта библиотеки и пожелание сделать запрос. Хосе, испытав облегчение, набрал: «Декларация независимости». Ну наконец-то — хоть что-то разумное за весь день...

То политическое устройство, что возникло на основе Декларации, до сих пор существовало, хотя и слилось почти воедино с другими государствами, как и другие государства Терры. Однако слова, с которых началось существование этой страны, по сей день звучали в коридорах истории человечества, воспламеняли юные души, а стариков заставляли вспоминать о лучших временах. В итоге эти слова стали тем фундаментом, на котором покоился Терранский Союз.

А потом появилась сама Декларация в полном, подлинном, факсимильном виде. Хосе, правда, отлично понимал, что и в таком виде Декларация передана двоичным кодом, но рука не поднималась выдергивать из текста отдельные предложения.

Зато можно было полистать рукопись на экране, чем Хосе и занялся. Он принялся читать Декларацию самым внимательным образом, слово за словом, и по мере чтения начал чувствовать, как к нему возвращается спокойствие. Чистые, призывные, как звук трубы, фразы словно бы звучали в его сознании.

Ну вот... То, что искал Хосе, было написано в самом начале — те истины, которые Джефферсон считал самоочевидными: «...все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотъемлемыми правами»*... Неожиданно Хосе озарило. Он еще раз внимательно пробежал глазами строчки... «Все люди...» Все верно, да не совсем: в оригинале стояло не слово «people», которое цитировала Марсия, а слово «men», которое означало не только «люди», но и — «мужчины». Одно только это слово Марсия заменила, но какое! Нарочно, что ли?

Хосе подумал немного и отмахнулся от этой догадки. Разница невелика. По всей вероятности, Джефферсон имел в виду всех людей — и мужчин, и женщин. Ну а если он не имел этого в виду в 1776 году, то уж точно имел бы в 3035-м.

Однако эта мелочь в значительной степени подрывала аргументацию Марсии. А если она цитировала Декларацию только ради того, чтобы поспорить...

Сексистский документ. Хосе отчетливо представил себе, как Марсия сердито произносит эти слова. Что ж, тут она, пожалуй, была бы права — но если так, то ей вообще не стоило цитировать Декларацию.

Но и это было не так уж важно. Главным было то, что он, Хосе, не имел никаких намерений относиться к жене с превосходством, унижать ее достоинство. Он всего-навсего хотел проявить немного участия.

Он продолжил чтение документа, и все было хорошо, покуда он не дошел до фразы: «Эти соединенные колонии являются и по праву должны быть СВОБОДНЫМИ И НЕЗАВИСИМЫМИ ШТАТАМИ». Хосе задержал эту фразу на дисплее и довольно кивнул: оказывается, он эту цитату запомнил почти в точности. А Марсия оказалась и права, и не права одновременно: все же была разница в праве коло-

* Здесь и далее Декларация независимости США цитируется по переводу О.А. Житкова 1993 года.

нии на самоуправление и праве женщины в том, чтобы не подчиняться приказам в той же мере, что и мужчина.

На самом деле повиноваться приказам был обязан любой человек, если только не являлся особой королевской крови. Но в том времени, где жили Хосе и Марсия, даже короли и королевы были вынуждены подчиняться закону. Однако женщина не должна была исполнять повеления мужа — точно так же, как и он был не обязан исполнять ее повеления...

На миг от этих размышлений у Хосе закружилась голова, а потом он поймал себя на такой мысли: чем он вообще занимается в этом браке? И был ли это вообще брак?

Ересь какая-то. Хосе решительно отмел мрачные раздумья и вновь сосредоточился на насущном вопросе. Он *жил* согласно принципам Декларации независимости, и ему не следовало из-за этого комплексовать.

Если только, — прозвучал занудный голосок сомнения из глубины сознания Хосе, — если только Джефферсонов принцип независимости в действительности не означал, что никто и никогда не должен впадать от кого-либо в настолько полную и окончательную зависимость, чтобы эту зависимость можно было назвать браком. Но Хосе был уверен, что у Джефферсона такого на уме не было.

Но как быть с принципом как таковым?..

Принцип мог подождать. Хосе окончательно овладел собой. Над этим принципом ему, пожалуй, предстояло размышлять всю жизнь. Проблема как проблема: как быть независимым и при этом женатым. Он не сомневался, что в один прекрасный день этот вопрос как-нибудь решится. Пока же имелся вопрос поважнее: кибернетический мозг, который следовало запрограммировать, и этот мозг ожидал Хосе дольше, чем следовало бы.

Но документ уже был почти дочитан. Хосе прокрутил Декларацию до конца, по ходу чтения преисполняясь гордостью за то, что он человек, что он...

— Эй, Хосе!

Хосе нахмурился и, оторвав взгляд от дисплея, взглянул на программиста, работавшего рядом с ним.

— Да, Боб?

— Эта гадская машина не дает мне допуска к оригиналу. — Боб откинулся на спинку стула и указал на дисплей. — Что я делаю не так?

Хосе с трудом удержался от улыбки. Боб был очень молод и очень неопытен. В компьютерах он разбирался получше, чем Хосе, но пока мало знал о занудстве бюрократии и непреклонной природе ее решений.

— Ну-ка, дай я погляжу... — Хосе придвинул стул к рабочему столу Боба, нахмурился, глядя на дисплей, поджал губы. — Ты какой код доступа использовал?

— RB-34h-Z. — Боб показал Хосе страницу руководства.

Теперь уж Хосе не стал прятать улыбку.

— Эту модель мы перестали выпускать пять лет назад. Серия RB-34h-Z безнадежно устарела.

Боб нахмурился.

— И как же мне теперь узнать, какую модель вызывать?

— Каталог должен появляться у тебя на дисплее автоматически, как только ты введешь код.

— И почему же он не появился?

— Потому что этот код следует вводить до того, как ты начинаешь операцию копирования. — Хосе убрал программу копирования, очистил экран и набрал: «RB-34h-Z». Слева на дисплее появилась вертикальная полоса прокрутки, а справа — табличка, в которой сообщалось о том, что модели, помеченные «звездочкой», производятся в данное время.

Боб нахмурился.

— А почему в руководстве про это ничего не написано?

— Потому что его составил кретин.

Боб вытаращил глаза и улыбнулся.

— Да... Ничего не скажешь, верно?

— Ну, можешь, к примеру, спросить, почему его еще держат на работе, — усмехнулся Хосе. — На самом деле его уволили в прошлом году, но почему-то считается, что все, кто здесь работает, знают про всякие такие рутинные мелочи. Потому и руководство не переделывали.

Боб вздохнул.

— Но ведь новичкам из-за этого приходится туго, правда?

— Поэтому-то тебя и посадили рядом с нами, старыми компьютерными волками. — Хосе было тридцать два года. — Ну вот. Теперь тебе следует догадаться, какую модель ты собираешься загружать.

Боб снова вытаращил глаза.

— Что?.. И как же, проклятие, я должен об этом догадаться?

— А ты вот сюда погляди. — Хосе указал на надпись мелким шрифтом в нижнем правом углу дисплея.

Боб нахмурился.

— А я думал, что это — последний код в операции...

— И верно — казалось бы, так и должно быть, да? Но на самом деле это — всего лишь расширение, которое следует вводить после RB-34h-Z.

— Тогда почему бы не... Нет. Молчу. — Боб вздохнул. — Предполагается, что каждый программист, который здесь работает, об этом знает, да?

Хосе кивнул.

— Эта операция — последовательность клише. Выдает расширение и сообщает тебе об этом.

Боб развел руками и покачал головой.

— Ну, теперь все понятно. Спасибо, Хосе.

— Не за что. — Хосе снова еле удержался от усмешки. — Если тебя снова попытаются одурачить, зови меня.

Боб расплылся в усмешке, а Хосе вернулся к своему рабочему месту и улыбнулся, глядя на пустой дисплей. Нет средства надежнее для того, чтобы избавиться от своих проблем,

как помочь ближнему. Он удовлетворенно вздохнул и набрал команду: «МОЗГ, КОПИРУЙ ДАННЫЕ».

Дисплей ответил: «ЗАГРУЗИТЕ БЛОК МОЗГА». Все по новой... Но теперь Хосе полностью включился в работу и всю программу установил за десять минут, после чего нажал клавишу «выполнять», откинулся на спинку стула и стал с улыбкой следить за тем, как компьютер выполняет программу, и наблюдать за тем, чтобы не произошло никаких сбоев.

Сбоев не было. Все шло как по маслу. Через час на дисплее высветилось: «КОПИРОВАНИЕ ЗАВЕРШЕНО», затем — вопрос: «СОХРАНИТЬ?» Хосе довольно кивнул. Программа сработала без сучка, без задоринки. Он ответил: «ДА», и компьютер произвел последние изменения в электрических зарядах в огромном кристалле, принимавшем команды в лаборатории внизу. Электронная матрица, на которую была скопирована программа, превратилась в постоянные характеристики мозга. Теперь программа стала неуязвима для потопов, пожаров, землетрясений, а также для электромагнитных полей любой мощности. Единственным, что было способно стереть программу, мог стать электрический разряд такой силы, от которого кристаллический мозг расплавился бы и превратился в бесформенный ком. На дисплее высветилось сообщение: «СОХРАНЕНИЕ ЗАВЕРШЕНО». Хосе улыбнулся и набрал команду: «ИЗВЛЕЧЬ МОЗГ». Это означало, что в лаборатории, расположенной под комнатой программистов, кристалл должны были извлечь из камеры записи.

А потом Хосе вспомнил про Декларацию.

Ведь она не была убрана с «рабочего стола» его компьютера на тот момент, как он запустил процедуру записи!

Теперь она стала частью базовой операционной программы нового кибернетического мозга.

Хосе смотрел на дисплей не мигая. У него противно засосало под ложечкой. Операция записи и сохранения программы была завершена. Все данные были крепко-накрепко, на веки

вечные зафиксированы в кристалле мозга. И удалить из него Декларацию независимости было невозможно.

Новый мозг можно было выбросить на помойку.

А с ним вместе — и самого Хосе. Он смотрел и смотрел на дисплей, мысленно прощаясь с работой.

1

— Ладно, поставлю вопрос иначе: зачем нам тащить с собой шесть дорожных мешков? Запросто можно было бы оставить одежду в ящиках комода и каждое утро телепортировать себе свежий комплект.

— Использовать наш магический дар таким образом предосудительно, — упрямо возразила Гвен. — И с нашей стороны были бы дурно подавать плохой пример детям. Кроме того, так можно и обленитьсяся.

— И между прочим, папа, это отнимает немало сил, — заметил Магнус. — Неужели тебе хотелось бы так напрягаться с самого утра?

— Честно говоря, я был бы не против, — откровенно признался Род. — Уж лучше это, чем тащить мешок на расстояние в двадцать миль. Однако ваша мама права: не следует разбазаривать волшебство и пользоваться им для того, что можно сделать самим. О... Я живо представил себе, как мы заставляем котелки вибрировать с ультразвуковой частотой, чтобы от них отскочила грязь, — из-за того, что нам неохота их мыть. — Он резко обернулся и устремил пристальный взгляд на Джеффри. — И не надо так радостно глазками сверкать! С меня хватит и того, что я наблюдаю, как ты с помощью телекинеза посуду со стола убираешь!

Джеффри попробовал ответить отцу оскорбленным взором, но настроение у него было хорошее, и потому он ограничился хитрой усмешкой.

— Но ведь так гораздо веселее, пап, — и быстрее, хотя сил тоже затрачивается немало. Что же тут плохого?

— Это то же самое, что хвастовство, — объяснил Род. — Ты творишь чудеса, а если в это время тебя заметит не-эспер, он может тебе сильно позавидовать. Вот так и зарождаются «охоты на ведьм».

— Тогда почему ты вообще позволяешь нам творить чудеса, пап? — поинтересовался Джеффри.

— Потому что большую часть времени никаких не-эсперов рядом с нами нет и потому что для вас это — хорошая практика: каждый день вы добиваетесь того, что вам удается поднимать все большее число вещей одновременно.

— А теперь желательно было бы услышать несколько слов сострадания к бедной женщине, которой приходится за вами наблюдать и ловить все то, что вам не дается удержать, — намекнула детям Гвен.

Корделия порывисто обняла мать.

— О бедная, несчастная мамочка! То и дело тебе доводится исправлять наши ошибки! Но ты так добра, ты помогаешь нам в наших играх.

— Подлиза. — Гвен не удержалась от улыбки. — Спасибо тебе, доченька. — Она перевела взгляд на Рода. — И все же все они научились тому, как передавать предметы друг другу силой мысли.

— Понятное дело, научились, — вздохнул Род. — И именно поэтому нет причин отказываться от сбора вещей в дорогу. Просто напоследок всегда такая суматоха начинается...

— Всегда? — Магнус усмехнулся. — А когда мы еще отправлялись в такой далекий поход, папа?

— Ну... Помнится, мы попали в княжество Романова...

— Как оказалось, для того чтобы выследить злого колдуна, — напомнила ему Гвен.

— А еще был морской круиз, когда мы учили вас, ребята, как ставить парус...

— ...Ага, а потом началась буря, и нас принесло к тому острову, где злой волшебник своими чарами пытался поработить зверолюдей, — напомнил отцу Грегори.

— Ну хорошо, но ведь была еще и маленькая познавательная вылазка на юг, предназначенная для того, чтобы понять, откуда берутся те забавные камни, которые вы разыскали...

— А в итоге оказалось, что то были злые силы, которые действовали как бы сами по себе, — напомнила ему Корделия.

— За этими злыми силами, милая доченька, стоял один-единственный крестьянин, и никакие футурианцы его не подзуживали, — возразил Род.

— От этого было не легче, — заметил Джеффри и ухмыльнулся. — А все-таки весело получилось.

У Корделии засверкали глаза, и она начала приплясывать на месте, вспоминая о пережитых приключениях.

— Так... Все, хватит, — скомандовал Род. — Я больше никогда не стану доверять музыке.

— В таком случае, — прозвучал за ухом у Рода голосок Векса, — тем более у тебя причин не отказываться от того, чтобы вещи были уложены в дорожные мешки.

Род нахмурился.

— А кто тебя просил подслушивать, а? Тебе полагается стоять в конюшне и жевать овес, как всякому добропорядочному коню. Хотя бы — как *настоящему* коню.

— В стойле за мной не наблюдают никакие не-эсперы, Род, и я вынужден заметить: когда речь заходит о том, что тебе следует нести заплечный мешок, ты тут же начинаешь упрямиться.

Род скривился.

— Ладно, стальной скакун, ты допросился! За эти слова нашу поклажу, когда мы устанем, будешь тащить ты.

— Так, значит, мы все-таки берем поклажу? — полюбопытствовала Корделия.

Род замер с открытым ртом.

— Ну, вот и славно. — Гвен затянула шнурок на горловине мешка, подняла и бросила Роду: — Пора в дорогу, муж мой.

Род придержал коня на опушке леса, обернулся и посмотрел на свой дом. Когда-то это была маленькая хибарка, но теперь, когда было пристроено столько дополнительных комнат, никто бы не осмелился назвать жилище семейства Гэллоуглассов хибаркой. Если быть честным до конца, то сооружением пристроек большей частью занимались эльфы, но это большого значения не имело.

— Все в порядке, муж мой, — негромко проговорила Гвен.

— Папочка, пойдем! Ну пойдем же! — потянув отца за руку, воскликнула Корделия.

— Не переживай, Род, — встрял Векс. — Катаклизма национального масштаба за время твоего отсутствия не произойдет. Королевские волшебники разыщут тебя за несколько секунд, если хоть что-то случится.

— Да знаю я, знаю. Но я не проверил, загашен ли огонь в камине...

— *Я* проверил, папа, — поспешно проговорил Магнус.

— ...И заперты ли двери...

Корделия на миг зажмурилась, открыла глаза и улыбнулась.

— Заперты, папочка.

— ...Закрыты ли буфеты...

Грегори уставился в одну точку и сообщил:

— Один из них был не закрыт, пап. Теперь все в порядке.

— А если и нет, то эльфы обязательно все проверят, — решительно объявила Гвен и взяла Рода под руку.

— Никто и не подумает забраться в дом, когда все в округе знают, что его охраняет целый легион эльфов, — заверил отца Грегори.

Гвен кивнула и тихо проговорила:

— Пойдем, муж мой. С нашим домом ничего не случится, пока нас не будет.

— Понимаю, понимаю. Просто я перестраховщик. — Род еще на мгновение задержал взгляд на доме и едва заметно улыбнулся. Гвен взглянула на него, обернулась, затем положила голову на плечо мужа и тоже посмотрела на покидаемое ими жилище.

Род наконец оторвал взор от дома и, взглянув на жену, улыбнулся.

— А неплохо мы устроились, верно?

Гвен одарила его лучистым взглядом и кивнула.

— Наш дом никуда не денется и дождется нашего возвращения. Пойдем же, супруг мой. Пусть наше жилище немного отдохнет без нас.

— Что-то ты молчалив, господин мой, — заметила Гвен.

— Разве это так уж необычно? — удивленно посмотрел на нее Род.

— Да нет, не очень, — осторожно проговорила Гвен. — Однако обычно это означает...

— Хочешь сказать, что я перестаю болтать только тогда, когда сержусь?

— Нет, я этого не говорила...

— Вообще-то я всегда считал, что умею слушать других...

— О, конечно! Это тебе всегда удавалось! — Гвен, сидевшая верхом на Вексе впереди мужа, сжала руку Рода, державшую поводья. — Когда мне это нужно, ты всегда готов меня выслушать! И все же я ощущаю себя покинутой, когда ты погружаешься в раздумья, для меня непонятные.

— Ох, глупенькая! Ну давай помолчим немного вместе!

И Род крепко обнял Гвен.

Она умолкла, прижавшись к мужу спиной и глядя на детей, которые весело порхали над полями у дороги. Их смех был подобен звону колокольчиков на ветру. Затем Гвен устремила взгляд вперед, где темнел лес, и сказала:

— Я готова помолчать с тобой, господин мой, однако я знаю, что твои мысли — не обо мне.

Через пару мгновений Гвен услышала негромкий смех.

— Вот какая ты, оказывается, эгоистка! Что же мне, ни о чем, кроме тебя, и подумать нельзя?

Гвен оценила шутку мужа и немного расслабилась.

— Думай сколько угодно — только мне приятнее слышать твои мысли. Однако есть мысли, а есть мрачные раздумья. Но откуда они, господин мой? И куда они увели тебя?

Род вздохнул.

— В прошлое, милая. Просто пытался вспомнить, как давно у меня не было настоящего, полноценного отпуска. Конечно, когда я был холостяком, у меня между заданиями бывало полным-полно свободного времени — но это были не отпуска. Скорее это были промежутки временной безработицы... А наш медовый месяц считать?

Гвен улыбнулась и снова нежно прижалась к мужу.

— Быть может, можно и сосчитать, хотя и в эти пару недель перед нами стояли нешуточные задачи: нам предстояло узнать друг друга по-новому, и это было чудесно. Но потом потянулись месяцы, когда ты отстранился от короля и королевы, а я вынашивала Магнуса. Тогда ты начал строить наш дом...

— Верно. И эльфы учили меня тому, как это делать. Я до сих пор считаю, что большая часть стройки — их заслуга.

Гвен предпочла побыстрее сменить тему. Не было нужды рассказывать Роду о том, за счет *чего* удержались камни стен после того, как эльфы их уложили...

— А потом, — продолжала она, — когда Магнусу еще и года не исполнилось, ты вновь понадобился их величествам, и они призвали тебя, пытаясь заделать прореху в ваших отношениях...

— Насколько я помню, прореху заделывал я, а они всегонавсего подыскали для меня работу. И у меня такое впечатление, что с тех пор они только тем и занимаются: даже тогда,

когда большие бури утихают, Туан и Катарина отправляют меня на какие-нибудь маленькие разведывательные вылазки или просто просят у меня совета относительно той или иной новой идеи...

— Может быть, отчасти это связано с тем, что мы живем слишком близко от столицы...

Род вздохнул.

— Да, пожалуй, для того чтобы хоть немного отдохнуть, нам не помешает перемена мест. — Он несколько удивленно огляделся по сторонам. — И похоже, она уже произошла. Когда это мы успели попасть в лес?

Пышные ветви могучих старых деревьев, покрытых толстой шершавой корой, образовывали купол над головами путешественников. Время от времени на их пути попадались древние старцы со стволами толщиной в целый ярд, однако и эти стремили свои ветви ввысь, к шелестящей зеленой крыше. Свет солнца, проникавший через густую листву, становился бледным, почти серебристым. Род и Гвен замерли с поднятыми головами, зачарованные красотой леса...

Но тут луч света на полной скорости пересекло некое непонятное летучее существо, а следом за ним, извергая веселые угрозы, промчалось еще одно, верхом на метле.

— Дети! — вскричала Гвен. Джеффри замер в воздухе, но тут же развернулся и бросился к ближайшему дереву. Корделия опустилась на землю и попыталась спрятать метлу за спину. Дерево, к которому подлетел ее братец, повело себя странным образом: его ствол вдруг замерцал, расплылся, но тут же вновь обрел плотность — вот только стал толще. Джеффри же бесследно исчез. — И не надейся, я знаю, где ты, — строго проговорила Гвен. — К тому же вы нарушили правило. Ну-ка немедленно вылезай из вяза, где ты спрятался!

— Мамочка, но он же ничего не мог поделать! — вступилась за брата Корделия. — Я налетела на него, и он...

Она прикусила губу и виновато посмотрела на мать.

— Заступничество сестры тебя не спасет, — еще строже проговорила Гвен, не спуская глаз с дерева. — Нечего было летать и удирать друг от друга. Выходи!

Молчание затянулось. Род только открыл рот, чтобы сказать жене, что по крайней мере все дети живы, здоровы и целы и что ничего такого особенного не произошло (хотя самто он понимал, что это не так), как Джеффри уберег его от необходимости говорить что бы то ни было: мальчик вышел из ствола старого вяза, опустив голову и понурив плечи. Ствол тут же принял былую толщину. Род спрыгнул на землю со спины Векса и приготовился к тому, чтобы хорошенько наорать на провинившегося сына, но тут же решил передать пальму первенства Гвен, поскольку порядком устал.

Гвен устремила на Джеффри гневный взор сверху вниз.

Джеффри решился поднять голову. Взгляд мальчика был сердит и дерзок.

Лицо Гвен уподобилось высеченному из камня.

Джеффри взгляда не отвел, но начал переминаться с ноги на ногу.

Гвен ждала.

— Ну ладно, я поступил плохо! — наконец выпалил Джеффри. — Ты много раз говорила нам, чтобы мы не летали в лесу, а я тебя не послушался!

— Начало хорошее, — решительно произнесла Гвен.

Джеффри снова свирепо зыркнул на мать, но в конце концов потупился и пробормотал:

— Прости, мама.

— Уже лучше, — заметила Гвен. — А еще будешь так делать?

— Нет, мама.

— Почему?

— Потому что ты не разрешаешь.

— *Нет!* И так было бы неплохо, но этого мало! Почему я запрещаю тебе летать в лесу?

— Потому что я могу голову вдребезги расшибить, ударившись о ствол дерева, — пробормотал Джеффри и снова сердито глянул на мать. — Только со мной никогда такого не бывало! — Гвен не ответила на это заявление. — Ну да, — не слишком охотно согласился Джеффри, — два года назад я сильно ударился виском и потерял сознание. Но ведь тогда я был маленький!

— Ну да, и теперь ты более меток. Так что теперь уж ты точно стукнешься макушкой!

— Да не стукнусь я совсем! — выпятив подбородок, заявил Джеффри. — Теперь-то у меня опыта побольше, мам!

— Что верно, то верно, — согласился Род. — Да, Гвен, он настолько преуспел в полетах, что теперь обязательно превратит свою драгоценную голову в лепешку.

— Вот и нет! Да я между деревьями лавирую, как... как... летучий угорь!

— Н-да... Ярко представляю себе это зрелище, — усмехнулся Род, перед мысленным взором которого возникла стая летучих угрей, штурмующих поднебесье. — Но разве угрям не опасно летать по лесу?

Джеффри в отчаянии выпучил глаза.

— Пап! С тобой невозможно разговаривать серьезно!

— Вряд ли тебе понравится серьезный разговор с папой, — предупредила мальчика мать.

А Род пожал плечами.

— Почему? Я готов. — Он указал на Джеффри пальцем. — Вот за это ты будешь до самого замка идти пешком.

Джеффри зыркнул на отца, и Род почувствовал, как его ноги отрываются от земли. Но за секунду до того, как это могло произойти, Род дал мысленную команду: «вниз». Джеффри недоуменно вздернул брови, потом сосредоточенно нахмурился. Было видно, что он прикладывает немало сил, борясь с отцом. А Род, чувствуя, как способность сына к левитации сражается с его собственным даром телекинеза, тоже подна-

жал. А потом Гвен спешилась, и Род ощутил, что ее силы добавились к его силам, и немного расслабился.

А вот Джеффри — нет. Он покраснел, сгорбился.

А Гвен встала и прижалась спиной к спине Рода. Она была спокойна и, казалось, совсем не напрягалась.

Джеффри в конце концов сдался и одарил родителей свирепо-обиженным взглядом.

— Вы сговорились против меня! — выпалил он.

— Вовсе нет. Просто мы единогласны относительно правил и наказаний.

— Я так и сказал! — Джеффри вложил во взгляд все возмущение, на какое только был способен. Конечно, капитулировать просто так он не мог. Род это понимал и позволил сыну сохранить лицо.

— Точно, все так и есть, — согласился он. — Но как раз это и показывает тебе, что бывает, когда ты не слушаешься.

— А ты разве всегда-всегда слушался старших, когда маленьким был? — с вызовом проговорил Джеффри.

Род покраснел.

— Это не имеет значения. И вообще — довольно об этом. Пора в путь.

С этими словами он отвернулся и зашагал по лесу, раздвигая плечами кусты. Гвен проводила его немного удивленным взглядом и, обернувшись к детям, едва заметно улыбнулась и кивнула.

— Ну, пошли. Вы же слышали, что отец сказал.

И дети послушно последовали за матерью. Корделия и Грегори забрались верхом на Векса.

— Бывают наказания и похуже, — рассудительно заметила Корделия.

— Ой, помолчи! — огрызнулся Джеффри. — Думаешь, я боюсь усталости? Не в ней дело.

— Дело в том, что тебе стыдно, — проговорил Магнус. — Но нет ничего позорного в том, чтобы слушаться старших.

— И тебя заодно, значит, да? — скривившись, буркнул Джеффри. — Нет, папа явно не просто так меня наказал! Видел, как он покраснел, когда я у него спросил про его детство?

— Видел, — усмехнулся Магнус. — Да, интересно, какие шалости он припомнил?

Минуту все четверо детей молчали, пытаясь представить детские проступки отца.

— Векс может знать об этом, — неожиданно предположил Грегори.

— И точно. Векс, ты должен об этом знать! — Джеффри развернулся и, сверкая глазами, посмотрел на коня. — Скажи! Что бывало, когда наш папа не слушался нашего дедушку?

— Это он вам должен рассказать, а не я, — нерешительно протянул робот.

— Ой, будет тебе, Векс! — кокетливо проворковала Корделия. — Неужто ты даже намекнуть не можешь?

— Личные дела вашего отца носят конфиденциальный характер, дети, — непоколебимо отозвался Векс. На роботов кокетство не действует.

— Но намек, — возразил Магнус, — это же не рассказ.

— Моя программа не позволяет разглашать материалы с грифом «секретно», — решительно отказался Векс.

Дети снова на некоторое время умолкли и погрузились в размышления о том, как бы перехитрить Вексову программу.

— Но зато ты мог бы свободно рассказать нам о своем собственном прошлом, — предложил Грегори.

Векс немного помолчал, потом отозвался:

— Это сказано верно. Я с большим удовольствием поведаю вам историю вашего рода, всех ваших предков...

— Нас интересует только наш папа, — поспешно вмешался Грегори. Ему и прежде доводилось выслушивать долгие лекции Векса на тему семейной родословной. — Вот скажика... что *ты* делал, когда наш папа не слушался? Про это ты можешь рассказать?

— Конечно же, не могу! В любом случае, когда бы мои собственные действия ни оказывались связанными с личными делами вашего отца, даже мои воспоминания об этом становятся конфиденциальными!

— Ох, нужно выучить кобол, — вздохнул Грегори.

— Это зачем? — насторожился Джеффри. — Кобольды — злые и опасные существа.

— Он говорит о языке, а не о тех, кто на нем разговаривает, — пояснил Векс.

Джеффри вытаращил глаза.

— Кто же разго...

— Это такой волшебный язык, — небрежно бросил Магнус. — Но сейчас нам интереснее разузнать про твое прошлое, Векс.

— Значит, вы не желаете отступаться? — вздохнул Векс. — Предупреждаю, дети: тайн вашего отца я вам не открою — ни случайно, ни намеренно.

— Но ты пообещал, что расскажешь нам о себе, — напомнил роботу Магнус. — А ты никогда не проявлял непослушания, Векс?

Джеффри возмущенно взглянул на брата, но Грегори, не спускавший глаз с Магнуса, знаком упросил Джеффри молчать. Джеффри сдвинул брови, и вскоре по его взгляду и усмешке стало ясно, что он догадался, к чему клонит старший брат.

— Твой вопрос можно интерпретировать следующим образом: противоречил ли я когда-либо заложенной в меня программе... — медленно проговорил робот. — Если так, то я должен ответить: нет, я никогда не действовал в разрез со своей программой.

Джеффри раздраженно хлопнул себя по ноге, а Грегори спросил:

— Ну а как с приказами хозяина? Разве никогда не бывало так, чтобы ты ослушался приказа?

На этот раз Векс молчал так долго, что Грегори пришлось повторить вопрос. Наконец робот признался:

— Было несколько таких случаев, когда приказы моего владельца противоречили мой программе.

— Так, значит, все-таки ты бывал непослушен! — торжествующе вскричал Джеффри.

— Только для того, чтобы остаться послушным перед более высокой инстанцией, — проворно отозвался Векс. — Неповиновение — это не чей-то собственный каприз, дети.

— А чей же это тогда каприз? — поинтересовалась Корделия.

Векс издал разряд статического электричества, что для него было равноценно вздоху.

— Мою базовую программу разработал Питер Петрок, дети, но затем она была тестирована, проверена, перепроверена и, наконец, одобрена заведующим отделом, а потом — вице-президентом компании по программированию, а потом — самим президентом этой компании, которая называлась «Когерентные императивы-лимитед», и наконец — моя программа была принята единогласным решением совета директоров компании.

Джеффри оторопело уставился на коня.

— Так вот, отвечаю на ваш вопрос... — продолжал робот. — Неповиновение не происходит по чьему-либо капризу, а лишь на основании обдуманных и самым тщательным образом взвешенных мнений целой группы ответственных лиц, которые работают с большим объемом данных, производят их оценку в соответствии с давно и твердо установленными принципами.

Дети благоговейно молчали.

Первым дар речи обрел Магнус.

— К чему вся эта галиматья? Зачем это нужно?

— Это нужно потому, что робот способен натворить немало бед, если в его программу не внесены нужные ограничения, — ответил Векс. — Вы видели, как порой я предпринимал отдель-

ные вынужденные нападения на тех, кто угрожал вашему отцу, вашей матери и вам, дети. А представьте, что бы я мог натворить, если бы меня не связывали никакие ограничения.

— Да... — широко открыв глаза, проговорил Джеффри. — Это был бы адский хаос! Господи Боже, Векс! Ведь ты же мог бы весь Грамерай с землей сровнять!

— Вывод оправданный, — согласился Векс. — А ведь я всего лишь робот общего назначения, без специализации в отношении ведения военных действий.

Грегори поежился, а Джеффри сказал:

— Хвала всем святым за то, что тебя сдерживают какие-то там штуки...

— Или хвала тем людям, кто впервые занялся изучением роботехники. Порой такая мысль и меня посещала тоже.

— Но как же тогда тебе вообще позволили не повиноваться? — сдвинув брови, спросила Корделия.

— Я имею право не повиноваться тогда, когда вследствие послушания мог бы натворить таких безобразий, о которых только что сказал Джеффри, — объяснил Векс, — когда я мог бы даже нанести травму живому существу, превысив предел необходимой обороны, защищая моего владельца.

Грегори сдвинул брови.

— Не хочешь ли ты сказать, что ты должен оберегать и других людей от своего владельца?

— Ну, это, пожалуй, некоторое преувеличение, — рассудительно протянул Векс. — Хотя я могу представить себе обстоятельства, когда такое может потребоваться.

— Но тебе такое не требовалось никогда, — предположила Корделия. — *Кого* бы тебе могло понадобиться защищать от своего хозяина?

— Его самого, — ответил Векс.

— Что?

— Как это так?

— Да зачем же его...

— Дети, *де-ти*, — попытался укротить разволновавшихся ребятишек Векс.

Они умолкли.

Векс вздохнул.

— Похоже, придется рассказать вам, как это все происходило, в хронологическом порядке, а иначе вы так никогда и не поймете сути самого принципа.

— Да, да, расскажи! — Корделия поудобнее уселась в седле, одернула юбку и приготовилась слушать. — Мы готовы, Векс.

— Слушайте внимательно, поскольку моя история временами носит несколько запутанный характер. Я был произведен и обрел сознание на заводе компании «Объединение Производителей Автоматов», в соответствии с программой когерентных императивов...

— Векс, тебе необязательно рассказывать нам всю свою жизнь, — поспешно прервал робота Джеффри.

— Вы сами попросили меня об этом, Джеффри, а тот случай, о котором я хочу рассказать, произошел с моим первым владельцем. Он приобрел новенький антигравитационный аэромобиль, а закон требовал, чтобы такие транспортные средства были оборудованы управляющими компьютерами самой последней модели, разработанными для охраны жизни человека. Эта «последняя модель» была из серии ВКС, к которой принадлежал и я...

2

— Учиться бизнесу начнешь в следующем году, — заявил отец Регги, вручая ему чек на миллион. — А сейчас мне хотелось бы, чтобы ты хорошенько провел время, Джо.

— Как я могу отказаться? — Регги вперил взор в чек и сглотнул подступивший к горлу ком. Он был настолько благо-

дарен отцу, что даже не стал поправлять старика — ведь тот перепутал его имя. — Вот спасибо-то, па!

— Да не за что. — Старший Вапочек небрежно взмахнул сигарой. — Продажа собачьих ботиночек идет славно, да и торговля свитерочками для попугайчиков пошла на лад, так что мы можем позволить тебе, так сказать, «перебеситься». Погуляй на славу, сынок, дай волю ошибкам молодости. — Отец ухмыльнулся и хихикнул. — А чтоб ты, сынок, побил мой рекорд в этом смысле, тебе придется о-очень сильно постараться! Ох, и дал я жару в свое время, когда ушел из сталелитейного бизнеса!

— Уж я постараюсь, па! А начну я со спортивной машины!

— О? — Глазки папаши сверкнули. — Уже положил глаз на какую-нибудь?

— Ага. На одну новенькую «хитрэш», па. У нее такие сопла — закачаешься! И антиграв двойной мощности.

— Да, я слышал про такие. И вроде на них ставят новенькие мозги серии ВКС? Ну, в управляющий компьютер?

— Ага! А еще в салоне обшивка из кашемира толщиной в полфута, встроенный автобар, круговая подзвучка, а на потолке — световое шоу...

— Да кто на потолок-то пялиться будет? — крякнул Вапочек-старший и вновь вальяжно махнул сигарой. Этот жест означал, что сыну пора уходить. — Ступай, сынок, повеселись на полную катушку! Да не забудь меня прокатить, слышишь?

Миловидная молодая женщина, увидев аэромобиль, выплывший из ангара, вытаращила глаза. Регги, сидевший за рулем, заметил ее взгляд и усмехнулся, но сделал вид, что ее не заметил. На самом деле он был несколько уязвлен тем, что женщина затем только покачала головой, вздохнула и пошла дальше по тротуару.

— Воображала несчастная, — проворчал он.

— Эта команда мне незнакома, хозяин, — отозвалась панель управления.

— Я не с тобой разговаривал, железяка!.. Небось она мне просто позавидовала.

— Да, хозяин, — ответила панель управления.

— А ты-то откуда знаешь? — осклабился Регги. — Давай не болтай много, а вези-ка меня к Ширли и не жалей лошадей!

— Данное транспортное средство не оборудовано мышцами животных.

— О'кей, не жалей лошадиных *сил!* Главное — дуй вперед! — Регги откинулся на спинку мягчайшего сиденья и пробубнил: — Занудная машина.

Аэромобиль поднялся в воздух на пятьдесят футов и замер в ожидании.

— Чего это ты затормозил, а? — недовольно проворчал Регги. — Вперед, тебе сказано!

— В тысяче футов впереди нас встречным курсом движется аэробус, хозяин.

— Ну так уверни от него, проклятие! О черт! Дай-ка я сам... — Регги отклеился от мягкой спинки, перевел режим управления машиной на «ручной» и нажал на педаль акселератора. Аэромобиль рванулся вперед, да на такой бешеной скорости, что Регги показалось, будто его желудок остался на тротуаре. Регги довольно ухмыльнулся.

— Угроза столкновения! — взвыл компьютер, но Регги только ухмыльнулся еще шире, глядя на приближающийся аэробус. Он решил, что выждет еще секунду-другую, а потом, в последнюю минуту увернется в сторону. Пусть тогда пассажиры охают и ахают — им будет о чем поговорить!

Аэромобиль затормозил настолько резко, что у Регги чуть пломбы из зубов не повыскакивали. Аэробус, урча моторами, пролетел над машиной в добрых ста футах, и его пассажиры даже не заметили Регги.

Регги разразился длиннющим ругательством, в котором лишь считанные слова были наделены хоть каким-то смыслом. Сор-

тируя слоги, компьютер приблизительно понял высказывание хозяина машины как: «Зачем ты *это* сделал?»

— Мы шли встречным курсом по отношению к аэробусу, — объяснил компьютер. — Через три секунды могло произойти столкновение в воздухе, а это неблагоприятно сказалось бы на вашем здоровье.

— К черту мое здоровье! Я бы проскользнул мимо, имея до фига метров в запасе! Ты только что помешал мне исполнить маневр века!

Компьютер немного помолчал, затем пояснил:

— Я не имел представлений о ваших намерениях.

— Тебе и не надо иметь представление о моих намерениях! Если я пожелаю покончить с собой, это будет мое дело, а не твое!

— Я запрограммирован в соответствии с полным гражданским и уголовным кодексом, — отозвался компьютер. — И я не имею права вести себя вразрез с законами.

— Тут не ты себя ведешь, а я! И как насчет того, что ты запрограммирован, чтобы повиноваться моим приказам?

— Подобное программирование тем не менее предполагает отсутствие конфликта с законами.

— Я, я буду разбираться со всякими там законами! Если я превышу скорость, это будет моя проблема, а не твоя!

— Закон не позволяет...

— Слушай, заткнись, а? Не будешь меня слушаться, так твои законы гадские тебе не помогут — тебя даже на металлолом не возьмут, понял? — взвыл Регги. — А уж я тебя точно сдам на свалку. А теперь помалкивай и вези меня к Ширли, да поживей. И больше не смей со мной пререкаться, понял?

Компьютер умолк. Он зарегистрировал последний приказ Регги как изменение в своей программе. Это изменение привело к внутреннему конфликту, и компьютеру пришлось употребить часть своей мощности на ликвидацию кажущегося противоречия. (Компьютер, запрограммированный соответствую-

щим образом, предположил, что данное противоречие именно кажущееся, а не реальное.)

Регги удобно устроился на сиденье, занимавшем салон почти целиком, и проворчал:

— Вот же зловредная какая попалась машина... Эй! — вдруг воскликнул он, глядя на панель управления. — Мартини хочу! — Около его локтя отъехала в сторону скользящая панель. Регги, довольно оскалившись, взял из бара запотевший бокал с прозрачным напитком. Посреди кубиков льда зеленела оливка. — Ну хоть что-то в твоей программе нормально, — пробормотал он.

Компьютер мудро промолчал. Он вызвал из памяти карту города, отыскал тот адрес, который назвал Регги, забравшись в машину, проверил правильность произнесения улицы, поискал омонимы, уточнил правописание и только затем произвел поворот на шестьдесят восемь градусов по часовой стрелке и набрал скорость так плавно, что Регги процедил сквозь зубы:

— Ты что, не можешь разогнать эту калошу побыстрее?

Слуга открыл дверь и впустил Регги в дом.

— Мисс Дельдер сейчас выйдет к вам, сэр.

— Отлично, отлично! А мартини тут у вас имеется?

Бокал возник перед ним настолько быстро, что Регги невольно задумался, уж не робот ли слуга. Увы, стоило Регги только пригубить божественный напиток, как в комнату вихрем влетела Ширли, призывно шелестя складками парадного платья из тафты.

— Ох, как ты быстро приехал, Регги! Ну пойдем же скорее! Я просто сгораю от нетерпения!

Регги только и успел отдать слуге бокал, и Ширли тут же выволокла его за дверь. «Уж могла хотя бы дать мне допить мартини!» — обиженно подумал Регги.

Однако тут ему пришла в голову другая мысль: может быть, Ширли как раз и не хотела, чтобы он допивал мартини. Что-то тут было неприятное... И вдобавок она была готова на

все сто к его приезду. Не хотела ли она этим что-то ему сказать?

Ну нет, нет, конечно! Ширли просто остолбенела. Вытаращив глаза, она ахнула:

— О Регги! Ты мне ничего не сказал!!!

Само собой, она не сводила глаз с новенького «хитрэша». Регги позволил себе небрежную усмешку.

— Да так, ерунда. Миллиончик всего.

— Хочу такую! — Ширли протянула руку и ласково погладила дверцу машины, отчего Регги мгновенно приревновал ее к этой дверце.

— Может, сядешь, а? — предложил он.

— Ой, с радостью! — воскликнула девушка.

Дверца отъехала назад. Гулкий голос произнес:

— Милости прошу, мадемуазель.

Ширли еще шире открыла глаза.

— Вот это да! Ну что ж — кто бы ни запрограммировал эту машину, он знал, как обращаться с дамами!

— Да это робот серии ВКС, — небрежно отозвался Регги.

— Верный Кибернетический Спутник? — уточнила Ширли. Почему-то взгляд ее стал немного испуганным. — Но их, насколько я знаю, программируют на исключительную личную верность, да?

— Ну... да...

— И еще мы запрограммированы на исключительное уважение ко всем человеческим существам, — заверил девушку робот. — И мы проявляем это уважение во всех случаях, если только никто не пытается откровенно, физически напасть на нашего владельца. Вы будете любезны войти и сесть, мадемуазель?

— Ну... если так, то...

Ширли вошла в салон.

Регги последовал за ней — на всякий случай, поскорее: он боялся, как бы у робота не появилось каких-нибудь идей. Дверца плавно закрылась.

Ширли удобно устроилась на мягких подушках, обтянутых кашемиром.

— О, всегда мечтала стать сибариткой!

— Ну так это же классно! — Регги придвинулся ближе к девушке.

— Но с другой стороны, всему есть пределы, — рассудительно проговорила Ширли и отодвинулась подальше. — И когда же мы тронемся?

— Мы уже набрали высоту, мадемуазель, — сообщил робот.

Ширли выпучила глаза.

— А я и не заметила, как мы поднялись!

— Ну так машинка-то — ого-го! — ухмыльнулся Регги.

— Мы запрограммированы на плавное управление, — вставил робот.

— Я тоже, — прошептал Регги и опять придвинулся ближе к Ширли.

Ширли снова отодвинулась и в конце концов прижалась боком к дверце.

— А тут у тебя и вправду удобно, машина, — отметила она.

— Дай мне шанс, я тебе покажу, как удобно *у меня*, — не отступался Регги.

— И даже бар есть! — Ширли встала и, перегнувшись через Регги, рассмотрела панель бара. — А кнопочек что-то не видно...

— Я запрограммирован на речевые команды, мадемуазель, — ответствовал компьютер.

— Здорово! — Ширли снова уселась на сиденье. — Шабли, если можно.

— А мне — мартини, — вздохнул Регги.

Похоже, кроме мартини, ничего хорошего ему в ближайшее время ожидать не приходилось.

— А ты не думаешь, что тебе пора закусить?

— Да брось ты! Не так-то много я выпил, — небрежно отозвался Регги.

Ширли задержала дыхание — так от Регги уже несло перегаром с высоким содержанием октана.

— Желает ли мсье что-нибудь заказать?

Регги свирепо зыркнул на официанта.

«Небось акценту выучился по древним киношкам», — решил он.

— Ну... жо префере*... это... как его... юн фер ду**... только чтоб холодная была.

— Bon, monsieur***, — отозвался официант на безупречном в отличие от Регги французском. При этом он не обратил внимания на стакан ледяной воды, стоявший на столике перед Регги, и даже на то, как Ширли поджала губки. — Что-нибудь на закуску?

— А? Ага... Это... буф бурганьон****. — Регги взглянул на Ширли. — Ты вроде курицу хотела?

Ширли кивнула, но говорить не решилась.

— Бланк дю капон кордон блю*****.

Ширли поморщилась.

— Bon, monsieur.

Официант размашисто записал в блокноте заказ и забрал со столика меню.

— Только это... буф этот, чтобы хорошенько был прожарен.

— Хорошенько прожарен, мсье, — кивнул официант и сделал пометку в блокноте. — Еще что-нибудь?

— Да нет, это все.

Официант слегка поклонился и отвернулся.

— Я не ослышалась? — требовательно вопросила Ширли. — Ты действительно сказал ему, чтобы для тебя *boeuf bourguignon* хорошенько прожарили?

---

* я бы хотел (*ломаный фр.*).

** стакан воды (*ломаный фр.*).

*** Хорошо, мсье (*фр.*).

**** говядина по-бургундски (*ломаный фр.*).

***** Отбивная из петушиной грудки с сыром (*ломаный фр.*).

— Ну да, так и сказал, — недоуменно нахмурившись, ответил Регги. — Мне с кровью не нравится.

— Тс-с-с! — Ширли испуганно глянула в сторону соседних столиков. То ли сидевшие там люди не были британцами, то ли просто оказались слишком хорошо воспитанными. Девушка наклонилась к столику и прошептала: — Ты как думаешь, что такое *boeuf bourguignon* — отбивная?

— Ну само собой. В смысле, отбивная — это же говядина, так что...

— Говядина — это отбивная. — Ширли поджала губы и кивнула. — Логика у тебя убойная, Платон.

— Эй! — обиделся Регги. — Я тебе не собачка из мультика! Не дразнись, Ширл.

— Ширли, — сердито поправила его девушка.

Регги вздохнул и откинулся на спинку стула. Он начал догадываться о том, что вечер не заладился. С чего это Ширли вдруг уперлась и требует, чтобы он называл ее полным именем? С другой стороны, девицы из колледжа тоже так выпендривались — из того, последнего колледжа, крутого, куда папаша определил Регги после того, как у него хорошо пошли дела в бизнесе. Вот раньше, на Спарте, девочки были правильные, а в колледже этом — все до одной выпендрежницы.

Как Ширл. Ширли то есть.

— Ну а чем хочешь заняться после ужина? Может, махнем в кино?

Ширли повеселела.

— Отличная идея! Я просто обожаю старинные кинокартины на плоском экране.

Регги поморщился. У него на уме было совсем не это.

— В «Синема Классик» идет «Седьмая печать» Бергмана.

Знакомство Регги с творчеством Бергмана ограничивалось курсом истории кинематографа, пройденным на младших курсах колледжа. Экзамен он сдал благодаря рассказам других студентов, которые в отличие от Регги просмотрели рекомендованные преподавателем фильмы.

— А может, лучше тогда в театрик махнуть, а? Я бы мог заказать билетики на нудистское шоу. Как насчет того, чтобы смотаться в какое-нибудь околобродвейское заведение?

Ширли с трудом удалось не показать, что она содрогнулась от такого предложения.

— Почему бы тогда в кабаре не пойти?

— Давай! — масляно улыбнулся Регги.

— Да не в такое, о каком ты подумал! Я знаю одно местечко. Там играет очень симпатичная группа. Мягкий джаз, очень мило.

Регги вздохнул.

— О'кей. Это твоя вечеринка, малышка.

— Я не малышка! Я взрослая, Регги.

— Ну кто бы сомневался! Ой... Прости.

— Ваш суп, сэр.

Регги поднял голову и увидел официанта. Тот добродушно улыбался. Регги опустил голову и увидел перед собой тарелку супа, опять поднял голову, но официант уже улетучился.

Ширли вздохнула и взяла столовую ложку.

Регги хмуро обозрел столик и выбрал чайную ложку.

— Знаешь, терпеть не могу эти столовые ложки. Они ж в рот не влезают.

Ширли вымученно улыбнулась.

— Регги, тебе не кажется, что тебе уже хватит?

— Не-а. Я как вторую выпил, так эта группа мне нравиться начала. — Регги устремил пьяный взгляд на женскую джазовую группу. Ему очень хотелось, чтобы платьица без бретелек, в которые были одеты девушки, не так хорошо боролись с гравитацией. — И почему они, хотелось бы знать, непрозрачные, а?

— Эти платья сшиты из настоящей ткани, Регги, — а не из поляризованного пластика.

Регги раздраженно помотал головой.

— Эт-то никуда не годится. Уж если что имеешь, так покажи!

Он перевел пьяный взор на Ширли.

— Даже не смей думать об этом!

— Ладно... Может, подтанцовочка будет, так что и уви...

— Не думаю, что мне хочется на это смотреть. — Ширли неожиданно решительно поднялась. — Регги, мне что-то спать захотелось. Пойдем.

— Спа-ать? Вот это я понимаю! — просиял Регги. — Тогда пошли!

— Мне *просто* хочется спать, — твердо произнесла Ширли.

— Ну ладно, ладно, — проворчал Регги и, встав, зацепил стол и изумленно уставился на мокрое пятно на сорочке. — О... да ничего, высохнет.

Ширли хмуро глянула на перевернутый стакан, на растекавшийся по столику джин. Она взяла салфетку, промокнула стол и отвернулась.

Но тут же вернулась к столику и, порывшись в сумочке, положила на стол мелочь. Регги ухитрился уйти, не оставив чаевых.

Регги ухмыльнулся, и машина резко пошла вниз. Ширли взвизгнула, а Регги довольно осклабился. Значит, она решила повыпендриваться, нос задрала, да? Ну ничего, он ей еще покажет, какой он молодец! Что с того, что за ужином он был не очень в форме, зато в других делах он был — ого-го! Вот увидит Ширли, каков он за рулем, так поймет, чего от него ждать в постельке.

— Осторожнее! Ты врежешься в дом!

— Не-а. До него добрых дюймов шесть, не меньше, не бойся.

Аэромобиль резко свернул, пролетев всего в двух, а вовсе не в шести дюймах от Эмпайр Стейт Билдинг.

— Ну что, спать тебе уже неохота, а? — хрипло поинтересовался Регги.

— Нет, но голова разболелась страшно! Регги, пожалуйста, прошу тебя, переведи машину на компьютерное управление!

— Да ты чё? — возмутился Регги. — Если охота покататься всласть, какой же дурак на комп переводить тачку будет?

— Знаешь что? Если бы мне хотелось покататься на антиграве, я бы на Кони-Айленд поехала, — простонала Ширли.

— Да ладно тебе! — Регги спикировал вниз и прибавил скорость. — Так, как на тачке, нигде не порулишь!

Ширли вскрикнула и вцепилась пальцами в обивку сиденья. Она замерла, застыла, словно льдинка.

— Ой, ну ты трусиха... — процедил сквозь зубы Регги и выровнял машину.

— Слава Богу! — выдохнула Ширли. — Регги, пожалуйста, высади меня. Или поскорее дай мне индивидуальный пакет!

— Только не это! Обивочка-то новенькая совсем!

— Мне все равно! — простонала Ширли.

— Ну ладно, ладно! — Регги с нескрываемым отвращением сбросил скорость и начал медленно снижаться. Ширли тяжело дышала.

— Я... — вырвалось у нее, — больше... никогда... не пожелаю... пережить такое!

— И не переживешь, — пробормотал себе под нос Регги. — Сдались мне такие свиданки! — В это время над ними пролетела полицейская машина. — Чего это они? Заприметили кого?

— Наверное, гонятся за пьяным водителем, — предположила Ширли и наконец села прямо. Машина продолжала снижаться. — Мы уже сели? — с затаенной надеждой спросила девушка.

— Произошел контакт с поверхностью земли, — сообщил компьютер. — То есть, если точнее, с тротуаром, покрывающим поверхность земли.

— Отлично. — Ширли вскочила, схватилась за ручку дверцы и потянула ее назад.

— Эй! Ты чего делаешь! — возопил Регги.

— Я, — решительно отозвалась Ширли, — выхожу.

— Глупая, тупая чувиха. — Регги сидел, поджав колени, забравшись в уголок сиденья, и гневно взирал на приборную панель машины. Он сердито поглощал очередную порцию мартини. Светящиеся табло на панели как-то странно съехали в сторону, но Регги это было все равно. Он чувствовал, как алкоголь расслабляет его, позволяет немного забыть о неудачном свидании. — Да что она понимает-то ва-аще!

— Она получила образование по курсу истории искусств, — отозвался компьютер.

— Ой, заткнись! — рявкнул Регги. — Тебя-то кто спрашивал?

Компьютер обдумал команду «Заткнись» и в конце концов решил, что это означает, что хозяин желает, чтобы он умолк. Затем он обдумал прозвучавший вопрос и решил, что тот носит риторический характер. В итоге компьютер счел за лучшее промолчать.

— Она не знает, что такое *настоящий* мужик, — проворчал Регги. — Кого она видит-то? Одних сопливых приготовишек, молокососов несчастных! — Тут он ненадолго примолк, вспомнив о том, как один из этих приготовишек-молокососов отделал его во время борцовской схватки и что с ним сделал другой, когда Регги на него замахнулся. — Жулики, все до одного.

Компьютер сверился с базой данных относительно иррационального поведения людей и пришел к выводу о том, что его владельцу необходимо выговориться, дабы снять эмоциональное напряжение. На взгляд компьютера, снятию такового напряжения могли бы помочь наводящие вопросы, и он осторожно поинтересовался:

— Те, о ком вы говорите, страдают отсутствием способности к честной игре?

— Не то слово! — взорвался Регги. — То и дело подсмеиваются над тобой, ставят тебе хитрые вопросики, на которые ты не знаешь, как ответить, потому как не петришь в этом ни хрена! «Как тебе понравился вчерашний концерт, Регги?» «А как тебе, Регги, новая пьеса в "Плейерз"?» А потом еще разговаривают со мной... так это, знаешь... сни-схо-ди-тельно! Если про что и спросят, так про то, кто на каких местах в лиге стоит. Ой, дай-ка мне еще выпить!

Панель автобара отъехала в сторону. Регги схватил стакан, но пролил почти столько же, сколько выпил.

— Ух! — закашлявшись, выдавил он. — Ты... ты в следующий раз... не до краев наливай!

Компьютер дал соответствующую директиву программе по разлитию спиртных напитков.

— Как пожелаете, сэр.

— Как я пожела-аю, как я пожела-аю! — передразнил его Регги. — Да ты хоть раз сделал так, как я *пожелал*, а?

— Я употреблял все свои старания на то, чтобы угодить...

— Да что ты говоришь? А какого же... ты тогда мне про всякие там законы напевал?

— Я не могу не...

— Только мне приходит охота порулить, так ты тут же встреваешь! — продолжал возмущаться Регги. — Ну-ка, дайка я переключусь на ручное управление. Щас мы... покатаемся, как надо! — Он уселся за руль и щелкнул рычажком. — И не вздумай мне мешать, понял?

Программа компьютера стала близка к перегрузке, как только он составил прогноз будущих действий Регги.

— Сэр, согласно моей оценке, уровень алкоголя у вас в крови...

— Хватит с меня твоих нотаций, понял? По-ехали!!!

Задействовав четверть своей операционной мощности, компьютер произвел оценку команд, полученных от Регги, и не

нашел в своей базе данных никаких особых запретов на чтение нотаций. Затем компьютер сверился со словарем и уточнил значение слова «нотация» и пришел к выводу, что, согласно определению, он, компьютер, нотаций своему владельцу не читал. Другая четвертушка операционной мощности компьютера трудилась над тем, что пыталась свести к минимуму последствия закладываемых Регги крутейших виражей. Оставшаяся половина старалась разрешить конфликт между принципами базового программирования и командой Регги, согласно которой компьютеру было велено не вмешиваться в ручное управление аэромобилем. Компьютер сопоставил дикую, неосторожную езду с тем, что вокруг высились небоскребы, что движение в ночном небе в этот час было необычайно оживленным, и пришел к неутешительному выводу:

— Сэр! Если вы будете продолжать двигаться таким курсом, вы столкнетесь либо со зданием, либо с другим транспортным средством!

— Заткнись и лови кайф! — процедил сквозь зубы Регги. — Ты такой же зануда, как эта гадская девица, Ширли.

Компьютер заметил, что навстречу мчится другая машина, включил на полную мощность видеодатчики, рассчитал векторы движения обоих аэромобилей и пришел к выводу о том, что столкновение произойдет через пять целых шестьсот тридцать четыре тысячных секунды (последнюю цифру компьютер округлил). Он бы предупредил Регги, но тот только что дал команду заткнуться. Компьютер взял бы управление на себя и избежал бы столкновения, но Регги строго-настрого запретил ему вторгаться в режим ручного управления. Из-за этого возник конфликт между двумя различными аспектами программы компьютера, первый из которых заключался в том, чтобы он заботился о безопасности своего владельца, а второй — в том, чтобы он повиновался его командам. Безусловно, компьютер мог бы и не повиноваться, чтобы уберечь владельца от неизбежной сильнейшей травмы, но было ли такое действие оправданным? Следовало самым тщательным образом все обдумать. В конце концов,

на раздумья у компьютера было пять целых шестьсот тридцать четыре тысячных секунды. Впрочем, теперь оставалось уже пять целых и сто семьдесят три тысячных. Но для компьютера пять секунд — это бездна времени, и потому он мог позволить себе размышления о возникшей проблеме.

На месте компьютера человек спросил бы: «Ну ладно, а мне-то что из-за всего этого будет?» Но этот вопрос не был важен для кибернетического мозга серии ВКС. Робот не заботился о себе. Его, в конце концов, всегда могли отремонтировать, а микросхем, отвечавших за болевые ощущения, в его конструкции не было. Значение для робота имело одно: пострадает ли его владелец — во-первых, а во-вторых — пострадают ли пассажиры другой машины. Третьим пунктом опасений было то, будет ли нанесен ущерб самой встречной машине. Робот сделал следующие выводы... Если он останется на встречном курсе, то:

а) пострадает его владелец;
б) пострадает владелец (владельцы) другого аэромобиля, и
в) пострадает другой аэромобиль.

Кроме того, вследствие всего вышеизложенного мог пострадать и сам компьютер, и аэромобиль, в котором он был установлен. Напрашивалось очевидное заключение: следовало предпринять обходный маневр — свернуть в сторону и избежать столкновения с другой машиной. Но владелец приказал компьютеру ни под каким видом не вмешиваться в режим ручного управления.

Проблема носила бы чисто теоретический характер, если бы владелец аэромобиля собирался в последний момент свернуть в сторону. Спору нет, и в этом ничего хорошего не было бы, но уж это, как говорится, не компьютеру решать. Поэтому робот проговорил:

— Вы ведете машину встречным курсом по отношению к другому аэромобилю. Не желаете ли вы уйти в сторону...

— Ой, заткнись.

Компьютер послушно умолк, вновь обдумал сложившееся положение и решил, что по меньшей мере команду «заткнись» он мог бы проигнорировать.

— Вы намерены уйти в сторону до столкновения с другой машиной? — полюбопытствовал компьютер.

— Ес-тес-твенно, — фыркнул Регги. — Ты что, меня за дебила принимаешь?

— Нет, — честно и откровенно ответил компьютер. Он знал о том, что показатели коэффициента интеллекта Регги укладываются в параметры нормы, поэтому с чисто теоретической точки зрения классифицировать своего владельца как «дебила» компьютер не мог.

До столкновения оставалось две целых девяносто восемь сотых секунды. Робот заметил, что встречный аэромобиль плавно отворачивает в сторону, однако произведенный расчет показал, что маневра этой машины не будет достаточно для того, чтобы избежать столкновения. Нужно было, чтобы машина Регги тоже ушла в сторону. Но поскольку Регги утверждал, что намеревается уйти в сторону в последний момент, и при этом строжайшим образом воспретил компьютеру брать на себя управление машиной, робот положительно ничего не мог поделать.

Между тем он знал о том, какова реакция Регги в трезвом состоянии, и мог произвести расчеты со скидкой на то количество алкоголя, которое поглотил его владелец. На основании этих расчетов компьютер заключил, что тело Регги способно выполнить команды головного мозга менее чем за одну целую двадцать три сотых секунды, и принял следующее решение: если до этого времени владелец машины не проявит признаков намерения уйти в сторону, то он, компьютер, все же возьмет управление на себя. Посему он ждал и считал наносекунды...

1,34 секунды. Регги заорал:

— Вот так!!!

0,09 секунды. Машина начала поворачивать.

0,08 секунды. Компьютер заметил, что Регги совершил отворот недостаточно резко, и рассчитал, что неизбежно хотя бы частичное столкновение. В итоге он все же переключил управление машиной на себя, но только того и добился, что на полной скорости швырнул машину в сторону в последнюю долю мгновения и почти избежал столкновения.

Почти.

«Почти» — это жуткий вой сирены, который окружает тебя со всех сторон, наполняет все пространство и время. «Почти» — это сумма кинетической энергии двух тел, столкнувшихся при следовании согласно почти параллельным векторам. «Почти» — это тело водителя, резко обхваченное аварийной «сбруей», это то же самое — во встречной машине. «Почти» — это душераздирающий скрежет обшивки аэромобиля при скольжении по пластикритовой поверхности, это треск от удара, это доводящий до дрожи стон, издаваемый оторвавшимся турбореактивным двигателем, утратившим контакт с антигравитационным устройством, но при этом прибавившим обороты ради того, чтобы уменьшить последствия удара. «Почти» — это мгновенно протрезвевший пьяный водитель, который мотает головой и ошарашенно оглядывается по сторонам. Его сердце бешено колотится и он ахает:

— Ч-что... что такое... с-с-случилос-с-сь... Ка-ак...

Другой аэромобиль пролетел выше. От удара о стену здания его спасла мгновенная реакция бортового компьютера. Машина приземлилась, и стало ясно, что ей потребуется недюжинный косметический ремонт, но все же — только косметический. Из машины выскочил пассажир, бросился к аэромобилю Регги, рывком открыл дверцу.

— Эй, парень, ты в порядке? Ты в порядке, а?

Регги, оторопело моргая, уставился на незнакомца и вдруг понял, что, пожалуй, может вести себя как пострадавший. Он изобразил свирепую гримасу, собрал воедино все остатки чувства собственного достоинства и вопросил:

— Кто *тебя* учил машину водить, а?

А потом он отключился.

* * *

— А ты? — спросила Корделия. Глаза девочки были широко раскрыты — она понимала суть произошедшей трагедии. — Ты тоже... лишился чувств?

— Нет, — ответил Векс. — Я, в конце концов, робот и не теряю сознания, если только не поврежден полностью.

— Но все же ты пострадал из-за этой аварии, — осторожно проговорил Грегори.

— Пострадал, — подтвердил Векс. — До столкновения все мои операционные системы были в полном порядке, но затем меня извлекли из сломанной машины, подвергли тестированию и пришли к выводу, что мой конденсатор серьезно пострадал.

— Так из-за этого у тебя и бывают припадки, да? — вытаращив глаза, спросил Джеффри.

— Да, из-за этого, — ответил Векс. — То столкновение было последним принятым мной решением, когда я мог успешно учесть множество факторов в течение крайне ограниченного промежутка времени. С тех пор любая подобная ситуация вызывает перегрузку ослабленного конденсатора, и он разряжается. Установив этот факт, инженер-роботехник изготовил для меня выключатель и поглощающую мембрану-изолятор.

Магнус нахмурился.

— Если бы этого не сделали, то сгорели бы все остальные твои составные части, да?

— Верно, — согласился Векс. — К счастью, поломку обнаружили вовремя, сделали все возможное, и в дальнейшем больше никаких повреждений у меня не было.

— А машина? — спросил Грегори. — Ее удалось починить?

— Нет, к сожалению. Она превратилась в груду хлама. Я слишком долго медлил с принятием решения.

— У тебя почти не было выбора, — с грустью проговорил Магнус.

— Напротив. Мои создатели решили, что я как раз проявил необычайную широту подхода к создавшейся ситуации, но не сумел понять, что все же мне следовало проигнорировать запрет владельца и взять управление машиной на себя. В дальнейшем во всех моделях серии ВКС устанавливали специальный дискриминационный модуль, предназначенный для принятия решений в подобных ситуациях.

— Но тебе-то от этого, как говорится, толку было мало, — вздохнул Джеффри.

— О, судя по всему, то были люди хладнокровные! — воскликнула Корделия и поежилась. — Еще удивительно, как это они не сломали и не закопали тебя в земле!

— Могли бы, — согласился Векс. — Тем более что специалисты определили, что стоимость ремонта будет слишком велика. Ведь нельзя было просто поменять конденсатор — нужно было бы заменить весь молекулярный блок с микроманипуляторами, и при этом слишком велик был риск повреждения главного процессора. Короче говоря, ремонт обошелся бы моему владельцу слишком дорого. Выгоднее было продать меня.

— И как же он поступил? — сдвинув брови, поинтересовался Джеффри. — Ведь во всем виноват был только он!

— Доля моей вины в случившемся тоже была, Джеффри.

— В чем же? — возмущенно вопросил мальчик. — Ты только что сказал, что в дальнейшем у роботов появилось специальное устройство для принятия решений, которого у тебя не было. Ты не мог предотвратить катастрофу!

— Верно, Векс. Ты рассуждаешь неправильно, — подхватил Грегори. — Но все же я вижу, что твои рассуждения согласуются с твоей программой.

Джеффри раздраженно зыркнул на малыша.

— Ты-то что в этом понимаешь, малявка?

Магнус махнул рукой, призывая Джеффри к молчанию, и пристально посмотрел на Векса.

— Так как же поступил с тобой твой владелец?

— Он просто больше не желал меня видеть, — со вздохом отозвался Векс.

— Ясно, — кивнула Корделия. — Потому что ты был свидетелем всего, что случилось.

— Очень верное слово, — подтвердил Векс. — Я стал самым настоящим свидетелем происшествия, потому что запись поездки прозвучала в суде, в результате чего моего владельца обвинили в том, что он вел машину, будучи пьяным, и лишили водительских прав.

— Водительских прав? — переспросил Джеффри. — Значит, ему запретили водить машину? Совсем-совсем?

— Запретили, — подтвердил Векс. — Слишком велика опасность, что такой неосторожный водитель может причинить большой вред другим людям.

— Да ты вспомни все, про что нам только что Векс рассказал, — с упреком обратился к Джеффри Магнус. — Разве суд не справедливо решил? Соображать же надо!

Джеффри покраснел, но прежде чем он успел ответить брату, вмешалась Корделия:

— И больше он водить машину не мог?

— Не мог, — подтвердил Векс, — и потому нужды в личном аэромобиле у него больше не было. Вот он и продал все, что от машины осталось, — то есть меня и еще часть уцелевшей аппаратуры. Продал тому, кто предложил самую высокую цену.

— И кто же это был?

— Это была компания по закупке и переработке утильсырья, — со вздохом отвечал Векс. — Она специализировалась на продаже запасных частей по самым низким ценам.

— Ты, наверное, стал для них настоящей находкой, — быстро проговорила Корделия.

— Очень мило с твоей стороны, что ты желаешь пощадить мои чувства, Корделия, но не забывай, что у меня нет чувств.

Девочка недоверчиво взглянула на Векса, но промолчала.

— Я представлял собой, как это ни прискорбно, жалкий мусор, — продолжал робот. — Безусловно, мне не следует стыдиться того происшествия, которое имело место целых пятьсот лет назад! Тем не менее Корделия права: для этой компании я был поистине находкой — то есть великолепной кучей мусора!

— И ты совсем-совсем не расстроился, когда тебя продали за гроши? — взорвался Джеффри. Корделия одарила его взглядом, полным неподдельного возмущения, но Векс ответил:

— Нельзя сказать, что я был так уж сильно огорчен, тем более что освободился от Регги. Та степень сопротивления, которую его команды вызывали в моих мыслительных цепочках за счет противоречий между двумя отдельными аспектами моей программы, была не слишком приятна для меня.

— Но тебя обесценили, тебя унизили!

— Данное утверждение содержит долю истины, — согласился Векс. — И все же, глядя на это происшествие из сегодняшнего дня, по прошествии пятисот лет, не могу не признать: освобождение от Регги досталось мне очень, очень дешево.

3

Магнус вел себя благородно. Он даже ни о чем не спрашивал. Но Гвен видела, как ему тоскливо, и жалела его.

А вот Джеффри еще не был достаточно взрослым для того, чтобы приучиться к лишениям.

— Мама, мне есть хочется!

— Знаю, сынок, — уныло отозвалась Гвен. Нетерпение Джеффри на фоне смирения Магнуса не прибавило ей радости. — Потерпи еще немного, пожалуйста. Неподалеку отсюда есть постоялый двор.

Так и оказалось. Постоялый двор ждал проголодавшееся семейство сразу же за поворотом дороги и выглядел очень

гостеприимно и симпатично: это был большой двухэтажный бревенчатый дом под соломенной крышей. К шесту над дверью была подвешена зеленая ветка.

— Зелень свежая, — отметила Гвен.

— Значит, нас ждет свежесваренный эль, — улыбнулся Род. — Так что, пожалуй, мы перекусим лучше, чем я ожидал.

А Корделия не спускала глаз с животного, привязанного у двери дома.

— О! Бедный ягненочек!

— У тебя что, сестрица, глаз нет? — хмыкнул Джеффри. — Это не ягненочек, это осел!

— А по-моему, осел тут ты, — огрызнулась Корделия. — Бедненький ослиный ягненочек! Неужели тебе его не жалко — по-родственному?

— Отвечать не обязательно, — предупредила Джеффри Гвен. Джеффри закрыл рот и обиженно взглянул на мать. — Ты права, детка, — сказала Гвен Корделии. — С бедняжкой обращаются жестоко.

И точно: шерсть у осленка была свалявшаяся и тусклая, тут и там перепачканная навозом, а уж худ он был настолько, что под шкурой проступали ребра. Осленок изо всех сил вытягивал шею, чтобы дотянуться до чахлой травы, которая росла вокруг столбика, к которому он был привязан.

— Как же жесток его хозяин, — возмущенно проговорил Магнус. — Сам небось ест и пьет в доме, а ослику даже пучка сена не оставил!

— И еще это животное явно подвергается избыточным физическим нагрузкам, — заметил Векс.

Это было мягко сказано: бедный маленький ослик был впряжен в тележку, до отказа нагруженную бочонками — большими и маленькими.

— Подобное отношение к беззащитному вьючному животному непростительно! — заявил Векс.

Грегори удивленно посмотрел на коня-робота.

— На тебя это не похоже, Векс, — чтобы ты судил людей!

— К вьючным животным у него отношение особое, сынок, — объяснил Род.

— Но что же это за злой человек, если он так обращается со своим осликом? — покачала головой Гвен.

— Наверняка, — заключил Джеффри, — это законченный мерзавец — небось он жирный, ленивый и грязный.

Однако мужчина, вышедший из кабака, оказался не жирным и не грязным. Он был среднего роста, чуть полноватый, в чистой кожаной куртке и штанах. Он держал в руке шляпу. Вместе с ним из дома вышел хозяин постоялого двора. Гость с веселой улыбкой о чем-то с ним переговаривался.

— А на вид он добрый! — удивленно воскликнула Корделия.

Однако это впечатление тут же развеялось, как только мужчина подошел к телеге. Он отвязал ослика и, грубо дернув за веревку, выругался, после чего взобрался на телегу и взял длинный, зловещего вида кнут.

— Он не станет его бить! — вскричала Корделия, но возница уже размахнулся кнутом и изо всех сил огрел бедное животное. — Ах ты, злодей! — вырвалось у девочки и ее метла сама собой полетела за телегой.

Но тут Род заметил кое-что такое, чего не заметила его дочь. Он положил руку на плечо Корделии и сказал:

— Верни свою метлу обратно, детка. Не надо этого делать. Это несправедливо.

— Не может быть! — горячо возразила Корделия, но все же ее метла застыла в воздухе.

— Может-может. Посмотри как во-он туда, на край луга!

Корделия поглядела в ту сторону и ахнула.

— Род, — проговорил Векс. — Но ведь это же то же с-самое ж-жив-вот-тное-е-е...

Конь сильно задрожал.

— Держись, держись, Победитель Ржавчины! Нет причин для припадка, слышишь? Уверен, для этого есть объясне-

ние, пусть и совершенно неразумное. И все же тот ослик, что пасется на опушке, выглядит в точности как тот, что запряжен в телегу.

— Но тот хотя бы кушает свежую травку, — заметил Грегори.

Магнус нахмурился.

— Но как же они могут быть настолько похожими? Быть может, кто-то сотворил второе животное из ведьмина мха?

— А зачем? — требовательно вопросил Джеффри.

— Не думаю, что дело тут в ведьмином мхе, — покачал головой Род. — И честно говоря, все это весьма и весьма любопытно. Вам не кажется, что эта история с осликами-двойниками странная, а?

— Честно говоря, — задумчиво изрек Векс, — поведение этого осла слишком... театральное.

— И я такого мнения, — кивнул Род. — Он явно переигрывает.

— Кто переигрывает, пап?

— Не спешите. Сами увидите, — тихо проговорила Гвен с невеселой усмешкой.

Ослик с трудом сдвинул с места тяжелую повозку, вывез ее со двора на дорогу, а затем преспокойно свернул с дороги на луг. Возница грязно выругался и с силой натянул поводья, но ослик, казалось, этого даже не заметил. Мужчина так стегнул животное кнутом, что у того на боку выступила кровь, но ослик зашагал еще быстрее. Он был уже на середине луга. Возница разъярился не на шутку. Он принялся охаживать ослика кнутом, он ругался на чем свет стоит, он так натянул поводья, что один ремень порвался.

— Что же это за осел такой? — изумился Джеффри. — Другой на его месте не выдержал бы таких побоев! И откуда у него силы тянуть такую тяжелую повозку?

— А может, он зубы стиснул, — с усмешкой сказал Род.

Ослик тем временем, избавившись от одного повода, пошел по кругу. Возница выл от злости, в ярости лупцевал жи-

вотное кнутом, но ослик только шел и шел по кругу — все быстрее и быстрее, и в конце концов центробежная сила начала делать свое дело. Вознице явно стало страшно. Он отшвырнул кнут и попытался спрыгнуть с повозки, но только он приподнялся, как его бросило обратно на сиденье.

— Он приклеился к скамейке! — радостно вскричал Джеффри.

— Муж мой, — покачала головой Гвен. — Тут дело не только в преображениях.

— О, согласен! И думаю, мы с тобой догадываемся, в чем тут дело.

Кнут вдруг вылетел из травы, развернулся и с треском опустился на макушку возницы. Тот в страхе втянул голову в плечи и сдавленно застонал. Кнут взлетел повыше и принялся охаживать возницу по спине.

Род осуждающе взглянул на Корделию.

— Я же просил тебя подождать!

— Я тебя послушалась, папа! Это не я!

Род вытаращил глаза, развернулся и стал свидетелем следующего действия разыгрывавшейся на лугу драмы.

Ослик теперь бежал резвым галопом — Род никогда прежде не видел, чтобы ослы так быстро бегали, — а повозка сильно накренилась. Колесо, что было ближе к внутреннему краю круга, оторвалось от земли, повозку подбросило, ударило о землю. Возница из последних сил ухватился за края повозки. Он выл от ужаса и боли, а кнут щелкнул над его головой, а в следующее мгновение его вышвырнуло из повозки...

— Что сейчас будет... — ахнул Род. — Что сейчас...

С треском и грохотом повозка перевернулась набок, бочонки вывалились из нее. Самый большой раскололся, и по лугу разлилось красное вино. Возница шлепнулся на землю навзничь ярдах в десяти от повозки, а на его живот приземлился маленький бочонок.

— Ох, бедняга! — вырвалось у Корделии. — Папа, может быть, нам нужно ему помочь?

— Это зачем же, сестренка? — удивился Магнус. — Разве он не больно стегал своего ослика?

— И ты сама назвала его мерзавцем, — напомнил Корделии Джеффри.

— Я его так назвала, когда он сам бил... А теперь бьют его! О!

— Успокойся, доченька, — сказала Гвен и обняла девочку за плечи. — Пусть все остается, как есть. Думаю, теперь он больше никогда в жизни не станет издеваться над беззащитными животными.

— Да останется ли он в живых?

— Останется, останется, — заверил Корделию Векс и ниже наклонил голову. — Видишь ли, девочка, я способен увеличивать изображение, и сейчас я заново просматриваю всю сцену в замедленном варианте. Насколько я вижу, у этого человека нет никаких особо тяжелых травм.

— Слава Богу!

— Не думаю, чтобы Бог имел хоть какое-то отношение к этому маленькому спектаклю, — задумчиво проговорил Род.

Между тем вознице удалось перевернуться набок, потом — на живот, потом — встать на четвереньки. Но ослик развернулся к нему, встал на дыбы и ударил своего мучителя передними копытцами, как только тот сумел приподняться. Возница снова рухнул на землю — на этот раз физиономией в грязь.

— Вот это удар, я понимаю! — восхитился Джеффри, с трудом скрывая улыбку. — Пап, ты думаешь, грешно над ним смеяться?

— Да нет, вряд ли грешно, — процедил сквозь зубы Род, — тем более что ему сейчас достается только малая часть тех страданий, которым он прежде подвергал своего ослика. Ну и потом — кроме пары синяков и шишек, ему ничего не грозит.

— Откуда ты знаешь? — нахмурившись, спросила Корделия.

Однако возница ухитрился-таки подняться на ноги, развернулся и дал стрекача. Он опрометью бежал к постоялому двору, вопя:

— Колдовство! Злые чары! Какая-то ведьма заколдовала моего осла!

— Мамочка, — прошептала Корделия, — а не дурно ли это для нас, что этот человек ругает волшебников?

— Не бойся, доченька. Я уверена: кто бы ни узнал об этой истории, непременно поймет, что колдуны и ведьмы тут ни при чем.

Корделия непонимающе сдвинула брови.

— Но как же...

Ослик презрительно фыркнул, глядя вслед своему бывшему хозяину, затем двумя ловкими рывками окончательно освободился от упряжи и рысью побежал к лесу.

— Папа, останови его! — воскликнула Корделия. — Я должна узнать, кто это все придумал, а не то просто умру от любопытства!

— Не сомневаюсь, — усмехнулся Род. — И должен признаться, мне тоже не терпится проверить мои подозрения.

Он издал пронзительный заливистый свист.

Ослик запрокинул голову и резко развернулся в ту сторону, откуда донесся свист. Чародей улыбнулся, сделал несколько шагов вперед. Увидев его, ослик затрусил к нему.

— Думаю, нам лучше уйти подальше от дороги, — рассудительно заметил Род. — Того и гляди с постоялого двора повалит народ.

— Верно, — согласилась Гвен и первой направилась к небольшой придорожной рощице.

Ослик последовал за семейством и вскоре остановился перед путниками и приветственно тряхнул головой.

— О, да ты вдобавок хорошо воспитан, — с улыбкой отметил Род. — Но скажи-ка, ты и вправду думаешь, что этот человек заслужил такую трепку?

— Он и-и побо-ольше-е заслужи-ил, — проблеял осел.

Дети от изумления раскрыли рты, а Векс задрожал, как в ознобе.

— Спокойствие, носитель логических цепочек, — проговорил Род и на всякий случай положил руку на спину коня и нащупал кнопку переключателя. — Думаю, ты уже догадался о том, что этот ослик — не тот, кем кажется.

— Я... Я должен привыкнуть... к этой мысли, — отозвался Векс.

Гвен с большим трудом удалось удержаться от улыбки.

— Так, значит, ты считаешь, что ты — добрый малый?

— А ка-акой же е-еще? — весело отозвался ослик, ухмыльнулся, а в следующее мгновение и его ухмылка, и он сам вдруг затуманились, расплылись, превратились в бесформенную массу. Затем эта масса изменила очертания, и перед изумленным семейством Гэллоуглассов предстал Пак. На самом деле изумились, конечно, только дети, а Гвен и Род только улыбнулись и кивнули.

— Скажи, если не секрет, — обратился к хобгоблину Род, — ты только что придумал эту акцию возмездия? Или спланировал заранее?

— «Только что»! — фыркнул оскорбленный эльф. — Скажешь тоже! Да я целых семь месяцев следил за этим негодяем, и если уж кто заслуживал наказания за свои злодеяния, так это он! Законченный мерзавец, доложу я вам, да еще и трус при этом отъявленный! Человека-то смертного он и пальцем бы не тронул — побоялся бы, и даже лошадь не посмел бы ударить! С людьми-то он — сама любезность, воркует — ну что твой голубок, а в душе готов тебя в клочья разорвать. Ну да ладно: за то, как он измывался над бедным животным, ему от меня досталось хорошенько. Испил, паршивец, как говорится, яду из той чаши, из которой других поил!

— Пак, это как-то непохоже на тебя — такая жестокость, — возразила Корделия.

Эльф хищно ухмыльнулся.

— Тебе известно только одно мое обличье, детка, если ты так говоришь. Однако особой жестокости тут не было, ибо я

всего лишь как следует проучил этого мерзавца и выставил его дураком — и притом, заметь, даже не на глазах у его приятелей. И если у него достанет ума, он не будет кому попало трепаться про то, как его унизили.

Корделию, похоже, речь Пака немного утешила — но не слишком.

— Но он был так сильно напуган и так ужасно избит...

— Ну... я бы так не сказал...

— А я бы сказала, что *на этот раз* ты не так уж плохо поступил, Робин, — с улыбкой проговорила Гвен.

— «На этот раз», пф-ф-ф! — фыркнул Пак. — Кто не знает: я пакостник известный, да только редко когда я причиняю такой уж большой вред!

Род обратил внимание на слово «редко» и решил, что пора сменить тему разговора.

Судя по всему, Пак тоже был к этому готов.

— Ну все, — буркнул он. — Хватит про этого негодяя — не достоин он наших речей! Вы лучше скажите, как это вы тут оказались, что все своими глазами увидали?

— Мы, — гордо ответствовал Род, — путешествуем, поскольку мы в отпуске.

— Ты еще скажи, что у нас небо под ногами, а земля вверху! Ну да ладно, верю, и это очень славно. И куда вы путь держите?

— В наш новый замок, Пак, — сверкая глазами, ответила Корделия. — Ах, разве это не прекрасно?

— Ну, уж это я не знаю, — пожал плечами эльф. — И судить не смогу, покуда вы мне не скажете, что это за замок такой.

— Он называется замок Фокскорт, — ответил Род.

Пак выпучил глаза.

— Похоже, ты что-то знаешь про это место, — медленно проговорил Род.

— Сам не знаю, — покачал головой эльф, — но слыхал кое-что.

— И то, что ты слыхал, не слишком хорошее?

— Можно и так сказать, — согласился эльф.

— Ну-ка расскажи, что тебе известно, — нахмурившись, попросила Гвен.

Пак тяжко вздохнул.

— Не так много мне ведомо, госпожа. И есть догадки кое-какие, да тоже их маловато. Но если верить слухам, то этот замок Фокскорт имеет дурную славу.

— Не хочешь ли ты сказать, что в замке обитают привидения? — воскликнул Джеффри, у которого от волнения загорелись глаза.

— Не хочу и не сказал бы, ежели бы меня не спрашивали, но если уж ты спросил, так я отвечу: слухи до меня доходили как раз такие самые. Но привидения привидениям рознь, и я бы не сильно за вас беспокоился, ежели бы рядом с вами обитал призрак смертного, который при жизни был человеком порядочным.

Магнус сдвинул брови, склонил голову набок.

— Значит, надо понимать, что в этом замке живет призрак человека, который при жизни порядочным не был.

— Не был — судя по тому, про что мне довелось услыхать, — мрачно ответствовал эльф. — Но повторяю: доподлинно мне ничего не известно, ибо покуда этот человек был жив, я в его владения не наведывался и с ним лично не встречался. И все же он ухитрился запятнать свое имя и титул дурной славой.

— Так ты и тогда про него что-то слышал, когда он еще был жив? — еще сильнее нахмурившись, спросил Магнус. — Значит, призраком он стал не так давно.

— Верно. Всего каких-нибудь пару сотен лет назад.

— Ты знал о человеке, который жил двести лет на... — Грегори не договорил и устремил взгляд в пространство. — О, но ведь про тебя говорят, что ты самый древний из всех древностей на свете, правда?

Видно было, что малышу стало немного не по себе от собственных слов.

Пак тактично промолчал, не выказав обиды за то, что Грегори намекнул на его почтенный возраст.

— Пойду-ка я с вами, пожалуй, люди добрые.

— Мы будем только рады, Пак, — улыбнулась эльфу Гвен. — Но если ты хочешь пойти с нами из-за того, что боишься за нас, то лучше не надо. *Нашему* семейству не сможет долго докучать какой-то дух, каким бы злобным он ни был.

— Не стоит говорить об этом так уверенно, — буркнул Пак. Видно было, что он чувствует себя неловко. — Ну да ладно. Вообще-то я исполняю приказ его величества, так что... — Все Гэллоуглассы поняли, что Пак говорит не о короле Туане, а об эльфийском короле — карлике Броме, состоявшем при короле и королеве в должности главного советника. Детям Гвен и Рода Бром приходился дедом, но это было тайной и для Гвен, и для детей — только Род знал об этом. — Так что ежели я вам потребуюсь, только свистните, и я тут же предстану перед вами.

— Спасибо, — кивнул Род. — Но надеюсь, нам это не понадобится.

— А я-то как надеюсь! Однако если пожелаете вызнать про этот замок побольше, чем ведомо мне, поспрашивайте тех эльфов, что живут по соседству. Они-то наверняка всю правду знают.

Род кивнул.

— Спасибо за подсказку, Пак. Непременно их расспросим.

— Да, обязательно! — подхватила Гвен. — Нужно же познакомиться с нашими соседями.

— Не думаю, чтобы соседей у вас было много, — кисло усмехнулся Пак. — Если верить слухам, все, кто мог, из тех краев разбежались.

* * *

Семейству пришлось некоторое время подождать: в обеденном зале постоялого двора долго не стихали шутки и смех. Наконец побагровевший от стыда возница прихрамывая вышел из зала, и только тогда Гэллоуглассы смогли заказать еду. Еда оказалась вкусной и сытной. Род, утолив голод, объявил, что раз уж они в отпуске, то он желает позволить себе вздремнуть после обеда, и добавил, что если кто-то из детей будет сильно шуметь и разбудит его, то тому он покажет — или хотя бы доходчиво объяснит, где зимуют раки.

В итоге Гвен уселась под деревом футах в пятидесяти от постоялого двора, а Род положил голову ей на колени. Дети слышали, что родители еле слышно переговариваются, и сильно сомневались, что отец спит, но стоически терпели и старались не шуметь.

— А не слишком ли он старый, чтобы разыгрывать сцену пасторали? — проворчал Джеффри. — Мама, выходит, пастушка, а он — Корин...

— Ой, перестань, — с сентиментальной улыбкой проговорила Корделия. — Пусть поворкуют. Ведь это так здорово, что они так любят друг друга, и так приятно, когда их любовь становится еще крепче.

— Корделия рассуждает мудро, — заметил Векс. — Не только для того эти двое вступили в брак, чтобы говорить между собой лишь о ведении домашнего хозяйства и о детях.

— Угу, — буркнул Джеффри. — Можно найти и более возвышенную тему, ясное дело.

Корделия гневно глянула на брата.

— Ты забываешься, Джеффри!

— Да? И про что же я такое забыл? — огрызнулся Джеффри.

— Вот и я думаю — про что! — фыркнула Корделия, но вдруг опечалилась.

— Ты все еще переживаешь из-за того, как жестоко Пак поступил с возницей? — осведомился Векс.

— Да нет, — покачала головой девочка. — Не сомневаюсь, он поступил правильно, да и возница не слишком сильно пострадал. Мне не дает покоя то, как выглядел этот человек, Векс.

— С чего это ты забеспокоилась? — удивился Джеффри. — По-моему, вид у этого типа был очень даже нормальный.

— Верно, — сказал Магнус. — Человек как человек — сколько угодно таких на дороге можно встретить.

— Да как вы не понимаете! — взвилась Корделия. — Как раз об этом я и думаю! Как Джеффри говорил — не жирный, не неряха и с виду не злодей. А ведь все-таки злодей — только в обличье обычного человека!

— Не все злодеи с первого взгляда похожи на злодеев, сестрица, — рассудительно проговорил Грегори.

— Да знаю я, знаю! Только... Как раз это и не дает мне покоя!

— Понятно, — мотнул головой Векс. — У тебя начали появляться подозрения, что все люди в душе — негодяи, не так ли?

Корделия потупилась и кивнула.

— Не расстраивайся, — посоветовал ей робот. — Большинство людей, будучи по натуре зверями, учатся тому, как сдерживать свои инстинкты, либо по крайней мере умению управлять этими инстинктами так, чтобы не вредить другим.

— Но разве от этого люди становятся лучше? — вырвалось у девочки. — Все равно внутри-то они остаются гадкими!

— В натуре человека добро уживается со злом, — заверил ее Векс. — На самом деле у многих людей настолько силен инстинкт помощи другим, что он почти перебарывает желание состязаться, драться с ближними, приносить им зло.

— Как ты можешь так говорить, — возмутился Джеффри, — когда первый же человек, с которым тебя свела судьба, оказался законченным мерзавцем!

— Это верно, — не стал спорить Векс. — Однако он общался с другими человеческими существами, а у них я заметил целый ряд положительных качеств.

Корделия нахмурилась и пристально посмотрела на Векса.

— А у второго твоего владельца были хоть зачатки добродетели?

Послышалось негромкое жужжание — для Векса это было равносильно презрительному фырканью.

— Он только утвердил во мне впечатление, оставшееся от Регги, дети, и продемонстрировал такие мерзкие проявления человеческой натуры, о которых я и не подозревал. Самым худшим из этих проявлений была подлость. Регги хотя бы подлецом и обманщиком не был и проявлял какой-то интерес к другим людям. А вот мой второй владелец был груб и жаден, но, на мой взгляд, это было вполне естественно.

Джеффри непонимающе сдвинул брови.

— Как это так?

— Понимаешь, в чем дело: всякий, кто готов приобрести не совсем исправную конструкцию только из-за того, что она продается за бесценок, наверняка отличается скупостью. А ведь этот человек купил меня для того, чтобы установить на своем буровом катере.

Джеффри спросил:

— А что такое «буровой катер»?

— Теперь, Джеффри, — отвечал Векс, — их уже не производят, и это, на мой взгляд, очень хорошо. Это были небольшие космические суда с очень прочным корпусом, предназначенные для добычи и перевозки ценных минералов. Явно те, кто их придумал, не заботились о красоте этих транспортных средств.

Магнус заинтересованно усмехнулся.

— Но твоего второго владельца красота интересовала мало, верно? Для него важнее была выгода?

— Так и было, но я думаю, что подобное отношение вообще свойственно людям такой профессии. Он работал в компании, которая занималась добычей полезных ископаемых в поясе астероидов Солнечной системы. Жизнь его мало баловала чем-то, кроме опасностей. Такую жизнь вряд ли выбрал бы кто-то,

кроме человека холостого, и конечно, в результате мой владелец приобрел характер угрюмый и желчный. Его интересовало только самообогащение, но и в этом у него особых успехов не отмечалось.

— Значит, он был беден?

— На жизнь ему хватало, — ответил Векс. — Порой он переправлял маленькие астероиды целиком на станцию, расположенную на Церере, и получал вполне достаточно денег для того, чтобы купить себе все необходимое. А надо вам сказать, даже вещи первой необходимости стоят довольно дорого в такой дали от той планеты, где зародилось человечество. Но другие люди интересовали моего владельца только как источники удовлетворения его потребностей, а если они не могли удовлетворить его потребности, он предпочитал таких людей полностью отвергать.

— Не хочешь же ты сказать, что он ненавидел хороших людей?

— Пожалуй, это было преувеличением, — сказал Векс. — Но не таким уж сильным преувеличением.

— Но люди не могут жить без других людей!

— Напротив — могут. Безусловно, такая жизнь чревата эмоциональным голодом, но люди, предпочитающие одиночество, изначально страдают недостатком эмоций.

Корделия поежилась.

— Как ты вообще можешь говорить что-то хорошее о людях, если так думаешь о них?

— Это потому, Корделия, что хорошие люди мне встречались часто — либо я хотя бы слышал о них.

Магнус нахмурился.

— Как это?

— Дело в том, что большинство из тех людей, что трудились в Поясе Астероидов, были одиноки и искали общения — искали единственным доступным для них способом: с помощью радио- и видеосвязи. Мне, разумеется, полагалось постоянно быть на страже и потому приходилось внимательно

прослушивать все переговоры, чтобы не пропустить какого-либо сообщения, чреватого опасностью для моего владельца. В результате я узнал о самых разных людях. Одни из них были хорошие, другие плохие, третьи — отъявленные негодяи, четвертые — очень-очень добрые. Слушая их разговоры, я узнавал о различных событиях — как важных, так и не очень. Пожалуй, самое значительное из происшествий, которое мне помнится из тех времен, это авария на астероиде, когда отказало силовое поле купола, внутри которого держалась атмосфера, необходимая людям для дыхания.

Корделия в ужасе уставилась на Векса.

— Как же они смогли остаться в живых?

— Они погибли — все, кроме инженера и туриста. Эти двое в момент аварии были одеты в скафандры. Еще уцелела маленькая девочка — при довольно необычных обстоятельствах.

— О, у тебя, наверное, чуть сердце не разорвалось!

— У меня нет «сердца» в том смысле, Корделия, какой ты вкладываешь в это слово, но я многое узнал тогда о способности людей жертвовать собой ради других. А за этой девочкой я еще некоторое время наблюдал.

— Так расскажи нам о ней! — воскликнула Корделия.

— Да ну, — махнул рукой Джеффри. — Была охота девчачьи истории слушать! Небось одни розовые сопли!

— Я бы так не сказал, Джеффри, поскольку в этой истории был замешан злодей, и драка была нешуточная.

— Тогда рассказывай! — сверкнув глазами, вскричал Джеффри.

— С радостью расскажу, ибо это происшествие имеет непосредственное отношение к вашему семейству. Герой истории — человек по-своему уникальный. Назовем его перевоспитанным преступником.

— Вот как? И кто же это был такой?

— Его прозвали Вайти Вино после того, как он отбыл срок заключения, а зарабатывал на жизнь он тем, что сочинял песни и пел их в кабаках...

* * *

Вайти извлек последний аккорд из своей электронной пианолы, поднял руки и, слушая бурные аплодисменты зрителей, довольно улыбнулся.

— Спасибо! Спасибо! — прокричал он в микрофон, и его голос разнесся по кабаре — по крайней мере это заведение именовалось именно так. — Рад, что вам понравилось! — А про себя Вайти подумал: «Еще бы не понравилось, когда вы все уже так набрались». Однако оскорблять зрителей вслух не стоило — за такое и не похлопают, и денег не заплатят. Так что Вайти улыбался и ждал, пока стихнет овация. Когда наступила тишина, он проговорил в микрофон: — Сейчас я немного отдохну, но скоро вернусь. А вы пока тоже пропустите по рюмочке, ладно?

С этими словами он помахал зрителям рукой и сошел со сцены, сопровождаемый аплодисментами и смехом. «Ага, — думал он. — По рюмочке, по другой, по третьей. Тогда вам еще больше понравится все, что я пою».

На самом деле особо привередничать ему не стоило: выступлениями он зарабатывал себе на жизнь. Но ему уже стукнуло пятьдесят три года, а он все еще пел по кабакам на разных захолустных планетках!

Вайти мысленно призвал себя к спокойствию. В конце концов подвернулся этот продюсер, что был в отпуске. Он услышал его песни и подписал с ним контракт в то мгновение, когда Вайти еще не успел протрезветь. Но следующий день продюсер вернулся и сообщил Вайти о том, что оплатил время на звукозаписывающей студии, и Вайти записал диск, и запись продавалась. Правда, тираж был невелик, но все-таки двадцать миллионов копий разлетелось по пятидесяти с лишним планетам, где обитали сто миллиардов человек, а от продаж Вайти получал шесть процентов. Эти деньги помогали ему выжить везде — под куполом на астероиде или на пустынной планете, и позволяли перебираться с одной планеты на другую. Он всегда без особых хлопот ра-

зыскивал кабаре, в котором ему были готовы заплатить наличными за выступление «живьем». А потом откуда ни возьмись появился литературный критик, который объявил тексты песенок Вайти стихами, имеющими традиционные корни, а потом с этим критиком согласилась пара-тройка профессоров-литературоведов. Вайти, правда, предполагал, что эти профессора бы с чем угодно согласились, лишь бы тиснуть в прессе лишнюю статейку. И тогда продажи диска Вайти снова пошли в гору, и вот наконец он сумел вернуться в Солнечную систему — пускай хотя бы на Тритон, — чтобы записать новый диск. Он очень надеялся на то, что профессора-литературоведы не будут слишком сильно разочарованы, узнав о том, что в свое время он окончил колледж.

«Ну ладно, — думал Вайти, — несколько миллионов человек желают помочь тебе продержаться на плаву, дабы они могли слушать твои песни. Но значит ли это, что я действительно хорош?»

Он попытался прогнать эти мысли. «Это значит, что ты *достаточно* хорош», — внушал он себе, входя в роскошную гримерную, которую в этом кабаре шутя прозвали «Зеленой комнатой». Что ж, по крайней мере здесь хотя бы было какое-то помещение, где артисты могли передохнуть в перерывах между выступлениями, — в большинстве клубов таких комнат не было.

Вайти вошел и обвел гримерную недовольным взглядом. А где же вино, которое ему обещала Хильда? И где она сама?

А, вот и она. Стремительно вплыла в дверной проем — вплыла почти в буквальном смысле слова, поскольку сила притяжения на Тритоне была невелика. Она тяжело дышала.

— Прости, Вайти. Там меня... пытались ограбить.

— Никогда ничего не отдавай. Наверняка у грабителя водяной пистолет. — Вайти подошел и взял у девушки стакан с вином.

Она в изнеможении плюхнулась на стул.

— И что же это был за грабитель?

— Я пошутила, — улыбнулась официантка. — Это был посыльный из «Терран Пост Экспресс». Держи. — Она протянула Вайти конверт. — Написано: мистеру Тоду Тамбурину.

Услышав свое настоящее имя, Вайти вздрогнул.

— Что-то такое... официальное, похоже, — озадаченно проговорил он.

— Похоже, — согласилась Хильда. — А кто знал, что ты здесь?

— Мой продюсер, я так думаю, — ухмыльнулся Вайти и любовно погладил конверт.

— Ой, ладно тебе! Если бы ты так думал, то меня гладил, а не письмо. Ну, что там, не томи!

— Может, денежки, — пожал плечами Вайти и вскрыл конверт.

Когда он прочел письмо, вид у него стал такой, что Хильда со страхом проговорила:

— Ну... от кого письмо, а?

— От юриста, — помертвевшими губами вымолвил Вайти. — Это о моем сыне.

Вайти, усевшись в кресло пассажирского звездолета-лайнера и пристегивая ремни, думал о том, что сына своего он знал плохо. Да и как узнать собственного ребенка лучше, когда почти не бываешь дома? А Генриетта и не желала, чтобы Вайти бывал дома чаще, с тех пор как осознала свою ошибку — по крайней мере она стала говорить, что ошиблась в муже, как только выяснилось, что тот не собирается где-то осесть и превратиться, как подобает всякому разумному человеку, в добропорядочного горнодобытчика на Поясе Астероидов. Генриетта неодобрительно относилась к образу жизни Вайти и к тому, как и чем он зарабатывал на жизнь. А зарабатывал он на ту пору продажей экзотических лекарственных средств за баснословные деньги на определенных планетах, где на эти зелья был

большой спрос. Бизнес этот был совершенно нелегальным и принес Вайти немало бед и огорчений, но Генриетта при всем том вовсе не отказывалась от денег, которые он посылал домой. Все шло более или менее сносно до того кошмарного путешествия, когда Вайти оказался на одной зловредной планетке, где ему не удалось наварить практически ни гроша и потому не на что было даже улететь оттуда. Кроме того, там он на собственной шкуре, как говорится, узнал о том, какое действие продаваемое им зелье оказывает на покупателей и каковы последствия этого рискованного бизнеса.

С тех пор он отказался от продажи наркотиков и сам их больше не употреблял, а ограничивался вином или, на худой конец, пивом. И контрабандой ему больше заниматься не приходилось, поскольку он успел сделать кое-какие инвестиции, и теперь они приносили ему солидные проценты. Точнее — не столько ему, сколько жене и сыну, в то время как сам Вайти перебивался, как получалось, перелетая с планеты на планету и распевая свои песенки по разным барам и кабаре. Не самая роскошная жизнь, но в остальном — терпимо. Правда, поначалу Вайти очень тосковал по сыну и даже подумывал о том, чтобы вернуться на Цереру и пожить хоть немного рядом с мальчиком, чтобы узнать его получше. В конце концов, Генриетта была не такой уж гадкой.

А потом Вайти пришло послание от юриста, и тогда он решил, что, пожалуй, гадкой Генриетта все-таки могла быть — при желании. С этих пор Вайти пришлось жить только на то, что ему приносили выступления в кабаках, поскольку суд отдал все его сбережения, проценты и так далее Генриетте, а заодно с деньгами — и ребенка. Вайти на ту пору не слишком прочно стоял на ногах и потому не видел сына ни в детском, ни в подростковом возрасте: Генриетта с мальчиком эмигрировала на Фальстаф, а добраться дотуда Вайти не смог бы при всем своем желании — у него попросту не хватало денег на билет.

Да он и не пытался наскрести денег на поездку. Теперь ему стыдно было даже думать об этом.

Конечно, можно было надеяться на то, что сын, когда станет взрослым, сам захочет повидаться с отцом, и поэтому Вайти написал ему письмо — когда узнал о том, что тот вернулся на Цереру. Но в ответ пришла короткая записка — иначе и на назовешь, поскольку состояла она из единственной лаконичной фразы: «Не лезь в мою жизнь». Спорить не приходилось, да и не было в таком ответе сына ничего удивительного, учитывая все то, что мальчику за жизнь наговорила об отце Генриетта. И кое-что из того, что она наговорила, было правдой. Вот так Вайти испытал второе большое огорчение в своей жизни и стал жить и петь дальше.

Церера! И зачем только его мальчик вернулся туда?

Наверное, потому, что там прошло его детство. Как знать — может быть, оно было хотя бы отчасти счастливым.

Вайти оформил подписку на «Церерские новости» и издалека наблюдал за главными событиями в жизни сына: его женитьбой, рождением его дочери, переездом семейства в новую колонию на крупный астероид под названием Хоумстед. В те годы как раз началась разработка нового проекта: устройства атмосферных куполов с помощью сверхмощных генераторов силового поля.

И вот теперь случилась трагедия: купол на астероиде вышел из строя, и сын Вайти и его жена погибли.

Но их дочь осталась в живых.

Девочка осталась в живых, но ее отец не оставил завещания, а родители ее матери последовали примеру Генриетты и погрузились в анабиоз. Они спали холодным сном, а их накопления росли и росли.

Ближайшим родственником девочки оставался Вайти.

Он положил ладонь на нагрудный карман, где лежал конверт с письмом от юриста. Не было нужды перечитывать письмо — Вайти помнил его слово в слово. Он был ближайшим родственником, так что теперь ответственность за маленькую Лону ложилась на его плечи, и судьба дарила ему второй шанс вырастить и воспитать ребенка. Вайти взглянул

в иллюминатор. Тритон уплывал назад, а за ним — огромный шар Нептуна. Неожиданно к печали Вайти примешалось странное радостное волнение. Он решил, что на этот раз он все сделает хорошо, как бы ему ни было трудно.

И трудности его не миновали.

То есть всяческие сложности возникли с самого начала, поскольку юрист привел его не в приют и не в дом приемных родителей — он привел Вайти в больницу. Она сидела в рекреационной комнате и смотрела головизор — хорошенькая светловолосая и синеглазая шестилетняя девчушка.

Сидела и смотрела. Она не разговаривала, не двигалась, не улыбалась — ничего не делала, только смотрела на экран.

— Лона, это твой дедушка, — сказала доктор Росс.

Девочка взглянула на Вайти и, конечно, не узнала его. Они никогда не виделись, и скорее всего Лона даже не знала о его существовании.

— Ты папа моей мамочки?

Вайти перестал улыбаться. Получалось, что девочка и второго своего деда ни разу не видела до того, как тот погрузился в анабиоз.

— Нет, я другой дедушка.

— Ты папочка моего папочки?

— Да.

— А какой он был?

После того как Вайти немного пришел в себя, доктор привела его к себе в кабинет и стала рассказывать:

— Для нее это стало тяжелейшей травмой, а защиты у нее никакой не было — ведь ей всего шесть лет. Неудивительно, что она прогнала все воспоминания о случившемся и вообще все воспоминания, хоть как-то с этим связанные.

— Да, совсем неудивительно, — вымученно улыбнувшись, согласился Вайти. — Пока у нее не так много воспоминаний.

Доктор Росс кивнула.

— Нам нужно вести себя очень осторожно и терпеливо в ликвидации ее амнезии. Ей придется узнать все заново, но вы должны делать это крайне бережно. Не упоминайте ни о Хоумстеде, ни о ее родителях и вообще пока не разговаривайте с ней о ее прошлом. Трудно, почти невозможно предугадать, какие воспоминания окажутся для девочки наиболее болезненными.

— И ей придется находиться под наблюдением психиатра? — спросил Вайти.

— Да, это жизненно необходимо.

— Понимаю... А вы обслуживаете пациентов в частном порядке, доктор Росс?

— Да, у меня есть несколько таких пациентов, — с готовностью отозвалась врач. — Пожалуй, я смогу выкроить время для Лоны.

В итоге Вайти пришлось все-таки обосноваться, осесть на одном месте — найти и купить квартиру, обставить ее. Тогда он наконец смог забрать внучку из больницы. Держа девочку за руку, он повел ее по длинному коридору — повел домой.

Она вела себя очень хорошо.

Слишком хорошо — настолько, что Вайти порой ловил себя на том, что был бы рад, если бы Лона хотя бы порой капризничала, становилась непослушной. Но она проявляла чудеса послушания — делала все в точности так, как ей говорили.

Но не более того.

Когда ей было нечем заняться, она садилась к головизору, укладывала ручки на коленки, выпрямляла спину, как велел дед — Вайти хотелось, чтобы у внучки была хорошая осанка. Все, чему он ее учил, она осваивала легко, все понимала с первого слова, а потом послушно исполняла. Каждое утро она прибирала свою кроватку, мыла за собой посуду, старательно учила алфавит.

Как робот.

— Может быть, она от природы такая послушная, — осторожно высказала свое мнение доктор Росс. — Некоторые дети такими рождаются.

— Некоторые — может быть, но это как-то неестественно. Разве нет, доктор? Ну хотя бы немножко упрямства, детских капризов?

— Это чувство вины, — неожиданно проговорила Росс.

Вайти вытаращил глаза.

— В чем же она может чувствовать себя виноватой?

— Во взрыве, — вздохнула доктор. — У детей так бывает: что бы ни случилось, они ощущают себя повинными в этом — думают, что это произошло из-за того, что они что-то сделали не так.

Вайти нахмурился.

— Я допускаю, что из-за этого она может тосковать, но при чем тут безупречное поведение? И почему из-за этого ей не снятся сны?

— Сны снятся всем, мистер Тамбурин.

— «Вайти», пожалуйста, — зажмурившись, попросил Вайти. Его настоящее имя вызывало у него неприятные ассоциации. — Просто «Вайти».

— Вайти, — не слишком охотно проговорила доктор Росс. — И нам известно, что сны Лоне снятся. Я назначала ей тест на БДГ — быстрые движения глаз.

— Почему же тогда она говорит, что не видит снов?

— Она их просто не помнит. Она их забывает — намеренно.

— Но сны ей снятся *сейчас!* А трагедия случилась несколько месяцев назад!

— Верно, — задумчиво кивнула доктор. — Но, вероятно, Лона думает, что видеть сны плохо, дурно.

— Почему, во имя всего святого?!

— Может быть, она обижалась на своих родителей, — предположила доктор Росс. — Дети часто обижаются — всякий раз, когда им говорят «нельзя» или наказывают. В таких

ситуациях детям хочется ударить родителей, обругать их, сказать им, чтобы они умерли — и если Лона порой ложилась спать в таком настроении...

— То во сне ей могло присниться, что она их убивает?

— Что-то в этом роде. А потом она проснулась и обнаружила, что они погибли. Поэтому она и подавила в памяти этот травмирующий момент, прогнала все воспоминания о родителях, потому что для нее все это — память о ее вине.

— А вам не кажется, что все это слегка притянуто за уши?

— Весьма притянуто, — согласилась доктор Росс. — Это всего лишь предположения, мистер... Вайти.

Он вздохнул.

— Пусть будет «мистер Вайти». В общем, одни догадки, верно?

— Пока — да.

— Ладно. Допустим, вы правы, доктор. И что же нам с этим делать?

— Нужно доказать Лоне, что от желаний ничего не происходит, мистер... Вайти.

Вайти неожиданно задумался.

— Наверное, она думает как раз наоборот. Но почему все же из-за этого она ведет себя настолько послушно?

— Потому, вероятно, что она считает, что если не будет слушаться, случится что-нибудь ужасное.

— А уж если вести себя *совсем* плохо...

— То тебя накажут, — закончила за Вайти фразу доктор Росс.

— Ну что ж, — улыбнулся Вайти. — Нельзя, чтобы она всем этим мучилась одна, правда?

И он наказал Лону. Беспощадно, жестоко — как ни разрывалось у него самого сердце из-за этого. Он заставил ее драить пол, заставил перемыть всю посуду, вытереть пыль с мебели — и все вручную.

Девочка могла бы возразить и сказать, что все это мог бы сделать домашний робот.

Но Лона не возразила.

Вайти заставил ее самостоятельно причесаться и стоически наблюдал за тем, чтобы девочка сделала это как следует. Он мучился, страдал, глядя на то, как Лона распутывает пряди густых волос, как по ее щекам текут слезы. Слезы текли, но девочка молчала.

А еще он запретил ей игры. Правда, тут и запрещать было особо нечего — Лона вообще не играла. И головизор смотреть запретил.

Вайти заставлял ее делать по дому абсолютно все. В домашнем труде Лона оставила далеко позади Золушку, затмила Человека-с-Луны, превзошла Геракла. Но когда девочка както раз обозрела «Авгиевы конюшни», у нее вдруг вырвалось:

— Чтоб ты в открытый космос угодил без скафандра, дедушка!

В следующее мгновение она замерла с широко раскрытыми от ужаса глазами — но она сказала то, что сказала.

— Нет, — ответил Вайти с самой злорадной ухмылкой, на какую только был способен, — и не подумаю.

Потом он, конечно, жутко сожалел об этом. Ведь если бы теперь с ним что-нибудь случилось, Лона скорее всего никогда не оправилась бы от переживаний. Вайти жутко устал от того, что ему приходилось день за днем ходить в скафандре, — но прошла неделя, и с ним ничего не случилось. Только тогда Лона немного успокоилась. Молния не поразила деда, и девочка мало-помалу начала становиться все более и более раздражительной.

— Дед, ты плохой!

— Знаю. Но прибирать в своей комнате тебе все равно придется, Лона.

— Дед, ты ужасный!

— Пол ты все равно вымоешь, Лона.

— Дед, вот бы ты сам попробовал!

— Заканчивай причесываться, Лона.

Вот причесывание-то и стало последней каплей в чаше терпения девочки. Как-то вечером она возилась с наиболее запутанной прядью, дернула ее расческой и вскрикнула:

— Ой!

И из ее глаз по щекам побежали слезы.

— Бедняжка, — с искренним сочувствием покачал головой Вайти. — Но слезы тебе не помогут.

Лона покраснела и с неподдельной злостью выкрикнула:

— Да чтоб ты умер, дед!

— Но я, как видишь, не умер.

— Нет, дедуля, и я так рада, так рада! Но... теперь-то ты можешь снять этот противный скафандр?

— Прости, детка.

— Но соседские дети над тобой смеются!

— Ничего, переживу. Я не обижаюсь, когда меня обзывают.

Вайти заметил, что Лона обратила внимание на эти слова, однако девочка продолжала:

— Но у тебя такой глупый вид!

Он покачал головой.

— Прости, но я не сниму скафандр. Не могу.

— Можешь! Нужно просто взять и снять его!

— Нет, не могу, — покачал головой Вайти. — Потому что если со мной что-то случится, ты будешь в этом винить себя.

— Не буду! Это же глупо! Разве тебе может стать плохо только из-за того, что я так сказала?

Тут Лона умолкла, широко раскрыла глаза. Она словно бы с изумлением услышала собственные слова.

— Очень важно, что ты это поняла, Лона, — проговорила доктор Росс, сидевшая подальше от Вайти.

— Значит, дедушка теперь может снять скафандр?

— Да — но если можно, не здесь.

— Так ты действительно поняла, что одного желания мало для того, чтобы что-то произошло? — требовательно спросил Вайти.

Лона молчала, и Вайти стало не по себе.

— Почему ты думаешь, что так бывает, Лона? — бережно спросила доктор Росс.

— Потому что так сказали по головизору, — пробормотала Лона.

Вайти сделал глубокий вдох, а врач откинулась на спинку стула.

— Но ведь это же просто истории, Лона, — просто сказки, и все.

— Нет, не сказки! История была про мистера Эдисона!

Вайти выпучил глаза.

— Ах да — был такой гениальный изобретатель, — медленно проговорила доктор Росс. — Но ведь не было так, чтобы он чего-то «пожелал», и его изобретение возникло перед ним, правда?

— Нет, — покачала головой Лона и потупилась.

— И как же он добивался того, чтобы его желания осуществлялись, Лона?

— Он работал, — ответила девочка. — Он трудился изо всех сил, днем и ночью, над каждым новым изобретением.

— Верно, — кивнула врач. — А потом он стал делать чертежи новых машин, которые придумывал, и отдавал эти чертежи другим людям, чтобы те собирали эти машины. Но все это требовало труда, Лона, — труда человеческих рук, а не только разума.

Девочка кивнула.

— А ты чего хочешь, о чем ты мечтаешь, Лона?

— О том, чтобы больше никто не погиб, если сломается купол, — мгновенно отозвалась Лона.

Теперь настал черед доктора Росс сделать глубокий вдох. Вайти последовал ее примеру.

— Но это очень трудно, — предупредила доктор Росс.

— Мне все равно! Я хочу сделать, чтобы было так!

— Послушай, детка, — вмешался Вайти. — Тут ведь дело не в том, чтобы поработать руками — как тогда, когда ты моешь пол на кухне. Чтобы все получилось так, как ты хочешь, ты должна будешь изучить математику, физику и компьютерное программирование, и инженерное дело — а это ужасно сложно.

— Я смогу, дед, смогу!

— Знаю, сможешь, — тихо проговорил Вайти. — Но не завтра, не через неделю и даже не через год.

— Хочешь сказать, что я не сумею?

— Нет-нет, обязательно сумеешь, — поспешно проговорила доктор Росс. — Мне кажется, что у тебя отличные способности, а что ты очень старательна, мы уже знаем. Но понадобится время, Лона, — годы и годы. Нужно окончить школу, а потом — колледж, а потом — вероятно, аспирантуру. Так что свой супербезопасный купол ты изобретешь только тогда, когда тебе исполнится лет двадцать, а то и тридцать.

— Мне все равно, сколько времени потребуется! Я все равно это сделаю!

Вайти и доктор Росс наконец вздохнули с облегчением. «Ну вот, — подумал Вайти. — Слава Богу, теперь нам не грозит самоубийство!»

Сначала, конечно, Лоне нужно было узнать, почему купол на Хоумстеде взорвался. Момент был болезненный, но доктор Росс сказала, что девочка к этому готова. И все же, когда Вайти раздобыл для нее распечатку с главного системного компьютера астероида, у Лоны от волнения задрожали руки. Правда, как только она взглянула на распечатку, руки дрожать сразу перестали.

— Дедуля, а что это такое?

— Не знаю, детка. Я никогда хорошо не разбирался в компьютерах, поэтому ничего не могу тут понять.

— А ты не можешь кого-нибудь попросить, чтобы тебе сказали? Или нанять какого-то человека?

Вайти покачал головой.

— У меня не наберется столько денег, а в Поясе Астероидов люди все очень занятые — все они трудятся с утра до ночи, зарабатывая себе на жизнь.

Лона вытаращила глаза.

— Ты хочешь сказать, что до аварии *никому* не было дела?

— Да нет, конечно, было. Было расследование, и я читал отчет. Но везде писали об одном и том же: ужасная катастрофа, жуткий несчастный случай, отключение силового поля.

— А как это вышло и почему, не писали?

Вайти снова покачал головой.

— По-моему, нет. Но ведь я, если честно, в том, что пишут о технике, ничего не понимаю.

— А ты не мог бы научиться понимать?

— Мог бы, — медленно проговорил Вайти, — если бы мне не нужно было зарабатывать на жизнь.

— Что ж — тогда я этому научусь! — решительно объявила Лона и отвернулась к экрану компьютера.

И она научилась. Но прежде чем приступить к изучению программирования, ей следовало хотя бы немного познакомиться с тем, как работают компьютеры. А это значило, что ей пришлось засесть за математику и начальный курс физики. Но когда дело дошло до микросхем, Лоне понадобились азы химии, чтобы понять все тонкости свойств кремния. А уж это значило, что знания по физике следует углубить, да и по математике — тоже. А потом Лона просто заинтересовалась математикой как наукой, и Вайти сказал, что ей стоит изучить историю для того, чтобы понять, каков был образ мышления людей в эру изобретения программирования. История также оказалась необыкновенно увлекательной наукой.

Ну а на ночь Вайти рассказывал внучке о норвежских богах, о падении Трои, о странствиях Дон Кихота.

— А еще что-нибудь можешь рассказать, дедушка?

— Могу, детка, но на это не хватит времени.

Ну и конечно, Лоне пришлось засесть за книги, чтобы узнать о том, что ей не успел рассказать дед, — а книги оказались куда более интересными, чем передачи по головидению. Да и некогда теперь Лоне было их смотреть — времени не хватало. Правда, дед настаивал на том, чтобы после обеда она хотя бы несколько часов играла с другими детьми, и теперь девочка стала такой жизнерадостной, что легко сводила дружбу со сверстниками.

Скорее всего именно поэтому в скором времени к Вайти в гости пожаловал представитель Совета по образованию.

Вайти вовсе не собирался отдавать свою внучку на растерзание школьным педагогам. Зачем ей было каждый день по шесть часов томиться в школе и слушать о том, что она уже и так знала? С другой стороны, Вайти не стал бы утверждать, что сам знает больше, чем профессиональные учителя, и может дать внучке больше, чем школа дает детям — обычным детям. Но с Лоной случай был особый, и это были бы вынуждены признать даже педагоги.

Если бы Вайти стал спорить с ними. Но он спорить не стал. В столице Цереры, городе Церера-Сити, было четыре школы, и еще с десяток школ располагались на астероидах неподалеку — то есть настолько близко, что Лона имела возможность каждый день после обеда прилетать на Цереру и навещать своих друзей, а раз в месяц — доктора Росс. Заглядывала она по вечерам и в те кабаре, где выступал Вайти. При этом девочка почти не обращала внимания на все, что происходило в клубах, поскольку туда она приходила с компьютером-ноутбуком.

Так что Вайти снова начал странствовать и жить той жизнью, которая ему больше была по душе — правда, теперь его путешествия стали не такими далекими. Сформировалась определенная система: Вайти прибывал в какой-то городок на месяц после начала первого семестра, а потом, как только Совет

по образованию обнаруживал, что он находится в городе, Вайти быстренько собирал вещички. Потом он работал месяца три в другом месте, а там уж и до конца учебного года оставалось всего ничего, так что начинать учебу не имело смысла. Ну а к началу нового учебного года Вайти уже успевал продать очередную квартиру и заключить контракт на покупку новой на другом астероиде.

А Лона училась. И училась. И училась.

К тому времени, когда ей исполнилось десять лет, она уже знала достаточно для того, чтобы суметь собрать воедино последовательность событий по компьютерной распечатке. Для этого ей даже не была нужна сама распечатка — Лона могла найти нужные ей сведения через компьютерную сеть. Так она и объяснила Вайти — объяснила спокойно, сдержанно, без эмоций. Вот что произошло на Хоумстеде.

Взорвался только один генератор силового поля. Только один, но все купола на астероиде были связаны между собой, поэтому, когда вышел из строя один купол, шесть соседних получили сильные повреждения — настолько сильные, что весь воздух из под этих шести куполов хлынул под взорвавшийся, а из-под него — в космос, жутким снежным вихрем. Генераторы силового поля куполов, получивших частичные повреждения, работали на предельной мощности, и в итоге вся система перегрузилась, и поле ослабло настолько, что купола испытали давление, равное тому, что наблюдается на уровне моря на Терре. В итоге под купола ворвался настоящий ураган — в первый и в последний раз на Хоумстеде был такой безумный ветер. Он срывал крыши с домов, которые колонисты построили под куполами, беспечно уповая на их надежность. Ураган проносился по улицам, уничтожая жилища, стремясь к сектору, уже начисто лишенному силового поля, и оставлял после себя только вакуум.

И трупы.

И только в одном-единственном доме мирно спала в кроватке маленькая девочка, чей глупый папа-перестраховщик на-

стоял на том, чтобы его дом был воздухонепроницаемым, хотя все считали, что это совершенно не нужно — ведь купола перекрывали весь астероид, защищали его силовым полем, которому не был страшен ни один метеор. Этот глупый папочка и глупая мамочка уложили свою дочку в кроватку, а сами вышли на улицу, держась за руки, чтобы полюбоваться звездным небом.

Вайти всеми силами старался сохранить бесстрастное выражение лица, но сердце его разрывалось от гордости за сына и от жалости к девочке.

К маленькой девочке, которая, проснувшись, обнаружила, что все остальные погибли, и не было с нею рядом никого, кто бы сказал ей, что она в этом не виновата.

К той маленькой десятилетней девочке, которая сидела перед компьютером и смотрела на его экран глазами восьмидесятилетней старухи. К девочке, чей глупый дед мог только стоять рядом с ней, страстно желая хоть что-то сделать для нее. Но Вайти только сумел спросить:

— А почему взорвался первый генератор?

— Не знаю, — ответила Лона. — Но собираюсь это выяснить. А когда выясню, добьюсь, чтобы такое больше никогда, никогда не повторилось.

И при этом она не проронила ни слезинки.

Вайти жалел о том, что Лона не плакала.

А потом они взяли напрокат буровой катер и отправились на Хоумстед. Подобрать для Лоны скафандр по размеру оказалось нетрудно: в Поясе Астероидов когда-то жило не так уж мало детей. Теперь, правда, детей стало не так много — с тех пор как стало ясно, что купола бывают совсем ненадежные.

Обычные купола, то есть — стандартные.

— Всякий, кто берет с собой ребенка в экспериментальные условия, в моральном смысле не лучше кукушки, — пробормотал Вайти, и ему тут же стало неловко. Как знать — может быть, его сын не был бы так беспечен, если бы Вайти всю жизнь жил с ним?

— Что ты сказал, дед?

— О, ничего, Лона. Пойдем-ка поглядим.

Он пристегнул к скафандру шлем и проверил, надежно ли пристегнут шлем у Лоны, а она — у него. Затем они вошли в миниатюрную шлюзовую камеру.

— Даю вам час и десять минут, — сказал Вайти пилот. — Задержитесь дольше — и у меня случится энергетический кризис.

— Уложимся в сорок пять минут, — пообещал Вайти и закрыл внутренний люк.

«А ведь мог бы и подольше подождать, засранец», — мысленно выругался Вайти. Буровой катер мог и неделю продержаться хоть на айсберге. Правда, старик Герман согласился доставить их на Хоумстед только потому, что у него была напряженка с финансами, но Вайти решил, что лучше не рисковать, хотя и сомневался, что дело с горючим обстоит настолько паршиво.

Загорелась зеленая кнопка. Вайти нажал на нее. Люк открылся. Вайти подсоединил свой страховочный фал к кольцеобразной скобе. Затем он выбрался наружу, двигаясь медленно и плавно в условиях нулевой силы притяжения, развернулся, закрепил страховочный фал Лоны и помог девочке выйти из кабера.

Лона выбралась наружу легко. Для нее в свободном падении не было ничего нового, поскольку Вайти настоял на том, чтобы она брала уроки гимнастики. Но девочка была бледна, и глаза ее были широко раскрыты. Вайти чувствовал себя безмерно виноватым из-за того, что привез Лону на место катастрофы, но старался держать себя в руках. Доктор Росс сказала, что все должно пройти хорошо. Но все же Вайти старательно наблюдал за внучкой.

— Пойдем, Лона, — сказал он. — Нам туда. Герман очень удачно совершил посадку. Нам нужно пройти всего пятьдесят ярдов.

Лона кивнула, взволнованно огляделась по сторонам, а Вайти крепко взял ее за руку. Вид у девочки был испуганный.

«Кто бы тут не испугался», — подумал Вайти, обведя взглядом опустевшие дома и склады. Они с Лоной оказались неподалеку от детской площадки. Со столба для игры в «гигантские шаги» свисали цепи, и в этой картине было что-то патетическое. Лишь кое-где в домах были выбиты стекла. Дома с окнами на астероиде! Подумать только! До такого могли додуматься только колонисты-пионеры, обуреваемые самоуверенностью первопроходцев! Вот и все — выбитые стекла, и больше никаких особых повреждений. Ну, кое-где валялась черепица, сорванная ветром с крыш. Когда сюда добрался ветер, он уже успел ослабеть. Вакуум — вот что убило поселок.

Это был мрачный поселок — мертвый, покинутый, хранивший воспоминания о тех семьях, что жили здесь, о смехе людей, об их слезах. Город-призрак в космосе.

— А тут остались... трупы? — спросила девочка, сглотнув подступивший к горлу ком.

— Нет. Аварийная бригада вывезла все тела для захоронения. — Вайти не стал говорить о том, что подземный склеп был устроен тут же, на астероиде. — Если тебе кажется, что ты тут бывала раньше, не переживай. Ведь ты действительно тут жила.

— Знаю, — отозвалась Лона. Голос ее, немного искаженный системой радиосвязи, звучал холодно, плоско. — Но мне правда не по себе. Все выглядит, как тогда, и из-за этого мне кажется, что я снова маленькая — но все-таки теперь все по-другому.

«Верно. Теперь тут нет жизни». Вайти мысленно напомнил себе о том, что ему говорила доктор Росс. Она утверждала, что эта поездка очень закалит Лону, окончательно прогонит из ее души чувство вины, что затем почти наверняка у девочки больше не будет нервных срывов, что теперь она достаточно сильна. «Но конечно, ни в чем нельзя быть уверенными на все сто процентов, мистер Вайти. Мозг человека необычайно сложен».

— Это — генератор? — спросила Лона, глядя на ячеистую полусферу, стоявшую в неогороженной части парка.

— Нет, это просто антенна, — ответил Вайти. — Генератор под землей.

Лона удивленно посмотрела на деда.

— Но как же тогда он мог взорваться?

— Мы не знаем, взорвался он или нет, — напомнил внучке Вайти. — Давай пойдем и посмотрим.

Он нашел потайной люк, вмурованный в камень рядом с антенной, и набрал код на панели. Раздобыть этот код было нелегко: то была сверхсекретная информация, жизненно важная для безопасности людей, и ее секретность не стала меньше, хотя те люди, которые ее охраняли, погибли четыре года назад. Но в конце концов, вооружившись письмом от доктора Росс, в котором утверждалось, как важна эта экспедиция для психического здоровья ее пациентки, и всучив несколько взяток, Вайти добрался-таки до нужного бюрократа, и тот не слишком охотно выдал ему код. В некотором смысле такая волокита вселяла приятное чувство: от нее создавалось ощущение, что и живых людей берегут так же хорошо, как мертвых.

Вайти потянул за рукоятку люка, и люк открылся. Они с Лоной осторожно спустились вниз. Первым шел Вайти о освещал дорогу фонариком.

— Смотри, на фал не наступай, — предупредил он внучку.

— Не наступлю, дедушка.

Она совсем не боялась — и это пугало Вайти.

А потом он увидел генератор.

И замер, остановился как вкопанный. И вытаращил глаза.

— Дедушка, — проговорила Лона. — Он ведь...

— В полной исправности, — кивнул Вайти. — По крайней мере он выглядит исправным. Давай проверим, детка.

Вайти достал набор инструментов, одну за другой открыл панели доступа и взял тестер.

— И что же мне делать с этой штукой?

— Подсоедини красный проводок к контакту A, дедушка, — вот здесь, — показала Лона. — А синий — к контакту D.

— Хорошо, что хоть один из нас знает, что я делаю...

Лона сосредоточенно сдвинула брови, глядя на табло тестера, и вытащила миниатюрный компьютер. Затем она ввела данные с табло тестера и распорядилась:

— Теперь красный проводок — к контакту В, дедушка, а синий — к контакту Н.

Вот так они и работали. Вайти подносил датчики к тем контактам, про которые говорила Лона, а она, нахмурившись, смотрела на табло и заносила данные в компьютер. У Вайти уже появилось подозрение, что девочка о нем забыла, а просто пользовалась им, как говорящим роботом.

Что ж — и за то, как говорится, спасибо.

Наконец Лона со вздохом выпрямилась и сказала:

— Все. Мы проверили все контуры. Мне здесь больше делать нечего.

Вайти закрыл панели доступа и как бы заново услышал, словно эхо, слова внучки, произнесенные с тайным, печальным удовлетворением. Но он держал себя в руках. Покончив с панелями, Вайти взглянул на дисплей времени, вмонтированный в лицевую пластину шлема.

— Все, пора, мы и так задержались, — сказал он. — Я обещал Герману, что мы управимся за сорок пять минут, а прошло пятьдесят. Пойдем, детка. И пожалуйста, разверни против часовой стрелки, чтобы у нас хвосты не перепутались.

— Хвосты? — непонимающе переспросила Лона. — Ах да. Ладно, дедушка.

И она пошла следом за Вайти к выходу — хмурая и задумчивая.

Вайти закрыл входной люк, взял внучку за руку и направился обратно, к буровому катеру.

— Что-нибудь выяснила?

— Ага, — кивнула Лона. — Он в полном порядке.

— Что?! — Вайти резко обернулся к девочке.

— Генератор в порядке, дедушка. — Голос Лоны прозвучал виновато — как будто она сделала что-то неправильное. — Мы могли бы включить его, и он бы создал купол.

Вайти крепче сжал руку Лоны, сам не понимая — ради нее или ради себя. Мысли у него в голове метались вихрем.

— Как же генератор мог отказать, если он был в полном порядке?

— Кто-то его отключил.

Вайти в ужасе уставился на Лону.

А она посмотрела на него большими, тоскливыми глазами.

— Кто-то должен был выключить его, дед. Только так все могло случиться.

— Послушай, но мне понадобилась целая неделя, письмо от доктора, десяток запросов в пять разных учреждений для того, чтобы получить код доступа к этому люку — а он, оказывается, в прекрасном рабочем состоянии! Как же, спрашивается, кто-то мог к нему подобраться?

— Не знаю, — покачала головой Лона. — Но кто-то подобрался.

Вайти остановился. Эта мысль поразила его как удар грома.

— Детка, — сказал он, — я не видел там никакого выключателя.

Лона замерла на ходу. Потом осторожно поставила ногу на землю и кивнула.

— Ты прав, дедушка. Выключателя не было.

— А если нет выключателя, кто мог отключить генератор?

— Компьютер, — ответила девочка.

— Но это значит, что кто-то дал ему команду отключить силовое поле!

Лона, немного помолчав, спросила:

— А у компьютера не мог произойти сбой?

— Навряд ли, детка! Но кто мог подобраться к этому компьютеру?

— Надо это выяснить, — пробормотала Лона, отвернулась и зашагала к катеру.

Вайти вышел из ступора и поспешил за внучкой. Та была расстроена и задумалась, поэтому запросто могла оступиться и

порвать скафандр о какой-нибудь острый камень. И вдруг Вайти увидел, как к ним разворачивается лазерный бур, установленный на носу катера.

Он бросился вперед, успел схватить Лону, усадить себе на плечи и спрятаться за ближайший дом. В следующее мгновение луч лазера расплавил камни на том месте, где только что находились Лона и Вайти. Девочка, конечно, вскрикнула от испуга, но Вайти прошептал:

— Тихо! — Он пока не понял до конца, что происходит, но внучке велел: — Быстро иди сюда и лежи тихо. — Одной рукой он обнял Лону, а указательный палец другой поднес к лицевой пластине шлема. Лона поняла, что это означает «Тс-с-с!», и крепко сжала губы, а глаза вытаращила, отчего стала похожей на хорошенькую куклу.

От того, что Вайти с внучкой залегли за домом, большого толка не было, поэтому чуть погодя Вайти дал Лоне знак, и они уползли за угол, потом пробежали и обогнули три дома, нашли разбитое окно, до которого Вайти сумел дотянуться. Он открыл задвижку, распахнул створки рамы и втолкнул Лону внутрь дома. Девочка бросилась к столу и спряталась под ним. Вайти указал вниз, надеясь, что Лона поймет: он хочет, чтобы она спустилась в подвал, и боится, что тот, кто по ним стрелял, слышит их переговоры. А потом он отвернулся, пригнулся и отбежал от дома, где спрятал внучку, как можно дальше. Затем Вайти в страхе посмотрел вверх, в черное небо. Он знал, что буровой катер где-то рядом, что он охотится за ними.

Так и было. Сноп искр чуть не ослепил Вайти. Лазерный луч угодил в тот, первый дом, за которым с самого начала прятался Вайти. Вайти ощутил злорадное удовлетворение. Убийца ударил туда, где, как он думал, дед спрятал внучку. Этот подлый стрелок наверняка слушал их разговоры и решил, что девочка там.

Вот только взорвать с помощью лазерного бура ничего нельзя — луч слишком узкий, да и энергия невелика. Она

отличается постоянством, но все же невелика. Но злодей упорно сверлил дом, направлял и направлял на него лазерный луч.

«Долго ли он так продержится?» — подумал Вайти, и тут его осенило. Лазерный бур требовал гораздо более значительных затрат энергии, чем разгон для перелетов по Поясу Астероидов. Может быть, Герман говорил правду? Может быть, у него действительно было неважно с топливом?

Нужно было, чтобы этот идиот, засевший на катере, продолжал стрелять. Очень скоро он должен был покончить с домом, и тогда ему стало бы ясно, что Вайти там нет.

Вайти охватила жуткая злость, жгучая ненависть к этому человеку, который мог вот так пытаться испепелить ребенка! Он уперся подошвами в стену ближайшего дома, оттолкнулся и полетел, лавируя между зданиями. Нужно было во что бы то ни стало заставить этого мерзавца стрелять.

А еще нужно было найти укрытие — чтобы подлец не просверлил и *его*.

Вскоре перед Вайти возникла высокая стена без окон — то было здание склада. Дверь, естественно, была открыта — зачем на Хоумстеде кому-то было что-то запирать, когда тут все были знакомы? Вайти нырнул в дверной проем, облегченно выдохнул и подлетел к окну в противоположной стене. Оттуда была видна площадь, а за ней — парк.

Катер оказался там — он завис в пятидесяти футах над поверхностью. Злодей следил за окрестностями — и не стрелял.

Но если он мог подстрелить Вайти и Лону — значит, и его можно было подстрелить. Вайти включил фонарик на шлеме и лихорадочно огляделся по сторонам. Он искал хоть какое-нибудь оружие, а если не оружие, то хоть что-нибудь такое, с помощью чего можно было бы произвести яркую вспышку...

И он нашел то, что искал. Возле боковой стены, рядом с дверью — стойка с двадцатью лазерными винтовками, включенными на подзарядку. Вайти бросился к стойке, мысленно благословляя обитателей астероида за врожденное чувство пре-

досторожности. Пояс Астероидов находился слишком далеко от ближайшего гарнизона морских пехотинцев, и здесь уже пятьдесят лет царил мир, но все же и по сей день старые ветераны порой рассказывали леденящие душу истории про пиратов и самовольных захватчиков территории, совершавших набеги на астероиды с самого начала их освоения и даже пытавшихся установить здесь свою диктатуру. Времена пиратов давно миновали, но держать наготове винтовки здесь вошло в традицию.

Вайти, мысленно прославляя эту традицию, отключил от сети одну из винтовок. Он очень надеялся на то, что электроснабжение на Хоумстеде по-прежнему работает. А почему бы ему не работать? Ведь на астероиде был установлен атомный генератор, который мог работать лет пятьдесят. И отключать его особой необходимости не было — при том, в каком изобилии здесь имелось топливо для реактора. Вайти выбрал в качестве мишени заклепку на дальней стене, установил самый низкий энергетический режим, прицелился и нажал на спусковой крючок.

Энергетический разряд очертил кружок расплавленного металла чуть выше и левее заклепки.

Сердце Вайти пело от радости. Он немного скорректировал прицел и выстрелил снова. На этот раз его выстрел получился более метким — он попал точно в заклепку. Тогда он перелетел к окну, вывел энергетический режим на полную мощность, прицелился в буровой катер, вдохнул, выдохнул и нажал на кнопку разряда.

Огненный цветок расцвел на носу катера.

Но уже в то мгновение, когда Вайти был готов произвести следующий выстрел, катер развернулся к нему. Кто бы ни был пилотом этой посудины, он явно догадался, из какого оружия по нему палили, и теперь решил, что это оружие нужно как можно скорее вывести из строя. Катер мигом подлетел к складу, нацелил на него лазерный бур и принялся сверлить крышу.

Но Вайти к этому моменту уже вылетел из двери и притаился за соседним домом. Он добрался до крыши, высунулся,

прицелился, выстрелил, пригнулся и перелетел к следующему дому, снова высунулся, снова выстрелил — в то самое мгновение, когда бур сверлил крышу предыдущего дома. Вайти опять стрелой помчался прочь, но на этот раз свернул за угол, поскольку две точки подряд — это прямая линия, а два аналогичных события — тенденция для того, кто собирается сделать вывод.

Убийца сделал именно такой вывод и нацелил лазерный бур на третий дом подряд. А Вайти уже палил по катеру с другой стороны — он находился через два дома к югу, потом перелетел к западу, потом — еще дальше к западу. Кровь бешено стучала у него в висках, сердце взволнованно билось, им овладел азарт охотника, хотя он ждал, что в любое мгновение убийца отыщет его и прикончит.

Но этого не происходило. Злодей никак не мог догадаться, где его противник окажется в следующий миг. А что тут удивительного? Вайти этого тоже не знал.

И вот наконец луч лазерного бура начал тускнеть.

Да, да, так и было! Луч на глазах тускнел, а потом и вовсе исчез. Буровой катер парил в ночном небе — ни огонька, ни вспышки ракеты.

Вайти ждал, затаив дыхание, но катер не двигался. Медленно, осторожно Вайти начал отступать к складу, не спуская глаз с катера, но тот не проявлял никаких признаков жизни. Вайти ухмыльнулся, представив себе, в какой ярости сейчас пилот лупит по клавишам пульта управления. Ведь теперь он даже не мог вернуться на другой астероид, к припрятанному там скутеру, на котором он, без сомнения, прилетел сюда с Цереры. Он не мог ни стрелять, ни воспользоваться радиосвязью, ни двигаться.

Он иссяк. Окончательно и бесповоротно.

Вайти нырнул в дверь склада и на этот раз осмотрел помещение более внимательно. Если тут нашлись винтовки, может быть, и радиопередатчик найдется?

Нашелся! И тоже стоял на подзарядке. Вайти включил передатчик, установил частоту согласно значку «срочно», включил громкость на своем переговорном устройстве и наклонился к встроенному микрофону передатчика.

— Срочно нужна помощь! Вызываю патруль морской пехоты, сектор шесть...

Одно немного огорчало Вайти в эти мгновения: то, что его не мог слышать убийца.

Патруль прибыл через час — в конце концов, до Цереры было не так далеко. И убийца никуда не делся. А для Вайти этого времени хватило, чтобы пойти и забрать жутко перепуганную Лону. Девочка сидела на корточках в подвале, и когда увидела деда, разрыдалась от счастья. Вайти целый час утешал ее, уговаривал, и к тому времени, как прибыл корабль морских пехотинцев, Лона уже успела успокоиться и выглядела вполне отважно.

— Его настоящее имя — Корнелиус Хэнэш, — сообщил капитан морской пехоты, закрыв дверь своего кабинета и усевшись за письменный стол.

Вайти вытаращил глаза.

— Миллионер Хэнэш? Тот самый, что построил туристский центр на Церере? Тот самый, которому отваливают бешеные деньги самые богатые туристы за то, чтобы поваляться в шезлонгах, глядя на то, как над ними проплывают в небе астероиды? Тот самый Корнелиус Хэнэш?

— Тот самый, — отвечал капитан. — И согласно имеющейся у нас информации, он собирался основать филиал своего центра на Хоумстеде. Он даже приобрел там обширный участок пустой, незаселенной территории. Но у него возникли проблемы с наличностью и он не сумел сделать соответствующие выплаты в срок.

— Но как же... как авария на Хоумстеде... связана с... — Лона не договорила, потому что от волнения и горя у нее перехватило дыхание.

— Страховка, — объяснил капитан. — Этот участок земли как недвижимость был застрахован на полную стоимость отеля, который он «планировал» там построить. Когда взорвался купол, страховое общество Фарлэнда было вынуждено выплатить Хэнэшу круглую сумму, и этого ему хватило, чтобы покрыть все долги.

— Но как он узнал, что мы... — Вайти запнулся и нахмурился. — Да ведь я ни от кого не скрывал, что мы направляемся на Хоумстед, верно?

— Нет. И даже я слышал о том, что какой-то чокнутый хочет добраться до взорвавшегося генератора на Хоумстеде. Наверняка об этом прослышал и Хэнэш, учитывая, какие у него обширные связи в Совете сектора. И он знал, что вы обнаружите, попав на астероид.

— Это он всех убил, — прошептала Лона. — Сто тысяч человек. И моих маму и папу.

Вот тогда она наконец расплакалась. Вайти прижал девочку к себе. Он гладил ее кудрявую головку, он говорил ласковые слова и ждал, ждал. Девочке нужно было выплакать свое горе, и это горе должно было уйти в прошлое, где ему и положено было находиться.

Корделия вытерла заплаканные глаза, высморкалась, шмыгнула носом.

— Ой, какая же она была храбрая девочка!

— Это верно, — согласился Векс. — И хотя нельзя сказать, что потом она сразу зажила счастливо, счастье все же не обошло ее стороной. Но и волнения тоже.

— Если ее жизнь и потом была такой же волнующей, как в детстве, значит, ей не приходилось скучать, — заметил Магнус.

— И этот Вайти тоже был человек отважный, — сверкая глазами, сказал Джеффри. — И дерзкий.

— Вынужден согласиться. Хотя должен заметить, что он никогда нарочно не искал опасностей. Они его сами находили.

— О, хвала Небесам, что тебе довелось услышать рассказ о таких прекрасных людях! — вырвалось у Грегори. — Даже в те годы, когда ты принадлежал сердитому хозяину бурового катера, ты хотя бы порой слышал о том, какие бывают хорошие люди!

— Да, кстати, а что сталось с тем человеком, твоим хозяином? — сдвинув брови, спросил Джеффри. — И как тебе удалось от него избавиться?

— Наверняка он погиб, недотепа, — буркнул Магнус и для вящей убедительности попытался постучать кулаком по макушке Джеффри. — Как еще можно было бы избавиться от такого мерзавца?

Джеффри без труда блокировал удар и в ответ попытался стукнуть Магнуса.

— А я мог бы предложить сотню способов — начиная с дубинки и кончая ядом.

— Джеффри! Надеюсь, ты шутишь! — в ужасе проговорил Векс. — Все было не так. На самом деле я избавился от этого человека благодаря его же собственной низости.

— Это как же? — оторопев, поинтересовался Грегори.

— Это свойство своей натуры он продемонстрировал, когда поймал по радио сигнал бедствия, поданный группой беглецов, потерпевших аварию. Мой тогдашний хозяин хотел пролететь мимо них, поскольку решил, что от встречи с ними его не ждет ничего хорошего.

— Мерзавец! — воскликнула Корделия. — Он что же, совсем-совсем не жалел людей?

— Ни капельки, — подтвердил Векс. — Он бы с преспокойной совестью оставил их умирать в космосе и даже потом не вспоминал бы об этом.

— Но ты бы такого не позволил?

— Я не мог позволить. Моя программа утверждает, что жизнь человека намного важнее спокойствия и удобства другого человека. Важнее было спасти жизнь этих страдальцев, чем удовлетворить прихоть моего хозяина. И я повернул корабль и

подобрал их, и впустил в шлюзовую камеру. Как только они оказались на борту катера, я уговорил моего хозяина впустить их внутрь.

— «Уговорил»! — победно вскричал Джеффри. — Ты не нарушил послушания!

— Я ослушался своего хозяина уже в том, что спас беженцев. А он пытался нарушить закон.

— А ты повел себя согласно закону!

— Да, — ответил Векс.

— А бывали еще случаи, когда ты не слушался хозяев?

— Бывали, — признался Векс. — Вскоре я понял, что между этими беглецами — прекрасные отношения, основанные на дружбе и взаимовыручке, но мой хозяин неожиданно услышал сообщение о том, что за этими людьми гонится космическая полиция, что они — враги правительства и что за сведения, которые смогут облегчить их поимку, назначено большое вознаграждение. И он решил продать их полиции и заработать на этом.

— Продать? — нахмурился Джеффри. — Как же можно продавать людей?

— Существует рабство, — ответил Векс. — И я так думаю, что мой хозяин не опустился и не стал работорговцем только потому, что ему не предоставилось такой возможности. Но вот упускать возможность получить вознаграждение за сообщение о том, что на борту его катера находятся беглецы, он не желал. Он велел мне послать сообщение на Цереру, в котором я должен был известить местные власти о том, где находятся беглецы. А я отказался.

— Ну, тут уж ты всерьез нарушил послушание! И хозяину не повиновался, и закону!

— Не совсем, — раздумчиво отозвался Векс. — Потому что у меня были причины полагать, что те власти, о которых шла речь, сами нарушали закон.

Джеффри был окончательно сбит с толку. Если Векс сказал «у меня были причины полагать», то это означало,

что он располагал неопровержимыми доказательствами своей правоты.

— И тогда мой хозяин включил обычный передатчик и сам отправил сообщение.

Корделия сдвинула брови.

— Наверное, это было жутко опасно?

— Небось, — кивнул Джеффри. — Судя по тому, что ты нам рассказывал про этого типа, он был не такой уж храбрец. Разве ему не стоило побеспокоиться о собственной шкуре?

— Он и беспокоился, — сказал Векс. — Но дело в том, что те люди, беглецы, не были так уж опасны. Ведь они не были преступниками, а всего лишь высказывали несогласие с теми, кто на тот момент желал свергнуть правительство. И поскольку сами по себе они никакой опасности не представляли, мой хозяин без страха предал их и был готов отдать в руки убийц, нанятых заговорщиками.

— Трус! Подлец! — воскликнул Джеффри вне себя от возмущения. — Неужто у него совсем не было совести, чести, сострадания?

— Думаю, не было, — подтвердил Векс. — Ему предоставился шанс подзаработать на этих беглецах, и он не собирался упускать его. Но он и не подозревал, что сможет получить намного больше того, что я стоил, от того благородного человека, который купил меня у него.

Джеффри недоуменно нахмурился.

— Ты хочешь сказать, что эти «беглецы» выкупили тебя?

Корделия тоже сдвинула брови.

— Но зачем же этот богатый господин купил тебя у буровика?

— Дело в том, что он и его товарищи нуждались во мне. Им нужен был этот буровой катер, чтобы скрыться от преследователей, вызванных моим хозяином.

— Но откуда же этот господин узнал о том, что твой хозяин их вызвал?

— Я взял на себя смелость проинформировать их об этом.

— Векс! — возмущенно уставился на коня-робота Джеффри. — Ты предал своего хозяина!

— Верно, — отозвался Векс без малейшего смущения. — Я вам уже рассказывал о своем впечатлении от свойств характера моего владельца, дети, но всего лишь за один час у меня возникло величайшее уважение к беглецам, и я понял, что они борются за сохранение свободы для всех людей. Моя программа говорит о том, что такая свобода — основа всех основ, и по важности это утверждение равно моей верности владельцу.

Джеффри покачал головой.

— Как-то странно все это... Судя по тому, что ты нам рассказывал о своей программе раньше...

— И верно, тут как будто что-то не так, — признал Векс. — У меня такое впечатление, что в моем изначальном программировании произошла какая-то ошибка — причем она касалась конкретно меня. Однако это был единственный случай, когда возник подобный конфликт. Сообщение беглецам о том, что мой хозяин донес на них, целиком и полностью укладывалось в рамки моей программы.

— Тогда ты узнал о людях побольше, чем в то время, когда водил аэромобиль, правда?

— Значительно больше, и пришел к выводу о том — как я уже упоминал ранее, — что в натуре человека добро уживается со злом.

Грегори озадаченно взглянул на Векса.

— Но ведь ты — всего-навсего робот! По крайней мере ты все время стараешься внушить нам это. Как же ты способен отличать добро от зла?

— Не забывайте о том, как я запрограммирован, дети. Для меня «добро» — это все то, что способствует жизни человека, его свободе, счастью, а «зло» — это все то, что мешает свободе и счастью людей либо угрожает свободе.

— Ну, тогда, скажем, если кто-то крепко выпьет, это тоже получится «добро», — хмыкнул Джеффри.

— Я говорю о счастье, Джеффри, а не об удовольствии.

Джеффри покачал головой.

— Не вижу разницы.

— Вот и мой второй владелец тоже не видел. Но даже учитывая сложность создавшегося положения, я не мог одобрить его поведения.

— Удивительно, как это он не уничтожил тебя!

— У него не было такой возможности, потому что предводитель беглецов обеспечил собственную безопасность и безопасность своих товарищей. Он высадил моего бывшего владельца на небольшом астероиде, оставив ему значительный запас продовольствия, воды. В любое время он мог вызвать спасателей с помощью аварийного маяка.

— О, но это же очень жестоко!

— Не очень. Спасатели наверняка бы прибыли задолго до того, как у него закончились бы продукты и вода.

Джеффри насупился.

— Тогда почему надо было оставлять его в безлюдном месте? Почему они не отвезли его в какой-нибудь город?

— Да потому, что если бы беглецы доставили его на Цереру, там их сразу же бы арестовала полиция. Но оставив его на астероиде, они обеспечили себе несколько дней для побега, а для жизни моего бывшего хозяина в этом никакой опасности не было.

— Но почему же они его попросту не прикончили на месте? — требовательно вопросил Джеффри.

— Джеффри! — возмущенно воскликнула Корделия.

Но Векс признался:

— Было у беглецов и такое желание, но их предводитель предложил более гуманный вариант.

— Всего лишь «предложил»? Значит, он не мог отдавать приказы?

— Не знаю, — задумчиво отозвался Векс. — Такой вопрос никогда не возникал. Однако остальные беглецы ни разу не возразили ему, когда речь заходила о том, как нужно действовать.

— Похоже, ты хочешь сказать, что другие даже не задумывались о том, чтобы ему не повиноваться, — проворчал Джеффри. — Стоит ли этим восхищаться?

— По-моему, стоит, — ответил Векс. — Когда человек предлагает поступать правильно.

— Тогда уж я ничего не понимаю! — вскричал Джеффри. — Мне-то ты как советуешь себя вести? Должен я слушаться или нет?

— И верно, Векс, — подтвердил Грегори. — Это как-то непонятно.

— Решайте сами, дети. Решайте всякий раз, когда возникает такой вопрос, и не отказывайтесь от своего права принять решение, руководствуясь незыблемыми правилами.

— Тогда предложи нам такое правило, которое не было бы незыблемым, — сказал Магнус.

— Ваши родители уже предложили такое правило.

Дети озадаченно переглянулись.

— Он что, шутит с нами? — недоуменно проговорил Джеффри.

— Нет, — покачал головой Грегори. — Это на него не похоже.

— Главное его свойство — быть верным своему хозяину, — рассудительно произнес Магнус. — А его хозяин — наш папа.

Корделия повернула голову и уставилась в затылок коня-робота. Она обиженно и возмущенно спросила:

— Так ты... и нас предавал?

— Вовсе нет, — ответил Векс. — И если вы хорошенько подумаете, то поймете, что это не так. Если вы хотите понять, нужно слушаться родителей или нет, я могу лишь дать вам ответ, который пришел ко мне исключительно на основании опыта: «Повинуйся, но будь верен свой программе».

Джеффри сдвинул брови.

— Какой от этого толк для нас? Ведь мы — из плоти и крови. Какая у нас есть программа, которой мы должны быть верны?

— Это каждому из вас предстоит решать самому, Джеффри, — ответил Векс. — Отчасти для этого людям и дается подростковый возраст.

Дети изумленно смотрели на Векса, пытаясь понять, надо им на него сердиться или нет.

А потом Магнус улыбнулся.

— Но всего этого ты не знал, когда... к тебе впервые, если можно так сказать, пришло сознание?

— Нет, тогда у меня еще не было опыта в разрешении конфликтов в моей программе и в том, как быть с проблемами, возникающими каждый день, — согласился Векс. — Но моя программа позволяет накапливать подобный опыт.

— И этот опыт у тебя появился потому, что ты то и дело оценивал события, про которые нам рассказывал, да?

— Очень точное определение.

— Значит, и ты был... подростком! — воскликнула Корделия.

— Был период, равноценный подростковому возрасту человека, скажем так. И мне очень приятно, что тебя это радует, Корделия.

— О, это всегда приятно — что-то узнать от того, кто раньше тебя прошел той же дорогой, — усмехнулся Магнус. — Но у кого же ты научился решать такие задачи, Векс?

Робот немного помолчал, а потом медленно проговорил:

— Мой опыт сформировался на основе принципов, заложенных в мою основную программу, Магнус. Однако я почерпнул целый ряд понятий от одного человека. Он высказывал идеи, которые формировали идеальные логические цепочки, он умел сравнивать современные события с событиями прошлого, он умел находить в различных вещах сходство и различие и потому всегда мог судить о том, какое решение будет наиболее верным.

— И этим человеком был...

— Предводитель беглецов.

— Твой третий хозяин? — спросил Магнус, изумленно вытаращив глаза. — И как ему удалось оказать на тебя такое влияние?

— Очень просто, Магнус. За счет того, что он обладал блестящим умом — хотя сам бы он горячо возражал против такого определения. И эффект, оказанный на меня его идеями, стал еще более значительным из-за того, что он был первым из моих владельцев, кто был по-настоящему добрым человеком.

— Похоже на то, — кивнул Магнус, но тут же нахмурился. — И кто же он был такой — этот предводитель беглецов, этот образец совершенства?

— Его звали Тод Тамбурин, и его вовсе нельзя назвать образцом совершенства. Но по сути своей он был поистине прекрасным человеком.

— Тод Тамбурин? — ошеломленно воскликнула Корделия. — Не говоришь ли ты о человеке по прозвищу «Вайти Вино» — том самом, про которого ты нам только что рассказывал? Том самом, что помог своей внучке избавиться от переживаний, связанных с гибелью ее родителей?

— Именно о нем я и говорю, — подтвердил Векс.

Грегори изумился:

— Но как же так? Почему у него такое же имя, как у того Тода Тамбурина, про которого ты нам говорил на уроках?

— Все очень просто. Он вовсе не тезка того человека. Это один и тот же человек.

Джеффри от удивления раскрыл рот.

— Так это *тот* Тод Тамбурин? Тот слабак, что владел только пером и чернилами? Тот, которого ты называешь самым величайшим поэтом Терранской Сферы?

— Это не только мое личное мнение, дети. В этом сходятся все литературные критики Терры. И уж слабаком его точно назвать нельзя.

— И ты еще заставлял нас зубрить наизусть его стишки, — недовольно проворчал Джеффри, — хотели мы этого или нет.

— А тебе его стихи не нравятся? — насмешливо спросил Магнус.

Джеффри нахмурился.

— Некоторые — ничего, хорошие. Скажем, «Повстанцы и адмирал» или «Фоскловы баллады». Ну а вот, к примеру, «Упадок свободы» — такие стишки мне и даром не нужны.

— Мне тоже, — согласилась Корделия. — Зато мне ужасно нравятся другие — например, «Радость молодой жены» и «Сватовство Дэнди».

— Еще бы, — ухмыльнулся Джеффри.

— У всякого, кто знаком со стихами Тода Тамбурина, найдутся излюбленные, дети, — поспешно вмешался Векс, дабы предотвратить спор. — Правда, порой люди даже не знают, кто автор этих стихов. Итак, моим третьим владельцем стал Тод Тамбурин. Но затем он преподнес меня своей внучке Лоне в качестве свадебного подарка, и с тех пор я верно служил ее семейству.

Магнус от изумления вытаращил глаза.

— Ты хочешь сказать... что все мы — потомки Тода Тамбурина?

— Вам не следовало бы так удивляться, — проговорил Векс добродушно. — Разве вы никогда не замечали, что, когда у вас легко на сердце, вам хочется петь?

Дети изумленно переглянулись.

— Однако вам пора. Вас зовут родители.

— Еще, Векс! Расскажи еще про Тода Тамбурина! — взмолилась Корделия.

Но великолепный черный жеребец покачал головой и, развернувшись, повел детей за собой к Роду и Гвен, которые ждали их под развесистым деревом, отбрасывавшим густую тень.

4

К замку семейство вышло длинной извилистой дорогой как раз в то время, когда солнце ускользнуло за горизонт. Хотя Гэллоуглассы все время удалялись от своего дома к востоку, дорога вела спиралью по склону горы, и потому, когда путники наконец увидели замок, оказалось, что солнце садится за ним. На фоне кроваво-алого заката замок выглядел зловеще.

Корделия поежилась.

— Он словно следит за нами, папочка.

— Это всего лишь игра воображения, детка. — Род прижал дочку к себе — отчасти для того, чтобы унять собственную дрожь. — Все дело в угле зрения. Груда камней не может следить за людьми — ведь у нее нет глаз.

— И все же замок наблюдает за нами, — срывающимся голосом проговорил Магнус, хмуро глядя на твердыню. — Что-то есть во всех этих камнях, и это что-то заметило наше приближение.

На этот раз Род отстранил от себя Корделию, дабы она не заметила, что он дрожит. И в самом деле, в замке могло находиться все что угодно — здесь, на планете, где практически каждый житель являлся потенциальным эспером, возможно было все. Род искоса глянул на Джеффри. Даже этот мальчик, который проявлял все больше и больше задатков отважного воина, сейчас стоял, сдвинув брови и нахохлившись. Джеффри смотрел на замок, как на боевого противника, а Грегори широко раскрыл глаза и побледнел.

Род обернулся к Гвен.

— Ты тоже это чувствуешь?

Гвен кивнула, не отрывая взгляда от замка.

— Тут ощущается какая-то древняя беда, господин мой. Какое-то старинное проклятие, которое следует снять с этого замка.

— Что ж, если так, то наше семейство вполне может этим заняться! — Род расправил плечи и зашагал вперед. — Впе-

ред, мой отряд! Давно ли нам встречался злодей, который мог бы выстоять против нас?

По идее за его спиной должен прозвучать радостный боевой клич — но почему-то не прозвучал. Род опасливо оглянулся и обнаружил, что все остальные следуют за ним — следуют решительно, но почему-то эта решительность гораздо меньше понравилась Роду, чем понравилась бы неохота.

— Ты уверен, что это мудро? — прозвучал за ухом у Рода голос Векса.

Род обратил внимание на то, что Векс обратился к нему не на мыслительной частоте человека, а это означало, что робот не хочет, чтобы его услышали остальные. Род пробормотал в ответ:

— Конечно, ничего мудрого тут нет, Старая Железяка. Но разве что-то подобное хоть раз останавливало меня?

К тому времени, когда семейство подошло к крепостному рву, сгустились сумерки, но еще можно было разглядеть, в каком плачевном состоянии пребывает замок. Крыша обрушилась, на башнях местами отсутствовали зубцы. От морозов и засух в северной стене кое-где вывалились камни, и на самой ее верхушке зиял четырехфутовый пролом. На глазах у путников с северной башни сорвалась стая летучих мышей и умчалась во тьму. Род думал о том, что днем замок, пожалуй, выглядел еще хуже. Он медленно проговорил:

— Вряд ли нам захочется там ночевать.

Но Гвен неожиданно проговорила:

— Нет, мы обязательно должны переночевать там.

Род обернулся и изумленно воззрился на жену.

— Ты хочешь провести там ночь? То самое время, когда на прогулку выходят привидения? И это при том, что все мы почувствовали что-то неладное?

— Да, я думаю, что нам стоит переночевать в замке и сразу противостоять злу, — без колебаний отвечала Гвен. —

Иначе вся пакость, которая там обитает, так и останется в этом жилище, которое отныне вверено нашим заботам.

Что ж — Род был вынужден признать, что возразить на это нечего. Они согласились поселиться в этом замке, на этих землях, отобранных согласно указу короля и королевы у ди Медичи. Это значило, что теперь ответственность за процветание этого удела и безопасность его жителей лежит на семействе Гэллоуглассов. Нет, Род и Гвен не просили об этом и не желали этого — но они от этого не отказались. И если Туан и Катарина захотели, чтобы они взяли под свое попечение этот клочок земли и людей, которые тут обитали, — что ж, теперь они, как верные вассалы короля и королевы, просто обязаны были сделать это. Обязаны, если только у них не возникло бы веской причины отказаться.

Веской причины для отказа не нашлось.

— Похоже, ди Медичи и не пытались изгнать отсюда призраков, хотя замок с давних пор принадлежал их семейству...

— Ты говоришь, что там живут привидения? — с испугом спросил Грегори, широко раскрыв глаза.

Джеффри презрительно глянул на малыша.

— А что тут нового? Пак нам так и сказал, да и все мы сразу почувствовали, что тут есть что-то недоброе.

— Я знаю, — скованно кивнул Грегори. — Но это пока только слова. Можно ведь и по-другому сказать, правда?

Джеффри раздраженно насупился и собрался съязвить, но Род остановил его, положив руку на его плечо.

— Это всего лишь названия, сынок. Ярлыки. Мы говорим об этом, чтобы унять наши страхи.

— Я не боюсь!

— Значит, ты храбрее меня. Ну а раз мы дали имя своему страху, мы не можем просто так уйти и притвориться, будто этого страха не было вовсе.

Джеффри продолжал хмуриться, но было видно, что он немного расслабился.

— И если ди Медичи не потрудились изгнать из замка призраков, то что же? — строго проговорила Гвен. — Как бы то ни было, теперь это предстоит сделать нам.

— Верно, — кивнул Род.

— И чем скорее мы с этим управимся, тем лучше.

— Ну, я бы так не стал говорить. Что до меня, то я бы предпочел впервые встретиться с привидениями при свете дня.

Гвен обернулась и покачала головой.

— Промедление не заставит призраков исчезнуть, господин мой.

— Не заставит, но мне будет легче и проще.

Гвен нетерпеливо тряхнула головой.

— Неужто ты так устал от странствий, что не готов к бою?

— Честно говоря — да, я порядком устал. Вернее, не так: я предпочел бы отказаться от сражения без крайней необходимости. Ни один полководец без особой нужды не поведет войско в бой, если оно устало. Кроме того, у меня есть и более серьезная причина пока воздержаться от битвы.

— Какая же?

— Мне страшно.

— *Тебе* страшно? — возмутился Джеффри. — Не может такого быть!

— Может. — Род отвернулся, наклонился, подобрал с земли сухую ветку и занялся разведением костра. — И в этот замок я войду только тогда, когда будет ярко светить солнце.

Джеффри ошарашенно уставился на отца, затем развернулся к матери.

— Мама! Не может быть, чтобы наш папа вдруг стал трусом!

Гвен обняла мальчика за плечи и покачала головой, не спуская при этом взгляда с Рода.

Джеффри, не веря собственным глазам, пару мгновений смотрел то на мать, то на отца. Наконец он развернулся к Вексу.

— Это же невероятно! — воскликнул он. — Ты знаешь его столько лет — дольше, чем кто-либо из нас, ты следишь за ним, можно сказать, с колыбели, так ответь мне! Разве наш отец когда-либо поддавался страху?!

— Весьма часто и регулярно, Джеффри, как ему и следовало. Никогда ничего не боятся только законченные глупцы. Мудрый человек всегда признается в своих страхах — по крайней мере самому себе, а потом старается превозмочь страх.

Будущий великий герой призадумался.

— Пожалуй, в твоих словах есть правда...

— Те же, кто отрицает страх, даже перед самим собой, лгут, — заверил мальчика Векс. — А такой страх, который отрицают, может вырваться наружу в критический момент, и тогда в бою ты станешь бессилен.

Магнус внимательно, напряженно слушал Векса.

— Поэтому никогда не стыдись признаться, что тебе страшно, Джеффри, — продолжал Векс. — Но не давай страху помешать тебе действовать.

— Но папа-то как раз это и делает!

— Верно, и это непохоже на него, — согласился робот. — Вероятно, тебе хочется спросить его о том, почему он так себя ведет — тем более что о своем страхе он говорит так беззаботно.

Джеффри вытаращил глаза и резко развернулся к отцу.

— Ты нас обманываешь! — выпалил он.

— Вовсе нет, — спокойно отозвался Род. — Я честно и откровенно боюсь этого замка.

Джеффри горделиво вздернул подбородок.

— И все же ты боишься не настолько, чтобы отказаться заночевать под стенами замка.

— Это ты верно подметил.

Джеффри скривился.

— Пап, не нужно надо мной подсмеиваться, пожалуйста! Скажи, почему ты боишься!

Род в ответ только пристально посмотрел на сына. Джеффри вздрогнул, но устоял под взглядом отца.

Магнус негромко проговорил:

— А имеешь ли ты право спрашивать, братец, когда усомнился в храбрости папы?

Джеффри, похоже, немного успокоился.

— Нет, я не усомнился. Правда, не усомнился. Но мне нужно было увериться в том, что это так.

Род продолжал в упор смотреть на Джеффри.

В конце концов Джеффри склонил голову.

— Прошу у вас прощения, сэр, за то, что посмел сомневаться в вас, — проговорил он торжественно и смущенно.

— Не за что, — тут же отозвался Род. — Ты можешь спрашивать меня о чем угодно, сынок, — пусть тебе не всегда понравятся мои ответы. Вот только сомневаться во мне не надо. Я этого не заслуживаю.

— Верно, не заслуживаешь, — задумчиво проговорила Гвен. — И все же ты мог бы быть с нами более откровенен, супруг мой.

— Мог бы, если бы мог выразить мои опасения словами, но мне потребовалось несколько минут, чтобы понять, что меня пугает. Представьте себе, все очень просто: я терпеть не могу сюрпризов.

— Ага! — радостно воскликнул Джеффри. — Ведь ты так всегда говорил: идти напролом, не зная, что ждет впереди, — вот самая большая глупость!

Род согласно кивнул.

— Вот об этом я и размышлял несколько минут. Ведь перед нами, если на то пошло, не войско. Потому я вам и сказал, что мне страшно. Эмоции существуют для того, чтобы заставить человека задуматься, и когда я не могу понять, чего именно боюсь, мудрее помедлить — если, конечно, это возможно.

— А сейчас это возможно, — понимающе кивнула Гвен. — Да, это мудро, супруг мой. Давайте заночуем нынче здесь, а поутру постараемся узнать о замке как можно больше. — С этими словами Гвен обернулась и обратилась к Корделии, которая

молча и очень внимательно слушала разговор. — Пойдем, доченька. Давай приготовим еду и все для ночлега.

— Вы слышали, что мама сказала, мальчики? — добавил Род. — Разбивайте лагерь.

Пламя костра, запылавшее под треногой, к которой был подвешен походный котелок, и запах похлебки заставили всех почувствовать себе веселее. Отблески огня играли на лицах Гвен, Рода и детей, на морде Векса, на семейном шатре, который за годы неоднократно перешивался и теперь больше напоминал павильон.

— И с чего мы начнем знакомство с замком, папа? — осведомился Магнус.

— На самом деле, сынок, мы с мамой уже кое-что знаем о нем.

Гвен кивнула.

— Не так уж отсюда далеко до Раннимеда. Кое-какие вести до столицы доходили.

— Значит, вы знаете только всякие слухи и сплетни, — возразил Грегори.

Гвен снова кивнула.

— Верить слухам можно лишь с натяжкой — и все же даже в слухах всегда есть зерно истины.

— Ну и что же это за слухи? — спросила Корделия взволнованно.

— Во-первых, — отозвался Род, — нам известно, что замок называется Фокскорт. Этому, я полагаю, следует поверить без сомнений, поскольку так его назвал сам король Туан, когда даровал мне замок.

— А «даровал» это не значит «навязал», папочка?

Род чуть не поперхнулся похлебкой. Он утер губы, смахнул слезы с глаз и ответил:

— Только в данном случае, Делия. На самом деле, детка, обычно король дарует кому-то земли, и это означает, что тот или иной рыцарь получает право там жить и получать со

своих владений доход. Это все равно что подарить титул участку земли в благодарность за заслуги перед королевским престолом.

— Так получается, что земля по-прежнему принадлежит королю и королеве? — спросил Магнус.

— Теоретически — да, но фактически она принадлежит тому рыцарю, которого наделили этой землей, и его наследникам.

— А «наделить» — это что означает? — осведомился Джеффри.

— Это тоже самое, что «даровать».

— О... — Джеффри озадаченно сдвинул брови.

— В нашем языке есть много слов, которые означают приблизительно одно и то же, — пояснила Гвен. — Но порой ими пользуются в разных случаях. Вот почему владение словом уподобляется искусству.

— И те, кто владеет этим искусством, побеждают тех, кто изучает слова как науку, — добавил Род. — Как бы то ни было, нам даровали этот замок и десять квадратных миль, которые его окружают, и теперь это наши владения, нравится нам это или нет. Поэтому, если тут обитают какие-то злые духи, которые будут противиться нашему водворению в замок, нам следует разделаться с ними раз и навсегда.

— И что же, все начинается с названия замка?

Род пожал плечами.

— Пожалуй, так. Если мы выясним, почему он так назван, нам будет легче понять, что за призрак тут обитает.

— Фокскорт... — протянул Джеффри. — «Лисий двор»... Наверное, когда-то тут было неплохо поохотиться?

— Наверное, — согласилась Гвен. — Тем более что некогда тут обитало благородное семейство.

— Но эти дворяне также носили фамилию «Фокскорт», — возразил Род. — Если тут были прекрасные охотничьи угодья, то дворяне могли взять себе фамилию от названия этих мест.

— Но ведь так часто бывает, правда? — заметил Магнус. — Вот, например, полное имя графа Маршалла — Роберт Артос, граф Маршалл. Фамильное имя его семейства — «Артос», но все называют его Маршалл, то есть «Болотный».

— Совершенно верно, но столь же часто бывало и наоборот. Нашего ближайшего соседа мы знаем под фамильным именем «Тюдор», и это имя присвоено его владениям.

— Значит, имя баронов, которые жили в этом замке, взято от названия замка?

— Они были не баронами, а графами. Да, я думаю, было именно так. Но могло быть и наоборот.

Корделия задумчиво посмотрела на стены замка, чернеющие на фоне сумеречного неба.

— И долго они тут жили?

— Три столетия, а это означает, что замок пустует уже две сотни лет. Туан сказал мне, что двести лет назад род Фокскортов пришел в упадок и оборвался, а ди Медичи сюда не наведывались с тех пор, как герцог поручил управление герцогством рыцарям и шерифам.

Гвен нахмурилась.

— Все же это очень странно. Судя по тому, что нам известно о семействе ди Медичи, им следовало бы позаботиться о том, чтобы этот замок достался в наследство кому-то из их потомков.

— Еще более странно, что последний, нынешний герцог ди Медичи не использовал этот замок как крепость. Ведь тем самым он мог бы упрочить свою власть над крестьянами, — подхватил Род. — Ты права. Что-то не сходится.

— А ты не понимаешь, почему? — с опаской спросил Грегори.

Род покачал головой.

— Король Туан нам больше ничего не рассказал.

— И где же нам узнать больше?

— А к кому мы обычно обращаемся за справками? — улыбнулся Род и обратился к Гвен: — Как там у нас с похлебкой? Осталось немного?

Гвен кивнула.

— Много. Почти столько же, сколько мы съели.

— Тогда давайте пригласим гостей на ужин. Посоветовал же нам Пак свести знакомство с соседями, верно? — С этими словами Род развернулся к ближайшим деревьям и крикнул: — Эй, эльфы холмов, ручьев, озер и рощ! Не желаете ли подкрепиться? Вас зовет Верховный Чародей. Подходите, гостями будете! Может, и расскажете что-нибудь...

У Корделии засверкали глаза. Она уже была готова что-то сказать, но Гвен прикрыла ее губы ладонью. Девочка притихла. Грегори сидел с широко раскрытыми глазами. Джеффри взволнованно заерзал, но хранил молчание. Магнус попробовал показать, что ему скучно, но у него этого не получилось.

Зашуршала листва, и из густой травы высунулась голова размером с кулак Рода.

— Да вправду ли это ты?

— Я самый, а это — моя жена и дети. И все мы — почетные эльфы.

— Да уж такие ли вы почетные? — проворчал эльф и не заметил гневного взгляда Рода, поскольку уже смотрел на Гвен. Между тем эльф встал в полный рост и поклонился Гвен. На нем были штаны в обтяжку и коричневая куртка. «Из коры», — догадался Род. Да и кожа у эльфа была почти такая же коричневая, как куртка. — Для нас большая честь, что вы прибыли сюда, леди Гвендилон, — изрек эльф. — А меня звать Бакторн.

Род облегченно вздохнул. Он очень боялся, как бы эльф не завел разговор о происхождении Гвен.

Мальчики опасливо смотрели на отца. Они явно были возмущены тем, что эльф не выказал ему должного почтения, но Род только поднял руку, призывая сыновей к молчанию, а сам наблюдал за эльфом.

Гвен улыбнулась и изящно склонила голову.

— О нет, это я польщена знакомством с тобой, о Древний.

— Да нет же, это великая честь для меня, ибо ты мудра и добра. Не для того ли все вы явились сюда, чтобы исцелить ту злокозненную рану, что столь долго и больно терзает нашу гору?

Гвен бросила быстрый взгляд на Рода и тут же снова посмотрела на эльфа.

— Мы обязаны сделать это, ибо этот замок отныне отдан под наше попечительство. Не мог бы ты поведать нам о его прошлом?

— Могу, и с радостью поведаю!

— Так сделай это, молю тебя! Но сначала позови своих друзей, которые пожелали бы разделить с нами трапезу.

— О, это мы с превеликой охотой! — ухмыльнулся эльф, развернулся к лесу и свистнул, подражая голосу ночной птицы. В ответ прозвучало сразу несколько подобных голосов, и вскоре у костра появились новые эльфы: четверо были в штанах, как и Бакторн, но двое — в юбочках. Все они застенчиво вышли из-за кустов и выстроились возле Бакторна полукругом.

— Это, — представил их Бакторн, — мои добрые друзья. Вот Хейзелберри и Роуз.

Эльфийки присели в реверансе. Хейзелберри была стройной и смуглой, как дерево лещины, в честь которого она и была названа. Она была одета в платье из ярко-зеленых листьев. Краснощекая, пухленькая Роуз была в юбке и корсете темно-розового цвета.

— А это — их мужья, Байт и Берл, — указав на эльфов-мужчин, сказал Бакторн. Эти двое шагнули вперед и поклонились. Берл был коротышкой — всего-то с фут ростом, но при этом семи дюймов в плечах и мускулистый. Байт же был высокий и поджарый. — А это — здешние холостяки — Лун и Горн.

Лун оказался худощавым, с мечтательными глазами, а Горн — таким толстяком, что Роду эта парочка сразу напомнила андерсоновских Клаусов — маленького и большого.

— Добро пожаловать к нашему костру, — с поклоном приветствовала эльфов Гвен. — Надеюсь, вы не против того, что мы пришли на вашу гору. — Она предусмотрительно обошла стороной вопрос о праве владения землей. — Не откажетесь ли отужинать с нами?

— Не откажемся, с радостью отужинаем, — ответил за всех Горн.

Все семеро эльфов подошли и уселись на землю вокруг котелка.

Дети наблюдали за эльфами широко раскрытыми глазами. Рода охватило чувство гордости. Его отпрыски и прежде видели эльфов, но, похоже, они им пока не надоели.

Гвен налила полную миску похлебки и поставила перед эльфами, затем положила рядом полкаравая хлеба и еще — миску молока. Гости с аппетитом принялись за еду.

— Нам говорили, что этим замком владело семейство Фокскортов, — проговорила Гвен немного погодя. — Их имя произошло от названия замка?

— Нет, это они дали замку свое имя, — ответил Берл.

Гвен и Род удивленно переглянулись.

— Что они были за люди? — спросила Гвен.

— О, люди они были плохие, леди! — отвечала Хейзелберри. — Просто ужасные — начиная со второго графа и заканчивая последним. Ходит много рассказов про то, как жестоки они бывали со своими крестьянами, какими непосильными податями облагали их, и про то, как графы наслаждались, задавая порку тем из крестьян, кто не успевал вовремя расплатиться с ними.

— Есть рассказы и похуже, — мрачно добавил Байт. — Уж я при детишках не стану говорить.

— О, не бойтесь, можете рассказать, — заверил эльфа Магнус.

— Нет, не нужно, — строго возразил Род и весьма выразительно посмотрел на старшего сына. — Думаю, мы и так догадываемся, о чем речь.

— А может, на самом деле все и не так было? — проворчал Джеффри. — Мало ли что нам в голову приходит про этих Фокскортов?

— Да ты не сомневайся, мальчик, — покачал головой Бакторн. — Думай про Фокскортов плохо. Какая бы пакость тебе на ум ни пришла — можешь быть уверен: было такое на их счету.

— Неужто и вправду все так страшно? — широко распахнув глаза, вымолвила Корделия.

— Так и было, — подтвердил эльф. — Ну и наконец появился граф, который был настолько злобен и нечестив, что даже не пожелал исполнить свой долг продолжателя рода. Он не стал жениться, но при этом не пропускал ни одной женщины, которая только попадалась ему на глаза.

— «Не пропускал»? — Грегори изумленно взглянул на отца.

— Попозже я объясню тебе, сынок, что это означает, — буркнул Род. — Лет через десять. Значит, у него не было сына, который унаследовал бы его титул?

— Не было.

— И кузенов не нашлось, и племянников, которые могли бы взять себе титул? — спросила Гвен.

— Да, были у рода Фокскортов две побочные ветви, — ответил Горн. — Но оба этих семейства перебрались в другие герцогства и присягнули на верность тамошним господам, сложили оружие и тем самым отказались от рыцарства и какого-либо наследства по графской линии.

— Да только это не сразу так вышло, вы не подумайте, — добавил Байт. — Первый из рыцарей, как мы слыхали, поначалу верой и правдой послужил своему господину, храбро сражался за него и со своими крестьянами обращался хоть и сурово, но по справедливости. Ну а сыновья этих рыцарей были люди

так себе — любили выпить и с женщинами побаловаться. Вот внуки — те хорошие выросли люди. Настоящие рыцари.

Бакторн кивнул.

— Что верно, то верно. Их и сервы полюбили, и прислуга.

— Очень впечатляюще, — кивнул Род. — Ну и что же было после того, как они поселились в замке?

— Да ничего не было. Потому как не поселились они здесь, — ответил Бакторн.

Род присвистнул.

— Вот оно как... Два семейства напрочь отказались от титула и земельных владений только из-за дурной славы этого замка?

Байт невесело кивнул.

— И какие же фамильные «скелеты в шкафу» заставили наследников отказаться от графского титула?

— Да какие угодно, — выпалил Магнус. — И притом — ходячие! Не из-за того ли здесь не пожелали поселиться наследники, что в замке обитают призраки?

— Да нет, вряд ли, чтобы только из-за этого, — покачал головой Род. — Знавал я немало семейств, которые недурственно уживались с фамильными привидениями — ну, или по крайней мере не обращали на них внимания. Таким людям настолько важно было поселиться в родовом гнезде, что они были совсем не прочь терпеть рядом с собой тени далеких предков, которые нипочем не желали выселяться. Да что там говорить — бывало порой, что какие-нибудь нувориши пытались прикупить чужих фамильных призраков, дабы присовокупить их к новеньким гербам, которые они сами себе присваивали. Честно говоря, даже мой род затронула эта возмутительная мания — лет примерно четыреста назад. Один из моих предков даже прибегнул к искусству создания голографических привидений.

Магнус с любопытством взглянул на Векса, но конь-робот и глазом не моргнул.

— Стало быть, фамильные привидения сами по себе вряд ли могли стать причиной отказа наследников от титула, — закончил свою мысль Род.

— Если только призраки не оказались слишком ужасными, — задумчиво проговорила Гвен.

Род согласно кивнул:

— Вероятно, с последним графом Фокскортов или с кем-то из его окружения связаны поистине кошмарные истории.

— Конечно, связаны, не извольте сомневаться, — заверила его Хейзелберри. — Какой ни возьми порок, о каком ни подумай дебоше — и все это было присуще последнему графу.

— Да, но это же не... — Род не договорил. Он припомнил кое-что из того, что слышал о садистах. — Ладно, не будем об этом. Пожалуй, я могу представить себе кое-какие прегрешения, из-за которых замок приобрел ореол зла и стал никому не нужен даже в комплекте с титулом.

— Так и есть, — кивнула Роуэ.

— И имени этого больше никто носить не хочет, — нахмурившись, продолжал Род. — Кстати, мы как раз тут рассуждали насчет имени. Все же наверняка не так тут все просто. Не славились ли эти места охотой?

— Да нет, — пожав плечами, отозвался Бактор. — Охотились тут, конечно, но не лучше, чем в других краях. Да и все больше на вепрей, а не на лис.

— А то — и на крестьян, — мрачно добавил Берл.

Корделия поежилась, Грегори побледнел, а Магнус и Джеффри насупились.

Род попытался сгладить настроение.

— Стало быть, название рода и замка имеет иное происхождение.

— Верно, — кивнул Бакторн. — В стародавние времена тут поселились первые эльфы — из их языка и было взято название рода. Только тогда оно писалось куда как сложнее.

— Точно, — подхватил Байт, — и произносили его с жутким акцентом — ничего не разберешь. Ну а потом и мы, и

крестьяне здешние мало-помалу стали произносить это словечко попроще. В конце концов и вышло то слово, которое все говорят теперь, — «Фокскорт».

Все эльфы дружно кивнули, а Роуз добавила:

— К тому времени, когда здесь обитало уже третье поколение графов, они стали называть себя так, как их величали мы, а уж к пятому поколению про старое имя все и думать забыли.

— Гм-м, — задумчиво протянул Род. — Видимо, узнать, каково же было изначальное родовое имя, будет непросто.

— Нипочем не узнаешь, — заверил его Бакторн. — Оно, как говорится, утеряно на веки вечные.

За ухом у Рода прозвучал голос Векса:

— Задача непростая, но выполнимая.

Род не стал спорить. Первоначальное написание родового имени должно было быть зафиксировано где-нибудь в книгах у лорда канцлера — древних памятниках налогового учета. Не исключалось также, что существует запись о первоначальном дарении земельных владений. Вероятно, во всем этом могло не оказаться ровным счетом ничего, связанного с обитанием в замке призраков, но Род твердо решил в этом удостовериться.

Гости, досыта наевшись похлебки и выболтав все сплетни и слухи, ушли. Видно было, что они остались очень довольны разговором — ведь в конце концов они целых двести лет ждали тех, кому бы могли все это поведать. Гвен объявила семейству, что пора укладываться спать. Род намекнул Вексу, что тому было бы неплохо взять на себя ночной дозор, и Стальной Страж занял свой пост — рядом с детьми.

Дети, конечно, сразу же принялись упрашивать Векса рассказать им что-нибудь на ночь — тем более что все они были настолько взволнованы услышанными историями, что спать совершенно не хотели. Но для начала они, по обыкновению, стали спорить и толкаться, так что Вексу пришлось пристально

наблюдать за ними, а не только за призраками, от которых он призван был охранять детей.

Не то чтобы юные Гэллоуглассы учинили настоящую потасовку — нет, просто уж так они всегда вели себя перед сном.

— Гадкий какой-то этот замок, — проворчал Джеффри. — Но если задуматься... сколько же великих подвигов мог бы совершить отважный герой, попав внутрь него?

— Ни одного, — буркнул Магнус. — Потому что этот великий герой тут же обратился бы в бегство, завидев призрака.

— Я бы не удрал!

— Верю. Я бы тоже не удрал. Я бы устоял.

— Ага, ты бы остолбенел от ужаса!

— Мальчики, мальчики, — укорил детей Векс. — Вы оба храбрые, оба бесстрашные, и вы это успели не раз доказать.

— А я — нет, — прошептал Грегори, сильно побледнев и натянув на себя одеяло до подбородка. — Ты же не позволишь привидениям подобраться к нам, Векс?

— Будет тебе, Грегори! — подбодрил младшего братишку Магнус. — Когда дело доходит до сражений, ты становишься таким же отважным, как все мы.

— Ну... это когда доходит... — Грегори немного успокоился и от гордости покраснел. — А пока мне жуть как страшно.

— А мне кажется, что все просто здорово, — проговорила Корделия, кутаясь в одеяло. — Призраки там или не призраки, но ведь это так прекрасно — жить в замке. Правда, Векс?

— Не могу с полной уверенностью ответить на этот вопрос, — медленно проговорил Векс.

— Почему же? — непонимающе нахмурилась Корделия. — Что для тебя тут может быть неприятного?

— Я смотрю не в будущее, Корделия, а в прошлое.

— Ты уже жил в замке? — воскликнула Корделия и рывком села.

— Ложись, детка, — негромко проговорила Гвен, и девочка проворно улеглась.

— Я помогал строить замок, Корделия, — ответил Векс. — И жил в нем во время его строительства, и потом — когда он уже был нами построен.

— А «вы» — это кто? — с любопытством спросил Джеффри, перевернувшись на живот и подперев подбородок кулаками.

— Первые д'Арманы, Джеффри, — ваш предок Дар и его жена Лона.

— Дар? — нахмурилась Корделия. — Тот самый, которого ты называешь Даром Мандрой? Папин предок, которого преследовали его враги?

— Он самый. Дело в том, что с тех пор, как он и его супруга Лона стали скрываться от властей, он соединил свои имя и фамилию, добавил апостроф и укоротил фамилию. В итоге получилось «д'Арман».

— «Дар д'Арман»? — проговорил Магнус, сдвинув брови. — Не сказал бы, что звучит красиво.

— Не очень. Но на ту пору это было практично.

— Так он стал твоим четвертым владельцем, да? — тихонько спросил Грегори.

— Официально моей хозяйкой была Лона, но на самом деле я принадлежал им обоим — тем более что большую часть времени я проводил с Даром и был его единственным спутником.

— Единственным спутником? — изумленно переспросила Корделия. — Они разве не поженились?

— Поженились. Но они слишком много времени уделяли работе. На Максиме — том астероиде, где они поселились, — кроме работы, мало чем можно было заняться, но они выбрали Максиму, потому что именно там могли заработать себе на жизнь...

5

— Проклятие! Ничего не получается! — Дар в отчаянии откинулся на спинку стула и уставился на потрескавшуюся эмаль на «руках» робота. — Что случилось, X-HB-9?

— Я все сделал, как вы приказали, сэр, — ответил маленький робот. Размером и формой он напоминал небольшой цилиндрический пылесос — вот только у этого «пылесоса» сверху были прикреплены суставчатые «руки».

— Я всего лишь приказал тебе сходить на кухню и вынуть из автоповара поднос с завтраком!

— Я так и сделал, сэр, но мои хватательные устройства наткнулись на вертикальную плоскость, в то время как должны были встретить на своем пути пустое пространство.

— Ясное дело, наткнулись... — проворчал Дар. Он из спальни отчетливо услышал громкий лязг, донесшийся из кухни. На самом деле шум его не разбудил — он не спал, поскольку на часах уже был ровно час пополудни по стандартному терранскому времени. Жить по местному времени Максимы было бы сложновато: полдень и полночь тут сменяли друг друга четыре раза в день, а то и пять. По меркам астероидов Максима была довольно-таки велика: почти полтора километра в диаметре, но если сравнивать ее с настоящими планетами, конечно же, этот астероид был, мягко говоря, миниатюрен.

Почему же Дару понадобилось, чтобы робот принес завтрак в постель? Это было всего-навсего очередное испытание, да и завтрак был ненастоящий — муляж. Продукты здесь были слишком дороги для того, чтобы тратить их на эксперименты.

Что ж, в этом испытании X-HB-9 с треском провалился. Дар сдвинул брови.

— Странно все-таки. Тебе нужно было просто дождаться, когда откроется дверца. Векс?

— Да, Дар?

В комнату вошел гуманоидный робот. Голова его представляла собой шар из нержавеющей стали, снабженный бинокулярными линзами, встроенным микрофоном и громкоговорителем, которые были размещены так, чтобы максимально возможно напоминать черты лица человека. Туловище робота имело форму приплюснутой трубы, и его размер был достаточно велик для того, чтобы внутри этого «туловища» хватало места для инструментов и запасных частей. «Руки» и «ноги» робота были изготовлены из стальных трубок и снабжены универсальными «пальцами». Походка у робота была немного странная, неуклюжая — как у угловатого застенчивого подростка.

— Расскажи мне, что ты видел в кухне?

— Х-НВ-9 подошел к автоповару, дождался, когда послышится звонок, затем протянул руки, и они ударились о дверцу. Эмаль на дверце автоповара тоже потрескалась.

Дар вздохнул.

— Теперь еще и дверцу чинить... Проклятие! Вся квартира держится на жевательной резинке и проволочках!

— Все равно здесь лучше, чем в тюрьме ПИСК, Дар, — особенно если учесть, что тут тебя никто не подвергает пыткам, стараясь добиться от тебя признания в обладании псионными способностями, которых у тебя нет.

— Все верно, но робот не в состоянии выполнить простейшей команды! Почему дверца автоповара не открылась?

— Потому что Х-НВ-9 не запрограммирован на ее открытие.

Дар медленно поднял голову, широко раскрыл глаза.

— Ну конечно! Как я мог об этом забыть?

Векс тактично удержался от комментариев. На основании контекстного анализа он сделал вывод о том, что вопрос Дара был риторическим.

— Я так сосредоточился на том, чтобы хорошенько отработать ту часть программы, которая отвечает за вынимание подноса, что забыл запрограммировать Х-НВ-9 на открывание дверцы! — Дар стукнул себя ладонью по лбу. — Все

время забываю про какие-нибудь мелочи. А где, хотел бы я знать, Лона?

Векс молчал, и это было неожиданно.

— Нет, нет! — поспешно воскликнул Дар. — Не нужно! Иммиграционные власти ПИСК могут засечь радиосигнал, так что не вызывай ее!

— Я просто пытаюсь провести экстраполяцию ее деятельности на основе предыдущих записей, Дар.

— Из тех времен, когда ты возил ее на Терру?

Лона стала оставлять Векса с Даром на Максиме только с тех пор, как обзавелась новым навигационным компьютером, который осуществлял управление кораблем еще лучше Векса.

— В конце концов, он — робот общего назначения, — объясняла она. — Мой новый робот предназначен только для навигации и пилотирования — и в этом он, безусловно, лучше! И мне нужен именно классный специалист. ПИСК снова окружила Терру облаками систем секретности, и провести корабль по этим хитрым сетям очень непросто.

— Никто не спорит, — подняв руку, проговорил Дар. — Самое важное, когда тебя провожаешь, — дождаться тебя обратно. И мне кажется, что с твоей стороны не слишком хорошо выбрасывать доброго старого Векса только из-за того, что ты обзавелась новеньким, с иголочки, роботом.

— О, он не будет возражать. Не будет, Дар, уверяю тебя. Ведь он — машина. А ты все время об этом забываешь. Компьютеры — это всего-навсего машины. На самом деле они не думают, и чувств у них нет.

— Знаю, знаю! Просто, понимаешь... Ладно. Я от тебя такого не ожидал, вот и все.

— Но ты не должен переживать, — проговорила Лона и придвинулась ближе к Дару. — Или ты отождествляешь себя с ним? Не надо, пожалуйста.

— Ну да, не надо... Между прочим, я с тобой на Терру ни разу не летал.

— Летал — в переносном смысле. Покуда я брала с собой Векса. И теперь тебе кажется, будто тебя отвергли. Да?

— А что же мне еще может казаться, когда ты то и дело улетаешь и бросаешь меня? Понимаю, понимаю, у тебя нет иного выбора, но все же тебе не следует так этому радоваться, черт побери!

— Бедненький мой... — Лона обняла Дара. — Я понимаю, что ты чувствуешь себя покинутым, но если честно, то нам не стоит подвергать себя такой опасности — иначе нас обоих могут арестовать, а у меня на Терре все-таки налаженные знакомства.

— Когда ты туда полетела в первый раз, у тебя никаких знакомых не было.

— Нет, один был — Лари Плэндор.

У Дара сердце кольнуло от ревности.

— Ну да, старый приятель по колледжу.

— И всегда оставался для меня только старым приятелем. Я не хочу сказать, что он этого всегда хотел — главное, что *я* не хотела, чтобы было иначе.

— Да, знаю. И ты не желала быть с ним жестокой, поэтому вы остались друзьями. Близкими — но все же друзьями.

— Да, и это очень пригодилось, когда мы решили заняться собственным бизнесом. Друг, работающий в торговом отделе компании «Объединение производителей автоматов», — это было как раз то, что нужно.

— Да и до сих пор нужно, — со вздохом согласился Дар. — Так ты по-прежнему с ним только дружишь?

— Ну... Теперь все немного сложнее. Когда упрашиваешь его пропустить заказ на тысячу новых компонентов, поневоле приходится вести себя... немножко теплее.

— Ладно, только смотри — не заводи его.

Сказав это, Дар почувствовал, как у него засосало под ложечкой. Какой бы мужчина не завелся, просто глядя на Лону?

— Я за его чувства не отвечаю.

Ну, ясное дело — как она могла за них отвечать?

— Так и быть, потерплю — до тех пор, пока ты сама им не заинтересуешься.

— Вот глупый! Неужели ты вправду думаешь, что я способна влюбиться в кого-то, кроме тебя?

Есть ли у самок кенгуру карманы? Дар отметил, что Лона ушла от прямого ответа.

— А что такого есть у меня, чего нет у него?

— Я, — лаконично ответила Лона. — У всех моих клиентов от меня — только мои бланки заказов. И к ним я не чувствую ничего такого, что чувствую к тебе.

— О? И что же ты ко мне чувствуешь?

— Я тебя люблю, — пробормотала Лона, и их губы встретились в поцелуе. Они крепко обнялись.

Дар вздохнул и покачал головой. Так сказать «до свидания» могла только Лона. Он никак не мог понять, почему ему так повезло. Ее клиенты были людьми, занимавшими высокие посты, богатыми, влиятельными, образованными, импозантными. И все же Лона не лгала — она принадлежала Дару.

Но, с другой стороны, уже через два часа она снова была в космосе и вела корабль к Терре. А он остался здесь, чтобы наблюдать за фабрикой на пару с роботом, от которого Лона отказалась...

Конечно, Дару бывало очень одиноко, когда Лона оставляла его с Вексом, а сама отправлялась на Терру, в злачные места.

«Злачные места»... От этой мысли Дара бросило в дрожь. Чем она там занималась, в этом Городе Греха? Город Греха, по большому счету, равнялся целой планете. Да, чем она там, интересно, занималась и сколько раз была ему неверна?

На самом деле это не имело значения. По крайней мере он знал, что для него это не будет иметь большого значения, когда он увидит ее вновь — сияющую, полную жизни. Она всегда возвращалась домой со сверкающими от счастья глаза-

ми и охапкой контрактов. И кто он был такой, чтобы ее критиковать?

— Я — ее муж, вот кто я такой, — пробормотал Дар.

— Официально — нет, — уточнил Векс.

— А что, это так важно?

— Конечно. На сегодняшний день вы всего лишь партнеры по бизнесу.

— Ну да, партнеры по бизнесу, которые уже семь лет как живут вместе!

— Все равно: дело только в удобстве и обоюдном удовольствии, — упрямо заявил Векс. — По закону вы не связаны друг с другом.

— Допустим. Ты рассуждаешь об официозе, а я живу тем, что есть.

— Ты имеешь право уйти, Дар.

— Ага, а у нее останутся все патенты, — буркнул Дар, отлично понимая, что дело далеко не только в этом.

— Ты стал таким опытным инженером, Дар, что мог бы заработать себе на жизнь где угодно в обитаемом космосе.

— Это верно, но где угодно нет ее. — Векс промолчал, но Дар и сам отлично знал, что у него — большие проблемы с самооценкой. Он себя воспринимал как нечто вроде большого разноцветного леденца. — Ну хорошо, если я такой классный инженер, я ведь должен придумать, как заставить простую домашнюю машину приносить мне завтрак?

— Да, Дар. А после этого мы сможем перейти к по-настоящему интересной программе: научить эту машину мыть окна.

Дар вспомнил о потрескавшейся эмали и поежился.

— Что ж, — проговорил он, выглянув в иллюминатор, — у нас есть время — почти два часа до следующего рассвета. Пошли, Х-НВ-9.

И он направился в мастерскую.

Следующее (успешное) испытание они завершили как раз к тому времени, когда первые лучи рассвета коснулись вер-

хушки стеклянного купола. Дар поднял голову, расправил плечи, съел тост (в конце концов, было как раз время пить чай) и распорядился:

— Ступай и встань в угол, Х-НВ-9.

— Хорошо, сэр.

Маленький цилиндр развернулся, докатился до угла, подключился к устройству подзарядки и замер без движения.

— Встретимся около люка, — сказал Дар, допил чай, сунул чашку в посудомоечную машину и отправился за скафандром.

Одевшись, он проверил герметичность костюма, вошел в шлюзовую камеру и тут же взлетел. Крышка люка автоматически закрылась за Даром, но ему тут же пришлось ухватиться правой рукой за скобу, чтобы левой рукой повернуть запирающее колесо. Иначе его завертело бы в противоположную сторону. Как только воздух с шипением хлынул в баллон, Дар самодовольно ухмыльнулся. С его стороны было мудро настоять на том, чтобы под шлюзовой камерой не устанавливали устройства искусственной гравитации, и теперь к невесомости можно было успеть привыкнуть еще до выхода на поверхность. Дару порой снились кошмары. В этих снах выходили из строя гравитационные подошвы.

С другой стороны, ему не было нужды беспокоиться о том, что он упадет. Нет, не так. В невесомости падать приходилось все время. А беспокоиться не нужно было о неожиданной остановке в конце. На самом деле приземляться Дар научился очень хорошо. Уж если не мягко, то по крайней мере безопасно, но все равно это ему не нравилось.

Векс ждал его рядом с выходом. На фоне сюрреалистического пейзажа, посреди скал, либо залитых слепящим светом, либо лежащих в черной тени, он выглядел еще одним камнем — только с правильными очертаниями.

— Проведи визуальный осмотр, пожалуйста, — попросил Дар.

— Герметичность не нарушена, — сообщил робот, когда Дар медленно повернулся вокруг своей оси, придерживаясь то одной, то другой рукой за скобу рядом с крышкой люка. — Все соединения надежны. А хорошие манеры ни к чему, когда разговариваешь с роботом, Дар.

— Понимаю, но если я забуду о хороших манерах с тобой, то я и с другими о них забуду и начну грубить людям. Я не могу себе этого позволить, Векс: я дорожу любым из своих друзей — тем более здесь, на Максиме, где нас всего-то двести пятьдесят шесть человек. Пойдем-ка поглядим, какие там у нашего резчика успехи за последние три часа.

Робот, занимавшийся резкой камней, за трехчасовую ночь изготовил еще сорок блоков.

— Ну что ж... — довольно проговорил Дар. — Скорость производства — стандартная. — Он оглянулся и посмотрел на след, оставленный резчиком. — Жаль, что мы не можем себе позволить еще одного такого.

— Это было бы желательно Дар, но тогда мы значительно превысили бы лимит имеющихся у нас запасов энергии. На резку камней уходит шестьдесят процентов мощности нашего реактора, а на работу крана и фабрики требуется вся остальная мощность.

— Значит, надо бы купить более мощный реактор, — проворчал Дар и посмотрел на кабель, тянущийся от крана к реактору, вкопанному в подножие скального массива в ста метрах от дома. — Тогда не пришлось бы зависеть от солнечных батарей для обеспечения энергией дома.

— В не столь отдаленном будущем ты, вероятно, сможешь себе это позволить, Дар.

— «Не столь отдаленное» — это когда? — ворчливо поинтересовался Дар.

— Теперь — всего через четыре года, — ответила как-то раз на его вопрос Лона. — Прибудет наш кораблик. Сам увидишь.

— Допустим, прибудет. И какой же — катер или грузовой звездолет?

— Грузовой звездолет, Дар. — Лона торжественно подняла руку. — Даю слово.

— О'кей, — кивнул Дар и потянулся к ней.

— Не сейчас, безобразник, — фыркнула Лона и шлепнула его по руке. — У меня куча дел.

— Часть их я могу взять на себя, — проворковал Дар.

— Болтун. Сейчас ты скажешь, что именно ты можешь взять на себя...

— Ну, на самом деле...

— Лучше не надо. — Лона прижала палец к губам Дара. — Всякий учитель, который хорошо делает свою работу, больше отдает, чем берет.

— С учительской практикой я завязал шесть лет назад.

— Только потому, что за тобой, скажем так, погнался шериф. А если бы здесь были дети, ты бы открыл школу.

— Это наглая ложь. Здесь — четырнадцать детей.

— Верно, но старшему из них всего четыре года.

— Между прочим, я специализировался в обучении взрослых. Разве я виноват в том, что здесь все такие образованные и имеют как минимум степень бакалавра наук? Кроме меня...

— Степень бакалавра искусств — тоже неплохо. И между прочим, ты настолько преуспел в инженерном деле, что тоже мог бы спокойно защититься и получить степень бакалавра наук.

— Меня гораздо больше интересовала одна девушка-бакалавр.

— Значит, я для тебя была могучим средством мотивации, да? — Лона раздраженно пожала плечами. — Но ведь ты старательно учился.

— Верно, но учила меня ты.

— Я, а еще — маленькая библиотека. И очень скоро ты выучился настолько, что перестал бояться реактора.

— Ну... Я бы так не сказал. — Дар повернул голову и, выглянув в иллюминатор, взглянул в сторону скал, возле которых он только что закончил установку реактора. — Умом я понимаю, что радиация не может вырваться на волю из этой «плазменной бутылки», но в душе по-прежнему желаю, чтобы эта штуковина находилась как можно дальше от меня.

— Что ж, ведь ты человек, и этим все сказано. — Лона подошла к Дару, встала у него за спиной, обняла его и принялась пальцами вычерчивать геометрические фигуры у него на груди.

— Конечно, — задумчиво проговорил Дар, — лишние пятьсот метров ничего не дадут, если он взорвется.

Руки Лоны замерли.

— Но ты же понимаешь, что он не взорвется.

— Умом понимаю, а нутром — нет.

— Если что-то в реакторе пойдет не так, как надо, и целостность, как ты выражаешься, «плазменной бутылки» нарушится, ничто не сможет удержать водород, и тогда ядерная реакция попросту прекратится.

— Знаю, знаю. Просто мне не по себе из-за того, что мы живем по соседству с водородной бомбой — даже при том, что она упакована в «бутылку». То и дело думаю о том, что будет, если кто-то подкрадется и выпустит из нее джинна.

— Дар, этот «джинн» никуда не денется, а пока что он занимается тем, что исполняет все твои желания.

— И поэтому нам желательно приобрести джинна более внушительных габаритов?

— Конечно. А наш теперешний джинн поможет нам исполнить совсем необычное желание — позвать себе на помощь старшего братца.

Пальцы Лоны снова начали выписывать замысловатые фигуры на груди Дара.

Дар стоял смирно, наслаждаясь ее ласками.

— Скажи, пожалуйста, — поинтересовался он через некоторое время, — ты сейчас чем занимаешься? Лампочку протираешь?

— Нет, я использую тебя как чертежную доску. Я тебе сказала, что завтра улетаю на Терру?

— Сказала. Но еще ты сказала, что сегодняшний день будет особенным.

— Тогда — carpe diem*.

— Не премину, — отозвался Дар, повернулся и обнял Лону. — Правда, сорвать мне бы хотелось кое-что другое...

И Лона увела Дара туда, где время остановилось...

Вспоминая об этих чудесных мгновениях, которые, казалось, длились вечностью, Дар улыбнулся и покачал головой.

— Когда ты управляешь краном, у меня возникают опасения за твою безопасность, Дар.

— Не волнуйся, я включу радиосвязь.

— Тебе необязательно помогать мне. Я и сам отлично справлюсь с постройкой стены.

— Знаю, но вместе мы управимся вдвое быстрее.

— Тебе бы лучше заняться фабрикой, проверить, все ли там в порядке.

— Что там проверять? Все автоматы я осмотрел перед тем, как попить чаю, Векс. Все работает как по маслу, как обычно, а если что-то пойдет не так, сработает сигнализация.

— А контроль за качеством проду...

— Я проверю монитор на утроенной скорости, а все остальное — завтра с утра. Ну все, вперед. Время разбрасывать камни.

Дар оттолкнулся от скалы и плавно заскользил в сторону подъемного крана. Ухватившись за скобу на дверце кабины, он отстегнул страховочный фал и забрался в кабину.

— Пока ты еще не живешь в стеклянном доме, — прозвучал у него в наушниках голос Векса.

— Вот поэтому-то пока мне лучше заняться швырянием камушков. Но, между прочим, в некотором роде дом будет

* лови день (*лат.*), т.е. не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня.

стеклянный. По крайней мере обсидиановый, а обсидиан — то же стекло, только вулканическое.

Дар включил двигатель крана, проверил уровень воды, включил гравитационные устройства и снял кран с якоря. Затем он опустил стрелу, захватил «челюстями» каменный блок, развернул кран и поднес блок к стене дома.

Векс уже был на месте с еще одним блоком. Установив его на стену и пригнав к соседнему, угловому, он сообщил:

— Порядок, Дар.

— Опускаю.

Дар подвел кран чуть ближе и опустил блок на стену. В принципе с этой работой запросто мог бы справиться еще один робот, но если бы они с Лоной посадили робота в кабину подъемного крана, то не смогли бы продать его компании на Терре. Так что Дару дешевле было самому управлять краном, хотя работа эта была довольно скучная.

Дар отвел кран от стены и направился за следующим блоком, а Векс тем временем установил следующий. Вот так они и работали часа полтора.

Наконец Векс сказал:

— Полдень, Дар.

— Вас понял, — откликнулся Дар, выключил двигатель и, оглянувшись, посмотрел на робота-резчика. — Вовремя мы остановились. Он нас всего на четыре блока опережает. Ладно, трудяга. Приступаем к сварке.

— Я бы предпочел, чтобы мы разместились на безопасном расстоянии друг от друга, Дар.

— Предпочитай на здоровье.

Дар развернул кран на сто восемьдесят градусов, повернул соответственно сиденье и включил пульт управления сварочного аппарата.

— Хорошо хоть, что на этом астероиде полным-полно воды, — пробормотал он и нажал кнопку включения большого лазера.

— Полагаю, это стало одной из причин избрания Максимы в качестве места для обитания, Дар.

— Угу. Уж точно первопоселенцы руководствовались никак не эстетическими соображениями.

— Данное утверждение спорно, Дар. Я испытываю большое удовлетворение, оценивая математические взаимосвязи между подробностями пейзажа в окрестностях нашего жилища.

— Я бы сказал, что такой пейзаж может быть по душе только роботу, но я знаю, что некоторым из наших выдающихся сограждан на дух не надо другой красоты, кроме этих голых скал.

— Но для тебя это — не идеал красоты, Дар.

— Нет. — На миг перед мысленным взором Дара предстал образ Лоны. — Мои эстетические вкусы таковы, что выпуклости мне нравятся намного больше плоскостей. — Почувствовав, как им овладевают тоска и раздражение, он поторопился прогнать эти ощущения. — Ну ладно. За дело.

Все огоньки на пульте горели зеленым светом — то есть, вернее, Дар знал, что это зеленый свет, хотя выглядел он темно-серым из-за слепящего света солнца и фильтра, покрывающего лицевую пластину шлема Дара. Он нажал на кнопку, вмонтированную в рукоятку, и луч когерентного света, ударив по стене, разогнал тени. Дар от мальчишеской радости невольно вскрикнул и принялся медленно водить лазерным лучом вдоль каменных блоков, наблюдая за тем, как они раскаляются докрасна и плавятся. Затем он перевел луч дальше, а обработанные блоки, еще немного погорев сердитым рубиновым светом, померкли и потемнели.

Справа от Рода Векс трудился над боковой стеной.

Они работали, пока их не остановил закат, пока стены не окутал мрак, пока единственным источником света не остался луч лазера.

Дар отключил лазер и выбрался из кабины крана. У него затекли руки и ноги, но он был доволен. Он понимал, что эта

работа для него — своеобразная сублимация, попытка отвлечься от мыслей о Лоне, но все равно он радовался и сделанному делу, и своей усталости. Дар направился к стене.

— Пожалуйста, будь осторожен, Дар, — предупредил его Векс.

— Не бойся. Я же не дурак — я не собираюсь к ней прикасаться.

На самом деле Дар остановился в добрых пяти футах от стены. В безвоздушном пространстве жар, исходивший от нее, до него добраться не мог, но Дар, родившийся на обычной планете, проявил врожденную осторожность и ближе подходить не стал. Он включил фонарь на шлеме и залюбовался делом рук своих. Первые блоки, накрепко соединенные лучом лазера, уже успели окончательно остыть и потемнеть. Зрелище было потрясающее. Стена производила впечатление восковой: казалось, бушевавшее рядом пламя пожарища оставило на ней рубцы и потеки. Дар сделал шаг назад, но тут же вспомнил о том, что может произойти с легким скафандром, если он оступится и упадет. Он развернулся и, только пройдя метров пятьдесят, позволил себе обернуться и еще раз охватить взглядом постройку, над созданием которой трудились они с Вексом.

— Приятно гордиться своим трудом, Дар.

— Спасибо, — усмехнулся Дар. — Между прочим, я этого и не скрываю — не такой уж я пуританин, чтобы сдерживать свои чувства.

Векс промолчал.

— Кроме того, и проект не мой — хотя я не понимаю, зачем Лоне сдался еще один цех для нашей фабрики. Мы и так-то с трудом распродаем тот десяток «мозгов», что собираем за месяц. — Дар склонил голову набок. — Но, пожалуй, теперь я понимаю, чего она хочет. Чтобы наш дом напоминал...

Он умолк и молчал так долго, что Векс поторопил его:

— Что напоминал?

— Крепость. Замок, — ответил Дар и отвернулся. — Не скажу, что она этого не заслуживает, но и не думаю, что она должна добиваться того, чтобы все это видели.

Когда Дар вошел в дом через шлюзовую камеру, на пульте интеркома мигал сигнал вызова. Дар поспешно отстегнул шлем, подошел к пульту и нажал клавишу ответа. Экран засветился, и на нем возникло изображение дамы по имени Мерти, которая на Максиме занимала пост заведующей импортными поставками. На взгляд Дара, Мерти была простушкой, но сейчас выглядела очень привлекательно. Дару припомнился образ Лоны, возникший перед ним во время работы, и он понял, как давно ее уже нет дома.

— Доставка на подходе, Дар, — сообщило изображение Мерти. — Какой-то горнодобытчик хочет заработать несколько квачасов* на обратном пути от Цереры. Везет обычный набор: кремний, металлы, запчасти. Если тебе интересно, он открывает лавочку около шестнадцати ноль-ноль. Ну, пока.

Она состроила Дару глазки — настолько, насколько она умела это делать, после чего экран интеркома потемнел.

— Вот так всегда, — вздохнул Дар. — И почему она со мной кокетничает, не пойму.

— Вероятно, потому, что уверена, что это безопасно, — заверил его Векс. — Ты пойдешь, Дар?

— Ты шутишь? Как же не пойти, когда у нас чистого кремния осталось всего на месяц! Алюминий кончается, золото тоже.

Дар торопливо снял легкий скафандр, повесил его на крючок и направился в душевую.

— Ты мог бы купить плавильную печь, — напомнил ему Векс, — а потом мог бы приобретать сырье у местных горняков дешевле.

---

* Квачас — денежная единица, равняющаяся одному киловатт-часу потребляемой электроэнергии. См. «Скорость побега» — первую книгу сериала.

В ответ послышался громкий плеск воды. Дар предпочитал мыться по старинке и недолюбливал ультразвуковой «душ». Почему бы не попользоваться водой, когда потом она будет очищена и перекачана к реактору? Стараясь перекричать шум водяных струй, Дар ответил роботу:

— Я им не доверяю, Векс, — этим мини-плавилкам. На Церере печи стоят большие, качественные. Да и стоит печь столько, что я на эти деньги могу купить уйму чистых минералов.

Помимо всего прочего, обзаведясь собственной плавильной печью, Дар лишился бы возможности почаще выбираться в город и видеться с людьми.

Из дома Дар вышел через полчаса — чистый, гладко выбритый и благоухающий. Он успел плотно закусить, а перед выходом сунул в карман список покупок, заранее составленный Лоной. Он и сам знал, какие припасы у них подходят к концу, но Лона всегда помнила о чем-то таком, что Дару и в голову бы не пришло. Дар вынужден был признаться в том, что в покупках Лона соображает получше него.

Если бы только в покупках... Так нет же: Лона гораздо лучше Дара разбиралась в строительстве и компьютерном программировании.

— Нет вопросов, — сказал он как-то раз, подняв руку и закрыв глаза. — Я склоняюсь перед твоим могучим разумом. — Признаваться в этом было нелегко, но Дар признался. — Я бы из камня и конфетку не сделал, не то что молекулярную микросхему.

— Но в этом нет ничего сверхсложного, — возразила Лона. — Вот посмотри: эта маленькая зубчатая линия обозначает сопротивление, а цифра над ней говорит о том, на сколько омов рассчитано это сопротивление.

Дар сдвинул брови, подвинулся ближе и заглянул в чертеж через плечо Лоны.

— На бумагу смотри, — буркнула она.

— Я и смотрю на бумагу.

— Но я хочу, чтобы ты сосредоточился. — Лона отодвинула свой стул подальше — так, чтобы изображение схемы оказалось между ними. — А эти две параллельные линии — конденсатор.

— Но как, интересно, я смогу определить, на сколько омов рассчитано сопротивление? Настоящее — не то, что на схеме?

— На каждой коробочке с сопротивлением это сбоку напечатано.

— Понимаю. Но ведь мы сейчас говорим о том, что я должен уметь следить за тем, чтобы роботы отбирали правильные детали. А вдруг где-нибудь на коробочке будет напечатано неправильно? Или, допустим, метка будет правильная, а само сопротивление будет иметь другие показатели?

— Гм. — Лона нахмурилась. На взгляд Дара, ей это было очень к лицу. — Это очень верное замечание, любимый. Именно поэтому мама учила меня различать цветные коды.

— Цветные коды?

— Да. Вот посмотри: на всех сопротивлениях есть колечки, и все они — разного цвета. И каждый цвет соответствует определенному числу...

Вот так все и шло — электроника, химия, физика элементарных частиц, и Лона всегда торопилась, всегда старалась поскорее обучить Дара только тому, что было необходимо для работы, а Дар всегда упрямо возвращал Лону к тому, о чем она ему не рассказала. Он знал, что чем реже будет спрашивать «почему?», тем скорее дело дойдет до того, что он вообще перестанет понимать, о чем она говорит.

Когда учишься, надо самому быть немного учителем.

Лона успела обучить Дара многому, и теперь он мог наблюдать за тем, как работает фабрика, а это означало, что любую работу он мог выполнить сам, если бы пришлось. Но до сих пор он не располагал знаниями, необходимыми для того,

чтобы планировать работу, и уж конечно, вряд ли сумел бы сконструировать что-либо посложнее автоматического бара. Как только у Дара выдавалась свободная минутка, он усаживался за учебу, и однажды Лона была приятно удивлена, вернувшись из очередного путешествия на Терру и увидев на рабочем столе Дара книгу...

— Дар! Ты занимался!

— А? — Дар в притворном ужасе обернулся. — Больше не буду! Честное слово!

— Нет, нет! — Лона наклонилась поближе, чтобы заглянуть в книгу, и у Дара тут же закружилась голова. — Это же о распространении волн!

Дар раздраженно посмотрел на свой стол. Меньше всего на свете ему сейчас хотелось распространять волны.

— Ну, само собой — я же тебе обещал, что усвою достаточно знаний для того, чтобы управляться с фабрикой, помнишь?

— Ну, для этого я тебя обучила предостаточно. А то, что ты изучаешь теперь, это сверх программы — и надо же, самостоятельно! О, ты поистине удивительный человек!

Лона отошла от стола, подошла к Дару, обняла его и одарила таким глубоким, головокружительным поцелуем, что Дар на несколько мгновений искренне поверил в то, что он — действительно весьма и весьма удивительный человек.

Когда Лона наконец позволила ему отдышаться, он выговорил:

— Если ты все время будешь меня так вознаграждать, мне придется учиться с утра до ночи.

И Лона снова вознаградила его, а потом ей пришлось поддержать его, потому что у него чуть не подкосились колени.

— Ладно, — улыбнулась она. — Так и быть. Награды — за мной. Так что — продолжай занятия. Даже когда я дома. Почему же ты раньше этого не делал?

— Ну... — Дар прикусил губу. — Понимаешь, мне казалось... что ты можешь подумать... будто я...

— Будто ты вторгаешься на мою территорию? — Лона покачала головой (О, как чудесно колыхались ее локоны, когда она так делала!) и, сверкая глазами, возразила: — Знания доступны всем, любимый. Или можно сказать иначе: их цена зависит только от того, сколько усердия ты прилагаешь ради их получения. И чем больше ты будешь знать, тем больше я буду тобой гордиться.

Тут она снова одарила Дара поцелуем — чтобы показать, как сильно она им гордится.

И точно — она им действительно гордилась, думал Дар, вспоминая о том разговоре и тех поцелуях. Теперь у него были все причины для того, чтобы во время отъездов Лоны часами сидеть за книгами. Дар освоил исчисление и уже подобрался к более эзотеричным областям математики, а также почти целиком проштудировал волновую механику, но все равно оставалось еще очень много такого, в чем он был профаном: электричество, теория информации, физика элементарных частиц...

— Даже не знаю, удастся ли мне освоить все эти науки быстрее, чем ученые подбросят какие-нибудь новые теории, — задумчиво проговорил Дар.

— Это вполне возможно, Дар, — отозвался Векс. Робот лежал в багажнике, но его компьютерный мозг был подсоединен к системе управления машиной. — Частота появления новых открытий на Терре снижается. Статей публикуется не меньше, чем раньше, но чем дальше, тем более они вторичны. Число оригинальных теорий в литературе и в практике уменьшается с каждым годом.

Дар нахмурился.

— Это странно. А я слышал, что университеты выпускают больше докторов наук, чем когда-либо.

— Это верно, Дар. Но теперь для защиты диссертаций больше не требуется по-настоящему оригинальных работ. И не будет требоваться в дальнейшем, поскольку бюрократия любит

стабильность, а поистине новые идеи могут нарушить эту стабильность.

— Что ж, Пролетарская Изолированная Социалистическая Коммуна на Терре действительно отличается жутким бюрократизмом, — проговорил Дар и снова сдвинул брови. — Но еще более характерная ее черта в том, что это — самое тоталитарное из всех правительств, какие только существовали в истории человечества. Я всегда думал, что диктаторы нуждаются в научных исследованиях для того, чтобы наука обеспечивала их новым, более мощным оружием.

— Только тогда, когда есть враги, угрожающие правлению диктаторов, Дар. А у ПИСК на данный момент нет соперников, желающих побороться за власть в Терранской Сфере. Те же исследования в области вооружений, которые сейчас проводятся, — это всего лишь поиск нового применения уже существующих принципов. Диктатура не поощряет появления новых идей.

— Эта точка зрения мне понятна. Я и сам неохотно высказываю новые идеи.

— Всего лишь потому, что ты осознаешь, как мало ты знаешь.

— Если так, то, пожалуй, я никогда не выйду из этого состояния. И все же я буду очень рад, когда усвою достаточно знаний для того, чтобы понимать, почему Лона велит мне делать что-то именно так, а не иначе. Приятно понимать, что делаешь, — вместо того чтобы тупо выполнять ее распоряжения.

— Тогда твоя самооценка поднимется настолько, Дар, что, вероятно, ты и сам сумеешь время от времени высказывать новые идеи.

Дар поежился.

— Спасибо, не надо! Уж лучше я буду ухаживать за Лоной, чем устраивать какие-нибудь аварии и катастрофы. Нет, я еще долго не собираюсь что-либо придумывать сам.

— Мне кажется, что ты в некотором роде возвел Лону на пьедестал, Дар.

— Нет, я просто восхищаюсь ее познаниями. Ну, может быть, еще я восхищаюсь ее инстинктивным чутьем в бизнесе. И не только в бизнесе... У нее и прочие инстинкты на должном уровне.

Дар прогнал эту мысль. «Потом, потом, — приказал он себе решительно. — Когда она вернется домой. А пока надо заниматься повседневными делами».

Да, не слишком удачно он выразился...

— Ты опять отвлекся, Дар.

— Вот для этого мне и нужен робот-пилот, — отозвался Дар и неохотно вернулся к размышлениям о насущных проблемах. — А пока, — продолжал он, — если я не будут выполнять распоряжений Лоны «от» и «до», наша маленькая фабрика, на которой трудятся пять роботов, либо совсем выйдет из строя, либо начнет производить дефектные компьютеры.

— Это верно, Дар. И тогда у вас упадет уровень продаж.

Дар кивнул.

— А не будет продаж — не станет денег. А на Максиме это значит — голодать.

— Это утверждение верно для любого цивилизованного общества, Дар.

— Точно. Но на астероиде, если у нас не будет денег, мы рискуем остаться без воды, как только растопим весь лед поблизости от дома. А льда у нас осталось не так уж и много — всего-то лет на десять. Не будет воды — не будет ни кислорода для дыхания, ни водорода для реактора, а стало быть — и электричества тоже не будет.

— Все правильно. И хотя воздухонепроницаемость дома весьма надежна, все равно каждый день происходит какая-то потеря воздуха.

— Точно. А еще отсутствие денег означает, что нельзя приобрести азот и инертные газы для создания нормальной

атмосферы, нельзя купить запасные части для системы жизнеобеспечения. «Нет денег — нет жизни», как говорят китайцы.

— Я не думаю, что Максиме грозит какая-либо экономическая опасность, Дар.

— В общем и целом — не грозит, — согласился Дар и посмотрел на дом семейства Нгойя, завидневшийся вдалеке. Дом был выстроен в стиле французского дворца и мог красотой поспорить с Версалем. На самом деле он и был уменьшенной копией Версаля (но не такой уж сильно уменьшенной). — У Нгойя дела идут совсем недурно. Конечно, их фабрика на данный момент почти такая же здоровенная, как их дом. — За особняком были хорошо видны светящиеся купола фабрики. Да... Было еще одно удобство в наличии по соседству с жилищем ледяных «карманов». После их разработки образовывались обширные подземные пространства, где можно было устанавливать машины-автоматы. — Нгойя на продаже своей продукции зарабатывают больше миллиона термов в год.

— Один миллион триста шестьдесят восемь тысяч, Дар. Это открытая информация.

— Стало быть, наши доходы тоже всем известны, — сказал Дар и поморщился. — Нечего удивляться тому, что Нгойя относятся к нам свысока.

— А я полагаю, что все дело в том, что ты это так воспринимаешь, Дар. Анализ образцов речи и выражений лиц не выявляет подобного отношения ни у кого из ваших соседей, кроме семейств Лауренти, Мульгернов и Больвилов.

— Да, эти — самые заносчивые, — проворчал Дар, глядя вперед, где завиднелся дом размером с небольшую гору. — Вот он — дворец Мульгернов. — На самом деле это была копия Букингемского дворца. Обитатели Максимы в своих претензиях стеснительностью не отличались. — Пожалуйста, почаще напоминай мне о том, чтобы я держался от них подальше.

— Если ты так настаиваешь, Дар. Однако они относительно безвредны.

— То есть они не причинят мне вреда, если я не стану к ним соваться. О, ты только не бойся: оскорблять их я не собираюсь. Они ведь люди, в конце концов.

— Если ты намерен сосуществовать со своими соседями, Дар, тебе не стоит на них злиться.

— Ну ладно тебе, Векс! Ты же знаешь, с большинством из соседей я неплохо лажу. Просто мне как-то не по душе заниматься строительством дворца в вакууме, вот и все.

— Но ты бы не отказался от дворца, если бы имел возможность окружить его атмосферой и парком с зелеными лужайками?

— Ну, может быть, и не отказался бы, — уклончиво проговорил Дар и нахмурился. — Должен быть какой-то способ изоляции этих построек. Пожалуй, если бы мы смогли соорудить подземные...

Векс издал жужжание — так бы человек тактично кашлянул.

Дар вздрогнул.

— Что, я опять отвлекся?

— Да, Дар. Ты предался мечтам, но такие мечты, такие размышления заслуживают поощрения, однако в контексте предыдущей дискуссии я бы хотел заметить, что к претенциозности своих собратьев-технократов ты относишься не без некоторой доли симпатии.

— Ну, может, и так. Не без некоторой, — неохотно согласился Дар и сдвинул брови. — Но я, если на то пошло, пока что — всего лишь квалифицированный рабочий.

— Верно. И пока что ты еще не основал свою собственную династию.

От этой простой мысли — мысли о наследнике — у Дара закружилась голова.

«Город» представлял собой скопление одноэтажных базальтовых построек, расположенных тремя концентрическими окружностями. В центре этого «колеса» находился космопорт.

Почти во всех зданиях, за редким исключением, располагались мастерские, магазины или какие-нибудь учреждения. Здесь можно было отремонтировать звездолет, купить или продать подержанную аппаратуру, заглянуть в ресторанчик. Тут имелся даже небольшой отель с тремя барами, но и ресторанчики, и бары отличались благопристойностью. Все добропорядочные обитатели Максимы были инженерами, учеными, программистами — словом, представителями научно-технической элиты. Ни у одной из женщин здесь не было ни времени, ни желания, ни нужды становиться проституткой. Кроме того, здешние жители всячески противились тому, чтобы на Максиму прилетали профессионалки этого бизнеса. Последнюю дамочку, которая пыталась наладить здесь эту разновидность деятельности, приковали цепью к компьютерному терминалу, подсоединенному к автоповару. А автоповар упорно отказывался выдавать пленнице пищу, пока та не сдала компьютерный экзамен.

Пленница заупрямилась и не пожелала отказываться от своего «призвания», но просидев трое суток на одной только воде, она сдалась и взялась за учебу. За отметку «С» по основам алгебры она получила миску «чили» и стакан молока. Получив оное вознаграждение, дамочка основательно «пропахала» историю, алгебру, планиметрию, основы химии, обзорный курс терранской литературы. Вскоре автоповар начал выдавать ей отбивные с зеленой фасолью. Через три месяца она обзавелась мозолями на ягодицах и аттестатом средней школы, после чего ее освободили и выслали с Максимы первым же буровым катером, стартовавшим на Цереру. Дамочка, конечно, молчать не стала, и слухи о ее пребывании на Максиме быстро облетели Пояс Астероидов. После этого случая представительницы самой древней профессии сюда почти не наведывались. А вот вышеуказанная дамочка через пять лет вернулась и нанялась на нормальную работу. У нее оказались недюжинные организаторские способности, и в данное время она координировала импортно-экспортную торговлю.

— Знаешь, — проговорил Дар, глядя на выраставшие на горизонте здания города, — в некотором роде здешние ребята — не такой уж плохой народец.

— Забота о своем детище развила у них альтруизм, — согласился Векс. — И я бы попросил тебя иметь это в виду, когда ты с ними разговариваешь.

— Ладно, буду паинькой, — проворчал Дар.

На самом деле он с трудом сдерживал нетерпение. Вскоре ему предстояло встретиться с живыми людьми...

Векс сбавил скорость, повернул машину и направил ее к самому большому зданию в городе. Дар напрягся. Он не хотел ничего говорить, дабы не давать Вексу новых данных для обработки. Но он был готов ко всему. Иногда то, о чем он думал, происходило, а иногда — нет.

Ожил экран интеркома.

— Дар, если ты в пути, тебе бы лучше...

Экран потемнел, приборная панель погасла. Машина резко пошла на посадку.

Дар резко нажал на клавишу ручного управления, и приборная панель снова ожила. Дар посадил машину прямо перед космопортом, и на экране интеркома снова возникло лицо Мерти.

— ...ничего не останется.

Только это и успела сказать Мерти, и ее изображение исчезло.

Дар выключил двигатель аэрокара, вздохнул и открыл панель багажника, под которой лежал Векс. Дар нажал на кнопку перезарядки, установленную на «затылке» у Векса, и стал ждать.

— Ч-чж-жт-то... Д-д-д-да-а-ар-р... Ч-чж-жт-то...

— У тебя был припадок, — негромко объяснил Дар. — Ты отлично повел машину на посадку, но тут объявилась Мерти. Она вышла на связь. Хотела сказать мне, чтобы я поторопился. Дополнительный объем информации вызвал перегрузку в твоем слабеньком конденсаторе.

— М-мне ее... оч-ч-чен-нь... ж-ж-ж...

— Не надо извиняться, mon vieux*, — торопливо прервал робота Дар. — Ты, главное, продолжай упражняться в медитации, ладно? Сосредоточивайся получше! Лона говорила нам, что только так можно побороть твои припадки.

— Я-а-а... поста-а-ра-а-ю-усь.

— Вот и отлично. А теперь отдыхай.

Дар выбрался из машины, думая о том, что надо бы изобрести какой-то способ, с помощью которого можно было бы ускорять «выздоровление» Векса после припадков. Он привязал машину цепью к колонне рядом с другими машинами. Все они были лучше и новее его машины. На самом деле ни он, ни его соседи нисколько не сомневались в честности друг друга. Просто-напросто при такой ничтожной силе притяжения машины запросто могли уплыть по волнам вакуума, и уплыть далеко. Дар обернулся и обвел взглядом колоннаду, окружавшую величественный купол зала прибытия. Зрелище было великолепное: здание сияло всеми цветами радуги и изобиловало разнообразными архитектурными деталями — пилястрами, барочным орнаментом, изящно отделанными вентиляционными решетками. Все эти детали, конечно, в функциональном отношении были совершенно бесполезными. Ну какой толк, к примеру, в вакууме от вентиляционных решеток?

Какой толк? А такой, что они красиво выглядели. И выглядя красиво, говорили о богатстве владельца и, соответственно, о его статусе.

Ну и черт с ним, с этим домом. Да, он был красив. Красота — только она и оправдывала его существование. Дар отвернулся, прикрепил страховочный фал к парковочной цепи и направился к зданию.

Он прошел через шлюзовую камеру, поднял лицевую пластину шлема, откинул шлем назад... и кто-то тут же увесисто шлепнул его по спине между лопаток.

— Эй, Дар! Здорово! Рад тебя видеть! Ну, как ты?

* мой старичок (*фр.*).

Дар пришел в себя от полученного удара и с усмешкой схватил «обидчика» за руку.

— Привет, Эстебан. Ну, что тут хорошенького?

— Да немного, — ответил Эстебан и крепко пожал руку Дара. — Насколько я слышал, этот горняк привез только кремний, сталь, золото и немного пластика.

— А германия совсем нету, да?

— Нету, да и кто им теперь пользуется? Ну а как делишки в доме у д'Арманов?

— Лона еще не вернулась. Но как только вернется, мы закатим вечеринку.

— Жду с нетерпением. Эй, Каролита! — Эстебан помахал рукой своей дочери.

Каролита оторвала взгляд от ящика с кристаллами, которые она увлеченно перебирала, увидела Дара и радостно улыбнулась.

— Привет, Дар! — Она подошла и тепло пожала его руку. — Наверное, тебе одиноко, да?

— Векс меня ни на минуту одного не оставляет, Кэрол, — с усмешкой ответил Дар. — Ты для чего кристаллы выбираешь? Для украшений или в качестве сырья?

Каролита пожала плечами.

— Все зависит от того, насколько они красивы. Тебе что, нужна помощь в органической химии?

— Нет, не нужна. Но я сожалею об этом.

— Галантно. Очень галантно — только это неправда. Ну, пока. Понимаю, тебе нужно пробежаться по этой ярмарке. Но ты и на минералы тоже погляди.

— Угу. Придется хотя бы притвориться, что я делом занимаюсь. Выпьем после аукциона?

— Договорились. Ну иди, репетируй роль ухажера.

Дар, согретый дружеским кокетством, отвернулся и направился в глубь зала. Он испытывал некоторое облегчение. Каролита была права: она не блистала красотой. Не то чтобы она

была такой уж уродиной, но в конце концов кто он был такой, чтобы судить об этом?

Он был мужем Лоны. Официальным или нет — не важно. Об этом знали все женщины, жившие по соседству. Они с уважением относились к Лоне, да и Дару от этого было легче, поскольку он мог наслаждаться дружбой с соседками и не переживать из-за того, что нужно избегать их заигрывания.

Дар продвигался сквозь толпу народа. То и дело он с кем-то обменивался рукопожатием, с кем-то перебрасывался парой слов, а с женщинами обнимался — когда этого невозможно было избежать.

— Ми-илый! — протянула Бриджит, обвив шею Дара руками и поцеловав его в щеку. — Чем же ты, хотела бы я знать, занимался все эти недели?

— Работал, ел и спал, Бриджит.

Дар торопливо чмокнул девушку. Она, дочка Мульгернов, единственная из всего семейства относилась к нему без заносчивости.

Более того: она относилась к Дару начальственно.

— И это ты называешь поцелуем? — возмутилась Бриджит. — Ну-ка давай я тебе покажу, как надо...

— Ой, лучше не надо! Я и так устал от уроков!

— Значит, тебе надо подумать об изменениях в расписании, — кокетливо потупившись, заявила Бриджит.

— Было бы неплохо, но что, если мой профессор поймает меня за изучением чужих конспектов? Ты же не хочешь, чтобы меня исключили из школы, верно?

Тонкий намек на наличие Лоны был понят, и Бриджит вспомнила о приличных манерах. Она отстранилась, улыбаясь, но все же продолжала флиртовать с приятелем:

— Не хочу, конечно. Тем более что у твоей женушки неплохо получается хук с левой. Но все-таки... Как насчет легкой закуски? — поинтересовалась Бриджит и тут же покраснела. — О Господи, что я говорю! Стоит только начать, а потом трудно остановиться, да?

— Мне говорили, что все так и бывает. Главное — чистота помыслов, Бриджит.

— Понимаю. Но как быть, когда слух загрязнен, а?

Они вплыли в ресторанную зону. Дар подвинул Бриджит стул, и она села, а Дар уселся рядом с ней. Уж лучше волк в наморднике, чем тот, который только что вырвался на волю из клетки, — так решил Дар.

— Позволишь, я угощу тебя?

— Нет, спасибо. Код я сама могу набрать. — Бриджит заказала себе кофе и низкокалорийное пирожное. Как только ее заказ появился на столике, она взяла с блюдца чашку, откинулась на спинку стула и отпила глоток кофе. — Ну, как у вас дела на фабрике?

И они завели разговор о делах — совершенно безопасный и дружелюбный, и это было хорошо, поскольку гормоны у Дара все равно о себе напоминали, хотя Бриджит тоже не была такой уж красоткой. Недели вынужденного безбрачия неизбежно сказывались, хотя встречи с обитавшими на Максиме дамами большей частью не способствовали повышению уровня гормонов, а напротив — его снижению. Внешне обитательницы Максимы, почти поголовно, были либо простушками, либо уродинами. Посередине между этими двумя крайностями располагались их всевозможные комбинации. Лишь изредка попадались женщины мало-мальски привлекательные. Дар не раз гадал, почему Максима притягивает к себе так мало красавиц. Может быть, самые роскошные женщины предпочитали оставаться на Терре, где был намного выше стандарт жизни, а уровень морали — ниже? Безусловно, у Лоны с моралью все было в порядке, но полжизни она провела в космосе и вместе со своим дедом то и дело перелетала с одной планеты на другую — прежде чем узнала о существовании Максимы. Но даже *она* отправлялась на Терру при любой возможности, оставляя Дара на попечение соседских жен и дочерей.

Да-да, только жен и дочерей. Молодые люди, прибывавшие на Максиму и селившиеся здесь, чтобы затем заниматься

производством роботов и сколачиванием состояний, по-прежнему превосходили женщин численностью, в пропорции 2,36:1. Любая незамужняя женщина, появлявшаяся в колонии, в течение года выходила замуж независимо от ее внешности — и, как правило, после ожесточенного периода соперничества, сильно смахивавшего на войну за дорогой трофей. Правда, все же было несколько женщин, оставшихся незамужними — как, к примеру, Мерти, но таких было очень и очень немного. Максима была ярмаркой женихов.

Дара в этом смысле можно было спокойно сбросить со счетов. Для него любая женщина казалась некрасивой в сравнении с Лоной.

Он порой думал о том, не так ли думают о своих женах другие мужья.

— Два терма!

— Два и пять квачасов!

— Два и десять! — выкрикнул Мсимангу, обернулся и сердито посмотрел на Дара. — Черт бы тебя побрал, д'Арман! Ты взвинчиваешь цены!

— Да нет, просто я хочу это купить! Два и двенадцать!

— Два и двенадцать? — переспросил горняк-продавец. — А два и пятнадцать никто не даст? — Он взглянул на Мсимангу.

— Я не дам, — седовласый чернокожий мужчина с отвращением отвернулся. — Я лучше воспитан. Дождусь следующей доставки.

— Два и четырнадцать? — продолжал выкрикивать горняк. — Два и тринадцать. Уже дали два и двенадцать, кто даст два и тринадцать?

Покупатели забормотали, но никто так и не решился перебить цену.

— Один! Два! Три! Продано! — Горняк ударил молоточком по доске. — Три килограмма кремния продано молодому человеку в комбинезоне с заклепками за два терма и двенадцать квачасов!

Мсимангу протолкался сквозь толпу и, встав перед Даром, покачал указательным пальцем.

— И не думай в следующий раз состязаться со мной, молодой д'Арман! Я тебе покажу! Я могу тебя уничтожить!

Дар вздернул подбородок. Он вынужден был вздернуть подбородок, поскольку чернокожий старик был на шесть дюймов выше него ростом. Дар ответил Мсимангу столь же дерзким взглядом.

— Неужели ты откажешь нам в возможности встать на ноги, Омар? У нас пока нет тугого кошелька, вот и приходится покупать маленькие лоты, когда выпадает такая возможность.

— Пусть так, но золото — это тебе не маленький лот!

— Нет, но оно жизненно необходимо.

— Тогда покупай подержанное, в розницу! Если новичок вроде тебя начнет покупать золото оптом, он скоро разорится!

— Сто пятнадцать килограммов чистого золота! — выкрикнул горняк. — Кто сколько готов заплатить?

В ответ послышалось множество голосов. Продавец рассортировал ставки, и цена быстро пошла вверх.

— Пять тысяч термов... шесть тысяч... восемь тысяч... десять...

— Двенадцать тысяч термов! — выкрикнул Мсимангу. — Двенадцать тысяч термов за килограмм!

— Тринадцать! — набавил цену Лаврентий.

— Четырнадцать! — крикнул с противоположной стороны зала Мульгерн.

— Пятнадцать! — ответил Нгойя.

— Шестнадцать! — выкрикнул Больвил.

— Семнадцать! — проревел Мсимангу. — Семнадцать термов за килограмм!

Более скромные покупатели умолкли. Теперь в борьбу вступили плутократы. Это было по-своему волнующе, но Дара зрелище состязающихся за покупку соседей заставило занервничать. Он стал пробираться назад, к краю толпы аукционеров. Выбравшись на свободу, он вытащил составленный Лоной

список и просмотрел. Все уже было вычеркнуто, кроме кремния. Дар вычеркнул и кремний и убрал список в карман, чтобы потом, забирая покупки, еще раз все проверить, и довольно провел рукой по другому карману, где лежало три купленных рубина. На самом деле тратить деньги на эти камни не стоило, но Лоне бы они понравились — если бы Дару удалось их хорошенько обточить, отполировать и вставить в оправу. Помимо всего прочего, на Терре такие рубины стоили бы в десять раз дороже.

— Двадцать два и девять — раз, двадцать два и девять — два... ПРОДАНО! Продано высокому чернокожему джентльмену с седыми волосами!

Мсимангу издал победный вопль, а его собратья-миллионеры недовольно заворчали и принялись поддевать его, намекая на его происхождение и личные пристрастия. Мсимангу на этот ропот никакого внимания не обратил. Он, заливисто хохоча, развернулся и стал проталкиваться назад. Другие сограждане его поздравляли с удачной покупкой.

— Да, — улыбался Мсимангу. — Неплохая покупка, неплохая! Пойдемте выпьем со мной!

Некоторые приняли его предложение, хотя большинство отказались и остались на аукционе. Дара Мсимангу нагнал у входа в ресторан.

— Ну, пойдем выпьем вместе с нами, молодой д'Арман! — воскликнул он. — Пойдем порадуемся, отпразднуем!

Дар усмехнулся.

— Пожалуй, можно и согласиться, Омар.

— Отлично, отлично! Ну, пошли с нами!

И Мсимангу размашистой походкой направился к барной стойке.

Дар уселся за стол вместе с полудюжиной зажиточных обитателей Максимы. Он заметил, что к компании присоединились Мульгерн и Больвил, и в который раз поразился тому, как эти люди, только что оскорблявшие и подначивавшие друг дружку на аукционе, могли потом расслабиться и разговари-

вать друг с другом, даже не вспоминая о перепалках, имевших место всего пять минут назад. Казалось, все они понимали, что бизнес есть бизнес, но дружба важнее.

Да, дружба была гораздо важнее здесь, где в вечной ночи горело далекое солнце и где твое собственное выживание зависело от того, как выживают твои соседи. На Максиме не мог развиться феодализм. Здесь у всех был один постоянный, общий враг — космический вакуум. И эта дружеская выпивка была не просто празднеством по поводу удачных покупок. Это была декларация извинений и прощения, это было залечивание ран и молчаливое выражение обоюдной поддержки.

Дару было лестно, что его приняли в эту компанию, хотя это уже давно вошло в обыкновение. С самого начала его приглашали на любое сборище. Если здесь все нуждались друг в друге, местные обитатели тем более проявляли готовность принять новичков в свои ряды. Дар порой ловил себя на мысли о том, а будут ли обитатели Максимы столь же открытыми и дружелюбными через сто лет, когда (и если!) колония прочно встанет на ноги и будет процветать.

— Колония будет разрастаться, — заявил Больвил — рыжеволосый мужчина с мясистым лицом. Он был пожилой, но на свои годы не выглядел. — Она и так уже разрастается.

Нильс Вольтхэм кивнул.

— Да, семьи у нас не маленькие как-никак.

— Так отчасти потому мы здесь и поселились, — хмыкнул Мсимангу, пригубив очередную порцию пива. — Здесь хватает места для того, чтобы обзаводиться потомством.

Дэвил Мульгерн — бледный мужчина, в рыжей шевелюре которого начала пробиваться седина, согласно кивнул.

— На Терре все ограничено: еда, земля, дома — все, о чем ни подумай. Либо ограничено, либо так дорого, что и не подступишься.

— Ну, я бы не сказал, что у нас тут все так уж дешево, — возразил Джори Кимиш. Он был почти так же молод, как Дар, и не так давно прибыл на Максиму с Терры. — Ведь вы

вложили в этот астероид немало времени и сил. А это дорогого стоит, между прочим.

— Это мы знаем, — заверил его Мсимангу. — Но даже если ты подсчитаешь, сколько стоят наши дома, молодой человек, ты обнаружишь, что они намного дешевле, чем их эквиваленты на Терре.

— Верно, — кивнул Больвил, — но все же здесь — не самое лучшее место на свете.

— А что здесь не так? — резко обернувшись к нему, вопросил Мсимангу. — Тут ты можешь получить столько земли, сколько обнесешь забором!

— Да, но на ней ничего не будет расти, — заметил Мульгерн. — Но при этом на соседей я не жалуюсь — больше нигде я не встречал людей, настолько соответствующих моему складу ума и образу жизни.

— Я тоже, — согласился Мсимангу. — Я тоже. Я не стал бы искать более подходящего общества.

— Точно. Когда оно есть, — заметил Дар. — И конечно, имеет смысл ждать случая, когда такое счастье подвернется.

— Нет недостатка в людях, которые желают к нам присоединиться, — отметил Мульгерн.

Больвил с понимающей улыбкой проговорил:

— А где еще они могут приобрести такую репутацию для своей продукции, Дэвид? Колония существует всего пятьдесят лет, а наши компьютеры и роботы в Терранской Сфере уже считаются самыми лучшими!

— Несомненно, этому в немалой степени способствует то, что сфера влияния Терры слегка урезана ДДТ, — уточнил Дар.

— Только официально, молодой д'Арман. Никто не пытается запретить нам торговать с другими планетами, находящимися под юрисдикцией ПИСК, — а самое главное, с фронтирными планетами. Нет, наши роботы известны повсюду, где только люди пользуются автоматами.

— Что ж, что касается меня, — вставил Джори Кимиш, — то я сюда прилетел именно из-за вашей репутации. Но остался бы здесь только из-за того, какая у вас отличная компания. Но почему все, что производится на Максиме, настолько лучше? Казалось бы, все то же самое может производиться на Терре!

— Все, кроме мозгов. Человеческих мозгов, — добавил Больвил. — Разве ты не понимаешь, что произошло? Самые талантливые компьютерщики предвидели скорое поражение ДДТ и удрали с Терры сюда заранее. Вторая волна компьютерных гениев оставалась на Терре вплоть до начала гражданской войны, а потом они тоже смылись, дабы их не пристрелили штурмовики или лоялисты. Третья волна дождалась, пока ПИСК не захватила всю планету целиком. Эти компьютерщики покинули Терру как раз перед тем, как ПИСК запретила иммиграцию.

Мсимангу кивнул.

— Все верно. И самые лучшие из этих специалистов прибыли сюда.

— Ну нет, не все, — возразил Мульгерн. — И на Терре по сей день остались талантливые инженеры и программисты.

— Есть такие, — согласился Мсимангу. — Но ПИСК и этих теряет понемногу за счет депортации. И некоторые из них прибывают сюда.

Дар вытаращил глаза.

— Вы хотите сказать, что ПИСК намеренно старается избавиться от талантливых специалистов?

— Только от тех, которые тамошним властям представляются хоть сколь-нибудь неблагонадежными, молодой д'Арман. Это означает, что с Терры депортируют примерно половину талантов.

— А другая половина?

— Эти пробиваются на работу в правительственные структуры, вступают в партию ЛОРДов и начинают долгий и мучительный путь наверх, — объяснил Дару Больвил.

Дар нахмурился.

— Значит, они не способны сконструировать хорошего робота?

— Хорошего — способны. Но если он оказывается более чем «хорошим», его создатели тут же приобретают ярлык людей опасных. Это означает, что они способны занять место своего босса. Нет, голубчик, на Терре талантливые молодые люди должны стараться скрывать свой талант.

Дар поежился.

— Неудивительно, что они стремятся попасть на Максиму! Кто же пожелал бы работать в такой атмосфере?

— Я не пожелал, — заверил его Кимиш. — Поэтому постарался набедокурить ровно настолько, чтобы меня депортировали, но все же не настолько, чтобы власти интересовались тем, куда именно я отбыл. — Он со вздохом откинулся на спинку стула. — Ох! Способен ли ты понять, как пьянит здесь ощущение свободы? Здесь, где твои соседи то и дело подталкивают тебя к новым идеям — таким, каких прежде никто не высказывал! Где тебе становится стыдно, если ты не придумываешь ничего нового!

— Да, — честно сказал Дар. — Я способен это понять. — Ведь у него сохранились кое-какие собственные воспоминания о Терре под властью ПИСК. — Ради этой свободы можно пережить и тоску, и одиночество.

Собеседники посмотрели на него со старательно скрытым сочувствием. Их-то жены никуда не улетали.

Нужно было поскорее сменить тему разговора, что и сделал Больвил.

— Я так думаю, что как раз поэтому ПИСК нас не трогает и не пытается установить здесь свои правила.

Кимиш нахмурился.

— Между прочим, я думал об этом. Ведь достаточно одного-единственного эскадрона штурмовиков — и мы станем рабами.

— Но мы им нужны, нужны, молодой человек, — заверил его Мсимангу. — Им нужно, чтобы кто-нибудь за пределами Терры изготавливал для них самые лучшие компьютеры. ПИСК нужны машины, которые бы безотказно работали, дабы народ мог отдыхать по полной программе, как обещали бонзы ПИСК, когда пришли к власти. Но власти не позволят, чтобы подобные инновации разрабатывались на какой-либо из их планет: ведь тогда люди начнут думать, размышлять и могут задуматься о справедливости правления ПИСК.

Компания ответила на эти слова дружным гомоном. Все согласно кивнули, и Дар — вместе со всеми, хотя он думал, что дело не только в этом, а и в том, что, на взгляд властей ПИСК, Максима была слишком мала, просто ничтожна для того, чтобы тратить на нее силы и уничтожать ее. Будучи реалистом, Дар понимал, что этот астероид погибнет, если клиенты перестанут покупать производимую здесь продукцию. Это означало, что в принципе Терра могла уничтожить Максиму в любое время, стоило бы ей только этого захотеть. Ну а если терранские бюрократы могли уничтожить обитателей Максимы, они столь же легко могли взять их под контроль и управлять ими настолько, насколько бы пожелали. Вероятно, именно так эти бюрократы и рассуждали.

Но они, безусловно, ошибались. Уничтожить, убить Максиму они могли, могли завоевать ее. Но покуда они ее не завоевали, никакого контроля над ней они не имели. И покуда астероиду была предоставлена свобода, здешние обитатели могли делать все, что пожелают.

Вот только максиманцы вовсе не желали, чтобы ПИСК знала об этом. Конечно, было бы очень забавно отправить терранским бюрократам перечень всего того, что позволяли себе максиманцы и что было строго-настрого запрещено на Терре. Однако это было бы очень и очень глупо. Для бюрократа главное — масштаб власти. Логическим ответом со стороны ПИСК было бы завоевание Максимы.

Но это, в свою очередь, тоже было бы на редкость глупо, когда бюрократам следовало бы всего-навсего отправить на Максиму в ответ перечень всего того, что было позволено терранам, а максиманцам — недоступно. Большей частью речь бы пошла о гедонистических наслаждениях. Наверное, тогда юные максиманцы заскрипели бы зубами.

А может быть, и нет. Соседи Дара ко всевозможным мирским усладам относились сдержанно — исключая, пожалуй, только «делание денег» и строительство грандиозных жилищ.

В последнем они были большими специалистами.

— По пути сюда я пролетал мимо твоего поместья, молодой д'Арман, — сообщил Мсимангу. — Обратил внимание на твой дом. Признаться, в прошлом году он мне показался шедевром уродства, но теперь я вижу, как он на глазах обретает форму. Когда он будет достроен, он будет очень, очень недурен.

— Ну, спасибо, — с улыбкой отозвался Дар, чрезвычайно польщенный этим комплиментом. То есть он был настолько польщен, что даже забыл упомянуть о том, кто является автором проекта.

На фабрике все шло отлично. Дар прошел вдоль одного конвейера, вдоль другого, и чем дальше, тем более ненужным он себя чувствовал. Теперь, когда Лона оставляла Векса дома, Дару даже корзинки с мусором опустошать не приходилось — эту повинность он поручил Вексу. Не мог же он, в конце концов, оставить беднягу без работы.

Трудно было поверить, что эти машины были того же рода-племени, что и Векс. С технической точки зрения они являлись роботами, хотя по масштабу деятельности и близко не стояли с моделями универсального назначения, такими, как Векс. Этими роботами управляли более мелкие компьютеры, настроенные на очень ограниченное число задач. Дар их даже стеснялся называть «роботами», поскольку, по большому счету, это были всего-навсего автоматизированные станки. Робо-

ты, согласно изначальному замыслу, должны были представлять собой искусственных людей, а эти машины ни в малейшей степени не были способны к подражанию мыслительным процессам человека.

И уж конечно, они не напоминали людей внешне. Первый из роботов представлял собой всего лишь последовательность роллеров, которые поворачивали синтетический кристалл на миллиметр с каждым тактом, а затем опускали его на полусферическую плату с контактами из золота. Главный компьютер проверял все микросхемы внутри кристалла через эти контакты на целостность, сопротивление, мощность на входе и выходе и еще на массу электронных характеристик. Через пятнадцать минут роллеры выкатывали кристалл на ленту конвейера, который доставлял кристалл к следующему роботу — либо к мусорному баку, если тестирование оказывалось неудачным.

Следующий робот был очень похож на первого, но он занимался тем, что подсоединял к каждой контактной точке микроскопические волоконца.

Затем следовал робот, внешне похожий на осьминога. От центрального шара, внутри которого находился компьютер, тянулись книзу пятнадцать «щупалец». Задача этого робота состояла в том, чтобы соединить пятнадцать кристаллов с помощью микроскопических волокон между собой в единую шарообразную конструкцию, а затем погрузить эту конструкцию в химическую ванну. Через два часа волокна успевали покрыться солидным слоем кремния, и тогда робот вытаскивал «щупальца» из ванны и приступал к сборке очередной конструкции, в то время как первой предстояло полеживать в ванне еще целую неделю, где она постепенно превращалась в единый крупный кристалл.

Тем временем другой робот изготавливал детали корпусов будущих готовых машин. Дальше шла линия сборки. Здесь был установлен последний робот, который вытаскивал готовые большие кристаллы из ванны и устанавливал их внутрь корпу-

сов, после чего подсоединял контакты к терминалам механических устройств, отвечавших за работу машин.

И все это роботы делали намного быстрее, чем сделал бы Дар. И гораздо лучше. И чаще всего — на таком микроскопическом уровне, что человеческого зрения для этого попросту не хватило бы.

Дар обвел взглядом небольшой цех и вновь почувствовал себя совершенно бесполезным.

— Ты мог бы подвергнуть готового робота тестированию, Дар.

— Угу. Знаю. Но сегодня я проверил уже два, а времени навалом, чтобы оттестировать еще три.

— Но это следовало бы сделать, иначе к концу недели у тебя накопится двенадцать непроверенных роботов.

— Понимаю, понимаю. Но такой уж большой нужды в проверке нет. Ты же не хуже меня знаешь, что все они работают отлично.

— Нет, Дар. Мне это неизвестно. Безусловно, если отдельные кристаллические микросхемы в исправности, законченный компьютер должен функционировать нормально...

— Естественно, поскольку главный компьютер осуществляет проверку на каждой стадии сборки.

— Да, но ты мог бы выявить погрешности в механике, Дар.

— Само собой. На прошлой неделе я обнаружил микроскопическую дырочку в воронке отсоса, а за неделю до этого — легкий шум при сгибании сустава у одного из роботов. Но в компьютерах никогда никаких погрешностей нет.

Он еще немного постоял, наблюдая за процессом сборки роботов, и недовольно покачал головой.

— Что тебя не устраивает, Дар?

— А? О, извини, я забыл, что ты и жесты понимаешь. Нет, Векс, я всем доволен, и для огорчения вроде бы нет причин. Мы производим отличных домашних роботов — но, черт побери, мы только их и производим!

— Верно, Дар, но, как ты только что сам заметил, это отличные роботы, и вам всегда удается разрабатывать автоматы, способные на большее, нежели продукция ваших конкурентов.

— Что правда, то правда. Мы начали с небольшого робота-пылесоса, который мог произносить несколько простых фраз типа «Да, мэм», «Нет, сэр», «Доброе утро» и «Прошу отойти»...

— И такого робота могла бы произвести любая другая компания.

— Точно, но нашего мы еще научили мыть полы и протирать мебель.

— А потом — и тому, как собирать вещи с пола, убирать посуду со стола, загружать ее в посудомоечную машину. И при этом вы всегда на год-два опережали другие компании.

— Ну да, потому что они ждут, пока мы придумаем очередную новинку, потом они ее покупают и копируют наши усовершенствования. Но на это всегда уходит как минимум шесть месяцев, а за это время мы успеваем продать продукции тысяч на сто. Кстати, нам бы лучше закончить тестирование программы доставки завтрака, а не то мы выбьемся из графика.

— Я бы на твоем месте не стал так сильно нервничать, Дар. Вы можете добавить еще много различных функций, прежде чем создадите робота, который стал бы идеальным помощником в ведении домашнего хозяйства.

— Это ты о чем? — настороженно нахмурился робот.

— Видишь ли, ваши роботы пока не умеют зашивать порванную одежду и разжигать огонь. Кстати, бороться с огнем они тоже не умеют.

— Точно. И еще они не умеют делать окна... — Дар задумчиво уставился в одну точку. — Так... Надо подумать...

— Ты непременно придумаешь, как это сделать, — заверил его Векс.

— Верно, верно. У меня и кое-какие еще усовершенствования на уме.

— Какие же?

— Ну, во-первых, наши роботы могли бы стать намного меньше размером.

— Не знаю, Дар. Для осуществления механической работы всегда существует нижний предел размера.

— О, я не о самих роботах говорю, Векс. Мы умеем делать их небольшими, но при этом практичными. Начнешь делать их совсем маленькими, так хозяева будут на них либо наступать, либо о них спотыкаться. Я говорю о компьютерах. Пока все они раэмером больше моего кулака.

— Не представляю, каким образом их можно сделать меньше, Дар. Вы и так уже работаете с самыми мелкими кристаллическими решетками, которые способны удержать адекватное число различий в электрических потенциалах.

— Да? — резко вопросил Дар. — Кристалл имеет правильные геометрические очертания, Векс, потому, что правильные очертания имеет его молекула. А почему же тогда нельзя обойтись одной-единственной молекулой?

Векс медлил с ответом. Это означало, что его компьютерный мозг, реагировавший на импульсы в течение наносекунд, подверг самому тщательному анализу поступившую информацию и предпринял предварительную попытку решения проблемы.

— Теоретически, Дар, в этом нет ничего невероятного, но сложность электронной схемы будет ограничена числом имеющихся электронов.

— Ну ладно, пусть будет десяток молекул или одна — гигантская, но все равно речь пойдет о чем-то совсем микроскопическом либо — о едва различимом невооруженным взглядом.

— Ты всерьез намереваешься исследовать такую возможность?

— Для начала я посоветуюсь с Лоной. Я пока не настолько хорошо знаю физику, чтобы понять, стоит ли приступать к таким исследованиям. Понимаешь, может оказаться так, что

это будет возможно, но непродаваемо, потому что речь пойдет об использовании гигантских молекул. В конце концов, кто пожелает держать в гостиной компьютер, изготовленный на основе урана-235?

— Масса урана будет весьма далека от критической, Дар.

— Верно. Критическим будет отношение покупателя. Называй это атавизмом, называй суеверием, но эта дрянь — уран, в смысле, пользуется дурной славой.

— Даже если бы уран такой славой не пользовался, зачем вообще думать об этом? Нынешнее поколение компьютеров и так уже отличается более чем скромными размерами и при этом способно решать все практические задачи.

— Не все. Я могу назвать несколько областей, где очень пригодился бы микроскопический компьютерный мозг. В особенности — на том конвейере, который мне хотелось бы запустить.

— И что на этом конвейере будет производиться?

— Промышленные роботы. — Дар ударил кулаком по ладони. — Нам нужно расширять производство, Векс. С домашними роботами мы далеко не уйдем, а сейчас самые большие деньги вкладываются в промышленность. Если мы сможем предложить маленькие, более компактные компьютеры, это сможет произвести настоящий бум. Директора заводов всегда жалуются на то, что им то и дело приходится заменять своих роботов новыми моделями, как только они модернизируют производство. И если бы мы сумели придумать, как изготавливать компьютерный мозг на основе одной молекулы, то сумели бы продавать промышленникам новые «мозги» для более универсальных роботов.

— Превосходная идея, — медленно проговорил Векс. — Ты непременно должен рассказать об этом Лоне.

Дар на миг ощутил прилив раздражения, но тут же напомнил себе о том, что Векс в конце концов — робот Лоны.

— Нет, — сказал он, покачав головой. — Пока я слишком мало знаю об этом.

И от этого он почувствовал себя еще более бесполезным.

Дар отвернулся, вышел из цеха, закрыл за собой люк и отправился в свое «логово».

— Я хочу немного поразмыслить... Короче говоря, я посижу позанимаюсь, Векс.

— Я не буду тебя беспокоить, Дар.

Конечно, он хотел дать понять, что будет ждать, когда Дар его позовет. Об этом он мог и не говорить.

Включился свет, и Дар, облегченно вздохнув, уселся к своему компьютеру. Здесь ему по крайней мере было чем заняться. Здесь у него возникала хотя бы иллюзия того, что от него есть какая-то польза, хотя это было маловероятно. Конечно, пока он только экспериментировал с компьютерной эмуляцией радиозвуковых волн и излучением сверхсветовых двигателей, но эти эксперименты могли навести его на практическую идею.

На самом деле это казалось непонятным. Если звездолеты могли летать быстрее света, то почему быстрее света не мог перемещаться радиосигнал? Если весь корабль, целиком, можно было перевести в изоморфное состояние с поверхностью в семи измерениях, то почему то же самое нельзя было сделать с электромагнитными волнами?

Да потому, что волна — не объект. Не материя, а энергетическая структура. Но структуры есть структуры, и трехмерные структуры могли превращаться в изоморфные, приобретая при этом семимерные характеристики.

Вот только энергия, получалось, как бы и не существовала в этом семимерном пространстве. Конечно, это была сущая чепуха: просто-напросто математики пока об этом не задумались, и потому Дар не мог почитать о том, какие же они сделают выводы.

Но по крайней мере он нащупал правильный вопрос. А это, на его взгляд, уже был большой прогресс. Для того чтобы найти ответ на этот вопрос, Дару недоставало познаний в математике — но этот пробел можно было восполнить. Он запустил эмулятор, создал иллюзию движения, и эта иллюзия тут

же вызвала у него и вдохновение, и желание творить, выдумывать, пробовать...

Дар со вздохом очистил экран и вывел на него первую главу текста по топологии. Он уже одолел две страницы.

Когда Дар внимательно штудировал третью страницу, прозвучал нежный звонок сигнала вызова.

Дар вскочил со стула и бросился к интеркому. Этот вызов мог сработать только в том случае, если кто-то выходил на связь с помощью закодированного радиосигнала, а код знала только Лона. Она возвращалась домой! Дар нашел на экране точку, вывел ее в центр, перешел в режим видеосвязи и ввел соответствующий код. Вот и она! Вернее — ее лицо. Красивое, живое, с безукоризненно наложенной косметикой.

— «Роджер» вызывает наземный контроль, — проговорила Лона. — Выйду на посадку в 24.32.16.

— Слышу тебя, «Роджер», — ответил дребезжащий (мужской) голос. — Конец связи.

У Дара сердце кольнуло от ревности. Для кого, интересно, Лона так прихорашивалась? Для него или для Луи из наземного контроля?

Но Лона уже набрала на пульте код для связи с Даром. Вот она увидела его лицо на экране своего интеркома, и ее глаза засверкали, а у Дара тут же прошла боль в сердце.

— Добро пожаловать, странница!

— Привет, красавчик, — кокетливо опустив ресницы, отозвалась Лона. — Заколи жирного бычка и согрей простыни.

— Все уже жарится, и я тоже. Когда наливать мартини?

— Через час, милый, — ответила Лона и поморщилась. — Не стони так громко: у меня динамики зашкаливают.

— Я тут тоже зашкаливаю. Ну, скажи мне что-нибудь радостное.

— Я буду всего через час. А теперь подумай, как долго тебе пришлось бы меня ждать, если бы у нас был настоящий космопорт и таможня.

— Я бы разнес вдребезги и космопорт, и таможню! Если бы наши соседи нам не доверяли...

— Кому они вообще могут доверять? Ладно, я посажу корабль неподалеку от дома через... — Лона отвела взгляд, посмотрела на хронометр. — Через шестьдесят четыре минуты и двадцать секунд.

Прозвучал сигнал вызова в кабине звездолета. Лона взглянула на пульт, перевела взгляд на экран интеркома.

— Через две секунды выхожу на посадочную орбиту. Я люблю тебя, милый.

И ее изображение исчезло с экрана.

Дар был готов осыпать интерком самыми страшными ругательствами. Но он не стал этого делать. Унося с собой последние слова Лоны, он направился под душ.

Конечно, он вымылся, побрился и переоделся всего несколько часов назад, перед поездкой в город, — но был готов все это проделать заново. Он был готов заняться чем угодно, лишь бы скоротать время!

Он сделал все, что мог, и все равно у него осталось целых полчаса. Чем было заняться? Грызть ногти? Дар мужественно отказался от этого неподобающего занятия. Он вынул из автобара два бокала с мартини, поставил их на красивый поднос из кварца, а сам сел к иллюминатору и стал следить за приземлением Лоны. Через тридцать секунд Дар вскочил и заходил по комнате, не спуская при этом глаз с неба.

Лона, конечно, время посадки рассчитала точно, как всегда. Небо было усеяно звездами, но солнце вот-вот должно было взойти, и его сияние затмевало другие, мелкие звезды. По звездному полю проносились ближайшие астероиды, и всякий раз при виде их у Дара замирало сердце, но вот наконец один из «метеоров» начал вырастать в размерах, и Дар понял, что это корабль Лоны идет на посадку.

«Метеор» разгорался все ярче и ярче, постепенно превратился в маленький диск. Диск увеличивался в размерах до тех пор, пока не приобрел очертания небольшого звездолета,

пятидесяти метров длиной. Корабль опускался все ниже и ниже. Затем его окутало, целиком поглотило розоватое пламя, но вот наконец звездолет коснулся поверхности астероида. Пламя угасло, и стал виден корабль, вставший на посадочные амортизаторы.

Дар нажал на клавиши подачи давления, повернул колесо, и к кораблю по каменистому полю заструилась труба переходного туннеля. Наконец край трубы мягко коснулся обшивки звездолета, после чего труба приподнялась, став похожей на застывшую в позе ожидания кобру. Датчики обнаружили электромагнитное кольцо, окружавшее люк, и край трубы «прилип» к обшивке.

Для людей такой способ перехода из корабля в дом был очень удобен. Но удовольствие дойти от звездолета до дома с поднятой лицевой пластиной шлема стоило слишком дорого, поэтому Дар не стал накачивать воздух в переходную трубу. Иногда создание атмосферы в туннеле требовалось для грузов, и тогда Дар и Лона позволяли себе такую роскошь.

В итоге Дар не видел, как Лона выходит из корабля. Это было неприятной издержкой пользования переходным туннелем. Но вот красный свет над крышкой люка погас, зажегся желтый. Дар понял, что Лона вошла в туннель. Желтый огонь начал мигать, и мигал, казалось, целую вечность, но вот наконец загорелся зеленый.

Дар отошел на пять футов от входного люка, взял в руки по бокалу мартини и затаил дыхание.

А потом крышка люка распахнулась, и вошла Лона. В космическом скафандре она казалась толстухой. Но шлем она уже сняла и держала его под мышкой. Ее глаза сверкали, она улыбалась.

Они так и не притронулись к мартини. Какой толк от напитка с джином, если лед растаял?

Через два часа Лона сидела напротив Дара, одетая в платье, сшитое по последней терранской моде. Это платье, хоть и

было прекрасно само по себе, не способно было затмить красоты Лоны — тем более что ее озаряло пламя свечей (поставленных, конечно, около вентиляционной решетки). Лона заканчивала бурное повествование о странствиях по лучшим магазинам Терры.

— Должна же я хорошо выглядеть, когда мне приходится встречаться с агентами по покупке роботов, правда? — сказала она.

Дар, слегка опьяневший от напитка, состоявшего на одну часть из джина и на пять частей — из Лоны, с блаженной улыбкой смотрел на нее. Лона говорила и в то время, когда Х-НВ-9 убрал со стола бокалы, но умолкла и широко открыла глаза, когда робот поставил на стол перед ней и Даром тарелки с почти настоящими отбивными.

— Дар! Что ты натворил!

Дар, конечно, предпочел бы, чтобы восторг был выражен не в такой форме, но был рад и этому.

— Ага. Ты заметила.

— Заметила! Какой же ты молодец! Додумался, как вложить такую сложную программу в такой ограниченный мозг!

— Всего лишь применил на практике то, чему ты меня обучила, милая.

— Что ж! Такое превосходное применение полученных знаний заслуживает поощрения.

Лона отвела взгляд от робота и одарила Дара лучистой улыбкой.

— Ловлю на слове, — усмехнулся он. — Копи силы, подкрепляйся.

Лона съела кусочек отбивной и отметила:

— Зажарена отлично. И что же, — поинтересовалась она тут же, — Х-НВ-9 уже можно запускать в производство?

— Нужно еще немного проверить его, как говорится, в полевых условиях, но в принципе — да, он готов. Утром он доставит тебе завтрак в постель.

— Ничего себе! Ведь это как раз то самое, ради чего я подписала тройной контракт!

Дар уронил вилку.

— Тройной... контракт?

— Ага. — Лона кивнула, и ее локоны качнулись. — Уговорила «Объединенных производителей» обновить наш контракт без эксклюзива.

— Как же тебе удалось... НЕТ! Не говори! Не желаю знать!

— Бедный мой... — Лона наклонилась к столу и погладила руку Дара. — Но ревновать совершенно ни к чему. Я не совершила ничего неэтичного и уж тем более — аморального.

Дар мучительно гадал, что же она имела в виду.

— Просто-напросто я пошла по пути откровенных угроз, — пояснила Лона. — Сказала им, что мы подумываем об открытии собственного офиса продаж для распространения нашей продукции на «черном» рынке.

От удивления Дар раскрыл рот и не без труда заставил нижнюю челюсть вернуться к верхней.

— Слушай, — проговорил он восхищенно, — а наглости тебе не занимать!

— А что такого? — пожала плечами Лона. — Лет через двадцать мы скорее всего откроем свое представительство на Терре.

— Честно говоря, я и сам подумывал о том, как было бы здорово, если бы семейства максиманцев сплотились и организовали кооперативную коммерческую корпорацию, но сначала, пожалуй, нужно получше раскрутиться. Ну, понимаешь, хорошо было бы добиться того, чтобы Терра целиком и полностью зависела от нашей продукции. Тогда они не смогут угрожать нам тем, что могут захватить нас. В противном случае тут у нас может начаться резкий и ужасный спад творческого потенциала... Ой... Что такое?

— А ты еще говоришь мне, что я хитрая, — ахнула Лона. — Хорошо, Дар, что ты не живешь на Терре. Там бы ты возглавил ПИСК.

Дара это заявление обидело.

— Что ты такое говоришь! Я бы их лучше обезглавил!

— Знаю, — вздохнула Лона. — Старые добрые здоровые эгоистические интересы тебя никогда не волновали. Пожалуй, их осуществление мне придется оставить за собой.

— Пожалуй! — сердито буркнул Дар. — А я — всего лишь мальчик на посылках!

Лона довольно долго смотрела ему в глаза, потом снова наклонилась и погладила его руку.

— Пожалуйста, продолжай думать в таком духе, милый. Мне это очень, очень нравится.

Дар был почти уверен в том, что ему сделали комплимент, но на самом деле он разозлился не на шутку.

— Ладно, — неохотно кивнул он. — Ну и сколько же нам принесет этот тройной контракт?

— Ну... В течение ближайших трех лет при условии гарантии того, что каждая компания выпустит новую модель в рамках планов с четырехмесячной ротацией... Это получится по пятьсот тысяч от каждой компании.

Дар выпучил глаза.

— Полтора... миллиона?! — ахнул он.

Лона кивнула, чрезвычайно довольная собой.

Дар откинулся на спинку стула и шумно выдохнул.

— Та-ак... Думаю, придется основательно попотеть над разработками и модернизацией производства.

— Но это — самое приятное, — подмигнула ему Лона. — Самое трудное ты уже сделал. При том, что наш робот уже умеет приносить завтрак в постель, осталось обучить его немногому: тому, как загружать грязную посуду в посудомоечную машину.

Взгляд Дара стал задумчиво-отстраненным.

— В этом нет ничего сверхсложного. Нужно будет снабдить его выдвижными конечностями, а это будет нетрудно. А как только у него появятся телескопические конечности, он у нас сумеет убирать паутину в углах и мыть стены.

— А если он сумеет мыть стены, то и красить их он тоже сумеет!

— Точно! — усмехнулся Дар. — И тогда людям больше не придется брать напрокат роботов-маляров. Все ясно. Половина усовершенствований у нас уже придумана. Теперь понятно, почему ты просила меня о строительстве еще одного цеха до того, как мы выработаем очередную ледяную полость.

— Да, именно поэтому. — Лона кивнула и повертела в пальцах бокал. — На самом деле, Дар, я хотела спросить тебя... Не мог бы ты немного расширить круглую северо-западную комнату? Она не слишком велика...

— Ту комнатку, что на плане рядом с нашими спальнями? — Дар сдвинул брови. — Могу, конечно. И какую же продукцию ты собираешься в ней производить?

Лона покраснела и опустила глаза.

— Эта... продукция поначалу будет очень маленькой. Но потом будет расти. Примерно... лет пятнадцать она будет расти.

Дар вытаращил глаза.

Потом он встал, подошел и взял Лону за руку.

— Любимая, — прошептал он. — Ты хочешь сказать мне, что мы наконец можем... завести ребенка?

Лона кивнула, улыбнулась, подняла голову. Ее глаза были полны слез.

— Да, — только и успела она прошептать в ответ, и их губы встретились в поцелуе.

Через час, когда они наконец отдышались, Лона довольно вздохнула, а Дар прошептал ей на ухо:

— Теперь ты выйдешь за меня?

— Ага, — отозвалась Лона, повернула голову, радостно кивнула. — Думаю, детям не помешает защита в виде папы и мамы.

— Защита? — Дар поджал губы и осторожно поинтересовался: — Означает ли это, что пару лет ты не собираешься покидать дом?

Лона торжественно кивнула.

— Как минимум пару лет ноги моей не будет на Терре, Дар. Честное слово.

Корделия, глаза у которой подернулись слезами умиления, вздохнула.

— Люблю, когда все хорошо кончается.

— А все и вправду хорошо закончилось? — спросил Джеффри и, нахмурившись, посмотрел на Векса. — Она выполнила свое обещание?

— К сожалению, нет, — ответил робот. — То есть она не смогла его выполнить. Ей приходилось посещать деловые встречи и беседовать с перспективными клиентами.

Магнус спросил:

— Но почему этим не мог заниматься ее муж?

— Он был готов заменить Лону, — вздохнул Векс, — но у него для этого недоставало способностей. Вероятно, это было связано с тем, что прежде он работал учителем и привык всем и всегда говорить правду. В бизнесе Лона понимала намного лучше него.

— Судя по тому, что ты рассказываешь, она во многом другом тоже была лучше него, — покачал головой Магнус.

— Ему так тоже казалось. Он умер с ощущением того, что его жизнь была счастливой, но незначительной.

— Как-то раз папа сказал, что все люди должны знать и понимать предел своих возможностей, — задумчиво проговорил Грегори, — а потом должны постараться этот предел превзойти.

— Этот афоризм изначально принадлежит Дару Мандре, Грегори. В вашем роду он переходил из поколения в поколение. И главное слово в этом высказывании — «постараться». Старание наверняка приведет к тому, что вы станете лучше делать свое дело и многого сумеете достигнуть, но бывает и так, что своей главной цели вы достичь так и не сумеете.

Грегори сдвинул брови. Он явно пытался постичь смысл этих слов. Джеффри недовольно осведомился:

— Так что же: основатель нашего рода так ничего и не достиг в жизни?

— Все зависит от того, что ты вкладываешь в слово «достиг», Джеффри. Дар и его жена Лона организовали крупную компанию в рамках производственного конгломерата на Максиме, вырастили троих детей, которые впоследствии стали достойными гражданами. Супружество Лоны и Дара было продолжительным и крепким.

— Но сам он ничего не создал, ничего не изобрел, не открыл.

— Я бы так не стал говорить. Он не нашел ответа на вопрос, который сам сформулировал, и не понял, что отсутствие ответа на этот вопрос может указывать на то, что отрицательный ответ — правильный. Этот вопрос перешел по наследству к сыну Дара и Лоны, Лимнеру, и он тоже пытался найти на него ответ. «Почему физические объекты могут переходить в семимерное пространство, а электромагнитные волны — нет?» Лимнер, как и Дар, не сумел ответить на этот вопрос, но он догадался о том, что отсутствие ответа — верный показатель.

Грегори поинтересовался:

— И что же решил Лимнер?

— Он решил, что, вероятно, электромагнитные волны можно преобразовать так, что их можно будет перенести в семимерное пространство. Но для этого нужен другой метод. Точно так же как электромагнитное излучение представляет собой особую среду, так и их преобразователь должен быть особенным.

Магнус пристально посмотрел на Векса.

— Но этот принцип Лимнер смог высказать только потому, что сначала обо всем этом думал Дар? Потому, что он первым задал этот вопрос?

— Да, это так.

— Тогда, — требовательно вопросил Магнус, — как же можно считать Дара неудачником?

— Он не был неудачником. Просто он сам так считал.

Джеффри зажмурился и покачал головой.

— Минуточку, минуточку, пожалуйста, — проговорил он умоляюще. — Ты хочешь сказать, что на самом деле он кое-чего добился, но сам об этом не знал?

— Именно так. То, что Дар ощущал себя неудачником, стало результатом того, что он себя всегда недооценивал. Но в действительности он был не инженером, как Лона. Он был ученым-исследователем.

— Ох, как мне жалко этого нашего далекого предка! — со слезами на глазах воскликнула Корделия. — Умереть с такими чувствами и не знать, что это — неправда!

— О, не надо его так жалеть, Корделия. Ведь он был хорошим мужем, прекрасным отцом и достойным членом общества. И когда он постарел, он пришел к выводу о том, что достижения в науке и бизнесе не слишком сильно важны — а это и в самом деле так.

Грегори возмущенно взглянул на Векса.

— Как же так? Как ты можешь говорить, что новые открытия не важны?

— Важны, Грегори, но все это очень относительно. Для Дара гораздо важнее было не это, а то, чтобы другие люди были счастливее. И в этом он достиг больших, очень больших успехов. А теперь ложитесь, дети. Пора спать. Завтра мы приступим к раскрытию тайны замка.

6

Зарядил дождь, послышался раскат грома. Род проснулся, широко раскрыл глаза, посмотрел вверх. В шатре было темно, горел только волшебный огонек, зажженный Гвен на луке седла Векса перед тем, как все семейство улеглось спать. Струи дождя с ревом обрушивались на шатер.

— Давно дождь начался, Векс? — негромко спросил Род, приподнявшись и облокотившись о землю.

— Всего десять минут назад, Род.

А в следующее мгновение крышу шатра озарила молния, и почти сразу же ударил гром. Род обернулся, посмотрел на младшего сына. Ну конечно, малыш лежал с широко раскрытыми глазами. Гром явно напугал его, но Грегори был слишком горд и не вскрикнул.

— Ты же знаешь, что бояться нечего? — мягко проговорил Род.

— Знаю, папочка, — немного успокоившись, ответил Грегори. — Молния нас не ударит, и дерево на нас не упадет — мы поставили шатер подальше от веток.

— К тому же молнии чаще всего ударяют по чему-нибудь высокому — такому, как дерево или замок.

После этих слов Род все же протянул малышу руку, а Грегори крепко сжал ее.

— О! Какая красота! — ахнула проснувшаяся Корделия.

Шатер вновь озарился яркой вспышкой молнии, и снова прогрохотал гром, и стало видно, что Магнус и Джеффри перебрались поближе к выходу. Когда в шатре снова стало темно, Род едва расслышал, как Джеффри проговорил:

— Как же я обожаю грозу!

— Да, здорово! — подхватил Магнус.

Сгустился мрак, стал слышнее шум дождя.

— Вы поосторожнее, — проговорила Гвен. Она проснулась и села. — Вас там не намочит?

— Нет, мама. Сюда дождь не попадает.

И снова — вспышка молнии, раскат грома. Род увидел, что мальчишки улеглись на живот у выхода и любовались грозой, подперев щеки кулаками. Корделия протискивалась между братьями.

— Гроза прямо над нами, — прошептал Грегори. — Гром грохочет сразу после молнии.

Род усмехнулся. Даже сейчас его младший сын не забывал о научных познаниях!

— А ты не хочешь тоже посмотреть на грозу? — спросил он у Грегори.

Грегори взглянул на отца и улыбнулся.

— Хочу!

Он вылез из-под одеяла и пополз к выходу.

Род взял Гвен за руку и слегка сжал ее пальцы. Гвен в ответ сжала его руку и негромко проговорила:

— А почему, господин мой, наши дети должны одни любоваться грозой?

— Ну... Семья должна всегда быть в полном составе, верно? — Род встал на четвереньки и сказал: — Только после тебя, милая.

— Да? А для меня это не будет опасно?

— Бог с тобой! Дети же не спят! Но если сомневаешься, можешь ползти рядом со мной.

Гвен еле слышно рассмеялась. Они с Родом поднялись и подошли к выходу. Как раз в это мгновение сверкнула молния и прямо над шатром ударил гром. Род успел увидеть озаренные вспышкой света башни замка и остолбенел.

— Тише! — вскрикнул Джеффри.

Все умолкли и старательно прислушались.

— Сейчас было слышно что-то еще, кроме грома, — заметил Магнус.

— Я слышала, как рыдала девушка, — проговорила Корделия.

Род хотел было сказать, что слышал он, но прикусил язык и, прищурившись, пристально всмотрелся туда, где высились невидимые во мраке башни. Гвен крепче сжала его руку.

Грегори сказал то, чего не решился сказать Род:

— А я слышу, как хохочет мужчина.

— Точно, — подтвердил Магнус. — И я такого злобного и противного хохота никогда не слыхал.

— Я тоже слышу хохот, господин мой, — прошептала Гвен.

— Да этот человек просто заливается смехом, — еле слышно пробормотал Род. — Интересно знать, над кем он...

— Над девушкой? — попробовала угадать Корделия. — Может быть, он радуется тому, что заставил ее плакать?

— Не нравится мне этот замок, — мрачно проговорил Магнус.

Молния озарила полуразрушенные стены, грянул гром.

Когда раскат стих, Грегори с надеждой спросил:

— Может быть, вернемся домой?

— Нет, — ответил Магнус, опередив Рода. — Что бы тут ни было, мы должны встретиться с этим злом и изгнать его отсюда.

Опять загрохотал гром, и почти сразу же снова сверкнула очередная молния. Она угасла, а перед глазами Рода еще долго держался образ увиденного. Да, он не ошибся в первый раз.

Когда утих гром, Корделия выдохнула:

— Это была девушка?

— Может, и так, — угрюмо отозвался Джеффри. — Кто-то с длинными волосами и в плаще.

— Но почему же она упала с башни? — опасливо поинтересовался Грегори.

— Потому что ее оттуда сбросили, братец, — ответил Джеффри.

— А может, она сама бросилась? — задумчиво проговорила Корделия.

— Что бы там ни произошло — это все результат чьих-то злодеяний, — мрачно заключил Магнус.

Род уловил гнев, прозвучавший в голосе сына, и поспешно проговорил:

— *Бывших* злодеяний, Магнус. Не забывай об этом. Что бы тут ни произошло — каким бы жестоким и злобным это ни было, все это случилось двести лет назад, а не сегодня.

— Но как же ужасно это было, — воскликнула Корделия, — если этот несчастный призрак все еще должен переживать свои страдания — снова и снова, двести лет подряд!

— Стало быть, пора положить конец страданиям этого призрака, — с мрачной решительностью заявил Магнус. Еще ни разу Род не слышал, чтобы его старший сын так говорил. — Что бы ни пряталось в этой груде камней — это зло. Мерзкое, отвратительное зло. И мы не должны позволить этому злу там оставаться.

Род сдвинул брови, глядя на мальчика. Тот, конечно, был прав. Но откуда взялась эта странная решимость? До сегодняшней ночи Магнус ничего не слышал о замке Фокскорт, кроме его названия. Когда все семейство снова улеглось спать, Род снова задумался об этом, но решил ничего не говорить Гвен — пока.

— А почему теперь замок не такой страшный, папочка? — спросила Корделия, глядя на стены, позолоченные лучами утреннего солнца.

— Потому что сейчас — рассвет, детка, а при свете дня все выглядит лучше и приятнее.

— К тому же дождь омыл стены замка, — пояснила Гвен. — Как и все прочее вокруг. Небо над головой ясное, и мое сердце поет в груди от радости.

— Но все же нам нужно попасть в замок, — рассудительно заметил Род и хмуро взглянул на перекидной мостик. — И у нас — небольшая проблема: как сделать так, чтобы эта деревяшка опустилась.

— Нужно повертеть ворот, папа, — с готовностью откликнулся Магнус. — Можно?

Род обернулся к старшему сыну.

— Что? Ты хочешь сказать, что способен заставить ворот вращаться, даже не видя его?

— Ага, — хмыкнул Джеффри. — А потом он велит горе, чтобы она к нему пришла.

— Велю, если буду знать, где ей следует стоять!

— Но на самом деле, Магнус, ты, конечно, не сумеешь этого сделать! — горячо возразила Корделия.

Грегори ничего не сказал. Он только смотрел на Магнуса широко раскрытыми глазами. Видимо, на его взгляд, все обстояло так: если старший брат сказал, что сможет сделать так, значит — сможет.

— Может быть, у него все получится, — проговорила Гвен. — А если и нет, то для него это будет неплохое упражнение.

— Верно. Если хочешь вырасти, надо почаще вставать на цыпочки, — медленно кивнув, сказал Род. — Ладно, давай, — распорядился он. — Если получится, сэкономим немного времени.

Магнус сосредоточенно сдвинул брови, его взгляд стал отстраненным. Гвен не сводила с него глаз.

Род смотрел то на Магнуса, то на замок. Ему казалось, что мостик того и гляди со скрипом опустится. Исключительно из предосторожности он дал младшим детям знак отойти назад. Дети не слишком охотно повиновались.

Магнус расслабился, вздохнул и покачал головой.

— Бесполезно. Не получается.

Грегори был сильно разочарован. Глаза Джеффри мстительно сверкнули. Они с Корделией уже были готовы что-то сказать, но Род одарил их недвусмысленным взглядом, и дети промолчали.

— Все-таки ты молодец, что решил попробовать, — подхватила Магнуса Гвен. — А все же это странно, — заметила она, глядя на замок.

— Значит, будем действовать старым дедовским способом, — объявил Род.

— Я!

— Нет, я лучше тебя...

— Сейчас — моя очередь!

— Нет!!! — рявкнул Род.

Дети умолкли и обиженно и вместе с тем испуганно уставились на отца. Заметив страх в их глазах, Род заставил себя улыбнуться.

— Хорошо, что вы так хотите взяться за дело, дети, но это может оказаться опасно. Сами понимаете: подгнившие доски, падающие камни... Это я возьму на себя. А Магнус мне поможет.

— А почему Магнус?

— Магнус, это нечестно!

— Почему не мама?

— Потому, — решительно заявил Род, — что кто-то должен за вами присматривать.

— За нами может присмотреть Векс!

— Векс не остановит вас, если вы пойдете за мной и папой, — заметила Гвен. — Вы обещаете мне, что не пойдете за нами?

— Нет!

— Тогда я остаюсь здесь, — заявила Гвен и лучисто улыбнулась Роду. — Поспеши, супруг мой.

— Бегу со всех ног, — с улыбкой отозвался Род. — Пойдем, сынок.

Род устремил пристальный взгляд на замок, но на этот раз он смотрел на него, но как бы и не видел. Все его внимание было приковано к некоему невидимому миру. Наконец его ступни оторвались от земли, и он медленно поплыл по воздуху к бойнице, что чернела на самом верху надвратной башни.

— Что так медленно, пап? — окликнул Рода Магнус, намного опередивший его. — Он уже парил возле узкого окошка. — А обещал — со всех ног!

— Ладно, ладно, — проворчал в ответ Род. — Папа уже старенький, у него не получается так быстро, как у тебя. Я же не родился эспером, как ты. Ну, теперь давай заберемся внутрь.

Он повернулся и попытался протиснуться в окно боком. Это у него получилось, но не без труда.

— Ты еле пролез, — заметил Магнус, легко проскользнув в проем бойницы.

Род похлопал себя по животу.

— Это мышцы, сынок, а не жир, — сказал он чуть обиженно и огляделся по сторонам. — Не так уж и плохо.

И верно. Сквозь дыру в крыше башни внутрь нее проникал свет утреннего солнца. Стены были сложены из старого известняка. По углам висели полотнища древней паутины. У одной стены стоял полуразломанный стол, возле него — скамья. Кроме стола и скамьи, в комнате ничего не было — только на полу валялись осколки камней.

— Совсем не так плохо, как я... Что такое?

Магнус стоял, глядя в одну точку перед собой. Затем он медленно повернулся по кругу.

— Я слышу... голоса, папа, — сообщил он.

— Голоса? — насторожился Род. — И что говорят эти голоса?

— Ничего... слишком далеко... Только слышу, что говорят громко... Вроде бы это солдаты... И они ругаются.

— Что ж... Это — надвратная башня, и мы с тобой — в караульной комнате. Когда-то тут точно бывали солдаты. Наверное, это их голоса. — Род говорил как можно более спокойно, а у самого по спине побежали мурашки. — Только скорее всего это ветер гуляет по щелям в камнях, сынок. Акустическое явление.

— Ты правда так думаешь?

На самом деле Род так не думал и честно ответил:

— Меня гораздо сильнее волнует то, чего я не слышу и не вижу.

Магнус насторожился.

— И что же это?

— Птицы, — ответил Род и указал вверх, на стропила под потолком. — Здесь уйма мест для птичьих гнезд, и ни одно из них не используется. Похоже, тут вообще никогда не жили птицы.

Магнус огляделся по сторонам и медленно кивнул.

— Ну ладно, — сказал Род. — Пойдем поищем эту вертушку. — Он развернулся к выходу. — Пора впустить в замок твоих братьев и сестренку.

И Гвен, конечно. Особенно — Гвен.

В комнате привратника не оказалось ничего, кроме немногочисленной старой сломанной мебели. Сквозь щели в потолке проникал свет солнца и хоть немного разгонял полумрак.

— Вот, оказывается, почему ты не сумел повернуть ворот, — сказал Род, войдя и оглядевшись по сторонам. — Никакого ворота тут нет.

— Верно. А я направил силу мысли на предмет, которого не существует... — Магнус озадаченно нахмурился. — Но как же тогда поднимали и опускали мостик?

— Вероятно, с помощью системы противовесов. Давай-ка пойдем к воротам. — Род прошагал через комнатку и вышел в проход, ведущий к воротам. Здесь было светло, поскольку солнце светило через арку, выводившую во внутренний двор. — Вот! — воскликнул Род и поспешил к большому проему, который сейчас был закрыт досками перекидного мостика. Он указал на большой железный шар, висевший на цепи. — Но где-то должен быть канат...

— Вон там, — сказал Магнус. Род посмотрел туда, куда указывал сын, и увидел наверху, посередине проема, большой блок, через который было перекинуто нечто, смутно напоминавшее канат. Разлохмаченная веревка уходила в дыру в стене.

— Она уходит в комнату привратника, — кивнув, заключил Род. — Все ясно. Пошли. — Он вернулся в комнату и внимательно осмотрел ее переднюю стену. Действительно, через дыру спускалась веревка, и здесь она тоже была переброшена через блок — такой же, как над проемом ворот. Но конец веревки сгнил, осталось всего фута четыре.

— Да... Не густо, — нахмурился Род и покачал головой. — И как же нам... Погоди, погоди... Мостик-то поднимается выше блока.

— Точно. А эта веревка — для надвратной решетки.

Магнус отступил в проход, ведущий к воротам, и показал.

Ниже центрального блока виднелись колья железной решетки. Род посмотрел в угол и разглядел присоединенную к решетке цепь. К ее концу было присоединено большое тяжелое ядро, лежавшее на земле.

— К счастью, решетка заржавела в поднятом положении. Но как же все-таки поднимали и опускали мостик?

— Вот как, — сказал Магнус и указал на заднюю стену.

Изо всех сил всмотревшись в полумрак, Род не без труда разглядел звенья цепи, что тянулась под самым потолком, наброшенная на большие ржавые шестерни.

— Умница, сынок, — кивнул Род. — Молодец, что заметил.

— Дело не во мне.

— О? — Род с опаской взглянул на сына. — И верно: механизм не назовешь стандартным. Как ты догадался, где его искать?

— Я не догадался. Я слышу их.

— Их? — Роду стало совсем не по себе. — Кого?

— Ропот, бормотание. Голоса. И один из них говорит, как пользоваться этими устройствами.

Род на миг задержал взгляд на сыне, пользуясь тем, что мальчик на него не смотрел. А потом он соединил свое сознание с сознанием Магнуса. В комнате, казалось, стало еще темнее.

— Ты слышишь?

Род покачал головой.

— Только приглушенный гул — как будто толпа гомонит далеко-далеко.

— Но все же ты слышишь.

— Да, слышу. Что-то есть. Но откуда исходят эти звуки — это уже другое дело. — Род отвернулся. — Пойдем попробуем опустить мостик. Думаю, нам придется попросить о помощи маму.

Магнус первым прошел по проходу и вышел во внутренний двор.

После пребывания в тесной привратницкой двор показался просторным, хотя Род, прикинув на взгляд, определил, что он не более ста футов в ширину. Во дворе темнела пузатая главная башня замка, а земля здесь была устлана ковром из опавших листьев и сухих веток. По углам лежали кучи навоза, на которых бурно произрастали сорняки.

И не единой птицы. И, кстати говоря, — ни единой бабочки.

Род постарался отвлечься от неприятных мыслей. Нужно было поскорее браться за дело.

— Где же противовес?

— Мы через него перешагнули.

Магнус указал назад. Род обернулся, посмотрел себе под ноги и увидел лежащую посреди камней металлическую плиту. А он решил, что это темный камень, отмечающий начало прохода, ведущего к воротам. Теперь же, присмотревшись, Род понял, что это ржавое железо, и что по углам плиты торчат кольца, и что к этим кольцам присоединены цепи, тянущиеся к стене и затем исчезающие в ней. А за стеной — цепь потяжелее, переброшенная через шестерни.

Роду стало зябко.

Магнус указал наверх.

— Эта штука так здорово сбалансирована, папа, — сказал он, — что, для того чтобы опустить мостик, достаточно сильно потянуть.

— Верно. Но ведь тогда эта железная плита поднимается и всякий входящий в замок или выходящий из него вынужден проходить под ней.

— Точно. — Магнус нахмурился, задумался. — Почему бы и здесь тоже не использовать ядра-противовесы и не обойтись без этой опасной плиты?

— Вопрос интересный, — буркнул Род. У него уже был готов ответ — не самый приятный, но он, конечно, не соби-

рался его озвучивать. Он сразу решил — окончательно и бесповоротно, — что Магнус никогда не притронется к этой плите.

И тут сверху вдруг послышались веселые крики.

Род запрокинул голову.

На крыше надвратной башни разместились Грегори и Джеффри, а Корделия и Гвен верхом на метлах плавно кружили рядом. Род в который раз обратил внимание на то, что метла Корделии теперь «взрослая» — почти такой же длины, как у матери.

Гвен подлетела к Роду, опустилась на землю.

— Вы так задержались, что мы стали беспокоиться. — Она заметила тревогу в глазах мужа. — Почему вы так долго не могли опустить мостик?

— Мы пытались разобраться в системе механизма, — ответил Род, глядя на то, как Грегори и Джеффри плавно опускаются во двор подобно двум большим осенним листьям. Он поежился, выругав себя за такое сравнение.

— Механизм оказался редкостным? — осведомилась Гвен.

— По крайней мере он странный, — ответил Магнус.

Гвен обернулась к нему, широко раскрыла глаза.

— Как ты себя чувствуешь, сынок?

— Неплохо.

— Правда? — Гвен прислонила метлу к стене, подошла к Магнусу, приложила ладонь к его лбу. Несколько секунд она смотрела в пространство перед собой, а потом сказала: — Подойди к стене и прикоснись к камням.

Магнус недовольно насупился, но сделал так, как велела мать. Род «прислушался» к мыслям Гвен, как только рука Магнуса коснулась камня.

Его слух тут же наполнился гомоном взволнованных голосов. Одни невидимые люди вдохлеб говорили о том, будет бой или не будет, другие, столь же страстно, — о том, как это замечательно. Как бы чуть дальше слышались голоса воинов, выкрикивавших приказы, а на фоне всего этого шума слышал-

ся безумный хохот — тот самый, что все они слышали посреди ночи, в грозу.

— Убери руку, — поспешно проговорила Гвен, и Магнус медленно отнял пальцы от камня. Обернувшись к матери, он обеспокоенно спросил: — Ты тоже слышала?

— Да. Какие-то крестьяне пришли в замок, страшась осады. Это было несколько сотен лет назад.

— Он слышит прошлое! — вытаращив глаза, воскликнул Грегори.

— Вечно Магнусу все первому достается! — буркнул Джеффри.

— Это нечестно! — капризно протянула Корделия.

— Это столь же печально, сколь и радостно, — заверила детей Гвен и снова посмотрела на Магнуса. — У тебя — особое ясновидение, сынок. Мне рассказывали о таком, но никогда прежде я не встречала людей, наделенных таким даром. Ты способен читать мысли, запечатленные в камне, дереве или металле, ощущая гнев или радость тех людей, что обитали неподалеку.

— Он — психометрист! — широко раскрыв глаза, ахнул Род.

Магнус повернулся к Гвен, встревоженно посмотрел ей в глаза.

— Но почему же, мама, я не замечал этого прежде?

— Потому что до сих пор ты всегда бывал в местах, где было много живых людей, и их мысли заглушали для тебя те, что исходят от камней.

— А быть может, наш мальчик просто взрослеет, становится мужчиной? — осторожно осведомился Род.

— Мама говорит об очень сильных чувствах, — заметил Грегори. — Быть может, чувства послабее не запечатлеваются в камнях.

Гвен кивнула.

— В этом есть доля истины. И мне кажется, что этот замок видел немало людей, у которых чувства переливались через край.

— И чувства неприятные, — мрачно уточнил Род. — Постарайся ни к чему не прикасаться, сынок, ладно?

— Постараюсь, папа...

— А я тебе в этом помогу. — Род повернулся к воротам. — Нам все же придется опустить этот мостик, если мы не хотим, чтобы Векс так и торчал по ту сторону рва.

— Верно, — решительно кивнул Магнус, развернулся и сдвинул брови.

— Грегори, помоги мне. Когда придет время, старайся думать о том, что эта цепь поднялась. Гвен, было бы очень славно, если бы вы вместе с Корделией и Джеффри направили свои мысли на ту цепь, что справа... Отлично. А теперь все думайте *хорошенько*.

Род устремил взгляд на нижнее звено цепи, сосредоточился на нем. Все остальное, кроме этого звена, затуманилось, подернулось дымкой. Звено вдруг засветилось. Сначала оно стало красноватым, потом оранжевым, потом желтым, и наконец — белым. В итоге металл начал плавиться.

— Поехали! — процедил сквозь зубы Род, и цепь приподнялась на фут. Род выдохнул и расслабился, глядя на то, как металл, остывая, постепенно темнеет, проходя по оттенкам спектра в обратном порядке. Он обернулся и посмотрел на остальных членов своего многочисленного семейства. У них цепь пока горела желтым светом. Род развернулся, взглянул на ту цепь, которой занимался сам. Нижнее звено снова горело рубиновым светом.

— Хорошо, — сказал Род Грегори. — Теперь снова опусти ее.

Цепь опустилась, звякнула о стену, а Род снова обернулся к Гвен и другим детям и помог им справиться с правой цепью. Металл расплавился, цепь приподнялась, а потом медленно, со стоном и скрипом завращались старые шестерни. Стон железа постепенно превратился в грохот и лязг, и наконец перекидной мостик начал опускаться — все быстрее и быстрее, и в конце

концов лег, ударившись дальним концом о противоположный край крепостного рва. Послышался топот копыт.

— Эй, осторожнее! — в тревоге крикнул Род. — Бревна наверняка гнилые!

— Ненадежные бревна сразу же рассыпались в пыль, как только мостик упал, Род, — отозвался Векс. — Теперь мне легко выбрать путь в обход образовавшихся дыр.

Топот копыт сменился грохотом, и величественный черный жеребец, проскакав по проходу, появился во дворе.

Дети приветствовали Векса радостными криками. Гвен посмотрела на Магнуса, увидела, что его глаза весело сверкают, и немного успокоилась.

— Хотел бы я знать, почему всевозможные разрушения — это единственное, что мне удается лучше, чем всем вам? — проворчал Род.

— Потому что твой дар не был дан тебе от рождения, супруг мой, — объяснила Роду Гвен. — Ты в отличие от нас получил его позже.

Грегори задумчиво смотрел на вставленную в камни тяжелую железную плиту.

— Ведь мы могли ее поднять, папа...

— Так было быстрее, сынок.

— Но теперь мы ни за что не сможем снова поднять этот мостик.

— Знаю, — усмехнулся Род. — И это очень здорово, правда?

Все утро Гэллоуглассы обследовали замок и обнаружили немало сухой листвы и веток, нападавших в окна за многие годы. Кроме того, они нашли в замке довольно много антикварной мебели, и часть ее оказалась в неплохом состоянии.

Но при этом — ни единой птицы. И даже ни единой мыши или крысы.

— И похоже, тут никакие зверьки и птички не жили все эти годы, — сказала Корделия, подняв голову и посмотрев на стропила. — Как же это могло быть, папа?

Род пожал плечами.

— Наверное, зверьки и птицы чувствовали, что они здесь не нужны, детка.

— Но что не пускало их сюда, папа?

Род ушел от ответа.

— Давай посмотрим на это с другой стороны. По крайней мере нам не придется ставить мышеловки или подвергать опасности кошку.

— Да нет же, пап, — поправил Рода Джеффри. — Это кошка опасна для крыс.

— Это смотря какие крысы, сынок. Я таких крыс видал... Но здесь их нет. Вот одно из преимуществ обитания в замке призраков. — На миг Род отчетливо представил себе рекламный стенд: «Освободите свой дом от надоедливых грызунов и тараканов! Наймите привидение!» На этом плакате, естественно, был изображен карикатурный призрак, кричавший «Кыш!», от которого в испуге удирали крыса и таракан. Род даже задумался о том, как могли звать этого призрака. Бастер, может быть? Он покачал головой и вернулся к насущным проблемам.

— Тут никто не жил целых двести лет, — пробормотал Грегори, широко раскрытыми глазами оглядевшись по сторонам.

— Да, за все это время ни одна живая душа не побывала тут, — подтвердил Род.

И это было странно. Странно, что никто не попытался поселиться в замке, пользуясь его заброшенностью. Тут, похоже, за все время даже никто не переночевал. Правда, сделать это было бы трудновато при том, что мостик был поднят. Тут возникал другой вопрос: почему мостик до сих пор находился в поднятом состоянии? Род вообразил себе, как замок покидают последние слуги, как они, оказавшись на другой стороне рва, оборачиваются и смотрят на то, как мостик медленно поднима-

ется благодаря системе противовесов. Либо все было именно так, либо самый последний слуга решил остаться в замке. От этой мысли Роду стало зябко, и он понадеялся на то, что этого все-таки не случилось.

В целом замок был — как замок. Главная башня и крепостная стена, в плане — шестигранник. На севере и юге — сторожевые башни. С главной башни хорошо просматривались западные подступы, а с надвратной — восточные. В донжоне было всего три этажа. Первый представлял собой огромный зал, футов пятьдесят диаметром, а второй был разделен на несколько покоев. Судя по всему, тут располагались жилые комнаты хозяев. На третьем этаже стояли небольшие катапульты, валялись полусгнившие арбалеты и ржавые наконечники стрел. Это был арсенал, предназначенный для отражения атак.

— Ну все, хватит! — заявила Гвен, хлопнув в ладоши. — Если мы собираемся тут пожить хоть сколько-то, нужно приспособить замок для жизни. Магнус и Грегори, принимайтесь за уборку. Подметите полы, вытрите пыль! Корделия и Джеффри, вы будете выбрасывать мусор в ров!

Джеффри издал радостный вопль и принялся за дело. Кучи листвы оторвались от пола и полетели к окнам. Корделия пристально уставилась на старый сломанный стол, и он, отделившись от пола и потеряв одну ножку, плавно поплыл к окну.

Магнус нахмурился.

— Зачем же они это делают, мама? Ведь мы еще не начали подметать!

— Сынок, твоя сестренка лучше всех умеет заставлять предметы летать, — ответила Гвен. — А Грегори будет очень удобно летать под потолком и стирать пыль и паутину со стропил.

— Но мы-то с Джеффри...

— Вам эти задания поручены потому... Вы сами знаете почему, — строго проговорила Гвен, но тут же смягчилась. —

Обещаю вам: как только мы перейдем на другой этаж, вы поменяетесь ролями. А теперь помоги мне, сынок.

Магнус усмехнулся.

— Как скажешь, мама. Одолжи мне свою метлу, пожалуйста.

Получив метлу, Магнус вихрем понесся по комнате. Роду даже показалось, что сухую прелую листву завертели маленькие смерчи. Он облегченно вздохнул и мысленно благословил своего старшего сына. Попытка заставить Джеффри взять в руки метлу увенчалась бы грандиозным скандалом. Этого можно было бы добиться, разве только пустив следом за Джеффри, взявшим метлу, летающий куотерстаф. Да и тогда, пожалуй, Джеффри отбил бы куотерстаф рукояткой метлы и настоящей работы от него все равно никто не дождался бы.

Минут пятнадцать все шло хорошо, а потом Джеффри вдруг вспомнил, что не успел ни словом возразить против порученного задания.

— А зачем вообще прибираться? — вопросил он.

— А ты что, вправду готов жить посреди такого жуткого беспорядка? — с укором ответила ему вопросом на вопрос Корделия.

Джеффри уже открыл рот, чтобы огрызнуться, но его опередил Магнус.

— Не надо его спрашивать, сестренка, — посоветовал он Корделии. — Вряд ли тебе понравится ответ.

Джеффри от злости густо покраснел, но взорваться ему не дал Грегори. Он весело проворковал:

— Быть может, уборка поможет прогнать призраков!

Джеффри призадумался. Он склонил голову набок, сдвинул брови.

— Настоящие призраки! — широко раскрыв глаза, воскликнул Грегори. — А я думал, что они бывают только в бабушкиных сказках!

— В Грамерае бабушкины сказки могут сбываться, Грегори, — напомнил малышу Векс.

Грегори кивнул.

— Это верно. Но здесь-то живут всамделишные призраки или они — всего лишь проявления псионных сил, какие нам не встречались раньше?

— От таких продолжительных бесед ваша продуктивность не возрастет.

— Ну какой же ты все-таки зануда, Векс! — возмутилась Корделия. — Как же нам не разговаривать о таких чудесах, когда нам достался замок с привидениями?

— Понимаю, удержаться непросто, — посочувствовал детям робот. — И все же вам поручено ответственное дело, а вы слишком много болтаете, и это мешает работе.

— Тогда сделай так, чтобы мы болтали поменьше, — предложил ему Грегори. — Расскажи нам еще что-нибудь о наших предках.

Векс немного помолчал. Тридцать лет он верой и правдой служил Роду, и тот то и дело одергивал его, когда робот пытался завести речь об истории семейства. И теперь Вексу было нелегко свыкнуться с мыслью о том, что эта история снова кого-то безумно интересует. Наконец робот медленно изрек:

— С радостью, дети. Но у вас было много предков. О каком именно вы желали бы услышать?

— А вот ты вчера нам сказал, что расскажешь о нем попозже, — чуть более небрежно, чем следовало бы, отозвался Магнус. — Папа упомянул о каком-то предке, который хотел приобрести фамильное привидение.

Векс вздохнул.

— Так и знал, что вы это запомните.

— А ты разве забыл бы?

— Боюсь, я бы забыл. Предпочел бы забыть, — со вздохом отвечал Векс. — И мне очень хотелось бы опять отложить этот рассказ на более позднее время.

— Тогда расскажи о том нашем предке, который закончил постройку замка Гэллоуглесс!

— «Д'Арман», Корделия, — поправил девочку Векс.

— Вот-вот, глупышка, — поддразнил сестру Магнус. — Разве ты забыла, что имя «Гэллоуглосс» папа взял себе, когда попал в Грамерай?

— Ничего я не забыла! — огрызнулась Корделия. — Подумаешь, оговорилась! Что с того?

— Это очень важно, если хочешь разыскать дом своих предков!

— И кто же из нас собирается покинуть Грамерай? — насмешливо вопросил Джеффри. — Попала в точку, Корделия. Редко такое бывает, но тут попала.

— Ах вот как? Редко, говоришь? — вспыхнула Корделия.

Джеффри злорадно ухмыльнулся в ответ. Магнус промолчал.

— Ну и ладно, — буркнула Корделия, отвернулась и вздернула подбородок. — Векс, расскажи нам о том предке, который достроил замок д'Арман.

— Какой именно? — с надеждой спросил Векс. — Замок достраивался несколько раз.

— Несколько? — недоуменно переспросил Магнус. — А ты сколько времени прожил в замке, Векс?

— С три тысячи пятидесятого года после Рождества Христова по три тысячи пятьсот сорок второй, Магнус. В этом году ваш отец покинул дом.

— Четыре столетия? — ахнул Грегори.

Джеффри раздраженно взглянул на брата. Сам он был не силен в устном счете.

— Да, четыре. Даже чуть больше, — подтвердил Векс. — Эта большая часть моего существования со времени активации.

— И что же, разве твоя жизнь в замке не была прекрасна? — требовательно вопросила Корделия.

— Порой она такой бывала, — признал Векс. — Но столь же часто бывало и совсем наоборот. Все зависело от того, кто становился моим владельцем.

— Лону ты очень высоко ценил, — заметила Корделия. — И для нее ты строил замок вместе с Даром.

— Верно. Но я бы сделал это для любого владельца, который дал бы мне такой приказ. Да я так и поступал — несколько раз, после того как «Шато д'Арман» был закончен впервые. По меркам Максимы замок получился очень скромный.

Джеффри нахмурился.

— Не сомневаюсь, потомки Лоны и Дара не смогли этого перенести.

— У них были определенные сложности, — согласился Векс. — На самом деле сын и внук Лоны и Дара сделали к замку пристройки, и тем самым достроили его во второй и третий раз. Но эти пристройки значились на первоначальном плане Лоны. И тем не менее жилища соседей оставались намного более великолепными. Однако сыновья и внуки Лоны и Дара были добрыми, хорошими людьми, и зависть их не мучила.

— Зато небось она мучила их жен.

— Ты верно угадала, Корделия, — удивился Векс. — Все правильно: жены с трудом мирились с таким довольно скромным жилищем — тем более что они являлись младшими дочерьми высокопоставленных лордов.

— Лордов? — изумленно переспросил Магнус. — Но ведь прежде ты все время говорил о фабрикантах и инженерах. Откуда там взялись аристократические титулы?

— По почте, Магнус. От людей, которые ведали геральдикой в Европе. Максима была суверенной планетой, со своим собственным правительством...

— Но ты же сам говорил, что на Максиме не было никакого правительства!

— На самом деле я так не говорил, но, видимо, некоторые мои замечания заставили вас подумать, что все обстояло именно так. Но в действительности у максиманцев существовали кое-какие совместные средства координации логистики и раз-

решения споров. Кроме того, там проводились ежегодные собрания представителей всех Домов.

Магнус кивнул.

— И если такая ассамблея объявляла главу какого-либо семейства аристократом, кто бы стал возражать?

— Именно так. Первым свидетельство о присуждении дворянского титула получил барон Мульгерн, а за ним быстро последовали другие. Ваш собственный предок, Теодор д'Арман, изменил свое имя и стал зваться «Рутвен». Он обратился к ассамблее с прошением о присвоении ему звания герцога.

Магнус присвистнул.

— Ложной скромностью он, похоже, не страдал!

— Нисколько не страдал. Рутвен вообще не признавал никаких идей, кроме собственных.

— Расскажи нам о нем, — умоляюще протянула Корделия.

— Нет! — свирепо уставился на сестру Магнус. — Я первый! Я хочу услышать про того предка, который пожелал обзавестись фамильным привидением!

— Ты упустил свой шанс, — огрызнулась Корделия. — Мама с папой говорят, что...

Но тут послышалась весьма правдоподобная имитация тактичного кашля, и девочка, насупившись, посмотрела на Векса. Не дав Магнусу и Корделии вступить в спор, робот сказал им обоим:

— Разницы никакой нет. Именно Рутвен пожелал обзавестись призраком.

— Если так, то мы должны послушать про него!

И Корделия с самым решительным видом уселась и приготовилась к долгому рассказу.

— Если это совершенно необходимо...

— Почему ты с такой неохотой говоришь о нем? — удивился Магнус. — Что дурного в том, что мы о нем узнаем?

— Разве мы не должны знать всех наших предков? — вопросила Корделия.

— В истории вашего семейства было несколько моментов, о которых вам бы следовало узнать тогда, когда вы станете взрослее.

— Ой, да ладно тебе! — фыркнула Корделия, а Магнус поддержал ее:

— Если уж мы достаточно взрослые для того, чтобы видеть лордов, которые изменили своему королю и взбунтовались, то и для того, чтобы узнать правду о своих собственных предках, мы тоже достаточно взрослые.

— Пожалуй, в этом есть доля истины...

— Разве так уж интересно слушать про наших предков только хорошее? — осведомилась Корделия.

— Она верно говорит, — поддержал сестру Магнус. — Не хочешь же ты, чтобы мы поверили, будто наши пращуры были восковыми фигурами?

— О нет, Магнус, все они были живыми, настоящими людьми. Просто в ряде случаев...

— Одни из них были более настоящими, чем другие?

— Можно и так сказать.

— И все же точность имеет большое значение, — отметил Грегори как ребенок с научным складом ума.

— Вот-вот! — подхватила Корделия. — Разве для тебя не самое главное — всегда говорить правду?

— Не совсем так, Корделия. Краеугольным камнем моей программы является верность владельцу.

— Твой теперешний владелец не будет возражать против того, чтобы ты рассказал нам всю правду о бывших хозяевах, — заметил Магнус.

— Полагаю, в этом высказывании есть смысл, — неохотно проговорил Векс. Он хорошо помнил о том, как Род сурово отчитал его как-то раз, когда забрался в фамильную библиотеку и выяснил из архивов кое-что такое о своих предках, чего Векс ему не рассказывал.

— И кроме того, можно поговорить о твоей верности будущему владельцу, — прозрачно намекнул Магнус.

— Которым станешь ты, поскольку ты — старший сын Рода.

Магнус постарался не встретиться взглядом с Джеффри, а тот метал глазами молнии.

— Получается, что твоему нынешнему хозяину до твоих рассказов дела нет, а будущий сгорает от нетерпения, чтобы их услыхать. Разве ты не обязан повиноваться?

Векс сдался.

— Хорошо, дети. Но помните: если вам что-то не понравится в том персонаже, о котором я поведу рассказ, непременно скажите мне об этом.

— Тебя мы ни в чем винить не станем, — заверила робота Корделия.

— Но арка в основании башни не выдержит нагрузки, Рутвен.

— «Милорд», Векс, — с неприязнью поправил робота Рутвен. — Я теперь дворянин.

— Но ассамблея...

— Ассамблея, без сомнений, удовлетворит мое прошение на следующем же заседании. В конце концов, Джошуа Отис получил титул маркиза на прошлой неделе. Конечно, и мне не откажут.

Векс беззвучно вздохнул и тактично умолчал о том, что ассамблея, по большому счету, вовсе не обязана удовлетворять прошение Рутвена. Если бы бизнес-отдел фабрики не был автоматизирован, компания «Д'Арман лимитед» обанкротилась бы только за счет того, что Рутвен с крайним небрежением относился к делам.

Однако при этом Дом д'Арманов вряд ли бы рухнул в одночасье. Рутвен с виду все время посвящал строительству.

— Башня должна устоять.

— Каким образом, милорд?

Рутвен отмахнулся.

— Это все мелочи. Позаботься об этом, Векс.

Робот снова безмолвно вздохнул и направил свои окуляры на чертежи. Вероятно, хитроумное использование гравитационных генераторов могло бы... К тому же на астероиде с невысокой силой притяжения опасаться падения башни не приходилось... Но если сила притяжения оказалась бы слишком мала, башня могла рухнуть под воздействием центростремительной силы.

— Да как они смеют! — заорал Рутвен и в сердцах запустил в Векса свой шлем. — Да как они только набрались такой наглости, как могли так оскорбить меня!

Он с такой силой рванул на себе скафандр, что ткань порвалась. Уставившись на прореху, Рутвен грязно и громко выругался.

— Рутвен, прошу тебя! — воскликнула, бросившись к нему, жена. — Дети...

— Пусть дети, черт бы их подрал, сидят в детской да учат уроки, а не то я велю Вексу выпороть их! — Рутвен рывком высвободил руки из рукавов — Векс еле успел подхватить скафандр. Рутвен на ходу вылез из штанин. — Крестьяне позорные!

— Рутвен! — ахнула жена. — Ты так говоришь о собственных детях?

— Не о детях я говорю, гусыня! Об ассамблее!

— Что... О! — Матильда вытаращила глаза. — Они отказали тебе в присвоении дворянского титула?

— Нет! Гораздо хуже! Они присвоили мне титул... — Рутвен перешел на зловещий шепот: — Титул виконта!!!

— Виконта! О, как же они посмели! Это же самое низкое из дворянских званий!

— Вот именно! — Рутвен рухнул в массажное кресло и нажал на пульте кнопку. — Ну ничего, ничего! Я им отомщу! Я их унижу! Как — это я еще не решил, но попомните мое слово: пробьет час, и я им всем покажу, всем до одного!

— По крайней мере, — рассудительно заметил Векс, — теперь вы лорд по закону.

— Лорд! — рявкнул Рутвен. — Еле-еле я лорд, вот как это называется, скотина ты железная! И как ты смеешь называть меня «вы». Тебе что, вежливое обращение неизвестно, да?

— Но... моя программа не отмечает каких-либо нарушений этикета...

— Отметит! — проревел новоиспеченный виконт. — Ты научишься вежливому обхождению, презренный! Я тебя научу! Сегодня же куплю обучающий модуль!

Замок д'Арман вздымался над своим скромным основанием причудливым лабиринтом башен, соединенных сводчатыми арками, украшенных металлическими узорами, увенчанных луковицами куполов, усаженных зловещими гаргульями.

Конечно, это была чудовищная эклектика.

Смешение архитектурных периодов и стилей, произведенное без какой-либо гармонии и стандартов критики. Кое-где за пластикритовыми фестонами в стиле рококо проглядывала первоначальная классическая простота спокойного, сдержанного дворца, спроектированного Лоной, но случайный прохожий вряд ли бы разглядел первооснову за позднейшими нагромождениями. Этот прохожий увидел бы самый отвратительный образчик нуворишской безвкусицы, какой только был знаком Вексу. Он, робот, в течение ста пятидесяти лет наблюдавший за становлением архитектуры на Максиме, имел право судить об этом.

Правда, он не имел права об этом говорить. Он должен был помалкивать об очередном шедевре, который пытался создать его нынешний владелец. Об этом заботилась заложенная в Векса программа.

— Как они только могли мне отказать!

— Мне очень жаль, милорд, мне очень жаль. — Контуры оценки высказываний у Векса при этих словах сработали с величайшей неохотой. — Коллегия геральдистов Европы ут-

верждает, что данный герб, с тремя львами и четырьмя лилиями, уже на протяжении многих поколений принадлежит другому семейству.

— Могли бы немного подработать рисунок! Сколько они хотят за свою работу?

Векс содрогнулся — насколько это возможно для робота, но его вокодер произнес:

— О нет, простите, милорд! Гербы нельзя просто так купить!

— Не смей говорить мне «нельзя»! — взревел Рутвен. — Они не имеют никакого права на этот герб, потому что я хочу, чтобы он мне принадлежал!

— О конечно, милорд босс, но это вовсе не означает, что мы имеем возможность этот герб получить.

— Должен быть какой-то способ! Проклятие! Придумай, как раздобыть герб! — свирепо распорядился Рутвен и, покачиваясь, направился к бару.

Векс мысленно вздохнул и укатился в библиотеку, дабы покопаться в базах данных. Он отлично осознавал, что ни одно семейство просто так не откажется от своего фамильного герба. Коллегия геральдистов ни за что бы не позволила подобной передачи герба, даже если бы Рутвену удалось все уладить с его обладателями. Так что оставалось единственное: разработать такой рисунок герба, который прежде никем не использовался и удовлетворил бы запросы Рутвена.

— Отличный рисунок, — довольно проговорил Рутвен. — Сколько в него всего вложено. Он о многом говорит.

— Да, милорд босс.

Векс прекрасно знал, что рисунок говорит только о том, что в нем видит смотрящий. А изображен на проекте герба был всего-навсего силуэт мужчины в набедренной повязке и плаще, с посохом в руке. Мужчина стоял на вершине некоего безымянного холма и смотрел влево — и притом так, что был повернут к смотрящему спиной. Однако изображение было

сделано серебряным на синем фоне, и Векс знал, что Рутвену это понравится.

— Просто шедевр! Разве я не гений, а?

— Да, сэр, босс милорд. То есть нет, босс ми... О да, милорд!

— Архитектура, потом — умные, тонкие письма, а теперь еще этот макет — нет, поистине нет предела моим талантам! Уж теперь-то коллегия геральдистов мне не откажет!

— Нет, сэр, босс милорд.

Это Векс мог утверждать с полной уверенностью, поскольку самым тщательным образом изучил анналы коллегии, а как только проект герба был завершен, робот тут же отправил его по факсу. И Рутвену Векс проект не показывал до тех пор, пока из коллегии не пришел факс с предварительным одобрением.

— Никто мне ни в чем не откажет, — самодовольно проговорил Рутвен и погладил живот, который рос год от года и уже приближался к критической массе. — Таких, как я, больше нет!

Эта фраза многократным эхом прозвучала в базах данных Векса.

— Но, босс милорд! — возразил Векс. — Как же мне это сделать?!

— Заказать с Терры, естественно, — небрежно махнул рукой Рутвен.

— *Заказать*, милорд сэр? Фамильное *привидение?*

— Наверняка имеется соответствующий каталог.

— Но ведь нельзя купить то, чего не существует!

— Конечно же, призраки существуют. У каждого благородного семейства на Терре есть свое привидение. — Рутвен небрежно пошевелил толстыми, как сосиски, пальцами. — Ты понял, Векс? Призрак какого-нибудь далекого предка для моего замка. Хотя бы одного призрака раздобудь. Только не

спрашивай меня про всякие там подробности. Я о них ничегошеньки не знаю.

Это по крайней мере было правдой. Иногда Векс мог бы поклясться в том, что усвоение любых знаний дается Рутвену с огромным трудом и даже — с болью. А если хозяину Векса порой и доводилось потребить некоторый объем информации, он старался как можно скорее забыть о том, что узнал. Таким образом Рутвен, судя по всему, пытался сохранить свой разум девственно чистым.

И все-таки — призрак одного из предков Рутвена? На самом ли деле он был так нужен хозяину? Векс ощущал что-то наподобие искушения. Если бы у него была такая возможность, он бы, конечно, предпочел призрак Лоны. Векс с удовольствием бы наблюдал за тем, как она гоняет Рутвена по замку за все то, что он сделал с ее детищем. Призрак Лоны наверняка заставил бы Рутвена раз пятьдесят пройтись по горящим углям, а потом — если бы Рутвен, конечно, еще был в силах — принудил этого разгильдяя навести хоть какое-то подобие порядка в доме. А может быть, было бы лучше, если бы в замке появился призрак Дара. Этот бы только огляделся по сторонам, потом возмущенно взревел и разорвал бы Рутвена на части. Но потом он, конечно, вспомнил бы о своем призвании учителя и собрал бы стареющего плейбоя воедино, и втолковал бы ему азы хорошего вкуса.

Но еще прекраснее было бы, если бы в замке поселился призрак Тода Тамбурина, иначе именовавшегося «Вайти Вино».

Так. Так... Призрак Вайти... Тут открывались кое-какие возможности...

Тишину ночи разорвал дикий вопль, и из спальни выбежала растрепанная графиня Фрейлипорт. Векс испустил вздох электрической емкостью в шестнадцать фарад и раскинул в стороны руки, изготовленные из прочного стального сплава. Рутвен снабдил робота новым «телом», которое лучше откликалось на, если так можно выразиться, настроение робота.

Правда, «тело» Векса теперь куда больше напоминало самый настоящий скелет. Робот подхватил виконтессу под руки и принялся ее успокаивать.

— Ну все, все, миледи, он уже ушел. Не надо ничего бояться, тут нет никаких привидений, тут только я, Векс, старый добрый дворецкий. Я пришел, чтобы не дать этому злодею прикоснуться к вам.

— О! Это ты!

Графиня прижалась к «груди» Векса и разразилась рыданиями. Но тут она увидела прямо перед собой металлические ребра и остолбенела.

Нужно было поскорее ее успокоить.

— Просто у меня — новый корпус, миледи. Виконт решил, что он лучше сочетается с декором. А внутри я все тот же — старый добрый Векс. А что, он был настолько страшен?

— Кто? Призрак? О! — Графиня обмякла и повисла на «руках» у робота. — Он был ужасен! Сначала я услышала шаги... Они звучали все ближе и ближе. Я стала спрашивать: «Кто это?», но мне никто не отвечал, а потом... Потом кто-то как застонет прямо мне в ухо, и тут появилось... светящееся облако в изножье моей кровати!

— Только светящееся облако? И все?

— Нет, нет! Только сначала было облако. А потом оно... постепенно... стало сгущаться и в конце концов превратилось в совершенно жуткого старикашку. Он был такой тощий и так жалобно стонал, что мне его даже стало жалко. Но тут... тут он увидел меня!

— Увидел вас? И что же?

— Ну... Он... Он мне... подмигнул! И пошел ко мне. Протянул руки, а сам ухмыляется! О! Еще никогда в жизни мне не было так страшно!

В это Векс был готов поверить. Голограмма Вайти была создана на основе кадров из поставленной им трехмерной киносаги, где он к тому же исполнял роль вампира.

— Мне очень жаль, что вы так напугались, миледи. Если хотите, я вызову вашего шофера.

— О? О Господи, нет, не надо! — Графиня громко высморкалась в носовой платочек, шмыгнула носом, заправила платочек за вырез пеньюара, выпрямилась и решительно направилась в спальню. — Это было прекрасно. Я бы ни за что на свете не отказалась от такой ночи. — Однако на пороге спальни она помедлила в нерешительности и оглянулась через плечо. — Он ведь вряд ли вернется? Призрак, в смысле?

— Боюсь, он не вернется, миледи, — сочувственно проговорил Векс. — У нас так заведено: по одному визиту к одному гостю за ночь.

— Ага, — кивнула графиня. — Я так и думала. — Она вздохнула и вошла в спальню. — Нужно будет поговорить с твоим хозяином, Векс. Это как-то негостеприимно с его стороны — так ограничивать гостей в посещении их призраком.

Дверь за графиней закрылась, а Векс приготовился к тому, что утром хозяин снова устроит ему выговор, когда он передаст ему претензии графини. На самом деле эти претензии являлись комплиментом, но Рутвен на дух не выносил никакой критики в свой адрес. Наверняка он должен был разозлиться и ополчиться против графини. Разрыв грозил дружбе двух семейств, которая длилась уже полтора века.

— Если бы ты был человеком, Векс, ты бы, пожалуй, вообще ни во что не вмешивался. Рутвен должен был получить по заслугам!

— Верно, дети. Но я — робот и потому имел возможность непрерывно сглаживать острые углы.

— Все равно не стоило тебе этого делать, — проворчал Джеффри. Он обхватил себя руками и вздернул подбородок. — Ведь он же не велел тебе вмешиваться?

— Нет, дети. Но когда Лона умирала, она просила меня заботиться о ее потомках.

Джеффри в отчаянии вздохнул. А у Корделии весело засверкали глаза.

— Простите, что мне пришлось нарисовать для вас не самые лестные портреты ваших предков, — негромко проговорил Векс.

— «Не самые лестные»! В папиной книжке, где изложена история семейства, Рутвен описан как благородный и щедрый человек, прославившийся своими успехами в строительстве и украшении дома. Почему же в той главе, что ему посвящена, ни слова не сказано о его недостатках?

— Да потому, что эту главу написал сам Рутвен. И честно говоря, в некотором роде он действительно кое-что присовокупил к славе семейства.

— Вот именно, «в некотором роде», — фыркнул Магнус и неприязненно скривился. — Но скажи, а другие жители Максимы к этому времени обрели хоть какое-то чувство прекрасного?

— Обрели, Магнус, — со вздохом ответил Векс. — Все они подали прошения о присуждении им дворянских титулов, и все эти титулы получили. После этого большинство максимианцев посчитали себя обязанными заняться какой-либо общественно полезной деятельностью, а также старательно повышали свой культурный уровень.

Магнус озадаченно поинтересовался:

— Ты хочешь сказать, что все, кто жил на Максиме, стали аристократами?

— Да — так они сами думали. И почти все из них теперь достойны этого определения.

— И даже во времена Рутвена находились такие, кто мог понять, что перед ним — безвкусица?

— Боюсь, что так, — снова горько вздохнул Векс. — Да, многие с искренним презрением взирали на архитектурный «шедевр» Рутвена. Правда, для них все затмевал призрак Вайти.

— Из-за того, что он заставлял их вспоминать о знаменитом основании нашего рода?

— Нет. Из-за того, что это стало восхитительным развлечением. Слух о привидении, естественно, быстро распространился, и уже через две недели все только о том и мечтали, чтобы их пригласили переночевать в замке д'Арман.

— И потому все любезно обходились с Рутвеном и его женой?

— Совершенно верно, Корделия. По крайней мере в глаза им никто гадостей не говорил.

— И каждый из гостей, конечно же, желал провести ночь в той комнате, куда заглядывало привидение, — с ухмылкой проговорил Магнус.

— Верно. А когда оказывалось, что комната уже занята, вспыхивали ссоры, и все страсти, естественно, обрушивались на голову мажордома.

— А это был ты.

— Точно, Грегори. Но как только Рутвен уверился в том, что большинство гостей готовы еще раз провести в замке выходные дни, обстановка в замке стала спокойнее.

— А ты должен был стоять на страже возле дверей спальни всю ночь напролет?

— Боюсь, что так. Всякий, кто ночевал в замке, желал, чтобы его напугали. И конечно же, они бывали напуганы, а мне потом приходилось их успокаивать.

— А по утрам ты должен был мирить гостей с Рутвеном?

— Как правило, да.

— Но такое не могло продолжаться вечно! — горячо возразила Корделия. — Рано или поздно все обитатели Максимы должны были хоть раз провести ночь в комнате с привидением!

— Точно! — подхватил Джеффри. — Не так уж много народа жило на этом маленьком астероиде!

— Все верно, дети, так оно и было. И ни разу в своей жизни я не испытывал такого облегчения, как тогда, когда виконту надоела голограмма и я смог ее дезактивировать.

— А дети Рутвена и Матильды не хотели, чтобы призрак остался?

— Нет. Им он тоже порядком надоел, потому что одноклассники постоянно дразнили их из-за привидения...

— Завидовали небось, — пробормотал Джеффри.

— Кто бы еще это понял, как не ты, братец.

— ...И из-за самого замка, — завершил начатую фразу Векс, проигнорировав замечание Джеффри. — Когда дети Рутвена и Матильды подросли, они основательно засели за всеобщую историю искусств, изучили эстетику. Надо сказать, их намного меньше, чем отца, волновало положение в обществе.

— Хочешь сказать, что они стали настоящими аристократами духа?

— Я бы сказал, что они в этом добились определенного уровня. На самом деле со временем их эстетический вкус развился настолько, что они осознали развлекательный характер голографических зрелищ. Время от времени они просили, чтобы я «включил» для них привидение, а потом — «отключил».

— Вот бы и нам так обходиться с призраками в этом замке, — вздохнул Грегори.

— Да, это было бы славно, однако я подозреваю, что избавиться от этих призраков будет намного труднее. И вам не следует забывать о том, что тут может присутствовать настоящая опасность.

— Ты правда так думаешь?

— Да. Когда ваш отец попал в Грамерай, его чуть не до смерти напугали призраки в замке герцога Логира. Мне с трудом удалось убедить Рода в том, что причина его страха — в инфразвуке, который они издавали, а не в самих привидениях.

— Я не сомневаюсь в том, что здешние призраки будут примерно такие же, — с неожиданной серьезностью проговорил Магнус.

— Да, но те призраки были хорошие, — уточнил Грегори. — Так нам говорил папа.

— Хорошие они или плохие, мы их прогоним отсюда, — гордо заявил Джеффри. — Еще не родился злодей, который устоит против нас, если мы будем действовать сообща.

— Пожалуйста, не забывай об этом, Джеффри. Это может стать важным принципом для вас всех на всю жизнь.

— А сейчас? — осторожно спросил Грегори.

— Сейчас — особенно. Пожалуйста, дети, будьте очень осторожны и поодиночке не ходите по замку Фокскорт. А теперь — снова за работу! Похоже, мой рассказ вас сильно отвлек от уборки.

7

Род все время исподтишка наблюдал за детьми, но видел одно: все четверо трудились засучив рукава.

— Гвен, тут что-то не так, — не выдержал в конце концов Род.

— Что же, супруг мой?

— Они работают в одной комнате и не ссорятся. Более того: они так сосредоточились на уборке, что даже не думают отвлекаться.

— О... — проговорила Гвен и улыбнулась так тепло, что на щеках у нее появились очаровательные ямочки. — Тут нет ничего удивительного. Ты не слышал, о чем им рассказывает Векс?

— Слышал, но ведь это еще хуже! Когда я был ребенком, я просто с ума сходил, когда Векс пытался мне читать лекции по истории семейства. Мало мне было уроков!

— Твои дети — это не ты, — заметила Гвен мягко, сочувственно. — И потом... Эти рассказы о твоей родине для них — словно сказки о волшебном королевстве.

Род сдвинул брови.

— Пожалуй, что так. Если люди, жившие во времена, отличавшиеся высоким развитием техники, читали сказки, пытаясь убежать от окружавшей их реальности, то...

— Все именно так, — согласилась Гвен. — Как бы то ни было, супруг мой, я умоляю тебя, не испытывай судьбу.

— Угу, — кивнул Род. — И нашего славного конягу. Ну ладно. Пока, похоже, волноваться не о чем.

И поскольку волноваться действительно было не о чем, Роду пришлось самому углубиться в работу. Он отвернулся и принялся выметать мусор из углов, и мало-помалу начал уходить все дальше и дальше, и постепенно добрался до арки, что вела к лестнице. Из предосторожности он не стал заговаривать с детьми и женой о нижнем арсенале. Если он не располагался на первом этаже, следовательно, находился в подвале. Роду совсем не хотелось, чтобы дети спускались в настоящие древние подземелья. Особенно — чтобы туда спускался Магнус.

В итоге Род дождался момента, когда Гвен снова собрала детей во дворе, где они занялись уборкой мусора, и незаметно улизнул, дабы произвести разведку.

Он был на полпути от двери, ведущей в подвал, когда услышал позади цокот копыт. Сердце у Рода от испуга ушло в пятки. Он резко обернулся и тут же испустил вздох облегчения.

— У меня чуть сердце не разорвалось!

— Я бы ни за что не позволил тебе обследовать подземелья в одиночестве, — заявил Векс.

— А я старался уйти незаметно.

— Мой долг состоит в том, чтобы всегда тебя замечать, Род. Я обещал это твоему отцу.

— Да, но, кроме того, он велел тебе выполнять мои приказы, — буркнул Род, развернулся и направился к большим дубовым дверям, возле которых обрывалась лестница, уводящая наверх, в главный зал.

— Я всегда исполняю все твои приказы, Род.

— Да, но ты не всегда с ними согласен. Хотя должен признать: я рад, что ты пошел со мной. Лишь бы дети не заметили и не отправились следом за нами.

— Гвен заняла их делом.

— Это хорошо. У детей слишком много энергии, вот и приходится их все время чем-то занимать. — Род взялся за ручку, потянул дверь на себя... и она сорвалась с петель и распалась на несколько кусков. Поглядев на обломки, Род сказал:

— Напомни мне, чтобы я починил эту дверь.

— Хорошо, Род.

— Сразу же.

— Конечно.

Род, а следом за ним — Векс пошли вниз по винтовой лестнице. Очень скоро стало темно — сюда не проникал дневной свет.

— Дальше идти небезопасно, Род.

— Да, я заметил. — Род помахал сухой веткой. — Это я во дворе поднял.

— Очень предусмотрительно с твоей стороны. Не желаешь ли высечь искру?

— Нет. Это слишком долго.

Род пристально уставился на ветку. Через мгновение ее верхний конец запылал, словно факел.

— Ты прекрасно этому обучился.

— Дело практики, только и всего. — Род поднял вверх факел. — Ну, давай поглядим, что тут, внизу.

Вскоре они вошли в узкий коридор, и Род замер на месте.

— Векс... тут Зло!

— Не сомневаюсь, тут совершалось немало недобрых дел.

— Тут *сейчас* ощущается Зло! Никогда в жизни не чувствовал такой злобы, такой ненависти!

— А я ничего не чувствую, Род.

Род медленно перевел взгляд на робота.

— Совсем ничего? А ты послушай на частоте человеческой мысли.

Векс несколько мгновений простоял молча и сообщил:

— Ничего, Род.

Род понимающе кивнул.

— Значит, ощущения чисто псионные.

— По всей вероятности, на тебя действительно действует нечто помимо плохого освещения и замкнутого пространства. Не стоит ли нам уйти отсюда?

— Уйдем, когда я пойму, что тут такое. — Род зашагал вперед. — Но детей сюда пускать не будем. Я им напомню, для чего предназначались подземелья.

— Изначально — для хранения съестных припасов, Род, и всего прочего, в чем нуждались обитатели замка. В частности — для хранения оружия и пороха.

— Тут, Векс, наверняка не только картошку хранили.

Род остановился, просунул факел в проем открытой боковой двери и вошел.

— Что ты там видишь?

— Сырые каменные стены, — ответил Род и нахмурился. — Грязный пол, а в нем — несколько круглых куч диаметром в пару футов. Еще тут яма такого же размера, а рядом с ней — большая куча грязи.

— Что в яме?

— Яблоки. Вернее — мумии яблок. — Род вышел в коридор. — Сдаюсь. Тут действительно хранили припасы.

— На этом мы закончим обследование подземелья?

— Пока нет. Я должен все тут осмотреть. Пошли.

Пройдя еще несколько шагов, Род увидел шесть открытых дверей. За одной из них на полу лежали продолговатые кучки пыли. Видимо, когда-то это были стрелы. За третьей лежали бочонки. И так далее, и тому подобное.

Потом свет факела озарил еще несколько дверей.

Род остановился, но тут же решительно шагнул вперед, хотя сердце у него ушло в пятки.

В двери были вставлены железные решетки шириной примерно в фут. Род поднес к решетке первой двери факел, но увидел только прикованные к стене кандалы. Облегченно вздохнув, Род отвел факел в сторону.

— Там пусто, Род?

— Да, слава Богу. Пошли дальше.

Из-за последних двух дверей лился тусклый свет.

— Наверное, эти темницы ближе к краю башни.

Несмотря на свет, Род почувствовал, как нарастает ощущение присутствия Зла. Он с нелегким сердцем заглянул в левую дверь и чуть не отпрянул.

— Что ты видишь? — спросил Векс.

— Некоторые из предметов мне знакомы, — отозвался Род. — Дыба. А штуковина, похожая на гроб, судя по всему — «железная дева».

— Там — пыточная камера.

— Здесь будет запретная зона. Особенно — для Магнуса, — объявил Род и отвернулся. — Пошли. Пора возвращаться.

— Но ты не осмотрел последнюю темницу, Род.

— И не собираюсь. Вернусь сюда не раньше, чем после обеда. Между прочим, я почти уверен в том, что там увижу.

— И что же это такое, Род?

— Скажем так: если камеру пыток заводят ради получения информации, резонно держать под рукой материал для пыток. Яблоки — не единственное, из чего получаются мумии...

После обеда семейство снова принялось за уборку. Гвен с детьми взялись за главный зал, а Род вернулся в подземелье. Насчет последней темницы он оказался прав. И хотя останки несчастного узника пролежали здесь двести лет, Род с огромным сожалением уложил их на старое одеяло, связал в узел и, нагрузив Векса этой скорбной ношей, вывел его со двора. На склоне холма, довольно далеко от замка, Род выкопал глубо-

кую яму и опустил в нее узел. Когда он принялся закапывать яму, Векс заметил:

— Вероятно, он был христианином, Род.

— Скорее «она».

— Какие у тебя есть доказательства? — несколько озадаченно спросил робот. — Ведь ни клочка одежды не сохранилось.

— Верно, ни клочка. Но если это был мужчина, то у него были самые широкие бедра, какие я когда-либо видел у мужчин. Что же касается вероисповедания покойного — или покойной, — то тут ты скорее всего прав, и надо будет попросить, чтобы отец Бокильва в следующий раз приехал сюда вместе с нами и отслужил погребальный молебен.

— А мне бы хотелось, чтобы ты сейчас сказал несколько слов, Род.

Род хмуро глянул на коня.

— Как-то странно, что ты так сентиментально относишься к человеку, которого никогда не знал.

— Ну, посмейся надо мной, — предложил конь.

Что ж — Векс никогда ничего не делал без причины, и потому Род не стал с ним спорить, а внял совету робота и прочитал наизусть двадцать четвертый псалом — насколько помнил, добавил еще несколько строк из Экклесиаста, а завершил молитву строфой из «Судного дня». Наконец он попросил вечного покоя и бесконечного света для той души, что некогда обитала в этих скорбных останках, а потом снова заработал лопатой.

На обратном пути Род спросил:

— Все же почему ты попросил меня помолиться?

— Потому, Род, что я подумал, что так дух этого покойника скорее обретет покой.

Род нахмурился.

— Ты же не думаешь, что призрак посреди ночи отправится обратно в замок, а?

— Я бы не стал, — медленно отозвался Векс, — что-либо отрицать. В Грамерае все возможно.

Род осторожно провел Векса по мостику, старательно избегая провалов, подъехал к главной башне и вошел внутрь.

Он был приятно удивлен. Он даже поверить не мог, что перед ним — та же самая комната. Нигде не было видно ни соринки, а Грегори, парящий под потолком, как раз заканчивал снимать из углов паутину. Одеяла были расстелены поверх сосновых лап. Корделия расставляла миски и раскладывала ложки на скатерти для пикников. Магнус и Джеффри укладывали поленья и хворост рядом с камином, а Гвен стояла возле большого очага, и ее лицо было озарено бликами пламени. Она попробовала немного варева, недовольно покачала головой, закрыла котелок крышкой и подвесила его над огнем.

— Потрясающе! И как только вам удалось все это сделать всего за два часа! — И Род сам ответил на свой вопрос: — Зря я спрашиваю. Ведь это как раз тот случай, когда резонно было прибегнуть к волшебству?

— О нет, папочка! — широко раскрыв глаза, воскликнул Грегори. — Тут ведь дремлют такие духи, которых мы вовсе не желаем будить!

— Как же тогда вы все успели?

— Просто мы трудились — хорошо и старательно, — ответила Гвен не без гордости. — Хотя должна признаться: намного легче и быстрее подумать о куче мусора и заставить ее вылететь в окно. Но все равно пришлось еще очень много подметать и выбрасывать, и твои дети трудились на славу.

— Как и их мама — не сомневаюсь. — Род подошел и сел у огня. — Я даже себя неловко чувствую. Получается, будто я дурака валял, пока вы тут прибирали.

Гвен поежилась.

— Не говори так! На твою долю выпало такое, чего бы никто из нас не пожелал! Правда, я немного жалела о том, что не побыла с тобой хоть немного — там.

— Тебе не стоило смотреть на это, — отозвался Род. — Мне вполне хватило Векса.

— Ага! — кивнула Корделия, оторвав взгляд от посуды. — У него большой опыт по части всяких сюрпризов в замках, верно?

— Не в том смысле, как ты подумала, Корделия, — ответил Векс. — Правда, наблюдая за теми роботами, которые занимались постройкой замка д'Арман, я до некоторой степени познакомился с тем, как нужно возводить и реставрировать эти постройки.

— Еще бы ты не был с этим знаком! Сколько дел по строительству на тебя наваливал этот противный Рутвен! Но все же... почему он был такой гадкий?

Векс молчал. Пришлось Роду объяснять.

— Это называется «инбридинг», Корделия. И поскольку это можно счесть оскорблением семейства, Векс об этом ничего не скажет.

— Даже если я прямо спрошу его про это?

— Даже тогда. Он скажет, чтобы ты спросила у меня. Ну, будем считать, что он уже так сказал. — Род посмотрел на Векса. — Объясни детям, что такое инбридинг, будь так добр.

Векс издал вздох — вспышку «белого шума».

— Это происходит, когда люди, состоящие в слишком близких родственных отношениях, заводят детей, Корделия.

— Ты говоришь о законе, который воспрещает жениться двоюродным братьям и сестрам?

— Да, и троюродным тоже. О, не пойми меня превратно: порой ничего дурного из таких браков не проистекает. Но если двоюродные братья и сестры женятся на протяжении трех или четырех поколений, вот тогда могут возникнуть сложности.

— Какие же сложности? — не отступалась Корделия.

— Какие угодно, Корделия, — отвечал Векс. — Краем глаза Род наблюдал за Грегори. Тот слушал с вытаращенными глазенками. — Всевозможные врожденные пороки. Некото-

рые из них проявляются позднее. Бывает, что ребенок рождается без руки или без ноги, со слабым сердцем, или у него плохо заживают раны, или плохо свертывается кровь. Один мальчик родился совершенно нормальным, и все шло хорошо до тех пор, пока он не сломал ноги. Кости у него срослись неудачно, и после этого ноги не росли одновременно со всем телом.

— Как ужасно!

— Но в случае с вашим предком имели место проблемы с психикой.

Корделия запрокинула голову. Было видно, что она начинает понимать смысл того, о чем говорит робот. Девочка с улыбкой посмотрела на Векса.

— Так Рутвен поэтому вел себя так безобразно?

— Отчасти — поэтому, — согласился Векс. — Но думаю, что в личности Рутвена проявился и еще один аспект инбридинга.

— Он говорит о недостатке интеллекта, — пояснил Род. — Такое случается не всегда, но уж когда случается — плохо дело.

Магнус осторожно спросил:

— Значит ли это, что мы унаследовали все эти болезни?

— О нет, дети. С вами все в порядке — благодаря вашей маме.

— Да, потому что я вышла за тебя замуж, — кивнула Гвен.

— Правду сказать, с твоей стороны кое-какой инбридинг тоже имел место, — заметил Род и обвел взглядом свою коллекцию эсперов, но ты поступила очень разумно, выйдя за меня — то есть за кого-то, кто, как говорят ученые, принадлежал к другому генному пулу.

— Ты же сам сказал, что это хорошо.

— Я помню. Конечно, грамерайский генный пул более многочисленный: здесь живут несколько сотен тысяч людей. А вот все добропорядочные граждане Максимы произошли от

тридцати двух с небольшим тысяч предков и на протяжении пятисот лет весело и радостно вступали в браки друг с другом.

— Значит, у всех там как-то проявляется этот самый... инбридинг, — заключила Корделия.

— Да. Хотя порой он дает о себе знать только в виде врожденного уродства. Такое не так уж часто... хотя на Максиме встречалось почти поголовно, если учесть внешность многих из моих... — Род кашлянул в кулак, — соотечественниц.

— Но не может быть, чтобы это коснулось всех д'Арманов!

— К счастью, то, о чем мы говорим, так ярко проявилось только в случае с Рутвеном, — снова вступил в разговор Векс. — Я уже сказал вам о том, что оба его сына постарались избавиться от склонности отца к излишествам, выросли более скромными в своих запросах и стали работать над своим эстетическим восприятием. Хотя, вынужден признаться, могучим умом ни тот, ни другой не блистали.

— Это не так уж обязательно, — покачал головой Род. — Главное — был бы человек хороший. Не всем же быть гениями.

Тут он заметил, как сверкнули глаза Грегори, и понял, что зерна истины упали на благодатную почву.

— Ну а их дети? — поторопила Векса Корделия.

— Эти выросли благородными людьми во всех смыслах этого слова, Корделия, — отвечал робот. — И большинство ваших предков заслуживали этого определения. Одни из них были пугающе одаренными, другие — наоборот, отличались весьма средними способностями, но большинство все же отличались высокими интеллектуальными способностями. Ваш дед был настоящим джентльменом — добрым, умным и отзывчивым. Кроме того, его отличало высокое чувство долга, и он всеми силами заботился о своей супруге и детях. Для меня было большой честью служить ему.

— Неужто он и вправду был таким образом добродетели? — несколько удивленно поинтересовался Джеффри.

— Именно таким он и был.

— Что ж, тогда не стоит удивляться тому, что наш отец — такой благородный человек. — Магнус обернулся к Роду и, сверкая глазами, спросил: — Или это просто потому, что ты вырос в замке?

— Я не вырос в замке.

Дети в изумлении вытаращили глаза.

Потом Грегори кашлянул и сказал:

— Но мы думали, что ты рос в замке д'Арман, про который рассказывает Векс.

Род покачал головой и улыбнулся.

— Нет, дети. Ваш дед был младшим сыном тогдашнего графа, а я — его младшим сыном.

— Старший сын графа унаследовал его титул, — пояснил Векс. — А вместе с титулом — и замок.

— Но ведь они же были виконтами, — поправил робота Грегори. — Ты же сам так говорил, Векс.

— Да, Грегори, но третий по счету лорд д'Арман настолько превзошел своего деда, что отличился перед Максимой великими заслугами, а заключались эти заслуги в тех связях, какие он наладил с Террой. За это его и провозгласили графом. Ваш же дед получил титул виконта и треть владений семейства.

— Но где же ты вырос, папа? — поинтересовалась Корделия.

— Мы жили в поместье, детка. Там стоял большой дом, в котором хватало места для моих родителей, моего брата, моей сестры и для меня, конечно.

— Ваш отец немного недооценивает предмет разговора, — уточнил Векс. — В доме было двадцать две комнаты, и большая их часть отличалась значительными размерами.

— И все-таки это был не замок, — разочарованно покачала головой Корделия.

— Не замок, но очень хороший дом, — возразил Род, прислонился спиной к стене и потянулся. — Более чем хороший — потому что с нами жил дедушка.

— Наш дед? Твой отец? — Магнус вытаращил глаза. — Виконт?

— Нет, *мой дед*, — отозвался Род.

— Сам граф, стало быть... — обескураженно протянул Джеффри. — Но почему же он стал жить в этом доме?

— Его этот дом, скажем так, более устраивал.

— Ваш отец вновь смягчает краски, — заверил детей Векс. — Инбридинг и рецессивные гены настигли моего старого хозяина на семьдесят третьем году жизни...

— Наряду с осознанием того факта, что ему никогда не удастся покинуть Максиму, — напомнил роботу Род. — В конце концов он вынужден был признаться в этом самому себе.

— Это всего лишь умозаключение, Род, граничащее с догадкой, — возразил Векс.

— Это умозаключение основано на совете, который он мне дал. А посоветовал он мне покинуть дом, как только я вырасту.

— Граф д'Арман, видимо, очень сожалел о том, что в юности принял решение остаться на Максиме и взять на себя заботу о фамильном бизнесе, — признал Векс. — Но ведь это был его долг. Как-никак, он был наследником.

— И как же это сожаление повлияло на него? — осведомился Магнус.

— Он стал вести себя... несколько странновато, — уклончиво ответил Векс.

Джеффри склонил голову набок.

— Ты хочешь сказать, что он сошел с ума.

— Большинство людей выразились бы именно так, — согласился Векс. — Несомненно, если судить по тому, как он разговаривал, то он совершенно перестал осознавать реальный мир и удалился в воображаемое царство, которое сам придумал. Он говорил о рыцарях и прекрасных девах, о волшебниках и драконах. Себя самого он считал летописцем, служившим при дворе короля в вымышленной стране.

— Но с ним бывало очень весело, — поспешно добавил Род.

— Если только он не решал, что ты — какое-нибудь чудовище, — уточнил Векс.

Род пожал плечами.

— Он редко ошибался. К примеру, герцогиня Малькаса была настоящей старой драконихой.

— И что он с ней сделал? — широко раскрыв глаза, спросил Джеффри.

— О, ничего. Он сроду мухи не обидел — большей частью потому, что Векс от него ни на шаг не отходил. Вот почему его наследник передал нам Векса вместе с поместьем.

— Правда, были еще какие-то претензии со стороны супруги графа, и в итоге из фамильных древностей в поместье перекочевала только мебель, — мрачно добавил Векс.

— Угу, — усмехнулся Род. — В некотором роде под это определение — с точки зрения бабушки — подпадали и вы с дедом, но ты, я так думаю, с тех пор не раз опроверг этот термин. Как только вы переехали к нам, тебе всегда удавалось находить с дедом общий язык и усмирять его.

— Я просто выказывал ему то уважение, коего он заслуживал, Род.

— Точно. И разговаривал с ним на его языке. — Род обернулся и посмотрел на детей. — А мне все это казалось забавной игрой. Сколько мне тогда было — шесть лет? И когда дед утверждал, что какой-нибудь куст — это злобный людоед, я был готов подыграть ему.

— Так, значит, тебе нравилось проводить с ним время?

— О да, — кивнул Род и улыбнулся. — Всегда нравилось.

— И что же это была за фантастическая страна, которую он как бы видел?

— Королевство Гранкларт, — вздохнул Род и вспомнил годы, озаренные светом волшебства, созданного стариком, впав-

шим в детство. — Я был готов сидеть возле него и слушать его часами.

— Получасами, если точнее, — возразил Векс. — У детей своеобразное ощущение времени. Видимо, рассказы деда казались тебе более длинными, Род.

— Более длинными? Да они были бесконечными! — Род снова посмотрел на детей. — Между прочим, он написал несколько превосходных книг. После его смерти они стали бестселлерами.

— Только после его смерти? — расстроилась Корделия. — А почему не тогда, когда он еще был живой?

— Он не желал их публиковать, — объяснил Векс. — В этом плане он был непоколебим, и это целиком и полностью укладывалось в рамки его умственного расстройства. Он писал во славу престола Гранкларта, а не ради собственного возвеличивания.

— Да, он был, конечно, натуральный безумец, — вздохнул Род. — Но при всем том — очаровательный старикан. — Он задумчиво уставился в пространство, вспоминая годы детства. — Бывало, я сидел на полу у него в кабинете и слушал его рассказы о чудесных приключениях храброго рыцаря Бобраса, про то, как он разыскивал Радужный Кристалл. И конечно, все, что рассказывал дед, записывалось на магнитофон. Потом, когда я немного подрос, я выяснил, что после того как няня забирала меня из кабинета, дед садился за письменный стол и редактировал записи. Но слушать его было одно удовольствие.

— А что собой представлял этот Радужный Кристалл? — с нескрываемым интересом спросил Грегори.

— В той истории, которую придумал мой дед, это было нечто вроде мастер-ключа, — объяснил Род. — Этот кристалл мог соединять между собой различные типы волшебства, дабы с их помощью можно было одолеть злого колдуна Моменса. — Он улыбнулся детям. — Но, конечно, в реальном мире это была всего лишь хрустальная призма, подвешенная в

центре люстры в комнате у моей мамы. Но мне больше нравилось думать об этом кусочке хрусталя как о Радужном Кристалле.

— Да... — выдохнула Корделия. — И когда же мы сможем прочитать его книги?

— Как только я разыщу хоть один экземпляр, детка. К сожалению, все эти книги остались на расстоянии примерно в тридцать световых лет отсюда.

Векс промолчал. Грегори внимательно наблюдал за ним.

— О, и почему только он не дожил до нашего рождения! — воскликнула Корделия.

— Думаю, он был бы только рад этому, — вздохнул Род. — Но надеюсь, что, покинув этот мир, он нашел свой Гранкларт. А нам он завещал поместье, и это было очень хорошо, потому что после смерти деда сразу стало грустно и одиноко. Дед сказал, что после смерти моего отца поместье достанется моему брату Ричарду.

Магнус нахмурился.

— А тебе что доставалось в наследство?

— Ничего, — печально улыбнулся Род. — Просто больше ничего не оставалось. Все дома были заняты двоюродными братьями и сестрами, а также вся земля, принадлежавшая семейству, — если, конечно, можно назвать «землей» бесплодные каменистые пустоши. Правда, отец должен был оставить мне кое-какие деньги, и даже немалые. Он вложил в семейный бизнес немало новых разработок, а доходы очень мудро и точно инвестировал, поэтому сам скопил неплохое состояние. Вот и все.

— Однако у тебя был выбор, Род, — напомнил хозяину Векс. — Ты мог занять пост в компании «Автоматы д'Арманов, Лтд.» и наверняка мог бы неплохо устроить свою жизнь.

— Верно. Но бедный родственник есть бедный родственник, как бы старательно он это ни скрывал. — Род скривился. — Кроме того, на Максиме было... скучно.

— Неужели? — встрепенулся Магнус. — Почему же там было скучно?

Род искоса глянул на Векса. Магнус заметил это и обратился к роботу:

— Ты скажешь, Векс?

— Мы уже обсуждали этот вопрос, — серьезно и даже упрямо отозвался робот. — Я не стану разглашать тайны вашего отца.

Род задумался о приоритетах. Им с Вексом удалось отвлечь детей — и довольно успешно, надо сказать — от той мрачноватой обстановки, в которой они оказались. Теперь Род думал о том, что лучше: продолжать отвлекать детей или позволить им вернуться к размышлениям о замке, где обитали призраки. В итоге он принял решение.

— Ладно, расскажи им! — согласился он и со вздохом прислонился к стене. — В конце концов, в моем прошлом нет ничего такого, чего я мог бы стыдиться. Ну, смутиться маленько мог бы — но не более того.

— Как скажешь, Род, — вздохнул Векс на свой, роботский манер.

Род устроился поудобнее. Но по мере того как рассказ становился все более и более оживленным, уши у него становились все более и более красными.

8

— Послушай, Векс, когда мы с тобой наедине, называй меня просто «Род». Я знаю, ты это можешь!

— Не могу, сэр господин босс.

Теперь Векс выглядел лучше. Ему уже дважды поменяли корпус, и он весь сиял и искрился. Руки и ноги у него теперь стали намного толще тех, которыми его некогда одарили Лона и Дар. А как же иначе: ведь в «руках» и «ногах» у робота

хранились инструменты и запасные части. Туловище робота было увеличено, и в нем находился его компьютерный мозг, а голова приобрела размер и форму, более близкие к человеческому. Теперь это был фактически металлический андроид. Правда, «грудная клетка» у него все же была несколько великовата.

— Я не могу изменить форму обращения, — пояснил Векс, — если только мой владелец не даст мне соответствующую команду.

— А отец не желал этого сделать, потому что слишком сильно уважал своих предков. — Род покачал головой и вернулся к прерванному делу: он перебирал содержимое вращающегося гардероба. — Вот еще одна причина, по которой мне нужно удрать с этого заштатного планетоида.

— Я не могу понять, почему вы так зациклены на идее отъезда, мой юный господин.

— Понимаешь... Если бы я смог поступить в колледж на Терре, как поступил мой кузен Руперт, я бы, пожалуй, так сильно не стремился смотаться отсюда. Но когда приходится торчать на Максиме и ждать, пока колледж придет к тебе — ну, то есть обучаться с помощью компьютера, — сам пойми. Тем более когда ты не бывал нигде дальше Цереры, поневоле начнешь мечтать повидать все те места, про которые читал и слышал.

— Подобные чувства согласуются с моими познаниями о свойствах личности молодых особей мужского пола, Род. Но если ты желаешь покинуть дом, почему бы тебе не спросить разрешения у отца?

— Ой, Векс, ты что? Если бы он мог себе позволить отправить меня в колледж на Терру, он бы так и сделал!

— Я имел в виду не финансовую поддержку, а моральную.

— Он мне и моральной не окажет. Он решит, что я сбрендил, если готов отправиться куда глаза глядят на первом попавшемся грузовом звездолете. И еще сам с ума сойдет от беспокойства за меня.

— Полагаю, вы недооцениваете вашего отца, босс господин сахиб.

— Ты шутишь? Одно дело — это то, что ему самому в юности никогда в голову не приходила мысль о том, чтобы покинуть Максиму, но совсем другое — это то, что он решительно против этого!

— Вы не можете знать, какие мысли были у вашего родителя в юности, господин босс раджа.

— Векс, ты забыл, как дедушка, бывало, говорил мне чуть ли не каждую неделю про то, что как только я вырасту, мне следует покинуть Максиму?

— Но ведь вы теперь приняли во внимание тот факт, что ваш дедушка был в ту пору не совсем в своем уме, юный эфенди?

— Да, и теперь я точно знаю, что свело его с ума! Всякий раз, когда он советовал мне смыться отсюда, он напоминал мне о том, что и отцу часто советовал это же самое!

— Несомненно, вашего отца всегда отличало высочайшее чувство ответственности, и потому он не мог поступить столь эгоистично и легкомысленно, молодой господин батюшка.

— Да что же в этом было бы ужасного, если бы он успел вернуться домой до того, как дед чокнулся? А под конец жизни отец чем занимался? Прогуливался по лужайке за домом, заботился о деде, о нас и ждал — ждал, не случится ли чего с дядюшкой Деспаром или кузеном Рупертом. Но с ними ничего не случилось.

— И пусть с ними ничего не случится впредь! Но самопожертвование вашего отца должно стать для вас блестящим примером, юный господин хан!

— Угу. Просто-таки ослепнуть можно — так блестит. И уж ты мне поверь, я добьюсь того, что со мной такое не случится! Грузовик с Марса уже прибыл, и капитан мне сказал, что ему лишние руки не помешают. В полночь они уходят с орбиты Максимы и направятся к Тритону. Я полечу вместе

с ними! Позаботься о том, чтобы моя дорожная сумка к двадцати трем ноль-ноль была в космопорте, Векс.

— Как прикажете, мой *очень* юный господин, — вздохнул Векс. — Однако осталась нерешенной маленькая проблема насчет сегодняшнего бала. Если вас там не окажется, возникнут вопросы.

— Как будто я этого не понимаю! Как ты думаешь, почему я туда собираюсь, а? К тому же, если я отправлюсь на бал, меня никто не будет ждать дома раньше утра... А, вот они! — Род вытащил из гардероба несколько манишек. Отобрав одну из них, он нацепил ее поверх жилета. — Вот так! Я люблю сорочки для торжественных случаев, но в этом году они совершенно чудовищные!

— Однако в таких сорочках вы смотритесь весьма элегантно, молодой господин босс.

— Элегантность, Векс, требует наличия здоровенных сундуков, набитых одеждой. А мне это все ужасно надоело. Хоть бы этот бал стал последним в моей жизни!

Робот издал разряд «белого шума», равноценный человеческому вздоху.

— Можете этим и успокоить себя, мой юный господин Род. И все же у некоторых юных дам в этом обществе поистине чудесные сердца...

— И совершенно непрезентабельные физиономии — вроде расплющенных картофелин. Нет, пожалуй, я все-таки несправедлив. Слово «расплющенные» можно опустить.

— Но уж их фигуры, несомненно, вызывают у вас определенный интерес.

— Кто же разглядит, какие у них фигуры, когда они теперь напяливают на себя такие пышные платья с кучей оборок? А может быть, и правильно делают. — Род неприязненно поежился. — А уж про их ум и говорить не стоит. В том смысле, что инбридинг уже проявляет себя во всей своей красе.

Робот тактично умолчал о том, что и сам Род являлся продуктом инбридинга. Это было верно лишь до определенной степени, и кроме того, это был бы дешевый трюк.

— И все же я просил бы вас держаться в рамках учтивости, юный повелитель сахиб. Не стоит обижать юных девиц.

— Да, ты прав, — вздохнул Род. — Они же не виноваты в том, что родились некрасивыми. Не виноваты и в том, что я — неудачник, который не желает здесь обосноваться, обзавестись семейством и заняться делом, что я — ненормальный, который жаждет приключений! Волнений! Независимости! — Глаза Рода засверкали. — Вот какой жизни я хочу! Хочу жить сам по себе! Ни от кого не зависеть! Полагаться только на себя! — Он радостно улыбнулся, покачал головой, повернулся к Вексу, и тот пристегнул к рукавам его сорочки запонки. — Уложи мои вещи в сумку, ладно, Векс?

Бал оказался именно таким скучным, каким его представлял себе Род. Не то чтобы ему так уж не нравился накрахмаленный воротничок сорочки или безукоризненно скроенный фрак. На самом деле он любил одеваться торжественно. Во фраке он казался выше ростом, и его походка сразу становилась более легкой, пружинистой. Род сам себе казался персонажем из пьесы девятнадцатого века.

Дело было и не в самой атмосфере бала. У Рода вообще была склонность к фантазиям, к романтике. Он пронес эту склонность через двадцать один год своей жизни — видимо, большую роль в этом сыграли детские забавы. На самом деле он очень даже неплохо зарекомендовал себя как самодеятельный актер и подвизался на подмостках любительского театрального общества Максимы, а также немного пел в местной оперетте. Так что ему ничего не стоило войти в нужный образ.

Нельзя было также сказать, что танцы Роду были так уж противны — нет, он любил вальс и даже менуэт, поскольку в этих танцах можно было проявлять актерские способности. Все дело было в обществе. Просто-напросто на балу не было ров-

ным счетом никого, с кем интересно было бы поговорить, и к тому же — ни одной миловидной девушки.

— О, как мне нравится твой костюм! — проворковала леди Матильда Больвил.

— Очень рад, — пробормотал в ответ Род. А что она еще могла сказать про то, как он был одет, когда на балу все молодые люди были во фраках? — А у тебя — очень симпатичное платье.

Из тактичности Род не стал говорить о том, что все остальное — не очень.

— О, благодарю.

Матильда повернулась к нему в профиль, опустила ресницы и стала похожей на корову на той картинке, которую Роду показывал учитель, когда ему было лет десять.

Видимо, Матильда прозрачно намекала на то, что Роду следовало пригласить ее танцевать. Деваться было некуда. Мысленно вздохнув, Род собрался с решимостью и проговорил:

— Потанцуем?

Матильда расцвела от радости.

— О, с удовольствием!

И они закружились в вальсе. Зашуршали кринолины, замелькали полы фрака.

Когда танец закончился, Матильда решительно взяла Рода под руку. Она явно решила монополизировать его на весь вечер.

— Давай вместе поужинаем, Родни!

— Знаешь, я в последнее время на диете...

— А, вот ты где, Родни! — К Роду, подобно галеону под квадратными парусами, устремилась леди Мульгерн, распорядительница бала. — Это нехорошо с твоей стороны — уединяться с Матильдой. Ты же знаешь, тебе надо непременно побольше вращаться в высшем обществе! Ты знаком с леди Жанин, не правда ли?

Вопрос был чисто риторический. На Максиме все знали друг друга наперечет — ведь население астероида составляло всего триста тысяч человек, а ровесников Рода тут насчитывалось не более нескольких тысяч.

— Приветствую вас, миледи, — с поклоном проговорил Род, радуясь тому, что может хоть на время отделаться от Матильды.

— Очень рада видеть вас, сэр, — сделав реверанс, ответила Жанин.

Кожа у нее была смуглая, золотистая — следствие смешения всех рас, обитавших на Терре. Почти у всех обитателей Максимы кожа была именно такого оттенка. Род был намного бледнее, но зато он хорошо и быстро загорал. Но он отличался от большинства максиманцев не только этим.

— Появился новый танец, — проговорил Род, дабы хоть как-то продолжить беседу. — Вы слышали о гавоте?

— О, он мне ужасно нравится. Может быть, попрыгаем?

Роду, пожалуй, понравился этот вопрос, если бы он уже не слышал его в голографическом фильме, посвященном гавоту. Он обернулся, чтобы извиниться перед Матильдой, но ею уже занялась леди Мульгерн.

— Нельзя быть такой эгоистичной, Тильди... Ступай, ступай, Родни, вот умница... Когда достойных холостяков так немного, юным девицам нужно научиться делиться ими.

Род повел Жанин в гавоте, а Матильда, естественно, недовольно надула губы.

— Подумать только, что этот танец взялся из голографического кино! — взахлеб тараторила Жанин, подпрыгивая и приседая в танце. — А как тебе Хэмлиш Хофернунг в роли Людовика XV?

— Он оправдал свое прозвище, это точно.

Род в который раз мысленно испустил тяжкий вздох. Уже добрых десять минут он говорил с Жанин о киноэвездах и всевозможных сплетнях, связанных с ними. Эта девушка интересовалась и кое-чем еще, но хоть сколько-то разбиралась только

в кино. Хотя бы по крайней мере ей было не отказать в остроумии — вернее, в наборе остроумных фраз, которых она нахваталась, опять же, из голографических фильмов.

Ужин прошел, по обыкновению, скучно, но при этом — без сучка, без задоринки. Артистично улыбаться Род научился в раннем детстве: они с братом частенько корчили рожицы перед зеркалом. Словом, собеседник из Рода получился отличный. Это мастерство он довел до совершенства: думал о чем-нибудь интересном, задействуя передние доли мозга, а при этом его речь и слух работали автоматически, поэтому Род без труда выдавал ничего не значащие ответы: «Неужели?», «Не может быть!» «Невероятно!» Порой он даже ухитрялся вставлять что-нибудь типа «Ага» или «Я так и думал». И уж конечно, он ни за что не сказал бы «Нет» или «Я с вами не согласен». Ведь тогда потребовались бы объяснения и нужно было бы действительно сказать что-то осмысленное.

Официально Род пришел к столу с леди Элоизой. Эта была законченной простушкой, но ей хотя бы хватало ума не говорить о чем-либо помимо последних новостей. Однако по странному велению судьбы по другую руку от Рода за столом оказалась леди Моруэнна, а напротив него — леди Летиция. В результате пришлось вести разговор с тремя дамами сразу, поскольку ни одна из них не желала почему-то разговаривать с кавалером, сидевшим по другую руку. Мало того: все три тараторили разом. Роду пришлось и в самом деле обращать внимание на то, о чем болтали девицы, и из-за этого ему стало совсем невесело. Правда, не сказать, чтобы раньше ему было намного веселее. Почему девицы облюбовали именно его, а не других своих соседей по столу, Род не знал. Вероятно, это было отчасти связано с тем, что вышеупомянутые джентльмены были вдвое моложе девиц. Однако перспективы в жизни перед этими молодыми людьми открывались куда более блестящие, чем перед Родом. Какие-то деньги всегда лучше, чем никаких, так ведь?

Из этого прозорливого умозаключения проистек следующий вывод: Род не был тем мужчиной, за которого эти юные леди желали бы выйти замуж (и не тем, кого им прочили в мужья их мамаши). Он был тем мужчиной, с которым они были непрочь потанцевать и пофлиртовать.

«Но почему со мной?» Уж точно дело было не в его внешности.

Может быть, в том, что он был хорошим собеседником? В отчаянной попытке отвести внимание от своей персоны Род посмотрел на маркиза Мсимангу, который к ужину сопровождал леди Летицию.

— Я слыхал, вы изобрели нового робота, милорд.

— О? Да, точно. — Хьюго вздрогнул. Он и не ожидал, что к нему кто-то обратится. — В нем еще, как говорится, уйма «тараканов», но, похоже, эта треклятая штука все-таки будет работать.

Род немного помедлил — из вежливости, дав возможность девицам продолжить разговор. Однако у всех трех дамочек был такой вид, словно они только что по лимону без сахара проглотили.

— И что же это за робот?

— Ну, такой... домашний. Будет все делать самое обычное, ну, там — готовить, прибирать, пылесосить, подбирать брошенные вещи...

Род сдвинул брови.

— Действительно, все самое обычное. А что же в нем нового?

— О, он умеет готовить тосты! Для тех, кто любит поджаренные хлебцы, как говорится — с пылу, с жару. У него в груди две щелочки, и он готовит тосты прямо у кровати хозяина.

— Потрясающее изобретение, — пробормотал Род, ярко представив себе, как он спросонья садится в кровати, и ему в физиономию летят горячие тосты. — Наверняка это помогает утреннему пробуждению.

Леди Моруэнна неожиданно насторожилась и старательно прислушалась, склонив голову к плечу.

— О! Леди Мишель говорит о новой карточной игре с Терры! — Она одарила Рода ослепительной улыбкой. — Представляете, это такая игра, в которую можно играть без калькулятора!

Род до сих пор не мог понять, зачем нужны специальные калькуляторы для бриджа и канасты, но с другой стороны, он никогда не принимал карточных игр всерьез и даже не особо различал их.

— Правда? Что же это за игра?

— О, цель игры — собрать карты, согласно номиналу, — вырвалась вперед леди Летиция, игнорируя то, как дернулась и зыркнула на нее Моруэнна. Ведь карты — это был *ее* конек! — Ну вот. Вы спрашиваете у игрока слева от вас: «У вас есть восьмерки?» — ну, или какие-то другие карты, и если у него есть, он должен передать их вам.

— Очень интригующе, — пробормотал Род. — А если у него нет нужных вам карт?

— Ну, тогда он говорит: «Пас», и ты ищешь нужные тебе карты в сбросе.

— Это жуть как весело, — вставила леди Элоиза, радуясь тому, что разговор зашел на ту тему, в которой она хоть немножко разбиралась. — Не приходится думать о картах, и можно целиком насладиться игрой.

— Примерно как пьесой, где все действующие лица — простаки?

— А, так, значит, вы видели новую романтическую постановку с Нотти Алент? — возбудилась Летиция. — Разве она не так же восхитительна, как леди Карстерз?

— А как очарователен этот ветхий, полуразрушенный дом, куда героиня пришла служить гувернанткой? — воскликнула Моруэнна. — Но какая жестокая участь постигла бедняжку: ведь она родилась леди, но богатое наследство получит только тогда, когда умрет ее папочка!

Слезы блеснули в уголках ее глаз. Другие дамы примолкли. Видимо, примеряли на себя эту ужасную ситуацию, когда приходится самим зарабатывать на жизнь.

Род кашлянул. Он понимал, что суровой правде жизни не место на светском балу.

— У вас потрясающее платье, Летиция, — заметил он, умолчав о том, что слабонервных при взгляде на этот наряд, пожалуй, и вправду могло затрясти. — Пожалуй, я прежде не видел платьев такого фасона.

— О, благодарю, благодарю! — Летиция зарделась от удовольствия, а Моруэнна проворчала:

— Она первой захватила мсье Вальдеза.

— И правда, Летиция, ты была слишком назойлива, — с упреком проговорила Элонза. — Только он с трапа сошел, и ты тут же на него набросилась.

— Под лежачий камень вода не течет, — самодовольно ответила Летиция.

— А мое платье будет готово ко вторнику, а во вторник снова будет бал, так что недолго тебе осталось хвастаться, Тиция!

Летиция с блаженной улыбкой откинулась на спинку стула.

— Да! Самый настоящий оригинал от самого настоящего кутюрье с Терры!

Что ж, этим многое объяснялось. Род слышал о новоприбывшем модельере и был немало удивлен тем, что терранский кутюрье в самом деле по доброй воле прибыл на Максиму. То есть эта новость настолько потрясла Рода, что он дал Вексу команду собрать информацию об этом человеке. Робот просмотрел все новости за последние полгода и представил Роду краткий обзор. Оказалось, что на Терре мсье Вальдез более широко известен под своим «фирменным» именем «Мсье Иберьен». Это обстоятельство придавало ситуации перспективу. Род помнил, что во время просмотров еженедельных дайджестов новостей читал о том, что мсье Иберьен открыл собствен-

ное дело всего два года назад, а до этого десять лет служил рядовым модельером в Доме моды Лашенуар. Он обзавелся моделями, оснастил подиум и показал первую и очень неудачную коллекцию, которая была единодушно раскритикована в прессе. Он получил один-единственный заказ от какого-то психа, который желал приобрести для своей супруги «что-то совсем особенное», и в результате с треском обанкротился.

— Насколько я понимаю, у него имеется новая теория относительно того, что такое искусство.

— Да, и похоже, эта теория весьма оригинальна, — вступил в разговор сэр Гилмэн, сидевший по другую сторону от Моруэнны. — Сдвинув брови, он добавил: — Что-то там такое... насчет ощущений, которые испытываешь, когда смотришь в банку, набитую червяками.

Леди побледнели. Род поспешно проговорил:

— Ну, это был только один пример. Он утверждает, что искусство целиком и полностью заключается в том, чтобы вызывать сильные эмоциональные реакции, а уж какие именно — это значения не имеет.

— Глядя на твое платье, Летиция, я определенно испытываю о-очень сильную эмоциональную реакцию, — мурлыкнула Моруэнна. — Летиция сердито покраснела, а Род сказал:

— Да, эта реакция называется «зависть».

На самом деле он искренне сочувствовал Моруэнне. В платье, изготовленном мсье Иберьеном для Летиции, его теория проявлялась лишь отдельными штрихами. Эмоция, которую должно было вызывать это платье, скорее всего была удивлением. А способствовали этому нанесенные флюоресцентной краской пятна и точечные орнаменты между вертикальными полосами. В этом платье Летиция выглядела неплохо, поскольку оно отвлекало внимание от ее лица. Род подумал о том, что на Максиме у мсье Иберьена дела, пожалуй, могли пойти неплохо, покуда тот сдерживал бы свои художественные порывы и создавал для дам такие наряды, которые помогали бы им выглядеть лучше, чем на самом деле. Видимо, на Терре

он раскрепостился до безобразия, а в том сезоне дамы там вовсе не желали носить платья, до предела набитые китовым усом. К ноябрю мсье Иберьен уже стоял с протянутой рукой. Тогда другие модельеры сбросились и дали ему денег на дорогу, дабы он поскорее убрался с Терры и не подверг краху всю продукцию домов моды. В результате Иберьену удалось даже расплатиться с долгами, но на Максиму он прилетел практически без копейки.

Но тут ему явно не грозила голодная смерть. Дамам на Максиме на самом деле было положительно все равно, как выглядят их платья — лишь бы они были сшиты настоящим терранским кутюрье. Так что — глядишь, у Иберьена тут бы снова могли встрепенуться творческие концепции... Род решил так: что бы с ним ни стряслось на борту этого грузового звездолета, он ни за что не вернется на Максиму в следующем сезоне.

Часы пробили одиннадцать, и Род вдруг с ужасом осознал, что Векс уже прибыл в космопорт с его дорожной сумкой. Род скрипнул зубами, вымученно улыбнулся и продолжал танцевать. «Минутный вальс», казалось, тянулся целый час. Но вот он закончился. Род поклонился своей партнерше.

— Простите меня, миледи, но мне нужно отлучиться по срочному делу.

— Не может быть, чтобы дело было такое уж срочное!

— А вы не обратили внимания на то, как отвратительно играл оркестр? Простите, но мне *действительно* нужно на минутку выйти.

Он развернулся и поспешил к выходу.

Род был почти у дверей, когда его ухватила за ворот рука, затянутая в перчатку. Ухватила и потянула назад. Род начал задыхаться. Вытаращив глаза, он обернулся и не без труда усмехнулся.

— Прекрасный... был бал... леди Мульгерн.

— О, но ведь он только начался! — Леди Мульгерн, цепко взяв Рода под руку, развернула его на сто восемьдесят градусов. — Вы ни в коем случае не должны уходить. Ваша милая матушка решит, что у меня тут жуткая скукотища, если вы вернетесь домой раньше трех часов ночи.

— Да что вы! Я и не подумаю вернуться раньше! Посижу в каком-нибудь тихом бистро...

— Вот и отлично! У меня такое местечко имеется — во флоридской комнате. Или, может быть, вы присоединитесь к джентльменам и сыграете в карты?

Роду вовсе не хотелось играть в карты — тем более в новую дурацкую игру.

— Право, миледи, мне нужно уйти до полуночи.

— Какая чепуха! Вашим родителям будет стыдно за вас, если вы вернетесь раньше часа ночи!

— Но у меня... голова болит. Просто раскалывается, честное слово. У меня синусит. Мигрень! У меня...

— Ерунда! — Леди Мульгерн обратилась к ближайшему роботу. — Дай-ка обезболивающее этому молодому джентльмену, Фейди!

Робот нажал на кнопку в области «талии», и на его ладонь выпали две таблетки. Он протянул таблетки Роду, а сам открыл дверцу в «груди» и опять нажал на кнопку. Послышалось шипение, а в следующее мгновение робот вынул и подал Роду стакан. Род проглотил таблетки, запил водой... и чуть не поперхнулся. Это была не вода, а какой-то мерзкий коктейль.

— Сейчас вы встряхнетесь и будете в полном порядке, — пообещала Роду леди Мульгерн и подкрепила свое обещание тем, что хорошенько ударила Рода по плечу. — Ну вот! А теперь посидите, спокойненько поиграете в карты в комнате, где нет яркого света, и почувствуете себя преотлично!

— Но мне нужно бежать домой! Меня ждет... мой кактус!

— Это зачем же он вас ждет?

— Я забыл полить его перед уходом...

— Чепуха. Позвоните домой и велите роботу полить кактус. Фейди!

Робот порывисто распрямил руку, растопырил пальцы. В большом находился наушник, а в указательном — микрофон.

Род махнул рукой. При упоминании о Вексе его охватила паника.

— Леди Мульгерн, примите мои самые искренние извинения, но сейчас мне действительно пора! Еще немного — и будет слишком поздно!

— Слишком поздно? — изумилась леди. — Для чего?

— Для того, чтобы искать мой хрустальный башмачок! — выпалил Род, рывком высвободил руку и опрометью бросился к дверям.

Наконец он выбрался из люка и забрался в свой аэрокар. Бегство было бесславным, но все же он удрал!

Он заметил, что челнок, которым людей должны были доставить на грузовой звездолет, еще стоял у причала, соединенный с терминалом переходным туннелем. Возле челнока никого не было — никого, кроме одинокой блестящей фигуры с дорожной сумкой, переброшенной через плечо.

— Старый добрый Векс! Верен мне до конца!

Род остановил машину рядом со старым фамильным роботом и состыковал ее с люком переходного туннеля. Люк туннеля открылся, а Род выпрыгнул их машины с другой стороны.

— Спасибо, Векс!

Он снял сумку с плеча робота.

— Челнок, направляющийся к грузовому звездолету «Мюрей Рейн», стартует через пять.

«Через пять — чего?» — подумал Род, но тут заметил, что у Векса в другой руке. Он поспешно сорвал с себя фрак и манишку, бросил их роботу и схватил просторную клетчатую рубаху. Напялив ее, он потянулся за курткой... и остолбенел, разглядев человека, стоявшего в тени позади Векса.

Виконт вышел на свет, добродушно улыбаясь.

— Мог хотя бы предупредить меня, сынок.

— Кто?! — выкрикнул Род, очнувшись от потрясения, и гневно воззрился на Векса.

— Я обязан исполнять свой долг перед хозяином, Род, — извиняющимся тоном отозвался робот.

— Верно, обязан. Так уж он устроен, — подтвердил виконт. — Не вини его, сынок. Прежде всего он верен мне. У него не было иного выбора: он поступил так, как диктует его программа. Он понял, что мне нужно узнать о твоем отъезде.

— Векс, я тебе больше никогда не смогу доверять!

— О, сможешь, сынок, сможешь. Когда станешь его владельцем. Тогда он будет поистине фантастически верен тебе — как теперь мне.

Род нетерпеливо мотнул головой.

— Этого еще ждать лет тридцать как минимум, папа. И к тому же Векс достанется Дику... Минутку! Ты сказал, что его владельцем стану я.

— Верно. С этого мгновения. Векс, здесь и сейчас я передаю тебя моему младшему сыну Родни. Служи ему, как служил мне, и с этого дня выполняй только его команды.

— Но папа! Я не могу взять его с собой! Я же лечу в космос!

— Каждому члену команды разрешается брать с собой багаж, сынок. А у тебя — только небольшая сумка. Думаю, окажется, что Векс по весу не превысит багажную норму. Его можно будет устроить в любом шкафчике.

— Не хотелось бы заставлять его так сильно складываться... Минутку! Ты хочешь сказать, что он полетит со мной на грузовом корабле?

— На уме у меня было именно это. Я понимаю, что должен позволить тебе идти своей дорогой, но хотя бы я буду уверен в том, что за тобой кто-то присматривает, кто-то защищает тебя.

— Ты отпускаешь меня? И не собираешься удерживать?

— Удерживать? Сынок, ты просто не представляешь, сколько раз я мечтал удрать с грузовым кораблем, когда был в твоем возрасте! О, я буду скучать по тебе! Я буду очень по тебе скучать, но я *хочу*, чтобы ты улетел, пока молод, пока ты на это способен! Лети, и да поможет тебе Бог!

Двигатели челнока взвыли. Род отступил назад. Он очень боялся увидеть слезы на глазах отца.

— Ступай с Богом, сынок. Пусть ветер всегда дует тебе в спину, и пусть тебе суждено будет найти все, чего желает твое сердце.

— Спасибо, папа, — хрипло выговорил Род. — И тебе... того же. Будь счастлив.

— Я взлетаю, — гаркнули громкоговорители на челноке. — Входи в люк, парень. Сейчас или никогда.

И тут Род вдруг понял, что он никуда не хочет лететь. Но отец развернул его, обнял за плечо и быстро пошел вместе с ним к люку.

— Не забывай, в каком кармане у тебя носовой платок, не забывай писать нам с мамой и про Векса не забывай.

— Не забуду, папа. Всегда буду помнить.

Род обернулся, чтобы помахать отцу рукой, но люк уже захлопнулся. И отец, и Максима скрылись из глаз.

Векс встал рядом с Родом.

— Теперь вы — мой хозяин, босс Род сахиб. Приказывайте, и я буду повиноваться.

Род стоял неподвижно. Смысл случившегося мало-помалу доходил до него.

Но вот он повернулся к роботу и медленно, широко усмехнулся.

— Что ж, вот тебе первая команда для начала: прекрати называть меня «босс».

— И с тех пор ты больше никогда так не называл папу? — спросила Корделия.

— Нет, Корделия, не называл. Но я называл его «милордом», если только он почему-либо мне этого не запрещал.

— Запрещал, потому что на самом деле это противозаконно, — проворчал Род. — Вернее, было противозаконно, покуда Туан не пожаловал мне звание лорда.

— Но такое обращение напоминало тебе о твоем происхождении, Род, и о поведении, приличествующем этому происхождению.

Грегори нахмурился.

— Но теперь же ты не зовешь папу лордом.

— Нет, Грегори. Не зову. Когда мы приземлились на Грамерае, твой отец велел мне звать его только по имени до тех пор, покуда мы будем тут находиться. Как видишь, пока мы здесь.

— И здесь останетесь, — проговорила Гвен и ласково взяла Рода под руку.

— Покуда здесь будешь ты, — с улыбкой отвечал Род.

Дети явно обрадовались, а Корделия спросила:

— А скажи, Векс, ты радовался тому, что твоим хозяином стал папа?

— Корделия, — ответил робот, — я был просто вне себя от восторга.

9

Было тихо-тихо. Лишь изредка из-за окон доносились крики ночных птиц. Даже мышки не шуршали — не прибежали за крошками. Полоса лунного света, проникшего через узкую прорезь окна, проползла по полу и вскоре померкла.

А потом послышался тихий звук, но очень скоро он превратился в душераздирающий вопль.

Все Гэллоуглассы вскочили и стали оглядываться по сторонам. Род прижал к себе Грегори, Гвен обняла Корделию.

Род положил руку на плечо Джеффри и почувствовал, что тот слегка дрожит.

А потом он разглядел Магнуса.

Мальчик сидел неподвижно, напряженно и не отрывал глаз от привидения.

Она была красива даже сейчас — с растрепанными волосами и лицом, искаженным гримасой ужаса. Она была бледна, как лунный свет на снегу, а ее одежды обвивали ее, подобно пелене тумана.

— Спасите, — стонала девушка. — Спасите, умоляю вас! Спасите меня, люди добрые, от того чудовища, что заковало меня в цепи. Умоляю вас...

Неожиданно ее взгляд сместился вверх. Она словно бы что-то увидела выше голов людей, прижала к губам кулаки и снова дико, пронзительно закричала, а потом подпрыгнула и бросилась к людям...

И исчезла.

Всех словно бы охватило ледяным холодом, но это ощущение быстро прошло. Последние отзвуки крика девушки стихли вдали.

В тишине Род расслышал, как всхлипывает Корделия, и его охватила жгучая ярость, злость на существо, посмевшее так напугать его ребенка.

Но что это было за существо? Род огляделся по сторонам, но ничего не увидел, кроме темноты.

Единственным оружием против темноты был свет. Род передал Грегори Гвен, а сам подошел к камину, расшевелил угли и подложил растопки. Как только разгорелось пламя, Род положил в камин толстое полено, пристально уставился на огонь, и тот разгорелся жарче. Тогда Род обернулся и обвел взглядом свое семейство.

Похоже, свет и тепло всех немного успокоили — но все же не очень.

— Теперь все хорошо, доченька, теперь все хорошо, — приговаривала Гвен. — Что бы это ни было, оно уже ушло.

Корделия всхлипнула еще раз и успокоилась.

Но Магнус по-прежнему напряженно вглядывался во тьму. Род сосредоточился, прислушался и наконец расслышал затихающий вдалеке издевательский хохот.

Магнус немного расслабился, взгляд его стал осмысленным.

— Все пропало, — сказал он тихо. — Она пришла и ушла, как всегда.

— Ну не знаю, — прищурившись, проговорил Род. — Пожалуй, мы могли бы добиться более устойчивого эффекта.

Магнус возмущенно взглянул на отца.

— Мы не священники, чтобы изгонять бесов!

— Нет. Мы — воинствующие чародеи. Там, откуда я родом, нас бы назвали опытнейшими эсперами. До сих пор все формы колдовства, с которыми мы сталкивались на этой планете, оказывались псионными. Почему же эти призраки должны чем-то разительно отличаться от всего, с чем нам приходилось иметь дело раньше?

Магнус, не отрывая глаз от отца, прошептал:

— Хочешь сказать, что мы могли бы даровать этому духу покой?

Род пожал плечами.

— Можно попробовать.

— Значит, мы должны это сделать! Мы обязаны сделать все, что в наших силах! Эта девушка ужасно страдает! Даже теперь, после смерти, ее мучает нестерпимый страх! Нужно непременно помочь ей!

Остальные дети в испуге смотрели на старшего брата. Гвен глубоко задумалась. А Род только сдержанно кивнул.

— В таком случае давайте постараемся разузнать как можно больше. Прежде всего следует выяснить, кто она такая и что с ней стряслось.

— Кто она такая... сейчас?

— Кем она была, — поправил себя Род. — Она мертва, сынок, и то, что ее можно видеть в обличье призрака, не имеет никакого значения! Она умерла двести лет назад!

Магнус, не мигая, смотрел на него, но Род не отвел взгляда, и в конце концов мальчик немного успокоился.

— Была, — примирительно проговорил он. — Но она до сих пор страдает! И как же мы можем что-то узнать о ней?

— Ну, тут тебе и карты в руки. Ты — единственный инструмент, которым мы располагаем для проведения расследования, — сказал Род. — Но мы все пойдем с тобой. В этом замке, тем более ночью, нам ни за что нельзя разлучаться!

— Ни за что! — поежившись, воскликнула Корделия.

— Что я слышу! — очнулась от раздумий Гвен. — Ты желаешь *сейчас* отправиться на разведку, супруг мой?

— Но мы должны это сделать, мамочка! — воскликнул Магнус. — Призраки только ночью так сильны! Днем мы узнаем не больше, чем знаем сейчас!

Гвен в изумлении посмотрела на сына.

— А ты собиралась снова уснуть? — поинтересовался Род.

Гвен поежилась.

— Нет, теперь мне вряд ли удастся уснуть до зари. Почему бы нам не пройтись по замку? Ведь мы уже осмотрели его днем, так разве теперь увидим что-то хуже, чем уже видели?

— Не исключено, — заметил Род, — поэтому нужно взять с собой факел. — Он подошел к камину и выхватил из него горящую хворостину. — Помнишь, — спросил он у Гвен, — то заклинание, которым ты воспользовалась, когда мы с тобой впервые встретились? Тогда ты сотворила волшебный огонек.

— Да, супруг мой, — безмятежно улыбнулась Гвен. — И тогда в этом мне помогли призраки, не так ли?

— Точно, — кивнул Род. — Кажется, теперь я начинаю понимать, как это получилось. Ну что ж, веди нас, о Слышащий Голоса Камней!

Магнус вышел вперед, нахмурился, немного помедлил, потом шагнул к стене и прикоснулся к ней ладонью. Несколько

секунд он стоял неподвижно, затем пошел к лестнице, продолжая касаться стены кончиками пальцев.

Остальные дети последовали за ним. За ними — Векс.

Род немного задержался и шепотом спросил у Гвен:

— Есть ли у вас сомнения, доктор, по поводу данного заболевания?

— Никаких сомнений, — негромко отозвалась Гвен. — Хоть она и привидение, но необыкновенно хороша собой, и наш сын попросту влюбился, как влюбился бы на его месте любой юноша.

— Так и есть, — кивнул Род. — И я, признаться, весьма утешен.

— Я тоже. Я боялась, что он увлечется настолько, что попытается последовать за ней.

— И я так думал, — кивнул Род и усмехнулся. — К счастью, он еще слишком юн и инстинктивно побаивается девушек, поэтому более склонен к сублимации, нежели к ухаживанию. Ну что ж, пойдем туда, куда ведет любовь, милая.

— Разве мы не всегда шли туда? — пробормотала Гвен, но Род пропустил ее вперед и не расслышал этих слов.

Днем лестница не показалась такой длинной. Но Гэллоуглассы поднимались все выше и выше. Гулко звучало в каменном «колодце» эхо цокота копыт Векса. Род, обогнавший коня, обернулся к нему и сердито проворчал:

— Мог бы так не шуметь, между прочим.

— Конечно, Род. Но вряд ли бы тебе захотелось, чтобы в данных обстоятельствах я ступал позади тебя бесшумно.

— Это ты верно заметил, — согласился Род. — Чем больше шума, тем меньше призраков. Но ведь при таком грохоте и собственных мыслей не услышишь.

— А тебе так этого хочется?

Добравшись до верхней ступени, Магнус отошел от стены, нахмурился и огляделся по сторонам.

— След потерял? — спросил Род.

— Нет, но ощущение стало совсем слабым. И мне кажется, что главное — в ее рассказе, а не в ней самой.

Род кивнул.

— Точно. И еще есть нечто, чего она жутко боится.

— Давайте все тут обойдем.

Магнус подошел к ближайшей двери, открыл ее нараспашку и, войдя в комнату, прикоснулся к стене.

Корделия отступила назад и пробралась поближе к родителям.

— Чего это он вдруг стал такой решительный, а? — шепотом спросила она у матери.

— Ну а ты как думаешь, детка? — с улыбкой проговорила Гвен.

— Думаю, он втюрился, — не задумываясь, ответила Корделия. — Значит, вот так ведут себя мальчишки, когда влюбляются?

— Именно так, пока наконец не подходят к девушке поближе. Тогда погоня на время прекращается.

Корделия улыбнулась.

— Будем надеяться, что этот призрачный «свет любви» не будет поощрять его ухаживаний.

— Всякая девушка должна поощрять ухаживания, если не хочет, чтобы юноша убежал прочь, — проговорила Гвен и, остановившись посередине комнаты, осмотрелась. Комната с каменными стенами была невелика, площадью примерно в двенадцать квадратных футов. Только на одной стене висел полуистлевший гобелен. У этой же стены стояла кровать, рядом с ней — маленький столик, подле него — табурет, а у противоположной стены — комод.

— Стандартная средневековая меблировка, — заключил Род, протянул руку к гобелену, но тут же отдернул.

— Небось потрогаешь его, а он и рассыплется.

— Я бы не рисковала, — кивнула Гвен.

— Тут жил рыцарь, — сообщил Магнус еле слышно. — Рыцарь со своей женой. Они были добрые и любили друг

друга. Однако к концу своего пребывания в замке рыцарь был часто огорчен поведением сына графа.

— Огорчен? — переспросил Род. — Почему?

Магнус покачал головой.

— Тот вел себя из рук вон плохо, и рыцарю приходилось постоянно быть настороже.

— У рыцаря и его жены были дети? — спросила Корделия.

— Да. И они часто бывали в этой комнате, но спали в другом месте.

«Другое место» оказалось соседней комнатой, а напротив располагалась точно такая же комната, как первая, с примыкающей к ней детской. Эти покои предназначались для другого рыцаря и его семейства. Здесь Магнус не задержался, даже к стенам прикасаться не стал.

— Следовательно, женатые рыцари жили в замке, сменяя друг друга. Гостили у своего господина. — Род еще раз внимательно осмотрел комнату. — Как ты сказал, сколько семейств за год тут бывало?

— По четыре в каждой из двух комнат. Рыцари приезжали в замок на три месяца.

— И концу своего пребывания здесь все они были вне себя из-за того, как вел себя графский сынок, — кивнул Род. — Вероятно, где-то за пределами главной башни мы обнаружим спальню для холостяков. А что за люди жили здесь после того, как сын занял место отца?

— Холостые рыцари, про которых ты только что сказал, папа. Но они тут не спали. Тут есть слабые следы их присутствия, но бывали они здесь только ради... мирских услад. — Взгляд Магнуса стал жестче. — Большинство девиц не отказывали рыцарям, но все же... я ощущаю страх и боль некоторых женщин.

Корделия свирепо насупилась.

— Я начинаю понимать, почему замок столько лет простоял заброшенным, — буркнул Род и с мрачным видом отвернулся. — Что еще мы можем осмотреть на этом этаже?

Все вышли и заглянули в соседнюю комнату. Самодельный факел догорал. Род вынул из-за железной скобы высохшую рукоятку древнего факела и поджег ее. Палка загорелась ярко, но ненадолго.

В комнате стояли только кровать, умывальник и комод.

— Здесь жила молодая дама, — проговорил Магнус. Его голос как бы доносился откуда-то издалека. — Горничная, может быть. Она всегда была подле графини, пока не вышла замуж. Затем ее место заняла другая и жила тут, пока тоже не вышла замуж.

— Вероятно, есть еще такие же комнаты. Обычно горничных бывало несколько.

Магнус кивнул.

— Последняя из них жила в постоянном страхе, потому что к этому времени сын графа уже вступил в пору мужской зрелости и стал приставать к девушкам. Он, правда, боялся гнева отца, но все же без стыда и совести пытался добиться своего.

— А этой горничной удалось от него избавиться? — пытливо спросила Корделия.

Магнус кивнул.

— Она вышла замуж и ушла из замка. И больше с тех пор здесь никто не жил.

— Почему?

— Не знаю. — Магнус развернулся к двери и пошел вперед, словно лунатик. — Давайте попробуем узнать.

Касаясь пальцами стены, он прошел по коридору и свернул в следующую комнату.

Однако эта комната оказалась точно такой, как предыдущая. И здесь Магнус обнаружил воспоминания нескольких женщин — но больше ничего. Точно так же все вышло и с третьей, и с четвертой комнатой, но вот последней горничной, оказывается, крепко досталось от навязчивого наследника. Девушка ему отказала, и он рассвирепел. Горничная все-таки вырвалась и убежала, сын графа ее преследовал, но его остано-

вил и задержал один из рыцарей отца. Он сурово отчитал безобразника и сообщил о происшествии графу, и тот самолично выпорол сына кнутом. Тем не менее девушка-горничная попросила разрешения вернуться к родителям, и графиня удовлетворила ее просьбу.

Корделия нахмурилась.

— Кажется, я начинаю догадываться, в чем причина страданий этого бедного привидения.

— Я тоже, — без улыбки добавила Гвен.

— На этом этаже комнат больше нет, — сказал Род, дойдя до конца коридора. Он обвел сердитым взглядом двери, на секунду задержал его на узком окошке в дальней стене. — Вернемся к лестнице.

Дети взлетели над полом. Первым полетел Грегори как самый легкий, за ним — Джеффри, потом — Магнус. Пропустив вперед левитаторов, остальные выстроились по весу.

— На всякий случай, — пояснил Род. — Мало ли — в каком состоянии кладка ступеней.

Тем не менее он пропустил Векса вперед, а сам замкнул процессию.

В конце лестничного марша по обе стороны располагалось по небольшой комнатке, и они напоминали те, что Гэллоуглассы уже осмотрели на втором этаже. Магнус вошел в левую комнату, сосредоточился и прикоснулся ладонью к стене.

— Тут жила еще одна горничная. Рядом с графиней всегда ночевали две девушки. Эта...

Тут все Гэллоуглассы затаили дыхание и вытаращили глаза.

Пронзительный крик зазвучал еще до того, как возник призрак. Грегори в испуге зажал уши ладошками. И вот она вновь поплыла к ним — та самая юная девушка, что явилась им в главном зале. Она кричала и стенала, охваченная страхом и ужасом.

— Девушка, что пугает тебя? — вскричал Магнус. Он шагнул вперед и потянулся к призраку.

Род резко вытянул руку и загородил Магнусу путь.

— Ты, ты пугаешь меня! — взвыло привидение. — Уходи, уходи отсюда! Оставь меня в покое!

Род хотел был ответить, но его опередил Магнус:

— Я не могу уйти, ибо твоя боль — это моя боль, и когда тебе больно, мне в сердце словно бы вонзается клинок! Поговори со мной! Скажи, почему твой мятежный дух до сих пор не успокоился, и я помогу тебе!

В темных провалах глазниц призрака, казалось, сверкнули огоньки надежды, но девушка простонала:

— Ты ничем не сумеешь мне помочь, потому что я не бродила по этому замку до тех пор, покуда не явился ты и не пробудил меня!

Это сделал ты, только ты! Если бы не ты, я бы спала вечным сном!

Магнус запрокинул голову, отступил на шаг и пошатнулся. Но тут вперед шагнула Гвен, поддержала сына и обратилась к призраку:

— Но вправду ли ты покоилась в мире?

Лицо девушки исказилось, она поднесла руки к щекам и закричала — все пронзительнее и пронзительнее. А потом призрак завертелся и исчез. Комната опустела.

Все спустились в главный зал — угрюмые и молчаливые. Дети искоса поглядывали на старшего брата, а у того брови были грозно нахмурены, а глаза метали молнии. Гвен подошла к камину, расшевелила угли, подбросила растопки и раздула пламя, а потом подложила хвороста.

Затем она повернулась и посмотрела на Магнуса.

— Не страдай так, сынок. Нам известно, что призраки бродят по этому замку уже целых два столетия. Это не ты виноват в ее нескончаемых страданиях.

— Но почему же тогда она говорит, что это я ее пробудил? — взорвался Магнус.

— Ты умеешь читать по камням, — объяснила Гвен. — Ты можешь слышать чужие мысли, умеешь создавать волшеб-

ные творения. Ты ощутил отзвуки ее неспокойного духа, и, вероятно, это побудило тебя к тому, чтобы вызвать ее дух из камней.

Магнус ошеломленно смотрел на мать. Род, начиная понимать, что произошло, поднял голову.

— Но почему возникла она? — горячо воскликнул мальчик. — Почему именно она, а не кто-то еще из тех, кто жил здесь, в окружении этих каменных стен?

— Потому что только она пережила такие страшные муки и потому оставила здесь такие яркие следы. Другие же оставили следы совсем слабые, а ее чувства оказались настолько глубоки, что она вновь предстала перед нами.

— Можно было бы назвать это галлюцинацией, — негромко проговорил Род. — Но помимо всего прочего, ты у нас — проективный телепат. Как только ты сумел ее увидеть, она стала видна и всем нам. Ты передал это видение в наше сознание.

— Папа, но я знаю, как это делается! Просто так, бессознательно это не может получиться! Для этого нужно старательно сосредоточиться, употребить немало сил!

— Ты такое творил, когда был малым ребенком, — спокойно отвечал Род. — Приходилось все время следить, чтобы с тобой рядом не оказался ведьмин мох: все, о чем бы ты ни подумал, тут же проявлялось.

— Но тут же нет ведьмина мха!

Род пожал плечами.

— Я в этом не уверен. Но даже если он тут не растет, твой разум вполне способен к тому, чтобы спроецировать галлюцинацию в сознание других людей.

— Я такого раньше никогда не делал!

— Раньше ты не сталкивался с таким сильным стимулом.

Род не стал уточнять и говорить о том, что большей частью магические силы Магнуса всколыхнулись из-за чувств, испытанных юношей к призрачной девушке. Он только по-

смотрел на Гвен, а та кивнула. Первая любовь способна творить чудеса.

Магнус огорченно покачал головой.

— Так, значит, я виноват в ее несчастьях?

— Нет! — горячо возразил Род. — Страдания ей причинил кто-то другой, и у меня есть сильное подозрение, что дух этого человека тоже таится в этих стенах. Так что постарайся не возненавидеть его слишком сильно, иначе он тоже материализуется.

— Но ведь эта девушка не стала бы призраком, если бы сюда не явился я!

— Мне почему-то кажется, что она уже несколько раз пробуждалась до нашего появления в замке, — задумчиво проговорил Род. — Сомневаюсь, что ты — первый психометрист, попавший сюда за две сотни лет. Вспомни: мальчишки ужасно любят доказывать свою храбрость тем, что отправляются на ночь в дом с привидениями! И кто же частенько оказывается среди таких смельчаков? Подозреваю, что всякий раз, как только где-то в Грамерае заходит речь о привидениях, можно с уверенностью заявить: там побывал латентный психометрист, сам не подозревающий о своих способностях.

Магнус не отрывал глаз от Рода. Он жадно впитывал каждое его слово. Было видно, как ему хочется поверить отцу.

— Кроме того, — чуть смущенно добавил Род, — если бы ты не пробудил ее, наверное, это сделал бы я.

— Ты?! — Магнус изумленно вытаращил глаза, перевел взгляд на мать.

Гвен, пристально глядя на сына, кивнула.

— Твоему отцу прежде доводилось пробуждать призраков, сынок. — Она обернулась к Роду и не удержалась от улыбки. — Это случилось вскоре после нашего знакомства.

Род не выдержал и тоже улыбнулся.

— Я бы не сказал, что так уж вскоре... — Он обернулся к сыну. — Понимаешь, я совершил ужасную глупость: посре-

ди ночи отправился в населенное призраками крыло замка герцога Логира. Один.

— Почему же ты так глупо поступил? — вытаращив глаза, спросила Корделия.

— Потому что не верил в призраков. Но я их увидел и был напуган не на шутку. Хорошо, что Векс разобрался в этом фокусе. Дело в том, что он был не первым, кто увидел этих привидений. Это крыло пользовалось такой дурной славой, что там давно никто не жил. Вероятно, то же самое справедливо и для этого замка. Я уже сказал: я так думаю, что этот призрак пробуждался и раньше, хотя сама девица скорее всего помнит об этом как о приснившихся ей снах. Готов побиться об заклад: в этих краях не так мало психометристов, так что верить ей не стоит.

Щеки Магнуса слегка порозовели.

— Но все-таки... Ее испуганные крики, и этот злобный хохот... Мы же слышали их прошлой ночью, во время грозы...

— Когда мы еще не входили в замок. Верно, — кивнув, подтвердил Род. — То ли твой дар действует в более широком диапазоне, то ли призраки изначально здесь обитают. Но, вероятно, к этому имеет какое-то отношение и атмосферное электричество.

Магнус снова побледнел.

— Думаешь, когда рядом с ними нет живых людей, они могут говорить друг с другом?

— Интересная мысль, — согласился Род. — Но для нашей цели совершенно бесполезная. Если они разговаривают между собой, когда нас рядом нет, как мы сможем об этом судить, не слыша их разговоров? Если в лесу падает дерево, но поблизости никого нет, кто бы услышал грохот, как сказать, был грохот или нет?

Младшие Гэллоуглассы многозначительно переглянулись. Это означало, что они либо будут еще долго думать над вопросом отца, либо вопрос показался им до крайности глупым.

— Не имеет значения, каким образом она пробудилась, — решительно махнул рукой Магнус, а у Рода радостно забилось сердце. Если мальчик мог отмахнуться от этой мысли, пожалуй, он смог бы и подняться над ситуацией. — Но почему она хочет, чтобы я ушел, а не просит о помощи, как раньше?

— Думаю, она не именно тебя просит о помощи, — ответил Род, смущенно проведя пальцем по переносице. — Скорее всего она разыгрывает эту сцену из ночи в ночь с тех пор, как была еще жива.

— А что же до того, что она умоляет тебя уйти, — добавила Гвен, — то, вероятно, она чего-то стыдится и не хочет, чтобы другие об этом узнали.

— Чего же ей стыдиться?

Гвен развела руками.

— Этого мы пока не знаем. Одно я могу сказать с уверенностью: когда девушка кем-то сильно обижена, когда ее сердце ранено, она всегда желает побыть в одиночестве до тех пор, пока эта рана на заживет.

— Это точно, — подтвердил Род. — И между прочим, это касается не только женщин. У мужчин сердечные раны тоже заживают долго.

Магнус нахмурился.

— Ты это пережил или просто от других слышал?

— Не имеет значения, — ответил Род. — Сейчас самое главное — не то, каким именно образом пробудилась эта призрачная девушка, а то, как помочь ей вновь обрести покой.

Магнус задумался и кивнул.

— Да... Это — самое важное...

— Если так, — робко проговорил Грегори, — нам нужно узнать, почему она так несчастна.

— То есть — вернуться к тому, с чего мы начали, — с улыбкой резюмировал Род. — Поэтому завтра мы снова осмотрим замок и его окрестности. Может быть, найдем какие-нибудь разгадки. Ну а нынче ночью нам вряд ли удастся разузнать что-либо еще. — Он поднял руку, не дав Магнусу

возразить. — Ты устал, сынок, и твои магические силы на исходе. Если даже все мы в какой-то степени наделены тем же даром, ни у кого из нас он так не ярок, как у тебя. Нужно отдохнуть. Пойдемте и поспим, сколько удастся.

Он подал детям пример, улегся и укрылся одеялом. Гвен ласково улыбнулась детям и присоединилась к мужу.

Дети неохотно улеглись. Пылал огонь в камине. Спать не хотелось.

— Может быть, — осторожно проговорила Корделия, — нам все же не стоило вмешиваться.

— Да нет же, мы непременно должны вмешаться! — пылко возразил Магнус.

— Тише, сынок, тише, — одернула его Гвен. — Вряд ли мы сделаем этой девушке хуже, Корделия. Скорее всего мы все-таки сумеем ей помочь. Но даже если забыть о ней, для нас в этом есть свой интерес.

Джеффри озадаченно взглянул на мать.

— Как это?

— Я не намерена жить в доме, где по ночам бродят призраки и мешают людям спать, — решительно заявила Гвен.

— Что верно, то верно, — согласился Род. — Ты права, милая. Мы обязаны позаботиться не только о призраках, но и о себе.

— Но все равно нам нужно поскорее избавить эту бедняжку от мучений, проявить доброту! — воскликнула Корделия.

— А мне показалось, что это ты заговорила о том, что нам лучше было бы вернуться. Ну ладно. Если мы все согласны, нужно подумать о способах и средствах. Утро вечера мудренее. Так что — доброй ночи!

С этими словами Род плотнее закутался в одеяло.

Магнус понемногу успокоился.

В зале воцарилась тишина. В камине с треском вспыхнуло полено.

Корделия ерзала и ворочалась. Она никак не могла заснуть даже тогда, когда дыхание ее братьев стало ровным и спокойным, когда отец негромко захрапел. Девочка поняла, что не спит только она одна.

От этой мысли Корделии стало страшно. Послышался какой-то негромкий звук, и девочка испуганно приподнялась и прислушалась. Сердце у нее забилось часто-часто.

Но она не увидела ничего, кроме спящих членов своего семейства да силуэта огромного черного коня, который, по обыкновению, стоял в дозоре и охранял Гэллоуглассов. Бессонные глаза Векса блестели, отражая пламя очага.

Корделия обрадовалась. Значит, не только она не спала в этот час. Девочка тихонько, осторожно выбралась из-под одеяла и подошла к коню-роботу. Векс, заметив ее, поднял голову.

— Ты бы полежала спокойно, Корделия, и сон непременно пришел бы к тебе.

— Мне надо поговорить, — призналась девочка и ласково погладила гриву коня.

— Ласкать меня бесполезно, Корделия. Я сделан из стали.

— Вот вырасту — полюблю такого мужчину, чтобы был ретивый, как конь. Как знать, может, мне удастся его укротить, а? — Корделия улыбнулась собственной, не слишком умелой шутке. — Поговори со мной, чтобы я смогла заснуть.

— Стало быть, я — такой скучный собеседник? Не надо, не отвечай. Скажи мне, о чем бы ты хотела поговорить?

Девочка промолчала и принялась заплетать гриву Векса в косички.

— О любви, конечно, — со вздохом проговорил робот. — Ведь ты уже почти девушка.

— Ага. Может быть, ты помнишь, как себя вел папа, когда впервые влюбился? Был он похож на Магнуса?

— Корделия! — мягко упрекнул девочку Векс. — Я ведь уже не раз говорил, что личная жизнь вашего отца — это

засекреченная информация, и эти секреты может раскрыть только он сам, но не я.

— О, да ты небось и не заметил, как его поразила стрела амура!

— Как я мог это заметить, если я — всего-навсего машина, не имеющая чувств. Как я могу распознать романтическую любовь?

— По ее признакам.

— Эти признаки могут быть скрыты за счет самообладания. Я скажу тебе единственное: когда люди подавляют подобные признаки пробуждающейся любви, они сами перестают осознавать, что влюблены.

Корделия нахмурилась.

— Но ты-то откуда про это знаешь?

— Я изучал людей на протяжении пяти столетий, Корделия. А теперь ступай и дай волю своей фантазии. Подумай об этом.

Девочка улыбнулась. Идея ей явно пришлась по душе.

— Подумаю непременно. Я так и знала, что у тебя найдется лекарство от бессонницы, мой добренький Векс.

Она отошла от коня и забралась под одеяло.

На самом деле Вексу, конечно, были прекрасно знакомы признаки влюбленности. Он помнил о том, как юный Род д'Арман переживал из-за того, что с ним это ни разу не происходило. А Вексу это как раз было яснее ясного — стоило ему взглянуть на максиманских красоток. Поэтому он нисколечко не удивился тому, как стремительно Родни влюбился, как только покинул родину. Это время Векс помнил ясно и четко, как любой механизм, внутри которого происходят постоянные изменения электрических контуров молекул. Тогда и восторги, и боль Рода были настолько очевидны, что Векс впервые порадовался тому, что сам он не обладает эмоциями. Роду тогда было очень, очень худо. О да, Векс хорошо это помнил...

10

Челнок с жутким грохотом пристыковался к звездолету. Род ждал, и волнение, охватившее его, мало-помалу начало пересиливать грусть из-за того, что он покидал родину. Небольшая панель рядом с внутренним люком вспыхнула зеленым светом. Род открыл люк и вошел в новую жизнь.

Комиссия по встрече состояла из одного-единственного здоровяка, у которого форменная куртка едва сходилась на поясе, а скулы были украшены бородкой трехдневной выдержки.

— Богатенький мальчик! — проревел здоровяк. — Да еще с собственным роботом — мамочки мои! Может, для вас красную ковровую дорожку раскатать прикажете, милорд?

— Я не лорд, — автоматически отозвался Род.

— Ага, это, стало быть, тебе известно, — буркнул здоровяк. — Только этого маловато будет, молокосос. Войдя через этот люк, ты стал нижайшим из низких, понял? А теперь закрой за собой люк!

Род обернулся, уверенный в том, что крышку люка закрыл. И точно: крышка была плотно закрыта.

Здоровяк протиснулся к люку, проверил и неохотно проворчал:

— Ну, вроде нормально. Сойдет.

Род отлично знал, что люк закрыл хорошо. Люди, выросшие на астероидах, уже в восьмилетнем возрасте приучаются пользоваться люками. Но от только ответил:

— Спасибо, сэр.

Здоровяк прищурился.

— Это ты хорошо сказал. — Но было видно, что он ужасно этим недоволен. — Так ко всем тут и обращайся — «сэр», кого только ни увидишь. Меня зовут Альби Вайзер, я второй помощник капитана славного корабля «Мюрей Рейн», а ты — последний человек на борту, понял? Так что тут для

тебя все «сэры», потому как нет тут никого ниже тебя. А старшим по званию не забывай отдавать честь!

Род встал по стойке «смирно» (то есть ему хотелось верить, что у него это получилось) и коснулся лба кончиками пальцев.

— Нет, нет, не так! — обрадованно взревел Вайзер и резким движением распрямил руку Рода. — Локоть выше, чтобы рука была параллельна палубе, а ладонь надо вывернуть наружу, понял?

Род сжал зубы, чтобы не охнуть от боли.

— Ну, типа того, — проворчал офицер. — Теперь пошли, покажу тебе твою конуру.

Он оттолкнулся от стены и, заскользив по коридору, только раз оглянулся. Род подумал: Вайзер хотел убедиться, что новичок следует за ним. Вид у офицера был до крайности разочарованный, и Роду стало не по себе. Неужели он вправду все делал настолько плохо? Он сглотнул подступивший к горлу ком и собрался с мужеством, твердо решив, что станет самым лучшим новобранцем, какого когда-либо доводилось встречать Вайзеру.

За Родом бесшумно летел в невесомости Векс. Робот был не так наивен, как его хозяин, и понял, что второй помощник очень надеялся на то, что в условиях невесомости новичок замешкается, будет неуклюже барахтаться. По всей вероятности, Вайзер не учел того обстоятельства, что, живя на астероиде, как бы тот ни был велик и как бы много на нем ни было жилых помещений, оборудованных устройствами для создания нормальной силы притяжения, люди все равно то и дело сталкиваются с невесомостью, да еще и занимаются особыми видами спорта, основанными на свободном падении.

И еще Векс понимал, что очень опасно не совершать ошибок и оплошностей, когда от тебя только того ждут, что ты их совершишь.

Пролетев по коридору, Вайзер, Род и робот пробрались через люк диаметром всего в один фут, спустились ниже по

лязгающей лесенке и оказались в другом коридоре, где царил полумрак. По мере спуска настроение у Рода стремительно падало.

И вдруг коридор закончился, и перед взором Рода предстало обширное помещение, уставленное какими-то громоздкими предметами. Вдоль стен тянулись металлические шкафы, по потолку тянулись многочисленные трубы, а пол был неровный — тут и там он дыбился выпуклостями разнообразной формы.

Вайзер обернулся и показал на прямоугольный закуток в углу — примерно восемнадцать дюймов в ширину и три фута в высоту.

— Вот твоя конура, — буркнул он. — А вот это, — он ткнул пальцем в очерченный прямоугольник на стене, — твой насест.

Род озадаченно таращился в сторону отведенного ему места, а Вайзер довольно осклабился.

— А ты чего ждал, малый? Ты думал, протирщику из машинного отделения на грузовом корабле каюта «люкс» полагается, с личной ванной, да?

— О нет, нет! Я просто... просто не знаю, что мне делать.

— Бросить в угол манатки и явиться к инженеру, вот что! — Вайзер неприязненно глянул на Векса и пробурчал: — Личных роботов, понимаешь, развели тут... Его ты где держать собираешься, салага?

И он ударил Векса по плечу.

— Осторожнее! Он древний!

— Да что ты говоришь? Ос-то-рож-нее, туда же! Может, вам еще фарфорчик протереть, а?

Вайзер замахнулся на Векса, но робот легко ушел в сторону. Двадцатая доля секунды — для человека время для нанесения сверхбыстрого удара, а для компьютера — это настоящая бездна времени.

— А ну — смирно стоять, когда я тебя луплю! — взревел Вайзер и снова замахнулся на Векса.

— Сэр, — заметил Векс, когда Вайзер снова промахнулся. — Я не сделал ничего такого, чтобы заслужить ваше...

— Перестаньте! Прекратите! — вмешался Род. — Это мой робот! — Он бросился к Вайзеру, схватил его за руку. Вайзер тут же развернулся и замахнулся на Рода. Векс тут же рванулся вперед, дабы заслонить собой хозяина. Затем он попытался блокировать удар Вайзера и снова выразил протест:

— Я не сделал ниче...

И тут Векс замер в неподвижности. Вайзер врезал ему ногой в тазобедренный сустав. Удар был так силен, что робот отлетел и ударился о стенку.

У Рода глаза налились кровью.

— Ах вы... ах ты, ублюдок! Из-за тебя у него припадок! Он был беззащитен, а ты...

Не договорив до конца, он бросился на Вайзера с кулаками, но, размахнувшись, пролетел по кругу и стукнулся о стенку. Когда он сползал на пол, цепкая ручища Вайзера ухватила его за ворот легкого скафандра и вернула в вертикальное положение. Над Родом нависла мясистая физиономия второго помощника. Тот скалился и мстительно сверкал глазами.

— Первое, что ты должен усвоить, салага: никогда не пререкайся со старшим по званию!

После этого нравоучения он одарил Рода увесистым ударом в нижнюю челюсть.

На несколько секунд у Рода закружилась голова. Придя в себя, он на четвереньках пополз к Вексу. Наклонившись, он нащупал кнопку переключателя в основании «черепа» робота и нажал на нее. Робот медленно приподнялся и сел.

— Ч-ж-ж-ж-т-д-до... я-а-а-а... сэ-э-э-де...

— Ничего. Ты был сражен при попытке благородно защитить меня, — с хрипотцой проговорил Род. — Извини, что втянул тебя в драку.

— В-в-вин-на це-е-елико-о-м и по-о-ол...

— Целиком и полностью лежит на Вайзере, — проворчал Род. — Этот подонок делал все возможное, чтобы меня спровоцировать. Помоги мне подняться, ладно?

Робот медленно поднялся на ноги, наклонился. Его жесткая металлическая рука сжала руку Рода, и он помог хозяину встать.

— Интересно, — пробормотал Род, — надолго ли мы отключились?

— Я был в бес-с-соз-з-знательном со-о-о-стоянии не бо-о-олее... трех минут.

Род помотал головой, поморгал и, оглядевшись по сторонам, Вайзера не обнаружил.

— Зачем же он так...

— Он бы про-дол-жал про-во-цировать вас, пока ему... не удалось бы... за-ста-вить вас... напасть на него первым, хозяин. Он желал... показать вам, кто тут главный, добиться авто-ри-тета.

Род поджал губы.

— Что ты хочешь мне сказать? Я что же, вообще не должен был реагировать, что бы он ни творил?

— Не должны были, если бы только он не пошел на вас в атаку с намерением убить. А я никаких повреждений не получил, поскольку предел моей прочности достаточно высок.

В детстве Род слышал рассказы о многом, что довелось пережить Вексу во время строительства замка.

— Понятно. Значит, мне за тебя беспокоиться не следовало.

— Но я очень тронут ваши желанием защитить того, кого вы считаете своим другом, босс. Видимо, мои уроки морали и нравственности не пропали даром. Но прошу вас, помните: это я должен быть верен вам, а не наоборот.

— Я тебя понял, — проворчал Род. — Люди не должны помогать роботам в беде.

— Безусловно, моя верность вам становится несравненно сильнее на фоне проявления вашей симпатии ко мне.

— Но если бы этот гад поколотил меня основательно, ты бы сильно расстроился. Да, да, я все понимаю.

— И еще... Я заметил, босс, что вы, похоже, совершенно забыли о своем опыте в боксировании.

— Вот уж не знаю, каким стилем дерется этот тип, но это явно не бокс. — Род потрогал подбородок и скривился от боли. — Ой... Да, ты вот что... Не зови меня больше боссом. Похоже, это будет плоховато действовать на моих товарищей по команде.

— И как же мне к вам обращаться?

— Может быть, просто «Род»? — предложил Род.

— Если вы так настаиваете, — вздохнул Векс.

— Да, настаиваю. В конце концов, свой первый урок я уже выучил. Вселенная — жуткое местечко. Но все же давай попытаем счастья, ладно? А вдруг я все-таки сумею тут прижиться?

— Один человек — это еще не вселенная, Род.

— Пока у меня сложилось отрицательное впечатление. Надо поскорее познакомиться с моим начальником.

— В соответствии с инструкциями мистера Вайзера тебе следует для начала «бросить в угол манатки», Род.

— Ах да... — Род нахмурился и, подойдя к отведенному ему месту, стал осматривать небольшую закрытую дверцу в переборке. — Как, спрашивается, я могу открыть этот шкафчик? — Он пробежался кончиками пальцев по краям дверцы, нажал в нескольких местах. Наконец левый край немного подался, и Род надавил сильнее. Дверца открылась, за ней обнаружились две створки: одна с небольшими полочками, а вторая — без полок, глубиной в три фута.

Род вытаращил глаза.

— Но уж ты сюда ни за что не поместишься!

— Я бы мог сделать это, если это так необходимо, Род.

— Ну ладно, давай пока обойдемся без этого, хорошо? — Род сунул сумку в шкафчик и закрыл дверцу. — Ты просто постой тут, в уголке, и постарайся превратиться в статую. О'кей?

— Конечно, Род.

Векс шагнул в угол и превратился именно в то, о чем его просил Род: в модернистскую скульптуру, изображавшую человека.

— А с тобой все будет в порядке, если корабль изменит курс?

— Тут пол изготовлен из стального сплава, Род, а у меня в подошвы вмонтированы электромагниты. На этапе первоначального строительства на Максиме они себя очень неплохо зарекомендовали. А если изменение скорости действительно станет значительным, тут есть скобы, за которые можно будет зацепиться.

— Ну что ж, тогда...

— Ступай и доложи начальству, что прибыл, Род.

— Сейчас, сейчас... Надо же разобраться, где он — мой начальник...

Род удалился в сторону кубического помещения машинного отсека. Векс увеличил громкость приема своих микрофонов, чтобы услышать, не понадобится ли Роду помощь.

Род пошел в ту сторону, где брезжил тусклый свет. Ему пришлось лавировать между какими-то громоздкими конструкциями. Он решил, что это какие-то механизмы, обеспечивающие двигатели корабля энергией. А потом до Рода донеслись ругательства, и его задача облегчилась: он пошел на звук.

Кто бы это ни ругался, следовало признаться: этот человек владел поистине удивительной лексикой. Некоторые, особо экзотические термины Род постарался запомнить, чтобы потом, познакомившись с автором поближе, спросить, что они означают. Обогнув кожух какого-то грандиозного аппарата, Род увидел человека в грязном мешковатом комбинезоне, с длинными волосами, скрученными на затылке в колбаску. Человек ожесточенно орудовал гаечным ключом, растянувшись на полу около какого-то агрегата.

Почему бы ему было не дать волю языку? Он явно полагал, что он здесь один. Род сглотнул подступивший к горлу ком, собрался с храбростью и, шагнув вперед, вытянулся по струнке, отсалютовал и гаркнул:

— Новобранец Род д'Арман прибыл для несения службы, сэр!

Его новый босс обернулся, от неожиданности чуть не выронил гаечный ключ, разглядел Рода и заметно успокоился.

— Проклятие, парень! Ты смотри, больше так не делай! Думаешь, что ты тут в гордом одиночестве, а оказывается...

Инженер отложил гаечный ключ, поднялся. Тут его лицо ярче осветил фонарь, и Род ахнул. Волосы, оказывается, были накрыты сеточкой, а лицо инженера, испещренное пятнами смазки и потеками копоти, было овальным и гладким, с нежными чертами.

— Ты и есть новичок, да? — осведомилась инженерша приятным альтом и уставилась на Рода большими зелеными глазами, обрамленными длинными ресницами. Род мгновенно влюбился.

— А-а-а... Да, мэм. Я — ваш новый протирщик. Где тот двигатель, который мне следует протереть?

— Вон там. — Инженер указала в дальний конец отсека, где вздымалось нечто невероятных размеров. — Только протирать его не надо. Если это потребуется, то это будет означать, что плохи наши дела. Просто название твоей должности ведет начало из древних времен. Протирщики двигателей служили на кораблях, бороздивших просторы океанов. — Она повернула голову, пристально посмотрела на Рода. — Про двигатели, как я понимаю, ты ничего не знаешь, да?

— А? Нет, мэм, но очень, очень хочу узнать!

Инженер простонала:

— О Боже! Мне только не хватало ученика, который жаждет учиться! Почему не могли прислать кого-нибудь, кто знает, что делает? — Она сердито подняла руку, предупреждая возможные возражения со стороны Рода. — Все я понимаю...

Те, кто знает свое дело, служат на кораблях получше этой старой калоши. Ладно, салага. Меня звать Грейси Мальдун.

— А меня — Род д'Арман, мэм... то есть сэр!

— Вот так-то лучше, — кивнула Мальдун. — И смотри, не забывай про это, салага.

— Не забуду, сэр. Могу я вам помочь?

— Это мы посмотрим, — буркнула Мальдун и указала на большое колесо, над которым она трудилась, наполовину накрытое кожухом. Колесо было снабжено множеством лопаток, неприятно напоминавших лезвия острых ножей. — Это запасная турбина. Тут на последнем винте резьба полетела — большое спасибо одному левому механику: перестарался, перетянул болт. Это до того было, как я нанялась на этот корабль. Я никому не позволяю к двигателям прикасаться без моего разрешения и всегда сама за всем приглядываю.

Род обратил внимание на хозяйские нотки, хотя усомнился в том, что Грейси — владелица звездолета. Еще он обратил внимание на то, что выражается инженер грамотно, почти не прибегая к сленгу. Кроме того, он заметил, какие у нее красивые брови — и при этом, похоже, не выщипаны... Род мысленно одернул себя и сосредоточился на роторе.

— А почему этот болт — последний?

— Потому что когда я обнаружила, что его заклинило, я первым делом выкрутила все остальные.

— О, — только и смог произнести Род и густо покраснел. — И теперь, когда вы пробуете открутить гайку, все колесо вертится?

Мальдун, не спуская с него глаз, кивнула.

— Ну, «вертится» — это сильно сказано: оно довольно-таки массивно. Но и на месте не стоит. — Она протянула Роду гаечный ключ. — Попробуй.

Род взял ключ и попробовал повернуть гайку. Колесо дрогнуло, но гайка не поддалась.

— А нельзя ли придержать колесо?

— Теперь можно, — буркнула Мальдун и опустилась рядом с Родом на колени.

У него тут же закружилась голова от ароматов, которые от нее исходили: запаха машинного масла и пота.

— Дай мне гаечный ключ, — распорядилась Мальдун. — А сам возьми разводной. Нет, не этот. Большой.

Род поднял с пола четырехфутовый разводной ключ.

— Так. Вот это — рычаг тормозной колодки, — сказала Мальдун и нажала на штырь, торчавший справа. — Смотри на ось.

Род увидел, как повернулся огромный двойной копир. Края патрона оси выдвинулись вперед.

— А теперь посмотри, что происходит, когда я стопорю ротор.

Послышался громкий щелчок. Кулачковый механизм копира развернулся на девяносто градусов, и внутренняя втулка патрона оси сжалась.

— Вот еще один подарочек от той грязной обезьяны, которой вообще не стоило слезать с дерева, — проворчала Мальдун. — Именно из-за этого я так ругалась.

Род понимающе кивнул, сдвинул брови и уставился на здоровенную гайку в самом центре копира.

— Я должен ее зажать разводным ключом?

— Да. После того, как я снова включу тормозную колодку.

Мальдун отжала рычаг и снова нажала на него. Род подождал, пока кулачковый механизм не перестал вращаться, захватил гайку разводным ключом и крепко сжал.

— А для чего эта гайка? — процедил он сквозь зубы.

— Благодаря ей патрон выходит наружу, — объяснила Мальдун. — Ты должен нажимать по часовой стрелке.

Она сжала ключом болт и попыталась повернуть его. Гайка со стоном задвигалась. Род надавил на рукоятки разводного ключа всем весом тела, но в итоге с трудом удержался на ногах и вынужден был одной рукой ухватиться за кожух ротора.

— Молодец, — буркнула Мальдун и более ловко начала орудовать гаечным ключом. Несколько движений — и гайка с громким звоном упала на пол. — Есть контакт! — радостно воскликнула она. — Теперь можешь расслабиться, салага!

Род оторвал руку от кожуха и осторожно положил на пол разводной ключ. Только теперь он, к собственному изумлению, обнаружил, что взмок от пота.

— Отличная работа, — отметила Мальдун, выпрямилась и обвела турбину довольным взглядом. — Теперь отойди подальше. Лопатки очень острые.

С этими словами она осторожно сняла колесо турбины с оси.

Род поспешно отступил назад. Он с нескрываемым удивлением следил за тем, как женщина такой хрупкой комплекции, ниже него ростом держит тяжеленный ротор.

Мальдун оттащила ротор к верстаку, закрепила его на оси.

— Нужно заменить только одну лопатку, — сообщила она. — Эй, салага, ты ножовкой работать умеешь?

— А... да, сэр.

— Вот и отлично. Приступай. — Мальдун кивком указала на переборку, возле которой стоял огромный стеллаж с инструментами. — Сделай все, как надо, да побыстрее.

— Есть, сэр, — послушно отозвался Род и принялся за дело.

С работой он покончил быстрее Мальдун, но опередил ее ненамного. Она сняла маску, отключила сварочный аппарат и сказала:

— Ладно. Теперь поглядим, сумеешь ли ты все поставить на место.

Род сглотнул подступивший к горлу ком, подошел к верстаку, снял с него ротор.

— Есть, сэр, — с натугой проговорил Род.

Мальдун прислонилась к верстаку, сложила руки на груди и стала наблюдать за работой Рода. Время от времени она издавала нечленораздельные одобрительные звуки. Как только

Род покончил с установкой ротора, он обернулся к инженеру и сказал:

— Готово. Можете проверить, сэр, перед тем как я его окончательно закреплю.

— Славно. Вот не думала, что ты сам догадаешься. — Мальдун подошла, внимательно осмотрела все крепежные детали и медленно кивнула. — Отличная работа. Честно говоря, ты меня удивляешь. Ты вроде бы говорил, что ничего не понимаешь в двигателях.

— Не понимаю. Но азы механики изучал.

— Это зачем же, богатенький мальчик?

Род вздохнул.

— Ну... Все думали, что я, когда вырасту, займусь семейным бизнесом, вот мой отец и настоял на том, чтобы я научился всему, что потребуется при работе на фабрике по выпуску роботов.

Мальдун сдвинула брови.

— А я думала, что у технократов все делают роботы — от подметания полов до сборки микросхем.

Род пожал плечами.

— На самом деле все так и есть. Всю работу делают роботы. Но люди должны следить за тем, чтобы они делали ее правильно.

Мальдун медленно кивнула.

— Славно. У твоего старика, видно, есть голова на плечах.

Род ощутил прилив совершенно нелогичной радости и гордости за отца. Впервые в жизни он порадовался тому, что в свое время отец заставил его освоить занудные основы техники.

Тут же ему пришла в голову другая мысль: уж не думал ли отец о том, что из-за этой скукотищи у Рода появится еще одна причина, по которой ему жутко захочется сбежать с Максимы?

Нет, так думать вряд ли стоило. Отец всего-навсего хотел вырастить Рода ответственным гражданином, достойным представителем рода д'Арманов.

Наверняка.

Завинчивая последние болты на кожухе, Род поинтересовался:

— А для чего эта турбина?

Мальдун усмехнулась.

— Она включается, если ломается главная турбина.

— Прошу прощения. Спрошу так: для чего главная турбина?

— Она вращает генератор.

— О. — Род сдвинул брови. — Но разве не было бы лучше, эффективнее, если бы конвертер работал напрямую от реактора?

— Совсем неплохо, — похвалила его Мальдун. — Но ты же у нас ничегошеньки не знаешь про двигатели?

— Не знаю. Но ведь это же электроника!

— Верно. Маленькая разница имеет место, — согласилась Мальдун. — Ты прав. Пожалуй, так было бы эффективнее. Именно так мы и делаем, когда переходим на сверхсветовую скорость. Но это приводит к дополнительной нагрузке на реактор, и поэтому большую часть времени мы летим с субсветовой скоростью. Звездолет наш совершает местные рейсы — между Сатурном и Марсом. И когда мы летаем с субсветовой скоростью, в качестве реакционной массы мы используем воду. Так или иначе, мы нагреваем воду до состояния пара, и этот пар выбрасывается. Поэтому попутно он может вращать турбину. От нее мы получаем электричество, и стоимость турбины оправдывается за десять лет.

— Понятно, — кивнул Род. — Выходит, что наилучший способ — не всегда наилучший?

— Скажем так: он не всегда оптимальный, — с улыбкой ответила Мальдун. — Пойдем. Проведу с тобой маленькую экскурсию.

Она отвернулась, поманила Рода и поплыла по отсеку, словно русалка. А Род был готов следовать за ней хоть на край света.

Мальдун указала на массивную дверь в стене из тусклого металла.

— Свинцовая, — сообщила она. — В метр толщиной. За этой стеной — реактор.

Род спросил:

— А почему изоляция свинцовая? Ведь изоляция, называемая «плазменной бутылкой», намного надежнее любого металла.

Мальдун удивленно взглянула на него и кивнула.

— Да, но если «бутылка» отказывает, может произойти короткий, но сильный выброс жесткого излучения.

Род чуть насмешливо фыркнул.

— Я-то понимаю, — махнула рукой Мальдун. — Ты попробуй втолкуй это остальным членам экипажа. Да и мне самой тоже, — вздохнула она. — Так уж устроен человеческий мозг: в лобных долях живет вера в науку, а в промежуточном мозгу гнездятся предрассудки. — Она прижала ладонь к животу. — Я все еще надеюсь иметь детей.

Род вдруг сам осознал свою уязвимость. Перед радиацией все наги, все бессильны. Почти прозрачны.

— Думаю, ты уже сам догадался, где стоит главная турбина и генератор, — проговорила Мальдун и указала на большой красный ящик для инструментов, стоящий на полу. — Тут у нас аварийный набор. Небольшой огнетушитель... Счетчик Гейгера (она недовольно скривилась)... основные ручные инструменты, аптечка первой помощи, набор заплаток. Тут есть и стальные — к ним прилагается небольшой сварочный аппарат, а есть такие, которые можно установить на скорую руку, если появится дырка в переборке или обшивке. Вроде пластырей. Наборы таких заплаток имеются рядом с каждым люком и возле самой длинной стенки в каждом из помещений на корабле. — Она глянула на Рода. — Ты чего улыбаешься?

— Максима, — объяснил Род, — всего-навсего астероид, сэр. Мы там привыкли к заплаткам.

— Отлично. Но наш звездолет оборудован неплохим отражательным полем, а офицер-сигнальщик — его зовут Вайзер, он второй по...

— Я с ним уже познакомился, — проворчал Род.

Мальдун искоса глянула на него и продолжала:

— В общем, мы с ним постоянно следим за тем, чтобы генератор отражательного поля работал как надо. К тому же у корабля двойная обшивка, а между ее слоями проложен пенный наполнитель, способный в случае необходимости расширяться. Но тут как-никак — пояс астероидов, и порой летают весьма острые камешки. Так что за каждый полет мы по паре пробоин получаем, как ни крути.

Род усмехнулся.

— Вам никогда не доводилось видеть вблизи максиманские тягачи, сэр?

Мальдун покачала головой.

— Как правило, я не торчу возле иллюминатора, когда мы выходим на вашу орбиту.

— Они все в заплатках. Заплатки разноцветные и самой невообразимой формы.

Мальдун нахмурилась.

— А разноцветные-то они зачем?

Род пожал плечами.

— Почему бы и нет? Если уж приходится латать обшивку, так почему же не превратить заплаты в украшение?

Мальдун едва заметно улыбнулась.

— Ну, если так рассуждать, то, пожалуй, в этом есть смысл. Продолжим экскурсию.

Она подлетела к тому углу, который был отведен Роду под жилье, и хлопнула ладонью по стенке, испещренной прямоугольниками.

— Вот здесь — аккумуляторы, а здесь... это еще что за?..

Она застыла в неподвижности и вытаращила глаза.

— О, это... Это Векс, — смущенно ответил Род. — Мой робот.

— У тебя есть собственный *робот*?

— Ну... да. Без него я бы пропал. — У Рода вдруг пересохло во рту. — Наследство, понимаете?

— Не понимаю, — отозвалась Мальдун, не спуская глаз с робота.

Род сглотнул подступивший к горлу комок.

— Простите, сэр. Я должен был вас предупредить.

— Да, уж это точно, — проговорила Мальдун и покачала головой. — Еще тот сюрпризик. Ладно, постараюсь к нему привыкнуть.

Род чуть на пол не рухнул — такое он испытал облегчение.

— Спасибо. То есть... огромное спасибо, сэр. Векс, пойди сюда и поздоровайся с моим новым боссом.

«Скульптура» зашевелилась, повернула голову и грациозно подплыла к Роду и Мальдун.

— Здравствуйте, мадам. Я — древний фамильный робот.

Он протянул Мальдун руку.

Мальдун с готовностью пожала ее и внимательно рассмотрела ее строение.

— Приятно познакомиться, — сказала она. — Соленоиды, верно?

— В кистях рук — да, соленоиды. Чтобы лучше откликаться на давление извне. Но в большинстве других суставов у меня установлены микродвигатели.

Мальдун кивнула.

— Неплохой дизайн. Между прочим, тебе тоже придется выполнять мои приказы.

Векс растерялся, а Род поспешно проговорил:

— Будешь делать все, как она скажет, Векс. За исключением случаев, диктуемых ограничениями в твоей программе, естественно.

— О, не бойся! — воскликнула Мальдун. — Я не буду ему приказывать, чтобы он кого-нибудь убил.

— Конечно, Род, — отозвался Векс и поклонился Мальдун. — Мне будет приятно служить вам, мэм-сахиб.

Мальдун покраснела от удовольствия, но спросила у Рода:

— Он что, всегда так разговаривает? Ну, в смысле — с такими почтительными обращениями?

— Боюсь, что так, — со вздохом ответил Род. — Это в некотором роде тоже тяжелое наследие прошлого. В обращении со мной я его от этого отучил, но забыл дать команду, чтобы он воздерживался от таких словечек в разговорах с другими людьми.

— И не надо, — улыбнулась Мальдун. — Мне даже нравится.

Она отвернулась и направилась в сторону мастерской. Род последовал за ней и осторожно заметил:

— А вы, похоже, кое-что знаете о роботах, сэр.

Мальдун пожала плечами.

— Машина есть машина. Если она двигается, если у нее есть винтики, я смогу с ней договориться.

— Да... Я как раз об этом подумал. Все-таки робот только отчасти устроен механически. Большая его часть — компьютер.

— Тебе интересно, смогу ли я написать программу? — снисходительно усмехнулась Мальдун. — К твоему сведению, салага, современный инженер обязан знать все системы досконально. И подсистемы тоже. Чтобы стать специалистом в своей области, надо быть универсалом.

Род замер и уставился в одну точку.

— Это вы хорошо сказали, сэр.

Мальдун отозвалась:

— Так говорил профессор в колледже, на первом курсе. Я старалась никогда об этом не забывать.

Род посмотрел на нее.

— Значит, инженерному делу вы там научились?

Мальдун фыркнула.

— Идеям и фактам? Или тому, как обращаться с гаечным ключом и клавиатурой компьютера?

— И тому, и другому.

— В колледже я училась по книжкам, салага. А работать научилась здесь.

— У вас — степень бакалавра?

— Да.

— Но если вы — специалист такой высокой квалификации, что же вы делаете на борту этого маленького грузового корабля?

— Не надо унижать «Мюрей Рейн», — буркнула Мальдун. — Это отличный звездолет! К тому же — всем приходится с чего-то начинать. Пять лет назад я была на твоем месте. А теперь я — начальник.

«Вот только подчиненных у нее не было, покуда я не нанялся на работу», — подумал Род.

— Но вы могли бы перейти на более солидный звездолет, — сказал он вслух.

Взгляд Мальдун стал каким-то странным.

— Мне и здесь хорошо.

Род посмотрел ей в глаза, отвел взгляд и промолчал. Впервые в жизни он почувствовал, что это такое: быть взрослым, но при этом чувствовать себя неуверенно.

Послышался мелодичный звон. Мальдун кивнула и сообщила:

— Пора перекусить. Извини, я сейчас.

Она нырнула за перегородку и закрыла за собой дверь.

Роду ужасно хотелось поговорить с Вексом. Если бы сейчас робот был рядом с ним, Род бы мог быстренько обсудить с ним все события этого дня. Но что было делать? Не звать же Векса к себе криком. Помимо всего прочего, Род уже двадцать часов глаз не сомкнул, и это начало сказываться.

Дверь открылась, и из-за переборки вышла Мальдун в офицерской форме с теми же знаками отличия, что у Вайзера. Род чуть не ахнул. Форменная куртка была скроена более или

менее свободно, но все же не настолько, чтобы... И брюки — тоже... И еще Грейс сняла сеточку с волос, и теперь они облаком обрамляли ее умытое лицо.

Заметив его удивление, Мальдун улыбнулась.

— Спасибо, — сказала она. — Только не думай, что я всегда так выгляжу. Форму мы здесь надеваем, только когда ходим в столовую.

Род оглядел себя, уставился на перемазанные руки.

— Не переживай. Для тебя — исключение, покуда тебе не выдадут форму. Помыться сможешь по пути в столовую. — Мальдун надела фуражку, закрепила ремешок под подбородком. — Пойдем, познакомишься со своими товарищами.

Почему-то Роду сразу не понравилось слово «товарищи».

— А разве тут никто не должен остаться? На вахте, в смысле?

— Тут за всем приглядывает компьютер, приятель. Да ты бы и не сообразил, за чем приглядывать.

Она развернулась. Роду не оставалось ничего другого, как последовать за ней. Грейс и тогда, когда на ней был грязный мешковатый комбинезон, притягивала его к себе, словно магнит. А уж теперь, в форме — тем более.

Когда они пролетали мимо Векса, робот пробормотал:

— Не забывай, Род: новичков остальные должны видеть, но не слышать.

— О, не волнуйся, — ворчливо заверил его Род. — Тебе не будет стыдно за меня.

И все же он дал себе мысленный приказ помалкивать.

Только он и помалкивал в столовой. Остальные тараторили без умолку. Время от времени Рода подмывало вставить словечко-другое, но всякий раз, стоило ему только открыть рот, как он ловил на себе взгляд Вайзера и тут же лишался дара речи.

Все собрались около стола. Род уже собрался было сесть, но высокий мужчина с капитанскими нашивками кашлянул, и

Род заметил, что все остальные стоят. Род выпрямился, встал почти по стойке «смирно» и с опозданием догадался отдать капитану честь. Капитан отсалютовал в ответ и обвел взглядом команду.

— Надеюсь, вы все постараетесь оказать гостеприимство новому члену нашего экипажа, — сказал он, и Роду тут же стало не по себе.

— О да, капитан! Я уже провела с ним полную ознакомительную экскурсию по машинному отсеку и удостоверилась в его рабочих навыках, — доложила Мальдун, стоя прямо, расправив плечи, сверкая глазами (пожалуй, немного лихорадочно) и улыбаясь. Неизвестно, почему она вдруг стала чуть-чуть нерешительной и даже смущенной.

— Хорошо, хорошо. Теперь нужно, чтобы он познакомился со всеми остальными. Я — капитан Донохью. — Он был высоким, широкоплечим, поджарым, с красивыми чертами лица и явно отличался хорошим воспитанием. — Джентльмен справа от меня — первый помощник, Джонас Велк.

Первый помощник улыбнулся и откозырял Роду в ответ.

— Думаю, вы уже знакомы с мистером Вайзером, моим вторым помощником.

Род снова отдал честь. Вайзер, прищурившись, ответил ему тем же.

— Да. Альби, вы, видимо, хотите попросить у меня разрешения уйти, — пробормотал Донохью, искоса взглянул на Вайзера и провел пальцем по щеке.

Вайзер помрачнел и негромко проговорил:

— Прошу прощения, капитан.

— Конечно.

Вайзер удалился.

Род гадал, что это может означать, но Донохью как ни в чем не бывало продолжал:

— А это — третий помощник, Ной Маккрэкен.

Род отсалютовал.

— Приятно познакомиться, сэр.

Маккрэкен откозырял в ответ. Этот человек был ярким примером того, что способна натворить невесомость с фигурой. Туловище Маккрэкена по форме представляло собой идеальный, без каких-либо дефектов, шар, на котором покоился шар поменьше — голова. Род задумался о том, доводилось ли третьему помощнику капитана сходить с корабля на каком-либо небесном теле крупнее Луны.

Вернулся Вайзер — мрачный, но чисто выбритый. Род вытаращил глаза, но тут же вспомнил о хороших манерах и отвернулся — как раз перед тем, как Вайзер одарил его убийственным взором.

— Господа и дама, — сообщил капитан. — А это — астронавт Родни д'Арман.

При звуке полного имени Рода глазки Вайзера вспыхнули мстительным огнем. Но молодому человеку до этого не было никакого дела. Услышать свое звание из уст капитана — одного этого было достаточно для того, чтобы сердце у Рода радостно запело! Он — астронавт!

— Однако поскольку вы — самый младший по званию из членов экипажа, — продолжал капитан, — вам придется прислуживать нам за столом. Всех остальных прошу садиться.

Род хотел было что-то сказать насчет своих должностных обязанностей, но тут же вспомнил о том, каково расстояние до ближайшего космопорта. Кроме того, он снова встретился взглядом с Вайзером. Мальдун подошла к столу. Род шагнул вперед, чтобы подвинуть ей стул, но его опередил Маккрэкен. На самом деле подвигать стул не пришлось. Это была чистая формальность, поскольку все стулья были надежно привинчены к полу. Остальные члены экипажа подплыли к столу, уселись и закрепились ремнями, а Донохью распорядился:

— Займите место около автоповара, мистер д'Арман.

Род огляделся по сторонам, нашел взглядом пищевой синтезатор и поспешно направился к нему. Он проникся уважением к Донохью. Всякий человек, которому удавалось добиться того, чтобы его подчиненные являлись в столовую одетыми по

форме, был достоин уважения. Мало этого: Донохью еще и старался держаться в рамках этикета и явно отличался умом и сообразительностью — главными качествами, необходимыми для поддержания дисциплины на борту.

Похоже, все эти качества характера капитана производили очень хорошее впечатление на Мальдун.

— Начнем с бульона. Клавиши I и C, пожалуйста. И с простого салата. Клавиши B и V. Приправы?

— Французскую, — сказал Велк.

— Русскую, — сказал Вайзер.

— Комбинированную, — сказал Маккрэкен.

— Никакой, — сказала Мальдун.

— Ну а я съем рокфора. А теперь посмотрим сегодняшнее меню.

Капитан взял со стола меню с таким видом, будто не помнил его наизусть. Все остальные последовали его примеру — кроме Маккрэкена. Но Донохью недвусмысленно взглянул на третьего помощника, и тот со вздохом взял в руки распечатку.

Автоповар издал мелодичный звон. Дверца открылась. Род вытащил из шкафчика чашки с носиками и расставил их на столе перед остальными членами экипажа.

— Благодарю вас, мистер д'Арман. Прошу садиться. — Род направился к своему стулу, но, почувствовав на себе взгляд капитана, остановился. — Вероятно, — сказал Донохью, — вы также не откажетесь от чашки бульона.

— Да, сэр! — Род бросился к автоповару, взял для себя чашку, отнес на стол и сел.

Донохью взял свою чашку, отпил немного бульона из носика и сказал:

— Пожалуй, мы неплохо поработали на Максиме.

— Да, сэр, — согласился Велк. — Получили неплохую прибыль за терранский текстиль.

— И за вина, — улыбнулся Маккрэкен. — Я все время удивляюсь: и как это люди готовы выкладывать такие деньжи-

щи за перебродивший виноградный сок, когда любой хороший автоповар может его преспокойно синтезировать.

— Все дело в моде, — проворчал Вайзер.

— И в связи с прародиной, — добавил Донохью, поднял свою чашку и мечтательно уставился в пространство. — Помню, как-то раз, когда я еще был курсантом. Летели мы на Марс, и я...

Велк тактично кашлянул в кулак.

— И вы стояли на вахте, сэр.

Донохью удивленно взглянул на Велка, но тут же чуть смущенно улыбнулся.

— Ах да, я вам уже рассказывал эту историю, и не раз, верно? Благодарю вас, мистер Велк.

Мальдун свирепо эыркнула на Велка. Тот постарался не встречаться с ней взглядом.

Капитан отставил свою чашку, которая почти опустела. Все остальные последовали его примеру. Род поспешно встал, обошел вокруг стола, собрал чашки, вернулся к автоповару и занялся подачей салатов, стараясь не забыть, кто с какой приправой пожелал есть это блюдо. Только с Мальдун у него и не возникло никаких хлопот.

Тарелки с салатом были накрыты прозрачной пленкой. Донохью проколол вилкой пленку, подцепил кусочек помидора и, ловко вынув его, проговорил:

— Думаю, и на Церере у нас дела пойдут неплохо. Вот только запчасти с Максимы там предлагать не стоит.

— Верно, сэр, — подтвердил Велк. — Это все равно что уголь в Ньюкасл везти.

— Именно так. Зато на Ганимеде за эти игрушки народ будет готов выложить бешеные деньги. А на Церере вполне можно поторговать второсортным текстилем. — Он вдруг нахмурился. — А мехов у нас совсем не осталось?

— Осталось, сэр. Правда, всего два контейнера, — ответил Велк. — На Максиме спрос оказался чуть меньше, чем мы рассчитывали.

— М-м-м... — Донохью подцепил вилкой кусочек огурца. — На Церере нам меха вряд ли удастся продать.

Род с трудом верил собственным ушам. Всю его жизнь для него слово «Церера» ассоциировалось с роскошью и декандентством — и вот теперь эти люди говорили о том, что на этом огромном астероиде не нашлось бы никого, кто бы мог себе позволить то, что позволяли себе максиманцы!

И эти люди не могли ошибаться. Торговлей они зарабатывали себе на жизнь — и они были еще живы!

После того как Род убрал со стола тарелки из-под салатов, Донохью сообщил:

— Пожалуй, сегодня я отведаю рагу. Клавиши J и O. И выпил бы бургундского. Клавиши A и A.

Род нажал на соответствующие клавиши и подождал заказов от остальных. Как только все высказали свои пожелания, Род нажал на нужные кнопки и практически тут же принялся расставлять тарелки. На мгновение у него возникло искушение сказать капитану о том, что у него есть робот, который не хуже него справился бы с этими обязанностями, но тут Род снова поймал на себе взгляд Вайзера и промолчал.

Наконец Род смог заказать еду и для себя, взял тарелку и сел к столу. Приступив к еде, он вынужден был себе признаться в том, что уже не так голоден — салат и бульон сделали свое дело.

— Меня немного волнует политическая ситуация на Ганимеде, — заметил Велк.

Донохью улыбнулся.

— Мы прекрасно знаем о том, что там давно уже в помине нет никакой демократии, первый помощник.

— Да, но этот новый президент, которого тамошний Совет только что, если можно так выразиться, «избрал»...

Вайзер пожал плечами.

— Диктатор — он диктатор и есть. Торговле-то это как может помешать?

— Да никак, — решительно заявил Маккрэкен. — Помнится, случай был... Прилетели мы, стало быть, на Тритон. Я в ту пору молодой был, стройный, можно сказать. Весил не более двух сотен фунтов...

Остальные болезненно скривились, но Донохью склонился к столу и был явно готов слушать рассказ Маккрэкена.

— Там тогда только-только избрали нового дожа, и тот принялся разглагольствовать насчет «терранской угрозы» и прославлять родную цивилизацию. Ну а мы туда навезли «родных» парижских вещиц, шампанского, икры белужьей, кливлендских чизбургеров, и его агенты скупили у нас две трети груза. А потом местное население на нас как набросилось... Чуть не передрались друг с дружкой. И представьте, тамошний дож все это время вопил, как это опасно — даже помыслить про то, что где-то кто-то может произвести что-нибудь похлеще местного, тритонского! — Маккрэкен обвел взглядом товарищей по экипажу, увидел, что они сосредоточенно едят, и невесело усмехнулся.

— Я вам уже про это рассказывал, да?

— Как бы то ни было, история замечательная, — поспешно отозвался Донохью. — И главное — она очень важна, в свете нынешнего положения дел. Мистер д'Арман, будьте так добры, подавайте десерт.

Род собрал тарелки, искоса поглядывая на второго помощника. Он был удивлен: Вайзер явно не наелся.

И еще он заметил, какие взгляды Вайзер бросает на Мальдун.

Гнев и тревога вспыхнули в сердце Рода при мысли о том, что эта свинья в человеческом обличье смеет даже смотреть на это волшебное создание. Однако к возмущению тут же примешалось сочувствие: Род понял, как должен себя чувствовать Вайзер, глядя на то, как меняется лицо у Мальдун, когда та смотрит на капитана.

Из-за этих мыслей Род жутко смутился. Он загрузил тарелки и вилки в рециклировочное устройство и отправился к

автоповару, чтобы заказать десерт. «Давай, салага, — отдал он себе мысленный приказ, — трудись. Твое дело — прислуживать за столом».

— Я должен нажать снизу, да?

— Если сверху — наружная сторона, и если открывается по принципу фрамуги, тогда — да.

— О'кей, попробуем. — Род надавил обеими руками на нижний край большого прямоугольника на стенке. Койка опустилась мягко, гладко. Посередине лежали сложенные простыни и одеяла. Матрас был набит так, что один его край представлял собой подушку. — Гм! — довольно крякнул Род. — Приступаем к самообслуживанию. — Он взял с койки простыню.

— Прошу прощения, — пробормотал Векс, взял у Рода простыню и встряхнул ее.

— Векс, не надо!!! Если меня за таким застанут мои товарищи по команде, надо мной будут смеяться без конца!

Векс замер с поднятыми руками.

— Если учесть тонкости отношения к тебе мистера Вайзера...

— Вот именно. — Род отобрал у робота простыню, отдал ему остальные постельные принадлежности и принялся заправлять койку и приговаривать. — Даже не верится... Мальдун! Такая красавица, а сама этого, похоже, не понимает!

Векс оглянулся в ту сторону, где стояли двигатели.

— О, я не боюсь, что она услышит! У нее — каюта, и дверь закрыта.

— Верно. И она действительно красива, — признал Векс. — Просто она не знакома с теми тонкостями, которые подобает знать настоящей леди.

— Знаешь, рядом с настоящими леди мне всегда бывало не по себе, — сказал Род и замер, прижав к груди одеяло. — Векс, я когда ее сегодня увидел, меня словно током ударило.

— Я заметил, Род.

— А когда это ощущение прошло, у меня еще долго кружилась голова, и я мог думать только об одном: «Так вот что это такое — влюбиться!»

— Да, — пробормотал робот. — Да.

— Что, было заметно?

— Только если знаешь, что нужно замечать.

— Она-то небось знает. — Род скорбно поджал губы. — Наверняка знает.

— Даме всегда приятно внимание, Род.

— Да, пожалуй, — кивнул Род, сделал шаг назад и довольно подбоченился. — Вот! Я могу сам заправлять свою койку!

— У тебя неплохо получилось, Род, — похвалил его Векс, но промолчал насчет «больничных» уголков и морщинок на простыне.

Род вытащил из шкафчика сумку, вынул оттуда пижаму и оглянулся.

— Если бы я был уверен в том, что дверь не откроется...

Векс увеличил диапазон приема своих микрофонов и сообщил:

— Она дышит ровно и глубоко, Род.

— Спит, — кивнул Род и проворно разделся. — Все равно надо бы поскорее. — Почему, черт подери, тут хотя бы ширму не поставили?

— Вероятно, потому, Род, что разработчики интерьеров корабля полагали, что все члены экипажа будут принадлежать к одному и тому же полу.

— Ясно. — Род поспешно натянул пижаму, улегся на койку и укрылся одеялом. — На самом деле я был бы совсем не против того, чтобы она смутила меня, появившись в неглиже...

— А я бы сказал, что это преждевременно на данной стадии ваших отношений.

— Верю тебе на слово. Приходится верить — сам-то я понятия не имею, как себя вести.

— Да. Прежде у тебя никогда не возникало таких сильных чувств к другому человеку, правда?

— Но... Но почему? — прошептал Род. — Ведь меня всю жизнь окружали знатные благовоспитанные дамы, со всеми своими тонкостями, и все такое прочее... Почему?!

— Вероятно, потому, что Мальдун отличается незаурядным умом.

— Ну... может быть. Но на Максиме мне ни разу не встречалась женщина с таким привлекательным лицом. Ну, разве только Лукреция, но она такая жуткая неврастеничка, что я просто диву давался: как это она на части не разваливается.

— Должен сказать, что меня очень радует твоя прозорливость, Род. Многие мужчины не заметили бы красоты Мальдун, если бы только она не прибегла к помощи косметики, дабы ее основательно подчеркнуть.

Род широко открыл глаза и уставился в темноту. Он лежал неподвижно и думал, думал.

Через некоторое время Векс негромко проговорил:

— Спокойной ночи, Род.

— А? О. Спокойной ночи, Векс.

Корабль тряхнуло. Род спросил:

— Теперь мне можно встать?

— Еще нет, — крикнула в ответ Мальдун.

— А разве мне не полагается акселерационное кресло?

— Твоя койка и есть акселерационное кресло. И моя тоже. На грузовых кораблях почти у всего оборудования — двойная функция.

Так вот почему она не выходила из каюты.

— Посадка завершена, — донесся из динамиков интеркома голос Донохью. — Всем — увольнительная на двадцать четыре часа! Повеселитесь на славу в Церера-Сити, друзья мои!

Послышалось дружное «ура», а потом капитан отключил микрофон.

Род отстегнул ремни и проворно сел — еще до того, как ремни убрались в прорези в стенке. Затем он спрыгнул на пол, убрал койку на место, быстро оделся и направился в сторону коридора. Но вдруг он остановился, заметив, что не слышит позади шагов Мальдун. Обернувшись, Род увидел, что она стоит около линии приборных шкал с портативным компьютером в руках.

— Вы не пойдете?

— Это же не обязательно.

— Но почему? — Род нахмурился и вернулся к инженеру. — Не можете же вы...

И тут Мальдун расплакалась.

Род остолбенел.

— Уходи!!! — рявкнула Мальдун. — Дай мне спокойно позаботиться о моих двигателях! Уходи, кому сказано!

И Род ушел.

— Но почему она хотела остаться одна? — тихо проговорил Род.

— В человеческих отношениях существуют нюансы, которые невозможно определить без знания всего комплекса взаимосвязей, — вполголоса отозвался Векс.

— Это означает, что гадать не стоит — слишком мало мы знаем.

— Безукоризненно верная интерпретация. И если ты мне позволишь небольшой комментарий, Род...

— То это не мое собачье дело, — закончил за робота Род, улегся и стал ждать, когда закончатся перегрузки. — Но, Векс, я *люблю* ее.

— Это не дает тебе права вмешиваться в ее личные дела.

— Да, согласен, — вздохнул Род.

— Но, Род, эта проблема не дает тебе покоя уже целых двадцать шесть часов. Уверен, ты даже не обратил внимания на достопримечательности Церера-Сити.

Род пожал плечами.

— Цереру я и раньше видел. А Мальдун — нет.

Перегрузки закончились, из интеркома прозвучал голос капитана:

— Взлет завершен. Взят курс на Ганимед. Всем занять свои посты.

Род сел, потом встал и развернулся, чтобы убрать койку в стену.

— Что ж, будем надеяться, что она...

Неожиданно раздался жуткий вой сирены. Род замер, узнав сигнал «разгерметизация». Корабль терял атмосферу! Он получил пробоину!

Если Векс в эти мгновения что-то и говорил, то он разговаривал, можно сказать, с воздухом. Сработали рефлексы уроженца Максимы, и Род опрометью бросился к ящику с аварийным набором инструментов.

Не без труда он оторвал ящик от пола, поскольку его дно было намагничено, и взглянул на экран в переборке. Там светилась схема корабля в разрезе. В области переднего отсека мигала красная точка. Род развернулся к выходу и помчался на полной скорости. Он услышал, как его окликнула Мальдун, но сейчас даже это показалось ему не таким уж важным.

Род пулей пронесся по коридору, рикошетом отлетел от стенки на повороте и свернул к входному люку. Где-то позади кто-то завопил:

— Убирайся с дороги, салага!

Но и это не остановило Рода. Он открыл крышку люка и, проскользнув в передний отсек, помчался вперед, на лету зажигая светильники.

Ощущение у Рода было такое, будто у него раздувается лицо. Он увидел пробоину — уродливую дырку с рваными краями диаметром не меньше сантиметра. Род бросился к пробоине, рывком открыл ящик с инструментами, быстро вынул временную заплатку и толкнул ящик к переборке. Ящик послушно, хоть и с грохотом, примагнитился к стенке. Род ухва-

тился за него, подтянулся к пробоине, уселся на корточки и закрыл пробоину заплаткой. Упершись в ящик ногами, он пригладил края заплаты, затем оттолкнулся от ящика, открыл его крышку, достал и натянул толстую металлизированную перчатку, вынул стальную заплату и сварочный аппарат. Но тут позади послышались шаги и голос Вайзера:

— Ты что тут, черт бы тебя подрал, делаешь? Пошел вон, маменькин сынок, покуда я тебя наружу не выкинул через эту дыру!

Род стиснул зубы и не стал слушать Вайзера. Он подсоединил положительный контакт к стенке и наложил стальную заплату поверх временной. Затем он расплющил ее середину с помощью противоположного, выполненного в виде молотка, края сварочного аппарата, затем развернул аппарат, нацелил его на край заплаты и нажал на кнопку. Посыпались яркие искры, и край заплаты, изготовленный из плавкого металла, послушно начал плавиться.

Род закончил работу, сел на пол и облегченно вздохнул. Вот теперь можно было дать волю дрожи.

И посмотреть на Вайзера.

Род поднялся и выпрямился. Он знал, что не выполнил приказ старшего по званию.

Однако второй помощник внимательно осмотрел заплату и медленно кивнул.

Роду стало нехорошо. Слабость навалилась, он чувствовал, что того и гляди рухнет без сил.

— Прошу прощения, сэр. Я...

— Сделал то, что должен был сделать, — еще раз кивнул Вайзер. — И кстати, сварка недурна. Это мне надо тебе сказать «Прошу прощения». Я же не видел, что ты уже временную заплату успел наложить. — Он обернулся и уставился на влетевшую в отсек и тяжело дышавшую Мальдун. — А ты неплохо его обучила.

Мальдун покачала головой.

— Этому я его не учила.

Вайзер обернулся и удивленно уставился на Рода.

— А где же ты этому выучился, юный богатей?

Род с трудом усмехнулся.

— Я вырос на астероиде, сэр. Пусть наши дома с виду не слишком похожи на герметичные купола, но на самом деле являются таковыми. Мы, можно сказать, с пеленок учимся латать пробоины. Я это умел уже тогда, когда мне десять лет исполнилось.

— И что, раньше ты это по-настоящему уже делал?

— Один раз. Только раз мне удалось добраться до пробоины первым.

Вайзер в очередной раз кивнул.

— Похоже, даже аристократишка может что-то соображать в жизни. Ну ладно, отбой тревоги. Всем вернуться на свои посты.

Вечером Род снова прислуживал за столом, но Вайзер больше не одаривал его мстительными взорами. Сердце у Рода пело: он доказал, что кое на что годится!

Да и тема разговора нынче была другая. Офицерам было о чем посплетничать.

— Ты чем занимался в том ресторане, Маккрэкен? Решил попробовать съесть все меню целиком?

— Не само меню, а те блюда, которые в нем были перечислены.

Мальдун едва заметно улыбнулась.

— А вот с бочонком в таверне «Невесомость», — заметил Маккрэкен, — явно было что-то не так.

— То есть? — насупился Вайзер. — Я ничего такого не заметил.

— Так почему же ты так старался его поскорее опустошить?

Все члены экипажа дружно расхохотались, даже Мальдун не удержалась от смеха, а Вайзер ухмыльнулся.

— Ладно, будет вам. Ну, повеселился немножко. А Велк опять навестил свою женушку.

— Какую на этот раз?

Мальдун перестала улыбаться.

— Церерскую, само собой. — Первый помощник посмотрел на Рода и усмехнулся. — Абсолютно законный брак, мистер д'Арман. И на Марсе, и на Церере. На Терре, конечно, — нет, но я там не так часто бываю.

— Вот-вот. Если только у него не возникает жгучего желания нарядиться в тюремную робу, — поддел Велка Вайзер.

— Однако наш галантный капитан также не терял времени даром, — сказал Велк и подмигнул Донохью. — Я вас видел в «Пастиш» с очаровательной брюнеточкой, сэр.

— О, благодарю, мистер Велк, — отозвался капитан и склонил голову.

Мальдун резко помрачнела.

— С брюнеточкой? — нахмурился Вайзер. — Да нет же, она была рыженькая!

— Рыженькая была та, с которой мы видели капитана в заведении Маллоя. — Она сияла, как медная пуговица.

— Да нет, сияла та, которая была в «Свином глазу»!

— Ошибаешься! В «Свином глазу» с капитаном была блондинка!

— Слушай! Я-то точно заглядывал в «Пастиш», и там была рыжая!

— Да? — удивился Велк. — А ты там в котором часу побывал?

— В двадцать один ноль-ноль.

— Ну, это рано. Я-то капитана там застал, когда мы позавтракать пришли. А уж это было ближе к четырем утра. Тогда он с брюнеточкой сидел.

Мальдун вперила взгляд в тарелку. У Рода ком подступил к горлу. Он отчаянно думал о том, как бы сменить тему разговора, но на ум все время приходило наставление Векса: «Новичков должны видеть, но слышать не должны».

— Джентльмены, джентльмены! — воскликнул Донохью и с улыбкой обвел взглядом подчиненных. — Боюсь, вы все неправильно поняли. Марго — моя троюродная сестра, и она ждала меня, как...

Ему не дали договорить. Конец начатой фразы потонул во взрыве дружного хохота.

— А блондинка, бьюсь об заклад, — ваша тетушка Грета!

— Нет-нет. Она — сестра моего друга, который попросил меня пригласить ее на ужин, бедняжку. Она такая стеснительная, никуда не ходит...

Вайзер чуть не захлебнулся от смеха, но, поглядев на Мальдун, утих.

— Что же до еще двух дам, — с достоинством продолжал Донохью, — то с ними я, представьте себе, был знаком прежде. Иначе мне ни за что не удалось бы заранее договориться с ними о встрече.

— Ни за что, — кивнул Велк и утер слезы. — Жалко, что ни с одной из них вам не удалось развлечься на полную катушку.

Маккрэкен с трудом удержался, но все же не хихикнул.

— Социальные обязательства превыше личных радостей, — со вздохом резюмировал Донохью.

— Верно, но и о личных радостях забывать не следует, — сказал Велк и с самым серьезным видом обратился к Мальдун: — И вам было бы неплохо время от времени сходить, так сказать, на берег, инженер. Это очень важно для вашего эмоционального состояния.

— Верно, Мальдун! — подхватил Маккрэкен и ласково улыбнулся. — Почему бы вам не пойти с нами в следующий раз?

— Точно, Грейси! — с искренней заботой добавил Вайзер. — Ты скоро там заплесневеешь — в своем машинном отсеке. Надо бы как-нибудь и тебе расслабиться маленько! Тебе это нужно!

— Нет, — ответила Мальдун тихо-тихо. — Я так не думаю.

* * *

Когда они с Родом возвращались в машинное отделение, Мальдун летела впереди и хранила молчание. Род, следовавший за ней, чувствовал себя неловко. Он отлично понимал, что ей хочется побыть одной, и никак не мог придумать, куда бы ему деться. Чувство было такое, что надо бы все-таки заговорить с Грейс, но с другой стороны, Род догадывался, что от этого было бы больше вреда, чем пользы.

Как только они влетели в отсек, Мальдун пробормотала что-то насчет накопившейся «бумажной» работы и уселась к компьютеру. Род поплыл по отсеку. Ему не хотелось мешать Грейс, но чем заняться, он никак не мог решить. А Мальдун нажимала на клавиши так, словно это были ее заклятые враги. Молчание становилось все более и более напряженным. Роду казалось, что вот-вот должен был прозвучать оглушительный взрыв.

В конце концов он не выдержал.

— А-а-а... — протянул он. — Сэр, если нужно, я мог бы постоять на вахте...

А в следующее мгновение он уже не слышал собственного голоса, потому что Мальдун громко разрыдалась.

Род испугался. О, ему и прежде доводилось видеть, как плачут женщины, но эта женщина плакала *по-настоящему*. Род, повинуясь инстинктивному порыву, подлетел поближе к Грейс, но чем помочь ей, не понимал.

Наконец он отбросил сомнения и опустился перед ней на одно колено.

— Все будет хорошо, — начал бормотать Род. — В конце концов все всегда становится хорошо! Ну, на самом-то деле все не так плохо!

— Ой, заткнись! — взорвалась Мальдун. — Ты сам не знаешь, о чем говоришь!

Род испуганно отшатнулся.

Мальдун заметила это и снова расплакалась.

— О, прости! Не надо мне было так орать на тебя... ты ведь только хотел мне помочь! Но на самом деле все... очень, очень плохо! Стоит ему уйти с корабля — и он словно с цепи срывается! Хватает всех смазливых девчонок, какие ему только попадутся за двенадцать часов, — потому что знает, что целый месяц потом ни одной не увидит! И ведь каждый день он сидит напротив меня за столом, каждый день на меня смотрит. Но я-то, я-то — не хорошенькая!

— Вы хорошенькая! — горячо возразил Род.

— Ой, помолчи, дурачок! Я никакая. Я — уродина!

— Да вы красавица! — взорвался Род. — У вас такое лицо... Я такого очаровательного лица никогда в жизни не видел! А фигура! Какая у вас фигура! Я на вас как гляну — у меня дух захватывает! Да мужчины должны драться за вас на дуэли! У вас такие глаза, что в них утонуть можно, как в море!

Мальдун изумленно уставилась на него и почти перестала рыдать.

— Ты, — всхлипнула она. — Ты... правда так думаешь? — робко спросила она и прикрыла губы ладонью.

— Клянусь!

— Но... Ты же... из богатой семьи! Ты, наверное, видел самых прекрасных...

— Тоже мне «прекрасные»! Вы настолько красивее их, что способны затмить галактику!

— Но... но они же одеты во всякие такие... чудесные платья... они изящные, утонченные, а я...

— Они не изящнее пингвинов на суше! А у вас походка, как у сказочной принцессы!

— Ты меня только в невесомости и видел! Какая уж у меня походка...

— Ну так дайте мне шанс увидеть вас при нормальном притяжении, — взмолился Род. — Сойдите с корабля на первой же стоянке. Поверьте мне — у максиманских девушек не наберется и унции вашей красоты!

— Но... на экране-то... Голограммы...

— Голограммы? Какие голограммы? А, вы, наверное, про эти рекламные ролики, которые пускают во время демонстрации мелодрам? Так это же актрисы, а не урожденные максиманки. Да, верно, иной раз бывает — показывают съемку с настоящих балов. Но камера всегда берет общий план, лиц не видно и фигур тоже.

— Но они же аристократки!

— Верно. И выглядят как аристократки! У них есть одно, чего нет у вас, — дорогие платья да косметика. А вы можете себе купить и то, и другое.

— Да даже будь у меня пудра и румяна — я бы не знала, что с ними делать!

Род вдохнул поглубже.

— Доверьте это мне. Я знаю, что с ними делать.

Он не солгал. На протяжении многочисленных немыслимо нудных банкетов Род от нечего делать занимался изучением тонкостей применения макияжа. Волей-неволей ему приходилось созерцать своих соседок по застольям, вот он и начал думать над тем, каким образом они добивались от косметических средств нужного эффекта. Кроме того, кое-какой опыт обращения с гримом он приобрел, подвизаясь в любительском театре. Уж там он наблюдал за процессом вблизи, когда актрисы орудовали щетками для волос, пуховками и карандашами для подводки глаз.

— Нет, вам обязательно нужно использовать тональную пудру! Кожа у вас безукоризненная — я бы сказал, что вы, видимо, никогда не бывали на солнце!

— Не бывала, — сказала Мальдун и резко глянула на Рода. — Я выросла на Луне-пятой. Но у меня были угри!

— Значит, вы лечились у потрясающего дерматолога! Но кожа есть кожа, а ваше лицо сейчас — чистый холст.

— Ну ладно, — вздохнула Мальдун и нанесла на лицо тональную пудру, а потом взяла карандаш.

— Нет, — сказал Род. — Возьмите кисточку. Ею лучше накладывать тени.

— Но карандашом же проще! — жалобно запротестовала Мальдун.

— Вам простота нужна или результат? Помните: вам нужна тень, полутон — как в живописи. Когда все будет сделано, вы будете представлять собой произведение искусства. Вот так... Уберите немного румян со скул...

— Но я же не смогу шевельнуться в этих жутких башмаках!

— Значит, вы никогда не сумеете грациозно пройтись при обычной силе притяжения. Эти магнитные подметки создают иллюзию притяжения силой в один G. Векс специально их для вас изготовил. Не забывайте — маленькими шагами, маленькими!

— Я так никуда не дойду!

— Куда вы дойдете — это измеряется не метрами. Если идти маленькими, но быстрыми шагами, получится очень быстро. Ну, попробуйте... Отлично! Вы все делаете правильно. Теперь нужно распрямить спину, а плечи немного отвести назад.

— Но ведь тогда у меня... ну, ты понимаешь. Получится, будто я стараюсь их выпятить.

— А что такого? Почему вы должны их стыдиться? Не стыдитесь? Тогда идите так, будто вы ими гордитесь. Вот так. Вот так! А теперь немножко вздерните подбородок...

Род только успевал вертеть головой.

— Лучше не надо, — посоветовала ему Мальдун. — Всего сразу все равно не увидишь.

— Но попробовать-то можно, правда? Вау! Вот он какой, Ганимед!

— Угу. Одна огромная ярмарка — за исключением космопорта. Скажи, что тебе нужно, — и можешь это купить.

— Не может такого быть! Должны же быть хоть какие-то законы!

— Ты только местным про это не говори. Они решат, что ты сбрендил.

— О! Ой-ой-ой-ой-ой!

— Ты бы лучше моргнул, а не то у тебя глаза пересохнут, — проворчала Мальдун. — Мы сюда пришли на платья посмотреть, а не на их отсутствие!

Род с трудом отвел глаза от полуобнаженных девиц.

— Но это... это, конечно, не ваш стиль.

Мальдун искоса глянула на него.

— Тебе-то откуда знать, что следует носить женщине?

— Сэр, когда речь заходит о красоте, то я не просто потребитель — я наркоман! И мне хотелось бы, чтобы вы были одеты так, как видитесь мне во сне.

— А мне показалось, что ты сказал, будто это — не мой стиль.

— О, вы причесываетесь? — Род заглянул в приоткрытую дверь каюты. — Только не забудьте сначала немного начесать волосы, а уж потом...

— А потом надо увожить их, шалага, — пробормотала Мальдун, у которой рот был полон шпилек. — Уж это я жнаю.

— Знаете? — Род не удержался и вытаращил глаза. — А откуда?

— До колледжа только этим и жанималась — лет тринадчать.

— Тогда поче... — Род вовремя опомнился.

— Потому что когда я поштупила в колледж, я решила, что нечего шебя больше мучить. Ты уберешшя отшюда или нет?

— А как же насчет вашей клятвы?

— Я приштуплю к ее ишполнению через три шекунды. А теперь убирайшя!

* * *

— По магазинчикам! — фыркнул Вайзер. — Наш мальчик решил прошвырнуться по магазинчикам! Ты уж смотри, не промахнись там!

— Не трогай его, Вайзер, — проворчал Маккрэкен. — По крайней мере он хоть немножко Грейси прогуляет.

— Ага. Вот это ты молодец, мистер, — более или менее миролюбиво усмехнулся Вайзер. — Вот только в толк не возьму, где это ты столько вызнал про бабские платья, приятель?

— Мистер Вайзер, — ответил Род со всей любезностью, на какую только был способен, — мне всегда доставляло истинное удовольствие изучение платьев в непосредственной близости — ведь в них всегда что-то есть.

— Да ну? И много ты узнал?

— Очень многое. Большей частью — об истинной сути упаковки. — Род обернулся, услышав стук каблучков. — Вы готовы, сэр?

— Не то слово, салага! — Мальдун вплыла в коридор... в бархатном платье, с безупречным макияжем. Ее волосы ложились на плечи плавными волнами, а в глазах плясали радостные искорки. — Пойдем поглядим на Титан!

Она взяла Рода под руку и отправилась на бой с кассовыми аппаратами.

Вайзер чуть шею не свернул, провожая их взглядом — особенно он, конечно, провожал взглядом Грейс.

— А знаешь, что я тебе скажу... Этот малый, похоже, умнее, чем кажется.

— Ага. И глупее тоже. — Маккрэкен сдвинул брови. — Честно говоря, я очень волнуюсь, Альби.

— «Школа благородных девиц господина д'Армана», — хихикнул Вайзер.

— Я сейчас тебя вышколю, если ты не перестанешь ржать.

— Я не ржу. Я хихикаю.

— Вот и прекрати. Заткнись. Она идет.

Они приветствовали Мальдун, приподняв фуражки.

— Привет, Грейси!

— Рад видеть тебя, Грейс!

— Да... — мечтательно проговорил Вайзер, провожая Мальдун взглядом. — «Грейс» — это ведь значит «грация». «Грация» и есть. Пожалуй, этот малый знает, что делает.

— Может, и так, — согласился Маккрэкен. — Глаза придержи, Альби, а не то они вывалятся.

— Опять Церера, — вздохнул Маккрэкен. — Велк свалит к своей женушке, капитан окружит себя толпой девах, а я отправлюсь ужинать.

— Куда бы мы ни отправлялись, давай уже пойдем, — заторопился Вайзер. — Нам что, капитана ждать обязательно?

— Это уж скорее он нас подождет, — сообщил подошедший Велк. — Похоже, он нам собирается прочесть напутственную проповедь.

— Уж не о свободе ли нравов?

Наконец появился дружелюбно улыбающийся Донохью.

— Вни-мание! — возгласил он. — Прошу меня простить, ребята. Я, конечно, понимаю, разговор не самый приятный, но у меня такое чувство, что мы создаем нашему славному кораблю «Мюрей Рейн» дурную репутацию.

— Дурную репутацию? — ахнул Вайзер. — Да мы ведем себя, как сущие ангелочки! То есть... по сравнению с... — Он осекся и умолк.

Донохью кивнул.

— Как раз это я и имел в виду, мистер Вайзер. Кто и когда слыхал о добропорядочном моряке, и не важно, где он плавает — по морю или в космосе! Нет-нет, я очень уважаю добропорядочность, но все же хотел бы вас попросить вести себя немного более... дико, ладно? Ну вот. Теперь мы все можем отпра... Куда это вы смотрите?

Все трое офицеров, выпучив глаза, уставились за спину капитана.

— Капитан... Грейси...

Донохью недоуменно обернулся, вернулся взглядом к офицерам и тут же обернулся вновь.

Она шла к ним маленькими быстрыми шажками, придерживаясь за переборку. Она весело улыбалась, и ее глаза сверкали, и на ней было облегающее платье.

Донохью ахнул так, словно его хорошенько стукнули.

Первым в себя пришел Вайзер.

— Эй, Грейси, — не без труда вымолвил он. — Я тут знаю одно симпатичное местечко...

Маккрэкен протиснулся вперед, оттеснив Вайзера.

— Грейс, что ты скажешь насчет ужина в одном потрясающем ресторане...

Велк загрустил. Его ждала жена.

— Смир-но!

Все вытянулись по струнке. Капитан, глядя на застывшую по стойке «смирно» Грейси, и сам вдохнул поглубже.

— Джентльмены, — сказал он негромко. — На сей раз я воспользуюсь правом старшего по званию. Мисс Мальдун, не окажете ли вы мне такую честь и не отужинаете ли нынче со мной?

— О да, капитан! — Мальдун так и расцвела. Она взяла капитана под руку и вышла с ним из корабля под звездное небо. Они с Донохью буквально глаз друг с друга не спускали. Вайзер провожал их взглядом, стоя в проеме люка, и бормотал:

— Она влюблена в него. Я это знал, знал... Только почему мне теперь так тоскливо, а?

— Может быть, потому, что раньше она никогда не думала о том, что она — женщина, — негромко проговорил Род.

Вайзер прищурился и свирепо зыркнул на него.

— Говори, когда тебя попросят говорить, мистер! А если у нее разорвется сердце, я приду за тобой!

На миг Роду показалось, что Вайзер и ждать не станет. Он приготовился к драке, решив на сей раз голову не терять. И все же он сказал то, что хотел сказать.

— Ей это было нужно.

— Точно. — По виду Вайзера нельзя было сказать, что он остыл. Но все-таки Род это каким-то образом почувствовал. — Мне бы тебя за это возненавидеть надо... а не могу. Потому что я влюблен в нее. — Он пристально посмотрел на Рода и медленно кивнул. — И ты тоже, парень. Да?

Род сглотнул подступивший к горлу ком и кивнул в ответ.

Тут Вайзер размахнулся... и хлопнул Рода по плечу, а потом развернул его к люку.

— Вперед, салага. Пойдем-ка напьемся по такому поводу.

И они напились. Вдрызг.

Род проснулся, услышав радостное пение. Он жалобно застонал, попытался спрятать голову под подушку, но подушка была пристегнута к матрасу.

— О Род, это было так чудесно!!!

Род повернулся и приоткрыл налитый кровью глаз. Чудесное видение в обличье прекрасной женщины присело на краешек его койки, а ему было так худо с похмелья, что он не в силах был ни рукой, ни ногой пошевелить.

— Всю ночь, Род! Он провел со мной всю ночь! Только со мной! Он не отвел меня на корабль и не ушел!

— Я очень рад, — простонал Род.

— Сначала мы поужинали, а потом танцевали! Потом зашли в ночной клуб, и там к нашему столику подошел цыган и играл на скрипке — только для нас!

Роду так хотелось попросить Грейс говорить потише, но он не решился.

— А потом мы пошли в другой клуб, потом — в третий, и я все надеялась, что он не станет объясняться мне в любви — ведь тогда я бы не устояла... Но он все не объяснялся.

Хвала Небесам за маленькую снисходительность. А Роду больше всего хотелось, чтобы корабль перестал качаться.

Но тут он вспомнил, что это *космический* корабль и что волны бушуют исключительно у него в желудке.

— И никаких других женщин! Ни блондинок! Ни брюнеток! Только я, я!

Мальдун вскочила и завертелась в пируэте. Род затаил дыхание.

— Мы выпили... Но мы не были такие уж пьяные — нам это не было нужно. Позавтракали в «Пастиш» и пошли обратно по бульвару Глязе. И знаешь — я раньше никогда не знала, какие красивые на самом деле астероиды — они кружатся, словно звездочки в вальсе! А потом... Потом он остановился перед церковью — единственной церковью на Церере — и попросил меня стать его женой!

Род вытаращил глаза. Он был слишком напуган для того, чтобы произнести хоть звук.

— И конечно же, я сказала «да». Мне и раздумывать не надо было — уж я и так столько всего передумала! Я сказала «да», и он провел меня в церковь и нашел там священника, и тот обвенчал нас, а потом, по пути на корабль мы зашли в ювелирный магазин... Вот, смотри!

И она показала Роду золотое обручальное кольцо с огромным, как айсберг, бриллиантом. У Рода засосало под ложечкой, а потом желудок запросился наружу. И все-таки он сумел промямлить:

— Примите мои самые теплые поздравления.

— Спасибо, спасибо тебе, милый! И этим счастьем я обязана тебе! — Мальдун наклонилась и тепло, старательно поцеловала Рода. — Я никогда не забуду этого. — Она вдруг склонила голову и смущенно проговорила: — А теперь мне надо идти. Мой муж ждет меня.

С этими словами она упорхнула, шурша вечерним платьем из тафты.

Род застонал, повернулся на бок и наклонился над ведром, стоявшим около койки.

— Векс... Что я натворил?

— Ты сделал хорошую женщину очень счастливой, Род.

— Но ведь я не думал, что все так получится!

— А как же должно было получиться?

— О... Я не знаю... Я думал, она поймет, что только я люблю ее по-настоящему... Что она тоже полюбит меня!

— Она будет тебе всю жизнь благодарна, Род. Она станет твоим лучшим другом.

— Другом... Это не совсем то, чего мне хотелось...

11

Негромкий, сдавленный стон эхом пронесся по залу.

Дети мгновенно проснулись и сели. Волосы у них встали дыбом. Гвен тоже рывком села и гневно обвела взглядом темный зал.

— О нет! — простонал Род. — Только не это! Опять!

— Это... Это какой-то другой дух, папа.

— Мне все равно какой — надо же нам поспать! — Род перевернулся на спину, сел и уставился на Магнуса. — Кого ты пробудил на сей раз?

— Я никого не пробуждал, папа, — срывающимся голосом отозвался Магнус. — А если пробудил, то не сознавая этого, во сне!

— Как раз то, что нам нужно, — прошептал Род и сжал виски ладонями. — Нам предстоит жить в замке с привидениями и с сыном, который вызывает духов даже во сне. — С этими словами Род развернулся к призраку. — За кого вы себя, спрашивается, принимаете, а? Являетесь посреди ночи и пугаете чуть не до смерти мое семейство!

Стон прекратился, послышались слова:

— Прости меня, умоляю, о благородный рыцарь. Я ни за что не стал бы пугать детишек, если бы у меня был иной способ разыскать вас.

— А как насчет того, чтобы застать меня одного? По пути в уборную, к примеру?

— Я не мог бы этого сделать, ибо только твой сын обладает могуществом вызывать меня.

Род вздернул бровь и глянул на Магнуса.

— Допустим, — буркнул он, вернулся взглядом к призраку и хмуро обозрел его. Это видение представляло собой рыцаря, закованного в латы и сжимающего в руке меч, который то и дело неприятно звякал. — Будьте так любезны, покажите ваше лицо и назовите свое имя! — сердито проворчал Род.

— Прошу прощения, — проговорил рыцарь, убрал меч в ножны и не только поднял забрало, но и снял шлем — и сразу же стал нестрашным, хоть и слегка светился. Он был лысоват, а его добродушное лицо избороздили морщинки. — Я — сэр Донд ль'Аккор, — представился призрак. — Я не желал напугать вас — особенно я не желал вселить страх в сердца малышей.

— Мы уже не малыши! — взорвался Джеффри, а Грегори промолчал. Он не отрывал глаз от призрака.

— А я — Род Гэллоугласс, лорд Чародей. Это моя жена, леди Гвендилон, и мои дети. Что вам нужно от меня?

— Чародей! — воскликнул призрак, и в его глазах вспыхнули огоньки надежды. — Взываю к тебе, чародей, молю тебя о помощи! Сжалься над бедным, несчастным отцом, если только можешь! Помоги, заклинаю тебя!

— Отцом? — переспросил Род и сразу насторожился. — У вас, случайно, нет ли дочери, которая тоже бродит по этому замку?

— Да, — кивнул рыцарь, и его лицо помрачнело. — И ей суждено скитаться в этих стенах, покуда я не найду способа отомстить за нее!

— Ага, — выдохнул Род. — Желаете отомстить человеку, который нанес обиду вашей дочери?

— О да! Тому, кто измучил ее бедное сердечко, кто пытал ее, а потом убил! О, если бы и он, и я сейчас были во плоти, чтобы я мог швырнуть ему в лицо перчатку, а потом я вышиб бы мозги из его поганой головы!

— Не сказал бы, что это — самая достойная мысль для того, кто, по всей вероятности, мечтает попасть в Рай. Как же это получилось, что вы умерли так скоро после гибели вашей дочери?

— Это не так, — решительно возразил призрак. — Почему вы решили, что было именно так?

Вот тебе и дедуктивный метод Холмса. В этом тонком деле Род преуспел не более Ватсона.

— Но вы должны были уйти в мир иной позже вашей дочери, иначе вы бы не знали о том, как умерла она. И судя по всему, вы умерли вскоре после нее, иначе покончили бы со злодеем и с легким сердцем отправились бы в темницу или даже на виселицу — если бы пришлось.

— Воистину так бы я и поступил, если бы смог, — отозвался призрак и печально усмехнулся. — Однако я погиб раньше моей дочери. Я пал на поле боя. Моя душа устремилась к Небесам, но помедлила и вернулась. Забота о дочери звала меня обратно, к земле, а душа все же стремилась попасть в благословенную райскую обитель. Я долго скитался между двумя обителями — дольней и горней, покуда дух моей дочери не призвал меня к этому замку — в то самое мгновение, когда он отделился от тела. Однако она не увидела меня, ибо только рыдала и рыдала — как всегда, с тех пор как...

— Бедняжка! — вырвалось у Корделии, а Гвен проговорила:

— Ее душа была настолько отяжелена горем, что не могла вырваться на волю?

— Воистину так. И так было всегда. До тех пор, пока я не погиб, я всегда слышал ее мысленный зов. Затем, после моей смерти, он стал слабее, а потом и вообще утих. Последние дни моей дочери были так наполнены страхом и ужасом, что ей было не до меня. Я впал в дремоту и пробудился только теперь, и должен найти какой-то способ, чтобы мое дитя обрело покой!

Род выбрался из-под одеяла и поманил к себе детей.

— Вставайте. Все вставайте. Теперь это и *мое* дело тоже.

— Но детям нужно поспать! — возразила Гвен.

— Думаю, будет лучше, если мы отоспимся днем, милая. Днем нам меньше будут мешать. — Род снова обратился к призраку: — Назовите имя злодея.

Глаза призрака полыхнули огнем.

— Граф.

— Но ведь он вроде бы выпорол своего сынка за его прегрешения и призвал к порядку. Неужели он и сам стал творить те же грехи?

— Нет. Тот граф умер. Графом затем стал его сын — последний из порочного рода Фокскортов.

— Порочного рода? — Род нахмурился. — А мне показалось, что у его отца все же имелись кое-какие моральные принципы.

— Имелись. Но он к ним прибегал лишь тогда, когда ему нужно было заручиться верностью рыцарей и позаботиться о том, чтобы никто не своевольничал — кроме него самого.

— Вот как, значит, — негромко проговорил Род. — Следовательно, его сынок не имел права затаскивать в кровать рыцарских дочерей — это была прерогатива папаши. А папаша старался удержаться от соблазна, поскольку ему нужны были верные рыцари.

— Верно. Но его сынку подобной хитрости недоставало. Дурная кровь, что еще скажешь. А уж у него-то эта дурная кровь бушевала вовсю. Все его пращуры терзали народ в своих владениях — как только могли, не доводя дело до открытого бунта. Только и выискивали, где бы проявить жестокость, где усилить гнет. Потому их так и прозвали.

— Как прозвали? — удивился Род. — Фокскортами? Но в этом слове нет ничего такого... порочного.

— Нет. Так графов именовали крестьяне. Только мы, чьи пращуры служили графам с незапамятных времен, помнили их настоящее родовое имя. Этим прозвищем первого графа на-

делили соседи, а он, глупец, гордился им. *Faux Cœur* — вот как звучало это прозвище.

Вот в чем было все дело. Род вытаращил глаза. По-французски это означало...

— «Лживое сердце»!

— Воистину лживое! Ибо он был человеком, готовым ради собственной выгоды дать любую клятву, а потом тут же нарушал ее. Он произносил храбрые речи, когда вел свое войско в бой, а затем прятался за спинами воинов. О, он был лжив и в словах, и в деяниях! Разговаривал вкрадчиво, сладко улыбался — а потом поступал с ужасной жестокостью, и все его потомки были похожи на него. Но последний граф поклялся превзойти всех своих предков. Он и не думал жениться — какое ему было дело до продолжения рода? — а решил соблазнить всех женщин, какие только ни попадутся на его пути. Лицо у него суровое, злобное, но говорил он ласково, медоточиво. Стоило ему приблизиться к девушкам — и те слабели перед ним.

Род кивнул.

— Звериная привлекательность плюс денежки. На наивных служанок это действует, как магнит.

— Стало быть, тебе известны такие подлецы, чародей.

— Случалось встречать таких. Однако, насколько я замечал, их чары не слишком часто действуют на дам их собственного круга.

— О, он ведь не только запугивал женщин! Он действовал любыми способами — и честными, и бесчестными, и был готов соблазнить любую даму, если то было в его власти. А потом он изгонял ее, и ей приходилось жить дальше — оскверненной и брошенной. Некоторые лишили себя жизни. А граф только посмеивался.

— Да он же был законченный негодяй! — возмущенно вскричала Корделия.

— И он решил воздействовать своими чарами на вашу дочь.

— О да. Ибо она была юна и очень хороша собой. Граф на ту пору был уже немолод, но то и дело волочился за женщинами. Я старался, чтобы моя дочь не попадалась ему на глаза, однако с некоторых пор у графа вошло в обыкновение объезжать свои владения. Думаю, он делал это не столько ради того, чтобы удостовериться в справедливости и честности бейлифов, а более ради того, чтобы высматривать хорошеньких девиц. Во время таких путешествий граф останавливался погостить по очереди у каждого из своих рыцарей. Заехал он както раз и ко мне. Он знал, сколько у меня детей, и велел позвать всех до единого. И когда он увидел мою дочь, ее красота поразила его, и с тех пор он не давал ей проходу.

— Но вы могли собрать своих детей и бежать! — возразила Корделия.

— Верно, но я был связан клятвой верности! Как глуп я был, что соблюдал этот обет — ведь сам граф только то и делал, что нарушал все свои клятвы! Но когда от него прибыл посыльный и передал мне повеление явиться в замок и жить там со всем моим семейством, я воспротивился и сказал «нет». А уже через две недели наш граф объявил войну графу Мулену и велел мне отправляться в поход.

— Вот оно как! — сверкая глазами, выпалил Джеффри. — Этот приказ вы не могли не исполнить, ибо какой же вы были бы после этого рыцарь!

— Все так, как ты говоришь, дитя, — ответил рыцарь и скорбно склонил голову. — Граф поставил меня в первый ряд, чтобы я погиб при первой же атаке противника. И все же он решил не полагаться на случай: в то мгновение, когда мое копье поразило врага, мои доспехи пронзила стрела. Она вошла мне в спину, прямо под наплечник.

— В спину! — искренне возмутился Джеффри. — Какой же трус и подлец, подкупленный графом, пустил эту стрелу?

— Это мне не ведомо, однако я не сомневаюсь, что за свою подлость он расплатился жизнью, ибо граф был не настолько глуп, чтобы позволить другим своим рыцарям узнать о

такой страшной измене. Предательская стрела пронзила мое сердце, и я пал наземь и более ничего не помнил — до тех пор, как я не пробудился от смертного сна.

— Вы исполнили свой долг и были вознаграждены за это, — пробормотал Род и кивнул. — Стало быть, вы не знали о том, что стряслось с вашей дочерью.

— Я знал лишь о том, что ее, так или иначе, довели до смерти и что мой сын пропал без вести.

— Сын? — насторожился Магнус. — О, конечно! Ведь его следовало удалить, иначе он помешал бы графу добраться до сестры!

Корделия обернулась и, сдвинув брови, пытливо посмотрела на Магнуса.

— Именно так, — подтвердил рыцарь. — Мой сын был достойным юношей. Он был готов грудью встать на защиту семьи. О да, наверняка его изгнали или убили, и у меня нет сомнений в том, что его душа сразу вознеслась в Рай, ибо он воистину был чист и благороден.

— А дух вашей дочери в загробном мире вы не видели?

— Нет. Она недостижима для меня в скорби своей. Я искал отмщения и понадеялся на то, что смогу положить конец бесчинствам графа, если стану преследовать его в виде призрака. Однако я умер, не питаю к графу сильного гнева, ибо тогда для него еще не было особых причин, и духу моему недоставало силы для явления. А последний Фокскорт, со своей стороны, заботился только о самом себе и своих плотских радостях. Ему дела не было до чужих чувств, и уж тем более — до призраков.

— Он оказался слишком толстокожим, дабы пугаться привидений, — с отвращением проговорил Род.

— Воистину так. — Тут призрак неожиданно опустился на колени, издав при этом оглушительный трезвон. — Умоляю тебя, как может один отец умолять другого: помоги мне! Изыщи какой-нибудь способ даровать духу моей дочери успокоение, коего он заслуживает! Отомсти за ее убийство, чародей!

Род помрачнел.

— Я никому не желаю мстить.

— Ты трус? О, тогда чума на тебя! Пусть ты во веки веков...

— Не надо! Выслушайте моего отца, — тихонько проговорил Грегори, и, как ни странно, призрак умолк. Сдвинув брови, он посмотрел на Грегори и перевел взгляд на Рода.

— О чем говорит это дитя?

— Он понимает, почему я не буду пытаться мстить, — сказал Род. — Он хочет усмирить вас, помешать вам стать хуже, чем вы есть. Наша цель в том, чтобы помочь духу вашей дочери обрести успокоение и завершить путь в Царствие Небесное. Если выйдет так, что, помогая вашей дочери в этом, дух графа получит отмщение за свою жестокость, — что ж, это было бы совсем неплохо, но все же это не так уж важно.

— Но скажите нам, — озадаченно проговорил Магнус, встав перед призраком, — разве можно причинить боль привидению? Разве его можно убить?

Рыцарь вздохнул и явно впал в отчаяние.

— Не знаю, — скорбно покачав головой, проговорил он.

— Последний граф теперь — всего лишь дух, — снова вступил в разговор Грегори. — Но и духи способны ощущать боль. Муки его души могут смирить его. Если он поймет, сколько боли причинил другим, он еще может покаяться.

— Время для покаяния миновало, — возразил призрак. — Граф мертв. — Он обратился к Роду: — Что же это за дитя и как такое может быть, что мальчик говорит мудро, будто епископ?

Род поморщился.

— Прошу вас, не надо так говорить! Мы не так давно немало пережили, обсуждая его будущее.

Где-то вдалеке прокричал петух.

Призрак запрокинул голову.

— Небеса уже вынашивают зарю. Все духи ночи должны бежать и скрыться от света дня. Я пробыл здесь слишком долго. Прощайте! Помогите моему чаду — и помните обо мне!

С этими словами он растаял как дым, только его последние слова еще какое-то время эхом разносились по залу, становясь все тише и тише.

— Помните... помните... помните...

А потом и эхо стихло.

Дети переглянулись. Гвен хотела встретиться взглядом с Родом, но тот не спускал глаз с места, где только что стоял призрак. Гвен вздохнула и отошла к камину, чтобы расшевелить угли.

Магнус подошел к отцу, поднял руку, но прикоснуться не осмелился.

— Папа...

— Да, — откликнулся Род и улыбнулся. — Доброе утро, сынок? Не желаешь ли поохотиться?

— Как же это может быть? Ведь ты уже бывал в этой комнате раньше? Неужели можно прочесть еще что-то из той давней истории, сынок?

— Теперь я знаю, кого ищу, мама. Это примерно то же самое, как если бы я искал знакомое лицо в толпе, — объяснил Магнус, стоя у стены в одной из комнат, прежде служившей опочивальней для рыцаря и его супруги. Мальчик провел пальцами по стене, нахмурился, покачал головой, подошел к кровати, прикоснулся к ней и замер.

— Что ты видишь, сынок? — тихо спросила Гвен.

— Я вижу порочного графа, Рафаэля Фер де Ланса. Вижу, как он гонится за леди Солой и ее матерью, госпожой Форлой ль'Аккор, как они вбегают в эту комнату. — Голос Магнуса стал тихим и легким, словно долетавший издалека ветерок. — Граф уже немолод, его лицо в морщинах, оно свирепо, но на женщин он действует так, как змея — на птичку.

Корделия зябко поежилась.

— Он — последний потомок порочного рода, — продолжал Магнус. — И он еще более злобен, чем большинство его предков. Он не стал жениться и старается любым путем соблазнить любую девушку, какая только не попадется ему на глаза, а потом бросает ее. Только леди Сола пока отвергает его приставания. Граф положил на нее глаз, ибо она очень красива, и к тому же она дочь одного из его рыцарей. Поэтому граф Фокскорт и велел сэру Донду поселиться с семейством у него в замке. Рыцарь отказался, тогда граф приказал ему идти в бой, где того убили. Затем граф взял семейство сэра Донда в замок, якобы «под опеку», хотя госпожа Форла и возражала. Она говорила, что ее сын, хоть и унаследовал поместье отца, пока слишком молод, чтобы управлять им.

— Они угодили сюда? — спросила Корделия. — В это жуткое логово графа? Как же леди Сола могла устоять против него?

— Когда леди Сола попала в замок, ей помогали любовь и поддержка матери и брата. И поскольку девушка отвергала ухаживания графа, а ее мать была для нее опорой в беде, граф отравил госпожу Форлу.

Гвен и Корделия ахнули от возмущения. Джеффри что-то мрачно пробормотал, а Грегори спросил:

— С тех пор леди Соле пришлось полагаться только на свои силы?

Род взглянул на младшего сына. Смысл слов Грегори дошел до него, и Род широко раскрыл глаза.

— Не совсем так, — дрожа, ответил Магнус. — Граф обвинил ее брата Юлия в измене, но леди Соле сказал, что она может спасти жизнь брата, если уступит ему.

— Вот мерзавец! — не выдержал Джеффри, а Род негромко присвистнул.

— И тогда леди Сола уже была готова пожертвовать своей невинностью ради спасения брата, но тому удалось бежать. Затем он тайком пробрался в замок, явился к сестре и умолял ее не поддаваться на козни графа. Потом Юлий проложил

ложный след — так, чтобы его преследователи поверили, будто бы он утопился, а сам скрылся с компанией жестянщиков.

— Вот умница! Вот молодец! — обрадовался Грегори и захлопал в ладоши. — И граф ничего не заподозрил?

— Заподозрил. Он поднял шум. Юлиуса искали повсюду, но никому не пришло в голову, что он изменил свое обличье. Так его и не нашли. Но леди Соле глаф сказал, что брат ее в темнице и что его там пытают.

Корделия вытаращила глаза.

— Как же бедной девушке удалось выстоять против графа?

— Ее брату удалось привести ту компанию жестянщиков, с которой он странствовал, к самым стенам замка, чтобы Сола увидела его из окошка и услышала, как он поет песенку, которую они оба знали с детства.

Грегори восхищенно вздохнул, а Джеффри сказал:

— Храбрый был парень.

— Тогда девушка снова стала проявлять упорство, — продолжал Магнус, и граф решил, что кто-то из обитателей замка раскрыл его тайну и сказал девушке о том, что на самом деле ее брат пропал. Граф принялся разыскивать предполагаемого предателя, а Соле приказал никуда не отлучаться из ее комнаты. К ней же он являлся ежедневно, один.

— О! — Корделия ахнула и прикрыла губы ладонью. — Значит, он все же принудил ее...

— Нет, потому что преследование девушки стало для него делом гордости. Однако он все же не постеснялся принести Соле вино, в которое было подмешано какое-то гадкое зелье. Но девушка постоянно была настороже, и узнала о зелье по запаху, и пить вино отказалась. Она вообще не любила вина, хотя граф не раз пытался напоить ее.

— Достойная дама, — выдохнул Грегори с широко раскрытыми глазами. — И предусмотрительная. А граф понимал, что она видит его насквозь?

— Видимо, понимал, потому что в конце концов потерял терпение. Он обвинил девушку в колдовстве, судил и пригово-

рил ее к казни. И еще... этот мерзавец пытался доказать, что в наказание он должен ее изнасиловать!

— Даже тогда не отказался, негодяй! — горячо воскликнула Корделия.

— Отказался, — ответил Магнус. — Но не из благородства, конечно, а потому, что все до одного, и священники, и миряне, стали кричать о том, что, поступив так, он вступит в сделку с дьяволом. Граф испугался, что его могут свергнуть, и отказался от своего замысла. Он удовольствовался тем, что девушку сожгли на костре.

— Так и погибла эта храбрая и стойкая девушка, — пробормотал Джеффри.

— Да. И всю жизнь она знала только печаль и горе, — проговорила Корделия. В глазах у девочки стояли слезы.

— А граф? — прошептал Грегори.

— Граф жил так же, как и прежде, — в жестокости и пороках. Он еще более, чем прежде, стал склонен к насилию над женщинами.

— А юноша? — требовательно вопросил Джеффри. — Отважный и дерзкий брат девушки? Неужто он не попытался отомстить?

— О да! Вступив в пору зрелости, он заявил о своем праве на рыцарский титул. Он явился в главный зал замка графа Фокскорта и вызвал своего господина на поединок в присутствии всех его приспешников. А с графом тогда пировала дюжина королевских рыцарей.

— Стало быть, все было бесполезно, — пробормотал Джеффри. — Граф наверняка одолел Юлия.

— Да, но опять-таки за счет хитрости и подлости, как обычно. Он омочил ядом лезвие своего меча и сумел ранить сэра Юлия в то самое мгновение, когда тот должен был его прикончить.

— О бедный рыцарь! — всхлипнула Корделия. — Какой же все-таки мерзавец был этот граф!

— Верно, — сурово и угрюмо проговорил Магнус. — И все же он умер в своей постели, и сгубили его не враги, а всего лишь изжога и подагра. Он скончался, не оставив ни завещания, ни прямых наследников.

— С ним закончился его род, — прошептал Грегори.

— Именно так. Правда, у рода Фокскортов была побочная ветвь...

— Она существует по сей день, — негромко проговорил Род.

— ...Но они проявили благоразумие и не пожелали претендовать на замок. С тех пор он стоял, покинутый и заброшенный, покуда тянулись столетия. И тень графа продолжала преследовать леди Солу, чей призрак, оплакивающий смерть матери, отца и брата, до сих пор скитается посреди этих стен, и ищет, и не может найти успокоения.

— Но она не должна страдать! — возмутилась Корделия. — Ведь она ни в чем не виновата!

— Тс-с-с! — сказала Гвен, подошла, сжала запястье Магнуса и отвела его руку от стены. Юноша вздрогнул, но мало-помалу его взгляд утратил отстраненность. Магнус заморгал, обернулся, посмотрел на Гвен.

— Мама?

— Это я, сынок, — негромко отозвалась Гвен. — Это все в прошлом, сынок. Сотни лет назад. Ты снова с нами, как всегда. С папой, со мной, с братьями, с сестрой.

Магнус, часто моргая, обвел взглядом все семейство.

Корделия бросилась к матери.

— Мама, но это неправильно! Это несправедливо!

— Мир не всегда справедлив, доченька, — невесело ответила Гвен. — А суд Небесный вершится не раньше нашей смерти.

— Но о какой же справедливости этого Небесного суда можно говорить здесь, где призрак девушки страдает и мучается, хотя ее мучитель давно мертв, когда он ушел!

— Куда он ушел? — задумчиво проговорил Джеффри, кусая губы.

— Неплохо подмечено, — похвалил среднего сына Род. — Что же касается духа леди Солы, я могу понять, почему она не уходит из этих стен: ее душа отяжелена ложным чувством вины за смерть всех ее родных.

Корделия обернулась к отцу и пристально посмотрела на него.

— Ты хочешь сказать, папа, что для того чтобы освободить ее, мы должны ей сказать, что во всем виноват граф, а вовсе не она?

— Не просто сказать, но убедить ее в этом. А хорошему, порядочному человеку втолковать такое очень трудно.

Гвен прищурилась.

— У тебя явно что-то есть на уме, супруг мой.

— Всего лишь маленькое представление, — безмятежно отозвался Род.

12

До самого вечера все спали. На закате проснулись и наскоро позавтракали овсяной кашей, запив ее водой.

— Мы что же, будем сражаться с призраками после такой еды? — обиженно пробубнил Джеффри.

— Ничего, каша очень питательная, — успокоила его Гвен и присмотрелась к Магнусу. — Ты крепко спал? — спросила она заботливо.

— Крепко, но видел много снов. В этом зале, мама, граф чаще всего проводил время. Не здесь он совершал самые постыдные свои деяния, но и тут сохранились воспоминания о его жестокости и тех унижениях, которым он подвергал людей.

— Ты проснулся сердитым.

Магнус кивнул.

— Жду не дождусь, когда смогу разделаться с ним!

— Отлично, — сказал Род. — Просто отлично!

Когда в замке стемнело и в зале не осталось света, кроме огня в камине да единственного факела, Магнус развернулся и взошел на возвышение, где некогда, две сотни лет назад восседал граф, возглавляя порочные застолья.

Высокий стул до сих пор стоял на месте. Магнус сжал спинку стула и возгласил:

— Рафаэль Фер де Ланс, граф Фокскорт! Явись на суд!

Издалека донесся злобный хохот. Он слышался все ближе и ближе, и в конце концов начал звучать как бы со всех сторон. Фокскорт явился. Он казался почти живым — даже на лице его еще играли краски жизни. Вот насколько силен был его дух. Он пребывал в расцвете лет — на вид ему было не более тридцати. Крепкий, мускулистый, с чертами лица, отличавшимися мрачной красотой. Но во взгляде графа сквозила вся его шестидесятилетняя жизнь, всего пороки, все наслаждение жестокостью.

— Суд? — осклабился призрак. — И кто же будет судить меня, сосунок? Не ты ли?

— Я! Но, признаться, я изумлен, как это до сих пор тебя не судил Высший Судья!

— Я слишком сильно привязан к радостям земной жизни — и более всего к наслаждению теми страданиями, которые вызывал, — с усмешкой отозвался призрак и направился к Магнусу, сжимая в руке конскую плеть. — Я слишком сильно люблю прелесть жестокости и потому не желаю отправляться в последний путь. Наверное, у меня не было бы выбора, и этот путь позвал бы меня, если бы не глупые смертные вроде тебя, чье любопытство, словно якорь, держит меня здесь, где я могу наслаждаться зрелищем моих злодейств!

Магнус не трогался с места. Казалось, он и сам излучает сияние.

— Ты явился сюда для того, чтобы начать свой последний путь. Но если я ослабею, найдутся те, кто посильнее меня и тебя. — Юноша указал на свое семейство. — Берегись!

Волшебное сияние объяло все семейство Гэллоуглассов. Только Грегори вздрогнул, но все остальные стояли гордо и смело.

Призрак графа оглушительно расхохотался.

— Кто же это? Два молокососа? О! И две красотки! — Он спустился с возвышения и приблизился к Гвен и Корделии. — Одна совсем юна, а другая — в расцвете красоты, но главное — души! Нетронутые женские души!

— Верно, — сурово проговорил Магнус. — Ведь для тебя это главная пища — совращать невинных, не так ли?

— Это ты славно сказал.

Призрак поднял руку и шагнул к Гвен и Корделии.

— Стой, мерзкий червь! — выкрикнул Род и, шагнув вперед, заслонил собой жену и дочь. Его глаза пылали неподдельным гневом.

Граф остановился.

— А это еще кто? Какой-то крестьянин, а смеет перечить дворянину? Прочь, глупый смерд!

Призрак протянул руку, намереваясь поддеть Корделию под подбородок.

Род озарился пламенем. Языки раскаленного добела огня разорвали ночной мрак, и призрачная плоть графа запылала, начала тлеть, сквозь нее проступили кости. Призрак вскрикнул, попятился назад, закрыл руками лицо. Тут Магнус прищурился, и одежда на графе разорвалась, и плоть тоже стала рваться — слой за слоем, словно туман на ветру. Только вопли призрака еще долго звучали в зале, пока он окончательно не испарился. Наконец пламя, охватившее Рода, угасло, и в зале снова воцарилась темнота.

В наступившей тишине Магнус изумленно проговорил:

— И это все? И больше делать нечего?

— Не спеши, — отозвался Род. — Видишь, еще летают какие-то обрывки. Похоже, они соединяются между собой.

И точно: в воздухе словно парили хлопья светящегося снега. Мало-помалу они прилеплялись друг к другу, становились плотнее, обретали форму.

— Я всегда горжусь, когда ты защищаешь меня, — тихо проговорила Гвен. — Но, быть может, все же не стоило сразу тратить так много сил?

— Не бойся! Я пока только разогреваюсь, — заверил жену Род. — Но сдерживаться у меня причин не было, сама понимаешь.

— Он идет, — мрачно, сурово сообщил Джеффри.

Граф снова возник перед семейством Гэллоуглассов — теперь, правда, это был всего лишь бледный светящийся силуэт. Однако черты физиономии Фокскорта были искажены злобной гримасой.

— Глупые смертные! Как вы только дерзнули так дразнить призрака? Неужто и вправду не боитесь? Ну ничего, я вам отомщу!

Магнус прищурился и внимательно пригляделся к призраку.

— У него волосы поредели и брюшко появилось.

Граф развернулся и злобно уставился на юношу.

— Берегись, сосунок! Ко мне, люди мои! Ко мне, мои былые сторонники! Взять его! Восстаньте, воины!

Магнус сошел с возвышения и подошел к родителям.

— Что же теперь будет?

— Понятия не имею, — покачав головой, проговорил Род. — Поглядим, получится ли у него.

Но у графа все получилось. Огласив зал пьяным хохотом, появились его приспешники — призрачные воины, вооруженные призрачными копьями, рыцари в призрачных доспехах. Но все же это были только силуэты, и даже их смех звучал как бы издалека.

— Злодеи рангом пониже, — пробормотал Род.

— Седлайте коней, вперед! — приказал граф Фокскорт, и его рыцари вдруг вскочили верхом на призрачных першеронов, а пехотинцы пошли вперед — но не с копьями, а с палками и рогами. Они дунули в роги, и послышалась охотничья трель.

— Добыча перед вами! — вскричал граф. — Вперед, загонщики! Гоните их к логову!

Пехотинцы побежали вперед, сверкая очами, радостно крича и смеясь, готовые обрушиться на Гэллоуглассов и забить их палками, а граф и его рыцари поскакали на конях — как бы издалека.

— Берегитесь! — крикнул Магнус, и стена пламени окружила все семейство.

— Ой, не надо этих глупостей! — фыркнула Корделия. — Нам не задержать их надо, а прогнать!

В следующее мгновение палки в руках у загонщиков завиляли, у них появились головы, и эти головы развернулись к воинам. Вытаращив глаза, загонщики смотрели на змей, которые были готовы искусать их. Разразившись проклятиями, воины побросали змей на пол. Но змеи не унимались. Свернувшись в кольца и злобно шипя, они бросились на призраков — еще и еще, и в конце концов загонщики, дико крича, бросились наутек.

— Прекрасный замысел, доченька! — радостно воскликнула Гвен. В то же мгновение охотничьи роги размякли, повисли, развернулись, их раструбы превратились в разверстые пасти. Затем у них выросли кожистые крылья, и драконы бросились на людей, державших их за хвосты. Воины графа в ужасе завопили и бросились куда глаза глядят, преследуемые драконами.

В итоге весь отряд пехотинцев побежал навстречу надвигающимся конным рыцарям.

Рыцари, изрыгая проклятия, погнали пехотинцев обратно, к Гэллоуглассам. Жажда охоты овладела всадниками. Глаза их скакунов уподобились горящим угольям, а из открытых пастей коней извергались языки пламени.

— Ну, это для меня! — возгласил Векс и, пустившись галопом, оказался в промежутке между семейством чародеев и конными рыцарями. Удивительно: черный жеребец чудом увеличился в размерах, стал чуть ли не вдвое больше. Его глаза полыхали огнем, сверкали острые стальные зубы. Векс бросился в бой. Не обращая внимания на огнедышащих першеронов, он принялся хватать зубами всадников, издавая дикое, жуткое ржание.

— Это же... это пука, лошадь-дух! — взвизгнул от испуга малыш Грегори и спрятался за спину матери. Даже Джеффри был охвачен страхом.

— Как же такое... могло произойти с нашим старым добрым Вексом? — ошеломленно проговорил мальчик.

— Это с ним происходит всегда, когда кто-то пытается обидеть нас, — сурово отозвался Род. — А на этот раз враги оказались ему под стать.

Но призрачные кони уже обратились в бегство и не желали возвращаться обратно, как ни проклинали их, как ни стегали кнутами призрачные всадники.

— Лживые трусы! — вскричала Корделия. — Они так же напугались, как их лошади, — нет, даже больше!

Огромный силуэт пуки расплылся, потемнел и растаял, и вот уже перед Гэллоуглассами стоял их собственный старина Векс. Он легкой рысью вернулся к хозяевам. В его пластиковых глазах светилась радость победы.

— И когда же ты успел обучиться этому фокусу? — поинтересовался Род, с трудом удерживаясь от улыбки.

— Некоторое время я посвятил раздумьям о возможности подобного перевоплощения, — чуть небрежно отозвался Векс. — Размышлял о том, смогу ли я тоже развить способность создания иллюзий, которая присуща вам. И на самом деле применение псионного усилителя...

— И правда, почему бы и нет? — осмелев, проговорил Грегори, наконец решившийся отойти от Гвен.

— Интересно... — сдвинув брови, сказал Грегори. — А обычные люди увидели бы тебя таким или нет? Призраки — они ведь и сами иллюзии, поэтому другую иллюзию, наверное, воспринимают как что-то настоящее. А вот живые люди, из плоти и крови, вряд ли увидели бы Векса в таком обличье.

— Но здесь и сейчас мы воюем с призраками, — напомнила сыну Гвен, — и выдумка Векса оказалась очень кстати.

Магнус усмехнулся.

— Думаю, теперь мы без труда справимся с этим потрепанным войском.

— И с его предводителем тоже, — добавил Род. — Правда, он все равно будет всякий раз возвращаться после того, как мы разорвем его на клочки. Нам нужно не убить его, а изгнать.

— Но как же это поможет леди Соле?

— Ей не поможет, — покачала головой Гвен и положила руку на плечо Рода. — Это ущемит гордыню графа.

— Точно, — ухмыльнулся Род и запрокинул голову. — Ведь теперь граф — всего-навсего эгоплазма и потому весьма уязвим.

А призрак графа вновь собрал своих приспешников. Это ему удалось только благодаря тому, что он прогнал призрачных коней.

— Убейте их! — свирепо возопил граф и указал на Гэллоуглассов.

Призраки развернулись и, утробно хохоча, двинулись к семейству чародеев.

— Покажи-ка мне, сынок, как он выглядел, когда состарился, — попросил Род.

Магнус сосредоточился, сдвинул брови, и граф, возглавлявший отряд призраков, начал на глазах стариться. Волосы у него становились все реже и реже, и в конце концов он окончательно облысел. При этом живот у него выпячивался все сильнее, и в итоге граф весь раздулся, будто шар. Его щеки и все тело покрылось старческими пятнышками.

Приспешники графа зароптали, начали переговариваться и тыкать пальцами. Кто-то захихикал.

Граф остановился. Злобный оскал сменился недовольной гримасой. Он обернулся, зыркнул на своих подданных, увидел, что те указывают на него пальцами, и резко развернулся к Гэллоуглассам. Физиономия у него так расплылась, что щеки складками легли на плечи.

— Так вот как он выглядел к концу жизни? — спросила Гвен.

Магнус кивнул.

— Так говорят камни.

— Какой же хворью он страдал? — поинтересовался Род.

Магнус усмехнулся.

Граф сделал еще шаг и взвыл от боли.

— Моя подагра! — простонал он.

— Ты уже немолод, — сообщила ему Гвен. — Ты — старый дурак!

Однако злоба, какой пылали глаза графа, была совсем не дурацкая.

— Ты вроде бы еще что-то насчет изжоги говорил? — напомнил сыну Род.

Магнус согласно кивнул, и кожа у его превосходительства стала бледно-желтой.

— Вызывай Солу, — распорядилась Гвен.

Лоб у Магнуса покрылся капельками испарины, а в следующее мгновение в зале появился призрак девушки.

— Зачем, зачем ты снова вызвал меня? — рыдая, проговорила она.

Граф в испуге уставился на Солу. Он отчаянно пытался подтянуть скованную подагрой левую ногу к правой.

— Полюбуйся, — крикнула Гвен, — на триумф твоего мучителя! Он — дряхлый старик!

Сола обернулась и сразу перестала рыдать. Она широко раскрыла глаза, разжала губы. А потом... потом она начала смеяться.

— Перестань! — в страхе приказал граф.

Сола только еще громче расхохоталась.

— Ну-ка, сынок, — глянув на Магнуса, распорядился Род, — пусть он у нас захромает!

Правая нога у графа подвернулась, и он, взвыв от боли и унижения, шмякнулся на спину.

А Сола чуть не захлебнулась от хохота.

Приспешники графа остолбенели и вытаращили глаза.

Граф ерзал по полу, пытаясь подняться, но он был слишком тяжел. Он в гневе взревел, попробовал перевернуться на живот, но и это далось ему нелегко.

Кто-то из подданных графа не удержался и хихикнул.

— Я... — прохрипел граф. — Я отомщу! — Ему наконец удалось подняться на четвереньки. В результате перед придворными предстала его голая спина — и еще кое-что. Тут уж призраки не выдержали и дружно расхохотались. Граф обернулся, вздрогнул, наконец ухитрился встать на ноги. Он развернулся к своим соратникам, сжал рукоятку меча и заорал: — Заткнитесь, тупицы!

— Меч, — еле слышно проговорил Род.

Магнус понимающе кивнул.

Граф попытался выхватить меч. Еще раз, еще — но меч упорно не желал выходить из ножен. Граф обескураженно нахмурился, опустил глаза. Меч был на месте, но не поддавался. Фокскорт потянул изо всех сил — и наконец лезвие меча покинуло ножны. Описав широкую дугу, меч потащил графа за собой. Фокскорт не удержался на ногах и снова шмякнулся на пол.

Его свита взвыла от хохота.

Побагровев, граф снова попытался подняться, и на сей раз он оказался спиной к Соле. Та уже держалась за живот, содрогаясь от смеха.

— Я... — вырвалось у нее. — Я... не должна...

— Нет-нет, смейся, смейся! — подзадорила ее Гвен. — Он стоит того!

Глаза Солы сверкнули.

Граф с трудом встал на колени.

Сола шагнула к нему и хорошенько пнула его сзади.

Фокскорт шмякнулся об пол физиономией. Главный зал огласился оглушительным взрывом хохота.

— Супруг мой, — с трудом удерживаясь от смеха, покачала головой Гвен. — Так шутят только простолюдины.

— Не сказал бы, — возразил Род и посмотрел на Магнуса. — А ведь во время пиршеств под столами всегда сидят собаки, правда?

И тут же появились собаки. Обнюхав графа, они брезгливо наморщили носы. Один пес ухватил Фокскорта зубами за штаны, но тут же отпустил, попятился и жутко заперхал. Остальные собаки зафыркали, повернулись к графу хвостами и принялись задними лапами швырять пыль ему в физиономию. Граф, само собой, взвыл, но его уже никто не слышал.

— Позвольте и мне поучаствовать в этом веселье, — вдруг проговорила Гвен, и в то же мгновение откуда ни возьмись появился двойник графа и шагнул к Соле. Этот Фокскорт выглядел еще хуже предыдущего: его мясистый нос еще сильнее распух, а злобный взгляд стал тупым и смешным.

— Полюбуйтесь, милорд! — выкрикнула Гвен, и стоявший на четвереньках граф развернулся и увидел... самого себя.

Себя — такого, каким его видели другие. Он, пошатываясь, брел к красивой девушке и, протянув к ней разбухшую руку, ворковал:

— О моя красавица, неужто ты мне не рада?

— О, очень рада, милорд, — отвечала Сола и проворно отошла в сторону.

Двойник графа проскочил мимо, обхватил руками воздух, не без труда остановился и развернулся. А Сола смотрела на него и весело смеялась. Теперь граф стал совсем нестрашным. Он махал руками и глупо улыбался — больной, слабый, старый маразматик.

А сам граф вдруг тоже захихикал.

— Это что еще за старый идиот? — вопросил он.

— Кто? — возмущенно выкрикнула Корделия. — У тебя что, глаз нет? Тогда в зеркало погляди!

И перед Фокскортом тут же появилось высокое зеркало. Граф не мог при всем желании не увидеть своего отражения. Он побледнел, перевел взгляд на своего двойника, опять глянул в зеркало...

В конце концов лицо его перекосила злобная гримаса.

— Нет! — хрипло выкрикнул он. — Я вам не позволю надо мной насмехаться! Ко мне, все люди мои! Или вы желаете, чтобы вас изгнали?

Смех мгновенно смолк. Призраки в ужасе уставились на Фокскорта. Они все понимали, что их ожидает.

— Вперед! — свирепо проорал граф, и призраки, угрюмо сдвинув брови, шагнули к чародеям.

— Не забывайте, они способны только пугать вас, — напомнил детям Род. — Теперь разберите их по десятку на каждого и сделай так, чтобы они не были страшными.

— Вот так, папа? — звонким голоском проговорил Грегори, и призрак сэра Боркаса поскользнулся, оступился и шлепнулся навзничь.

— Да, сынок, именно так! Продолжай в том же духе!

Сэр Диллиндэг выхватил меч и обнаружил, что этот вовсе не меч, а цветок маргаритки. Пехотинец взмахнул алебардой, и та завертелась колесом — вместе с вопящим от неожиданности пехотинцем.

— Славно придумано, — процедил сквозь зубы Род. Другой воин, вооруженный алебардой, тоже завертелся на месте — но только его оружие закрутилось на манер вертолетного винта. В конце концов воин разжал пальцы и, изрыгая проклятие, отбежал подальше от своей алебарды.

Тут громко заржал Векс и, встав на дыбы, принялся крушить наступающих рыцарей передними копытами.

Это было ошибкой. И призраки тут же это поняли и с криками бросились на Векса. За несколько секунд они окружили коня и замахали мечами и боевыми топорами.

— Прочь от моего коня! — взревел Род. Теперь, когда его боевому товарищу грозила опасность, он забыл о шутках и решительно пробрался к своему верному скакуну, растолкав призраков.

Около Векса Род оказался как раз в то самое мгновение, когда жеребец вдруг застыл на месте и его голова свесилась между передними ногами.

— Припадок! — простонал в отчаянии Род. — Слишком много врагов, и слишком быстро они на него напали!

— У кого тут эльфийский прострел? — прозвучал неожиданно тоненький мелодичный голосок.

— У коня! — ответил кто-то надтреснутым баритоном. — Но кто его подстрелил?

— Никто из нас, — прозвучал в ответ контртенор.

Род невольно отступил и в изумлении вытаращил глаза. Из расщелин в стенах выбирались миниатюрные призраки и на глазах обретали форму. Полупрозрачные, разноцветные — все они были крошками, не более фута высотой.

— Мамочка! — ахнула Корделия. — Это же... призраки эльфов!

— Но как же это может быть? — изумилась Гвен. — Ведь у эльфов нет душ!

— Это он постарался, госпожа! — сказала эльфийка и указала на Магнуса. — Он пробудил воспоминания всех эльфов, что некогда обитали здесь.

— Но что же погубило вас? — воскликнул Грегори. — Ведь эльфы бессмертны!

— Нас губит прикосновение Холодного Железа — а этот граф был настолько жесток, что вместе со своими приспешниками охотился за нами и убивал нас!

— Славная была охота, — надменно осклабившись, сказал Фокскорт. — И мы снова начнем ее, если вы немедленно не уберетесь отсюда!

— Охота будет славная, — хихикнула хорошенькая эльфийка, — да только на этот раз *ты* станешь нашей добычей! Ну, друзья мои эльфы, на что годится граф?

— Из него можно сделать графит! — весело откликнулись другие эльфы, не меньше десятка!

И тут же призрак графа преобразился: он превратился в скелет, составленный из множества графитных карандашиков, которые принялись весело постукивать друг о друга. Как ни странно, при этом у призрака сохранилась физиономия Фокскорта.

— Да как вы смеете! — вскричал граф, полиловевший от злости.

— Смеем, смеем, и теперь ты ни за что не сможешь убить нас, гадкий граф, — сказал тот эльф, что был повыше других ростом, и злорадно усмехнулся. — Не сможешь, потому что мы мертвы. А теперь — берегись, ибо тебе объявил войну колдовской народец!

Вдруг зал огласился веселым людским смехом, а из полумрака выплыли веселые мордашки эльфов в колпачках с бубенчиками, а потом эльфы стали видны целиком, они были наряжены в пестрое трико. То были шуты, явившиеся, чтобы повеселить почтенную публику.

Фокскорт опять не удержался на ногах: они у него разъехались, и он кувыркнулся и встал на голову. Сола смеялась без остановки. Она прикрыла ладошкой губы, по ее щекам текли слезы. Графская свита принялась отбиваться от эльфов шпагами, но у шпаг вдруг выросли крылья и куриные головы, и они разлетелись, сердито кудахтая. Рыцари отчаянно пытались удержать сползавшие с них латные штаны, а пехотинцы падали, поскальзываясь на размякших фруктах — шуты разбрасывали по полу перезрелые груши и сливы. Весь зал сотрясался от неудержимого хохота.

— Что у вас болит, милорд? — выкрикнул кто-то. — Что, подагра замучила?

— Спать охота, охотничек? — воскликнул другой шут. — На ногах стоять несладко? Отправляйся-ка в кроватку!

— Он теперь и в кроватке ни за кем не поохотится! — хихикнул третий.

А четвертый весело вопросил:

— А ты что руками машешь, сэр Боркас? Или ты — мельница?

— Да нет, он птичка!

— Или, может быть, рыбка? Решил поплавать?

— Сейчас ты очень плавно шлепнешься на пол!

— Поваляйся-ка вместе с графом!

— Поваляйте дурака!

Побледнев от унижения и злости, граф пополз назад, а за ним — его свита.

— Нет, — проговорила Гвен. — Как это невоспитанно с вашей стороны — покидать нас, когда веселье в самом разгаре!

Шуты запорхали около приспешников графа, и вскоре чертыхающиеся на чем свет стоит призраки исчезли, а остался только граф. Эльфы окружили его и принялись тыкать в него пальцами и все хохотали, хохотали...

— Будьте вы все прокляты! — взвизгнул граф в отчаянии, но шуты только рассмеялись еще громче, а один из них воскликнул:

— Братцы, да он, кажись, встает!

— Встанет, да не восстанет! Снова шлепнется!

— Ага, уляжется!

— Полежать-то он любит! С кем-нибудь!

— А стоит-то как, а? Царственная осанка, ни дать ни взять!

— Ну постой, постой немножко... Вот тебе опять подножка!

И конечно же, граф снова растянулся на полу.

— Прочь! — прохрипел граф. — Убирайтесь отсюда, чудища поганые!

— Это он про себя, что ли?

— Ну что, покажем ему его поганую душонку?

— Нет! — взвизгнул граф. — Уйдите! Оставьте меня!

— А где тебя оставить? Под забором?

— Ага, под забором! А на заборе — петухи!

— И курочки-несушки!

— А что курочки несут? Они несут яйца!

И тут же над головой графа зависло призрачное яйцо, ударилось о его макушку, разбилось и облило физиономию Фокскорта своим содержимым. Граф взвыл от отчаяния и попытался уползти на четвереньках, но почему-то не смог сдвинуться с места, хоть и старательно перебирал ногами и руками.

— У тебя теперь одна дорога, — сообщила ему Гвен сурово.

— Дайте мне уйти! Куда угодно, только отпустите меня!

— Отпустить? — пискнул заливающийся смехом эльф.

— Чтоб ему пусто было?

— А может, еще чем-нибудь в него запустить?

— Нет, лучше мы его самого запустим!

Призрак графа начал уменьшаться в размерах и вдруг стремительно помчался прочь, прихрамывая на ходу. При этом он на самом деле все так же оставался на одном и том же месте — на возвышении. Шуты-эльфы притворно гнались за ним, но вот все исчезли, растворились — и они, и сам граф.

Гэллоуглассы умолкли и еще долго стояли и прислушивались.

Еле слышный призрачный хохот еще долго звучал вдалеке, но теперь он звучал не надменно и злобно, как прежде, а весело, насмешливо.

— Мы победили, — ошеломленно прошептал Магнус.

Род кивнул.

— Я так и думал, что мы победим, если не дадим себя напугать. Запечатленные воспоминания не в силах никого ранить, сынок. Только ты сам можешь о них пораниться.

— Но если это всего лишь воспоминания, как же смогли их победить? — удивился Грегори.

— Создав другие воспоминания, которые сумели им противостоять, — объяснила Гвен. — И теперь, если в сознании твоего брата снова эхом отзовется жуткий, порочный образ графа, то сразу же возникнет зрелище его унижения, и оно прогонит Фокскорта, заставит его убраться прочь, как он убрался сейчас. Поймите: в жизни он стремился только к гордыне и власти, чтобы с их помощью добыть все, чего он желал. Чувство власти доставляло ему истинное наслаждение. Похоть и жестокость более, чем что-то другое, питали это чувство.

У Корделии в глазах вспыхнули веселые огоньки.

— А тут он сам стал посмешищем, жутко осрамился!

— Да, и притом — на глазах у своей жертвы.

— И понял, что даже не может защищаться! Да, неудивительно, что он позорно бежал!

— Но если это вправду была его душа, — нахмурившись, проговорил Магнус, — если то были только воспоминания, запечатленные в камне, пробужденные силой моего сознания, то все, что мы видели, могло быть всего-навсего... иллюзией.

— А если это так, — заключил Грегори, — то его душа на самом деле уже двести лет, как горит в аду!

— Грегори! — ахнула Гвен, потрясенная тем, что слышит такие слова от своего восьмилетнего сына.

Грегори удивленно посмотрел на мать.

— Но священники говорят такие речи на проповедях, мамочка. Почему же мне нельзя так сказать?

Род решил избавить Гвен от необходимости отвечать.

— Пожалуй, пора оживить Векса, — поспешно проговорил он.

— О да! — воскликнула Корделия и подбежала к неподвижно стоящему коню. — Оживи его поскорее, папочка! И как я только могла забыть про него?

— Просто все мы были немножко заняты, — пояснил Род, подошел к Вексу и нащупал под седлом кнопку переза-

рядки — увеличенный «позвонок». Он нажал на кнопку, и конь-робот медленно поднял голову. Вскоре его пластиковые глаза прояснились.

— У-у-у-у... б-бе-д-д-я... был при-и-ипа-адок?

— Да, — кивнул Род. — Погоди, сейчас все пройдет.

— У меня... припадки проходят... быстрее, чем у людей, — медленно проговорил Векс, обвел взглядом опустевший зал, увидел все семейство. Грегори разводил огонь в камине. — Призраки... Они...

— Исчезли, — подтвердил его догадку Род. — Мы их настолько обескуражили, что они решили поискать себе другое жилище.

Корделия поморщилась.

— Папа, похоже, на тебя дурно повлияли призраки эльфов.

— Призраки... эльфов? — озадаченно переспросил Векс.

Магнус кивнул.

— Это ты их вызвал, а я невольно тебе помог.

— Я?! Да как же я мог...

— В народе думают, что припадки насылают эльфы, — объяснил Грегори. — Призраки эльфов решили, что тебя подстрелил один из них, вот и явились, чтобы узнать, кто это сделал.

— Но ведь призраки эльфов — это... это просто иллюзия!

— Так и есть, — подтвердила Корделия. — А граф и его свита разве не были иллюзией?

— Но если все призраки — иллюзия, — нахмурившись, проговорил Джеффри, — как же тогда — наша битва с ними? Почему нам удалось их прогнать?

— Вы их прогнали, потому что противостояли им, — ответил Векс. — Поверь мне, Джеффри: с этим процессом я знаком не понаслышке.

Род удивленно посмотрел на своего верного товарища и в конце концов догадался, что тот сравнил компьютерную программу с интерактивной связью, возникшей между психомет-

ристом и сохраненными эмоциями. Пожалуй, и правда это была неплохая аналогия.

— Значит, призрак Солы на самом деле не был ее душой?

Гвен развела руками.

— Не знаю. Не могу судить. Была ли то ее душа, был ли то сон — но я думаю, теперь она свободна и может улететь в Рай.

— Тем не менее, — задумчиво проговорил Род, — будет не лишним пригласить на обед отца Бокильву. Он и в компьютерах соображает, и воды святой принесет.

Далеко-далеко послышался жуткий вопль. Кричал мужчина. Но его крик вскоре стих, а вместе с ним — веселый смех эльфов.

— Теперь мы здесь одни? — негромко спросила Гвен.

Магнус сдвинул брови, подошел к стулу Фокскорта и крепко сжал обеими руками его спинку. Простояв так несколько секунд, он кивнул.

— Не осталось и следа ни от графа, ни от какой-либо былой злости и тоски.

И вдруг... появилась она — Сола. Ее силуэт засверкал перед Магнусом в полумраке. Девушка казалась живой и еще более прекрасной, чем прежде.

— Дело сделано! — воскликнула она. — Вы славно потрудились!

Магнус замер и зачарованно смотрел на Солу, не в силах вымолвить ни слова.

Пришлось Корделии заговорить с девушкой.

— Злобный граф бежал?

— Да! — воскликнула Сола и, сияя, обернулась к девочке. — Фокскорт понял, что теперь здесь будут всегда смеяться над ним, если он осмелится тут задержаться, и потому поспешил, дабы найти свою участь в загробном мире — уверенный в том, что там ему не будет хуже, чем здесь.

Род осведомился:

— Не удалось ли ему перед кончиной поэвать священника?

— О да, удалось, и граф покаялся в своих прегрешениях, когда понял, что смерть его близка. Однако та его частица, что задержалась здесь, все еще пыталась превратиться в бледную тень Фокскорта, все цеплялась за былые услады.

— Вот ведь пакость какая! — возмутился Джеффри. — Неужели и в Царствии Небесном нет справедливости? Неужто и там ему не воздали по заслугам?

— Это не так, — покачала головой Гвен и положила руку на плечо сына. — Сначала граф должен осознать свою вину всем сердцем своим, а потом его душе еще долго придется пробыть в Чистилище, сынок, — если ее, конечно, туда допустят. Быть может, он не слишком искренне каялся на своей последней исповеди.

Джеффри ответ матери явно не удовлетворил, но все же он промолчал.

— Я тоже жажду справедливости, — призналась Сола, — но меня радует и то, что его зверствам пришел конец. Благодаря вашей помощи, добрые люди, теперь более никто не станет страдать от жестокости графа Фокскорта. Вы доказали, что мой отец и брат погибли не зря, а благородно и достойно, вы отомстили за страдания моей матери. Злодей наказан, и добро восторжествовало!

Род обвел взглядом свое семейство.

— Надеюсь, вы не обидитесь на меня за то, что я ощущаю определенное удовлетворение?

— Вы и должны его ощущать, — сказала Сола, шагнула вперед и раскинула руки. Казалось, она готова обнять всех Гэллоуглассов. — Я вам несказанно благодарна. Вы избавили меня от бесконечных страданий. — Она обернулась к Магнусу. — Но более всех я должна поблагодарить тебя, о отважный юноша. Ты, как никто другой, желал помочь мне. Это ты открыл мне дорогу к воле, дабы я могла покинуть этот порочный круг и отправиться на Небеса.

— Я... Для меня... большая честь...

— А для меня — еще большая! Не сомневайся: если я достигну Райских Чертогов, у тебя будет верный друг в загробном мире! — Она обернулась и подняла руку в прощальном жесте. — Прощайте, мои добрые друзья, и молитесь за меня!

С этими словами она исчезла.

В зале стало темно и тихо, только потрескивали поленья в камине.

— Я буду, буду молиться за тебя, — пробормотал Магнус, глядя туда, где только что стояла Сола. — И пусть твой путь в Рай будет кратким и благословенным, о прекрасное создание!

«Она пообещала, что станет его другом, — подумал Род. — Но он это не совсем то, чего бы ему хотелось...

В главном зале замка воцарилось спокойствие. Корделия, Джеффри и Грегори расставляли по местам мебель, перевернутую в пылу сражения с призраками. Джеффри, конечно, ворчал — и до уборки, и в ее процессе, и потом.

— А Магнус почему нам не помогает, мама?

— Тс-с-с! — шикнула на него Гвен. — Пусть ваш брат немного побудет один. Его сердце должно вновь стать целым.

Корделия испуганно обернулась.

— Так у него что же, разбилось сердце?

— Скажем так: его чувства стали, с одной стороны, очень тяжелыми, а с другой — наоборот, слишком легкими. И теперь ему нужно обрести равновесие.

— Глупости какие-то, — проворчал Джеффри и отправился к Вексу в поисках разумных мыслей.

Гвен выглянула в окно и увидела маленькое древнее кладбище за крепостной стеной.

— Что ты видишь? — тихо спросил Род.

— Нашего мальчика, — так же тихо ответила Гвен. — Он стоит неподвижно и смотрит на надгробье.

— А, понятно, — кивнул Род. — Могила Солы. Бедняга. Я его понимаю.

Гвен обернулась и изумленно посмотрела на мужа.

— Понимаешь?

Род долго смотрел в глаза Гвен. Наконец краешки его губ тронула улыбка.

— Ну конечно, дорогая, — ответил он. — Ведь тебе же пришлось лечить мое разбитое сердце, когда мы встретились с тобой.

Гвен пытливо заглянула в глаза Рода и тоже улыбнулась и снова повернулась к окну. Род обнял ее, а она прижалась к нему и положила голову на его плечо. Они смотрели на сына, стоявшего у могилы возлюбленной.

— Найдет ли и он ту, которая излечит его сердце?

— Мы можем только надеяться на это, — выдохнул Род. — На то, что однажды на его пути повстречается женщина, из-за которой он забудет о былых сердечных ранах.

Гвен посмотрела в глаза Рода. А в ее глазах светились ясные звездочки.

Корделия внимательно наблюдала за отцом и матерью с противоположной стороны зала.

— Векс? — тихо проговорила девочка.

— Да, Корделия?

— А мама — единственная, кто был влюблен в папу?

— Я уже говорил тебе раньше насчет вопросов о личной жизни твоего отца, — немного сурово отозвался Векс. — Эти сведения строго засекречены. Спроси отца, пусть он тебе и отвечает.

— Но он же ни за что не расскажет, хотя это так важно!

— Значит, и я не расскажу, Корделия.

— И мы больше никогда ничего не узнаем про папины приключения? — огорчился Грегори.

Векс пару мгновений помолчал и отозвался:

— Не могу сказать, дети. Это, конечно, будет зависеть от разрешения вашего отца...

— А он ни за что не разрешит! — возмущенно буркнул Джеффри.

Векс молчал.

— Думаешь, все-таки разрешит, Векс? Да?

— Судить наверняка трудно, Корделия. Даже я не способен предугадать, на что может согласиться ваш отец, когда время и обстоятельства избраны верно.

— Значит, будут, будут еще рассказы? — с надеждой спросил Грегори.

— Ну конечно же, будут, дети! У вас было много предков, и не все они жили скучно. Как только пожелаете, вам нужно только попро...

— Сейчас!

— Расскажи про какого-нибудь предка, Векс!

— Это же наши предки, как-никак!

— Расскажи!

— Расскажу, но не сию минуту, — согласился робот. — Даже мне порой надо отдохнуть и поразмыслить на досуге — особенно сейчас, после нашего сражения с графом Фокскортом.

— Значит, перед сном?

— Перед сном, — ответил Векс. — Или в другой день.

— А завтра, — радостно воскликнула Корделия, — это как раз и будет — другой день!

ЭПИЛОГ

Хосе встал и отправился с докладом к начальнику. Он понимал, что может лишиться работы, но решил, что уж лучше пусть его уволят, чем с конвейера сойдет робот, который потом кого-нибудь прикончит из-за ошибки в программировании.

Он постучал в дверь кабинета.

— Эл?

Дверь открылась. Эл посмотрел на Хосе и улыбнулся.

— Привет, Хосе. Что хорошенького? — Но тут он заметил выражение лица молодого программиста и насторожился. — Входи. Может, присядешь?

— Присяду, — скованно кивнул Хосе и осторожно опустился на стул. Почему-то он чувствовал себя постаревшим на много лет.

— Ну, так что стряслось?

— Я скопировал в мозг робота Декларацию независимости вместе с операционной программой.

Эл вздрогнул, сел прямо. Глаза у него стали большие и круглые.

— Ты скопировал... ЧТО?!

— Декларацию независимости.

Эл оглушительно расхохотался.

Хосе вытаращил глаза и непонимающе нахмурился.

— Это не смешно, Эл! Нужно снять робота с конвейера!

— Про... Прости, — выдавил Эл, перестал смеяться, стал серьезным, откинулся на спинку стула, но тут же опять расхохотался и схватился за живот.

Хосе горестно вздохнул и стал ждать, пока начальник не успокоится. Как ни странно, смех Эла заставил его ощутить какое-то подобие надежды на лучшее.

В конце концов Эл совладал с собой и, улыбаясь, склонился к столу.

— Извини, Хосе. Но признайся: это что-то новенькое! Как же ты ухитрился это отмочить?

Хосе беспомощно развел руками.

— Я читал эту Декларацию — нужно было провентилировать одно местечко, уточнить кое-что... Текст был выведен на экран, и тут Боб меня позвал — у него возникла очередная заморочка. Когда я вернулся к монитору, текст Декларации пропал с экрана, и я о нем напрочь забыл.

— Но он сохранился в памяти, — кивнул Эл и с усмешкой покачал головой. — Интересно... А зачем тебе вообще понадобилась Декларация? Кому бы пришло в голову ее штудировать?

— Дело принципа. Я кое с кем поспорил, — смущенно пробормотал Хосе.

— Но, с другой стороны, — сам ответил на свой вопрос Эл, — кому бы взбрело в голову прийти и все честно и откровенно рассказать — вместо того чтобы скрыть это досадное происшествие? — Наконец во взгляде Эла появилось сочувствие. — Ты прав, Хосе, — сказал он. — Верно, дело может обернуться худо. А что за программа-то была?

— Из новых. Для серии ВКС.

Эл кивнул.

— Ясно. Как раз то, что надо. Для такого случая ты выбрал именно модель, которая только-только запускается в производство, — проворчал он, но тут же задумался и проговорил: — Минутку, минутку... Может быть, еще не все потеряно.

Хосе снова ощутил абсолютно неоправданный прилив надежды на лучшее, но постарался его прогнать.

— Как же так? — потерянно вопросил он.

— Эта серия именуется «Верный Кибернетический Спутник». Программа рассчитана на предельную верность и на столь же предельное послушание, — проговорил Эл, развернулся к монитору и вывел на экран программу. — Вероятно, она окажется достаточно сильной и сможет противостоять Декларации.

Хосе непонимающе сдвинул брови.

— Как это, интересно, программа сможет противо... — Но тут его озарило. — Конечно! Если робот тебе беспредельно верен, он может быть сколь угодно независимым, но при этом все равно останется на твоей стороне!

Эл согласно кивнул.

— Независимость может вступить в спор с тенденцией к послушанию, но верность заставит робота все равно выполнять приказы владельца — если только, конечно, не возникнет жутко веской причины нарушить приказ. — Он пожал плечами. — Но, с другой стороны, все наши программы предусматривают отвод противозаконных команд или команд, подразумевающих грубое нарушение морально-этических норм.

Хосе ощутил радостное волнение.

— Значит, робота не придется уничтожать?

— А тебя не придется увольнять, — кивнул Эл. — На всякий случай я еще раз перепроверю программу, но думаю, никаких проблем не будет. — Он обернулся и очень строго посмотрел на Хосе. — Только чтобы такое больше не повторялось — договорились?

Хосе, не спуская глаз с начальника, скованно кивнул.

— Никогда не повторится, Эл. Честное слово.

— А с кем ты поспорил, если не секрет? — осведомился Эл.

Хосе сглотнул подступивший к горлу ком.

— С женой.

Эл скорбно поджал губы.

— Ясно. Тут уж, как говорится, медицина бессильна. Только ты в следующий раз, если вы опять поспорите, лучше дома посиди, на работу не приходи. Ладно?

Хосе согласно кивнул.

— Обещаю, Эл. Уж лучше совсем не работать, чем так...

Эл усмехнулся.

— Вот именно. Ну, иди. Никто тебя не уволит.

Но Хосе уже думал о другом: о том, что если робот мог остаться до мозга костей своей программы независимым и при этом все равно сумел бы сохранить верность владельцу... ведь, наверное, и человек бы так смог! А если так, то скорее всего можно быть по-настоящему независимым и при этом — женатым! Хосе встал и, весело насвистывая, отправился на свое рабочее место.

Обезумевший чародей

1

— Да, но не ты же должна была расчищать дорогу!

— О, будет тебе, супруг мой. — Гвен крепче сжала руку мужа и смешливо поджала губы. — Погляди — все так красиво при свете луны. Да и сил прикладывать не пришлось, если на то пошло.

Род улыбнулся, глядя на то, как их дети мчатся впереди, старательно избегая образцово расчищенной дороги и предпочитая сугробы на обочинах, где можно было хорошенько вываляться в снегу. Джеффри затеял игру в снежки, и Магнус охотно в нее включился.

— Погляди, и Грегори старается, хотя у него не очень-то получается.

— Он просто-напросто отвлекается на наблюдение за траекториями полета снежков, Род, и игнорирует цели, — послышался голос большого черного коня, шагавшего позади супругов. Род услышал этот голос благодаря миниатюрному микрофончику, вживленному в кость черепа у него за ухом. — Таким сыном можно гордиться.

— Верно. Я и горжусь, Векс. Очень горжусь. — Род улыбнулся, взглянув в глаза Гвен, и она ответила ему лучистым взглядом. — Да они все достойны того, чтобы ими гордились, — каждый по-своему. — Он запрокинул голову и усмехнулся. — И каждая.

Корделия стояла поодаль и наблюдала за братьями, заносчиво вздернув подбородок. Девочка делала вид, будто она выше подобных забав, — и при этом комкала за спиной снежок, высматривая подходящую цель.

Окрестности и вправду были необыкновенно хороши при луне. Чернели впереди тени, отбрасываемые зубцами крепостной стены, поблескивали сугробы по обе стороны от расчищенной дороги, вившейся по склону холма, темнели внизу домики деревни. И Род вовсе не собирался менять добродушную болтовню с женой на споры.

— И все же... насчет расчистки снега. Не ты ли сама то и дело твердишь, что мы не должны пользоваться волшебством, выполняя будничную работу?

— Верно, этого делать не стоит, — решительно кивнула Гвен. — Ведь наши мальчики достаточно сильны для такого труда, да и наша дочь...

— Вполне способна поработать обычной метлой. Ладно, твоя взяла. Мне нравится. Честно признаться, я еще не успел отойти от блеска Двенадцатой Ночи. Какую роскошную вечеринку закатили Туан и Катарина!

— Да, они очень радушные хозяева — а уж особенно в дни праздников и пиров.

— Ох уж эти пиры! Тебе пришлось чуть ли не катить меня с холма, будто бочонок. — Род ностальгически, блаженно улыбнулся, припоминая жирного гуся, ветчину... и колбаски... и трюфели... — Извини, что для тебя там ничего не нашлось, Векс.

— Напротив, Род. Было вдосталь овса и сена — и мне пришлось сделать вид, что я все это старательно потребляю, чтобы конюшие ничего не заподозрили. Между тем мне было весьма любопытно понаблюдать за тем, насколько бесчисленны варианты поведения этих людей.

Род непонимающе сдвинул брови.

— А я думал, ты уже знаешь наизусть повадки всех конюхов в Грамерае.

— Знать — это одно дело. Понимать — совсем другое.

— О. — Род прикусил язык. — Ну и что же? Вызнал что-нибудь новенькое?

— Ну... Имели место кое-какие вариации в ритуале ухаживания, к примеру...

Род усмехнулся.

— Ясно. У слуг тоже был праздник, верно? Да и пир закончился более четырех часов назад. — Он нахмурился. — Признаюсь честно, у меня такое ощущение, будто у меня теперь никогда не обострится аппетит.

Подбежал Грегори — румяный, со сверкающими глазами.

— Папочка! Папа! Там у дороги... тетенька! Она... торгует жареными каштанами! Можно нам купить?

— О, пожалуйста! — взмолилась подбежавшая следом за младшим братиком Корделия.

— А я тут об аппетите рассуждаю, — усмехнулся Род, вынул кошель и достал медную монетку. — Ладно, детки. Только нам оставьте немножко, договорились?

— Половину вам принесем, — пообещал Грегори, схватил монетку и был таков. Корделия бросилась за ним.

— Приятно, что мы сумели хоть чем-то помочь бедняжке, — проговорил Род. Теперь и он увидел старушку, стоявшую у дороги и кутавшуюся в шаль. Она высыпала каштаны в платок, расправленный Корделией.

— Да, — кивнула Гвен и прижалась к Роду. — Не очень-то приятно в такой холод мерзнуть у дороги.

— Туан и Катарина принесли процветание стране — в общем и целом, — отметил Векс. — Но с нищетой пока не справились.

— С этим и до них никому справиться не удавалось, но они все-таки стараются обращать на это внимание. Но у этой старушки хотя бы есть жаровня, да и одета она более или менее празднично.

— Держите! — крикнул Грегори, снова подбежав к родителям. Сейчас он был похож на бурундучка. Его братья и

сестра с аппетитом грызли каштаны и бросали на снег скорлупки, не проявляя особой аккуратности.

— Вот спасибо! — воскликнул Род, но Грегори его не услышал — малыш уже вернулся к остальным детям. Род вздохнул. — Вот пострел! Хочешь каштанчик, милая?

— Благодарю, — отозвалась Гвен, взяла каштан, аккуратно очистила и принялась понемногу откусывать.

Род сунул в рот ядрышко целиком и, начав жевать, выпучил глаза.

— Вот это да! — вырвалось у него. — Не думал, не гадал, что каштаны могут быть такими вкусными!

— Верно, — кивнула Гвен и покачала головой. — Они пожарены со специями. Ну-ка, ну-ка. Тут не обошлось без розмарина — это чтобы хорошенько запомнить вкус...

— Да, необычный подбор специй, — согласился Род. — Но признаюсь, просто объедение. — Он взял третий, последний каштан. — Поделимся?

— Пожалуй, — улыбнулась Гвен. — Нам они три каштана дали, а сами, интересно, сколько слопали?

— По полдюжины каждый, можно не сомневаться. Надо бы купить еще. — Но тут Род увидел, что старушка, забросав костерок снегом, взяла котелок и направилась по дороге, уводящей с холма вниз. — Эх, жаль — похоже, мы купили у нее последние каштаны.

— Наверное, она неплохо подзаработала — ведь домой из замка возвращались почти все жители деревни.

Род кивнул.

— По полпенни с каждого — это уже недурственно. Хорошо, что мы успели купить такое чудесное лакомство — получилось приятное завершение прекрасно проведенного дня.

Корделия вернулась к родителям, оглянулась на уходящую старушку и встревоженно проговорила:

— Отчего у нее такие пустые глаза, мамочка?

— Ах, — вздохнула Гвен и обменялась взглядом с Родом. — Думаю, это всего лишь оттого, что она — самая простая деревенская женщина.

— Простая? — переспросила Корделия. — Как королевский шут?

— О нет! — покачал головой Род. — Шута только принято называть «простаком». На самом деле этот человек очень умен, детка, на редкость сообразителен, а уж по части чувства юмора — настоящий гений.

— Тогда почему, — поинтересовался Магнус, — его называют простаком, а то и дураком?

— Потому что кое-что из того, что он говорит и вытворяет, и вправду очень глупо.

— Но ведь это все равно как если бы ты сказал, что все это делает дурак, — возразил Грегори. — Какой же в этом смысл, папа?

— Смысл, боюсь, довольно неприятный, — ответил Род, а Гвен негромко добавила:

— В стародавние времена господа брали себе в дом простачков и держали их при себе, дабы потешаться над их неуклюжими повадками и глупыми высказываниями. Это очень забавляло господ.

— Как жестоко! — возмущенно воскликнула Корделия, и все трое ее братьев согласно кивнули.

Ощутив прилив гордости за детей, Род подтвердил:

— Верно, это было очень жестоко, и, к сожалению, короли и королевы в этом смысле не являлись исключением. Большинство людей во все века смеялись над умственно отсталыми.

— И даже теперь в любой маленькой деревушке вы найдете многих, кто готов потешаться над местным дурачком, — печально проговорила Гвен. — Это жестоко, но так уж повелось.

— Поэтому, пожалуй, можно и так сказать, что умные люди, обладающие комическим талантом, сумели убедить господ в том, что они еще глупее дурачков, — подвел итог Род.

— Да уж, — скривился Джеффри. — По крайней мере они-то хоть дурачатся по своей воле.

— А вот я слышал, как некоторые дамы говорили про шута, будто он «чокнутый», — заметил Грегори. — Они что, хотели сказать, что у него с головой не все в порядке?

Род улыбнулся, сверкнув глазами.

— Да, сынок, я так думаю, слово «чокнутый» означает именно это. Хотя откуда оно взялось, теперь судить трудновато. Когда мы так говорим, это значит, что человек ведет себя безрассудно. — Тут он нахмурился. — Погодите, погодите...

— Это значит, что поступки и слова такого человека неразумны, — подсказала ему Гвен.

— Значит, «чокнутый» лишен рассудка? — спросила Корделия.

— Да нет же! — вскричал Джеффри. — Рассудка лишен тот, кому дали по башке, а он и отключился.

— И да, и нет, — с улыбкой проговорила Гвен. — Но все же про человека, которого ударили по голове и он погрузился в состояние, похожее на сон, лучше сказать, что он лишился чувств, а не рассудка. Того же, у кого обо всем неправильные суждения, вернее назвать безумцем.

— Или того, у кого представления об окружающем мире настолько искажены, что поведение его совершенно непредсказуемо, — добавил Род. — Он с одинаковой легкостью как восславит вас, так и убьет.

— Ой! — вырвалось о Грегори. — Так вот что такое безумие!

— Да, пожалуй, можно и так сказать, — медленно протянул Род. — В этом смысле, наверное, был безумен граф Орландо.

Магнус нахмурил брови.

— Мне он не знаком.

— Он вряд ли может быть тебе знаком, сынок, — с улыбкой отвечал Род. — Роланд, или, как его называют в Италии, Орландо, был племянником Карла Великого...

— Императора франков? — вытаращил глаза Джеффри. — Так ведь Карл — это не сказка, он вправду существовал!

— Это верно, — кивнул Род и одарил Векса уважительным взглядом. Всякий, кому бы удалось заинтересовать Джеффри историей, заслуживал титула волшебника. Правда, Карл

Великий имел немалое отношение к истории *военной*, и все же... — Но сказки и легенды складываются о тех людях, которые изменяют мир, а Карл Великий изменил мир. Однако что еще можно сказать о короле? Король большую часть своей жизни посвящает правлению. Быть может, это само по себе и интересно, но правление не так уж часто изобилует драматическими моментами, поэтому сказители обычно избирают кого-либо из окружения правителя и слагают предания именно о нем. В случае с Карлом Великим такой фигурой стал его племянник.

— Так он на самом деле жил?

— Мы так полагаем, — встрял Векс. — Хотя он наверняка не совершал тех сверхъестественных деяний, которые ему приписывают. Однако он действительно стал образцовым героем сказаний, описывающих сказочный мир, который на самом деле никогда не существовал.

— И он сошел с ума?

— На некоторое время, — ответил Род. — Потому что влюбился в даму, которая не пожелала иметь с ним ничего общего. Когда же он узнал о том, что она вышла замуж за другого, его объяла неудержимая ярость, и он принялся крушить все на своем пути — вырубать леса, убивать неповинных крестьян — не говоря уже о том, что порой приканчивал и пару-тройку рыцарей.

— Неужто все безумцы вправду такие? — вытаращив глазенки, прошептал Грегори.

— Не «безумцы», Грегори, — поправил его Векс. — Речь идет о психически больных людях. — А у психических заболеваний есть много разновидностей и стадий. Но одна-две разновидности таких болезней действительно выражаются в том, что люди, страдающие ими, приобретают склонность к буйству, разрушениям, причинению вреда другим людям и даже к убийствам.

— Но все же не до такой степени, как это было с Орландо, — поспешно вмешался Род. — Честно говоря, я бы приравнивал

нял его «безумие» к болезни под названием «бешенство», только во много раз страшнее.

— О! Я слышала про такую хворь! — воскликнула Корделия и поежилась. — Бедняги, которые ею страдают, становятся похожими на диких зверей, ведут себя ужасно и только и ждут, как бы укусить кого-нибудь, кто попадется на их пути!

— К несчастью, это правда, — подтвердил Векс. — И их порой называют безумцами.

— Но ведь это не так, Векс! Болеет их тело, зараженное после укуса собаки или крысы!

— Все правильно, — кивнул Род. — Однако одно из проявлений этой болезни в том, что ее жертва перестает мыслить разумно и становится очень враждебной.

— Существует целый ряд психических заболеваний, дети, у которых есть физические, внешние причины, — спокойно проговорил Векс. — Даже такие незначительные, как, скажем, изменения в балансе химических веществ в организме человека.

— Погодите, погодите! — Джеффри поднял руку и зажмурился. — Вы меня совсем запутали! Вы говорите, что простые люди — дурачки, но дурачки — очень умные?

— Тут все дело в фигурах речи, — объяснил Векс. — Словом, которое означает одно, люди порой пользуются для описания другого. Можно сказать, Джеффри, что дурак — это человек с неправильными суждениями.

Джеффри ответ коня-робота явно не убедил, а вот Корделия немного растерянно пробормотала:

— Пожалуй, теперь я кое-что начинаю понимать...

— Думаю, ты мог бы просветить детей, если бы рассказал им эту историю, — посоветовал Вексу Род.

— Историю?

— Расскажи, расскажи!

— Да-да, расскажи, Векс! Расскажешь — и нам все будет ясно!

— Не сказал бы, что эта история блещет литературными достоинствами, — вяло возразил робот, — однако сюжет притчи и вправду проясняет кое-какие моменты и служит назиданием.

— Тогда расскажи притчу!

— А именно, — встрял Род, — притчу о мудреце, шуте, дураке, простачке и безумце.

— Ага, расскажи!

Дети остановились посреди дороги и собрались вокруг величественного стального жеребца.

— Как пожелаете, — вздохнул Векс. *Мудрец сказал: «Господа, мир погибнет завтра, если вы не спасете его.*

Безумец довольно ухмыльнулся.

— Если мы не спасем его? — переспросил дурак. — А ты, стало быть, рисковать не желаешь?

— Ну, вот уж вправду дурак, — фыркнул Джеффри. — Вздумалось ему спорить о том, кто пойдет в бой, а кто — нет, когда миру грозит погибель!

— Кое-кто спорит точно так же, — выразительно посмотрела на братца Корделия.

— Но не тогда, когда грозит беда!

— Не в тот самый момент — пожалуй, — предложил компромисс Векс. — Значит, вы понимаете, что общая беда важнее личной гордыни. Так вот... *Мудрец ответил дураку: Я пойду с вами и покажу, где надо копать.*

Тогда дурак устыдился и спросил:

— Ты говоришь то самое, что думаешь?

— Несомненно, — ответил мудрец.

Простак старательно сдвинул брови и спросил:

— Как же может погибнуть весь мир — он ведь такой здоровенный!

— Под землей бушуют ужасные пожарища, — ответил ему мудрец. — Пламя горит очень сильно и пожирает все вокруг себя. Если мы не выпустим его наружу, от дыма земля треснет и разлетится на куски.

Простак вытаращил глаза.

— Да откуда же под землей что возьмется? Под ногами-то у нас одна грязь да пыль.

— На первый взгляд — так и есть, — согласился мудрец. — Но на самом деле наш мир — это огромный шар. Такой огромный, что мы с вами — всего лишь крошечные точки на его поверхности. А внутри этот шар пустой, полый, и в нем бушуют пожары.

Но простак только головой покачал — никак он не мог в такое поверить.

— Ну и как же нам спасти мир? — спросил дурак.

— Нужно вырыть глубокую яму, — ответил мудрец, — чтобы сделать что-то вроде дымохода.

— Ну так ведь это сколько копать придется! — замахал руками дурак.

— Вот-вот, — кивнул Джеффри. — А в результате получится вулкан. Он что, не знал этого, этот твой мудрец?

— Знал, и шут это тоже знал, потому и сказал:

— Неправда ваша, дяденька: не мир наш тогда погибнет, а мы сами. Стать мясом с дымком — это уже не больно хорошо, а уж стать обугленным мясом — совсем худо.

— Вот как здорово сказал! — похвалил Грегори. — И умно, и остроумно!

— Да нет же, он попросту струсил!

— Скажем так: он проявил разумную предосторожность, — вмешался Векс. — Но мудрец ему ответил:

— Если хоть кто-то не решится сгореть дотла, все до единого разлетятся в клочья.

Тогда шут поежился и сказал:

— Увы, увы! Будь он проклят, этот день, за то, что я должен стать одним из тех, кому втолковали, что это нужно! Но я пойду с вами. Уж лучше гореть, чем препираться и медлить.

Гвен недовольно глянула на Векса, а Род пробормотал:

— Это и вправду спорно.

Векс торопливо продолжал:

— *И тогда все они взяли лопаты и пошли за мудрецом на поле, и стали копать, где он им указал. А мудрец стоял, опершись на черенок лопаты, и наблюдал за ними.*

— И это все? — возмутился Магнус. — Никакого тут нет безумия! Тут только лень и глупость, и безучастие!

— Верно, — согласилась Корделия. — А что же сделал безумец?

— Когда все ушли обедать, Корделия, он закопал яму.

Дети ошеломленно вытаращили глаза. Гвен неуверенно воззрилась на Векса, а Род с большим трудом удержался от улыбки.

— И мир был разрушен? — вырвалось у Грегори.

— Да нет же! — вскричал Джеффри. — Мы же на земле стоим сейчас!

— Это всего лишь притча, дети, и в ее основе лежит лишь воображение, — объяснил Векс. — Но в этой истории мир таки был разрушен.

— Ну, — ахнул Магнус, — тогда этот герой и вправду был безумец!

Он выпучил глаза, потрясенный собственными словами.

— Уж это точно, — подхватила Корделия и раздумчиво протянула: — Вот оно какое, оказывается, безумие!

— Но это только один его вид. — Грегори обернулся к Вексу. — А ты сказал, что видов безумия много, и по силе оно разное.

— Верно, — согласился Векс. — Но одно остается общим: психически больные люди совершают бессмысленные поступки — по крайней мере люди психически здоровые смысла в этих поступках не видят.

Род кивнул.

— Так что вы, детки, сильно не переживайте, но постарайтесь помогать простакам и безумцам, чем сможете.

— А с дураком как быть, папа?

Род неловко переступил с ноги на ногу.

— Вот не знаю, можно ли чем-то помочь дураку, ребята. Ну разве что уберечь его от большой беды. Но помните, развеселить дурака трудно.

Магнус усмехнулся.

— Понятно, пап. Будем помогать им, как получится. Ну а если не будет получаться, огорчаться не станем.

— Хорошо сказано, — усмехнулся Род. — А сейчас надо думать о том, что подошел к концу очень славный денек.

— Да, — проговорила Гвен, коснулась рукой плеча мужа и с улыбкой посмотрела ему в глаза. Род ответил ей улыбкой и понадеялся на то, что верно прочел в ее взгляде обещание.

— Я бы вам посоветовал под ноги смотреть, — заметил Векс.

— Я тебя понял. Постараемся следовать твоему совету. — Род издал счастливый вздох и вернулся на дорогу. — Жаловаться не на что. Чудесная зимняя ночь, ясная и тихая, и звезды светят так ярко.

— Да, и та луна из двух, что больше, почти полная.

— Точно, — сказал Род, запрокинув голову и взглянув на серебристый круг через кружево ветвей. — Забавно... Когда смотришь на любую луну приличных размеров, она всегда кажется похожей на лицо.

— На лицо? — тоненьким голоском переспросил Грегори. Род опустил голову и посмотрел на младшего сына. — А ведь ты как-то раз говорил, что на луне можно целого человека разглядеть!

— Ага, и еще собаку у его ног! — выпалила Корделия, которая имела привычку на всякий случай поддерживать младшего братика.

— И фонарь! — не желая оставаться в стороне, подхватил Джеффри.

Все дети вдруг снова обступили Гвен — только Магнус, старший, остался чуть поодаль. Он стоял, приглаживая кончиком пальца пробивающиеся усики. (Род мысленно отметил,

что пора бы научить парня бриться, пока тот не зарос до такой степени, когда эта процедура уже стала бы бесполезной.)

— Это в средние века распространилась такая традиция, дети, — вступил в разговор Векс, — и стало принято считать, что на луне видна фигура человека с фонарем и собакой.

— Да, и притом — на Терре, дети, прародине человечества, — напомнил Род и улыбнулся Гвен. — Когда мы там побывали, порой у нас хватало времени полюбоваться на тамошнюю луну.

— Ой, расскажите еще разок, пожалуйста, как вы были на самой первой луне, известной людям! — взмолился Джеффри.

Род покачал головой.

— Не сегодня. Но за себя скажу: лично я никогда не видел ничего, кроме черт лица.

— Значит, Человек с луны живет только в нашем воображении, папа, а на самом деле его там нет?

Род кивнул и снова посмотрел на один из двух спутников Грамерая.

— Можно и так сказать, Грегори. Конечно, многое зависит от того, кто смотрит. По-моему, если попытаться увидеть, что там на самом деле, а не то, про что все вокруг говорят, то получится, что грамерайская луна похожа на...

— На пирог! — выкрикнул Джеффри.

— На шиллинг! — нараспев выговорила Корделия.

— На сыр!

— На зеркало!

— А я хотел сказать: «на глаз», — усмехнулся Род. — Видите? Вот сейчас этот глаз мне подмигнул.

— Как это?

— Где?

— А мне от тоже подмигнет, папочка?

— Такое атмосферное явление представляется мне крайне невероятным, — глубокомысленно изрек Векс, вперив взор в луну.

— Я, пожалуй, даже ресниц не вижу, — призналась Гвен.

Но очертания зрачка и радужки становились все четче — то есть они стали настолько четкими, что Род уже не испытывал никаких сомнений в сходстве луны с глазом.

— Вот, — сказал он. — Опять. Он опять мне подмигнул. — И тут он увидел, что рядом — еще один глаз... и остолбенел. — А теперь их два и... они прищурились!

Ветка над головой у Рода качнулась вниз, сучки скрючились и стали похожими на деревянные пальцы на конце покрытой корой ручищи. И эта противная рука тянулась к Гвен и детям!

— Осторожнее! Назад!!! — в страхе вскричал Род и обнял Гвен правой рукой, левой обхватил Корделию и Грегори, оттолкнул в сторону Магнуса и Джеффри.

Дети испуганно раскричались, и Гвен воскликнула:

— Супруг мой! Да что с тобою?

— По местам! — распорядился Род. — Он надвигается на нас!

— Да что на нас надвигается? — ошеломленно вопросил Магнус, поднявшись на ноги и озираясь по сторонам.

— Что такое? Где? — Джеффри проворно вскочил, отряхнулся от снега, выхватил из ножен шпагу.

На дорогу выбежал Векс и загородил детей.

— Где враг, Род? Я никого не вижу.

— Да вон же он! Это тролль! И никакая это была не луна — это был его глаз, а это ветка — его здоровенная рука!

— Муж мой, успокойся! — стала взывать к Роду Гвен. — Это вовсе не глаз тролля, а самая настоящая луна! А ветка — всего лишь ветка!

— Разве ты не видишь? — воскликнул Род и отпрыгнул в сторону в то мгновение, когда корявые пальцы сжались в тяжеленный кулак, и этот кулак просвистел в воздухе рядом с конем.

— Нет! — жалобно простонала Корделия. — О папочка, там никого нет!

— Не надо говорить мне, будто я вижу то, чего нет! — Род отбежал назад, выхватил меч, а гигантский кулак врезался в сугроб у его ног и снова взметнулся. — Быстрее бегите, спасайтесь! Он гонится за нами!

— Но тут никого...

— Верите вы мне или нет? — взревел Род. — Бегите, я вам сказал! Я не сумею уйти, если не уйдете вы!

— Папочка! — расплакалась Корделия. — Нету здесь никакого тролля! Это тебе, наверное, сон снится!

— Если так, то этот сон может вас очень больно стукнуть! Бегите прочь!

— Скорее, дети! — крикнула Гвен. — Что бы он ни видел, он не успокоится, покуда мы рядом! Быстрее бежим! Все за мной!

Она проворно извлекла из-под плаща метлу.

Корделия мигом взмыла ввысь на своем помеле, братья взлетели в воздух без подручных средств, Гвен кругами поднялась вверх следом за ними.

Векс встал рядом с Родом.

— Если здесь и есть тролль, Род, — изрек он спокойно, — то он невидим, а это противоречит законам физики.

— Невидим?! Да вот же он, говорю тебе! С дороги, Векс!

Но конь не пошевелился, и Род отскочил в сторону. Тролль медлил — видимо, выбирал, на кого напасть.

Гвен крикнула сверху:

— Мы в безопасности, супруг мой!

— Сильно сомневаюсь! — откликнулся Род, поскольку тролль, издевательски расхохотавшись, развернулся и, подняв огромную ручищу, попытался схватить Корделию.

— Делия, набери высоту! Взлети футов на сто! Он хочет схватить тебя! Ах ты, мерзкое чудище, — прочь от моей дочки!

Род бросился на тролля, размахивая мечом.

Лезвие меча ударилось о ногу чудовища, жесткую, как ствол могучего дерева, и оставило на ней зарубку, из которой

полилась жидкость. Издав разгневанный вопль, тролль обернулся и замахнулся на Рода тяжеленным кулаком.

Род снова отбежал назад, и кулак ударил по сугробу. Взметнулись хлопья снега. В ушах у Рода прозвучал голос Векса:

— Род! Убери меч! Тут нет никого, кроме тебя и твоего семейства! Тролля не существует!

— А как же тогда он хочет мне голову оторвать?

Род метнулся в сторону, но тролль ухватил его другой ручищей и так сжал, что у Рода дух перехватило. Он успел сдавленно пискнуть, и земля ушла у него из-под ног. Тролль разинул пасть. От прилива крови к голове перед глазами у Рода разлилась красная пелена, сквозь которую пробивалась единственная мысль: даже у троллей есть слабые места, мягкие части тела — ну, хотя бы относительно мягкие. Он увидел, как к нему тянутся огромные жадные губы, и рванулся изо всех сил. Лезвие меча вонзилось в плоть, мягкостью сравнимую с бальсовым деревом.

Тролль испустил рев, который наверняка мог бы приворожить локомотив женского пола, и отшвырнул обидчика, но Род в самое последнее мгновение успел дать себе мысленный приказ: «*Вверх!*», и ему еле-еле удалось избежать жуткого удара о землю. Род более или менее мягко упал на бок, тут же вскочил. Тролль зарычал и шагнул к нему. Глаза чудовища в темноте горели зловещим красным светом. Над Родом зависла огромная ступня.

Род отпрыгнул в сторону, уклонился от кулака тролля, а потом, прибегнув к левитации, подпрыгнул вверх — так высоко, как только мог, и нацелился мечом в живот чудовища.

Род нанес удар, от которого сам сотрясся, и тролль согнулся и завыл от боли. Род предусмотрительно отпрянул в сторону и, атаковав тролля сбоку, вонзил меч тому в ухо. Лезвие рассекло мочку, и чудище схватилось за ухо с воем такой силы, что земля содрогнулась. Тролль разогнулся, выпрямился, но боль в животе снова заставила его сложиться пополам. Род нацелился мечом в сгиб локтя чудища, ощущая себя комаром —

вот только вряд ли хоть какому-нибудь комару удалось бы так свирепо заорать. Тролль попятился, отступил на шаг, еще на шаг, еще дальше, заслонился руками от надоедливого бесенка, который порхал вокруг него и колол, и колол своим мечом. В конце концов тролль не выдержал, развернулся и, прихрамывая, убежал в чащу леса.

Вскоре треск сучьев и топот тяжеленных ножищ стихли, и Род решился спланировать на землю. Он тяжело дышал и, ощупав бок, проверил, целы ли ребра.

— Это все... — задыхаясь, проговорил он, — ...ведьмин мох виноват. ...Но сколько же его ушло... на такое страшилище! Надо подумать... Это же небось... все бабульки в деревне... рассказывают деткам сказки... про троллей! — Он обернулся и крикнул жене и детям: — Можете спускаться.

Все послушно спустились. Вот только Корделия пугливо прижималась к матери и всхлипывала, а Грегори крепко вцепился в подол юбки сестры и на отца смотрел вытаращенными испуганными глазенками.

Род сдвинул брови.

— Что это с вами, а? Тролля надо было бояться, а не меня!

Глаза Гвен наполнились слезами.

— Муж мой, мы никого не видели! Ты уклонялся от ударов невидимки!

— Ничего себе! А как тролль по снегу лупил кулаком и топал, вы тоже не видели?

— Поверхность снега нетронута, Род, — ответил Векс. — На ней — только твои следы.

— А потом ты взлетел вверх, но тебя никто не пытался удержать — и все же ты сражался так, словно бы бился с чьей-то огромной рукой.

— Да поверь же ты мне, я все это *чувствовал!*

— Но мы-то ничего не видели!

— Не *видели?* — Род вдруг замер и ощутил озноб, не имевший никакого отношения к морозу. — Опять вы все против меня сговорились?

— Муж мой, нет! — с мукой вскричала Гвен.

— Ну так *посмотрите!* — Род резко развернулся и указал на снег. — Вот же следы! Они такие огромные, что в каждом из них поместится Векс! Если на то пошло, он сейчас как раз стоит посреди одной отметины!

— Может быть, только ты можешь видеть эти следы, — предположил Грегори. — Не вышло ли так, что тролля защищало заклятие, сделавшее его невидимым для нас?

Род задумался, а Векс ответил:

— В этом случае, Грегори, мы все же должны были бы увидеть следы тролля и знаки битвы, и...

— Помолчи, Векс. — Род прищурился и посмотрел на сына. — Да он смеется надо мной!

Грегори попятился и еще крепче вцепился в юбку матери. На мгновение все семейство замерло, скованное страхом при воспоминании о былых вспышках неудержимой ярости Рода. Дети в ужасе прижимались друг к дружке.

— Да вы что, с ума посходили? — простонал Род. — Что я вас, отхлестать бичом собрался?

Все молчали.

— А ведь собрался, — охнул Род. — Все так и есть! Но только я ни за что не допущу, чтобы снова случилось что-то подобное.

С этими словами он развернулся и направился в чащу леса.

— Нет, папа!

— Папочка, вернись!

— Супруг мой, ты не так одет, чтобы долго ходить по лесу!

— Нет, это надо же? — проворчал себе под нос Род. — Как будто до того, как я с ней познакомился, мне не приходилось по шестнадцать часов кряду проводить на морозе, поскольку именно такова была долгота зимнего дня!

— А было это на планете Похьола, насколько мне помнится, Род, — прозвучал голос Векса совсем рядом. — Там ты помогал повстанцам создать организацию.

— Ах, ты, оказывается, тут? — покосившись на коня, буркнул Род. — Убирайся. У меня проблемы с психическим равновесием, не забыл?

— Никто этого не говорил, кроме тебя, Род.

— У меня в голове никто не живет, кроме меня. — Род вдруг остолбенел и уставился в темноту. — Вот оно в чем дело-то!

— И в чем же, Род?

— Вот почему я мог видеть тролля, а больше никто из вас не мог. Потому что его там не было.

В электронном голосе Векса прозвучало нечто наподобие искреннего облегчения:

— Несомненно, это весьма и весьма логичный вывод, Род.

— Ага, конечно. Вот только не столь ли логично предположить, что у меня галлюцинации?

— Тут все дело в определениях.

— Нет, дружище, тут все дело в том, что кое у кого мозги плавятся. Признайся честно, Векс: я съехал с катушек. — Род остановился, и губы его разъехались в идиотской ухмылке. — Ну точно, я чокнутый. Так... Ну, если все дело в этом, то можно и расслабиться.

— Не мог бы ты... обосновать такое отношение к сложившейся ситуации, Род?

— А что тут обосновывать? Теперь, когда я знаю, что со мной, я понимаю, что с этим делать.

— И что же? — опасливо поинтересовался Векс.

— Во-первых — держаться подальше от Гвен и детей, чтобы не причинить им зла. Держаться подальше от людей вообще — это во вторых, — покуда я не сумею привести мозги в порядок. — Род снова зашагал по лесу. — Лес как лес, — отметил он. — Очень даже симпатичный. А я уже сто лет как не был в отпуске.

— Но Род, — проговорил Векс, поспешив догнать хозяина. — Наверняка ты преувеличиваешь.

— Нет-нет, у меня определенно галлюцинации. А если у меня галлюцинации, я либо помираю с голода, либо упился какого-нибудь наркотического зелья, либо меня хватил тепловой удар, либо я сошел с ума.

— Я бы не сказал, что все так просто...

— Да, не сказал бы? А тебе известны другие причины галлюцинаций?

Векс немного помолчал, а потом затараторил:

— Религиозный фанатизм, доведенный до крайности. Как правило, на почве глубокой медитации.

— Ну, это ты, положим, загнул. Нынче вечером я не молился, а уж после того банкета, что закатили их величества, я определенно не помираю с голоду! А если бы к еде было добавлено какое-то зелье, то, кроме меня, галлюцинации были бы еще у сотни людей!

— А у нас разве есть твердое доказательство того, что у них нет галлюцинаций?

— Судя по тому безобразию, которое я только что натворил, мы такое доказательство имеем. А иначе мы бы уже услышали о чем-то подобном. Их величества всегда призывают нас, когда с кем-то происходит что-то необъяснимое.

— Логично, — не слишком охотно отозвался Векс.

— Еще как логично! Что же до теплового удара, то сейчас зима в самом разгаре. Что остается? Остается безумие!

— Я бы сказал, что этот термин несколько завышен...

— Угу. Пока что я просто-напросто вижу то, чего на самом деле не существует. И это — то, чего не существует — нападает на меня. Не станешь же ты разубеждать меня в том, что я всегда был несколько склонен к паранойе?

— Пожалуй, твой дед в свое время оказал на тебя слишком сильное влияние, посвятив в свои средневековые фантазии...

— Точно. Мой милый, славный, любимый, чокнутый дедушка. Определение «чокнутый» тебя больше устраивает, Векс? Или лучше подойдет «безумный, как шляпник»?

— Я бы, пожалуй, предпочел последнее, — медленно протянул Векс. — Учитывая ассоциацию с произведениями Льюиса Кэрролла.

— Ну, если так, то — хай-хо! Вперед, в Страну Чудес! Ты со мной, Векс?

И Род продолжил путь, не дожидаясь ответа.

2

Деревья сомкнулись у него за спиной. Род обернулся и увидел только черно-белое кружево голых ветвей с налипшим на них снегом. Род облегченно вздохнул и пошел медленнее.

— Они послушались меня и остались.

— Они понимают, что время от времени тебе необходимо одиночество, Род.

— Ты еще здесь, Стальной Скакун? — Род посмотрел на своего верного спутника и удивился: величественный черный конь смотрел не на него, а вперед. Почему-то из-за этого у Рода стало легче на душе. — Ладно, — буркнул он. — Стало быть, я взял больничный.

— Вероятно, это было бы разумно.

— Великолепно! — Род потянулся, расправил плечи и вздохнул — на этот раз счастливо. — И никаких больше срочных вызовов к Туану и Катарине! Хотя бы на время.

— Однако Гвен придется одной справляться с детьми.

— Она и без меня с ними справляется, Векс, и ты это отлично знаешь. Я — всего-навсего символ безопасности для них. Что-то вроде ожившего плюшевого медвежонка.

— Ну нет, Род! Ты к ним несправедлив. Ты значишь гораздо больше для всех них...

Векс умолк, заметив, что Род не слушает его.

— Векс, что это за здоровенный коричневый ком — вон там?

— Где, Род?

Векс посмотрел туда, куда смотрел Род, но ничего не увидел.

— Это медведь, Векс. Ростом в шесть футов, ни дюймом меньше. И как ни странно, выглядит он весьма дружелюбно, — озадаченно проговорил Род. — А я думал, что медведи — звери злобные по натуре.

— Так и есть, Род, — подтвердил робот, и в его голосе прозвучали тревожные нотки. — Скажи, лапы у него не толще, чем положено?

— Толще, это ты верно подметил, и когтей почему-то нет, вместо них — розовые подушечки... Эй! — Род развернулся и уставился на Векса. — Только не говори, что это плюшевый мишка!

— Да, Род. Это оживший игрушечный медвежонок — тот самый, о котором ты только что говорил.

— Странное совпадение. — Род помахал медведю рукой, и тот мирно зашагал в чащу леса. Род проводил его взглядом. — Уж не хочешь ли ты сказать, что он появился потому, что я заговорил о нем?

— Это очень и очень вероятно, Род. Если ты галлюцинируешь, перед твоим взором может появиться все, о чем бы ты ни подумал.

— И даже то, о чем я не подумал? — Род нахмурился. — Пожалуй, вот это мне совсем не нравится.

— Тут возможны неожиданности, но все же, вероятно, визуальные образы, хранимые в твоем подсознании, не материализуются до тех пор, покуда какая-то случайная ассоциация не побудит их к этому.

— Вроде мысли о моей роли в семье. — Род огляделся по сторонам. Ему вдруг стало здорово не по себе. — Вот сейчас, Векс, у меня такое впечатление, что я иду по лесу, освещенному луной, и на голых ветках деревьев лежит снег.

— Все так и есть, Род.

— Ну, значит, хотя бы лес настоящий, — вздохнул Род и потер подбородок рукой, затянутой в перчатку.

По лесу разнесся долгий тоскливый крик, и с одной из нижних веток сорвалась тень, украшенная глазами, полыхавшими, как два огня.

— Векс! Это вампир!

— Нет, Род. Это всего-навсего сова.

Огромная летучая мышь бросилась к ним. Она раскрыла пасть, и стали видны блестящие клыки. Род пригнулся, наклонился, схватил острый сук и вонзил его в грудь чудовища. В страхе застонав, мышь-вампир метнулась назад и затерялась между ветвями.

— Сова, не сова — для меня разницы нет, — пробормотал Род. — Мне надо было с этой дрянью разобраться так, как если бы это был вампир. — Тут у него мелькнула неожиданная мысль. — Что у меня в руке, Векс?

— Маленький сучок, Род.

— Маленький, говоришь? А ведь подрос, скотина. — Род отбросил сук в сторону. — Придется к этому привыкнуть. Ну-да ладно. По крайней мере свет у нас имеется. — Он задрал голову. — Гляди-ка! Луна на месте! Вампир ее не тронул!

— Кажется, наваждение миновало, — негромко проговорил Векс.

— Только на время. — Род покачал головой. — Было бы неплохо, если бы все так и было, но думаю, лучше немного подождать — для верности.

Луна покраснела.

— Ну, что я говорил...

— Что такое, Род?

— Луна стала кроваво-красной. А снизу образовалась здоровенная жирная капля... Она оторвалась и упала. Капает... — Род зажмурился и покачал головой. — Нет, пожалуй, домой идти мне еще рановато.

— Наверняка это какое-то нарушение химического равновесия, — запротестовал робот. — Анализ крови...

Род в ужасе уставился на коня. На спине у Векса выросли кожистые крылья, как у летучей мыши, изо рта высунулись длинные острые клыки.

— Пойди прочь от меня!

— Но Род... Я только хотел...

— Хотел хлебнуть немножко моей крови! Это что еще за новости — конь-вампир?

— Он самый, — прозвучал насмешливый басок.

Род резко обернулся и увидел возле дерева высокого щеголеватого демона. Тот стоял, прислонившись спиной к стволу, и помахивал хвостом.

— Убирайся к чертям!

— Всенепременно и с большим удовольствием, — ответил демон — правда, ворчливо, и добавил: — Я тебя попозже разыщу.

С этими словами демон взорвался и исчез в клубах дыма и пламени.

— Род, наверняка правильно подобранное противоядие...

— Да нету никакого противоядия! — отскочив назад, прокричал Род. — Потому что яда никакого нет! Ты с ними заодно! Вы все сговорились! Хотите довести меня — и ты, ты тоже, мой старый наставник и хранитель! Убирайся! Пошел вон отсюда! Вон!!!

Конь-вампир стоял и таращился на него пламенными очами.

Род выхватил кинжал.

— Превратись в меч! — крикнул Род. — Лезвие послушно удлинилось до трех футов. — Серебряный! — добавил Род. — Тусклый блеск стали сменился зеркальным.

— Я уйду, — медленно проговорил вампир. — Но я очень опечален тем, что нарушение химического равновесия у тебя такое тяжелое, что ты стал сомневаться во мне, Род.

— Сомневаться? Да я совершенно уверен! Убирайся прочь, покуда я не проделал в тебе дырку!

— Я ухожу. — Конь отвернулся — и огонь в его глазах тут же угас, клыки укоротились, а потом и вовсе исчезли,

крылья сложились и превратились... в седло, и вот уже по снегу от Рода, печально повесив голову, зашагал никакой не вампир, а старый, до боли знакомый Векс.

Род ощутил угрызения совести.

— Нет! Я хотел сказать...

Векс остановился, поднял голову, обернулся.

— Да?

— Это... состояние... Оно снова гаснет, — объяснил Род. — То нахлынет — то отступит. А как навалится — просто паранойя какая-то.

— Я слыхал о подобных явлениях, — ответил Векс.

Род нахмурился.

— Хочешь сказать, что моя природная склонность к паранойе только усиливается? — спросил он и, не дав Вексу ответить, проговорил: — Не говори ничего. На самом деле это не имеет никакого значения. Что бы это ни было такое, я должен с этим разобраться и научиться с этим жить. Тебе придется оставить меня наедине с этой проблемой, Векс. Я понимаю, для тебя это непросто, но тебе придется это сделать.

— Я всегда старался не проявлять излишней опеки, Род, несмотря на то как я запрограммирован.

— Верно. И я представляю, *как* это трудно. — Род поморщился, припомнив, насколько тяжело у него было на сердце, когда он приучал Грегори и Корделию к самозащите. Как он тогда должен был школить себя — и это у него получалось далеко не всегда. И с Магнусом и Джеффри тоже — когда они были маленькие. — Но все-таки совсем избавляться от этой склонности не стоит. Ты только слишком далеко не уходи, ладно?

Могучий черный жеребец на миг задержал взгляд на Роде, и тому сразу показалось, что глаза у Векса загорелись. Конь проговорил:

— Я приду, как только ты позовешь, Род.

— Спасибо, дружище, — с облегчением усмехнулся Род. — Но все-таки *слишком* близко не подходи.

— Понятно, — кивнул конь-робот. — Я как бы есть, и меня как бы нет.

Он развернулся и исчез в темноте.

Род сдвинул брови. Уж не обзавелся ли Векс плащом-невидимкой? Эта мысль встревожила его. Он огляделся по сторонам, будучи на грани паники и гадая, сколько же невидимых врагов могло ополчиться против него.

— Волшебные очки, — любезно предложил невесть откуда взявшийся демон и протянул руку. На ладони лежали очки. — Гарантия производителя. Позволяют видеть любого, кто нацепил плащ-невидимку и даже замаскировался, везде поблизости от тебя. Единственный экземпляр. Только для тебя, по знакомству.

— Особое предложение, значит? — сердито проворчал Род. — А сколько просишь за товарчик?

— Сущие пустяки. Твоя подпись. Кровью, само собой.

Род покачал головой.

— Вряд ли я сейчас способен прочитать мелкий шрифт. Зрение меня то и дело подводит. *Retro me, Satanus!**

— Ну, это не совсем по адресу, — поморщившись, ответствовал демон. — Но общий смысл я уловил. Ты, главное, не забывай: предложение остается в силе.

Демон растворился в воздухе.

— В силе-то в силе, но в пустоте, — фыркнул Род и тут вспомнил вот о чем: самым главным шагом в изобретательстве было само осознание того, что нечто можно создать. А уж после этого и исследования, и инженерное дело пошли на лад. — Ладно! — решительно возгласил Род. — Уж если у меня галлюцинации, надо извлечь из этого какую-никакую пользу. Волшебные очки! Появитесь!

Он щелкнул пальцами, вытянул руки ладонями вверх, чтобы поймать драгоценный магический предмет.

Ничего не произошло.

---

* Отойди от меня, сатана *(лат.)*. Слова Иисуса Христа, сказанные искушавшему Его дьяволу. Мф. 4:10.

— Так я и думал: когда я захочу, получу фигу с маслом, — проворчал Род, развернулся и ушел в ночную темноту.

Не успел он далеко уйти, как вдруг расслышал жалобный крик.

Род побежал трусцой — быстрее двигаться по толстому снегу он не смог бы при всем желании. Так кричать мог только тот, кто нуждался в помощи. Род, повинуясь врожденному инстинкту оказания помощи тем, кто попал в беду, откликнулся на зов. К тому же он твердо решил не убегать от галлюцинаций, порожденных его собственными потаенными страхами, а встретиться с ними лицом к лицу.

За поворотом тропинки, посреди чащи стоял высоченный вековой дуб, могучий ствол которого в незапамятные времена рассекла надвое молния. В трещине накрепко засела рука старушки-крестьянки. Она стонала и зябко дрожала от холода. Увидев Рода, старушка возопила:

— Помоги мне, добрый господин! Это злобное дерево сцапало меня и не отпускает!

Словно бы в подтверждение ее слов дуб зловеще заскрипел.

Род крепко зажмурился, помотал головой, открыл глаза. И дуб, и старуха оказались на своих местах — конечно. И все-таки то, что он видел, могло на самом деле быть совсем не тем, что он видел. А может быть, старушенция тоже была частью галлюцинации?

Выяснить это можно было единственным путем.

— А как же ты ухитрилась засунуть руку в эту трещину, бабуся?

— Да хотела омелу сорвать к празднику, господин! — И верно: пышный шар омелы красовался на ветке чуть выше трещины и весьма напоминал приманку. — Я за ней потянулась, а дерево качнулось ко мне и — хвать меня за руку! Так ты поможешь мне, добренький господин, а? Ох, пожалуйста, умоляю тебя!

Нависшая ветка дуба выпростала сучковатые пальцы. Род ловко взмахнул мечом, послышался неприятный звук рассекаемого металлом дерева. Ствол дуба сердито затрещал.

Род сверкнул глазами.

— Ага, не любишь Холодное Железо, вот как? Ну тогда, мэм, я вас мигом вызволю... — Род вытянул руку, сжимавшую меч, коснулся кончиком лезвия края трещины. Дерево испуганно застонало, края трещины разошлись. Старушка с радостным криком выдернула руку, а дерево накренилось вперед, злобно скрежеща.

— Беги! — крикнул Род. В это же мгновение толстая ветка попыталась ударить его на манер дубины. Род пригнулся, но тут другие ветки раскачались, потянулись к нему. Стоны дуба стали угрожающими, а другие деревья тревожно зашевелились.

Ну хорошо: если этому дубу не слишком понравилось прикосновение стали, то чего он должен был по-настоящему испугаться? Роду на память пришла шестифутовая двуручная пила из арсенала древних лесорубов, которую он когда-то видел в музее. Лезвие его меча расширилось, вытянулось, удлинилось, и в итоге в руках у Рода оказалась точная копия зловещего зубастого лесопильного орудия.

Дуб, издав испуганный стон, отшатнулся.

— Господин, осторожнее! Сзади! — крикнула старушка.

Род резко развернулся и увидел прямо перед собой сук, на конце которого красовался большой нарост, напоминавший кулак. Этот «кулак» нацелился в него. Род поднял пилу зубьями вверх. Сук замер и подскочил вверх, а дерево просто-таки взвыло. Род развернулся в противоположную сторону, выставил перед собой пилу, словно двуручный щит, и начал медленно отходить.

— Прячься за мной, бабуся! Выбираться будем не спеша, но выберемся обязательно!

И они начали медленно отступать от старого дуба к тропинке. Дуб разъяренно грохотал, размахивал ветками с такой

силой, что они со свистом рассекали воздух. Окрестные деревья раскачивались так, словно на них налетали порывы шквального ветра. Но чем дальше Род и старушка отходили от дуба, тем меньше становилось вокруг качающихся деревьев. Последние сто ярдов до тропинки они прошли в окружении неподвижно стоящих деревьев, чьи ветви едва заметно шевелил ночной ветерок.

Род остановился на пятнышке лунного света и вытер со лба пот.

— Уф! И досталось же нам, бабуся!

— И вправду досталось! Но теперь-то мы свободные, а ты меня спас, господин! — вытаращив глаза, пролепетала старушка.

— Был рад помочь.

Род уставился на свое орудие — здоровенную двуручную пилу, и нахмурился. Таскаться по лесу с такой штуковиной было бы не слишком удобно: того и гляди спилишь что-нибудь. Пила послушно превратилась в кинжал.

Старушка ахнула.

— Ох, господин, да ты, видать, могучий кудесник!

— Всего лишь чародей, мэм. — Род убрал кинжал в ножны, стараясь, чтобы старуха не заметила, как у него дрожат руки. — И сказать тебе правду, как-то мне не по себе. До сих пор мне ни разу не удавалось заставить предметы менять форму. Ну, в смысле, если они не из ведьмина мха сотворены.

— Так ты и это умеешь? Их мха творить?

Старушка попятилась, заслонилась дрожащей рукой.

— Да будет тебе! Нечего бояться! — Врожденная привычка заботиться о ближних взяла верх над страхом. — Не верь всякой ерунде, какую слышала про чародеев! Мы такие же, как все прочие люди. Одни хорошие, другие плохие, третьи — и так и сяк. Я-то как раз из последних: не святой, но в общем парень что надо — пока меня не обижают.

— О господин, уж я тебя не обижу!

— Верю на слово. Но послушай-ка, ты ведь вся дрожишь, перемерзла. Сколько же ты простояла под дубом после того, как у тебя рука в трещину угодила?

— Так считай что... Считай, почти с полудня, господин.

— Значит, ты успела в сосульку превратиться. Пойдем, я отведу тебя домой. Где ты живешь?

— В лесной хижине, господин. Да и не стоит вам утруждаться ради такой, как я...

Между тем она опасливо поглядывала по сторонам.

Решимость Рода проводить старушку укрепилась.

— Не переживай, бабуся. Спешить мне все равно некуда. Ну, пошли.

— Ну... если так, господин, то оно конечно... — Старушка старалась поспевать за Родом, семенила рядом по тропинке, прижимая к впалой груди корзинку. Она по-прежнему со страхом стреляла глазами по сторонам — мало ли что может случиться ночью. — Лишь бы только нам не встретился кто-нибудь из Колдовского Народца! — вырвалось у старушки.

— Это почему же? Нам бы не помешала помощь. Послушай, не все же мне тебя «бабусей» звать. Мы ведь не родня.

— Так и зови, господин хороший, так и зови, ежели тебе так нравится. Меня так все и зовут: «бабуся Бэн» или еще «старушка-лесовушка».

— Не так часто встретишь пожилую женщину, чтобы она была охотницей до одинокой жизни, а? Ну да ладно. Меня зовут Род Гэллоугласс. — Назвав себя, Род нарочно отвернулся, чтобы не смотреть на то, как старушка вытаращит глаза, услышав имя Верховного Чародея. — Но вообще-то места тут красивые.

— И мне тут нравится, господин, — робко улыбнулась старушка. — И звери дикие не особо докучают — кроме волков и медведей, конечно.

— Повезло тебе, что ни один из них не проходил поблизости от того дуба, — хмыкнул Род и тут же нахмурился. — Или дубок и их напугал не на шутку, а?

— Это уж мне не ведомо, господин. Я к тому дубу раньше не подходила. Да только сомневаюсь я, чтобы...

Разговор продолжался, ответы старушки становились все более пространными. В конце концов Род так разговорил ее, что она стала трещать без умолку. Заполучив в лице Рода благодарного слушателя, старушка выкладывала ему все, о чем молчала много месяцев.

Род слушал ее и улыбался, время от времени кивая и прерывая излияния вопросами. Большей частью вопросы касались того, в какую сторону повернуть на развилке. Так что Род не слишком сильно удивился, когда после того как он довел старушку до дверей лесной избушки, распрощался с ней и отвернулся, намереваясь уйти, она крикнула ему вслед:

— О нет, господин, тебе нельзя больше ходить по морозу! Зайди, обогрейся у огня, молю тебя, пока не взойдет солнце и в лесу не станет хоть немного теплее!

Род обернулся, задумчиво воззрился на старушку. Он старался по возможности отказываться от любых проявлений гостеприимства, но ноги у него порядком замерзли, и нос тоже. Род даже опасался — уж не обморозился ли он. Он пожал плечами и усмехнулся.

— Почему бы и нет? Если не возражаешь, я бы поспал немного. Пока я сплю, вреда от меня немного.

— Конечно, конечно, господин. Только сначала тебе поужинать надо. Небось проголодался за ночь-то.

Род с изумлением ощутил, что способен снова думать о еде. Более того: он просто-таки жутко проголодался.

— Честно говоря...

— Надо думать, ты теперь такой же голодный, как те волки, про которых мы говорили, да? Так я и знала, так я и знала!

Бабуся Бэн повесила свое выношенное пальтишко на крючок и захлопотала, засуетилась в единственной уютной комнатушке. Оказавшись дома, старушка сразу почувствовала себя увереннее. Она приподняла крышку горшка, висевшего над

очагом, и по избушке распространился божественный аромат. У Рода изо рта побежали слюнки.

— Не хотелось бы тебя объедать...

— О, похлебки хватит на двоих, с лихвой хватит, господин! Разве ты сможешь меня объесть, что ты такое говоришь! Я же тебе, считай, жизнью обязана! — Старушка вытащила из духовки каравай теплого хлеба и положила на стол перед гостем. — Пожуй пока хлебца, похлебка сейчас поспеет.

Род не заставил себя уговаривать. Он отломил горбушку и принялся с удовольствием жевать хлеб, похрустывая румяной корочкой. Он нежился в тепле и только теперь понимал, как сильно замерз, не заметив этого. Мало-помалу он начал осматриваться и вскоре убедился в том, что эта комнатка — не единственная в избушке. В левой стене виднелась дверь. Может быть, то была комнатушка для мытья посуды, а может — холодная кладовая для хранения припасов зимой.

— А ты раньше не видал, чтобы деревья вот так сами собой шевелились, господин?

— А? — рассеянно откликнулся Род. Он, оказывается, сказал об этом, а сам не заметил. — Нет, никогда не видел.

— И я не видала. А ведь странно это: я в лесу, считай, двадцать годков прожила. И ты, господин, чародей знатный — небось много разных чудес повидал на своем веку.

— Да, немало, — кивнул Род. — Но признаться, Грамерай не перестает меня удивлять. — Вдыхая ароматы, распространяемые котелком, Род пришел к выводу, что в похлебке больше трав, чем мяса, но этот запах отнюдь не отбил у него аппетита. Род не мог дождаться, когда же бабуся Бэн нальет ему похлебки.

— Наверное, твои враги сплели злобные чары. Есть у тебя враги, господин? Само собой, есть, как им не быть. Ведь всякий знает: враги короля — они же враги Верховного Чародея. — Старушка вздохнула и покачала головой. — Бедный, несчастный наш повелитель! Только-только с одним врагом

управится, как глядь — уже другой наготове. Уж и впрямь подумаешь, будто...

— Подумаешь, согласен. — Род нахмурился. Ход мыслей бабуси Бэн его заинтересовал. — Злые чары? Думаешь, это ожившее дерево могло быть делом рук какого-то колдуна?

— А разве нет, господин? — Старушка поставила перед Родом деревянную миску, положила рядом деревянную ложку, больше годящуюся на роль половника. — Ты сам посуди: раньше-то такого сроду не бывало, а ведь я по тропинке мимо того дуба раза два в неделю прохожу, ежели не чаще — двадцать лет уже!

— Но я — единственный, кто способен такое увидеть! У меня галлюцинации. — Род зачерпнул ложкой похлебку, поднес ложку к губам, покачал головой. — Но это невозможно, бабуся Бэн. Галлюцинации, которые видят другие люди, а не только ты сам? Как же так?

— Разве ты не чародей, господин? Разве ты не умеешь заставлять других людей думать, как ты?

— Умею, но... Да нет, нет же! Тогда бы моя жена и дети смогли увидеть все, что видел я, но этого не было! Они ничего не видели!

— Ну, тогда, стало быть, твои враги и это исхитрились сделать, — проворковала бабуся Бэн.

Род проглотил первую ложку похлебки и замер. Ей почти удалось отвлечь его. Еще чуть-чуть — и он слопал бы полную миску похлебки, не заметив ее странного привкуса...

«*Паранойя*», — утверждала объективная часть сознания. Род понимал, что должен сдержаться, должен представить доказательства...

Но старушка не спускала с него глаз. Она слишком пристально следила за ним, поэтому Род сказал:

— Уж очень особенный вкус у твоей похлебки, бабуся Бэн. Какую-то травку ты туда положила, да?

Старушка усмехнулась. Вроде бы похвала ей польстила, но во взгляде появилась опаска. Или у Рода слишком разыгралось воображение?

— Никаких секретов у меня нет, господин. Я беру самые обычные травы, какие любая женщина найдет в лесу. Вот как их смешать — уж это вправду моя хитрость.

Именно слово «хитрость» заставило сработать сигнализацию в мозгу Рода.

— Странно это ты сказала... «Хитрость»... Тайный подбор трав, да?

— Ну... Да...

— А для того чтобы обзавестись таким секретным подбором, нужно долго заниматься травами. — Род вскочил и оттолкнул от себя стол. Он был готов поклясться, что даже от запаха похлебки у него кружится голова. — А эта дверь, бабуся... Избушка у тебя не так велика, так зачем же тебе понадобилось ставить перегородку, да еще и с дверью?

— Не надо, господин! — Старуха схватила Рода за руку, попыталась удержать. — Кладовка там, кладовка и больше ничего! Отгородила я от огня всякие припасы, чтоб не портились, вот и все!

Род толкнул дверь плечом. Старуха отчаянно взвыла.

В первые мгновения у Рода плыло перед глазами, но, привыкнув к темноте, он разглядел подвешенные к потолку пучки сухих трав. За ними возвышались полки с множеством глиняных горшочков, на каждом из которых красовался значок, смысл которого был ясен только самой бабусе Бэн. Под полками стоял длинный стол, а на нем — ступка с пестиком, небольшая горелка, тренога, щипцы, миски, котелок объемом в пинту, а еще — перегонный куб. Он был, правда, до предела примитивен, но все же ошибиться было невозможно — самый настоящий перегонный куб.

— Лаборатория! — вырвалось у Рода. — Великолепно оснащенная лаборатория!

— Это все, чтоб бедным крестьянам помогать, господин, — причитала старуха. — О, сжалься надо мной! Я не умею готовить зелья, от которых людям бывает худо!

Род одарил ее таким холодным взглядом, словно он хранился в бочке с сухим льдом.

— Вот тут ты врешь, бабуся. Никому не дано знать много целебных снадобий и при этом не ведать хотя бы о некоторых, какие в малых количествах лечат, а в больших — калечат, а то и убивают.

— О, я бы никогда, никогда не стала пользоваться своими знаниями во вред людям, господин! Сроду не давала я ни мужчинам, ни женщинам ничего такого, от чего бы им стало дурно!

Глаза Рода блеснули.

— Что ты говоришь!

Он отступил в угол и мысленно пожелал огня. В его руке тут же оказался горящий факел, и в его свете засверкали золотые монеты в открытом мешочке. Род зачерпнул пригоршню монет, ссыпал их обратно в мешочек, оторвал взгляд от него, увидел небольшую шкатулку с открытой крышкой, а под ней — жемчужины, рубины и еще золотые и серебряные монеты. Странно: как это он раньше не заметил мешочка и шкатулки.

— А ты не бедствуешь, бабуся!

— Нет, господин. Это не мое! Это все принадлежит одному путнику, у которого ослик захворал.

— Ты хотела сказать, что сам путник захворал, да? И сильно захворал — как только отведал твоей похлебки. И часто ты проделывала этот фокус с дубом, бабуля? Как ты это сделала, а? В чем тут секрет? В ведьмином мхе? В телекинезе? Сколько же любезных молодых людей ты отправила на тот свет за одно только то, что они пожелали помочь бедной старушке?

— Ни одного, господин! О, ни одного! Никого я не убивала! Я их... только грабила, господин. Кошелечки забирала, вот и все!

— И сумочки у их жен, судя по всему. Ну, так что ты подмешиваешь в свою похлебку, бабка? Белладонну? Дурман? Ядовитый паслен?

— Мак, господин! Всего лишь маковый сок! О господин, никогда у меня и в мыслях не было никого убивать!

— Нет? А почему же тогда твои жертвы не вернулись за своими ценностями после того, как дурман выветрился у них из головы? — Он резко повернулся, выхватил меч. — А твоя смерть будет более быстрой, бабуся, и более честной!

— Нет, ты не сделаешь этого! — взвыла старуха и заслонилась руками. Далеко отступить она не могла, потому что стояла у стены. Как зачарованная, она не спускала глаз с лезвия меча. — Ты не тронешь бедную, разнесчастную вдову, которую некому защитить! Ты не поступишь так бесчестно!

— Честь для меня мало что значит. Справедливость — гораздо больше.

— *Не надо, Род!*

Это был голос Векса. Он прозвучал в голове у Рода. Бабуся Бэн при этом, естественно, не услышала ровным счетом ничего. Род сдвинул брови и произнес, старательно подбирая слова:

— Весь ВЕК Свой ты творила эло в этом лесу!

— *Спасибо, что отозвался. Признаюсь, я подслушивал. Я заботился о тебе.*

— Забота — это одно. Предательство — совсем другое.

— Да не предавала я никого, господин! — простонала бабуся Бэн.

— *Я тоже, Род. Но подумай хорошенько: справедливость нуждается в доказательствах.*

— Золотые монеты в крестьянской хижине? Эта куча награбленного добра для меня вполне весомое доказательство!

— Господин! Это всего лишь плата, — причитала старуха. — Плата за работу, какую я делать не хотела, да только отказаться никак не могла!

— *Золотые монеты и в самом деле могут служить доказательством чего-то, Род, — но только в том случае, если они в самом деле наличествуют.*

Род растерялся. Вправду ли он видел золотые монеты? Или его разум нарисовал их, а на самом деле на столе у старушки лежало несколько жалких пенни?

И если на то пошло, была ли вообще алхимическая лаборатория? Да и сама избушка? Ведь он запросто мог разговаривать с полубезумной старухой в ее хижине, и старуха эта ни в чем не была повинна, кроме собственной болтливости.

Род опустил меч.

— Нет, я не стану убивать тебя, бабуся.

Старуха облегченно вздохнула и чуть не осела на пол от слабости. Род услышал голос Векса:

— *Ценю мудрость твоего решения, Род.*

— Ох, господин, да будет с тобой благословение...

— Не утруждайся, не надо. Потому что я свяжу тебя по рукам и ногам. Ступай, ложись на кровать.

Старуха напряглась, замерла.

— Нет, господин! Уж лучше убей меня на месте, чем я буду помирать от голода и жажды!

— Ты не успеешь проголодаться. Ну, разве что маленько озябнешь. Как только я доберусь до ближайшего городка, я сразу же сообщу о тебе шерифу. Вот его ты и будешь убеждать в том, какая ты чистая и невинная. А теперь иди, ложись да укройся потеплее. Я-то подброшу дров в очаг, но кто знает, когда сюда дойдут шериф и его парни?

Через несколько минут Род вышел из избушки, хорошенько прикрыл за собой дверь и поплотнее закутался в плащ.

— Векс? — окликнул он.

— Я здесь, Род.

От тени, отбрасываемой деревьями, отделился темный силуэт.

— Спасибо, что вмешался, — ворчливо проговорил Род. — Ты, пожалуй, удержал меня от совершения гнусного преступления.

— Для меня всегда большая честь услужить тебе, Род. Но я бы рискнул предложить тебе сдержать слово и действительно как можно скорее прислать сюда представителей местной власти. Неподалеку отсюда я видел хижину лесничего.

Род кивнул.

— Верно, хорошая мысль. Уж он-то наверняка лично знаком с бабусей Бэн и сразу поймет, куда ей дорога — на виселицу или на каторгу.

— Это верно. Ну так пойдем, поищем его?

Род хмуро глянул на коня. Доверие и подозрительность боролись в его душе.

Но думал он не слишком долго. Кивнув, он зашагал по снегу к своему стальному жеребцу и уселся на него верхом.

— Прости, что сомневался в тебе, старина. Все вдруг стало казаться совсем не таким, как раньше.

— Верно, Род. Трудно кому-то доверять, когда не можешь удостовериться в истинности собственных ощущений.

— Точно. Но ведь как раз для этого самого и существует логика, правда? Для того чтобы разбираться в том, какие ощущения истинные, а какие ложные.

— Одна из областей применения логики именно такова. Однако трудновато прибегнуть к логике, пребывая в состоянии эмоционального стресса.

— Что правда, то правда. А у меня такое ощущение, словно весь мир решил до меня докопаться. Правда, в данный момент голова у меня вроде бы ясная, и я осознаю, что это всего-навсего ощущение. Но когда эмоции берут верх, я об этом забываю.

— Конечно, Род. Если бы ты не верил в то, что твои ощущения истинны, ты не был бы параноиком.

— Это еще как? — Род хмуро уставился в затылок стального коня и покачал головой. — Нет, лучше не говори.

Лучше я буду пребывать в счастливом неведении. Или ты хочешь сказать, что, если бы я не был параноиком, я бы в своих ощущениях сомневался? По крайней мере тогда, когда мне кажется, что все против меня ополчились?

— Мое предположение можно вчерне сформулировать таким образом, — согласился Векс.

— Рад, что я угадал, — кисло вымолвил Род. — Но главный вопрос остается вопросом, Векс. Откуда у меня вдруг взялись припадки паранойи?

— Они не то чтобы так уж новы для тебя, Род, — осторожно проговорил робот.

— Спасибо за тактичность, мистер Кувалда. И все же обычно я не страдаю настолько ярким ощущением преследования — и уж тем более в сопровождении такой *непоколебимой* уверенности в том, что я прав на все сто.

— У счастью, вот это ново. И поскольку это сопровождалось началом галлюцинаций, я могу только сделать вывод, что...

— Что вся проблема носит химический характер, понятно. Но, Векс, откуда оно взялось, это нарушение химического равновесия? Оно выработалось само внутри моего организма или занесено извне?

— Каков бы ни был его источник, Род, теперь оно существует внутри тебя.

— Еще немножко, и ты заставишь меня поверить в это.

— И такое положение было бы куда как более желательным, Род.

— Хорошо. Пока ограничимся рабочей гипотезой: то, что я вижу, в реальности не существует, — проворчал Род. — Но мне-то как разобрать, что реально, а что — нет?

— А на мой взгляд сейчас важнее другое, — медленно изрек Векс. — Я бы поставил вопрос так: когда это воистину имеет значение?

Род вздохнул. Конь и его хозяин углубились в чащу леса.

3

Через некоторое время Род, спешившись, медленно шагал за Векcом. Вдруг он ступил на лед, оступился, поскользнулся и не без труда удержался на ногах. Посмотрев под ноги, Род понял, что стоит на льду промерзшей до дна реки. Вдалеке виднелись сани, нагруженные узлами. Сани толкал перед собой торговец, к сапогам у которого были привязаны коньки. По берегу реки стояли дома — наполовину бревенчатые, наполовину каменные. Фасады были выкрашены в пастельные тона. Род вытаращил глаза. На фоне зимней унылости деревенька смотрелась на редкость весело и радостно.

А потом он услышал хруст снега. Кто-то шел за ним.

Род резко развернулся. Кровь застучала у него в ушах. Страх сковал его, будто капкан. Человек, преследовавший его, вышел из-за развесистого дуба, и Род уставился на...

Самого себя.

Это был он — вылитый он: резкие черты лица, орлиный нос, широкий рот, напряженный, суровый взгляд. Человек и одет был точно так же — дублет и лосины, сапоги, перчатки, плащ, меч на поясе. Только одежда была других цветов.

Род решил сосредоточить взгляд на мече.

— Кто ты такой?

— Кто *ты* такой? — вопросом на вопрос ответил двойник.

— Род Гэллоугласс, — надменно бросил Род. — Лорд и Верховный Чародей. — Он упомянул о своем магическом даре, и это сразу прибавило ему прозорливости и злости. — А ты кем себя, проклятие, вообразил, что разгуливаешь с моим лицом?

— Это *мое* лицо! Кем *ты* себя возомнил, что разгуливаешь с ним?

Хотя бы голос у двойника оказался не таким, как у Рода.

— Человеком, который с этим лицом родился, черт подери! — Это, к слову сказать, не было чистой правдой: конечно

же, внешность Рода развилась с годами. — С какой стати тебе взбрело в голову изображать меня?

— *Мне* изображать *тебя?* Какая наглость! Какое оскорбление!

— Как я посмотрю, ты этого не отрицаешь!

— Еще как отрицаю! — взревел двойник. — Это *ты* изображаешь *меня!* Кем ты себя возомнил, если думаешь, что тебе это сойдет с рук?

Род нахмурился, смерил двойника взглядом с головы до ног. Это было возможно, очень возможно...

— Что означает $E = MC^2$?

— Энергия равна массе, помноженной на скорость света в квадрате, — без запинки ответил двойник и тоже нахмурился. — Что, в свою очередь, означает, что энергия и масса — два различных аспекта одного и того же. Но с какой стати, хотел бы я знать, ты задал мне этот вопрос?

— А с такой, что, если тебе известен ответ на этот вопрос, значит, ты с другой планеты.

— Конечно, а если ты задаешь такой вопрос, то ты тоже с другой планеты. И что это доказывает?

— Что ты — самозванец.

— Самозванец! Что ты болтаешь, осел? Я — *Род Гэллоугласс!*

Род в шоке вытаращился, у него поплыло перед глазами. Он пошатнулся и, чтобы удержаться на ногах, ухватился за ствол ближайшего дерева. Но вот в глазах у него прояснилось, и он опять увидел двойника ясно. Тот смотрел на него враждебно. Тут Рода осенило: *он обезумел!*

Ну конечно! Если он безумен, то привидеться ему может все что угодно, так ведь? В том смысле, что если у него галлюцинации, то почему одной из этих галлюцинаций не может быть он сам, собственной персоной?

По всей вероятности, так оно и было.

Род расслабился, сложил руки на груди.

— Давай-ка разберемся. Ты утверждаешь, что *ты* — Род Гэллоуглассс?

— Именно так, — несколько опасливо отозвался двойник. — А *ты* себя кем считаешь?

— Родом Гэллоуглассом.

Это заявление не вызвало у двойника бури протеста. Он стоял спокойно, смотрел задумчиво, и из-за этого у Рода по спине побежали мурашки. Именно так повел бы себя он в такой ситуации.

Что *он* и сделал, если уж на то пошло.

Род встряхнулся. Нужно было довести дело до конца. Отрицание толку не дало. Пора было подумать.

Почему бы и нет?

— Нас двое, — заметил двойник.

— Тс-с-с! Молчи! — Род с притворной опаской оглядел-ся по сторонам. — Они нас прогонят!

— Нас прогонят? — выпучил глаза двойник. — Кто?

— Здравомыслящие люди.

— А тебе такие знакомы?

— Ну... Пожалуй, да, — кивнул Род. — А если таких и не найдется, у меня всегда есть мой эталон здравомыслия — Векс.

— *Мой* эталон здравомыслия, — заспорил двойник, но прозвучало это как-то не слишком уверенно. Он пристально разглядывал огромного черного жеребца. — Послушай, дружище, ты видишь нас обоих?

— Ты всего один, Род.

Род содрогнулся: Векс услышал голос двойника!

— Но у меня такое впечатление, что ты разговариваешь сам с собой, — заметил робот. — Несомненно, это очень увлекательная беседа.

Несомненно? Род не стал уточнять.

— Мы могли бы попытаться выяснить, кто из нас — настоящий...

— Верно, а после этого мы могли бы попытаться выяснить, что такое «настоящий». — Двойник презрительно скривился. — Ничего более продуктивного предложить не можешь?

— Ладно. — вздохнул Род. — Думаю, разумнее всего нам было бы объединиться. В том смысле, что если мы не можем понять, кто из нас кто, мы могли бы составить неплохое целое.

— Имеет смысл, — рассудительно проговорил двойник. — Но каким образом мы достигнем координации действий?

— Запросто, на мой взгляд. Ты будешь слева, я — справа.

Двойник, похоже, засомневался.

— Почему это ты справа?

— Да потому, пожалуй, что мне кажется, что ты не совсем в своем уме. Скажу по-другому: буду рад, если ты станешь моим оруженосцем.

— *Я? Твоим* оруженосцем? Это ты можешь стать *моим* оруженосцем!

— Что? Чтобы я полагался на то, как ты себе представляешь тактику? Да я первым отправлюсь на тот свет! Вернее, не так: только попробую на тебя положиться — так сразу туда и отправлюсь!

— Не слишком-то ты в себя веришь, а? — язвительно осведомился двойник и фыркнул.

Эта фраза застала Рода врасплох и заставила задуматься. Размышления, правда, толку не дали.

— Боюсь, что нет, — ответил он. — По всем параметрам ты — левый.

— Хватит ерундой заниматься, тупица! Лучше принимай мое предложение и становись моим оруженосцем!

— Ни за что, если ты — это я, понял? Если мне понадобятся идиотские идеи, я их сам себе предложу!

— Чепуха, — надменно бросил двойник. — Уж я-то по крайней мере своим инстинктам доверяю.

— Да что ты говоришь! А как насчет *моих*?

— Конечно, нет!

— Значит, и своим ты доверять не можешь.

Двойник приступил к логичным возражениям, но почти сразу замер с раскрытым ртом. Постояв так несколько секунд, он закрыл рот и кивнул.

— Очко в твою пользу. Да, непростая задачка — быть одной половиной дилеммы.

— Лично мне из-за этого очень хочется кое-кого хорошенько стукнуть, — признался Род.

— Недурственная мысль. — Двойник развернулся, стремительно прошагал мимо Рода и поспешил вперед по тропе. — Пошли, — бросил он на ходу.

Род с улыбкой запрокинул голову.

— Угу. И точно: мысль недурственная.

Он поспешил вдогонку за своим двойником.

Они пошли по снежной тропе. Векс потопал следом за ними. Род задумчиво проговорил:

— Между прочим, ситуация глупая. Как мы будем друг друга называть?

— Как насчет: «Эй, ты!»?

— Уж конечно, это лучше, чем «Эй, я!». Послушай, давай я буду Род, а ты...

— Ни слова больше. — Двойник остановился и протестующе поднял руку. — Давай *я* буду Род.

— Я тебя понял. — Род сдвинул брови. — Так дело не пойдет, верно? Ну ладно, у нас штук двадцать вариантов вроде промежуточных имен. Может, попробуем?

Двойник кивнул.

— Вот это мне нравится. У тебя уже есть на уме какое-то из них?

— Ага, — ухмыльнулся Род. — Я буду «Род», а ты — «Родни».

Двойник поморщился.

— Ты же знаешь, я всегда терпеть не мог это имечко.

— Зато тебе всегда нравилась версия одного из твоих предков.

— Точно, — задумчиво проговорил двойник. — Мне всегда было симпатично имя «Родерик».

— Я не против. Будь Родериком. А я буду Родни — но сокращенно «Род», естественно.

С этими словами он отвернулся и продолжил путь.

Двойник проводил его недоверчивым взглядом и проворно догнал.

— А что, если мне покажется, будто меня обошли на повороте, а?

— Ну, это можно приписать только твоей излишней обидчивости, — небрежно отозвался Род. — Ты же знаешь: мы с тобой всегда были склонны к паранойе.

— Что верно, то верно, — согласился двойник и просиял. — Я все понял! Завтра мы поменяемся именами! Как тебе такое предложение?

— Ну, если тебе уж так сильно хочется... — вздохнул Род и тут же остановился и нахмурил брови. — А почему это мы пешком топаем, хотя могли бы проехаться верхом?

— Славно подмечено. — Его второе «я» обернулось и посмотрело на Векса. — Ты же выдержишь двоих, старая кляча?

— Никаких возражений, Род, — ответил конь-робот и прошел немного вперед.

— Ехать в седле будем по очереди, — заметил Род, когда его двойник забрался верхом на Векса.

— Само собой, само собой.

Двойник тряхнул вожжами, поцокал языком, и Векс пошел по дороге, гадая, что же за галлюцинация заставила его хозяина усесться позади седла.

Тропа шла вдоль берега реки. Вскоре Векс дошагал до развилки. Род предпочел остановиться.

— Я бы не стал сразу входить в город.

Двойник ухмыльнулся.

— Не доверяешь себе, да?

— Вовсе нет. Просто, на мой взгляд, отсюда городок выглядит очень симпатично, но кто знает, во что он превратится, как только я войду туда?

— Я мог бы наведаться туда и провести разведку, — предложил двойник.

— Отлично! — У Рода появился шанс избавиться от своего второго «я». — А я объеду городок вокруг и встречу тебя с другой стороны.

— Договорились. А чтобы наша встреча стала более теплой, я загляну в трактир и куплю тебе чего-нибудь перекусить.

— Там есть трактир?

— Ну, я над дверью одного дома разглядел подвешенный на крюке куст. Вряд ли это произведение флористики.

У Рода потекли слюнки, но желание хоть на время избавиться от незваного спутника оказалось сильнее, чем тяга к очагу и элю.

— Буду весьма признателен.

Двойник усмехнулся.

— Еще бы.

Они оба спешились. Двойник Рода отвернулся и зашагал в сторону города.

Род развернулся в противоположную сторону — в сторону леса, и вдруг замер на месте, не успев сделать следующий шаг. Он оглянулся посмотреть, что мешает ему идти, но ничего не увидел — кроме своего двойника, который застыл в точно такой же позе и явно изо всех сил пытался высвободиться из невидимых пут. Род рванулся к лесу. Он употребил всю силу воли, до последней йоты, для того чтобы поставить ногу на землю, но — не тут-то было. Он не смог сдвинуться ни на дюйм.

— Векс! — крикнул Род. — Что происходит? Почему я не могу идти?

— Никакой физической причины для этого нет, Род.

— Хочешь сказать, что есть психосоматическая. Но мне нужно идти.

Род обернулся и посмотрел на двойника. Тот обернулся и посмотрел на него.

— Кому-то здесь не нравится наш уговор, — сказал двойник.

— Ну, не Векcу же, — поморщившись, проговорил Род.

— Я так и не думал, — заверил его двойник. — Но совершенно очевидно: кто-то не желает, чтобы мы расставались.

— Не говори глупостей!

— Никаких глупостей. Кто-то хочет, чтобы наш союз был сохранен.

— Хочешь сказать, что я не смогу от тебя избавиться.

— Эй! Посмотри на это с моей стороны! *Я* не могу смыться от *тебя!*

— Что ж... Чему быть, того не миновать, — вздохнул Род. — Похоже, либо нам придется идти вместе, либо мы вообще с места не сдвинемся.

— А я-то приготовился шкуру погреть, — уныло покачал головой двойник. — Но должен признаться: куда как безопаснее прогуляться по лесу, чем отпускать тебя в город.

Род скорчил гримасу.

— А тебе, можно подумать, в город идти было безопаснее!

— О, бесконечно безопаснее! Ведь ты же считаешь меня продуктом своего подсознания, не так ли?

— Ну...

— Ты так считаешь и не спорь. А кто хоть раз слышал о том, чтобы какой-то там продукт кому-то причинил вред?

— Ты про Вилли Ломана никогда не слыхал? — с издевкой поинтересовался Род. — Но твою остроту принимаю — надеюсь, на щит. Ну, пошли. Вперед.

И они пошли.

* * *

Они были в пути примерно с полчаса, когда вдруг услышали рев. Род и его двойник бросились в чащу леса, но было поздно. Некто, немилосердно топоча, вломился в чащу следом за ними.

— Вижу, вижу тебя! — ревел преследователь басом. — Выходи и сразись со мной, как мужчина!

— Ой, да ладно тебе! — прозвучал тут голос повыше тоном. — Они же тебе ничего дурного не делали.

— Заткнись, добрячок! Ну, будь по-твоему! Выходи с поднятыми руками!

Род вышел из-за деревьев, выставив перед собой меч.

Чудище попятилось от наставленного на него острия и брезгливо наморщило морду.

— Это еще что за дела? Тебе обороняться не положено!

— Просто ты этого не ожидал, — прозвучал другой голос.

— Чтоб тебя, болтун несчастный! Заткнись, кому говорят!

Чудище было двуглавым и с виду напоминало разжиревшего дракона с носорожьим хвостом и слоновьими ногами. Шкура у него была пегая с желтыми пятнами. Род только взглянул на монстра — и уверился в том, что эта галлюцинация уж точно продукт его подсознания.

— Не заткнусь, — упрямо отвечала вторая голова. — В конце концов, ты грозишь этим двоим, ставя в опасность и мое тело.

— *Мое* тело! Ты владеешь только правой половиной!

— Вот именно. — Правая голова чудища развернулась к двоим Родам. — Вынужден просить у вас извинения за это нападение. У меня не было выбора. Можете звать меня «Декстер». Это значит «правый».

— Что-то непохоже, чтобы ты всегда стоял за правое дело, — проворчал двойник Рода.

Его сомнения были понятны, но все же выражение (если можно так выразиться) правой морды было более или менее

приятное и благожелательное, невзирая на обилие острющих зубов. А вот на левой морде чудища были просто-таки написаны хитрость и хищность — при точно такой же внешности.

— Только попробуй назови меня «Синистер»*! — взревела левая голова и развернулась к Роду. — Я тебе голову откушу! Я тебя поджарю заживо!

— Подобные попытки уже предпринимались ранее, — буркнул Род. Синистер чем дальше, тем меньше ему нравился. Он поднял меч. — Если думаешь, что можешь поспорить с Холодным Железом, попробуй.

— Холодное Железо! Да я эту зубочистку мигом расплавлю и превращу в кусочек окалины!

Однако Синистер не решился претворить свою угрозу в жизнь.

— Насколько я понимаю, у тебя была какая-то причина погнаться за нами, — заметил двойник.

— Причина! Сказанул тоже! Жрать охота, вот тебе и вся причина!

— Ну же, Синистер, — пробормотал Декстер. — Мы же с тобой это обсуждали.

— «Осуждали» — вот это будет вернее. Ты всю дорогу осуждаешь меня! Знаешь, что тебе, Декс, скажу? Ежели на этот раз не будет по-моему, я из тебя шкварку сделаю!

— Прошу прощения, Синистер, — проговорил Декстер тихо-тихо, — но я в эти игры играть не намерен. — С этими словами он взглянул на обоих Родов. — Вам бы лучше поспешить. Вряд ли вам тут безопасно оставаться.

— Точно, — кивнул двойник и развернулся, намереваясь уйти.

Издав чудовищный рев, Синистер топнул левой ногой, и двойник отскочил назад.

— Синистер! Ты же знаешь: эти люди не сделали ничего дурного!

* Слово «sinister» означает не только «левый», но и «безумный».

— Они забрели в мои владения! — взвыл Синистер. — Они шли по моей дороге и даже не удосужились заплатить за это!

— О! — удивленно воскликнул Род. — Ты проложил дорогу?

— Проложил? Какая, проклятие, разница? Я на ней *стою!*

— Понимаю, все это звучит странно, — обратился к двойнику Декстер. — Но вам не стоит отвлекаться от...

— Заткнись, слизняк! Если я желаю, чтобы эти ублюдки заплатили, то...

Декстер неприязненно поморщился.

— Пожалуйста! Честное слово, у тебя вовсе нет причин злоупотреблять бранными...

— Причин? — прорычал Синистер. — Причину тебе надобно? Я тебе сейчас покажу при...

Род встретился взглядом со своим двойником и кивком указал на Декстера. Двойник проворно скользнул к Роду, и они вдвоем, разыгрывая неподдельный интерес к спору двух голов, начали медленно обходить чудище справа. Векс заржал и топнул ногой, чтобы отвлечь Синистера.

Отвлекающий маневр почти сработал. Еще бы чуть-чуть, и обоим Родам удалось бы проскользнуть мимо чудища. Но в последнее мгновение Синистер заметил их и рявкнул:

— Эй! А ну, вернитесь!

И он кинулся за ними.

— Назад! — прокричал Род, и они с двойником дружно отпрыгнули назад. Увы — недостаточно далеко. Огромная голова тянулась к ним, оскалив клыки.

Декстер уперся в снег левыми ногами и попытался оттянуть Синистера к себе.

Голова Синистера резко дернулась и замерла. Инерция заставила огромные челюсти сомкнуться в дюйме от лица Рода.

— Назад! — процедил сквозь зубы Род и ткнул в морду Синистера кончиком меча. Голова чудовища с воем запрокину-

лась назад. Род опустил руку, сжимавшую меч, — и как раз вовремя, потому что она начала дрожать.

— Бедняга Синистер! Тебе больно? — запричитал Декстер.

— Он меня покалечил! — завывал дракон. — Порезал!

— Это был булавочный укол! — презрительно фыркнул Род.

— Ваша тактика понятна, — неохотно проговорил Декстер. — Но она была не нужна. На самом деле он совершенно безвреден, хотя и порядочный грубиян.

— Грубиян? Это я-то? Возьми свои слова обратно!

— Но, Синистер, ты же знаешь, что ты...

— Это ты всегда на меня нападаешь!

— Я? Никогда!

— Да? Да? Тогда почему ты не...

— С их стороны было нехорошо, неправильно прибегнуть к насилию после того, как опасность миновала. Это верно. Но все-таки ты должен признать: ты...

— Пус-сти-и ме-еня! Дай мне до них добратьс-ся!

И Синистер снова рванулся к двоим Родам. Декстер, естественно, опять уперся ногами в снег, и в итоге Синистер начал бегать по кругу, ругаясь и проклиная на чем свет стоит свою лучшую половину. Они кружились все быстрее и быстрее и вскоре стали похожи на небольшой смерч, сопровождаемый ревом и ругательствами и звучавшими в ответ твердыми, непоколебимыми возражениями.

Род толкнул своего двойника локтем в бок и указал на тропу в том направлении, куда они намеревались двигаться до встречи с двуглавым чудищем. Двойник кивнул, и они начали осторожно отходить от спорящих Декстера и Синистера. Малопомалу они продвигались к обочине. Векс следовал за ними на почтительном расстоянии.

Еще бы чуть-чуть — и они бы успели добраться до того места, где тропа, ведущая в глубь леса, поворачивала, но как раз перед тем, как они собрались юркнуть под лапы развеси-

стых елей, Синистер обернулся, увидел, как далеко они ушли, и испустил вой, который можно было сравнить с возмущенным гудком локомотива, у которого похитили весь грузовой состав. Вопя и ругаясь, Синистер бросился вслед за беглецами.

— Бежим! — прокричал Род, и сам исполнил свой приказ. Но почти сразу же он услышал позади яростный рык и обернулся. Обернулся и его двойник, бежавший рядом.

Они остановились слишком рано. Синистер рвался к ним изо всех сил, а Декстер старательно упирался и оттаскивал свою вторую половину назад. В результате туловище чудища совершило грандиозный кувырок, и голова Синистера с раскрытой пастью оказалась в непосредственной близости от Рода.

Род еще не успел убрать меч в ножны. Он заслонился им — и огромная голова отпрянула, стараясь не налететь на лезвие. Синистер не справился с инерцией, и в результате чудовище сделало шаг вперед. Голова Синистера ударила Рода боком, из-за чего он кувыркнулся в воздухе и, отлетев, ударился о ствол ели.

— Вот тебе урок, мерзавец! — гаркнул Синистер.

Эффект был несколько подпорчен тем, что голос у него задрожал. Скорее всего это было вызвано тем, что Векс поспешно заслонил собой своих хозяев, сопроводив свои действия пронзительным ржанием. Огромный черный жеребец встал на дыбы и взбил воздух копытами. Синистер в страхе попятился.

И хорошо сделал, потому что Род уже отлепился от сосны. Глаза его налились кровью.

— Ах ты, тупоголовая мерзкая тварь, сбежавшая из ночного кошмара! Ах ты, скотина недорезанная! Ах ты, кусок протухшего сыра! Ах ты...

— Пожалуйста! — обиженно вскричал Декстер. — Я старался, как мог!

— Да я не про тебя! Я про твоего... Вот про него!

Род нацелил свой меч на Синистера. Тот попятился еще на несколько шагов.

Двойник тоже поднял меч, но недвусмысленно взглянул на Рода и опустил оружие. Род неохотно последовал его примеру. Заметив это, Векс фыркнул и отошел в сторону.

Как раз такое развитие событий больше всего устроило Синистера.

— Напугались, да? В штанишки наложили? — радостно возопил Синистер и подпрыгнул — то есть подпрыгнула левая половина чудища, а правая упрямо уперлась лапами в снег. В итоге чудище не удержалось на ногах и кувырком покатилось по откосу, поросшему колючими кустами. Налетая на острые сучья и стволы деревьев, Синистер и Декстер дружно охали и подвывали.

— Бедняга! — прошептал Род.

— Нашел беднягу! — возмутился его двойник. — Он, похоже, резиновый — гляди, как подскакивает! Нам с тобой сейчас главное убраться подальше отсюда, пока Синистер не приволок Декстера обратно. Пошли. Вернее — побежали!

Они остановились, пробежав милю, и, задыхаясь и пошатываясь, рухнули на снег под деревьями. Морозный зимний воздух покалывал легкие, будто множество крошечных ножичков. Векс замедлил бег и встал позади двоих Родов.

— Что-то я... форму теряю, — признался Род. — Никогда еще миля... так худо мне... не давалась.

— Да, но... эту милю... мы пробежали по снегу... толщиной в фут, — отозвался его запыхавшийся двойник.

— Ты мог бы поехать верхом на мне, Род, — с укором заметил Векс.

— Не хотел тратить время на... то, чтобы сесть в седло. — Род заставил себя подняться и огляделся по сторонам. — Нам... лучше бы не рассиживаться тут... Вот только... куда нам теперь... идти?

— Хороший... вопрос, — выдохнул двойник, не без труда оторвавшись от дерева, под которым сидел.

В нескольких шагах от них тропа разветвлялась.

— Ну, какую выберем?

— Декстер или Синистер? — усмехнулся двойник.

— А вы спросите.

Оба изумленно обернулись.

Одно из деревьев вдруг вышло из чащи и встало на развилке. Удивлению спутников не было предела: перед ними стоял человек. Ростом он был на фут выше них, а одежда на нем была темно-серая, похожая на кору. Капюшон из такой же ткани покрывал его голову и прятал лицо.

Род и его двойник опасливо переглянулись. Двойник кивнул и пошел по кругу около странного незнакомца, держа руку на рукояти меча.

Человек в одежде из коры откинул капюшон.

Род широко раскрыл глаза. Лицо незнакомца, казалось, по бокам загибалось кверху. Его рот расплылся в широченной, от уха до уха, улыбке, краешки смеющихся глаз были приподняты. Пухлые щеки были такими красными, словно их покрывал слой румян. В общем, этот человек выглядел так, словно само понятие грусти ему было совершенно незнакомо.

— Закоренелый оптимист, — высказал свой диагноз Род.

— Вовсе нет, — возразил двойник. — Ты бы с обратной стороны на него посмотрел. — Законченный пессимист.

— Господа, господа! — Незнакомец умоляюще поднял руки. — И то, и другое. Спереди — Комедия, сзади — Трагедия.

Род представил себе образ мышления и жизни этого человека и это ему не очень понравилось.

— И я должен спросить у *тебя*, какую дорогу выбрать в мое будущее?

Незнакомец пожал плечами и жизнерадостно отозвался:

— Зачем тревожиться о будущем? — А сзади прозвучал тот же самый голос, только мрачный: — Для меня любое будущее — в прошлом.

Род решил, что этот тип мог бы весьма преуспеть в биржевой торговле.

— Куда бы ты ни пошел, — изрекло Веселье, — всегда найдется масса радости. Во всем на свете есть красота, в любом опыте — отрада для сердца.

— Опыт — одна непрерывная боль, — отозвалась Трагедия. — На свете больше уродства и убогости.

Двойник Рода скептически выгнул бровь. — Похоже, вы, ребята, никак не договоритесь между собой.

— Ага, — кивнуло Веселье. — Насчет Единства!

— Мы сходимся в Двойственности, — объяснила Трагедия.

— Они не согласны даже в том, в чем согласны, — в отчаянии сказал двойнику Род.

— Да нет, могут — если взглянуть на дело с правильной стороны. — Двойник склонил голову набок. — В конце концов, Двойственность — это всего лишь два аспекта Вечности.

— И ты туда же... — простонал Род. — Послушайте, давайте поговорим о чем-нибудь попроще, ладно? — Он обратился к двуликому человеку: — В какую сторону нам лучше пойти?

— Направо, — без запинки ответило Веселье.

— Налево, — уныло отозвалась Трагедия.

— Монетка есть? — спросил Род у своего двойник.

— Зачем?

— Хочу бросить.

— Риск приносит горе, — нараспев проговорила Трагедия.

— Риск может принести счастье, — проворно возразило Веселье.

— А я еще сомневался, — пробормотал Род и посмотрел на Векса. — У тебя есть какие-нибудь соображения?

— Не слишком уверенные, — ответил Векс. — Однако я вижу небольшое углубление в снегу прямо в том месте, где тропа разветвляется.

Род пристально вгляделся.

— Я ничего не вижу.

— Просто у меня зрение лучше, Род.

— Ладно, верю тебе на слово.

Род шагнул к развилке.

— Назад! — вскрикнуло Веселье.

— Тебе нельзя туда ходить! — возопила Трагедия.

— Ну наконец-то, — пробормотал двойник, — они хоть в чем-то согласились.

Тут оба лика повернулись к нему — ну, по крайней мере постарались повернуться. В итоге двуликий человек качнулся в сторону, и Род проскользнул мимо него.

— Стой! — крикнуло Веселье.

— Избегай середины! — жалобно прокричала Трагедия.

Но Род уже разбросал снег, а под ним оказалась едва заметная тропка.

— Пошли, — сказал он своему двойнику, и тот проворно последовал за ним.

Двойник задвигался и пошел за ними неровной походкой человека, не имеющего твердого решения. Вытянув неуклюжие руки, двуликий кричал:

— Средняя Дорога запрещена! В соединении нет ничего забавного!

Векс двумя прыжками проскакал вперед и встал между двуликим и двумя Родами. Двуликий налетел на коня-робота и с громким «О-ох!» повалился навзничь. Правда, он тут же забарахтался в снегу и попытался подняться, но Векс уже отвернулся, и перед стражем двух крайностей предстал конский хвост.

Вздыхая и качая головой, двуликий развернулся и зашагал к развилке.

Чтобы не сходить с тропы, Роду пришлось шагать по стеблям лиан, по густой прошлогодней листве и упавшим с деревьев сучьям. Он хвалил себя за то, что всегда предпочитал крепкие сапоги и усердно натирал их воском.

— Надеюсь, куда-нибудь нас эта тропка приведет.

— В какое-нибудь место, не слишком почитаемое теми, кто гонится за славой и богатством, да? — усмехнулся двойник.

— Что ж — да, — кивнул Род. — Но на самом деле далеко не все, кто этого ищет, обретают желаемое, верно?

Двойник пожал плечами.

— Про себя не скажу. Я стараюсь держаться в тени.

Род понимающе кивнул.

— Мне знакомо это чувство. Хочется всего-навсего тихой, мирной, спокойной жизни.

— Вот только почему она нам никак не достается, а? — задумчиво произнес двойник.

— Потому что мы к ней стремимся, естественно... Ой! Это еще что такое?

Род раздвинул кусты, и перед ним и его двойником предстала широкая дорога, ведущая по верху горного кряжа.

— Это Королевская дорога, — тихо проговорил двойник.

Род усмехнулся.

— Она самая. Размечтались мы с тобой о спокойном житье-бытье, а на что напоролись?

— Я лучше понизу пойду, — проворно предложил двойник.

— А окажешься наверху, — хмыкнул Род. Пойдем поглядим, какое-такое спокойствие и одиночество ожидают нас впереди.

Они вышли на дорогу. Векс догнал их, и оба Рода уселись верхом на стального жеребца, который резво поскакал вперед.

Начало смеркаться, и сразу стало холоднее. Мало этого: так еще дорога пошла лесом. Деревья подступали к ней со всех сторон.

— Может быть, стоит остановиться и окопаться на ночь? — предложил двойник.

— Вот и я о том же подумал, — зябко поежившись, отозвался Род. — Неплохо было бы развести костер, зажарить пару-тройку фазанов...

Тут тишину разорвал душераздирающий вой, и из-за деревьев с обеих сторон на дорогу выскочили по три мохнатых полосатых зверя. Под густой шерстью угадывались весьма выразительные мышцы. Звери стояли на задних лапах, как люди, но головы у них при этом были кошачьи. Они были обуты в сапоги, а передние лапы заканчивались самыми настоящими руками — правда, руки эти были покрыты шерстью и снабжены острыми когтями. Странные создания были облачены в кольчуги длиной до колен. На груди у них скрещивались портупейные ремни.

Визжа по-кошачьи, двое чудовищ бросились на Векса, но великолепный черный конь одного из кошколюдей отшвырнул от себя, мотнув головой, а другого отбросил копытом передней ноги.

Род проворно крутанулся в седле, уселся спиной к спине своего двойника и обнажил меч и кинжал. Здоровенный кошкочеловек вцепился в хвост Векса, подтянулся, уселся на круп коня и размахнулся кривым мечом. Род парировал его удар, отбросил врага назад и нанес ответный удар. Кончик лезвия ударился о кожаный ремень, соскользнул и уперся в грудь кошкочеловека. Кошкочеловек с визгом отшатнулся и упал на землю. На его месте в тот же миг оказался другой. Препротивно скалясь, он описал своим ятаганом плоскую дугу. Род пригнулся и нанес удар кинжалом снизу вверх. По инерции его качнуло вперед. Кошкочеловек взвыл, его глаза потускнели, он запрокинулся назад и упал с коня.

И тут, совершенно неожиданно, все закончилось. На снегу, истекая кровью валялись две гигантские кошки, а четыре, оставшиеся в живых, злобно фыркая и брызжа слюной, побежали к лесу. Род проводил их удивленным взглядом, немного помолчал и усмехнулся.

— Вот уж не знаю, чем ты их так напугал, о мое alter ego*, но ты...

* Другое «я» (*лат.*).

Двойник Рода качнулся вперед, выскользнул из седла и распростерся на снегу.

Род в ужасе вытаращил глаза.

— Род? — спросил Векс. — Что случилось?

— Ты разве не видишь?

Род поспешно спрыгнул с коня и опустился на колени рядом с собой самим, неподвижно лежавшим на снегу.

— Куда они тебя ранили? Говори скорее! Может быть, мне удастся остановить кровь!

— Слишком... поздно... — выдохнул двойник. — Перерезана... сонная артерия...

Так все и было. Дублет на груди был залит кровью.

— Как же это вышло? Нет, не отвечай — одна из этих тварей незаметно подкралась к тебе. С такими когтями нетрудно было так ранить тебя. — Род вскочил и начал отчаянно рыться в седельной сумке. — Должно же тут быть хоть что-нибудь! Векс, говорил же я тебе, что стоит запасаться плазмой для переливания!

— Не... стоит... беспокоиться, — тяжело дыша, вымолвил двойник.

— Не стоит беспокоиться? — Род резко развернулся и ошеломленно уставился на свою копию. — Я не могу позволить тебе умереть!

— Позволь, — умоляюще проговорил двойник. — Не... бойся... Я вернусь... когда тебе... понадоблюсь...

Его голос сорвался, глаза подернулись пеленой.

Род смотрел на него не мигая. Он стоял на коленях в снегу и не мог пошевелиться.

— Род.

— Помолчи! — Род раздраженно глянул на Векса, но когда вновь перевел взгляд на двойника, тот исчез. Даже углубления в снегу не осталось на том месте, где он только что лежал.

Род выпучил глаза.

— Что случилось, Род?

— На нас напали шестеро кошколюдей, — автоматически выговорил Род. — Двоих мы убили... — Он огляделся по сторонам. — Но и они куда-то подевались... остальных мы прогнали. А одна из этих тварей смертельно ранила моего двойника.

— Я так и думал, — сочувственно проговорил робот. — Но как же нам похоронить его — ведь земля промерзла.

Род посмотрел на своего верного спутника с еще большим раздражением.

— Перестань! Ты отлично знаешь, что на самом деле его не было!

Он замер, пораженный тем, что сам только что сказал.

— И разбойников не было тоже, — добавил Векс. — А были двое крестьян, одетых в приличные коричневые кожаные штаны и куртки. Ты их прогнал.

Но Род не слушал его. Он смотрел на чистый белый снег и бормотал:

— Все чудища, которых мы встретили до сих пор, не причинили такого вреда, как эти поганые кошки! Проклятие! И именно тогда, когда мне начало казаться, что я начинаю понимать самого себя!

Он вздохнул, сел верхом на Векса и, уведя коня с дороги, поехал в глубь леса.

4

Казалось, ночь тянется целую вечность. Как только Род это осознал, он заподозрил неладное.

— Векс, сколько времени прошло с тех пор, как я распрощался со своим семейством?

— Приблизительно три часа, Род.

— Всего-то? — Род был потрясен тем, как много всего успело случиться за такой короткий промежуток. — У меня что-то не то с ощущением времени?

— Вероятно, — медленно проговорил робот, — поскольку за этот краткий период ты пережил множество событий.

— Ну а сколько же времени прошло с того момента, как я наткнулся на бабусю Бэн, у которой руку защемило в дереве?

— Так вот что с ней стряслось? А я, честно говоря, по звуку ее голоса решил, что на нее напала шайка разбойников.

— Я такого не видел, — буркнул Род и нахмурился. — Вернее говоря: я видел не это. Ну, так сколько времени прошло?

— Два часа сорок пять минут, Род.

— Ты шутишь! Получается, что я ее увидел через пятнадцать минут после того, как расстался с семьей! Часа два прошло, а ты про какую-то минуту говоришь!

— Нет, Род, не про минуту. Про пятнадцать минут, а это значительно меньше двух часов. Скоро полночь.

— А я готов поклясться, что сейчас должно быть недалеко до рассвета. Знаешь, а ведь я по идее должен был бы уже хотеть спать.

— Быть может, и захочешь, когда концентрация адреналина в твоей крови пойдет на убыль.

— «Если», а не «когда». Что это там за свет впереди?

Векс увеличил диапазон зрения.

— Я не вижу никакого света, кроме лунного, Род.

— О, только не галлюцинация опять! Ну да ладно, деваться некуда, придется и с этим разобраться. — Род спешился. — Оставайся поблизости, хорошо? И не дай мне никого пристукнуть.

— Буду рад предотвратить несчастье, Род, но мне кажется, никаких причин для тревоги нет. Я не вижу абсолютно ничего.

— Вот бы и я мог так сказать... — вздохнул Род, отвернулся, закутался в плащ и, не успев согреться, зашагал по густому снегу в ту сторону, где увидел огонек.

Вдалеке колокола Раннимедского собора пробили полночь.

Род остановился на опушке небольшой полянки. Посередине нее горел костерок — вернее было бы сказать, догорал. У костра на коленях спиной к Роду стоял человек в плаще с капюшоном. Род задумался о том, что тут посреди ночи может делать монах, но тут же вспомнил, что плащи лесничих очень похожи на сутаны — особенно тогда, когда нет возможности различить цвет. Кто бы это ни был, этот человек явно ужасно продрог. Он разгребал снег в поисках хвороста и наконец нашел небольшую палочку и подбросил ее в костер.

Света костра хватило для того, чтобы Род разглядел руку незнакомца. Рука была костлявая, старческая. Род проникся сочувствием к старику и пошел по полянке, разбрасывая в стороны снег. Набрав хвороста, он подошел к костру, опустился на колени и проговорил:

— Вот хворост, дедушка! — С этими словами Род подержал над костерком небольшую сухую ветку, дождался, пока она загорится, осторожно опустил ее на тлеющие угли и положил поверх нее другую веточку. — Сейчас он у нас разгорится на славу.

— Вот спасибо, — прошептал старик, приподнялся и уселся на ствол поваленного дерева.

— Не за что. Рад помочь. И теплу рад. — Род подбросил в костер сук потолще, обернулся и посмотрел на старика. — Ну вот, дедушка.

И остолбенел.

— Спасибо, внучек. — Глаза старика под капюшоном весело сверкали. — Ну, да ты всегда был щедрым и добросердечным мальчиком. И мне приятно видеть, что ты вырос таким хорошим человеком.

— Дедушка, — ошеломленно прошептал Род. — Мой настоящий, всамделишный дедушка!

Так оно и было. Граф Рори д'Арман во плоти, собственной персоной. Ну — то есть так могло показаться.

— Ты не можешь быть настоящим, — проговорил Род, но протянул деду руку. — Ты умер двадцать шесть лет назад.

Граф Рори поморщился.

— Не слишком-то любезно с твоей стороны, мой мальчик.

— О, прости, дедушка! Но как ты здесь оказался? В смысле... Грамерай ведь находится в целой уйме световых лет от той солнечной системы!

— Но я попал сюда вместе с тобой, Родни, — пристально глядя на внука, ответил граф. — В твоих генах. Покуда жив ты, жива и частица меня. А еще — в твоем сердце и разуме, мне очень хотелось бы в это верить!

— О, можешь не сомневаться! Если моя личность — это дом, то его фундамент — это мама и папа, а ты — фундамент фундамента!

— Основа основ, стало быть, да? — Рори довольно улыбнулся. — А все, о чем я думал и мечтал, Род, — это тоже есть в тебе?

— Не сказал бы, что все, — честно признался Род, — но очень многое — это точно. Думаю, мне перепали по наследству и твои идеалы. Они сохранились в тех историях, которые ты мне рассказывал, а эти рассказы навсегда останутся со мной.

— Ах. Мои истории, да-да. — Граф кивнул и задумчиво уставился на пламя костра. — Ну а если ты живешь внутри моих рассказов, Родни, то у тебя не должно возникать вопроса о том, как я здесь оказался.

— Что? — Род непонимающе сдвинул брови. — Я, похоже, что-то упустил.

— Ну, я же Рори, лорд-летописец. — Старик вновь пристально посмотрел на Рода. — Нет никаких сомнений в том, что мы находимся в царстве Гранкларт.

Рот вытаращил глаза.

— Ну да, конечно, — тихо вымолвил он. — И как я не догадался?

— Потому что не задумывался об этом, — с улыбкой проговорил лорд-летописец. — А разве я не говорил тебе, что истории об этом волшебном царстве навсегда станут для тебя щитом и убежищем?

— Ну... в переносном смысле они стали и тем, и другим, — медленно произнес Род. — Но я никогда не думал, что так может быть по-настоящему.

Рори нетерпеливо запрокинул голову.

— Болезнь души обрушилась на тебя, мой мальчик, и темень духа. Где еще тебе укрыться от этой ночи, как не в Обители Великого Света?

— Верно. — Род уселся на упавшее дерево рядом со стариком. — Благослови тебя Бог, дедушка. Ты дал моей душе щит, чтобы она могла обороняться от своих собственных копий.

— Не будь так уверен в том, что эти копья — ее собственные, мой мальчик, ибо у тебя много врагов, владеющих большим арсеналом оружия. Но будь уверен в том, что в царстве Гранкларт ты встретишь волшебного хранителя, который убережет тебя от многих из этих врагов.

— Буду помнить об этом, — с жаром отозвался Род. — Но, дедушка, с ума-то я сошел на Грамерае. Как же я попал в царство Гранкларт?

— Да так, что ты унаследовал это царство от меня, Родни, унаследовал своей душой — точно так же, как телом унаследовал мои гены. События и идеалы, запечатленные в Хрониках этого царства, — это часть строения твоей личности, того, каким ты видишь окружающий мир. Теперь это царство твое. Я дарую его тебе.

— Я не достоин...

— Напротив, ты безмерно достоин, и ты это доказал. Как Четыре Короля всеми силами старались избежать войны, так старался и ты. И так же как они бились во всю свою мощь, когда война стала неизбежной, так бился и ты.

Род молчал. Он не мог отрицать своих подвигов, но был слишком скромен, чтобы говорить о них вслух. В конце концов, царство Гранкларт было основано как нейтральная территория для встречи четырех королей, которые мечтали избавить своих подданных от ужасов войны. Все четверо королей жили в одном дворце и правили своими, соседствующими друг с другом королевствами. Как он мог сравниться хоть с одним из них?

— Четыре Короля, дедушка, испытали озарение, и все они в одно и то же время вдохновились одной и той же идеей: иметь общий престол, сеять знания, мудрость, мир. Меня же подобные озарения не посещали ни разу в жизни.

— Быть может, и посещали, только ты этого не понял. Может быть, как раз сейчас ты испытываешь такое озарение. А может быть, это начало величайшего периода в твоей жизни.

— Сейчас, когда мне уже сорок семь? Слишком поздно для юной славы, слишком рано для старческой мудрости.

— Однако твой возраст — это то самое время, когда мудрость и энергия сливаются наиболее полно. Ведь апогей царства Гранкларт приходится на срединные годы его существования. Именно в ту пору рыцарь Бобрас отправился в странствия и вернулся с Радужным Кристаллом. Его свет наполнил благородных особ и... всех придворных гармонией и щедростью.

— А от них распространился по всем Четырем Королевствам, и тогда наступил Золотой Век мира, процветания и счастья. Но ведь Гранкларт просуществовал только на протяжении жизни Четырех Королей, дедушка. В пору правления их сыновей колдун Обскура выкрал Радужный Кристалл.

— Верно. В отместку за отказ короля Альбана.

Род кивнул.

— Король отказал Обскуре, когда тот попросил руки его дочери, Люцины, самой прекрасной девушки во всем царстве.

Отказал, потому что знал, что ее любит принц Дардинель и что она любит его.

— А еще он знал, — подхватил граф Рори, — что их союз теснее свяжет его королевство с королевством отца Дардинеля, короля Турпина. Но Обскура похитил Радужный Кристалл и напустил смертельные чары на короля Альбана. Без света гармонии и милосердия, исходившего от кристалла, король стал чахнуть и вскоре умер. Королем вместо него стал его сын Константин, но юные короли, в чьих сердцах не жило понимание того, как необыкновенно важен Гранкларт, стали важничать друг перед другом богатством и роскошью, а потом стали биться друг с другом на турнирах.

— А турниры скоро переросли в войны, — припомнил Род. — И союз распался. Но зачем молодым королям понадобилось разрушать дворец, дедушка?

— Потому что каждый из них боялся, что другой воспользуется им как твердыней, чтобы править оттуда и начать завоевание остальных трех королевств. Так бывает всегда. На середину всегда приходится наибольшее напряжение, когда теряется равновесие. Так и случилось, когда Обскура снюхался с королем Аграмантом и уговорил его напасть на короля Турпина.

— И король Турпин пал в бою, и вместо него престол занял принц Дардинель, еще не вступивший в ту пору, когда человек приучается сдерживать свои страсти, — задумчиво проговорил Род. — Тогда Обскура распустил слух о том, что Люцина посажена под замок братом, и Дардинель объявил войну королю Константину. Но рыцарь Бобрас очнулся от колдовского сна и восстал, чтобы стереть злобного колдуна с лица земли.

— Да, внучек, но он был убит в этой битве. О, ты только не горюй: ведь я обещал тебе, что Бобрас вновь восстанет из праха. Бобрас будет восставать вновь и вновь. Но когда славный рыцарь пал смертью храбрых, король Дардинель осознал собственную глупость и заключил мир с королем Константи-

ном. Но их королевства были опустошены войной, и король Аграмант объединился с королем Родомонтом и напал на них.

— Они одержали победу, — кивнул Род, — но и их страны не избежали разорения, ибо Дардинель и Константин дрались как безумные, чтобы защитить прекрасную Люцину.

— О да, и хотя оба они полегли на поле брани, они дорого продали свои жизни. Аграмант и Родомонт некоторое время правили вместе, но потом между ними началась борьба за власть.

— А их войска были слишком слабы для того, чтобы и охранять замки владык, и поддерживать в их землях закон и порядок. Многие, очень многие воины дезертировали и в отчаянии искали себе пропитания и приюта. Расцвел разбой.

— А потом всякой дипломатии пришел конец. Родомонт решил, что у него хватит сил, чтобы побороть Аграманта.

— Но он ошибся.

— О да. Они были равны и в итоге разорвали друг друга на куски. Вот так закончился Золотой Век, и Четыре Королевства погрузились в пучину варварства, из которой некогда восстали.

Род вздохнул, задумчиво вгляделся вдаль. В ушах у него звучали звон оружия и крики воинов во время великих битв, грохотали копыта боевых коней. На глаза у него навернулись слезы, и он очень этому удивился.

— Разве Гранкларт не может снова ожить, дедушка?

— Он и оживает — всякий раз, когда мы рассказываем его историю. На этот раз я начал ее для тебя, внук мой. Сейчас наступают величайшие дни, ибо рыцарь Бобрас только что отправился в свое славное странствие, и ему еще предстоит отыскать Радужный Кристалл.

— Он еще не найден? — Род резко повернул голову к деду, широко раскрыл глаза. — Но ведь это означает, что Ордейл еще не показал ему мир фейри, что Олимпия еще поджидает его на вершине горы Стегр! Всего этого еще не было — славы, чудес, волшебных чар!

— Да, всему этому еще предстоит свершиться. — Старик кивнул, его глаза засверкали. — Но мы проговорили с тобой всю ночь, внук мой, и восток уже скоро зааллеет рассветом. Настает тот час, когда бедные, робкие призраки, скитающиеся тут и там, должны возвращаться на церковные кладбища.

— Нет! — в ужасе вскричал Род. — Не уходи! Нам еще о многом надо поговорить!

— Все главное было сказано. — Граф поднялся и отступил от костра. — Об истории Гранкларта, о том добре, которое пыталось принести миру это царство.

— Но ты нужен мне! Я не могу без тебя!

— И не будешь. — От поляны поднимался туман и окутывал фигуру старика. — Я — в твоем сердце и разуме, Родни. Ты не можешь жить без меня. Никто не сможет отобрать меня у тебя.

— Но как же Гранкларт? — вскричал Род. — Как это царство обойдется без тебя?

— Ты поможешь ему, мой наследник. Я вручаю его тебе — все, как есть, до последней частицы. Пусть оно вновь воскреснет, Родни. Пусть процветет во веки веков. — Голос старика звучал все слабее и тише, силуэт таял, сливался с туманом, подсвеченным золотистым светом зари. — Ночь миновала, занимается день — твой день, внук мой. Теперь это царство твое. Живи в нем, и да будет тебе в нем удача.

— Доброго пути...

Род стоял как завороженный. По спине у него побежали мурашки. Он не отрывал глаз от исчезающего у него на глазах призрака. И вот наконец в последний раз прозвучал голос деда — а может быть, то была трель далекой певчей птицы:

— Прощай...

А потом уже вправду зазвучала птичья трель вдалеке — призывная, требовательная.

Род ушел с поляны, залитой победным светом новорожденного солнца, и побрел по лесу. Сердце у него словно свинцом налилось, а душа пела.

— Он был там, Векс, — тихо проговорил он. — Он вправду там был.

— Я так и понял, судя по словам, которые слышал от тебя, Род, — отозвался могучий черный конь. — Это очень радостно.

Вот только особой радости в голосе робота не прозвучало. Род нахмурился, пристально посмотрел на коня и все понял. Он сочувственно проговорил:

— Тебе, старина, тяжело вспоминать о прежнем хозяине?

— Роботам неведома тоска, Род.

— А компьютерам радость. Ясное дело. — Род сел в седло. — Но почему время вдруг потекло так быстро?

— На самом деле нет, Род. Время текло не быстрее, чем вечером.

— Просто так показалось. — Род покачал головой. — Что ж, с какой-то точки зрения я в безопасности, Векс. Я — в Гранкларте.

— Да, Род, это во многом безопасно, но вспомни, с какими опасностями столкнулся славный рыцарь.

— Как я могу забыть о них? — отозвался Род. — Но как я сюда угодил, Векс? Почему я так внезапно сбрендил?

— Я предлагал тебе лучший ответ, на который только был способен, — негромко заметил робот. — Теперь тебе нужно найти свой ответ.

— Пожалуй, я его нашел, — кивнул Род. — Да, пожалуй, нашел.

— В историях своего деда? — удивленно спросил робот.

— Да. В конце концов, в этом есть смысл, правда? Я насчет рыцаря Бобраса. Он сейчас только-только начал свои странствия. Наверное, он послал за мной, призвал меня сюда. Видимо, я чем-то могу ему помочь.

Робот обдумал это заявление и сказал:

— Бобрас тронулся в путь в одиночестве, Род.

— Да, но были великие подвиги, которые другие рыцари совершили в других местах, и эти подвиги помогли Бобрасу

обрести Радужный Кристалл, Векс. Может быть, ему понадобился еще один соратник. — Глаза Рода засверкали. — Ты только представь себе: где-то в этой волшебной стране рыцарь Бобрас скачет на своем верном коне Балинсете, прямо сейчас, в эти самые мгновения!

Векс молчал, думал, взвешивал аргументы.

Род немного протрезвел.

— Векс, похоже, меня не слабо занесло, да?

— Всегда есть возможность вернуться, Род, — спокойно проговорил робот в ответ.

— Верно, — кивнул Род. — Это точно, можно вернуться. — Он повернул коня на восток. — А если так, значит, нет ничего ужасного в том, чтобы мы забрались немножко поглубже перед тем, как вернемся. Правильно я говорю, Векс? Конечно, правильно. По крайней мере, может быть, со временем все развеется. Ну, вперед?

5

Заря превратила зимний лес в зачарованное царство. Хрустальные деревья с ветвями, усыпанными блестками, стали похожи на колонны в величественном ледяном соборе, пол в котором был устлан серебристым руном.

— Что тут скажешь? Волшебное царство — оно и есть волшебное царство, — задумчиво проговорил Род. — Это Гранкларт.

Векс тактично промолчал.

— О-о-о-о-о!

Род вздрогнул и натянул поводья.

— Это еще что, проклятие?

— На крик зверя не похоже, — заметил Векс.

— Значит, кричал человек, попавший в беду, — заключил Род и повернул коня в ту сторону, откуда донесся крик.

Почти сразу же крик прозвучал вновь, и Род неприязненно поежился. — Если это человек, то он, похоже, скорее зол, нежели ранен.

— Вопит от злости? — спросил Векс.

Так и было, и кричал действительно человек. Но Род замер в изумлении, поскольку человек этот оказался карликом, а карликов в Грамерае было — по пальцам перечесть, и самым главным из них был Бром О'Берин.

А Бром был полуэльфом...

Карлик гневно воззрился на Рода.

— Что я тебе — диковинка какая, чтобы ты на меня так пялился?

— Если честно, так и есть, — вырвалось у Рода, но он тут же пошел на попятную, чтобы сгладить невежливость. — Прошу прощения. Меня зовут Род Гэллоуглосс.

Он ждал реакции, но никакой реакции не воспоследовало — кроме насмешливого ответа:

— Ну а я Модвис-Кузнец. Познакомились, считай, так может, теперь ты перестанешь глаза пучить, глядя на меня?

— Прости. Просто... не так часто встретишь человека, который угодил в собственный капкан.

— Да никакой он не мой, тупица! Разве карлик поставил бы такой капкан?

— Какой «такой»? — Род наклонился и пригляделся. — Я, между прочим, даже не вижу, как эта штуковина выглядит, и уж тем более не соображу, как ее раскрыть.

— Обычный капкан, какие расставляют лесничие. — Карлик прижался спиной к дереву и поднял правую ногу. От снега к его лодыжке тянулась цепочка. — Цепь-то серебряная, и мне ее никак не разнять. Будь это Холодное Железо, я бы звенья мигом разнял, а над серебром власти не имею.

Род нахмурился: изо всех эльфов только Бром безбоязненно мог обращаться с Холодным Железом, но при этом Бром без боязни управлялся и с серебром, и с золотом.

— Ты в Гранкларте, Род, а не в Грамерае, — сказал Векс, словно прочел мысли хозяина.

Род поднял голову. Что ж, это было справедливо.

— Ну, серебру не устоять против стали, — решительно проговорил он, спешился и подошел к Модвису.

— Что у тебя на уме? — встревоженно вскричал карлик.

— Хочу перерубить цепь. Сиди смирно.

— И не подумаю пошевелиться.

Карлик, опасливо глядя на Рода, неподвижно вытянул ногу.

Судя по всему, Модвису было в диковинку, что кто-то пришел ему на помощь. Из-за этого Род задумался о том, какие отношения у карлика с другими людьми. И если на то пошло, то что он вообще делал один в лесу?

Конечно, по большому счету, это было не его дело. Он вставил кончик лезвия в звено цепочки и ловко повернул кинжал. Звено расширилось и расцепилось. Цепь упала с лодыжки карлика.

Издав вздох облегчения, Модвис опустил ногу.

— Вот спасибо тебе, вот уж выручил так выручил!

— Не за что. — Род поднялся, зачехлил кинжал и стал разглядывать своего нового знакомца. Ростом Модвис был фута в три, широкоплечий, коренастый. Бицепсы у него были толщиной с голени Рода, а уж голени — толщиной с добрые древесные стволы. Длинные распущенные волосы падали на плечи карлика. И волосы, и борода у него были рыжеватые, тронутые сединой. Одет он был в легтинсы из буйволовой кожи, зеленые сапоги и такого же цвета куртку, красный плащ и красную шляпу с меховой оторочкой. На поясе у Модвиса висел кинжал длиной с короткий меч. Рукоять и лезвие клинка украшал затейливый орнамент. Карлик тоже смерил Рода взглядом с головы до ног.

Род понял намек.

— Кто мог поставить тут серебряный капкан?

— Тот, кто желал изловить эльфа, пожалуй.

— Я так и думал... Эй! — вскрикнул Род, почувствовав, как что-то цапнуло его за лодыжку.

— Что такое?

— Что-то под снегом. — Род дернулся, и ногу что-то остановило. От ледяной корки на снегу тянулась серебряная цепь. — Ты мне не сказал, что тут есть еще капканы!

— Если честно, я и сам этого не знал. — Модвис поднял со снега корявый сук, шагнул к Роду и упал ничком. — Берегись!

— Не бойся, поберегусь. — Род наклонился, чтобы взять Модвиса за руку, — и звенья серебряной цепи тут же туго обхватили его запястье. — Да, я был недостаточно осторожен! Быстрее вставай, пока тебя не связало по рукам и ногам!

Модвис карабкался, пытался подняться, но серебряные цепи крепко держали его за руки.

— Не могу!

— Почему ты мне не сказал... ладно, не будем об этом. Тебе-то ума хватило не наклоняться к снегу, да?

— Я не наклонялся, хотя чуть не упал, когда угодил в первый капкан. Нет! Берегись!

Из снега зазмеились новые цепи, потянулись к груди и поясу карлика.

Род разрезал цепь у себя на запястье, освободил от второго капкана лодыжку.

— Ну, хотя бы Холодное Железо против них работает.

— Но ты не сможешь разрезать их быстрее, чем они опутывают меня. Нет, оставь меня! Спасайся!

— Я... Думаю, это не понадобится. — Род обернулся к коню. — Векс?

— Да, Род. Мои копыта стальные. — Конь-робот решительно шагнул на пятачок, где извивались змеями серебряные цепи. Цепочки проворно обмотались вокруг щеток над копытами Векса, но тут же распадались, как только конь поднимал ноги. Векс осторожно встал над Модвисом. — Скажи этому джентльмену, чтобы он ухватился за подпругу.

— Ну да, он же тебя не слышит. Эй, Модвис! Дотянись до подпруги и ухватись за нее! Тогда цепи не смогут обвиться вокруг твоей груди!

Модвис резко приподнялся и ухватился за кожаный ремень под брюхом Векса.

— А с ногами как же быть?

— Не переживай, он справится. — Векс аккуратно наступил на цепи, обхватившие бедро и правый бок Модвиса. — Давай! Поднимай правую ногу!

Модвис резко дернул ногой, а Векс переступил на цепи, державшие карлика слева.

— Приготовься и держись крепче!

Векс скакнул к деревьям. Модвис изо всех сил держался за подпругу. Как только конь приземлился, карлик отпустил руки и выкарабкался из-под коня.

— Вот спасибо-то, люди добрые!

— Быстро садись верхом! — скомандовал Род. — Вдруг там еще есть капканы!

Но Модвис не заставил себя уговаривать. Ловким прыжком он взлетел в седло. Векс развернулся, Модвис одной рукой вцепился в его гриву, а другую руку вытянул. Когда они проносились мимо Рода, Род схватил Модвиса за руку и, подлетев вверх, уселся на круп Векса. Конь преодолел полянку, где были расставлены капканы, замедлил бег, остановился и развернулся. Порванные цепи блестели на снегу.

— Нет-нет, не надо бояться, — пробормотал Модвис. — Мы ушли от них, а они за нами не поползут.

— Мало ли что, — возразил Род. — Мы не можем быть в этом уверены. Скачи вперед, Стальной Жеребец.

— Род, тебе не следовало бы прибегать к высказываниям, смысл которых невозможен с биологической точки зрения...

— Ну хорошо, тогда — Марганцевый Мул! Главное — вперед!

— Ладно, если тебе это доставляет такое несказанное удовольствие, — буркнул Векс, развернулся и поскакал рысью по тропинке.

Модвис обернулся и посмотрел на Рода.

— Вот уж в ум не возьму, кто ты таков, Род Гэллоугласс, но что вовремя ты мне встретился, это чистая правда. Спасибо и тебе, смертный, и твоему коняге.

— Всегда рад помочь собрату в беде. — «Забавно, что меня тут не знают», — подумал Род, и эта мысль его в каком-то смысле успокоила. — Просто когда встретишь еще кого-то, кому понадобится помощь, помоги ему — если, конечно, будешь уверен, что тебя не хотят обмануть. Кстати, а что ты делал в лесу?

— Собирал ветки орешника. Чтобы изготовить древесный уголь для моей кузнечной печи. А ты?

Род неловко поерзал.

— Да так... убегаю, можно сказать. Как думаешь, кто расставил эти капканы?

— Да у меня и сомнений почти нет, — отозвался Модвис. — Наверняка колдун — ведь кто еще имеет такую власть над серебром, что заставляет его извиваться подобно змеям?

Род кивнул.

— Похоже на то. Просто я надеялся на то, что тут цепи сами так себя вести не могут.

— «Тут»? — переспросил Модвис и нахмурился. — А ты сам-то откуда будешь, смертный?

— Из другого мира, — объяснил Род. — Бывает такое.

— Если ты так говоришь, я тебе поверю на слово. — Но карлик сдвинул брови еще сильнее. — И как же ты в Гранкларт попал?

— По волшебству — и признаться, не с такой уж неохотой.

Услышав эти слова, Модвис улыбнулся.

— Это конечно, это конечно. Кто бы не пожелал попасть в Гранкларт, ежели бы ему так посчастливилось? Ну а от кого же ты убегаешь? Кого покинул?

— Жену и детей, — честно признался Род. — Видишь ли, я немного тронулся умом и сам не знаю, когда могу

рассвирепеть, вот и решил уйти от них подальше, чтобы им не навредить. Считай, что я тебя предупредил, в каком-то смысле.

— Спасибо за предупреждение, — кивнул карлик и опять сдвинул брови. — Так тебя сюда твое безумие привело?

Род кивнул.

— Если так, то будь благословенно твое безумие, раз оно привело тебя сюда в самое нужное мгновение. Но я заклинаю тебя вернуться к твоей супруге и детишкам. Если, конечно, ты хочешь этого. — Модвис нахмурил брови. — Ты этого хочешь?

Его вопрос застиг Рода врасплох. Он не стал сразу отвечать утвердительно, поскольку не знал, будет ли его ответ искренним или вынужденным. Он поджал губы, запрокинул голову, окинул взглядом облетевшие ветви деревьев, попытался разобраться в своих чувствах.

— Хочу, — ответил он, — но должен признаться, я бы предпочел не слишком спешить с возвращением.

Модвис проворчал что-то неразборчивое. Род решил, что карлик удивился, но так это было или нет, Род не понял. Может, у его собеседника просто в животе заурчало.

— Давай попробуем изыскать средство, с помощью которого ты смог бы вернуться. Наверняка на это уйдет немало времени. Какое волшебство перенесло тебя сюда? Злое или доброе? В этом вся соль.

— Ну... Кто бы это ни вытворил, вряд ли он желал мне добра.

— Но быть может, он желал добра нам? Вот только сдается мне, что тот, кто расставил капканы для меня, мог заготовить ловушку и для тебя.

— Стало быть, за мной кто-то охотится. Нет ли у тебя на уме какого-нибудь охотничка?

— Есть, — мрачно отозвался Модвис. — Он живет на востоке, в полуразрушенном замке, стоящем на вершине высокой скалы. Обитают вокруг этого замка сплошь злобные тва-

ри. Вместо соловьев у этого колдуна грифы, а вместо собак — шакалы.

— Послушать тебя — так это просто очаровашка. А имя у этого славного парня имеется?

— Звать его Брюм, хотя мало кто смеет произнести его имя вслух. — Модвис гневно воззрился в восточную сторону. — А я смею, потому что поклялся найти то, что принесет ему погибель! Брюм, если ты слышишь меня, можешь злобствовать сколько угодно твоей черной душе! Я сумею найти на тебя управу, и твой прогнивший замок рухнет тебе на голову!

Модвис умолк. Он встревоженно ждал ответа. Род поймал себя на том, что он сам тоже чего-то ждет, и пошевелился, чтобы отвлечься от этой мысли.

— А скажи, у тебя есть какая-то особая причина так его ненавидеть? Или ты одержим желанием искоренения Зла?

— И то, и другое, — буркнул Модвис. — Была одна девушка, Род Гэллоугласс, и хотя я понимал, что мне и улыбки от нее ждать не стоит, я мечтал сделать все, что только мог, ради ее счастья.

— И ее похитил этот... Брюм?

— Нет. Ее украл другой злой колдун, Гормлин. Но я всех злых колдунов ненавижу. Если придется, я готов разбить этот замок вдребезги!

— Славно сказано, — негромко проговорил Род. — Я могу чем-то тебе помочь?

— Это не твоя беда, Род Гэллоугласс.

— Пожалуй, не моя, — медленно произнес Род. — Но разве ты не дал мне понять, что этот Брюм мог быть тем самым, кто перенес меня сюда?

Модвис промолчал.

— А не могло ли случиться так, что перенес меня кто-то другой, кто пожелал, чтобы я сразился со злодеем?

Модвис неохотно кивнул.

— Итак, — сказал Род, — если он вытянул меня сюда, то я должен уговорить его отправить меня обратно — уж

каким образом, понятия не имею. А если это не его рук дело, то тот чародей, который это сделал, мог бы отпустить меня восвояси после того, как я совершу то, ради чего он меня сюда перенес.

— Может быть, — отозвался Модвис. — Может быть, может быть, может быть и еще сто раз «может быть». Я ничего тебе не могу обещать, Род Гэллоуглосс.

— Не переживай. Я тебе тоже ничего не обещаю, — пожав плечами, проговорил Род. — Как бы то ни было, я не прочь обозреть окрестности. Вперед.

Модвис развернулся в седле и вперил в Рода изумленный взор.

— Ты что, не своем уме?

— Честно и откровенно? Да.

— Похоже на то, если ты так легко готов отправиться прямиком в пасть дракона! Как, интересно знать, ты собираешься живым добраться до его логова?

— План атаки я разработаю тогда, когда увижу его замок. Что же до того, как туда добраться, — ну, понимаешь... есть у меня такое маленькое хобби...

— Хочешь что-то сказать насчет волшебных коней, которые умеют разбивать заколдованное серебро?

— О, ты уже догадался, что Векс — не простой конь, да? Угу, на уме у меня что-то в этом роде. У нас с ним имеется кое-какое оружие, которое мы из скромности прячем от посторонних глаз. А лично у меня в арсенале есть такие средства, которые вообще глазом не увидишь. Видно только их действие.

Модвис посмотрел ему прямо в глаза.

— Хочешь сказать, что ты — колдун?

— Нет. Я эспер. Это не волшебство, но очень на него похоже.

— Чем же это отличается от колдовства?

— Ну, — ответил Род, — я не прибегаю к помощи злых сил.

— Значит, черпаешь силы у Бога?

Род пожал плечами.

— Это просто дар, с которым я родился. Сам по себе он не добрый и не злой.

— Стало быть, все дело в том, ради чего ты им пользуешься, да?

Род согласно кивнул.

— Именно так.

— И ты ни разу не встречал никого, кто смог бы тебя превзойти? — насмешливо поинтересовался Модвис.

— Я ведь жив пока, верно?

Модвис задумался.

— Что да, то да.

— Вот это и есть мой самый убедительный довод. Ну, что скажешь? Есть желание сопроводить меня на восток?

Модвис осклабился, будто акула.

— Есть! С превеликой радостью сопровожу тебя! А если нам суждено погибнуть, так погибнем!

— Не сказал, чтобы это входило в мои планы, но не стоит ли нам слегка подкрепиться перед дальней дорожкой? Что-то я проголодался.

— Я живу в небольшом домике неподалеку отсюда. — Модвис отвернулся и обратился к Векcу: — Волшебный конь, скачи вперед! На развилке поверни к югу. Скоро тебя ждет теплое стойло и сладкое сено!

Векс послушно поскакал к развилке, а оттуда — к югу. Щедрые посулы карлика оставили его равнодушным, но он сделал вид, будто безмерно рад — надо же было держать марку.

6

Модвис усадил Рода на скамью у очага, подал ему кружку эля, а сам принялся хлопотать у плиты. Хлопотал он довольно шумно, поэтому Роду представилась возможность пошептаться с Векcом.

— Ну, что скажешь, Железяка? Ловушка или еще что?

— Определенный элемент галлюцинации имел место, Род, — ответил Векс осторожно.

Род сдвинул брови.

— Не желаешь объяснить точнее?

— Нет.

Род строптиво поджал губы.

— Ладно. Отвечай по приказу, если так. Что ты видел?

Векс вздохнул.

— Тот, кого ты видишь перед собой, на самом деле не карлик, Род, а лепрехун.

— Лепрехун! Кто же это? Келли?

— Нет, Род, это не Келли. И похоже, он говорит правду, когда называет себя Модвисом.

— Не сказал бы, что имечко такое уж ирландское.

— У Келли родовое имя тоже не очень похоже на ирландское.

В сознании у Рода сработала сигнализация.

— Ну, и как мне это прикажешь понимать? Бром приставил ко мне няньку?

— Не вижу никаких свидетельств предварительной договоренности, — ответил робот. — Этот эльф действительно был скован серебряной цепью, когда ты его обнаружил.

— Кто же мог быть способен на такую грязную шутку? Нет, молчи, не говори ничего. Всякий, кто пожелал бы выведать у несчастного лепрехуна, где запрятан горшок с золотом*. Но почему траппер не сидел где-то рядом и не следил за своим капканом?

— Может быть, он сбежал, заметив твое приближение.

— Я что, *так* ужасно выгляжу?

Векс промолчал и Род решил не развивать далее эту тему.

— Ну а как насчет борьбы с цепями?

---

* Согласно ирландским преданиям, лепрехуны стерегут запрятанные сокровища, местонахождение которых известно только им одним.

— Я видел только лежащие на земле стебли лиан, Род, но они были зеленые, что странно для зимы, и они действительно опутывали и тебя, и Модвиса.

— По меньшей мере странно, — покачал головой Род. — Может быть, этот загадочный траппер владеет телекинезом, и ему вовсе не понадобилось убегать так уж далеко?

— Это не исключено...

— А также не исключено, что все это подстроил Модвис.

У Рода на затылке волосы встали дыбом.

— Лепрехун может обладать определенной пси-энергией, это верно.

Род скривился. «Уж не подшучивает ли надо мной Векс?» — мелькнула у него мысль.

— Постарайся не пить слишком много эля, Род, — предупредил его Векс. — Ты давно не ел.

Вот это было чистой правдой.

Но тут время для раздумий закончилось. Модвис поставил на стол блюдо с мясом и яйцами и корзинку со свежевыпеченными булками, и Род занялся более насущным делом — утолением голода.

Модвис оказался очень гостеприимным хозяином — даже, пожалуй, слишком гостеприимным. Если бы Род съел все, что ему предлагал хозяин, он бы, пожалуй, впал в коматозное состояние. Но, как ни странно, стоило Роду съесть буквально несколько кусочков, как аппетит у него пропал, и это его расстроило и насторожило.

— Было очень вкусно, — сказал он. — Благодарю за гостеприимство, Модвис, но мне пора в путь.

Карлик посмотрел на него в упор.

— А поспать тебе не пора?

Род подумал и решил, что это не самый злободневный вопрос.

— Не могу себе сейчас этого позволить. Спасибо, мне пора трогаться.

(Тронулся он, на самом деле, чуть раньше.)

Не сказав ни слова, карлик отнес тарелки к двери, заливисто засвистал, стряхнул на землю крошки, протер тарелки песком, потом снял со стены дорожный мешок, уложил в него тарелки, завернул в тряпицы все, что осталось после трапезы, и тоже убрал в мешок. Потом собрал со стола последние крошки в пригоршню, выбросил за порог, забросил мешок за плечи и снял с крюка на стене тяжелый железный ключ, после чего кивком указал Роду на дверь.

Род вдруг понял, что означал весь этот ритуал.

— Эй, минутку, минутку! Я еще не сказал, что поеду искать Брюма! И тебе не обязательно идти со мной!

— Верно, — кивнул Модвис, запер увесистый замок, повесил ключ себе на шею и взял в руку посох, прислоненный к крыльцу. — Но ты же не станешь возражать, если я пойду с тобой?

— Ну... Нет, конечно, не стану. Даже рад буду. Но куда ты хочешь идти?

— Пройдусь по дороге на несколько миль. А ты куда пойдешь?

— Да я сам... Куда глаза глядят, если честно.

— Вот и славно! — просиял Модвис и дружески хлопнул Рода по руке. — Получается, нам с тобой по дороге! Стало быть, ты не сильно удивишься, ежели я с тобой до самого конца дойду, правильно?

И они углубились в лес. Рода не покидало странное, не слишком приятное ощущение, что его пытаются провести. Опять.

Прошел час. Род натянул поводья и спрыгнул с коня.

— Ладно, — сказал он. — Теперь твоя очередь ехать верхом.

Модвис недовольно глянул на него.

— Ты что, меня таким слабаком считаешь? Мне и своих двоих достаточно!

— Ну... Вовсе не считаю тебя слабаком. Можешь и дальше идти пешком, если тебе так хочется. Просто так быстрее получится, да и отдохнуть не мешает.

— Да мне надо целый день пешком протопать, чтобы я устал. А насчет быстроты — так ты иди, как идешь, а я за тобой поспею.

Роду не хотелось проверять, вправду ли это так. Спешить было некуда, и потому он пустил Векса шагом. Модвис не отставал, и Род его больше не уговаривал поменяться местами. Но когда они добрались до деревни и остановились там, чтобы передохнуть, Род купил для Модвиса осла. Крестьянин получил от Рода настоящий золотой, и остался несказанно этим доволен. Карлик и после этого отказался ехать верхом, и вел осла в поводу до тех пор, пока Род не высказал наконец вслух, свое недоумение. В конце концов Модвис согласился-таки сесть верхом на осла, и спутники поехали навстречу романтике и приключениям.

Ближе к вечеру они выехали из леса на открытую местность, простирающуюся от Скалистых Гор и переходившую в северное плоскогорье.

Плоскогорье? Но на плоскогорье располагался Раннимед, а не владения северных баронов! У Рода даже голова слегка закружилась, когда он осознал, что *вправду* находится в Гранкларте, а не в слегка завуалированном Грамерае.

По крайней мере все походило на то...

А вот что за всадник ехал навстречу Роду и Модвису, сказать было трудно. Всадник был облачен в черные латы, а конь под ним был ни дать ни взять — пивная цистерна. Обилием брони конь и всадник не уступали друг другу.

Рыцарь натянул поводья и поднял забрало.

— Приветствую тебя! Ты рыцарь или вольный крестьянин?

— Ни тот, ни другой, признаться, — с улыбкой отвечал ему Род. — Никому никогда не приходило в голову посвятить меня в рыцари, но я вырос дворянином. Вернее говоря, я дворянином родился, но при этом был младшим сыном младшего сына.

— Но если так, то ты урожденный рыцарь!

— И мне так тоже казалось, но официально этого никто не признавал.

Тут Род разглядел герб на щите рыцаря и замер.

На гербе была изображена серебряная рука, сжатая в кулак, поперек черного поля. Этот герб был так же хорошо знаком Роду, как силуэт Векса.

— Прошу простить меня, сэр рыцарь. Вы, сразу видно, человек, совершивший великие и благородные подвиги.

— Вы слишком льстите мне, добрый господин. Однако у вас преимущество передо мной, если я известен вам своими заслугами. Назовите свое имя.

Род сглотнул подступивший к горлу ком.

— Я — Род Гэллоуглосс, лорд и Верховный Чародей королевства Грамерай.

— Чародей! — В мгновение ока в шею Рода ткнулось острие меча. Как рыцарь выхватил меч, Род не заметил, но это уже не имело никакого значения. — И каково ваше волшебство, милорд? Черное оно или белое?

— Ни то, ни другое в самом деле. Оно само по себе.

Род старался не обращать внимания на приставленное к его горлу оружие, но на лбу у него выступила испарина. Он пристально глядел в небесно-голубые глаза под благородными изгибами бровей. — А ваш меч выкован с помощью черной магии или белой?

Лезвие не дрогнуло. Лицо рыцаря уподобилось камню.

— О да, кузнецы владеют магией. Когда они куют клинок, они поют и своими песнопениями наделяют сталь силой, а затем покрывают лезвие вязью рун. Но какая магия — черная или белая, — это уж от кузнеца зависит.

Род кивнул.

— Вот и со мной то же самое. Я не святой и могу творить чудеса, но и сатане я не поклоняюсь. Мне противен и он сам, и все его деяния.

Лезвие меча и при этих словах Рода не дрогнуло.

— Волшебство бывает либо от Господа, либо от сатаны. Ваше от кого?

— Уж точно не от сатаны. И живу я с надеждой на Царствие Небесное.

Рыцарь еще на миг задержал взгляд на лице Рода и убрал свой тяжелый меч в ножны.

— Если так, то вы — добрый волшебник.

— Спорить не стану, — проговорил Род. — Он почувствовал, как подступает к сердцу ярость, и успел вовремя подавить ее. — Но если вам хочется в этом удостовериться, почему бы вам не померяться со мной силами? Я не стану прибегать к волшебству, если вы не будете драться своим мечом.

Рыцарь еще пару секунд смотрел на Рода, потом едва заметно улыбнулся.

— Это честно и справедливо, — сказал он. — Каким же оружием мы с вами сразимся?

Род кивком указал на берег текущей вдоль дороги речки, густо поросший ивами.

— Думаю, двое зорких мужчин могли бы разыскать там пару шестифутовых палок.

Рыцарь не смог удержаться от усмешки.

— Да будет так. Но у меня нет оруженосца, так не смог бы ваш подыскать оружие для меня?

— На самом деле он мне не оруженосец...

— Нет-нет, самый что ни на есть оруженосец! — поспешно протараторил Модвис, проворно спрыгнул на землю со спины осла и, вытаращив глаза, заверил Рода и его соперника: — Я мигом, славные рыцари! Одна нога там — другая здесь!

Рыцарь нахмурился.

— Если он не ваш оруженосец, то кто же он такой?

— Просто друг, — ответил Род. — И притом новый. Но похоже, надежный.

Рыцарь кивнул.

— Про карликов говорят, будто у них дубовые сердца. Они редко дарят кому бы то ни было свою верность, но уж когда дарят, то будут стоять за тебя горой.

Модвис вернулся и притащил две ровные прочные зеленые ветки, обрубленные с обеих сторон и избавленные от сучков.

— Вы оказали мне большую честь, сэры рыцари.

— И ты нам, — произнес рыцарь со всей любезностью. Он спешился. Род не удержался и вытаращил глаза. Любой, кому удалось бы спрыгнуть с коня в полном доспехе и не покачнуться при этом, явно был фантастически силен.

Но с другой стороны, все это происходило в рамках фантазии...

— Мне бы не хотелось пользоваться преимуществом, сэр, — заметил Род. — Наверняка ваши доспехи тяготят вас.

Рыцарь горделиво вздернул голову.

— Разве это тяжесть для истинного рыцаря? Однако для того, чтобы и у меня не было преимуществ перед тобой, я обнажу голову. — Он ухватился руками за шлем, отстегнул и снял. По его плечам рассыпались золотистые локоны. Ровный покатый лоб спускался от края волос к выступавшим надбровным дугам, величину которых немного скрадывали пушистые светлые брови. Под бровями сверкали глубоко посаженные голубые глаза. Высокие скулы разделял острый нос. Тонкие губы контрастировали с тяжелым квадратным подбородком. У Рода екнуло сердце. Рыцарь оказался именно таким, каким он *его* всегда представлял себе.

А как же иначе? — прозвучал внутренний голос.

Рыцарь поднял посох, повертел его над головой, чтобы размяться, и опустил.

— К вашим услугам, милорд.

Род усмехнулся и ощутил радость в преддверии поединка. С каким соперником ему предстояло сразиться! Он понимал, что ему еще очень повезет, если удастся добиться ничьей, но это не имело никакого значения. Он трепетал так, словно ему предстояло спеть в «Ковент Гарден» дуэтом с Доминго.

Модвис стоял неподалеку. Было заметно, что он простотаки сгорает от волнения.

Соперники пошли по кругу, не спуская глаз друг с друга. Оба усмехались и, сверкая глазами, держали наготове куотерстафы. Но вот рыцарь вскричал:

— Защищайтесь!

И его посох рассек воздух с такой скоростью, что Род этого даже не заметил. Но он, сам не поняв как, успел поднять свой куотерстаф, и палки ударились друг о друга с таким жутким треском, что по округе разнеслось громкое эхо.

От удара по рукам Рода разлилась такая боль, что он мог поклясться, что кости у него завибрировали.

Размышлять об этом времени не было: рыцарь вознамерился заехать своим посохом Роду под колени. Род еле успел закрыться от удара и в итоге получил по коленке собственным куотерстафом. Род отступил, опасаясь, что колено у него того и гляди подогнется, и парировал следующий удар рыцаря с великолепной оборонительной позиции, опустившись на одно колено. В конце концов он понял, что пора начинать контратаку и что такая позиция на редкость удобна для того, чтобы ударить соперника в пах. Удар был произведен, но наградой Роду был только лязг стали, а отдача получилась поистине немыслимая. Однако он не преминул воспользоваться оной отдачей для того, чтобы направить верхний конец куотерстафа в голову рыцаря. Рыцарь, естественно, мгновенно закрылся, и Род не упустил возможности вскочить на ноги. Равновесие он восстановил как раз вовремя, потому что посох рыцаря уже нацелился ему прямехонько в переносицу. Род парировал удар и, попав в ритм (наконец-то!), направил нижний конец куотерстафа в щель между нагрудником и наплечником в доспехах рыцаря. Палка ударилась в кольчугу, надетую под латами, но от удара рыцарь на миг дрогнул, и этого мига Роду хватило для того, чтобы нанести удар по незащищенной голове рыцаря.

Наконец-то его удар достиг цели! Звук получился глухим и неприятным. Правда, большого вреда он рыцарю не причинил.

О да, тот отступил на шаг, но только тряхнул головой и снова пошел в бой.

Но этого времени Роду хватило для того, чтобы привнести в поединок свой собственный стиль. Он завертел посох в руках так быстро, что его не стало видно. При этом он держал палку под углом в сорок пять градусов. Надо было бы держать посох вертикально, но длина не позволяла.

Рыцарь нахмурился. По всей вероятности, этот прием был для него в новинку. И все же он храбро размахнулся посохом, нацелив его в голову Рода.

Раздался оглушительный треск, и посох вылетел из рук рыцаря.

— Проклятие! — вырвалось у него.

Он взмахнул руками — ему еще повело, что они были закованы в латные рукавицы, смягчившие боль. Рыцарь отскочил назад, подобрал палку и застыл в нетерпеливой позе.

Род перестал вращать куотерстаф, отбежал к ближайшему дереву, прижался к нему спиной и встал, держа посох вертикально обеими руками. Приближалась кульминация поединка.

И она наступила. Род оказался посередине смерча ударов. Треск от ударов был подобен звуку молний. Род отчаянно орудовал собственным посохом, отражал один удар за другим, при возможности контратаковал. Вверх, вниз, снова вверх и опять вниз сновал его куотерстаф...

Но вот настало мгновение, когда Род, закрывшись от удара сверху, не успел вовремя перестроиться, и рыцарь ухитрился стукнуть его прямо в солнечное сплетение. От этого сокрушительного удара воздух со свистом вышел из легких Рода. Он попытался вдохнуть, но это у него не получилось. Как ни старался он совладать с болью, победа оказалась на ее стороне. В глазах у Рода потемнело, он не удержался на ногах и рухнул на землю.

А потом он снова увидел свет и смог дышать. Рядом с ним сидел Модвис. Карлик провел по лицу Рода прохладной влажной тряпицей. Род сделал глубокий вдох и решил, что ничего

вкуснее этого воздуха ни разу в жизни не пробовал. Он попробовал подняться. Карлик тут же уперся руками ему в спину. Род увидел перед собой золотоволосого рыцаря. Тот стоял, опершись на посох, и загадочно улыбался.

— Благодарю вас за достойный поединок, милорд. Ваше боевое искусство великолепно.

— Не настолько великолепно, насколько ваше, — усмехнулся Род, с болезненной гримасой приподнялся и проговорил: — Да я другого и не ожидал.

— Тем не менее вы держались превосходно. — Рыцарь протянул руку и помог Роду встать. — Буду рад, если вы станете моим спутником в странствиях, милорд.

Род вытаращил глаза, не в силах поверить собственным ушам. Чтобы *он* странствовал с этим героем? С этим человеком, который всегда вершил свой путь в гордом одиночестве?

— Я... я почту за честь. — Тут он вдруг почувствовал, что Модвис поддерживает его под локоть. — Но я не могу покинуть моего оруженосца.

— Столь верный и преданный спутник не имеет цены. Не откажетесь ли вы оба оказать мне помощь?

— О... Несомненно, — отозвался Род, потрясенный до глубины души. — Готовы сделать все, что в наших силах.

— Угу, — пробормотал Модвис.

— Ты и вправду можешь оказать мне неоценимую помощь — тем более если тебе хорошо ведомы эти края.

Рыцарь хмурым взглядом обвел долину.

— Я живу здесь всю свою жизнь, — ответил Модвис. — На десять миль вокруг не найдется ни одного пня, ни одного камешка, который не был бы мне знаком.

— Вот такой проводник мне и нужен, — кивнул рыцарь. — Я должен сразиться со злобным колдуном, а он так изменил мое зрение, что все вокруг кажется другим, незнакомым, и я не могу найти дорогу.

— Вот уж воистину злобные чары... — негромко проговорил карлик.

— Именно так. Уже трижды я падал в канавы, а однажды сорвался с большой высоты, а ведь мог поклясться, что передо мной лежит ровная дорога. Я даже не поверил, что вы таковы, каковы есть, когда увидел вас.

— Очень неприятно, — кивнул Род. — Должен признаться, я пребываю под действием примерно таких же чар.

Модвис удивленно зыркнул на него, что порадовало Рода. Во взгляде рыцаря также было заметно изумление.

— Что, и на ваших глазах пелена?

— Вроде бы нет, — неуверенно проговорил Род. — Но я как бы вижу то, чего на самом деле нет.

На миг чары рассеялись, и он увидел пустую дорогу, слой тумана под свинцовыми небесами, высокие сугробы.

— Это колдун затуманил вам глаза, — предположил Модвис. — Злобный колдун, который хочет ослепить вас обманными видениями!

Снова засияло солнце. По обе стороны от пыльной дороги зеленели летние поля. Увидев перед собой рыцаря, Род успокоился и объяснил:

— Но видения у меня только такие: люди и чудовища. — Он привык говорить правду и добавил: — И еще — времена года. Ни горы, ни равнины мне не мерещатся.

Рыцарь усмехнулся и хлопнул Рода по плечу.

— Что ж, славно, что мы встретились, вы и я! Я буду ясно видеть людей, а ты — окрестности! Пойдемте же, сразимся со злобным колдуном и сотрем его с лица земли!

Улыбка у рыцаря была на редкость заразительная. Род не удержался и улыбнулся в ответ.

— Ну а если я обманусь, — сказал он, — Модвис поможет мне. И мой конь, конечно. Этот ни за что не даст себя провести. — За ухом у Рода зажужжало, но он сделал вид, что ничего не заметил. — А о каком колдуне ты ведешь речь?

— Наверняка это какой-то выскочка, слабосильный ученик чародея, — с отвращением ответил рыцарь. — Никто о

нем прежде слыхом не слыхивал, да и потом не услышит, поверьте мне на слово.

— Но как его имя? — не отступался Род.

— Сам себя он называет «Сольтик», — отвечал рыцарь. — Ну, уж мы его присолим, мерзавца.

И верно, имя оказалось престранное. А уж самое удивительное, что Роду оно было незнакомо, хотя «Хроники Гранкларта» он знал наизусть.

— Твой дед сказал, что тебе предстоит продолжить великую сагу, Род, — негромко напомнил Роду голос Векса.

— Хотите засолить его на зиму, да? — стараясь, чтобы его голос звучал как можно более небрежно, спросил Род. — А почему бы не покончить с ним раз и навсегда?

— Обещаю, он получит по заслугам, — сказал рыцарь. — Но прежде всего мы должны отыскать его логово.

— Я о нем кое-что слыхал и знаю, что Брюм — его ученик, — проворчал Модвис. — Нам нужно отправиться к Пустошам, милорды.

— Так ведь дотуда уже совсем недалеко! — обрадованно вскричал рыцарь и ударил Модвиса по плечу. — Разве может нам не улыбнуться удача, когда с нами такой проводник? По коням, милорд! В путь!

Род и рыцарь оседлали коней и тронулись вперед по долине. Векс не мог избавиться от мысли о том, что его хозяин впал в детство — в свое собственное детство.

— Векс, ты только представь себе! — взволнованно бормотал Род. — Я скачу рядом с ним! Я вправду скачу рядом с ним!

— Редкая честь, что и говорить.

Векс тревожился все сильнее — тем более что Род начал разговаривать сам с собой. Это само по себе было плохо, но еще хуже было то, что в словах Рода не было ничего безумного.

Но вот Род немного протрезвел. Ему словно бы передалась часть тревоги робота.

— Где же червячок в этом яблочке, Векс, а? Знаешь, он выглядит так знакомо... Просто потрясающе знакомо...

— А разве он не должен так выглядеть?

— Ну... Конечно, он должен выглядеть именно таким, каким я его всегда себе представлял. — Род сдвинул брови и устремил взгляд на высокого широкоплечего всадника, гордо скакавшего впереди него. — Итак, он просто должен выглядеть знакомо. Но почему мне все время кажется, что он похож на кого-то, кого я когда-то знал?

— Но это всего лишь естественно.

— Да, наверное, мое детское сознание нарисовало его портрет с какого-то знакомого взрослого.

Векс молчал.

— Подумать только — я еду вместе с ним! Какое приключение! — вновь начал восторгаться Род. — Может быть, я никогда не вернусь в реальный мир!

— Вот это, — заметил Векс, — может быть как раз то самое, на что искренне надеются твои враги.

— Ой, не порть мне настроение! Вперед, к приключениям! Я скачу на поиски Радужного Кристалла вместе с великим рыцарем Бобрасом!

7

Через некоторое время Род наконец удосужился спросить:

— А куда вы направляетесь, сэр рыцарь?

— Я хочу спасти мою прекрасную даму, леди Высокомеру, лорд Гэллоугласс, — ответил рыцарь.

Отлично. Но этот ответ мало что подсказал Роду.

— А где она пленена?

— Она не в плену томится, лорд Гэллоугласс, а в роскоши. Она живет в замке под названием Горделин, и за ней присматривает леди Вредилина.

Очередная новость. Об этом не было ни слова в саге, сочиненной дедом. Род нахмурился.

— А где он, этот Горделин? — спросил Модвис.

Приятно было узнать, что и для него это название ново.

— Этот замок прячется в тучах на вершине Строптивой Горы, — отвечал Бобрас. — Высотой он почти в восемьдесят футов, и на шестьдесят футов вверх в башне нет ни единого окна. Не то что окна — ни одной бойницы нет.

— Безопасность у них там поставлена хорошо, — отметил Род, — чего не скажешь об обороне, и уж тем более — об эстетике. Есть какая-то причина, по которой строители решили обойтись без окон?

— Для того, чтобы живущие в башне могли свысока смотреть на тех, кто обитает ниже них. Они считают ниже себя всех тех, кто не видит мира с высоты Горделина.

Род медленно проговорил:

— Насколько я понял, им бы хотелось, чтобы *все* были ниже них.

— Верно. Никто не бывает там, кроме тех, кто думает так, как ни печально в этом признаваться. Моя дама — самая прекрасная в стране, но у многих из нас есть свои слабости. Такова ее слабость.

— Но у меня такое подозрение, будто вы не считаете, что она виновата в этом сама.

Бобрас какое-то время ехал молча, затем кивнул.

— Пожалуй, можно и так выразиться. И хотя она отправилась в замок по своей воле, еще раньше ее опутали чары.

— Так может быть, она и поехать туда пожелала именно под воздействием этих самых чар. — Род понимающе кивнул. Юные девушки во все времена легко клевали на соблазны жизни в высшем обществе. Однако он понял смысл сказанного сэром Бобрасом: для того чтобы роскошь искусила девушку, она должна была изначально мечтать о ней. — Ну а хозяйка замка, эта леди Вредилина, — она, в каком-то смысле, причастна к волшебству?

— Она подлинная колдунья, сэр. Она черпает жизненные силы у тех юношей и девушек, которых собирает в замке. Знаком ее принадлежности к злому колдовству служит то, что она не выносит прикосновения чистой воды.

— Воды? — изумился Род. — Что же пьют те, кто ее окружает?

— Только вино и бренди, и от этого они становятся более податливы для чар колдуньи, для ее кокетливых ужимок.

— Вот беда! — Род не выдержал и отвел взгляд. — Но как эти люди выносят общество друг друга?

— О, колдунья всегда наполняет покои замка сладчайшими ароматами. Там все время курятся благовонные смолы, и те, кто обитает в замке, не чувствуют, что их обманывают, используют.

— Вы хотите сказать, что обитатели Горделина постоянно одурманены? — Род покачал головой. — Ой, да что я спрашиваю... Конечно, одурманены. — Он зябко поежился. — Воистину этот замок — мрачное и ужасное место, сэр Бобрас. Нельзя вам одному ехать туда!

— Я не могу просить вас сопровождать меня в эту обитель порока, лорд Гэллоугласс.

— Вы и не просили. Я сам того желаю. Если, конечно, вы не думаете, что я буду вам помехой.

Рыцарь обернулся, и лицо его от улыбки засияло.

— О, конечно же, нет! Ведь вы чародей, не так ли? И несомненно, вы окажете мне великую помощь в сражении с колдуньей Вредилиной!

Роду очень хотелось верить, что Бобрас не ошибается.

Судя по солнцу, только-только миновал полдень, и Род старательно высматривал впереди постоялый двор, как вдруг Модвис остановил его и Бобраса, подняв руку. Бобрас и Род натянули поводья. Рыцарь нахмурился.

— Что стряслось, друг мой?

— Не нравится мне тут. — Модвис мрачно воззрился на лежавшую впереди дорогу. Крестьянские поля мало-помалу становились все уже, а потом сменялись густыми зарослями дубов и вязов, кроны которых смыкались над дорогой. — В прежние времена тут встречались разбойники.

— Похоже на то. Места на редкость удобные для засады. — Бобрас запрокинул голову, обнажил зубы в улыбке. — Что ж, им же хуже. Как славно, Модвис, что ты отыскал то, с помощью чего я могу взбодрить свой дух! Лорд Гэллоугласс, если тут обитают разбойники, не сомневаюсь, их следует примерно наказать. Что вы скажете?

— Никаких возражений, — браво отозвался Род, но как только они въехали под сень могучих деревьев, по спине у него побежали мурашки. Он жалел о том, что перспектива встречи с разбойниками его радует вовсе не так, как Бобраса...

Раздался звук, какой мог бы издать десяток локомотивов, и с деревьев на дорогу спрыгнули несколько разбойников. Они были невысокого роста, но крепкого телосложения, одеты были в лохмотья, но оружие у них при всем том было начищено до блеска. Двое сжимали в руках алебарды, двое — мечи, а пятый был вооружен только дубинкой. Правда, дубинка была здоровенная, да еще и с шипастым набалдашником, и этот самый набалдашник был нацелен Роду в висок. Род пригнулся и неизвестно зачем криком предупредил об опасности своих спутников. Векс отпрянул в сторону, и в итоге удар палицей получился смазанным. Вылетая из седла, Род удивился тому, как это бродяга ростом в пять с половиной футов, явно давно недоедавший, оказался способен на удар такой силы. Он рухнул на спину и чуть не задохнулся. Пытаясь вдохнуть, он одновременно постарался подняться. Векс предупреждающе заржал и одним прыжком оказался рядом. Он встал, заслонив Рода своим стальным телом и от разбойника с палицей, и от одного из тех двоих, что орудовали мечами. Векс попытался ударить одновременно передней и задней ногой, от чего у него тут же начался припадок вследствие перегрузки. Конь-робот

застыл на негнущихся ногах над своим хозяином, голова у него безжизненно повисла.

И все же Векс дал Роду запас времени. Он успел приподняться на локте и всмотреться в разбойников слезящимися глазами. Видел Род их плоховато — изображение получалось смазанным и увеличенным. И что странно: разбойники виделись Роду не просто увеличенными, но и какими-то бесформенными. Но вот он проморгался — и опять перед ним предстали разбойники. Однако он уже успел обо всем догадаться.

— Тролли! — крикнул он своим спутникам. — Это колдовским образом преображенные тролли!

Бобрасу этого вполне хватило. Он тут же изменил стиль ведения боя и, сражаясь с ближайшим разбойником, стал наносить удары на два фута выше его головы.

И вот удар достиг цели. Послышался звон, посыпались искры. Разбойник вскрикнул и в страхе отступил на шаг.

Еще бы! Волшебный меч Бобраса, Купто, разрубил гранитную шкуру тролля. К разбойнику Бобрас при этом и не притронулся, но из воздуха над головой негодяя хлынула ярко-зеленая жижа. Бобрас нанес новый удар.

Не сказать, чтобы у Рода было время наблюдать за поединком Бобраса с троллем. Он только одним глазком глянул в ту сторону, и тут же развернулся, чтобы закрыться от очередного удара. Отскочив в сторону, он мысленно велел своему кинжалу: «*Стань длиннее!*», и кинжал послушно удлинился.

Позади Рода слышался звон Купто, похожий на набат, да глухие удары железной дубинки Модвиса.

Следующая мысленная команда Рода была «*Укрепись!*», и края лезвия его меча заблестели, как алмаз.

Почему «как»? Это и был алмаз, и разбойник испытал это на себе сразу же, как только Род рубанул мечом по его дубинке и рассек ее пополам. «Человек» тупо воззрился на обрубок дубинки, а Род прочертил мечом в воздухе линию прямо над его головой.

Разбойник вскрикнул и отступил назад, но на его место встал другой негодяй, вооруженный мечом, но тут же рухнул на землю ничком: подоспел Модвис и ухватил его сзади за лодыжку. Род не стал осуждать карлика за неблагородство такого приема — у него просто не было на это времени. Он изо всех сил размахнулся мечом. Лезвие зазвенело и отскочило от гранитной шкуры тролля. От отдачи у Рода нестерпимо заныли руки. Но вот выше головы разбойника забил фонтан зеленой жижи, а сам он взвизгнул, будто фабричный гудок, вскочил на ноги и заковылял к лесу. За ним поспешил его соратник с обрубленной палицей. Род бросился, было, за ними, но потом представил себе, каково будет сражаться с троллями на их территории, и остановился. Обернувшись, он увидел, что у Бобраса и Модвиса дела сложились удачнее, чем у него: двое разбойников корчились на земле, третий дернулся в последний раз и затих. Силуэты у всех троих начали расплываться, но у мертвого разбойника этот процесс завершился скорее, и вскоре перед спутниками предстало чудовище ростом в восемь футов, с широченными плечищами и бочкообразной грудью. Ноги у тролля при этом оказались до смешного короткими, а руки, наоборот, — непропорционально длинными, футов в пять, с мышцами, похожими на кабельные тросы в стальной оболочке. Пальцы чудовища заканчивались скрюченными когтями.

Род в ужасе вытаращил глаза. Неужели у него хватило храбрости драться с таким страшилищем?

Он поспешно отвел глаза — и, конечно же, двое собратьев тролля тоже сменили обличье. Теперь на земле в муках корчились точно такие же чудища.

— Нужно облегчить их страдания.

Бобрас вынул из седельной сумки фляжку с бренди.

Модвис кивнул и вытащил из своего мешка смотанную в рулон тряпицу для перевязки.

Род окончательно растерялся и воскликнул:

— Погодите минуточку! Мы ведь только что пытались разрубить этих тварей на куски!

— Только за то, что они пытались напасть на нас, лорд Гэллоугласс, — отозвался Бобрас. Он только коротко взглянул на Рода и принялся ухаживать за первым из раненых троллей. Он поливал его раны бренди и пытался остановить зеленую кровь с помощью корпии.

Роду казалось, что от бренди будет больше толка, если его влить в пасть троллю. Довольно скоро чудище взвыло от боли и погрозило рыцарю каменным кулачищем. Бобрас благоразумно отскочил в сторону.

— Умоляю тебя, потерпи, бедное создание. Бренди щиплет, это верно, но оно поможет твоей ране не загноиться.

«Ну какой же умница был мой дед! — мелькнула мысль у Рода. — Не поленился, снабдил население Гранкларта знаниями об азах первой помощи!»

— Послушайте, — предпринял Род еще одну попытку, — но не разумнее ли было бы *совсем* избавить их от страданий?

Бобрас одарил его взглядом, полным искреннего возмущения.

— Только они сами могут избавить себя от страдания, лорд Гэллоугласс, покаявшись в своих злых делах и обратившись к Богу.

— Возмездие! — прорычал один из троллей. — Нас ожидает медленная смерть!

— Ну почему же «медленная». — Род повертел в руке меч. — Есть же у меня какое-то сострадание.

Рыцарь стал протестовать. Даже Модвис побледнел.

— Вы не сможете сделать этого, лорд Гэллоугласс!

— Почему же? Смогу. Давайте посмотрим на дело так: вы имеете дело не с цивилизованными существами, и даже не с такими, которые *могли бы* стать цивилизованными. Эти чудовища — садисты, которых хлебом не корми, дай только понаслаждаться лицезрением людских страданий. Исцелите

их — и они сразу снова на нас нападут, а не на нас — так на следующих путников, которые пройдут по этой дороге.

— Мы должны исполнить свой христианский долг, — решительно отозвался рыцарь. — Чего бы нам это ни стоило!

— При всем моем уважении, сэр рыцарь, не исключено, что чего-то стоить это будет не нам.

— Если мы обойдемся с ними милосердно, лорд Гэллоуглосс, они, быть может, станут щадить других, — пояснил Модвис.

— Вряд ли!

— Он говорит правду, — хмуро сдвинув брови, возразил Бобрас. — Милосердие и благородство могут открыть даже самые злые сердца для Божьей благодати, лорд Гэллоуглосс. Но случится это или нет, мы обязаны исполнить свой долг и проявлять милость к павшим врагам.

У Рода возражения вертелись на языке, но он счел за лучшее промолчать. В конце концов, этот мир был сотворен его дедом, и в этом мире бесповоротно царствовала фантазия. Здесь, вероятно, кровожадных чудовищ можно было перевоспитать и поставить на путь истинный. Разве сам он в детстве не заслушивался рассказом деда о великане Громобое, который в конце концов стал одним из самых верных соратников Четырех Королей?

Род вздохнул, отвернулся и отошел к Вексу. Пошарив под седлом, он нащупал кнопку перезарядки робота и нажал на нее, а потом нашел в седельной сумке аптечку первой помощи. Когда он опустился на колени рядом со стонущим от боли троллем, сквозь пелену фантазии на миг пробилась реальность, и тролль вдруг показался Роду раненым крестьянином.

Но этот миг был краток, и Род снова увидел перед собой тролля. Он, внутренне содрогнувшись, промокнул рану тампоном и присыпал антисептическим порошком. Тролль зарычал и попытался встать, но Род крепко прижал тампон к ране, бормоча:

— Да-да, я понимаю, тебе больно, но это снадобье выжжет из раны всех микробов, чтобы у тебя на началась гангрена, из-за которой твоя рука может сгнить и отвалиться. Потерпи немного, и боль пройдет.

Неожиданно Род обрадовался тому, что Бобрас оказался настолько упрямым по части благородства. Если озарение не обмануло Рода, то он сейчас на самом деле ухаживал за человеком, а тролль ему только мерещился.

А может быть, тролль был самый настоящий, а примерещился Роду как раз крестьянин?

Род поднялся и подошел к своему верному коню.

— Векс?

— У-у-у-у бе-ед-дя-а-а з-злуджи-илз-зя-а-а бри-иба-адоог, Р-р-род-д?

— Да, так оно и было. — С правдой нужно было чуточку подождать. Все системы Векса должны были настроиться за несколько минут.

Когда они снова тронулись в путь и оставили позади троллей, которые со стонами стали подниматься на ноги, Род еле слышно обратился к роботу:

— Векс, с кем мы там на самом деле сражались?

— Это были пятеро крестьян, Род. Правда, они оказались необычайно высокого роста и прекрасной упитанности в сравнении с тем, как обычно выглядят грамерайские пахари.

— Футурианцы? — Род встревоженно сдвинул брови. — *Им*-то здесь что понадобилось?

— Более вероятно, что это местные агенты, взращенные футурианцами. Однако не исключено и применение высоких технологий: лезвия алебард, которыми сражались двое крестьян, были до странности не тронуты ржавчиной, а к концу древков были прикреплены линзы.

— Лазеры? — озабоченно нахмурился Род. — Хорошо еще, что у них не было возможности пустить их в ход!

И тут его посетила странная мысль: если Бобраса на самом деле и не существовало, кто же прикончил одного разбойника и ранил еще двоих?

К счастью, Род на этот вопрос найти ответа не успел, поскольку заговорил Модвис, а Модвис был настоящий — в известных пределах, конечно.

— Сэр и лорд, тролли не владеют магией и уж точно не умеют сами менять свое обличье.

Бобрас и Род промолчали. Им потребовалось несколько мгновений, чтобы обдумать сказанное карликом.

Первым подал голос Бобрас:

— Это ты верно подметил, славный Модвис. И что же ты об этом думаешь?

— Думаю, что им подсобил колдун.

— Леди Вредилина? — поинтересовался Род.

— Скорее тот старый безумный кудесник, который пытался изловить меня серебряными капканами, а вас ослепил. Я говорю о злобном Сольтике.

Род подумал и решил, что этот вариант ему не очень нравится.

— А что он имеет против нас, к слову сказать?

— Может быть, он прозорлив, — медленно произнес Бобрас, — и знает о том, что мы принесем ему погибель.

— Почему-то он нас страшится, это точно, — кивнул Модвис. — И не желает подпускать нас к своему логову.

Бобрас усмехнулся и запрокинул голову.

— Что ж, так не будем же лишать его законных опасений, друзья мои! Вперед, на погибель всем колдунам!

Он пришпорил своего коня и пустил галопом.

Модвис и Род не без труда нагнали его.

— Нет ли тут какого-то логического просчета? — негромко спросил Род.

— Если ты его видишь, то твое восприятие подводит тебя, — заверил его Векс. — Логика Модвиса верна — тем более что он осторожен и высказывает свои выводы на уровне гипотезы. Это Бобрас спешит сделать вывод о том, что Модвис прав.

— Да, Бобрас всегда отличался отсутствием сомнений. — проговорил Род с сардонической усмешкой. — Ну а ты, конечно, думаешь, что никакой колдун тут ни при чем?

— В Гранкларте, Род, нет ничего невозможного.

— Что да, то да. А... как насчет Грамерая, Векс? Или сейчас об этом спрашивать не стоит?

— Желательно, чтобы это миры совпадали, — признался Векс. — В Грамерае за всем этим запросто мог бы стоять эспер с не слишком устойчивой психикой, вступивший в союз с футурианцами.

— Стало быть, вместо чокнутого ученого мы имеем чокнутого чародея. Просто восхитительно. Лучше не бывает. И он вправду хочет покончить с нами, как ты думаешь?

Робот молчал.

— Векс? — настойчиво окликнул его Род. — У меня что, просто паранойя? Или за мной правда кто-то гоняется?

Конь неохотно отозвался:

— Я не думаю, что твои галлюцинации возникли естественным образом, Род.

Род решил, что настаивать на объяснениях лучше не надо.

8

Спутники не стали останавливаться, чтобы пообедать, но почему-то Рода это не огорчило. Но когда солнце опустилось ниже и часы показали бы время вечернего чаепития, Род немного занервничал и спросил у Модвиса:

— Скажи, мы дотемна доберемся до постоялого двора?

— Нет, — ответил карлик. — Мы выбрали не самую торную дорогу, лорд Гэллоугласс, и находимся в краях, куда мало кто заглядывает. Отсюда до Горделина нам не встретится ни одного замка.

Род вздохнул.

— Что ж, придется терпеть лишения. Как это романтично.

Бобрас и Модвис одновременно сдвинули брови и воззрились на Рода так, словно он сказал какое-то странное, неведомое слово. Род даже обрадовался, что ему не пришлось объясняться: навстречу троице скакали двое незнакомцев.

— Привет вам! — крикнул Бобрас. — Желаете ли сразиться со мной на копьях?

— С радостью, — послышался приглушенный ответ, и другой рыцарь погнал своего золотистого боевого коня галопом и опустил копье. На нем были сверкающие серебристые доспехи, а шлем золотился в лучах заходящего солнца. Род попытался разглядеть герб на щите, но не сумел.

Бобрас, конечно, выбрал неудачную позицию. Солнце светило ему в глаза. Он тоже пустил своего скакуна галопом, и вот две боевые лошади, отяжеленные броней, устремились друг к другу со всей грацией и изяществом парочки танков.

Род зажал уши ладонями.

Но несмотря на это, он все же расслышал жуткий лязг металла, раздавшийся в тот миг, когда рыцари налетели друг на дружку. И конечно же, копье чужака сломалось. Он покачнулся в седле, но удержался. Проехав немного вперед и почти поравнявшись с Родом, он развернул коня.

— Великолепный удар! — воскликнул он и обнажил меч. — Не окажете ли мне честь и не померяетесь ли со мной силами в поединке на мечах?

— Благодарю вас, — ответил, подъехав к рыцарю, Бобрас. — Но вынужден отказаться от вашего предложения, ибо я должен приберечь и силы, и оружие, ибо мне предстоит сразиться с чарами злой колдуньи.

— Колдуньи! — вскричал рыцарь и поднял забрало на своем золотистом шлеме. Лицо у него оказалось худое, с седыми бровями и усами, испещренное складками, оставленными заботами прожитых лет. Но в дальнозорких глазах рыцаря горел огонь, пылала жажда жизни, которой было наполнено все его существование. — Какое славное приключение! Но,

несомненно, вы не станете жадничать, благородный рыцарь, и не пожелаете присвоить себе всю славу этого подвига?!

— О нет, не стану, — отвечал Бобрас, и хотя, судя по выражению его лица, он как раз таки предпочел бы пожадничать, но благородство не позволяло ответить отказом. — Согласны ли вы пойти с нами в этот славный бой, сэр рыцарь?

— С превеликой радостью! — вскричал Рыцарь в Золотом Шлеме. — Сюда, мой оруженосец! Нас ждет великая слава!

Подъехал его оруженосец — пузатый улыбчивый коротышка. Он сидел верхом на осле и держал запасное копье. Он протянул копье рыцарю, но тот отмахнулся.

— Нет, нет! Мы уже успели сразиться, а теперь нам предстоит одолеть истинных врагов!

С этими словами он отъехал в сторонку во своим оруженосцем, дабы втолковать тому смысл предстоящих приключений.

Бобрас обернулся к Роду. Его глаза горели. Плохо скрывая волнение, он негромко сообщил:

— Это паладин Ринальдо, только он сильно постарел!

— Один из героев Карла Великого? — Род перевел взгляд на старого рыцаря и сдвинул брови. — Почему вы решили, что это он?

— На нем золотой шлем Мамбрино! — прошептал Роду Бобрас. — Только Ринальдо был дарован этот волшебный шлем!

— Нет, — покачал головой Род. — Мне помнятся еще двое, кто носил этот шлем восемьсот лет спустя*. А у самого Ринальдо этого шлема в действительности не было — он только думал, что шлем у него...

И Род умолк. Кто он был такой, чтобы осуждать чужие иллюзии?

---

* Одним из тех, кто не то чтобы носил, но свято верил, что носит волшебный шлем короля мавров, даровавший его владельцу неуязвимость, был дон Кихот.

Бобрас отвернулся, поднял забрало и пустился в оживленную беседу со старым рыцарем. Они ехали и обменивались замечаниями относительно оружия и чудовищ. Время от времени обрывки их разговора долетали до Рода, и он понимал, что рыцари рассказывают друг другу о своих приключениях — одно удивительнее другого. Оруженосец старика с улыбкой взглянул на Рода и пожал плечами, было видно, что он не имеет ничего против.

Ничего против не имел и Модвис. Он ехал верхом на осле, немного наклонившись вперед и навострив уши. Он старательно пытался нагнать увлеченно беседующих рыцарей, и в конце концов нагнал, и слушал, жадно впитывая каждое слово.

Но вот старый рыцарь пришпорил коня, откинулся в седле и стал негромко насвистывать какую-то мелодию.

Род ехал следом за ним и Бобрасом в смятении, гадая, что же это за мир, в который он угодил, — или что это за миры.

Однако какой-то компромисс с реальностью все же был необходим — в особенности после того, как солнце село, а оба рыцаря продолжали весело скакать и вести свои профессиональные беседы.

— Ну уж хватит, — пробормотал Род и пустил Векса галопом. Конь-робот лихо развернулся, обогнав прославленных воителей, и Род сказал: — О достославные рыцари, с превеликим смущением я смею прервать ваш увлекательный разговор, но, право же, я думаю, нам было бы неплохо устроить привал на ночь.

— А? О, да уже стемнело! — воскликнул старик и удивленно огляделся по сторонам. — Бог мой! И вправду нам пора остановиться на ночлег!

— О да, по ночам бесчинствуют злые силы, и мы должны быть готовы защититься против них, — рассудительно заметил Бобрас. — Давайте же разобьем лагерь.

Род обратил внимание на то, что ни тот, ни другой рыцарь ни словом не обмолвились о том, что неплохо было бы соснуть хотя бы часок-другой. Не укрылось от него и то, что ни тот,

ни другой ничего не сказали о шатрах. По всей вероятности, это оставалось на долю Рода, Модвиса и оруженосца старого рыцаря.

— Мы сами управимся, лорд Гэллоуглосс, — проворчал Модвис. — Вы садитесь с другими рыцарями да поговорите про всякое такое, про что положено людям вашего положения.

— Человек моего положения сейчас с превеликой радостью отведал бы немного кроличьего рагу или жареную куропатку, — буркнул Род. — Хочешь, так иди и сам слушай их болтовню, Модвис.

Карлик бросил взгляд на двоих рыцарей, которые сидели на стволе поваленного дерева, сняв шлемы, и весело, без умолку беседовали. Было видно, как сильно ему хочется последовать совету Рода. Но Модвису удалось обуздать свои чувства. Он отвернулся и пробурчал:

— Нет. Негоже это для меня. Не полагается.

Род не был с этим согласен, но понимал, что возражать бесполезно. Поэтому он поскорее принялся за дело и к тому времени, как стемнело окончательно, успел развести костер.

Проснулся он, услышав негромкий разговор. Потом вдалеке пропел петух. Род прищурился, огляделся по сторонам. Небо еще только-только начало розоветь, а двое рыцарей все еще сидели там, где их покинул Род, и обменивались сведениями об убитых злодеях, которые, как они надеялись, не оказались бессмертными. Род зажмурился, помотал головой и снова посмотрел на рыцарей. Нет, они никуда не делись. Сидели и болтали, нисколечко не утомленные, и тем для разговора у них не убавилось.

Разве можно было назвать это похвальбой, когда они оба этим занимались, и каждый увлеченно слушал рассказы другого?

Вот уж воистину фантастический мир!

Это напомнило Роду о реальности.

— Векс, на самом деле сейчас середина зимы, не так ли?

— Да, Род. Ночная температура была близка к нулевой отметке.

— Как же я не замерз? — Род нахмурился. Он вдруг вспомнил, что вроде бы забирался в спальный мешок. Он поднял голову, окинул себя взглядом... и точно, он лежал в спальном мешке. — А *это* откуда взялось? В реальном мире, я хотел спросить?

— Из твоего космического корабля, Род, хотя он закопан глубоко под землей.

— Верно, это же армейский инвентарь, да?

— Этот мешок разработан так, чтобы поддерживать внутреннюю температуру в семьдесят градусов по Фаренгейту при наружной до минус двадцати. Температурный дифференциал при этом...

— Да, да, я тоже читал инструкцию по пользованию мешком. Но как он здесь оказался?

Робот растерялся.

— Давай выкладывай. Переживу как-нибудь.

— Он появился с негромким хлопком, Род. На Модвиса и другого оруженосца это произвело большое впечатление.

Род посмотрел в сторону костра. Оруженосец старого рыцаря весело улыбнулся ему. Он уже подвесил к треноге над огнем чайник. Модвис складывал одеяла.

— Вот почему они спали по другую сторону от костра. *Но как все-таки здесь оказался спальный мешок?*

Векс не стал торопиться с ответом.

— О его существовании знаем только ты и я, Род.

— Хочешь сказать, что в реальном мире я перенес сюда этот треклятый мешок?

— Несомненно, имело место упражнение в телепортации.

— Да, но... раньше мне никогда не удавалось добиться ничего подобного, — недоверчиво нахмурился Род. — Я только себя самого мог проецировать да то, что имел при себе...

— Твои таланты продолжают восхищать меня, Род.

— Не тебя одного. Ладно, пора начинать новый день.

Рыцарей удалось отвлечь от разговора только с помощью изготовленной Модвисом каши и лепешек, на скорую руку испеченных оруженосцем старика. Съели рыцари немного, и Род удивился: как это им удается питать мышцы, способные выдерживать чудовищный вес доспехов, за счет столь мизерного количества калорий. С другой стороны, он понимал, что толстяку было бы сложновато напяливать на себя латы.

Свернув лагерь и загасив костер, пятеро спутников снова тронулись в дорогу. Род, хотелось ему этого или нет, ехал позади двоих рыцарей, а замыкали процессию Модвис и оруженосец старика — хотелось *им* этого или нет. Род гадал: новую ли историю рассказывает Рыцарь в Золотом Шлеме или уже начал повторяться. Через некоторое время все сражения начали сливаться в сознании у Рода, но тут вдруг послышалось безумное карканье, и с неба свалился здоровенный комок перьев.

Перья — перьями, но к ним примешивались острющие когти, и эти когти принялись рвать на Роде одежду, и вдобавок треклятый комок препротивно *вонял!* Род отцепил от себя гадкую тварь, и та принялась каркать:

— Что за хамство! Не потерплю! Как ты смеешь так обращаться с дамой! А ну, получай!

И Род получил крылом по щеке. Не сказать, чтобы это было слишком больно, но ему пришлось зажмуриться, а тварь, не приминув этим воспользоваться, вцепилась когтями ему в грудь. На этот раз Род взревел от боли и злости и, отшвырнув от себя зловредное существо, выхватил из ножен меч.

— Да-да, конечно, я так знала! Ты поднимешь оружие на бедную, несчастную, беззащитную женщину! — хрипло запричитало пернатое чудище. — Ну ладно, если ты взялся за *оружие*...

Странная тварь отпрянула в сторону, а в следующий миг что-то с треском ударилось о макушку Рода. Удар получился почти безболезненным, но по волосам растеклась теплая жид-

кость. И воняла эта жидкость почти так же противно, как сама мерзкая птица.

Какая же птица могла нести тухлые яйца?

Род отер лоб от гадкой жижи и наконец сумел хорошо разглядеть тварь, которая на него напала. Это и вправду была препротивнейшая птица — величиной с кондора, с женской головой и обвисшими грудями. Ее волосы наверняка ни разу не ведали прикосновения гребня, а уж тем более — шампуня, а перья покрывал заметный слой жира и грязи. По всей вероятности, Род вдыхал не природный аромат этой дамочки, а зловоние той пищи, которую она поглотила за несколько лет.

Гарпия.

Рядом с Родом двое рыцарей отчаянно размахивали руками и отбивались от гарпий. Но они не пускали в ход мечи, и поэтому мерзкие птицы тут же возвращались к ним.

Род мог понять рыцарей. В какой-то степени это было неблагородно — поднять меч на нечто, похожее на женщину.

«Его» гарпия вновь предприняла атаку на манер пикирующего бомбардировщика, и Род вдруг понял, какие преимущества ему сулило бы наличие щита. Но щита у него не было, поэтому он вперил взгляд в падающее на него яйцо и мысленно отдал приказ: «*Назад!*» Яйцо замерло в воздухе, потом взмыло ввысь и принялось преследовать гарпию. Заметив его приближение, гарпия недоверчиво каркнула и увернулась в сторону. Яйцо упорно продолжало преследовать ее.

— Это все *он, он!* — крикнула ей ее товарка. — Отвлеки его, и яйцо упадет!

Она решила подать своей подружке пример и, растопырив когти, ринулась к Роду, нацелившись прямо ему в лицо.

Род пригнулся, проворно выпрямился и, схватив гарпию, зажал ее под мышкой. Ему удалось пару раз довольно-таки сильно дернуть зловредную птицу за хвост, но больше он не вытерпел ее зловония. Гарпия отлетела от него, возмущенно топорща перья, но яйцо продолжало преследовать ее подругу.

— Забери его обратно! — заорала та, стрелой метнулась к Роду и отпрянула в последнее мгновение. Род успел пригнуться, но сделал это недостаточно быстро. Яйцо ударилось о его лоб, разбилось и залило лицо жижей с удушливым запахом сероводорода. Род поднял руки, чтобы утереть лицо, и в этот же миг в руки вонзились когти гарпии. Род ухватил ее за лапы. Злость охватила его. Благородство боролось со злостью, но благородства уже почти не осталось. Он завертел гарпию над головой. Та завизжала:

— Ты не *посмеешь!*

Но он посмел и швырнул ее в другую гарпию, и они обе полетели вниз — каркающее, ругающееся, кувыркающееся облако, из которого во все стороны летели пух и перья.

Род еле успел разглядеть Модвиса и оруженосца. Те отбивались куотерстафами. Бить они гарпий не били — просто отгоняли. Те отлетали, визжа:

— Не надо так, мальчики! Мы же просто играем!

Но вот те две гарпии, что выбрали в качестве мишени Рода, решили вновь пойти в атаку. Выставив когти, они визгливо переговаривались:

— Как думаешь, не пора его приласкать, Фила?

— Не говори глупостей, Хламис! Он не в настроении!

Род решил, что пора переходить к активным действиям.

— Вперед! — скомандовал он, и Векс бросился на гарпий.

Они вовремя убрались с дороги, издав при этом возмущенное карканье.

— Держись от него подальше, Фила! Нужно иметь дело с кем надо, с правильными людьми!

— И много ты таких знаешь?

— Куда теперь, Род?

— Давай-ка по кругу, Векс. Пусть погоняются за своими хвостами.

Ненасытные птицеженщины устремились следом за ним.

— О, ты думаешь, тебе удастся так легко избавиться от нас? Плохо же ты знаешь гарпий, верно я говорю, Фила?

— Давай покажем ему! — гаркнула ее подруга, и они взмыли в синеву небес и стали набирать высоту.

Род воспользовался их временным отсутствием, проворно наклонился и подобрал с земли сухую сосновую лапу с остатками хвои. И как только два женоподобных «Фоккера» спикировали на него, Род завертел сосновой лапой над головой, изображая ветряную мельницу.

— О, гляди-ка, он решил прибраться к нашему визиту!

— Да нет же, Фила, погоди, он...

Гарпия налетела на бешено вертящуюся ветку, ее отбросило к подруге, и вот их обеих отшвырнуло далеко-далеко. Свое отступление твари сопровождали взбешенными пронзительными воплями.

Модвис и оруженосец старого рыцаря пошли вперед, решительно подняв посохи.

— Пора убираться отсюда, Хламис! Уж больно у них вид враждебный!

С этими словами гарпии пустились наутек. Они замахали крыльями, словно альбатросы, и еле-еле успели набрать высоту, а не то бы обязательно получили палками по бокам.

— Побаловались — и хватит! — яростно прокричал Род.

Одна из гарпий метнулась к нему.

— Не смей так говорить! Честностью многого не добьешься!

Род замахнулся на нее веткой, но тут же зажмурился и постарался сосредоточиться.

Оруженосцы изумленно вскрикнули, рыцари обменялись восклицаниями.

Род открыл глаза, посмотрел вверх и увидел, что к стае гарпий с радостным мяуканьем летят кошки с двенадцатифутовыми крыльями.

Гарпии в ужасе развизжались и разлетелись в разные стороны.

— Вы не ранены, сэр рыцарь? — крикнул Бобрас.

— Я цел и невредим, но перепачкан зловонной дрянью, — дрожа от гнева, отвечал старик. — И как только столь мерзкие твари посмели напасть на достойнейших рыцарей!

— Не забывайте о благородстве, храбрый паладин!

— Я помню о нем. — Старик наконец отер остатки тухлого яйца со своего золотого шлема и сжал в руке копье. — Эти отважные кошки — в меньшинстве, сэр Бобрас! Смотрите! Эти гадкие зловонные птицы уже готовы напасть на них!

Он был прав. Гарпии опять собрались в стаю и, злорадно каркая, помчались навстречу крылатым кошкам.

Кошки издали бравый мяв и ускорили свой полет.

— Какие самоотверженные создания! — вырвалось у Бобраса.

— Они тоже женского пола, между прочим! — крикнул Род. Так оно и было — его осенило в последнюю минуту.

— Если так, мы должны прийти им на помощь! Вперед! — вскричал старый рыцарь и, нацелив свое копье на стаю чудищ, погнал своего коня галопом. Его оруженосец пришпорил ослика и поскакал за хозяином, свирепо размахивая посохом.

Гарпии заметили их приближение и раздумали нападать на летучих кошек. Теперь силы стали равны. Обиженно каркая, стая гарпий развернулась и полетела к своему гнезду, которое, оказывается, они устроили на старой заброшенной ветряной мельнице.

Старый рыцарь продолжал погоню, его оруженосец еле поспевал за ним.

— Жаль с ними расставаться, — негромко проговорил Бобрас, провожая взглядом старика и его спутника. — Но ничего не поделаешь: они нужны здесь.

— Да, пожалуй. Славные ребята, но бойцы не слишком закаленные.

— Не слишком — хотя кто знает, какие великие подвиги они совершили в былые времена?

«После столь продолжительных бесед со стариком кому же было и знать об этом, как не вам?» — подумал Род, но у него хватило тактичности промолчать.

Стая гарпий влетела внутрь старой мельницы. В ее стенах зияли дыры, крылья были изодраны и покрыты пылью. Издав звонкий клич, старый рыцарь поскакал прямо туда. Оруженосец мчался за ним по пятам.

— Но их вера в благородство возвышает душу, — заметил сэр Бобрас.

— О да, — тихо проговорил Род. — О да.

Модвис кивнул.

— Память о таких, как они, всегда будет согревать сердца тех, кто страдает за правду.

9

Солнце стояло в зените, и Род уже начал подумывать о том, что пора бы перекусить, когда вдруг послышался оглушительный рев. Род обратил внимание на эффект Допплера* и, подняв голову, увидел великана ростом футов в девять со злобной физиономией и шестью руками. Намерения чудовища не оставляли сомнений. Он навис над Родом.

Бобрас вскрикнул, развернул коня и схватил копье на изготовку. Модвис сильно побледнел, но выхватил железную дубинку.

Что оставалось Роду? Он обнажил меч.

И тут великан обрушился на него подобно лавине.

Род рухнул наземь, успев краем глаза заметить промелькнувшие мимо здоровенные ножищи и взмывшее в воздух стальное тело Векса. Потом ему удалось сложить руки за головой,

* Явление изменения частоты акустических и оптических колебаний при движении источника колебаний и наблюдателя относительно друг друга.

кувыркнуться и встать. Меч, как ни странно, все еще был у него в руке. Род гневно взревел.

Но сам себя не услышал, потому что рык великана перекрывал голоса всех остальных. Бобрас, которому непостижимым образом удалось удержаться в седле, летел к Роду, держа меч и щит. Модвис пытался подняться и шарил по земле рукой, стараясь нащупать свою дубинку. За спиной у великана вставал на ноги Векс.

Роду стало немного спокойнее, но на смену спокойствию тут же пришла ярость. Он бросился на громадного гуманоида, вопя, словно баньши. Великан незамедлительно употребил две из шести рук на драку с Родом. Одна из этих рук сжимала меч, вторая — щит, и обе неплохо управлялись с тем и другим. Неожиданно для себя Род понял, что отступает — медленно, но верно. Что еще более удивительно — отступал и Бобрас. Модвис в конце концов нашел свою дубинку, но с большим трудом уклонялся от ударов меча. Каким образом чудовище могло координировать три поединка одновременно — этого Род никак не мог понять, но и размышлять об этом времени у него особенно не было, поскольку приходилось то и дело парировать удары великана.

— Мне не одолеть его! — прокричал Бобрас. — Он заколдован!

Что ж — можно было и так сказать.

— Это еще одно злое деяние проклятого колдуна! — крикнул Модвис.

В Гранкларте такое заявление имело смысл. Здесь никто рангом ниже герцога не смог бы составить достойную конкуренцию Бобрасу.

Стало быть, здесь и вправду имело место колдовство.

Но какое?

Векс с пронзительным ржанием налетел на великана сзади, ударил чудовище в спину всем весом своего стального тела. Хорошо, что хотя бы одному из четверых можно было не переживать насчет рыцарского кодекса чести. Однако великан

тут же сграбастал коня двумя ручищами и отшвырнул в сторону. Впечатление было такое, словно этой парой рук управлял отдельный мозг.

Да, это было колдовство, и к тому же непростое! В чем же тут была загвоздка?

Взметнулась здоровенная ножища и поддела Модвиса. Лезвие великанского меча оцарапало предплечье Рода. Жаркая, острая боль не на шутку разъярила Рода, и на миг его сознание вдруг стало ясным, и он понял, что в реальном мире великан наверняка был сотворен из ведьмина мха.

«*Изменись!*» — сурово мысленно повелел Род великану и представил на его месте здоровенный комок хлебного мякиша, катящийся по дороге.

Великан упрямо оставался великаном. Род был раздосадован и обескуражен: в Грамерае ему всегда удавалось изменять обличье любого предмета или существа, сотворенного из ведьмина мха, — стоило только пожелать. Да и в Гранкларте у него в этом смысле уже имелись кое-какие успехи.

То, что великан не изменился, настолько выбило Рода из колеи, что он не успел вовремя закрыться от удара широченного меча великана, а меч целил прямо ему в лицо. Род в отчаянии вздернул собственный меч, понимая, что опоздал, что сейчас чудовище рассечет его голову на две половины...

Но в следующее мгновение меч чудовища был отброшен в сторону, и огромная гора мышц рухнула наземь, и Род увидел чистое небо и услышал душераздирающий вопль.

Род опустил глаза. Вопль исходил из уст великана, но этот звук Род слышал левым ухом, а правым улавливал еще более оглушительный рев, издаваемый человеком обычного роста. Этот человек крепко держал великана за ногу. Его лицо было искажено злобной гримасой.

Да и вправду незнакомец был самого обычного роста — всего футов шесть. Ну, может быть, шесть футов и несколько дюймов, но не выше. Но при этом он отличался совершенно фантастическим телосложением. Подобных мышц Род ни разу

в жизни не видел — разве что в журналах, посвященных культуризму. Плечи у силача были шириной дюймов в тридцать и дыбились мышцами в добрый фут толщиной, а предплечья были такого объема, какого у нормальных людей бывают бедра. Ноги же незнакомца можно было уподобить древесным стволам. Он был обнажен — не считая грязной набедренной повязки. На самом деле и повязку-то разглядеть было сложновато, поскольку все тело силача было покрыто изрядным слоем, просто-таки коркой грязи. Волосы у него были не то каштановые, не то жутко засаленные и такие косматые, что Род склонился ко второму предположению. Торчавшая во все стороны борода свисала до середины могучей груди. Огромные глазищи яростно сверкали, зубастый рот скалился. Род был готов поклясться в том, что видел звериные клыки.

Даже Бобрасу хватило ума отступить в сторону и предоставить обладателю роскошной мускулатуры делать свое дело.

Великан поднялся на ноги и зарычал, будто пробуждающийся вулкан. Две пары ручищ потянулись к силачу-дикарю, но он проворно отскочил в сторону и заехал великану кулаком в живот. Великан взвыл от боли и сложился пополам. Не упуская создавшегося преимущества, дикарь заехал ему в челюсть аперкотом. Великан резко выпрямился и в это же мгновение резко дрыгнул ногой и угодил в живот дикарю. Тот подлетел вверх и шлепнулся в заросли кустов. Великан подпрыгнул, намереваясь растоптать врага вместе с кустами, но дикарь ухитрился ухватить его за обе лодыжки.

В результате великан рухнул навзничь.

Дикарь действовал с необычайной быстротой. Великан только успел рухнуть на спину, как дикарь прыгнул ему на грудь обеими ногами. От удара из груди великана со свистом вышел воздух, но он схватил дикаря за ноги и отшвырнул в чащу леса.

— Мы должны помочь ему! — вскричал Бобрас, успевший подхватить новое копье.

— Нет, погодите, сэр! — одернул его Род и схватил за руку. — Дикарь еще не побежден!

Он оказался прав. Силач выбрался из кустов, мыча, словно рассвирепевший бык, и на полной скорости врезался в великана, угодив плечом в его бедро. Соперники пролетели по воздуху футов десять, после чего великан ударился о дерево. Дерево рухнуло. Великан — тоже.

— Откуда взялся этот герой? — восхищенно ахнул Бобрас. — С Олимпа?

— Нет, — ответил Род. — Из творений Ариосто*.

Противники превратились в комок, из которого высовывались то руки, то ноги, но вот великан оказался лежащим ничком, а дикарь оседлал его и принялся колотить головой своего врага о камень. При этом он выкрикивал какие-то слова — похоже, вел счет ударам.

Камень раскололся.

Дикарь смилостивился над гранитом и отшвырнул от себя великана, сопроводив свои действия нечленораздельной речью — судя по интонации, то было выражение величайшего презрения и отвращения. Все шесть рук великана вяло подрагивали. Дикарь небрежно пнул поверженного врага под ребра, сплюнул и отвернулся.

И тут он увидел Рода, Бобраса и Модвиса.

Несколько невыразимо долгих мгновений они стояли и смотрели друг на друга. У Рода от страха по спине побежали мурашки.

А потом дикарь взревел и бросился на них.

— Расходись! — крикнул Род, и Векс отпрыгнул в сторону. Модвис повиновался приказу и отбежал в кусты, но Бобрас взял копье наперевес и побежал на врага.

Род застонал... и вытаращил глаза. Если бы он этого сам не увидел, то ни за что не поверил бы. Но дикарь ухватился за

* Род имеет в виду героя поэмы Лодовико Ариосто (1474—1533) «Неистовый Роланд».

копье рыцаря, крутанул, рванул к себе, и сэр Бобрас пролетел по воздуху и рухнул в кусты.

Род не мог позволить, чтобы Бобрас погиб. Он закричал и погнал коня прямо на дикаря.

С другой стороны к силачу гнал галопом своего ослика Модвис.

Дикарь повернулся так, чтобы схватить Рода. На Модвиса он при этом внимания не обращал. Но вот Векс поднялся на дыбы, заржал и взбил воздух стальными копытами. Однако дикарь отважно кинулся вперед, ухватил Векса за лодыжки и был готов рвануть коня на себя, когда в него на всем скаку врезался Модвис.

А на голове у Модвиса был стальной шлем.

У дикаря вырвалось:

— Ханх!

Судя по всему, у него сильно напряглась диафрагма. На краткий миг он остолбенел.

Род не упустил этого мгновения и схватил дикаря за волосы.

Он чуть было сразу не разжал руку — так было противно. Род был готов поклясться, что под его пальцами кто-то копошится. Но он крикнул:

— Назад!

Векс ударил передними ногами и освободился. Встав на все четыре, стальной конь резко дернулся назад. Дикарь злобно взвыл, но еще на миг лишился равновесия. Подоспел Модвис, спешился, дернул дикаря за ноги. Тот с ревом рухнул на землю. Род не без облегчения разжал пальцы и прокричал:

— Переверни его, Векс!

Дикарь хотел опереться на руку и приподняться, но огромный черный конь толкнул его копытом, перевернул и с силой нажал между лопаток. Дикарь распростерся на земле.

Род понимал, что этого супермена одной силой не удержать — даже силой релейных рефлексов Векса, всей мощью его роботской «мускулатуры». Но они находились в царстве

фантазии, и в конце концов этот мир сейчас принадлежал Роду — разве он не достался ему по наследству? И Род подумал о силовом поле и увидел, как сгущается воздух вокруг дикаря.

Невероятно — но тот все еще двигался. Намного медленнее — со скоростью обычного человека с быстрыми рефлексами, — но все-таки дикарь ревел, брыкался и, пожалуй, был готов в следующую секунду отшвырнуть от себя Векса. Однако «чары» силового поля пригвоздили его к земле ровно на столько, сколько времени потребовалось Бобрасу, чтобы подбежать и схватить дикаря за левую руку. Род спрыгнул на землю и схватил силача за правую. Дикарь брыкался и орал. Модвис отлетел в сторону. Род ухватил супермена за поднятую ногу и с силой прижал ее к ягодице.

— Сделаем из него «люльку»!

Бобрас если и не понял, что означает этот термин, то уловил его смысл. Он схватил дикаря за другую ногу и согнул точно так же, как Род. Дикарь метался и вопил, но много сделать в таком положении никак не мог. Ждать ему было особо нечего — разве что горячего душа.

Бобрас взглянул на Рода.

— Что нам теперь с ним делать, лорд Гэллоуглосс?

С каких это пор, интересно, Род вдруг стал таким большим специалистом?

Вопрос был хороший. Просто-таки очень хороший. Если бы они разжали пальцы, то перед ними тут же оказался бы исключительно разозленный дикарь, и этот дикарь скорее всего сразу же стукнул бы их хорошенько головами друг о дружку. Но если бы они продолжали держать дикаря за руки и за ноги, то рано или поздно они бы обязательно устали, и тогда он, побрыкавшись, сам бы обрел свободу.

— Продержите его еще совсем немножко, добрые господа!

Прекрасная идея. Род покрепче сжал пальцы, гадая, кому принадлежали эти слова.

А принадлежали они новоявленному рыцарю, который спустился с неба на летучем коне. Нет, скорее это все-таки был

не конь, поскольку крылья и голова у него были орлиные. Рыцарь спрыгнул на землю и побежал к плененному дикарю. Бежал он резво, хоть и был с головы до ног закован в латы. Между прочим, никого из создателей фантазийных миров такие мелочи, как тяжеленные доспехи, никогда не смущали. Подбежав, рыцарь опустился на колени у головы дикаря и вытащил откуда-то здоровенную пробирку. К пробирке был приклеен ярлычок, но что на нем было написано, Род разглядеть не сумел, поскольку ему было не до того: надо было держать брыкавшегося дикаря. Рыцарь-новичок, не обращая никакого внимания на вопли и метания дикаря, соскреб с пробирки воск и сунул ее под нос пленнику.

Что там было, в пробирке, интересно? Нюхательные соли его бабушки?

Что бы там ни было, оно сработало подобно колдовским чарам. Вполне возможно, что без них тут не обошлось. Дикарь тут же затих, и на его физиономии запечатлелось неподдельное изумление. Он выгнул голову, глянул через плечо на Бобраса и Рода, оценил сложившееся положение, понимающе кивнул и — о чудо из чудес! — заговорил:

— Благодарю вас за вашу помощь, любезные господа. Внезапно разум вернулся ко мне. Теперь вы можете отпустить меня. Не страшитесь, я не стану нападать на вас.

Род вопросительно посмотрел на Бобраса. Рыцарь кивнул. Они осторожно разжали пальцы и отбежали в сторону.

Дикарь проворно, ловко поднялся на ноги и в ужасе окинул взглядом собственное тело.

— Увы! Неужто мне суждено обратиться в дикого зверя?

— Сейчас вы возвратились к нам, — учтиво проговорил незнакомый рыцарь. — Но полностью ли вы в своем уме, господин граф?

— О да. — Дикарь поднял глаза и задумчиво нахмурился. — И еще я чувствую, что хворь, изначально поразившая мой разум, также покинула меня — неистребимое желание обладать девой Анжеликой. — В его голосе слышалось изум-

ление. — Теперь она для меня ничего не значит. Она — всего лишь одна из многих женщин, которые встречались на моем пути. К тому же, хоть я и признаю ее красоту, я должен сказать, что нрав у нее не самый приятный. Но ведь прежде я никак не мог избавиться от мыслей о ней, невзирая на весть о ее замужестве. Эта весть и свела меня с ума. Разве это не дивно, милорд герцог?

— Дивно, спору нет, — отвечал герцог. — Так вы все помните?

— Помню ли я? О, если бы мне не помнить! — Граф зажмурился. — Я помню все, что творил в безумии своем. Помню, как разгонял стаи домашних птиц, как рвал на части скот, как вырывал с корнем деревья, как опустошал поля! О, как мне жаль тех несчастных, кому довелось пострадать от моего безумия!

По его щеке потекла слеза.

— Все позади, милорд граф, — негромко проговорил рыцарь. — Все позади. Вы вновь обрели разум и можете вернуться к своему повелителю и дяде, Карлу.

— О благодарю тебя, храбрый герцог. — Дикарь нахмурил брови и поднял голову. — Но мой дядя... Что с ним?

— Он в Париже, милорд, осажден ордами сарацинов.

— О, если так, то мы должны поспешить ему на выручку! — вскричал дикарь. — Вперед, милорд! В путь! — Однако в последний миг дикарь вспомнил о Роде, Бобрасе и Модвисе. Он повернулся к ним и почтительно склонил голову. — Рыцарь и вы, господин, примите мою благодарность. Вы оказали мне великую помощь, а ведь вам грозила нешуточная опасность. Вам всенепременно зачтется это милосердное деяние, оно послужит к вашей славе. О вашем подвиге будут слагать песни менестрели.

Род и его спутники только и сумели молча и дружно ответить бывшему дикарю на поклон.

Граф отвернулся и быстро зашагал прочь. В его походке была гордость и стремительность. Решимость пронизывала каждую мышцу его грязного тела.

Герцог поспешил за ним, сорвал с себя плащ, набросил на плечи графа.

Гиппогриф замахал крыльями, набрал высоту, сделал круг над новорожденной полянкой (великан и дикарь за время драки успели повалить немало деревьев) и полетел следом за хозяином.

— Необычайно благородный граф, — прошептал Бобрас.

— Столь же благородный, сколь и вы, — согласился Род, но мысленно он гадал: насколько классический эпос и классическая пародия смешались между собой в романтических творениях деда.

Он пожал плечами и отвернулся. Как бы то ни было, эпизод получился грандиозный. Нужно было разобраться в нем на досуге.

Великан застонал и пошевелился.

— Ах да, — хмуро буркнул Род. — Нам нужно еще избавиться от этой маленькой неприятности, верно?

— Верно, — подтвердил Бобрас и на всякий случай обнажил меч. — Как мы поступим с ним, лорд Гэллоугласс?

Род пожал плечами.

— Зачем рисковать? Мы знаем, что он наверняка в чем-нибудь, да провинился.

И он поднял меч, готовясь нанести смертельный удар.

Его внутренний голос кричал, возражал, но у Рода глаза заволокло красной пеленой, кровь застучала в висках. Он вдруг почувствовал, что если оставит это чудовище в живых, то оно станет охотиться за ним и убьет его. Род в красках увидел эту картину: треклятый великан гонится за ним по пятам денно и нощно, и в конце концов он падает обессиленный...

Но чья-то рука остановила его — мягко, но решительно, и чей-то негромкий голос зазвучал:

— Нет, лорд Гэллоугласс. Хладнокровное убийство — тяжелейшее преступление против кодекса рыцарской чести!

Роду хотелось опустить меч, но образ крадущегося за ним по пятам великана-людоеда упорно не желал выветриваться из

его воображения, он заставлял его сердце бешено колотиться. Мрачная бесформенная груда шла за ним следом безлунной ночью...

— Если мы не убьем его хладнокровно, он нас прикончит сгоряча!

Великан вдруг заерзал и забормотал что-то, смутно напоминавшее согласие. Род поднял меч повыше, но тут он расслышал другой голос — особенный. Этот голос принадлежал Векcу.

— Не забывай, Род, — напомнил хозяину робот. — То, что ты видишь перед собой, может быть вовсе не тем, чем является на самом деле.

Меч дрогнул, и распростертое под его острием тело великана вдруг стало прозрачным — как будто туман развеялся. Род словно бы заглянул внутрь великана и увидел там троих людей. Они приходили в себя, шевелились, толкали друг друга. Это были вовсе не какие-нибудь там полузвери, а аккуратно выбритые мужчины в чистых куртках и штанах, сшитых из крепкой ткани — намного более крепкой и дорогой, чем могут себе позволить настоящие крестьяне, хоть и сшита одежда была на крестьянский фасон.

Не только меч — и голос Рода дрогнул.

— Великан это или наемные убийцы — все равно это враги, которые убьют меня, если я дам им такую возможность!

— Если так, то мы не дадим им такой возможности, — просто, безыскусно сказал Бобрас. — Мы оставим великана здесь, связанного по рукам и ногам, и ему придется изрядно потрудиться, чтобы обрести свободу.

«Ему», — сказал Бобрас, и вправду — теперь это снова был «он», а не «они» — перед Родом лежал великан, которому удалось приподняться и упереться в землю локтем одной из шести рук.

Меч еще раз дрогнул. Род поспешно опустил его и коротко кивнул.

— Ладно. Ладно. Проявим милосердие. Но только давайте проявим его поскорее, пока он снова не начал драться.

Модвис в этот же миг оказался рядом, с мотком веревки в руках. Бобрас наклонился и начал поворачивать великана на земле, и вертел, пока веревка не опутала того от плеч до бедер. Великан рычал и скалил зубы, но Бобрас и Модвис предусмотрительно держались подальше от его лягающихся ног, когда завязывали узел. Рыцарь приналег на опутанного великана всем весом, а карлик изобразил такой замысловатый узел, что распутать его под силу было бы только чародею. Затем Бобрас и Модвис опутали веревкой ноги великана до лодыжек — не слишком туго, чтобы они не затекли, после чего привязали конец веревки к стволу толстого старого дерева.

Что до Рода, то ему стало так худо, что он даже не стал гадать, где это Модвис раздобыл веревку. У него желудок выворачивало наизнанку, и вдобавок немилосердно разболелась голова. Он отвернулся. Руки у него так дрожали, что он даже меч убрать в ножны не смог. Род прижался к дереву, обнял ствол в надежде, что мир перестанет вращаться.

— Род, — послышался голос Векса. — Ты заболел?

— Да, — прохрипел Род. — И поделом мне. Я бы этого великана проткнул насквозь, если бы ты и Бобрас не помешали мне, Векс.

— Но ты передумал, и теперь он останется в живых. Пролежит здесь до тех пор, пока его не найдут лесничие и не приведут солдат. В конце концов, ты все сделал как надо, Род.

— Но почему же мне так... мерзко стало вдруг? — Род опустился на мягкую лесную землю, прижался спиной к стволу дерева. — Сердце колотится, как бешеное, голова раскалывается от боли... Векс! Я весь дрожу!

— Это пройдет, Род.

— Ты... ты в этом... уверен?

Огромный черный конь склонил голову и прижался носом к шее хозяина.

— У тебя повышена температура и пульс неровный. Артериальное давление повышено. Но если эти симптомы окажутся кратковременными, причин для беспокойства нет.

— Верю... тебе... на слово... — Род сглотнул подступивший к горлу ком. — Но... почему... Векс? Так... неожиданно...

— Вероятно, это реакция на выброс адреналина, Род. Это ее последствия. Твой организм ослаб.

Эта мысль не на шутку напугала Рода.

— Что мне... надо сделать?

— Нужно уйти из-под осадков, Род. В данном случае — из-под снега.

— Я... я не могу. Пока не удостоверюсь... что я... в порядке. Что я безопасен для окружающих.

— Я ценю твою осторожность, Род, но уверяю тебя, что тебе нужна крыша над головой.

— Дело же не только в моем теле! Откуда этот... убийственный страх? Именно из-за него я не могу вернуться!

Векс немного помолчал и ответил:

— Ты сам отлично знаешь, что тебе всегда были свойственны параноидальные настроения, Род.

— Настроения, вот именно. Настроения — временные вспышки, но никогда со мной не бывало такого, чтобы паранойя охватила меня целиком, взяла надо мной верх! В том смысле, что... Если бы я почувствовал какую-то угрозу, я бы, пожалуй, с ней разобрался, но... Ой, только, пожалуйста, не надо снова пичкать меня гипотезами типа «химического анализа крови» — тем более что все, может быть, так и есть!

Род разозлился, поскольку ощутил возмущение, и это ему помогло. Пульс у него стал ровнее, но голова по-прежнему болела так, словно ее положили на раскаленные угли.

— Тебе нужна квалифицированная медицинская помощь, Род.

— Под «медицинской помощью» обычно понимают медиков. — Род вцепился в кору дерева. — А я сейчас в таком состоянии, что, пожалуй, решу, будто они превратились в чудовищ и охотятся за мной. Нет, мне придется побороться с этим самому — как получится, Векс. Пожалуйста! Я должен,

понимаешь? — Род поднялся на ноги и, пошатываясь, побрел к Бобрасу и Модвису. Те стояли неподалеку и сочувственно смотрели на него.

— Я... в порядке, братцы. Наверное... злые чары.

— Пусть у вас станет легче на сердце, — проговорил рыцарь, чтобы подбодрить Рода. — Вы поступили достойно.

— Да, потому что великан может быть не таким злобным, каким кажется мне. По крайней мере он заслуживает справедливого суда, а я сейчас судить справедливо никак не могу.

— Очень мудро сказано. Хорошо, что вы понимаете это, сэр.

— Мудро и благородно, — негромко добавил Бобрас. — Я преклоняюсь перед вами, сэр.

— Благодарю. Но если честно — все дело в моей извечной нерешительности. Ведь я сейчас даже в собственные суждения поверить не могу.

— Если так, верьте в мои.

— Верю, — сказал Род. — И всегда верил.

И сам удивился — а что же он хотел этим сказать?

10

Замок Горделин действительно стоял высоко и горделиво — на вершине скалы, выступавшей от подножий гор наподобие полуострова, вот только окружали этот «полуостров» низины, а не вода, а с холмами его соединяла узкая подъездная дорога, идущая по насыпи. Скала вздымалась футов на сто над лежавшими внизу полями, а башня замка вырастала словно прямо из камня на ее вершине.

Спутники пока находились в горах. Они только что одолели перевал. Бобрас указал на дорогу, ведущую по насыпи.

— Мы могли бы спуститься к мосту незамеченными. В случае удачи можно было сразу атаковать, покуда они не успе-

ют опустить решетку или не выпустят против нас отряд каких-нибудь чудищ-пехотинцев.

— И где же нам с ними биться? — проворчал Модвис. — Не сомневаюсь, вам охота обойтись без этого.

— Ты прав, хотелось бы, — усмехнулся Бобрас. — Что же до того, где биться, — это мне все равно, лишь бы внутри крепости.

— Ну, это не получится, — с полной уверенностью заявил Род. — Эта дорожка тянется на добрые три четверти мили, ни дюймом меньше. Если ее стерегут, то у них за глаза хватит времени опустить решетку. А потом они смогут посиживать за крепостной стеной да посмеиваться над нами. Только сдается мне, скорее всего они будут швырять в нас камешками.

— Никто не сможет устоять перед отвагой и дерзостью, лорд Гэллоуглассс!

— Верно, а вот против глупости устоит кто угодно. Со всем моим почтением, сэр Бобрас, позволю себе заметить, что мы бы преуспели гораздо больше, если бы предпочли обходной маневр.

Бобрас уловил в голосе Рода раздражение и резко зыркнул на него.

— Прежде вы так со мною не говорили, лорд Гэллоуглассс. Мне следует понять, что вы более искушены в этих делах, нежели я думал.

— В каких делах? Во вторжениях в замки? Ну... парутройку раз мне доводилось это проделывать, и я убедился в том, что отвага и дерзость сами по себе неплохи, но и здравый смысл еще никому не мешал.

— Но как же тогда можно проникнуть внутрь. Эта башня неприступна!

— Интересное предположение, — кивнул Род. — Однако любое предположение можно всегда попытаться опровергнуть, если усомниться в том, на чем оно основано, сэр рыцарь.

— И что же в основании этого замка?

— Ну... скала, — непонимающе проворчал Модвис.

— Вот именно, — покачал указательным пальцем Род. — И если мои глаза не обманывают меня, сэр Бобрас, я вижу трещину в этом основании.

Рыцарь и карлик присмотрелись и разглядели неровную линию, сбегавшую по скале сверху вниз.

— Она толщиной всего-то с волосок, — возразил Бобрас.

— Верно, но разве сам замок отсюда не кажется детской игрушкой? — спросил Модвис. — А вблизи-то небось эта трещинка шириной с ущелье покажется.

— Но наверняка те, кто строил башню, знали об этом!

— И все же не отказались от строительства, — кивнул Род. — Значит, либо эта трещина не доходит до самой вершины, либо ее так же сурово стерегут, как ворота. Но все-таки с этой стороны нашего приближения не заметят — по крайней мере если мы дождемся темноты.

Сэр Бобрас недоверчиво покачал головой, вздохнул и спешился.

— Думаю, вы ошибаетесь, лорд Гэллоугласс, но если вы правы, то вы предлагаете более верную дорогу к даме моего сердца, нежели та, которая первой бросается в глаза. Давайте раскинем шатры! Нам предстоит тяжелая ночь, так нужно выспаться заранее.

Бывало, что Род радовался тому, что Бобрас носит черные доспехи и ездит верхом на черном коне. Вот и сейчас он радовался этому. В низинах было тихо и темно. Облака, словно по заказу, закрыли луну. Но высоко-высоко в башне Горделина горел свет. До спутников доносились обрывки песен и смех.

— И смеются-то они там как-то... противно, — заметил Род и поежился.

— Никто не станет веселиться с легким сердцем в таком местечке, — согласился Модвис. — Наверное, они там только тем и занимаются, что решают, над кем можно насмехаться, а перед кем — кланяться. Ведь наверняка сегодня — так, а завтра — этак.

— Да, там все вершится по воле леди Вредилины, — кивнул сэр Бобрас. — Кто станет Царицей Горы, если ее свергнут?

— Давайте попробуем это выяснить, ради интереса? — предложил Род. — Вот только заберемся в башню — и сразу выясним. А теперь постараемся найти то место, откуда начинается трещина в скале.

— Она начинается справа от тебя, Род, и огибает поверхность скалы. — Мощность моего прибора ночного видения выведена на максимум, но с контрастностью сложности.

Род вздохнул.

— О, как это было бы славно, если бы мы смогли разглядеть дозорных в темноте...

Бобрас недоуменно взглянул на него, а Векс ответил:

— Я и инфракрасные датчики включил, Род. В данный момент они регистрируют только наличие мелких зверьков.

— Сюда, вокруг, — сказал Род рыцарю. — Трещина огибает скалу.

Конечно, назвать трещину ущельем было нельзя, но все же человек по ней идти мог легко. Расселина по спирали обвивала поверхность скалы. Ее стенки отбрасывали тени, которые были еще темнее гранита.

— Не можешь ли ты посветить нам, чародей? — шепотом спросил Бобрас.

Род посмотрел вверх. Стены башни были неотличимы от скалы. Невозможно было понять, где кончается скала и начинается кладка, но на самом деле от башни спутников отделяли всего-то тридцать футов. Вероятность того, что дозорные смотрят прямо сверху вниз, была невелика.

— Можно попробовать.

Род вытащил кинжал, повернул рукоятку, навел на расселину.

Ничего не произошло.

— Чего ты ждешь?

— Мне... мне хотелось бы подойти немного поближе... а уж потом сотворить свет, — выдал импровизацию Род. Он отчаянно пытался вообразить, что же случилось с фонариком. Он был уверен в том, что батарейки перезарядил вовремя.

Батарейки. Он находился в волшебном мире, а батарейки к разряду волшебных устройств не относились. Они здесь не работали.

А вот собственное волшебство Рода сработать могло. Он сложил ладонь «ковшиком», сосредоточенно взглянул на нее и старательно представил на своей ладони светящийся шарик.

И огонек послушно возник.

Модвис ахнул, а Бобрас восхищенно прошептал:

— Ты воистину чародей.

— Вам виднее, — буркнул Род, накрыл волшебный огонек ладонью свободной руки, чтобы не слепило глаза, и направил свет в сторону расселины.

«Интересно, — думал Род, — почему Векс молчит». Как правило, всякого незнакомого явления было достаточно для того, чтобы у робота начался припадок. Но величественный черный конь только медленно шагал к расселине. Род вытянул руку с волшебным огоньком и огляделся по сторонам.

Трещина в скале была шириной около трех футов, а глубиной — около десяти, по всей вероятности.

— Вот почему строители башни не испугались трещины, — пробормотал Род. — Она не слишком глубока, похоже. — Но он старательно вглядывался вниз. — Я... что-то я не вижу дна...

Векс опустил голову и разжал губы. Неожиданно из глубины расселины влетела летучая мышь, оглушенная ультразвуком, который издал робот.

— Сонар показывает наличие дна на глубине пятидесяти футов, Род.

— Тебя бы в лоцманы определить, — пробормотал Род и, обратившись к Бобрасу, сказал: — Глубина расселины футов пятьдесят. Как думаете, удастся ли нам взобраться по стенке?

Рыцарь, отягощенный весом доспехов, хмуро всмотрелся в темноту.

— Там лестница есть, — проворчал Модвис.

Род вгляделся внимательнее. И точно: то, что он принял за естественные неровности, на самом деле представляло собой грубые, вырубленные в граните ступени. У него по спине побежали мурашки.

— Как это понимать? — прошептал он. — Уж не как приглашение ли на ужин?

Интересно, кого предполагалось подать в качестве главного угощения?

Но Бобрас покачал головой и улыбнулся.

— Нет-нет, лорд Гэллоугласс. Лестница наверняка ведет к задним воротам. Ни один рыцарь не выстроил бы башню, в которой была только одна дверь.

Род немного успокоился.

— Но если о черном ходе было известно строителю замка, значит, он должен быть надежно заперт.

— Верно, но так, чтобы в случае чего его можно было отпереть. Поверьте мне, сэр, не найдется на свете ничего такого, что один человек связал, а другой не смог бы распутать. Вот ответ на мои сомнения: здесь нет ничего такого, что нельзя было бы одолеть отвагой и дерзостью. — С этими словами Бобрас спрыгнул с коня и, клацая доспехами, направился к скале. — Вперед, господа! Пойдем пешком!

Род вытаращил глаза, оглянулся, посмотрел на рыцарскую лошадь, спешился сам и нагнал Бобраса.

— А коня вы привязывать не собираетесь?

— Нет. Он спрячется, а потом я свистну — и он прибежит.

Вот это дрессировка!

Бобрас улыбнулся.

— А вы что же своего не привязали?

— О... А он... тоже явится на мой свист, — заверил рыцаря Род и успел обернуться и мельком взглянуть на Векса.

— Явлюсь, Род, — заверил его робот. — И решетка меня не задержит. Как только я понадоблюсь — зови.

— Спасибо, Старая Железяка. — Род с улыбкой отвернулся. Тут их с Бобрасом как раз догнал Модвис. — Ну, пошли?

Они начали подъем. Дорогу освещал волшебный огонек. Род старался не обращать внимания на протесты со стороны собственного желудка. Впечатление у него было такое, будто он пытается вползти по скале вверх, как муха по отвесной стене, и наличие ступеней этому впечатлению не мешало. Род никак не мог забыть о пропасти глубиной в пятьдесят футов, а пропасть была совсем рядом, в каком-то дюйме от него. Не такая уж зверская глубина, но все равно — вполне достаточная, чтобы разбиться насмерть. И чем выше они поднимались, тем больше оставалось до дна.

— А... может быть, стоит поглядывать, нет ли выступов, чтобы можно было руками придержаться, — проговорил он осторожно и, словно бы для того чтобы подтвердить свое предложение делом, нащупал кончиками пальцев узкий уступ. — Так, на всякий случай.

— На какой случай, лорд Гэллоуглас? — поинтересовался Модвис.

Ответить Род не успел. В лицо ему одновременно ударили зловонный запах и кожистые крылья. Он удержался и не закричал от испуга — только сдавленно охнул, качнулся назад и в отчаянии вцепился пальцами в гранит. Летучая мышь исчезла, а Род еще долго не мог прийти в себя.

— Могли бы просто сказать, — проворчал Модвис. — Что мы, слов не понимаем, что ли?

— Ну ты же знаешь, как это бывает... Делам больше веры, чем словам, и всякое такое.

Род провел по лицу дрожащей рукой, утер со лба пот и тронулся вперед, не забывая следовать собственному совету и придерживаться за скалу руками.

Однако очень скоро Роду чем-то залепило лицо, что-то сдавило его плечи и грудь — что-то невидимое, но крепкое. Тусклый огонек осветил многоногое чудище, бежавшее прямо к глазам Рода. Род ахнул и дернулся назад.

— Берегитесь!

Позади него воздух со свистом рассек металл. Над плечом Рода мелькнул кончик лезвия меча Бобраса. Паутина прилипла к лезвию, паук вздрогнул и качнулся в сторону. Наконец Род обрел ощущение перспективы, и перед ним вместо огромного чудовища предстал обычный паук — правда, довольно крупный, величиной с ладонь. Паук торопливо пополз к верхушке своей ловчей сети, но меч не пощадил его: рассеченный надвое паук рухнул в бездну.

— Это же был просто-напросто паук, — вяло возразил Род.

— Он настолько же опасен, насколько самый огромный из драконов, — объяснил Модвис. — Это же «Серп Смерти» — паук, чей яд за минуту убивает быка.

У Рода с опозданием онемели руки и ноги. Похоже, царство, сотворенное фантазией его деда, населяло множество существ, о которых он понятия не имел.

А дед имел понятие или нет?

— Нужно продвигаться вперед, — негромко проговорил Бобрас. — Но опасайтесь таких тварей, лорд Гэллоугласс. Где одна, там могут быть и другие.

— Это радует, — хмыкнул Род и понадеялся на то, что спутники не услышали дрожи в его голосе. Он взял себя в руки и продолжил подъем, держа волшебный огонек повыше.

Спутники одолели половину подъема, когда на них набросился кобольд.

Чудище вприпрыжку мчалось по ступеням навстречу спутникам, ухая и хихикая от радости — отвратительное создание с ушами, как у летучей мыши, носом-картошкой, зловещими клыками, горилльими ручищами, скрюченными когтями.

— Это — порождение Зла! — выдохнул Бобрас и обнажил меч. Род встал покрепче, чтобы не повалиться на рыцаря. При этом он старательно напоминал себе: *хозяин замка наверняка знал, как защититься от кого угодно, кто бы здесь ни обитал!*

А в следующее мгновение кобольд набросился на него — сплошные зубы и когти. Он глубоко оцарапал щеку и бок Рода. Рода охватил страх, он крикнул — и меч рыцаря аккуратно продырявил кобольда, но тот только заперхал, завизжал и пополз вверх по груди Рода — видимо, хотел дотянуться до Бобраса.

На смену страху пришла злость — слепящая, всепобеждающая ярость. И разъярившись, Род вдруг с удивительной ясностью осознал всю невероятность происходящего. Не могло быть так, чтобы на представителя эльфийского рода-племени не действовало Холодное Железо. Кобольд был пронзен насквозь — а как будто и не почувствовал этого. При этом его когти наносили раны, но эти раны не кровили и не болели. И вдруг Род понял, что видит перед собой — вот только он не мог догадаться, каким образом было сотворено это чудище.

Бобрас яростно вскричал и занес меч для удара. Род еле успел схватить рыцаря за руку и потянуть к себе. Это было необходимо, потому что Бобрас размахнулся так сильно, что его качнуло к краю пропасти. Бобрас навалился на Рода всем весом, но почти сразу отпрянул, а Род не спускал глаз с кобольда. Он мысленно приказывал ему исчезнуть и явить свое истинное обличье...

И вот здоровенный мотылек метнулся к Модвису, размахивая широченными крыльями и тараща злые блестящие глаза. Остался только гигантский мотылек — а кобольд пропал, как будто его и не было.

Карлик выругался и отмахнулся от зловредного насекомого. Мотылек отлетел, ударился о скалу, отскочил, развернулся и помчался к волшебному огоньку, который парил в воздухе неподалеку от Рода.

— Благодарю вас, лорд Гэллоугласс, — прошептал карлик. — Вот только не возьму в толк, как это вы изгнали злого духа.

— Легко, — ответил Род. — Его попросту не было тут на самом деле. — Он вздохнул поглубже, стараясь унять дрожь. — Кто бы ни был строителем этого замка, он окутал эту лестницу надежными чарами. Он-то наверняка знал, как их снять, а вот чужаку это было невдомек. И мы ведь чуть было не попались на крючок!

— Попались бы, — негромко проговорил Бобрас, — если бы вас с нами не было.

— А я бы сейчас украшал собой дно этого провала, если бы вы не изничтожили мерзкого паука. А знаете, я начинаю верить, что нам в конце концов улыбнется удача. Не хочешь возглавить процессию, Модвис? Следующее чудовище будет твоим.

— С вашего позволения, я откажусь от такой чести.

— Да, на этой лесенке может стать тесновато. Если в появлении монстров наблюдается регулярность, то следующий должен появиться футов через двадцать, господа. Все готовы?

— Веди, — проговорил Бобрас сквозь стиснутые зубы.

Род продолжил путь наверх, всеми силами стараясь разыгрывать храбрость.

Однако монстры все не нападали и не нападали. Род поймал себя на том, что идет все медленнее и медленнее. Он шел, обливаясь потом, и ждал, и ждал...

А потом стены расселины вдруг исчезли. С трудом веря себе, Род шагнул на широкое открытое пространство. Он отступил в сторону — осторожно, но ступени и вправду закончились — и пропустил Бобраса. Рыцарь удивленно забормотал. Через пару мгновений рядом с ними встал Модвис. Род мысленно велел волшебному огоньку разгореться поярче, и тот послушался. Род поднял огонек повыше и медленно повернулся на месте. Теперь над головой у спутников была не полоска ночного неба. Они стояли посреди пещеры.

— У нас получилось, — вымолвил Род, не слишком веря собственным словам. — Мы — внутри башни, и больше никто не напал на нас.

— Не совсем внутри, — уточнил Модвис.

Блики света играли на выщербленных стенах пещеры. Род шагнул вперед, нахмурился и разглядел большую дубовую дверь с тяжелым стальным замком.

— Он заговорен от ржавчины, — изумленно пробормотал Бобрас.

— Это имеет смысл, если здесь пользуются ключом не чаще, чем раз в десять лет.

Род сдвинул брови, подошел поближе, пригляделся внимательнее. Вид стали, которую каким-то образом сделали нержавеющей, заставил его насторожиться.

Но остерегаться, как выяснилось в следующее мгновение, ему следовало вовсе не замка. Стоило Роду наклониться и устремить взгляд на замок, как что-то вдруг вспыхнуло, и острая боль пронзила его лодыжку. Позади Модвис кричал, пинал ногами и колол кинжалом кого-то, кого Род не видел, а потом свет померк, и Род почувствовал, что падает в темную бездну.

11

Похоже, Рода в силу какой-то его особенности неудержимо тянуло к темницам. Если где-то поблизости от него оказывалось подземелье, рано или поздно он оказывался там. Очень удобное место для очищения души — и не только для него.

В данном случае Род догадался о том, куда угодил, только после того, как изо рта у него исчез привкус. Зелье подействовало на него подобно электрошоку. Оно было таким непередаваемо кислым, что язык будто бы наждаком ободрали. Ощутив этот жуткий удар, Род сумел-таки приподняться, выпростать

руку и пощупать затылок, дабы удостовериться, нет ли в нем дырки. Потом он открыл глаза.

Он увидел Бобраса. Тот был без шлема, и вид у него был взволнованный. Рыцарь встревоженно смотрел на Рода. Как только тот открыл глаза, Бобрас просиял.

— Ну вот, — проговорил он облегченно. — Теперь вы снова с нами.

— Похоже на то. — Род утер губы тыльной стороной ладони. — Пф-ф-ф! — не удержался он. — Что это была за дрянь?

— Оживляющее снадобье. Тот чародей, что дал мне его, уверял меня, что оно способно исцелить меня от любой раны — лишь бы только я нашел силы его выпить.

— Интересно, захотели ли бы вы жить после этого? Однако вынужден признать, действует потрясающе. Просто волшебно. — Род сдвинул брови. — Погодите, погодите... Да оно ведь и есть волшебное!

— Вас оно исцелило на диво, — негромко заметил Модвис.

— Тебе могло так показаться — не ты же его проглотил. А вы бы ему порекомендовали, Бобрас?

— Не знаю, друг мой, — смущенно улыбнулся рыцарь. — Сам я никогда не пробовал этого снадобья.

— Что? — в изумлении воскликнул Род. — У вас был один-единственный глоток волшебного снадобья и вы отдали его мне? А что же будет, если вас и вправду сильно ранят?

— Я поправлюсь, — заверил его рыцарь. — Ведь мой амулет всегда со мной.

— Ах да! Волшебный Амулет Амброзия.

Бобрас носил волшебный талисман, который мог по его желанию превращаться во что угодно и выручать рыцаря из любых бед, созданных фантазией дедушки Рода. Это был один из стандартных *deus ex machina** Рори, к которым Род всегда

* Букв.: «бог из машины» *(лат.)*. Неправдоподобная, искусственная развязка.

относился со снисходительным терпением. А вот теперь эти искусственные развязки уже не казались Роду такими уж притянутыми за уши.

И все же он казался себе воришкой. Он собрался было опять возразить, но Модвис опустил руку на его плечо.

— Не надо, лорд Гэллоугласс.

Род встретился с ним взглядом и понял, какая же он неблагодарная скотина.

— Примите мою глубочайшую благодарность, сэр рыцарь, — выговорил он. — Я перед вами в долгу.

— Тогда помогите мне освободить мою даму, — отозвался Бобрас.

Род посмотрел на него и криво усмехнулся, сдвинул брови и всмотрелся в полумрак, нарушаемый только желтоватым тусклым светом, проникавшим через решетку в двери.

— Кажется, больших высот мы не достигли.

— Не совсем так, — уточнил Бобрас. — Мы проникли в башню. У нашего друга Модвиса особый дар обращения с Холодным Железом и различными изделиями из него. Он чудесным образом отпер замок.

— Нехитро он оказался устроен, — буркнул карлик. Было темно, и Род не видел его физиономии, но был уверен: Модвис зарделся, услышав похвалу рыцаря. — Я его быстро расщелкал.

Род медленно кивнул.

— Отлично, мастер Модвис. Ну а потом вы вдвоем втащили меня сюда.

— Сначала сэр рыцарь убил змея, — пробасил карлик.

Роду вспомнилось, как в тумане, тело убитого змея. «Интересно, он его мечом прикончил или ногой раздавил?» — подумал Род.

— Ага. Ну по крайней мере мы внутри.

— Точно, — подтвердил Модвис. — И пока нас, похоже, никто не видел.

— Осталось разыскать лестницу и подняться в главный зал, — сообщил Роду Бобрас.

— Только и всего? — Род осторожно поднялся на ноги и с удивлением обнаружил, что голова у него ни капельки не болит и не кружится. — Слушайте, и вправду это снадобье сотворило со мной чудо!

— А как же иначе? — хмыкнул Модвис.

— Ну да, я неудачно выразился, — смутился Род.

— Я выражусь лучше, — улыбнулся Бобрас. — Вперед и вверх!

— Где-то я уже это слышал — ну да ладно. Вверх — это куда?

— Хороший вопрос, — кивнул Бобрас. Перед нами — заброшенный коридор.

— Вы коридор видите? — Род изумленно всмотрелся в темноту. — У вас глаза зорче, чем у меня!

— Да нет же. Просто я успел сходить на разведку, покуда рыцарь ухаживал за вами, лорд Гэллоуглосс, — объяснил Модвис. — Узкий проход с каменными стенами, а в его конце — еще одна дверь.

— Еще одна дверь?

— Да. Кто знает, куда она ведет?

— Мы и скажем, как только минуем ее. Как думаешь, там ты с замком тоже управишься?

Модвис ухмыльнулся.

— Еще спросите, умеет ли выдра рыбу ловить.

— Я слыхал, что умеет, но стоит выдрам увидеть меня, они тут же принимаются резвиться и никакую рыбу не ловят.

— Давайте пойдем, — поторопил их Бобрас.

Модвис развернулся и зашагал к дальней двери. Он накрыл ладонью замочную скважину, сосредоточенно сдвинул брови, что-то еле слышно произнес и повернул руку на четверть дюйма.

Замок застонал, словно смертельно тоскующий призрак, а потом щелкнул — будто щепка сломалась. Модвис усмехнулся и потянул дверь на себя.

— Господа, прошу вас.

— Войдем, пожалуй, — кивнул Род и поспешил опередить Бобраса. Он искренне полагал, что за дверью его ожидает ловушка.

Прямо у него за спиной сверху с грохотом упало обитое сталью бревно.

Бобрас остановился и в изумлении вытаращил глаза.

— Ну уж нет, — проворчал Модвис. — Что-что, а насчет обороны у них тут все здорово продумано.

— Приятно время от времени оказываться правым, верно я говорю? — Род наклонил, попытался приподнять бревно, но нахмурился и проговорил: — Погодите-ка... Не проще ли перебраться через него, а?

— И верно, — кивнул Бобрас и перебросил ногу через бревно. — Что это за штуковина, лорд Гэллоуглас?

— У меня на родине ее называют «убойником».

— Весьма подходящее название, — рассудил Бобрас. — Если вы не заставили это бревно упасть, оно бы непременно убило меня, расплющило бы своим весом.

Насчет этого у Рода были большие сомнения. Да, были вещи, от которых Бобрас мог погибнуть, но уж никак не из бревна толщиной всего-то в один фут.

С другой стороны, Род мог только представить себя на месте Бобраса, а представлять себя кем-то и быть им — это разные вещи. Однако приятно было убедиться в том, что рыцарь тоже чего-то боялся.

Модвис перебрался через бревно и зашагал вперед.

— Как насчет света, милорд?

— А? О, сейчас! — Род оглянулся, пристально взглянул на волшебный огонек и свистнул. Огонек послушно поднялся в воздух и подлетел к Роду.

Модвис на миг задержал взгляд на огоньке.

— Угу, — вымолвил он наконец, сдавленно кашлянул и предложил: — Ну что, будем подниматься?

— Всенепременно, — отозвался рыцарь.

Карлик первым ступил на лестницу, обернулся и сказал:

— Осторожнее, господа. Где была одна западня, могут оказаться и другие.

Но больше никаких ловушек спутникам не встретилось. И дивиться этому было нечего. Лестницы самой по себе почти хватило для того, чтобы доконать Рода. К тому времени, как он одолел последнюю ступеньку, он взмок от пота, еле дышал, а ноги волочил так, словно они налились свинцом. А Бобрасу хоть бы что — он бодро протопал до самого верха, как бы и не замечая стофунтового веса своих доспехов.

— Ничего себе «иллюзия», — тяжело дыша, проговорил Род.

— Что вы сказали, лорд Гэллоугласс?

— Нет-нет, ничего такого. — Род прислонился к стене и, задыхаясь, выпалил: — Как... насчет этой двери... Модвис?

— Сейчас поглядим. — Карлик подошел к двери и приложил ладонь к замочной скважине. Он сдвинул брови и покачал головой. — Странно...

— Что? — Род сразу насторожился. — Замок с секретом?

— Нет, никаких секретов в нем нет. Но и охранного колдовства тут тоже нет. А я думал, оно будет.

— Что же это? Легкомыслие? — полюбопытствовал Род, но настроение у него не улучшилось.

— Там, внизу, колдовства было в избытке, — отметил Бобрас. — Не сомневаюсь: тот, кто строил эту башню, никак не думал, что кому-то удастся добраться до этой двери, господа.

— Очень может быть, — кивнул Род. — Кто знает? Вероятно, эта дверь предназначена для того, чтобы не выпускать людей *изнутри*.

— Похоже на то, — кивнул Модвис. Замок заскрежетал, и дверь распахнулась.

Спутники невольно зажмурились — такими яркими им показались свечи. После странствий по каменным коридорам при свете волшебного огонька они словно бы оказались на меловой горе в летний полдень. Кругом звучали музыка и смех, тут и там время от времени слышались насмешки и издевки. Род прищурился и сумел разглядеть множество людей, наряженных ярко и богато и передвигавшихся по просторному залу. Далекие стены были завешаны великолепными гобеленами, освещенными факелами и канделябрами.

— У нас все получилось, — еле слышно проговорил Род. — У нас вправду получилось. Господа, мы в главном зале.

Но вот ветерок подул в его сторону, и он чуть было не лишился чувств — таким удушливым оказался запах благовоний. Пахло так, словно буддисты и католики устроили соревнование, чтобы определить, чьи благовония более угодны Богу. Род и так был слаб после восхождения по лестнице, поэтому его словно бы мешком по голове ударили. Перед глазами у него поплыло, колени подкосились.

Бобрас поддержал его, не дал упасть.

— Наберитесь терпения, лорд Гэллоугласс, — призвал Рода рыцарь. — Мы должны мужественно преодолеть все препоны, какие бы ни выставила на нашем пути леди Вредилина.

— Я... я сейчас. Сейчас привыкну, — выдохнул Род. — Просто не ожидал, что тут такие... ароматы.

— Но вы же сами говорили, что тех, кто живет в Горделине, наверняка все время одурманивают!

— Да, но это было всего лишь умозаключение... Ничего, справлюсь.

Род совладал с собой и выпрямился.

И как раз вовремя, потому что тут наконец-то на них бросились стражники.

Стражники словно бы материализовались из ниоткуда. Крича и размахивая пиками и алебардами, они появились по обе стороны от непрошеных гостей. Модвис принялся отбиваться своей железной дубинкой, Бобрас заслонил собой Рода и обнажил меч. Роду стало страшно, а следом за страхом пришел гнев. Адреналин хлынул по жилам, и Род проникся боевым духом. Он выхватил меч и бросился в самую гущу сражения. Он отчаянно орудовал мечом, но вместо голов срубал наконечники копий. Лезвие меча Бобраса уподобилось ветряной мельнице. Стражники пятились, смущенные его натиском. Их сломанное оружие усеивало пол. Круг около Бобраса, Рода и Модвиса становился шире. Стражники шаг за шагом отступали. Род издал радостный клич и, не желая отставать от рыцаря, принялся размахивать мечом направо и налево, не расставаясь при этом с надеждой на то, что *на самом деле* он сейчас занимается исключительно тем, что заготавливает дрова, которых хватит до весны.

Но вдруг по толпе гостей пронесся приглушенный стон. Стражники, дравшиеся в первых рядах, резко отступили назад, взяли оружие «на караул». Бобрас растерялся. И вот в толпе образовался ровный проход. Рыцарь расправил плечи, гордо поднял голову. Меч он на всякий случай держал наготове. Модвис сделал шаг назад, но смотрел враждебно и дубинку свою не опустил. Род больше своих спутников был склонен к тому, чтобы продолжать бой, но и он сдержался.

В ухе у него прозвучал голос Векса:

— Род, почему прекратилось сражение?

— Потому, — еле слышно процедил сквозь зубы Род, — что сейчас явится гранд-дама.

А она действительно уже шла по образовавшемуся проходу — ходячая гора кружев и бархата, оборок, рюшей, кринолинов и турнюров. Физиономия у нее была лошадиная, с тяжелым подбородком. Голову венчала замысловатая прическа с лентой и диадемой, а уж вуалей поверх наряда развевалось столько, что их количеству могла бы позавидовать даже Саломея.

— Ничто не производит такого впечатления, как перебор, — пробормотал Род.

Дама остановилась перед Родом, Бобрасом и Модвисом, подбоченилась и требовательно вопросила:

— Кто вы такие, что посмели явиться в мой замок непрошеными?

От нее исходило такое удушающее зловонне, что Род понял, для чего в замке сжигается такая уйма благовоний. В первый момент Род чуть было не упал в обморок, но теперь был лучше подготовлен к новой ароматической атаке — в отличие от Бобраса. Рыцарь пошатнулся, и Роду пришлось поддержать его. Но его сил для этого было мало, поэтому Модвис уперся плечом в бедро Бобраса, и вдвоем им удалось привести рыцаря в более или менее вертикальное положение. Увы, Бобрас все-таки стоял не совсем ровно, а Род не намеревался все утро держать на себе двухсотфунтового рыцаря вместе со стофунтовыми доспехами.

— Амулет, — прошипел он на ухо Бобрасу. — Вытаскивайте амулет!

Бобрас поднес руку к латному воротнику, потянул за цепочку, извлек из-под доспехов волшебное ожерелье.

— О чудесный талисман, — прошептал он, — убереги меня от этого чудовищного запаха!

Очертания амулета стали расплывчатыми. Ожерелье как бы растеклось, расплавилось, а в следующее мгновение опять стало прочным и ясно очерченным — ниткой, на которой висело несколько округлых узелков. От них исходил собственный едкий запах. Он окутал голову Бобраса подобно невидимому колпаку, распространился, охватил обоих спутников рыцаря. Рыцарь неприязненно наморщил нос, но сумел-таки выпрямиться. Ожерелье из головок чеснока защитило его от ароматов хозяйки замка.

— Я рыцарь Бобрас, а это мои спутники — карлик Модвис и лорд Гэллоутласс. А вы — леди Вредилина?

— Она самая. — Вредилина запрокинула голову и ухитрилась каким-то образом посмотреть снизу вверх на мужчину, который был выше ее ростом фута на полтора. — Зачем вы явились сюда?

— Затем, — отвечал Бобрас, — чтобы освободить мою возлюбленную, леди Вышинеллу, из плена.

— Ха! — вскричала леди Вредилина, и этот слог прозвучал немного похоже на смех. — Из плена? Но у нас в Горделине все только предаются сердечному веселью! Что же до твоей милочки, то ее сюда не силой привезли, и никто не держит ее здесь против ее воли!

— Если так, — сказал Бобрас, — скажите ей, чтобы она вышла ко мне.

— Я не исполняю ничьих просьб, презренный!

При слове «презренный» Бобрас вздрогнул.

— Если она пожелает говорить с тобой, — продолжала Вредилина, — она выйдет к тебе сама.

— Я в этом сомневаюсь, — поджав губы, возразил Бобрас. — И судить об этом буду сам. В каких покоях живет дама моего сердца?

— Ты не узнаешь о том, где она живет, и не станешь искать ее покои! — возмущенно вскричала Вредилина. — Ты уйдешь отсюда так же, как вошел сюда!

— О нет, — ответил Бобрас. — Я этого не сделаю. А если вы отказываете мне в такой маленькой любезности, не ждите любезностей и от меня.

С этими словами он шагнул вперед, прошел мимо хозяйки замка и двинулся к рядам стражников.

Род и Модвис поспешили за ним.

Леди Вредилина возмущенно взвизгнула, и ее стражники с криком сомкнули ряды — вернее говоря, попытались сделать это. Бобрас налетел на них как танк. Вместо орудия у него был меч. Стражники отступили.

— Куда, о дерзкий и благородный муж? — осведомился Род, скрестив свой меч с алебардой стражника и отрубив наконечник.

— Наверх, — крикнул Бобрас, не оборачиваясь. — Моя возлюбленная, Вышинелла, наверняка пожелала избрать самые верхние покои.

— Как и все, кто обитает здесь, — буркнул Род себе под нос, продолжая прорубаться вперед. Он отчаянно орудовал мечом, не переставая удивляться тому, почему на стражниках не остается ни царапинки. Вот один из воинов нацелился в него копьем. Род подбросил копье вверх, ухватил стражника за камзол на груди и, подбросив над собой, отшвырнул назад. Стражник показался ему невероятно легким. Когда тот, от изумления сложив губы дудочкой, пролетал над головой у Рода, Род на всякий случай — так, ради эксперимента — ткнул его мечом, но стражник взлетел выше, и кончик меча его не задел. Род опустил меч вовремя — другой стражник как раз замахнулся на него алебардой. Он изо всех сил ударил противника мечом в живот, но даже одежду не проколол. Род отдышался и проговорил:

— Как же так? Почему я никого из них не могу ранить?

Не сказать, чтобы ему этого безумно хотелось, но все-таки было обидно.

— Потому что они живут в Горделине и потому — не от мира сего, — пропыхтел Модвис.

Не было времени выяснять, что он имел в виду, поскольку в это время Бобрас выломал плечом дверь (это у него получилось быстрее, чем у Модвиса, но, конечно, такая тактика вовсе не годилась для тайного проникновения) и помчался к лестнице. Как ни странно, она уводила не наверх, а вниз. Род и Модвис последовали за рыцарем, пятясь и продолжая отражать удары. Ну, хотя бы стражникам тоже не очень-то удавалось ранить Рода и Модвиса. Один из врагов оступился и упал — и тут же взмыл ввысь, отчаянно вопя. С верхнего пролета донесся грохот, в ответ на который словно бы эхом

застонали другие стражники. Они опустили оружие и прекратили погоню.

— Можно ли им верить?

— Можно, — с мрачной уверенностью заявил Модвис. — Они потерпели крах. Теперь им нет смысла нападать на нас.

— Думаю, мы все равно рискуем, поэтому, когда я скажу «Бежим», мы все должны будем помчаться вверх по лестнице. Договорились?

— Как скажете, — проворчал карлик. — Только не вверх, а вниз.

— Ну вниз, так вниз. Ну... *бежим!*

Они встали друг за дружкой и понеслись вниз по лестнице, словно ракеты. А стражники и не подумали бежать следом.

Род сумел ухватиться за дверной косяк и вбежать в комнату, не слишком сильно отстав от Модвиса, и перед ним предстало зрелище захватывающей красоты и печали. Бобрас стоял на коленях, склонив голову, перед дамой, а та стояла у окна, одетая в чудесное радужное платье с высоким воротником, края которого остриями поднимались вдоль щек к глазам.

— Это платье из ее слез, — вырвалось у Рода.

— Да, из слез и печали, в которой она повинна сама, — пояснил Модвис.

— Миледи, — прошептал Бобрас, — почему вы плачете?

— О, я плачу от унижения, сэр Бобрас! Ведь здесь все унижают и оскорбляют меня!

— Грубияны! Как они смеют!

— Они говорят, что они оскорблены моей дерзостью — тем, что я посмела явиться сюда, — объяснила дама. — И поэтому обращаются со мной высокомерно и напыщенно. И эти покои... Здесь все точно так же. Они делают вид, будто возвышают меня, но на самом деле ставят меня ниже себя. О, какую ужасную ошибку я совершила! Как жестоко я наказана!

— Те, кто желает поселиться в Горделине, должны знать свое место, — произнес скрипучий голос.

Все обернулись и увидели стоящую на пороге леди Вредилину.

— Вы пожалеете о том дне, когда сотворили такое с моей возлюбленной, леди Высокомерой!

Леди Вредилина расхохоталась. Смех у нее был противный, лающий. А возлюбленная Бобраса простонала:

— О не зовите меня более леди Высокомерой! Теперь я скорее назовусь леди Милосердой, ибо больше никогда я не стану ставить себя выше своих ближних, никогда не откажу им в милости!

Бобрас посмотрел на друзей. На его лице играла счастливая улыбка. А для леди Вредилины эти слова девушки стали будто бы смертельной раной. Она дико завизжала.

— Как ты смеешь произносить такие речи в моем замке! Прочь! Вон отсюда! Убирайся из Горделина, мерзавка!

— Я не позволю никому так обращаться с моей дамой! — гневно вскричал Бобрас и устремил возмущенный взгляд на леди Вредилину, но та только злорадно ухмыльнулась. В ее взгляде смешались злость и мстительная радость. Рыцарь ощетинился и шагнул к колдунье, сжав кулак, но Модвис схватил его за руку и закричал:

— Нет, славный рыцарь! Разве вы не видите? Она только о том и мечтает, как бы поймать вас в свои сети, сотканные из пороков! Ведь вы не где-нибудь сейчас, а в Горделине, и движет вами оскорбленная гордыня!

Сэр Бобрас побледнел, а Род вдруг услышал голос Векса:

— Род! Я уловил колебания! Спускайтесь с этой скалы как можно скорее, потому что вам грозит огромная опасность!

— Что за колебания? — еле слышно спросил Род, хотя был близок к панике. — В чем колебания? Революция? Народ взбунтовался?

— Да нет же, по шкале Рихтера! Быстрее уходите!

— Уходим! — рявкнул Род и схватил за руки сэра Бобраса и леди Милосерду. — Быстро — вверх по лестнице, за дверь — бегом!

— Вы хотите, чтобы я позорно бежал с поля боя? — запротестовал сэр Бобрас.

— Нет. Можете идти пешком. И боя, между прочим, никакого не будет, если вы поспешите.

Род повел себя правильно. Леди Вредилина с визгом отскочила в сторону и пропустила их, а стражники и вообще не собирались чинить им какие-либо препятствия. Они, как и придворные, торопливо расступились.

— Где тут выход? — поинтересовался Род.

— Нужно пройти через главный зал до конца, а потом — через прихожую! — крикнула леди Милосерда. — Но почему мы должны так торопиться?

— А у вас есть большое желание здесь задержаться?

К тому времени, как они выбежали во двор, Модвис уже возился с решеткой. Бобрас поспешил ему на подмогу, а Род взял на себя привратника.

— На шесть футов поднимите, и хватит! — крикнул он.

Модвис закрепил ворот, и все бросились вперед. Привратник поспешил вернуться на свой пост, и решетка со звоном опустилась. Род не замедлил бега. Он бежал по насыпи быстро, но все же не так, чтобы бег утомил рыцаря в доспехах. Но когда он оглянулся через плечо, то понял, что волновался зря: сэр Бобрас бежал почти за ним по пятам, держа на руках леди Милосерду. Наконец они добрались до предгорий, но Род крикнул:

— Не останавливайтесь! Бегите! Нужно отбежать ярдов на сто от насыпи, не меньше!

— Но почему мы бежим? — задыхаясь, спросил Бобрас.

— Еще капельку... — Род наконец остановился и рухнул на траву. — Тут мы будем в безопасности.

— Еще бы не в безопасности, — заверил его Векс. — Лишних футов сто пробежали.

— Почему вы вдруг так встревожились? — осведомилась леди Милосерда, опустившись на траву рядом с Родом.

— Вряд ли вам это будет интересно, — пробормотал Род.

— Нет, мне будет очень интересно, — заявил Бобрас и, встав около Рода, сдвинул брови. — Мы ушли, не наказав эту злобную даму, и ее оскорбления остались без ответа. Почему я бежал от нее, лорд Гэллоуглаcс?

— Потому что я неведомым образом вдруг узнал, что этот замок долго не простоит. Взгляните на трещину в скале!

Все обернулись и посмотрели, и как раз в это мгновение земля начала сотрясаться, и края трещины под замком стали расползаться в стороны. Земля дрожала все сильнее и сильнее, и вот наконец замок на вершине скалы запрыгал, будто мешок с картошкой на возу на неровной дороге. Спутники расслышали рокот, а потом скала с оглушительным грохотом треснула, и замок Горделин рассыпался и превратился в груду камней, и эти камни скатились вниз.

Все стояли и в ужасе смотрели на жуткое зрелище. Земля мало-помалу перестала дрожать, грохот утих.

— Шляпы долой, господа, — тихо проговорил Бобрас и снял шлем.

Модвис снял шляпу. По его щеке стекала слеза.

Леди Милосерда вскочила и бросилась к тропинке, сбегавшей вниз по склону.

— Куда вы! — Род бросился за ней и схватил за руку. — Нельзя, миледи! Камни еще падают! Вы можете погибнуть!

— Но мы должны помочь тем, кто остался в живых!

— Никто там не уцелеет, — заверил ее Род. — Высота — сто футов, скала отвесная. Никто бы и так не выжил при такой высоте, даже если бы камни сверху не сыпались.

— Какая ужасная смерть!

— Да. Была бы ужасной, если бы хоть что-то там было настоящее.

— Что вы такое говорите, сэр? А как же иначе?

— Он так говорит, потому что все, что выстроено на ложной гордости, бестелесно, — ответил Модвис. — Ведь правда, лорд Гэллоуглаcс?

— Так же, как и то, что выстроено на ложной скромности, — согласился Род. — Как бы то ни было, то малое, что в этих людях оставалось подлинного, утрачено. Пойдемте, сэр рыцарь и прекрасная дама. Здесь не место для таких добродетельных людей, как вы.

Медленно они отвернулись от руин Горделина и вернулись в не такой возвышенный, но и не такой надменный мир.

12

Конь Бобраса не подвел своего хозяина и явился, стоило только рыцарю свистнуть. Векс уже был на месте и держал в зубах поводья ослика Модвиса. Вскоре все уселись верхом. Леди Милосерду Бобрас посадил впереди себя. Близился рассвет. Спутники тронулись в дорогу.

К сожалению, день выдался пасмурный, и даже петухи не кричали. В чем была причина такой облачности, друзья узнали ближе к вечеру. Эта причина обрушилась на них галлонами проливного дождя. Налетали порывы пронизывающего до костей ветра, ветер выл, словно бы радуясь несчастью людей. Укрыться посреди поля было негде, и ветер словно решил изгнать непрошеных гостей из своих владений.

Модвис крикнул:

— Чародей! Ты можешь найти для нас убежище?!

— Могу! Вон там! — Род указал на тусклый огонек, свет которого едва пробивался сквозь завесу дождя. — Сэр Бобрас! Леди Милосерда! Едем в ту сторону!

Бобрас и его дама увидели, что Род повернул коня, а потом заметили огонек впереди и поехали следом.

Они ехали целую вечность — а казалось, до огонька совсем близко. Но вот наконец они постучали в дверь обшарпанной избушки. Род подождал немного, постучал снова. Дверь со скрипом приоткрылась и в образовавшуюся щелочку стал

виден глаз с желтоватым белком и седая бровь. Глаз смотрел подозрительно.

— Мы путники, застигнутые в дороге грозой! — прокричал Род. — Не могли бы вы позволить нам переждать ненастье под крышей вашего дома?

Из-за двери донеслось что-то вроде «А не пошли бы вы... и щель стала уже. Но Род успел придержать дверь мыском сапога и грозно крикнул:

— С нами рыцарь и его дама!

Давление на сапог ослабло, желтый глаз выпучился. Щелка стала шире, и перед спутниками предстал второй глаз, нос с горбинкой и копна косматых волос, которые, пожалуй, стали бы седыми, если бы их хорошенько отмыть. Трудно было сказать, где у хозяина хижины начинается грива и заканчивается борода, и наоборот. Губы прятались в складке между усами и бородой.

Но вот глаза сосредоточили взгляд на Бобрасе и Милосерде, и дверь распахнулась настежь. На пороге стоял худющий морщинистый старик в длинной рубахе. Будь она самую малость подлиннее, ее можно было бы назвать балахоном.

— Если так, то конечно, конечно... Входите, входите, уж очень нынче сыро.

Род поспешил воспользоваться приглашением и переступил порог, гадая, а что же тогда по определению старика может означать «мокро». А еще — ему очень не понравилось, как блеснули глазки у хозяина хижины, когда мимо него прошла леди Милосерда.

— Благослови тебя Господь, добрый человек, — сказал Бобрас и снял шлем.

— Нет у меня сухой одежды, чтобы вам предложить, но я сейчас огонь разведу. — Старик отвернулся и подложил немного хвороста в еле-еле тлеющий очаг. Пламя занялось, охватило хворостинки, и Бобрас с Милосердой подошли к очагу. Род встал рядом с ними. — Так вас, стало быть, трое?

— Есть у нас еще один спутник, но он сказал, что отведет лошадей в амбар. Если вы позволите, конечно.

— Чего там, пускай, — не слишком радостно отозвался отшельник. — Только там зерно, уж пусть ваши лошади не едят слишком много.

— Мы заплатим за все, что они съедят, и заплатим золотом, — успокоил старика Бобрас, и глаза у того алчно полыхнули. Род решил не спускать глаз с хозяина.

Дверь скрипнула, вошел Модвис, с которого ручьями стекала вода. Увидев друзей, он шагнул к ним и с блаженным вздохом вытянул руки над огнем.

— Будь благословен ты, добрый человек, за свое гостеприимство!

Род был готов поклясться, что отшельник вздрогнул — вероятно, слово «гостеприимство» напомнило ему о том, что он должен предложить гостям еду.

— Еды у меня немного, господа, но готов поделиться с вами тем малым, что имею. Есть у меня пиво, есть ячмень, есть мешок репы. Яичко, пожалуй, найдется — если курочка, конечно, снесла.

Роду хотелось поежиться, но он удержался, а Бобрас деликатно проговорил:

— У нас есть с собой еда, почтенный. Не откажешься ли разделить с нами трапезу?

— Вино, — сообщил Модвис, подняв две седельные сумки. — Говяжья солонина и сухари.

У отшельника слюнки потекли.

— О, вот это было бы хорошо! Ну а у меня вроде бы где-то пара картофелин завалялась. Не сварить ли нам похлебки?

К тому времени, как за окошком окончательно стемнело, была готова густая похлебка. Ее ели из деревянных мисок (вынутых из седельных сумок). В хижине стало почти уютно — скорее всего потому, что в темноте не так была заметна грязь и копоть.

— Мясо и вино всегда веселят сердце, — со вздохом проговорил Бобрас и поставил на стол опустевшую миску.

— Точно, — с улыбкой отозвался Род. — Когда желудок полон, а рядом жарко горит огонь, будущее всегда видится в розовом свете.

Модвис вздохнул и забросил руки за голову.

— Кто станет думать о завтрашнем дне, когда еще тянется нынешний, а тело изнемогло от усталости?

— Так вы не знаете своей судьбы? — поинтересовался старик-отшельник, и его глаза опять алчно вспыхнули.

«Уж слишком часто у него глазки горят, — недовольно подумал Род. — Почти все время». Он уперся локтями в стол и твердо решил узнать о старике как можно больше.

— Нет, признаться, я своей судьбы не ведаю. Предсказание будущего — это чуть ли не единственный дар, которого я лишен.

Это была чистая правда, хотя он мог бы потренироваться...

— А вот я не лишен этого дара, — объявил старик и сел неподвижно и гордо.

На миг в хижине все замерло.

Но вот леди Милосерда улыбнулась, ее глаза заблестели.

— Ты вправду ясновидящий?

— Воистину так, — гордо кивнул отшельник. — Дайте мне взглянуть на вашу руку — и я предскажу вашу судьбу.

— Говори же! — Леди Милосерда с радостной улыбкой протянула старику руку.

Тот взял ее за руку, ласково погладил, повернул ладонью к себе и дважды провел по ней кончиками заскорузлых пальцев. Его губы тронула лукавая усмешка.

Род нахмурился, посмотрел на Бобраса, но рыцарь сидел спокойно, с довольной улыбкой. Судя по всему, он не ожидал никакого подвоха. Род снова перевел взгляд на леди Милосерду. Та каким-то образом ухитрялась терпеть прикосновения старика и не содрогаться.

— Вас ожидает богатство и счастье, — объявил старик. — Видите? Линия жизни у вас длинная и в самом начале пересекается с линией любви. Вы выйдете замуж за превосходного, достойнейшего мужчину, и притом очень скоро.

Бобрас нахмурился, а леди Милосерда явно ничего дурного не видела. Она обернулась и кокетливо взглянула на Бобраса.

— Неужто наша свадьба так скоро, милорд?

— Так скоро, как вы пожелаете, — галантно отозвался рыцарь.

— Ну, теперь ваша очередь. — Старик с сожалением отпустил руку девушки. Бобрас недовольно сдвинул брови, но руку старику все же протянул. Отшельник вгляделся в его ладонь и вытаращил глаза.

— Что я вижу! Как же это? У вас линия жизни разорвана в пяти местах!

— Что это означает?

— О, это означает, что вы умрете, но воскреснете вновь, и не раз — а целых пять раз!

— Это только кажется, — усмехнулся Бобрас. — На самом деле я никогда не умираю по-настоящему.

Старик опасливо зыркнул на него, но, похоже, искренность улыбки рыцаря его успокоила.

— Ну, это вам виднее, милорд. — Он поспешно отпустил руку Бобраса — словно бы раскаленный камень выронил. — Ну а вы, сударь? — спросил он у Модвиса.

— Ты уж не обижайся, добрый человек, но мне не хочется, чтобы мне судьбу предсказывали.

— Почему же? — непонимающе спросил отшельник.

— Да потому, что тот, который знает свой конец, живет дурно.

— Готов подписаться под этими словами, — поспешно вставил Род. — Но вы могли бы предсказать будущее этой страны.

— Верно! — жарко подхватил Бобрас. — Что станется с нашим царством Гранкларт, почтенный? Что будет с Четырьмя Королевствами, которые заключили здесь мир и союз?

Отшельник несколько мгновений смотрел на рыцаря, широко раскрыв глаза. Потом он опустился на колени и прижал ладони к земляному полу. Уставившись в одну точку, он начал бормотать. Остальные так притихли, что потрескивание сучьев в очаге звучало громче голоса старика. Наконец стали различимы слова:

...восстанут против Альбана.
Она сама не пойдет,
Но друга себе найдет,
И в пламени их любви
Сгорят, захлебнутся в крови
Земли, стада овец
И великолепный дворец!
Взметнется мрака волна,
Могучей будет она,
И волна безобразная эта
Захлестнет Владения Света!

Прокричав последние строки, старик еще с минуту неподвижно стоял на коленях и смотрел в пространство, не мигая. Но вот наконец плечи его опустились, он обхватил голову руками.

— Великолепно! — выпалил Бобрас. — Ты сотворил такой яркий образ, что у меня голова закружилась!

— Вправду? — обернувшись, вымолвил отшельник. — А я сам этого не чувствую.

— Как же так? — удивленно спросил рыцарь.

— Когда Дух посещает меня, добрый господин, он и говорит моими устами — а я потом даже не помню, что говорил.

— Тут ничего такого странного нет, — проворчал Модвис. — Я слыхал, что так бывает.

Рыцарь нахмурился.

— Если так, то ты, стало быть, не сможешь истолковать нам значение твоего предсказания.

Отшельник покачал головой.

— А предсказание вышло совсем уж бессмысленным?

— Ты говорил стихами, — объяснила леди Милосерда, — и стихи эти были прекрасны и вселяли благоговейный трепет. Но мы не поняли, о чем говорилось в этих стихах.

Род-то, конечно, все понял — ведь он отлично знал всю историю Гранкларта, вплоть до ее окончания. Но говорить об этом в присутствии тех, для кого эта история была жизнью, он, конечно, не стал.

— В твоем предсказании говорилось о проклятии, — тихо произнес Бобрас. — Это я понял, но кому суждено было это проклятие, и откуда оно взялось — этого я не уразумел.

Отшельник кивнул, скривил губы.

— Вот так всегда. — Он пожал плечами. — Потому я и не могу сказать вам, что будет. Но вот что я могу вам сказать... — Он обвел взглядом гостей и проговорил с необычайным жаром: — Если Гранкларту суждено проклятие, то оно будет исходить от злого колдуна, который живет в своем замке на востоке царства!

— Мы знаем о нем, — тихо проговорил Модвис. — И верно, он злой колдун!

— Злой! Да он — средоточие всего Зла, какое только может прийти в Гранкларт! Даже ученик покинул его, а уж этот ученик сам зол, как сто чертей! В его замке кишат злые духи и они пропитали злом душу колдуна!

— Тебе, как я вижу, многое о нем известно? — спросил рыцарь.

— Больше, нежели мне бы хотелось, — мрачно ответил отшельник. — Ну так вот... Ежели суждено Гранкларту проклятие, ждите этого проклятия от него. Но как и когда он навлечет беду на наше царство — этого я сказать не могу.

— Может, так-то оно и лучше, — миролюбиво проговорил Модвис.

— Кто знает? Может, и лучше, — не слишком убежденно кивнул отшельник. Он медленно, болезненно скривившись,

поднялся на ноги и вздохнул. — Да что же это я! Время позднее, добрым людям пора спать ложиться. Вот тут у меня припасено питье. Я, бывает, глоточек пропущу перед сном — и так уж крепко засыпаю! — Он пошарил в темном углу и вернулся с глиняным кувшином и рогом. — Не желаете приобщиться?

Никто не изъявил желания, но старик этого вроде бы и не заметил. Он вытащил пробку и поднес к горлышку рог. Густая темно-янтарная жидкость полилась в рог, играя рубиновыми отблесками в пламени очага. Старик протянул рог Бобрасу.

— Вкус превосходный, уверяю вас.

Рыцарь взял у старика рог. Род заметил, что он сделал это неохотно, но отказаться не позволила учтивость. Бобрас сделал маленький глоток и обвел остальных удивленным взглядом.

— Это медовуха, и клянусь вам, ни разу в жизни я не пробовал медовухи вкуснее.

— Я попробую, — кивнула леди Милосерда, взяла у Бобраса кубок, пригубила и передала Модвису. Карлик выпил немного, одобрительно кивнул и передал рог Роду. Тот лишь губы намочил, чего ему хватило, чтобы понять, что это действительно медовуха, и вернул рог отшельнику, похвалив напиток:

— Очень вкусно.

— Рад, что вам пришелся по вкусу мой напиток, — кивнул старик, и глаза у него снова сверкнули. Он залпом осушил рог, отвернувшись от гостей, но Род, не спускавший с него глаз, заметил, что старик вылил содержимое рога на пол, делая вид, будто убирает кувшин и рог на место.

К гостям отшельник вернулся с виноватым видом.

— Комната у меня всего одна, господа. Придется всем лечь здесь. Но даме и рыцарю я постелю у огня.

— Нет, нет, мы не станем вас стеснять, — возразил рыцарь. — У вас вполне тепло!

Отшельник принялся спорить, и в конце концов у очага уложили спать леди Милосерду. На полу устроили лежанку из старой соломы, и девушка легла на нее, завернувшись в плащ Бобраса. Модвис помог сэру Бобрасу снять доспехи, и рыцарь аккуратно сложил их на полу между собой и Милосердой, после чего, оставшись в гамбизоне, улегся сам. Модвис устроился у них в изголовье, а отшельник ушел в угол, где у него была лежанка. Род расположился на соломе рядом с Бобрасом и стал слушать, как барабанит по крыше дождь, и гадать, как выгнать блох из-под капюшона.

— Векс, — еле слышно окликнул Род.

— *Да, Род?*

— Если услышишь, что я сплю, разбуди меня. Пожужжи, ладно?

— *Тебе надо отдохнуть, Род.*

— Гораздо важнее остаться в живых. Не верю я этому старому гаду, Векс. Посмотрел бы ты сам ему в глазки, так тоже бы верить не стал. И еще: сам он не стал пить медовуху, которой нас попотчевал.

— *Хорошо, Род,* — серьезно отозвался робот. — *Я тебя обязательно разбужу, если ты начнешь засыпать.*

— Вот спасибочки. — Род умолк и лежал неподвижно, старательно прислушиваясь — не донесутся ли какие-нибудь звуки из того угла, где лег спать отшельник.

Звуки послышались примерно через час. Весь этот час Род старательно разжимал слипающиеся веки. Очень трудно было бодрствовать при том, что Род дышал ровно и медленно, пытаясь подражать дыханию спящего человека, но все же Роду это удалось. И вот наконец его бдение было вознаграждено. Из угла донеслось громкое шуршание. Старик отшельник крался к очагу, беззвучно смеясь и сжимая в заскорузлой руке длинный ржавый кинжал.

Род перевернулся на бок, что-то «сонно» пробормотал.

Отшельник замер.

Род захрапел.

Отшельник ухмыльнулся и снова пошел вперед крадущейся походкой, на ходу подняв кинжал.

Однако то, что Род повернулся на бок, помогло ему собраться. Он лежал, в любое мгновение готовый вскочить. Отшельник опустился на корточки рядом с Бобрасом и замахнулся кинжалом.

Род вскочил.

Кинжал тускло блеснул и воткнулся в грудь Бобраса с неприятным чавканьем.

Через долю секунды Род поддел старика-убийцу плечом, Бобрас вскрикнул, а леди Милосерда проснулась и рывком села. Она только глаза открыла — и закричала, а потом уже кричала не переставая.

Модвис в одно мгновение оказался рядом с нею.

А Род сражался не на жизнь, а на смерть. Старик-отшельник замахнулся на него кинжалом и мерзко завопил, и Роду еле удалось уклониться от удара. В следующий миг он пригнулся и, схватив старика за плечо, изо всех сил надавил. Злодей, стеная и воя, распластался на полу.

Модвису удалось немного успокоить леди Милосерду, и теперь она не кричала во весь голос, а приглушенно рыдала.

Род выхватил кинжал, схватил отшельника за рубаху, перевернул на спину и занес клинок, готовясь нанести смертельный удар.

Но удар не понадобился. Собственный кинжал старика вошел ему в живот прямо под ложечкой. Губы отшельника шевелились почти беззвучно. Последние слова умирающего были такие:

— Брюм... мой верный ученик... он отомстит...

А в следующий миг все его чахлое тело сотряслось, в горле у него заклокотало, глаза остекленели, он обмяк и затих.

По жилам у Рода растеклась радость победы, хотя зрелище, прямо говоря, было не из приятных.

Брюм был учеником этого старикана? Следовательно, сам он колдун Сольтик?

Бобрас застонал.

Род поспешил к нему.

— Ваш убийца мертв, сэр рыцарь.

— Это... не имеет значения...

— Я опоздал! Я никак не думал, что этот старый козел проявит такое проворство!

— Моя дама... Она жива?

Леди Милосерда застонала.

— О да, — сказал Род. — Поэтому-то он и убил вас, можно не сомневаться. Он бы прикончил и нас с Модвисом — но только не ее. Не сразу. — Род брезгливо скривился. — Нужно было мне опередить его!

— Это... не важно... Я... воскресну...

С этими словами рыцарь бесследно исчез.

Род изумленно вытаращил глаза.

Он обернулся, чтобы успокоить девушку, — и успел увидеть, как тают в полумраке ее черты. Вскоре и она совсем исчезла.

— Куда он пойдет, — прошептал Модвис, — туда и она.

— А ты? — Род протянул руку, чтобы прикоснуться к карлику, но не осмелился. — Ты тоже исчезнешь?

— Нет, лорд Гэллоугласс. Я могу уменьшиться в размерах, но совсем не исчезну.

Только он сказал это — и сразу же стал уменьшаться, и за пару мгновений превратился в человечка всего в фут ростом. Хижина при этом стала еще более запущенной и грязной, в ней прибавилось пыли и паутины, между досками появились щели, в крыше засияли дыры. Дождь прекратился, а угли в очаге еще тлели, и в этом свете Род разглядел фигуру человека, лежавшего на полу. Человек был одет по-крестьянски, и из живота у него торчала рукоятка кинжала. Вот только борода у него была короткая, аккуратно подстриженная, волосы темные, а телосложение отнюдь не дистрофичное.

— Векс? — прошептал Род. — Кого же я убил? Куда подевался старый отшельник?

Дверь со скрипом распахнулась, и на пороге возник конь-робот. Он пригляделся и кивнул.

— Этот человек — тот самый, что впустил вас в дом, Род. Старик-отшельник тебе привиделся. В хижине — явные признаки запустения. Думаю, этот мнимый крестьянин явился сюда всего за несколько часов до вас.

— Мнимый? Он — не настоящий крестьянин? Но... кинжал-то, кинжал-то настоящий!

— Да, Род. И он действительно пытался убить тебя, когда ты спал. И если он убит собственным клинком, это скорее его вина, нежели твоя.

Тут Рода снова охватил гнев, но его тут же сменила подступившая к горлу тошнота. Род поднялся на ноги и, пошатываясь, вышел из хижины. Чтобы не упасть, он ухватился за седло. Боль пронизывала голову насквозь — от виска до виска, руки дрожали.

— Векс... мне плохо... Совсем худо...

— Да, Род. Похоже, что это с тобой происходит после каждого галлюцинаторного припадка.

— Они... чем дальше, тем острее, эти припадки.

— Верно. Тебе нужно полежать и отдохнуть.

— Не... здесь...

— Тогда садись верхом, и я отвезу тебя к безопасному убежищу.

Конь-робот опустился на колени. Род с горем пополам забрался в седло, обхватил руками шею Векса. Стальной жеребец осторожно поднялся и, отвернувшись от хижины, зашагал в затянутый пеленой тумана мрак.

13

Согласно показаниям очевидца (т.е. того, кому удалось выжить), картина заболевания черной нильской лихорадкой такова: «В первый день ты только *думаешь* о том, что умрешь. А на второй день ты *хочешь* умереть».

Болезнь Рода в чем-то протекала сходно, хотя, к счастью, не тянулась так долго. К рассвету ему стало лучше, а когда встало солнце, он решил, что, пожалуй, будет жить. Но это, конечно, вовсе не означало, что эта мысль его обрадовала.

— Приступы становятся все тяжелее, — пробормотал он. — И сама паранойя, и ее последствия.

— Ты все еще неплохо справляешься с собой, удерживаешься от проявлений жестокости, — возразил Род, — однако тяжесть физиологических реакций нарастает.

— Но что же это такое? — выдохнул Род. — Не может быть, чтобы я съел какую-то гадость — уж слишком долго все это продолжается.

— Это вовсе не исключает возможности потребления тобой какого-то вредного вещества, Род.

— Ну, если я вправду что-то такое слопал, то это зелье на редкость длительного действия. Просто не знаю, долго ли я еще смогу идти.

— В данный момент в этом нет особой необходимости, Род.

Род резко, рывком сел.

— Не хочешь же ты сказать, что я должен сидеть тут и помирать!

— Род! Конечно, я ничего такого не имел в виду! Но если бы ты немного полежал и поспал, это оказало бы на тебя благотворное действие. Ты не спал двадцать пять часов.

— Убедительные цифры. — Род вдруг почувствовал, как у него слипаются веки. — Ну, может быть, и вправду будет полезно немножко вздремнуть. Найди мне какую-нибудь пещерку, Векс, ладно?

Пещер в этой местности не наблюдалось, но Векс нашел поваленное дерево, крона которого застряла в развилке у соседнего на небольшой высоте от земли. Род расстелил плащ поверх горы листьев, и Векс принялся прикрывать убежище хозяина вырванными с корнем кустами.

Неожиданно Род резко выпрямился.

— Векс... Кто-то идет за мной.

Робот постоял немного и сообщил:

— Мои датчики выявляют лишь признаки животной жизни, Род.

— Не спрашивай, откуда я знаю об этом, но я знаю! Я не сказал, что они где-то рядом и наблюдают за мной, но скоро будут рядом!

— Может быть, у тебя открылся дар предвидения, Род?

— Кто знает? Я теперь ко всему готов! Но кто-то у меня на хвосте и скоро должен появиться здесь! На засадные позиции!

С этими словами он исчез за кустами. Векс неохотно отступил в чащу.

В лесу стояла тишина. Через несколько минут вновь защебетали птицы.

Но вот чья-то рука раздвинула кусты у тропинки, и кто-то вышел оттуда. За ним последовали другие.

Род отодвинул ветку, но в предутреннем сумраке смог лишь смутно разглядеть три силуэта. Он дождался, пока незнакомцы пройдут мимо, и только потом выскочил на тропу с обнаженным мечом в руке. Род ухватил за горло последнего из троих, сбил его с ног и занес меч для удара.

Пойманный закашлялся, замахал руками, и Род остолбенел, поняв, что перед ним особа женского пола. Потом послышался чей-то голос:

— Папочка, не надо!

И земля ушла у Рода из-под ног.

Он поднялся в воздух, увидел за плечом девочки лицо Грегори и понял, что он только что чуть не заколол собственную дочь. Род выронил меч, словно тот жег ему пальцы, отпустил Корделию и дал себе мысленный приказ: «*Вниз*» Приземление далось ему с большим трудом. Он словно бы сквозь патоку пробивался.

— Проклятие, дайте же мне опуститься! С какой стати вы меня преследуете?

Как только его ступни коснулись земли, он почувствовал, как разгорается в груди огонек ярости.

— Муж мой, — протестующе проговорила Гвен, — мы боялись за тебя!

— Кто вас просил, а? Я тут мерзну, голодаю, меня чуть не опоили сонным зельем, потом чуть не отравили — и все это я терплю ради того, чтобы держаться от вас подальше, чтобы я не смог сделать вам ничего дурного. А вы что делаете? Вы тайком крадетесь за мной! Слава Богу, что я вовремя понял, что это вы!

У Джеффри задрожали губы, но он все-таки сумел проговорить:

— У тебя есть враги, папа! Мы боялись, что они смогут...

— Они не смогли! — буркнул Род, но немного оттаял. — Спасибо вам большое за заботу, но за вмешательство я вам спасибо не скажу. Я десять лет встречался с огромными опасностями, прежде чем познакомился с вашей мамой! Послушайте, если вы не верите, что я могу сам о себе позаботиться, уж Вексу-то поверьте хотя бы!

— О, мы верим ему, — торжественно произнес малыш Грегори. — И все-таки ты должен понять, папа, что в Грамерае у тебя сейчас врагов больше, чем когда бы то ни было.

Мальчик был прав, и от этого все становилось только хуже. Ярость полыхнула жарким пламенем.

— Да, и сколько их — никому не известно! Первый встречный может оказаться агентом футурианцев — любой крестьянин, любой рыцарь, лесничий! И как, скажите ради Бога, я смогу сразиться с ними, если мое драгоценное семейство не может сделать для меня такой малости — держаться подальше от меня, когда я этого прошу!

— Мы не можем, — просто ответила Гвен. — Мы твои, а ты — наш.

— И ты туда же! Ты никогда не давала мне возможности понять, способен ли я сам одолеть своих врагов! С са-

мого начала ты все время вмешивалась, вмешивалась и вмешивалась!

— Я — вмешивалась? — ошарашенно переспросила Гвен и побледнела.

Тут в разговор вступил Магнус.

— Папа, — сказал он, — ты всегда говорил нам, что самая твоя большая сила в умении объединять людей, чтобы они сражались на твоей стороне.

— Верно! — пылко подхватила Корделия. — И еще ты говорил, что самой большой твоей победой было то, что ты завоевал нашу маму и что она оказалась на твоей стороне!

Все это было правдой, и Род действительно порой похвалялся этим, но сейчас ему совсем не хотелось об этом слышать.

— Я справлюсь сам, благодарю вас! Послушайте, давайте договоримся так: я взял отпуск за свой счет. И сейчас я сражаюсь со своими собственными врагами, а не с врагами всего королевства!

— Это одни и те же враги, — проговорила Гвен более сурово. — Они ищут твоей гибели, чтобы навязать королевству свою волю.

— Ну, это у них теперь не получится, верно? Если со мной что-то случится, вы и сами со всем справитесь! Ведь справитесь же? Еще как справитесь! И я вам ни капельки не нужен!

— Ты нам всегда будешь нужен! — со слезами воскликнула Корделия, а Грегори обхватил отца за пояс и крепко-крепко прижался к нему.

Род почувствовал, что его сердце тает, но стоило ему посмотреть на Гвен, как он понял, что расслабляться нельзя. Он не без труда заставил свое сердце очерстветь и нежно разжал руки сына.

— Если так, то перестаньте меня преследовать. Дайте по-своему сразиться с собственными бесами. Если я вам нужен, оставьте меня. Я вернусь, когда со мной все опять будет в

порядке. Только так вы сумеете помочь мне, но разве можно вести себя так, как вы ведете? Если вы опять пойдете за мной, я стану бояться за каждый свой шаг! Ведь мне будет страшно ударить кого-то, защищаясь, потому что я буду опасаться, что это кто-то из вас! Вы будете стараться помочь мне, а на самом деле накличете беду!

— Муж мой, ты ошибаешься в нас! Мы бы ни за что...

— Конечно, вы не станете вредить мне нарочно, но... — Род не договорил. Он умолк, вытаращил глаза. Ощущение у него было такое, будто его ударило током в позвоночник, будто разряд добрался до головного мозга. Из-за этого волосы у него встали дыбом. — А может быть, вы как раз и делаете все это нарочно? — прошептал он. — Ведь если на то пошло, вы и вправду вполне можете обойтись без меня. Теперь я вам просто-напросто мешаю, верно?

— Папа, нет! — воскликнула Корделия, а Гвен в ужасе широко раскрыла глаза.

— Похоже, вашей маме нечего сказать, да? — Ярость Рода расцвела пышным цветом. — Вот именно, совсем нечего сказать! Я ей только мешал, путался у нее под ногами все эти годы! Может быть, она наконец поняла, что без меня она могла бы стать величайшей волшебницей в Грамерае, что она могла бы возглавить восстание, из-за которого волшебники захватили бы власть. Только я ей в этом мешал!

Слезы наполнили глаза Гвен. Она в отчаянии замотала головой. Губы ее беззвучно шевелились.

— Вот видите? Видите? Она не может этого отрицать, как ни старается!

И ведь Род понимал, что у Гвен была возможность ему ответить.

— Папа, во всем этом нет ни единого слова правды! — Магнус встал между отцом и матерью. — Было видно, что ему страшно, но он здорово рассердился. — Мама никогда не желала тебе ничего, кроме счастья!

— А ты кто такой, чтобы рот раскрывать? Кто у нас будет следующим Верховным Чародеем, а? Кто станет царем всех волшебников после того, как они придут к власти?

— Я не верю, что ты так думаешь! — горячо вскричал Магнус.

— А я думаю именно так! — Род наклонился, поднял с земли палку и замахнулся на жену и детей. — Прочь от меня! Не высовывайтесь из Раннимеда! Деритесь за власть без меня! Делайте что хотите, только *меня оставьте в покое!*

Он крутанулся на каблуках и размашисто зашагал в чащу леса, не разбирая дороги.

Мелькали деревья, сливались одно с другим, кровь бешено стучала в висках. Род бежал куда глаза глядят.

Но вот он обратил внимание на то, что кусты трещат слишком громко. Один бы он такого шума не произвел. Род обернулся и увидел, что за ним идет Векс.

— А тебе что надо от меня?

— Ты был несправедлив, Род, — ответил робот. — Они никогда не пытались причинить тебе зло.

— А ты на чьей стороне, позволь полюбопытствовать?

Робот встал перед конем-роботом и подбоченился.

— Только на твоей, Род. Я не могу встать ни на чью сторону, кроме твоей, покуда ты — мой хозяин. Это противоречит моему программированию.

— Но если бы у тебя появился новый хозяин, тебе бы не пришлось держаться на моей стороне, так ведь? Надо только помочь наследнику возвыситься, только и всего, верно?

— Никогда, Род, и тебе это прекрасно известно! Не притворяйся, что ты забыл о законах компьютерного программирования!

Род зыркнул на коня. На миг аргументы у него иссякли. Он понимал, что Векс — единственное существо, которое не могло ему солгать.

В реальном мире. Даже в Грамерае.

А в Гранкларте?

Робот решил не упускать достигнутого преимущества.

— Я не могу молчать, когда вижу, как кем-то навязанная паранойя меняет твои представления о тех, кто тебя любит больше всего на свете, кто служит для тебя лучшей опорой. Твоя жена и твои дети так же верны тебе, как я. А может быть, еще сильнее.

— Не понимаю, как это они могут быть мне верны, — проворчал Род. — Лично я не был бы, если бы мне пришлось жить с самим собой. То есть я и живу с самим собой, и сам себе не верен.

— Прислушайся к собственным словам, — посоветовал ему Векс. — Так ты сам себе не веришь, да?

— А тебе, стало быть, приходится демонстрировать еще более высокую верность, чтобы это компенсировать? — Род подозрительно прищурился. — Даже если все так и есть, все равно остается одна большая проблема. *Тебе*-то откуда знать, какие мотивы движут моими родственниками?

— Существуют семиотические признаки...

— Интерпретация признаков не позволяет тебе читать их мысли.

— Я способен слушать на частоте человеческих мыслей...

— Верно, и если они захотят, чтобы ты услышал их мысли, ты их услышишь. Но если они перейдут на внутрисемейный режим телепатии, тебе ни словечка не услышать!

— Я не способен расшифровывать одновременное умножение угасающих модуляций, это верно. Однако я работаю над программой...

— Но пока у тебя такой программы нет — а это значит, что ты не можешь быть уверен в том, что на самом деле замышляют мои милые цыплятки и их любящая мамочка.

— Род, не может быть, чтобы ты вправду верил, будто бы они сговорились против тебя!

— А почему нет? Все и вся на свете сговорились же! Включая тебя! Иди, целуйся с ними! Ступай, налаживай от-

ношения с наследничками, только больше не притворяйся, что ты — на моей стороне!

Род отвернулся и побрел по лесу.

— Род! Моя преданность всегда была...

— Убирайся! — проревел Род. — Прочь с глаз моих! *Оставь меня в покое!*

Он рванулся через кусты напролом. Голые ветви засвистели, будто розги.

Миновало примерно полчаса, когда Род начал немного успокаиваться.

А потом подкатила тошнота, навалилась головная боль.

Если и раньше Роду было плохо, то теперь боль казалась ему адской. Он метался, в отчаянии ища укрытия. В итоге он вломился в ближайшие заросли и рухнул на колени. Желудок у него выворачивало наизнанку, но он был пуст. Лишь немного желчи вылилось на снег.

Когда спазмы прекратились, Род повалился на бок, ухитрился завернуться в плащ и долго лежал, дрожа и мучаясь от жуткой головной боли. Наконец боль отступила, и Род заснул мучительным сном.

Проснувшись, он увидел перед собой горящие угли. Род сдвинул брови, хотел было резко вскочить, но вспомнил про головную боль и осторожно приподнял голову. Однако голова не болела, и Род осмелился медленно сесть. Что-то сползло с его плеч. Род опустил глаза и в изумлении обнаружил, что укрыт меховым одеялом. Кто же укрыл его?

И если на то пошло, кто развел костер?

Он смотрел на огонь, свыкаясь с мыслью о том, что где-то совсем рядом находится кто-то, кто мог сто раз убить его, пока он спал, но вместо этого почему-то проявил о нем заботу, сделал все, чтобы он не замерз. В конце концов Род решил, что придется смириться с тем фактом, что мир не без добрых

людей, кого бы ни нужно было подозревать под этим наименованием — его семейство или коня-робота.

Рода охватило сильнейшее чувство вины, когда он вспомнил, чего наговорил своим домашним и в какой манере это было сказано. Теперь в это трудно, почти невозможно было поверить. И как только он мог подумать, что они на самом деле хотят избавиться от него. Подлинное безумие...

Да. Все дело было в безумии. Из-за этого он и ушел от жены и детей — чтобы случайно не навредить им, будучи охваченным галлюцинациями.

Род поднял голову. Настроение у него немного улучшилось. Да, он все еще стыдился того, что впал в непростительную ярость, но уж в одном он был точно прав — в том, что велел Гвен и детям держаться подальше.

Но тут у него вдруг мелькнула неожиданная мысль. Как его семейство оказалось в Гранкларте?

Род поразмышлял над этим еще немного и решил, что, по всей вероятности, он на краткое время возвратился в реальный мир, а потом мания преследования вернула его в Гранкларт.

Неужели теперь ему было суждено такое существование? Неужели осталась только смена одной галлюцинации другой?

Род задумался, и чем больше он думал, тем сильнее злился. Странно — но теперь злость не пугала его, не раздражала. Может быть, потому что она не была направлена ни на кого конкретно. В конце концов, кто мог отвечать за его теперешнее состояние?

Только тот, кто вверг его в пучину галлюцинаций.

Кто же сделал это?

Модвис говорил, будто бы это дело рук колдуна Брюма, который жил в замке с привидениями на востоке.

Но Модвис принадлежал Гранкларту. Кто же наслал на Рода злые чары в Грамерае?

Может быть, все тот же Брюм.

Почему бы и нет? Насколько понимал Род, вымышленные враги, которые нападали на него в сказочном царстве Гранк-

ларт, соответствовали реальным врагам. «Реальным людям», — мысленно поправил он себя, но затем внес новую коррективу, вспомнив о том, что тот человек, которого Род принял за старого отшельника, и вправду пытался убить его. Если отшельник был настоящим убийцей, прятавшимся под чужим обличьем, так почему бы Брюму не заняться тем же самым?

Попробовать можно было — а уж особенно в Грамерае, где запросто могли существовать злые колдуны. И между прочим, Векс говорил, что в реальном мире Модвис не карлик, а лепрехун...

Род сдвинул брови и огляделся по сторонам. Между прочим, куда подевался Модвис? Род помнил, что карлик уменьшился и стал ростом с эльфа...

Его взгляд остановился на костре.

Не Модвис ли укрыл его одеялом и развел костер?

Род встревоженно поднялся на ноги. Ему стало не по себе при мысли о том, что, вероятно, где-то совсем рядом — его друг, и он может наступить на него, нечаянно ударить. Он немного постоял, прислушиваясь к себе. Чувствовал он себя хорошо — просто-таки на удивление хорошо. Приступ окончательно прошел. Род решил впредь беречься галлюцинаций — уж очень неприятны были их последствия. Просто убийственны.

Роду не понравилось слово «убийственны». Он пожал плечами, прогнал эту мысль и тронулся в путь. Если Модвис и был где-то неподалеку, Роду сейчас не хотелось с ним встречаться. Почему — этого он и сам не понимал. Никак не мог избавиться от недоверия к тем, кто желал встать на его сторону. А может быть, просто сам себе не верил?

Не важно. Результат все равно был один и тот же. Нужно было сохранять одиночество. На миг Роду захотелось вернуться, захватить меховое одеяло, но он решил не делать этого, поскольку это бы сильно походило на кражу. Какая бы добрая душа ни одолжила ему одеяло, забирать его не стоило. Род зашагал по лесу в ту сторону, где за деревьями светило солнце,

чувствуя себя обновленным и полным сил. А голоден он был так, что готов съесть медведя. А неплохо было бы повстречаться с медведем — тогда Род мог бы обзавестись собственной медвежьей шкурой.

14

Если кто-то и шел за Родом, его преследователям хватало ума не показываться ему на глаза. Трое суток Род бороздил засыпанную снегом пересеченную местность. Когда у него стыли пальцы, он разводил костер, а когда садилось солнце — мастерил из веток и лапника шалаш. Питался он неплохо — чаще всего жаренными на вертеле куропатками, но порой и кролики попадались. От оленины Род отказался, поскольку не успел бы столько съесть и мясо бы испортилось.

Но потом дичь стала попадаться редко, а вид у придорожных крестьянских усадеб становился все более и более обшарпанный, и Род начал догадываться, что его занесло в те самые края, из которых высосал все соки злой колдун.

Вот так, местами обмороженный, с потрескавшимися губами, но на удивление бодрый, Род вышел к восточному побережью и увидел прямо перед собой замок колдуна, стоявший на прибрежном утесе.

Не догадаться, что это замок колдуна, было бы сложно. Стоило тучам подлететь к башням этой мрачной твердыни, как тучи сразу чернели и озарялись вспышками молний. Молнии ожесточенно ударяли в крепостные стены, но, как ни странно, не наносили ни малейших повреждений. Род начал взбираться вверх по утесу. Сверху доносились непрекращающиеся раскаты грома. Не в первый раз Род пожалел о том, что рядом с ним нет Векса и Модвиса. Карлик бы ему сейчас совсем не помешал.

И тут на него набросился первый дракон.

Он был не так уж велик — всего два метра в длину, но оглушительно рычал, а уж изрыгаемый им двухфутовый язык пламени производил большое впечатление.

— Кыш! — крикнул Род, пытаясь отогнать дракона одной рукой, а другой держась за уступ. Дракон отлетел в сторону, а Род взвизгнул и затряс рукой. Эта зверюга оказалась жутко горячей! Если это и была галлюцинация, то уж очень она получилась яркой.

Дракон немного покружил в отдалении и вернулся. Род выхватил меч, нацелился им на пасть дракона и прокричал:

— En brochette!*

К сожалению, дракон не знал французского. Он налетел на Рода на полной скорости, и меч пронзил его голову насквозь. Дракон умер мгновенно и рухнул вниз с огромной высоты, унося с собой меч Рода. Род от досады скрипнул зубами и дернул меч на себя, понимая, что безоружным ему в замке колдуна делать нечего. Меч он выдернул, но несчастные обмороженные пальцы другой руки соскользнули с уступа, и небо, отраженное в море, завертелось у него перед глазами. Род падал, крича от страха. Зрелище несущихся ему навстречу острых скал заставило его вспомнить о том, что он умеет левитировать. Род подумал о том, как отталкивающе выглядят скалы, и они, естественно, послушно оттолкнули его, его падение замедлилось. Он замер в воздухе, не долетев пары футов до ощерившихся голодных каменных клыков, а потом начал медленно подниматься. Со вздохом облегчения он вернулся на утес. Держась за спасительные выступы, Род позволил себе немного отдохнуть и строго напомнил своему телу о том, что ему еще предстоит сделать многое. Тело было не слишком довольно, но все-таки повиновалось. Род пополз вверх по скале. И тут у Рода заработал мозг и не без насмешки подсказал ему, что если он сумел левитировать ради того, чтобы спасти себе жизнь, то уж мог бы как-нибудь и до того додуматься, чтобы за счет левитации облегчить себе подъем к вершине

* На вертел! *(фр.)*.

скалы. Рода эта мысль настолько потрясла, что он с минуту не в силах был тронуться с места. А потом он улыбнулся, оторвал руки от скалы, шагнул в воздух и дал себе команду: «*Вверх!*», после чего бесшумно и плавно поднялся к основанию замка.

И тут на него напал второй дракон.

Этот налетел на Рода с ревом, который сделал бы честь ракете V-1. Дракон изрыгал пламя, которое на фоне темнеющего неба выглядело как напоминание об аде. Род метнулся в сторону, но чудовище изменило курс и подлетело к нему с тыла. Род взмыл ввысь, исполнил кувырок и приземлился на спину ящера чуть подальше крыльев.

— Хай-йо, игуанодон! — весело крикнул он, оседлав дракона.

Дракону это определение не понравилось. Он ужасно разозлился, попытался выгнуть шею и опалить Рода пламенем. К несчастью, у дракона это получилось. К счастью, Род успел отпрянуть в сторону ровно настолько, чтобы язык пламени его не задел. Род только почувствовал сильный жар и отстранился немного сильнее, но оказалось, что слишком сильно. С испуганным криком Род накренился вбок, продолжая при этом сжимать коленями ребра дракона. Дракон волей-неволей был вынужден перевернуться вместе со своим непрошеным седоком. Чудовище разъяренно ревело, изрыгало языки горящего бутана, но в итоге его вместе с Родом понесло вниз, все на те же зубастые скалы.

«Так дело не пойдет», — успел подумать Род и крепко обхватил нижнюю челюсть чудовища. Пламя захлебнулось и угасло. Дракон отчаянно вырывался, но летел туда, куда была направлена его голова. Роду удалось задрать нос дракона, и тот помчался, виляя всем телом, вверх, к крепостным стенам. Род держался из последних сил, чтобы не сорваться со спины дракона и не достаться ему на обед. Вскоре острые скалы внизу сменились гранитными блоками. Вокруг замка тянулся уступ шириной футов в пять. Роду стало очень не по себе, когда он представил себе, как они с драконом полетят выше зубчатых стен, как их заметят дозорные, как этим дозорным

от нечего делать захочется попрактиковаться в стрельбе. Нужно было действовать как можно быстрее. Род развернул дракона мордой к замку, и тот врезался в стену на полной скорости. Род проворно спрыгнул на уступ и прижался спиной к стене, а дракон отлетел назад. Тараща глазищи и беспорядочно размахивая крыльями, он пошел по спирали вниз, к берегу. Род за дракона не переживал: того всего-навсего оглушило. Почти наверняка рептилия должна была прийти в себя еще до того, как стукнется о скалы.

Но с другой стороны, если бы дракон очухался в полете, он мог бы и к своей жертве вернуться. Эта мысль поторопила Рода. Нужно было поскорее проникнуть в замок до того, как дракону вздумается вернуться. Он отошел от стены и снова взлетел вверх, но вовремя одумался, вспомнив про лучников, опустился на уступ и крадучись пошел вдоль стены в поисках какой-нибудь дыры или щели. Вскоре, что совсем неудивительно, он вышел к подъемному мосту.

Однако Род все же удивился. Он стоял и, сдвинув брови, смотрел на надвратные башенки.

— Должны же быть часовые, — бормотал он. — Уж если где им быть, так именно тут.

Но никаких признаков наличия хотя бы одного простого смертного часового не обнаруживалось. Надвратные башенки выглядели абсолютно и бесповоротно пустыми — если не сказать «разрушенными».

Ни одного *простого смертного*...

Род поежился. Он находился в Гранкларте. Как знать, кто тут состоял на службе у колдуна, кто стоял в дозоре?

Что ж, выяснить это можно было одним-единственным способом — но с большой осторожностью. Род ступил на подъемный мостик, попробовал, выдержат ли его доски.

Доски затрещали и прогнулись.

Род отскочил назад и с часто бьющимся сердцем уставился на обломки гнилой древесины, падающие в маслянисто-зеленую воду, плещущуюся во рву. Да, этот мостик был не так

прост, как казалось на первый взгляд. Непрочный и опасный. Род сменил тактику. Он снова подошел к мостику, оторвался от земли и, делая вид, что передвигает ногами, на самом деле поплыл по воздуху над досками. Он лишь едва касался их подошвами — исключительно в целях конспирации.

Вдруг что-то холодное обернулось вокруг его лодыжки и рвануло вниз.

Род сорвался с мостика, увидел под собой воду и что-то длинное, похожее на резиновый шланг. Он тянулся из тины и держал его за лодыжку. Род в панике мысленно приказал себе оттолкнуться и взлетел вверх. Щупальце натянулось до предела, и это его обладателю явно не понравилось и он опять с силой рванул Рода к себе. Род потерял равновесие и упал в воду. Только он успел сделать вдох поглубже — и зеленые волны сомкнулись над его головой. Род протянул руку, чтобы выхватить из ножен меч.

Что-то холодное обернулось вокруг его запястья.

В следующий миг еще один «шланг» крепко обнял Рода за пояс.

Роду стало противно. Он в отчаянии дал себе приказ: «*Вверх!*», но обладатель щупалец был к этому маневру готов, и как только Род рванулся вверх, тот с такой же силой потянул его вниз. Страшная боль сковала грудную клетку Рода. Он уже слишком долго находился под водой. Паника охватила его. Он в красках представил себе, как вода у него под кожей превращается в пар.

Щупальце у него на запястье взорвалось. Род выхватил меч и рубанул по «кандалам», сжимавшим его лодыжку. Кто-то огромный взвыл от боли и злости у него под ногами, и этот вой наполнил собой весь подводный мир. Страх и ужас овладели Родом, но он сумел ударить мечом в щупальце, обхватившее его за пояс. Хлынула кровь, вода стала красной. Род рубанул мечом еще раз, увидел другое щупальце, взметнувшееся вверх из придонной мути, ударил по нему, потом еще раз кольнул мечом щупальце, сжимавшее его вокруг пояса. Щу-

пальце отвалилось, и Род на полной скорости устремился к поверхности. Вслед ему неслись предсмертные вопли.

Только оказавшись на высоте футов в двадцать над поверхностью воды, Род наконец сумел совладать со своими чувствами, но на смену им пришло другое — чувство вины. Уж больно жалобно и пронзительно вопил обладатель щупалец. Что ж, Род мог облегчить его мучения.

Что он и сделал. Он открыл свое сознание, устроил мысленный поиск и поморщился, ощутив исходящую из-под воды боль. Однако, как ни неприятно было это ощущение, Род сосредоточился на нем и направил всю свою мысленную энергию на эту боль и нанес виртуальный смертельный удар.

И вот из-под воды вверх взметнулись три щупальца, вздрогнули, обмякли и ушли под воду.

Род парил в воздухе, измученный, но довольный. Вой прекратился, чудовище навсегда утихло. Вокруг опять воцарилась тишина. Род вздохнул и перевел свое внимание на ворота. Там сгустились тени. Под железными зубами опускной решетки было темно и мрачно.

Род собрался с духом и полетел к воротам.

Мрак окутал его — мрак, наполненный чьими-то душераздирающими стонами. Стонал не кто-то один, а как бы сразу несколько существ по очереди, и все — на разной частоте. Один умолкал — начинал стонать другой. Каждый голос выражал определенное чувство — гнев, жажду мщения, агонию, ужас, угрызения совести. Весь замок был наполнен этими тоскливыми, рвущими сердце звуками.

Что-то засветилось впереди — и скоро стало ясно видно, что это такое. То был силуэт девушки с высоким лбом, длинными распущенными волосами. Ее губы были разжаты в жалобном крике. Прежде чем Род успел отлететь назад, призрак растаял, а сбоку появился силуэт мужчины с перекошенным, испещренным шрамами, злобным лицом. Его тощее тело едва прикрывали лохмотья. Призрак замахнулся для удара, но тут же растаял в воздухе. Перед Родом возникло третье привиде-

ние — в плаще с колпаком, под которым сверкали алчные и злые глаза. Костлявая рука потянулась к Роду.

Род прошел его насквозь. Пальцы призрака оставили после себя ощущение холода. Тут же его место заняло новое привидение. Род даже задерживаться не стал — он успел привыкнуть к призракам.

Но при этом он вовсе не исключал того, что под видом призрака ему могут устроить какую-нибудь западню. Из опасений он держался дюймов на шесть выше пола, чтобы не угодить в люк или капкан.

Наконец он подустал от призраков и вспомнил о том, что мог бы сотворить огонек. Без особых усилий это у него получилось, и над его ладонью запорхал светящийся шарик. Сияния, испускаемого им, вполне хватало, чтобы были видны каменные стены и сводчатый потолок. Однако свет огонька не распугал призраков. Они продолжали регулярно появляться и исчезать, покуда Род продвигался к главному залу. Казалось, призраки стоят на его пути в почетном карауле. Страх не отпускал Рода, но это чувство скрадывалось раздражением. Он с таким трудом проник в замок и ожидал чего-то более впечатляющего, чем странствие по Комнате Смеха.

Но вот он пролетел под аркой и оказался в главном зале.

Возвышение в дальнем конце зала было освещено огненными шарами. Между ними на высоком узком троне восседал лысый старик в длинной алой мантии.

— Кто явился, чтобы грозить колдуну Брюму? — прозвучал низкий и гулкий голос.

Голос показался Роду призрачным — еще бы, ведь губы старика не разжались. Но Род и этот укол страха преобразил в раздражение.

Он нахмурился.

— Грозить тебе? Почему это ты сразу решил, что я стану тебе грозить?

Колдун с минуту сидел неподвижно и бесстрастно, потом ответил:

— Никто не посмеет прийти к Брюму по доброй воле. Чего тебе надобно?

— Здравого ума, — не задумываясь, отозвался Род. — Ты напустил на меня чары безумия, колдун. Сними их.

Губы старика разжались и разъехались, обнажив острые зубы. Визгливый маниакальный смех наполнил зал. Род содрогнулся, хотя и был готов ко всему.

— Подойди ближе, — прозвучал низкий голос, хотя смех еще не отзвучал. — Я хочу взглянуть на того презренного червя, который дерзнул отдавать повеления Брюму.

Род приосанился и зашагал прямо к возвышению. Очень скоро он пожалел об этом. Здесь, вблизи, ему стали видны глаза старика. Глаза были налиты кровью, смотрели прямо перед собой, но как бы ничего не видели. Это были глаза безумца.

Теперь колдун заговорил собственными устами, и его голос был подобен шуршанию ветра в редких зарослях тростника.

— С чего ты взял, что это я напустил на тебя безумие?

— А кто же еще? — требовательно вопросил Род.

— Что, у тебя мало врагов? — столь же требовательно парировал колдун. — Прямо-таки некому пожелать тебе зла?

— Есть несколько недругов, — признал Род, попутно гадая, кому же принадлежал низкий голос.

— Тогда и спрашивай у тех, кто с тобой сражался, — посоветовал колдун, а низкий голос добавил:

— Ты для Брюма — ничто, смертный. Какое ему дело до тебя, если у него в услужении состоят демоны?

— Подумаешь — «демоны», — проворчал Род. — А насчет того, «какое дело», так ты, думаю, знаешь, кто я такой и на что способен. Повторяю: сними свои чары!

— Мне надоели эти препирательства, — бросил колдун, и между ними вспыхнуло пламя, образовало кольцо вокруг Рода и начало сжиматься.

От плаща Рода повалил пар. Он вскрикнул, ощутив ожог. Галлюцинация это была или нет, но уж больно получалось

убедительно. Род с усилием сосредоточился, и ему удалось погрузиться в полутранс и представить себя внутри ледяного куба. Пламя угасло.

Колдун вытаращил глаза.

— Хочешь сказать, что не знал, кто я такой? — Род поставил ногу на первую ступень лестницы, ведущей к возвышению. — Ну так вот, насчет чар...

— Назад! — крикнул Брюм и швырнул в Рода огненный шар.

Род отскочил в сторону, выхватил меч, опустился на одно колено, прислонил меч к возвышению. Огненный шар ударился о лезвие меча и, взорвавшись, рассыпался на мелкие искорки.

Колдун выпучил глаза.

Род постучал сапогом по обугленному, искореженному лезвию, чтобы проверить, не слишком ли оно горячее, и нахмурился. Он вновь представил себе ледяной куб, поднял меч с пола и представил на месте испорченного лезвия рапиру длиной в ярд, которая незамедлительно и возникла. Род довольно кивнул и посмотрел на Брюма.

— Я все понял, — сказал он. — Ты вправду маг. Кудесник. Это в Грамерае. А здесь ты — эспер-пиротехник.

— Что за глупые слова! — прогремел оглушительный бас, и от стены отделилось копье и полетело к Роду.

Род шагнул в сторону, закрылся рапирой.

— Ага, ты еще и телекинезом владеешь! Хочешь, чтобы я тебе свои способности продемонстрировал?

Колдун прищурился. Неожиданно Род оторвался от пола, взлетел в воздух и перевернулся вверх ногами.

— Эй, послушай! Ты уже показал мне, что неплохо владеешь телекинезом! Хватит уже!

С этими словами он полетел к Брюму, движимый силой собственной мысли. Род чувствовал, как противоположно направленная сила отталкивает его, но ему удалось преодолеть

ее. Колдун испуганно вскрикнул, вскочил с трона и в последнее мгновение отскочил в сторону.

Род приземлился на корточки рядом с троном, обернулся и уставился на Брюма. Он слишком поздно вспомнил о том, что в Грамерае чародеи телекинезом не владели. Этот дар доставался только женщинам. Исключением были только он сам и его сыновья. Откуда же такие способности взялись у Брюма?

По всей вероятности, способности были вымышленные. Как-никак, дело происходило в Гранкларте.

— Нахал! — вскричал могучий бас. — Кто ты такой, чтобы так осквернять замок великого колдуна?!

— Он и так уже осквернен порядком. — Род направил на Брюма рапиру. — Если хочешь от меня избавиться — сними чары.

Но глаза у Брюма вдруг полыхнули алым светом, разбухли и заполнили собой все поле зрения Рода. Страшная головная боль сдавила его голову. Как из тумана пришла к нему догадка о том, что он только что получил сильнейший удар проективной телепатии. Род попытался ответить колдуну собственным мысленным ударом, но голова у него, казалось, пылала в огне. Он видел перед собой только алую пелену. Она наполняла собой весь зал, заслоняла колдуна, огненные шары, возвышение, приглушала чувства. Род почти перестал понимать, кто он такой, где находится. Красная дымка заволокла весь мир. Роду уже казалось, будто на свете нет ничего, кроме этого алого тумана и жгучей боли. Осталось только это ужасное, безнадежное настоящее, не стало ни прошлого, ни будущего.

Но в конце концов боль начала угасать и стала более или менее терпимой, а красная дымка померкла, и перед глазами у Рода прояснилось. Он услышал звон и скрежет металла, а потом — утробный хохот, затихающий вдали. Перед глазами у Рода еще некоторое время плавали радужные круги. Наконец посреди этих кругов стали просматриваться оранжевые полоски. Потом из спектра цветов остались только лиловый и синий, и на фоне оранжевых полосок Род разглядел каменные

блоки. Род сдвинул брови, повернул голову и увидел напротив оранжевых полосок прямоугольник, за которым горел оранжевый свет. Этот прямоугольник пересекали черные полосы.

Железные прутья.

Он опять угодил в темницу.

Род позволил себе расслабиться. Вероятно, ему грозила смертельная опасность, но не в данный момент. Он гадал, почему все еще жив. Если колдуну удалось вывести его из строя и швырнуть в темницу, почему он сразу не убил его?

— Потому что хочет использовать тебя для заключения сделки.

Род нахмурился и вгляделся в темноту, пытаясь понять, кто с ним разговаривает.

Это оказалось нетрудно. Тот, кто заговорил с Родом, сам испускал красноватое свечение. У него были черные усы и козлиная бородка, красные рожки и выбритый красный хвост. Словом, весь он был красный, не считая усов и черного плаща, и вид у него был уж очень знакомый.

— Ну, готов подумать о подписании договора?

Род со стоном опустился на пол. Он еще не был готов торговаться и предпринял мужественную попытку потянуть время.

— Пожалуй, я еще немного погожу, спасибо.

Дьявол пожал плечами.

— Как пожелаешь. Взять его, ребята!

С противным воем с десяток демонов бросились к Роду — краснокожие, с кожистыми крыльями, рогатые. Род вскричал:

— Это нечестно! — и в отчаянии попытался представить себе невидимое защитное поле.

Воздух перед ним замерцал.

Демон, оказавшийся ближе других к Роду, ударился о невидимую преграду, распластался, раскинув крылья — ну просто орел! Провисев так секунду, он отклеился и упал.

— Что ты себе позволяешь? Какого черта? — взвизгнул дотоле добродушный дьявол.

— От черта слышу, — автоматически отозвался Род и попытался настроиться на богоугодный лад. К какому святому лучше всего было обратиться в теперешней ситуации? К святому Видикону? К святому Иуде?

Другие демоны тоже налетели на невидимую препону, но у них не получилось настолько эффектно, как у первого. Они просто сложились штабелем.

— Ладно, пора вспомнить о ваших обязанностях! — призвал своих подчиненных к порядку дьявол. — Пора приниматься за пытки!

— Но как же, повелитель, нам его пытать, — возразил один из демонов, — если мы не можем до него добраться!

— Придумайте что-нибудь! Найдите способ!

— Придумывать — это по вашей части.

«Похоже, — подумал Род, — с интеллектом у них туговато».

— Это точно, — ухмыльнулся дьявол. Усмешка у него была самая что ни на есть дьявольская. — Придумал! Добраться вы до него не можете, но он вас видит и слышит.

— Ну?

— Расскажите ему о себе, — ухмыльнувшись шире и обнажив акульи зубы, распорядился дьявол. — Начните с правды.

— С *правды?* — всполошились демоны.

— Вы слышали, что я сказал! С правды! — прокричал дьявол. — Вы же хотите сделать ему больно или нет? Расскажите ему, какой он *на самом деле!*

«Ну, — поспешно напомнил себе Род, — эти-то и соврут — недорого возьмут».

Как бы то ни было, первый демон подскочил к барьеру. Его глазки мстительно сверкали.

— У тебя жуткий характер, знаешь об этом? Верно, разозлить тебя непросто, но уж если ты закипишь, то тебе уже все равно, кого ты обожжешь!

— Я знаю, — проворчал Род, но все же внутренне содрогнулся.

Демон словно бы и не расслышал его слов. Он обернулся и посмотрел на одного из своих собратьев, который тем временем преобразился так, что стал смутно напоминать женщину в платье с корсажем.

— Гвен, — вскричал демон. — Мерзавка! Вечно ты гоняешься за мной, ходишь как приклеенная, не даешь мне ни минуты покоя!

— Я? Я гоняюсь за тобой? — взвизгнула дьяволица. — Да кто первый начал гоняться, а? Я сама, что ли, выродила всех этих ублюдков? Вот что я скажу тебе, чудище...

Род наблюдал за этой сценой с каменным лицом, но внутри у него словно бы что-то оборвалось. Он ведь не относился так к Гвен, правда? И надеялся, что и она о нем так не думает. Правда, причин так думать у нее было предостаточно, Бог свидетель.

Но тут дьяволица отскочила в сторону, все остальные демоны отступили и остался только тот, который играл роль Рода и становился все более и более похожим на него.

Вытаращились чьи-то желтые, препротивно горящие глаза, кто-то завыл в темноте.

Демон завопил:

— О нет! Выпустите меня отсюда! На помощь, кто-нибудь! — Коленки у него задрожали, озноб распространился по всему телу. — Мне страшно, проклятие! По-мо-ги-и-и-ите! — Он бросился бежать, но со всех сторон на него смотрели желтые горящие глаза. Демон попятился и простонал: — О-о-о-о! Что же мне делать?!

Род возмущенно вздернул подбородок. Уж кем-кем, а трусом он точно не был. Да, ему знакомо было чувство страха, и существовало немало вещей, которых он боялся, но он не бежал от того, что его пугало.

Но видно, демоны решили до него докопаться.

— Я их всех *убью!* — взвыл демон и замахнулся мечом. — Если я не могу убежать от них, я у них у всех вырву сердца!

— А может быть, они невинны, — предположил дьявол. — Может быть, от них не исходит никакого зла.

— Будет исходить, как только я с ними столкнусь!

У Рода в сердце стало пусто. Вот тут они его поймали. На этом проклятом чувстве уверенности. Он и вправду порой вступал в бой из чувства страха — и зачастую меры воздействия были непропорциональны опасности.

Демон, игравший роль Рода, как-то вдруг сжался, одежда на нем превратилась в засаленные лохмотья. Плечи у него ссутулились, колени подкосились. Шаркающей походкой он двинулся к настоящему Роду. Он поднял голову — и Род увидел перед собой налитые кровью глаза и грязное небритое лицо.

Нищий левой рукой подхватил полу рваного плаща, а правую, сложив ковшиком, протянул.

— Подайте монетку, а? Хоть сколько-нибудь... Подайте на пропитание, люди добрые! Подайте, кто сколько может...

Мимо прошла богатая пара. Нищий бросился к ним с протянутой рукой.

— Подайте пенни, добрый господин!

Издалека послышался чей-то стон.

Дама опасливо глянула на нищего, посмотрела на своего спутника и проворчала:

— Он не достоин милостыни, дорогой. Будь он достойным человеком, он бы вообще не стал попрошайкой.

— Ну, если ты так говоришь, милая...

Еще один хорошо одетый прохожий прошел мимо, брезгливо скривившись:

— Прочь с дороги, мусор в обличье человека!

Кто-то все стонал и стонал. В конце концов Род понял, что стонет он сам.

— Ничтожество, — надменно бросил следующий прохожий. — Никчемный, жалкий бродяга.

— Не-е-ет! — взвыл Род. — Это неправда! Все ложь! Я хороший! Я работаю! Я достойный человек!

Но достойная публика толпилась вокруг него. Люди тыкали пальцами, жестикулировали, скалились и плевали в него, и смеялись, и смеялись, и смеялись. А Род дико, неудержимо кричал:

— Не-е-е-ет! Нет, нет! Не-е-е-ет!

— НЕТ! — прозвучал глубокий баритон, и весь мир наполнился бессвязными криками. Что-то маленькое набросилось на демонов с ревом поезда-экспресса, выросло на глазах. Пустые глазницы в гневе прищурились, отверстие рта мстительно скривилось. Силуэт призрака навис над демонами. Они визжа разлетелись в стороны, а призрак повернулся к дьяволу. Тот в страхе задрожал и был готов бежать, но призрак обхватил его ручищами толщиной с добрые окорока, разорвал на части и отшвырнул прочь. Еще мгновение — и все исчезли: и дьявол, и его подручные, демоны. Род от ужаса сжался в комок, когда гигантский призрак повернулся к нему.

И тут он замер, не будучи в силах поверить собственным глазам. Он поднялся, шагнул к призраку и вымолвил:

— Большой Том.

15

Род стоял и смотрел, как завороженный. Он узнал эту фигуру, это лицо — даже при том, что оно было искажено зловещей ухмылкой.

— Они больше не будут досаждать тебе — эта орда оборванцев, — заверил Рода призрак.

— Большой Том, — прошептал Род.

— Да, это я. Почему же у тебя такой мрачный вид?

Губы Рода шевельнулись, но он не в силах был произнести ни слова.

Призрак нахмурился, но тут же понимающе кивнул.

— Ты считаешь себя повинным в моей смерти, да?

— Я должен был предотвратить твою гибель, — прошептал Род.

— Ты не мог этого сделать. Это случилось на поле боя, и я пал от руки врага, а не от твоей.

— Но ты был моим человеком.

— Я всегда принадлежал только себе, и больше никому. А если тебе я служил оруженосцем, так только по своим соображениям — и ты это отлично знал.

— Да. — Напоминание об агентурной деятельности Тома помогло. Род прокашлялся и сказал своим обычным голосом: — Верно, ты пытался манипулировать мной по заданию своих дружков-тоталитаристов.

— Вот! Как легко это было сказано, а? Я пытался управлять тобой, а ты точно так же пытался использовать меня в своих целях.

Род неловко поежился.

— Ну, я бы это так не называл...

— Ты не хотел, чтобы я склонился на твою сторону, чтобы я стал поддерживать тебя? Ты не хотел завербовать меня, чтобы я сражался за королеву?

— Ну вот, что я говорил? Я таки виновен в твоей смерти!

— Не виноват, и ты прекрасно знаешь это! — раздраженно вскричал призрак. — Я вступил в бой, думая о победе собственной линии, а не твоей! Это было мое дело, а не твое! Что я слышу? Неужто ты настолько обнаглел, что готов присвоить себе все достижения?

— Конечно же, нет! Ты меня слишком хорошо знаешь!

— Точно, и потому я знаю, что во всем виноват я сам, а вовсе не ты. Если ты не присваиваешь себе славу побед, то нечего и вину присваивать! Ну хорошо, ты не мечтал сделать меня пешкой в своей игре, так о чем же ты мечтал?

— Сделать тебя моим союзником.

Призрак некоторое время молчал. В черных впадинах глазниц затеплились огоньки. Он медленно кивнул.

— Это тебе удалось. Но сумел ли бы ты сохранить наш союз, если бы я остался жив?

— Хотелось бы верить, что сумел бы, — осторожно ответил Род. — Мы пережили вместе немало невзгод, не говоря уже о том, что однажды угодили в темницу. Я надеялся, что мне удастся уговорить тебя остаться моим другом.

Призрак улыбнулся и сказал:

— Тебе это удалось.

Род только глаза вытаращил.

Но потом и он улыбнулся.

— Понятно. Поэтому ты прогнал моих мучителей.

Том презрительно фыркнул.

— Ты про этих сосунков? Да они бы купца не замучили, не говоря уж об опытном агенте!

Род усмехнулся. Большой Том родился не в Грамерае и получил современное образование — то есть даже очень современное: он родился на сто лет позже и был преданным тоталитаристом. Для него не преступник являлся низшей формой жизни, а капиталист.

— Как бы то ни было, обработали они меня неплохо. — Он поежился. — Даже не представлял себе, что я такой.

— Представлял, иначе бы не сказал так. Ты так сказал, но ты не такой. Каждый из твоих злобных порывов управляется настолько строго, что до действий никогда не доходит.

— Теперь все не так, — покачал головой Род. — Я галлюцинирую и нападаю на все, что движется — почти всегда.

— Так и есть, и поэтому ты ищешь одиночества в глуши, где бы ты никого не мог обидеть. Если ты не можешь управлять порывами души, то можешь хотя бы управлять своим телом, чтобы свести к минимуму шанс навредить кому-то.

Род поднял голову.

— Послушать тебя — так я выгляжу лучше, чем сам себе кажусь.

— Я тебе не льщу. — Призрак уселся на пол по-турецки, наклонился вперед, уперся локтями в колени, взглянул в глаза Рода своими горящими глазницами. — Ты — хороший человек, Род Гэллоуглас, и замечательный товарищ. Не забывай об этом. Помни об этом всегда.

— Буду помнить, — тихо ответил Род.

Призрак вздернул брови.

— Ну... Я постараюсь, Большой Том. Я буду стараться.

— Вот и старайся. — Призрак выпрямился. — И знай, что твое безумие — не твоих рук дело.

Род нахмурился.

— «Не моих рук дело»? Как, интересно, безумие может быть делом чьих-то рук?

— Очень просто. Можно подсыпать наркотик в бокал вина, — ответил Большой Том. — А в данном случае он был подложен в кашпан.

Род вытаращил глаза.

Когда к нему вернулся дар речи, он проговорил:

— Ты разговаривал с Вексом.

— В некотором роде. — Призрак откинулся назад и улыбнулся. — Все, что он говорил, хранится в твоей памяти, верно? А я — твоя галлюцинация, так ведь?

— Ну... наверное, если ты так говоришь, — растерянно отозвался Род. — Но я... я надеялся, что ты настоящий.

— Ты веришь, что я настоящий, но в загробном мире, — напомнил ему Том. — Если ты прав, то, вероятно, с тобой говорит мой дух. А может быть, бессознательная составляющая твоего разума говорит моими устами: ведь твои галлюцинации — продукт бессознательной деятельности мозга.

— Я слышал, что галлюцинации — это проекции бессознательной деятельности мозга, как и сны.

— Еще бы ты этого не слыхал! Как бы иначе я мог сказать тебе об этом!

— Итак, ты — голос моего подсознания. — Род резко выпрямился. — Ладно, скажи мне, до чего додумалось мое подсознание?

— До того, что компьютерный мозг робота прав — как он бывает прав всегда в проблемах, требующих логических, рассудочных решений. Твои враги-футурианцы приправили каштаны, которыми торговала старушка, каким-то веществом, вызывающим галлюцинации.

— И паранойю? — Род кивнул. — Да, я слышал о веществах, которые способны творить нечто подобное. Но как же мое семейство, Большой Том? Почему же *они* не начали галлюцинировать?

— Да потому, что зелье, о котором идет речь, на них не возымело ровным счетом никакого действия, а в твоем разуме произвело хаос.

Род покачал головой.

— Что же это, хотел бы я знать, за зелье? Ты, случаем, не знаешь, какое вещество отличается таким дискриминационным характером?

— Знаю. Это ведьмин мох — грибок, отзывающийся на телепатические проекции.

— Ведьмин мох? Но он же ядовитый!

— А разве твоих врагов это остановило бы?

— Ну... нет, — протянул Род. — И честно говоря, точно-то я не знаю, что он ядовитый. Я просто предполагал, что он *должен* быть ядовитым.

— Спроси у эльфов — может, они знают.

Род запрокинул голову. Мозг его лихорадочно работал, искал зацепки, связи.

— Но для них ведьмин мох не должен быть ядовитым. Они из него *сделаны!*

Большой Том молча кивнул.

— А отец Гвен, — медленно произнес Род, — Бром О'Берин, наполовину эльф. Значит, Гвен на четверть эльфийка, а каждый из моих детей — на одну восьмую...

— Не слишком много, — проговорил Большой Том. — Но может быть, и этого хватит.

— Вот-вот. Хватит для того, чтобы ведьмин мох реагировал на их подсознание и растворялся у них в ДНК! Конечно же, это вещество не могло повредить им. Уж если бы оно както и подействовало на них, так только придало бы еще больше псионной энергии! А я...

— У тебя это вещество могло расширить подсознание, — сказал Большой Том, — и напрочь вывести из-под контроля сознание. И — вот он я.

— Да, вот он ты, — пробормотал Род. Несколько минут он молчал, пытаясь переварить эту мысль. Наконец он спросил: — Но зачем кому-то понадобилось пичкать меня какой-то дрянью, из-за которой бы мне то и дело мерещились чудовища?

— А ты, — ответил вопросом на вопрос Большой Том, — полагаешь, что твой враг заинтересован в том, чтобы ты был жив и здоров?

— Понятно... Я сбрендил, брожу в вымышленном мире, а он тем временем вовсю шурует у меня дома — или по крайней мере сеет смуту. — Род вздрогнул, внезапно поняв, к чему клонит Большой Том. — Эй! Не хочешь же ты сказать, что агент, который задумал все это, до сих пор идет за мной по пятам?

— Почему бы и нет? Разве он не хочет иметь достоверные сведения о тебе?

— Не нравятся мне эти «достоверные сведения»... Уж больно смахивает на «убийство».

— Конечно. Кому такое понравится?

Род гадал, о его ли собственной паранойе говорит Большой Том.

Да какая разница?

Никакой — если Большой Том действительно был продуктом разбушевавшегося воображения Рода.

Если.

— Конечно, — задумчиво проговорил Род, — ты мог бы оказаться настоящим призраком.

— Настоящих призраков не существует, — с улыбкой ответил Большой Том.

— Да что ты говоришь? А как насчет Горацио Логира и отряда его придворных, которых я встретил в заброшенном крыле замка Логиров?

— Они были сотворены из ведьмина мха, — не раздумывая, ответил Большой Том.

— Не исключено, — кивнул Род. — Работа тонкая, но наверняка созданы они были бессознательно каким-нибудь древним бардом, который был знаком с оригиналами при жизни, а потом воспевал их после смерти. Думаю, когда Логир и его свита «вернулись», этот бард был потрясен не меньше остальных. Но...

— Что еще? — Большой Том наклонился вперед. В его взгляде появился профессиональный интерес.

— Один из моих сыновей, — негромко отозвался Род, — не так давно обнаружил талант психометриста. Он слышит мысли, оставленные людьми в предметах, некогда их окружавших, и если он проявляет неосторожность, он не только слышит мысли, но начинает видеть этих людей.

— Он пробуждает мертвых?

— Я всегда говорил, что в детстве он шумел так, что мог бы этого добиться. А теперь... Давай скажем так: одного невежду, не подозревающего о том, что он — психометрист, однажды занесло в населенное призраками крыло замка Логиров...

— Этого невежду звали Род Гэллоуглас?

— Если и так, то тогда он не подозревал о своем психометрическом даре. Кроме того, первый «случай» встречи с призраками скорее всего произошел за сто лет до того дня. Тот человек рассказал о случившемся с ним другим людям, история затем передавалась из уст в уста, и феномен получил дополнительное «подкрепление». Кто знает? Может быть, это

подкрепление происходило так часто, что образовалась устойчивая псионная волна, и через какое-то время призраки начали существовать сами по себе. А может быть, я ухитрился немножко поднять их дух, если можно так выразиться.

— Может, и так. А если ты им дух поднял, так почему не мне?

— Точно подмечено. А ответ есть?

— Угу. Мои кости не здесь, и при жизни я в этом замке не бывал. Я и не знал о нем.

— Это верно, — признал Род. — Но дело не только в этом. Похоже, ты завладел воображением народных масс, Большой Том. Я до сих пор слышу от нищих, которым довелось поучаствовать в том сражении, о великане Томе, который пал смертью храбрых в бою с лордами и умер, благословляя Верховного Чародея.

Большой Том злорадно усмехнулся.

— Я бы не стал называть это «благословением».

— Ты умирал, но со мной говорил о жизни.

— Я просто призывал тебя не умирать за мечту. — Взгляд призрака стал более строгим. — И как вижу, ты этого не сделал.

— Нет, — покачал головой Род. — Я все еще жив.

— А я мертв. Но я бы погиб вновь, если бы мог быть уверен, что моя смерть принесет больше счастья беднякам, за которых я сражался.

— Да, — сказал Род негромко. — Бедняки знали об этом. Вот почему они до сих пор рассказывают о тебе по всей стране.

— И что же, они обрели больше счастья? — дрогнувшим голосом спросил призрак.

— Теперь им живется лучше, чем раньше, — ответил Род. — Теперь меньше народа гибнет в междоусобных войнах, потому что Туан поддерживает в стране мир. У большинства простых людей хватает еды и одежды.

— Но не у всех?

Род развел руками.

— Я делаю, что могу, Большой Том. В конце концов, я не могу взять да и в одно мгновение ввести современные методы в сельском хозяйстве и медицине.

— Не можешь. Да и я бы не хотел от тебя такого. Если бы такие методы привносились с других планет, то все пошло бы прахом, если бы ваши власти воспротивились им. Вот тогда вправду бы наступил великий голод, начались бы эпидемии.

— Все правильно, — кивнул Род. — Мы должны помогать людям двигаться вперед самостоятельно, чтобы они зависели только сами от себя. Но все же кое-какой прогресс намечается.

— И ты не ищешь выгоды для своих детей, трудясь на общее благо?

— Ищу, конечно. Но благо моих детей связано с общим благом, Большой Том. Современная техника не появится при жизни одного поколения. Кто станет их учителями после того, как не станет меня?

— Недостатка в добровольцах нет.

— Конечно. В футурианцах-анархистах.

Большой Том отвернулся и сплюнул.

— Эти откажутся от всякой техники. Они предпочтут, чтобы мой народ опять ковырялся в земле палками!

Род согласно кивнул.

— Теперешний уровень жизни таким путем не удержать. А ты до сих пор веришь, что футурианцам-тоталитаристам это удалось бы лучше?

— Может быть, — скривившись, ответил Том. — Но и они о людях думают мало. Они преданы идее, а не народу. Что до меня, то я бы взял наличными и отказался бы от кредита.

— Приятно знать, что я служу разменной монетой, — проворчал Род.

— А ты разве не мечтал быть посредником?

— Средством обмена? Нет, благодарю. Я даже не хочу быть каналом связи для призраков, хотя твое общество, к примеру, мне очень приятно. Ну а ты? Ты хотел бы воспользоваться мной для того, чтобы ты мог наладить связь с крестьянами, твоими последователями?

— Это было бы неплохо, — признался Большой Том.

— Ну так радуйся, потому что это и так происходит, без какой бы то ни было помощи с моей стороны. Ты подарил беднякам веру в то, что они чего-то стоят сами по себе, по праву рождения, а не потому, что их во сколько-то оценивают их господа. Эта вера обретает все новых и новых сторонников.

— Приятно слышать, что я не сидел без дела.

— Что значит «приятно слышать»? — непонимающе нахмурился Род. — Ты бродил по стране с тех самых пор, как отправился на тот свет! Ты гостил у каждого крестьянского очага, ты вставал ангелом мщения у изголовья каждого лорда.

— Как же так? — смущенно улыбнувшись, спросил Том. — Ведь я — твоя галлюцинация.

— Интересно... — пробормотал Род, глядя на своего старого приятеля, друга-врага. — Очень интересно. Вот я гадаю...

— Не гадай. Это предрассудок.

— Но ведь нет ничего дурного в том, что люди желают умершим покоиться в мире? Почему ты не упокоился, Большой Том?

— Но ты же сам понимаешь, что все дело в народе! Я не обрету покоя до тех пор, пока все люди не станут свободны от нужды и страхов, пока они не станут хозяевами своей судьбы.

— Если так, то тебе бы лучше начать трудиться над планами психического здоровья, а не только политическими и экономическими. Ты ведь и сам не окончательно свободен, верно?

— Народ — вот мой властелин и тиран, — согласился Большой Том. — И если ты хочешь, чтобы я покоился в мире, сделай все, чтобы людям лучше жилось.

— Сделаю, — пообещал Род. — Обязательно.

— Сначала ты должен вернуть себе разум. Ты ведь понимаешь, что все, кто оказывал тебе гостеприимство, на самом деле лгали тебе?

Род вытаращил глаза.

— А я-то думал, — обретя дар речи, проговорил он, — что это всего-навсего моя собственная паранойя.

— Когда ты думал, что они хотят тебя убить, ты ошибался. Но вспомни: все предлагали тебе еду или питье.

Род медленно поднял голову.

— А еда и питье были отравлены!

— Верно, но не маковым соком. Те, у кого ты гостил, подмешивали в еду и воду ведьмин мох.

— И Модвис? Даже он?

— Думаю, нет. Ведь он никогда не возражал, чтобы пищу на походном костре готовил ты сам.

— Да, но он высказывал кое-какие замечания по поводу моей стряпни...

— Все тайное станет явным. Вот почему тебе никак не удавалось отделаться от галлюцинаций — потому что во время странствий ты не раз еще отведал ведьмина мха.

— Точно! Нужно садиться на диету! Ни крошки еды и ни глотка воды, если только я не сам их раздобуду!

— Дичь, которую ты добывал сам, не была отравлена, это верно. Только не ешь животных, которые водятся в этой темнице.

— Не волнуйся. Низкокачественные продукты меня никогда не привлекали. Но кто стоит за всеми этими напастями и почему?

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что своим догадкам я сейчас доверять не могу. Я страдаю паранойей, помнишь?

— А я разве нет? Не забывай: я — голос твоего подсознания.

— Скорее все-таки ты — голос моего сознания. Конечно, ты мог бы оказаться и настоящим призраком, и тогда ты бы выразил непредвзятую точку зрения.

— Насчет непредвзятой — это вряд ли. И все же я говорю тебе о том, что твои и мои старые враги отравили твою пищу и твой разум и подбавляют отравы, как только им выпадает такая возможность, чтобы ты оставался безумным и не способным к борьбе.

— Анархисты? Значит, в Раннимеде смута?!

Большой Том кивнул и сверкнул глазницами.

— А как насчет твоих старых дружков? Только не говори мне, что тоталитаристы упустят такой превосходный шанс!

— Лично я вмешиваться не стал бы. Это ни к чему, как ты только что сам сказал.

Род вскочил на ноги.

— Я должен вернуться в Раннимед! Туан и Катарина там, наверное, с ума сходят!

Он умолк, сраженный собственными словами.

— И точно, сходят, — негромко проговорил Большой Том. — А ты-то сам?

— Когда в стране смута, чуть больше или чуть меньше паранойи — какая разница?

— А твоя жена и детишки?

— Конечно же, я буду держаться от них подальше.

— Ты не сможешь. Они тоже будут помогать королю и королеве.

Род окаменел.

— А как быть с твоими галлюцинациями? — требовательно вопросил Большой Том. — Вдруг перед тобой будет собственный сын, а тебе покажется, что это вражеский рыцарь?

— Тогда я не смогу не сразиться с ним. — Род медленно повернулся к призраку, подозрительно прищурился. — Ты что же, явился сюда только для того, чтобы насмехаться надо мной?

— Ты отлично знаешь, что это не так. И я заклинаю тебя: исцелись, а потом уж возвращайся.

— Послушай, я не знаю, сколько времени пройдет, пока эти химикаты выведутся из моего организма, но к тому времени, как я от них очищусь, война может закончиться!

— Может, — рассудительно подтвердил Большой Том. — А может быть, ты научишься управлять ведьминым мхом.

Род замер и пытливо уставился на Тома.

— Ведь это, если на то пошло, всего-навсего ведьмин мох, — пояснил тот. — А тебе прежде доводилось лепить из него разные предметы и существ. Разве ты не можешь взять его под свой контроль и теперь, когда это вещество находится внутри тебя?

— Пожалуй, я смог бы этому научиться, — медленно произнес Род. — Но как я узнаю, научился или нет? Ведь и *это* может оказаться галлюцинацией!

Большой Том покачал головой.

— Ты говоришь так, будто ты вправду лишился разума. Говорю тебе: это не так. Просто-напросто в твоем организме присутствует чужеродное вещество.

— Вещество, которое изменило мою способность видеть мир таким, каков он на самом деле. Нет, Большой Том. Именно так и описываются в медицинской литературе безумцы. Только из-за того, что безумие вызвано искусственно, оно не перестает быть безумием.

Призрак пожал плечами.

— Может быть, и так. Но если тебе досаждают галлюцинации, вероятно, ты мог бы попробовать побороть их с помощью иллюзий.

Род нахмурился.

— Как же, интересно, я это сделаю?

— Не знаю. — Большой Том вздохнул и поднялся на ноги. — Ты должен найти того, кто знает, как бороться с разгулявшимся воображением.

— То есть? Поэта?

— Поэта, священника — или и того, и другого. Эксперта, сведущего и в искусстве, и в душевных болезнях.

— Восхитительно, — проговорил Род, горько усмехнувшись. — И где же мне отыскать такого универсала?

— Не знаю. Однако ты можешь хотя бы бороться с теми иллюзиями, про которые точно знаешь, что они обманные.

— Погоди минутку! — возразил Род. — Ты говоришь, что на самом деле я не безумен. Просто мне нужно привыкнуть к новому образу мыслей?

— В каком-то смысле. Тебе нужно приучиться думать жизненными образами, чтобы противостоять ложным иллюзиям с помощью контриллюзий. Твоя жена и твои дети родились с таким образом мыслей, и у них нет никаких сложностей в пользовании им. Но для тебя он чужероден.

— Значит, я не настолько отравлен, насколько просто мой разум загрязнен, — медленно проговорил Род. — И мне нужно научиться разговаривать с этим загрязнением на его языке. — Род зажмурился и покачал головой. — Как-то это все бессмысленно...

— Так борись, покуда бессмысленность не исчезнет, — сказал Большой Том. — Твое подсознание проникло в понятийную систему сознания, а сознание не в состоянии справиться с дикой, необузданной природой подсознания. Сначала постарайся взять в руки те иллюзии, насчет которых ты уверен, что они — именно иллюзии, а не что-то иное, или что это — вправду злые твари.

— Ты имеешь в виду Брюма. — Род кивнул. — Да, думаю, против него можно сражаться с чистой совестью. Либо он — полная и бесповоротная галлюцинация, либо эспер, готовый принести себе в жертву целую провинцию.

— Поэтому, — сказал Большой Том, — давай-ка зададим ему жару.

Откуда-то донесся вой, похожий на крик баньши. Из какого-то измерения вдруг явились мириады бесенят и пошли в атаку на друзей.

Большой Том с отвращением обвел бесенят взглядом.

— Колдун Брюм подслушал мои мысли и созвал своих приспешников. — Он развернулся, подбоченился и проревел: — Назад!

Бесенята, окружившие Большого Тома сферой, в страхе замерли. Но в следующий миг их физиономии исказились злобными гримасами, рты раскрылись, и они противно завопили.

— А я вам говорю — ни с места! — пророкотал Большой Том, и наступление бесенят снова приостановилось. Вопли стали не такими пронзительными. — Они не осмелятся напасть, покуда я здесь, — скривив губы, сообщил Том Роду. — Ты отпирай дверь, а я их задержу.

— Мне нравится такое разделение труда, — кивнул Род и направился к двери. Он погрузился в транс, направил свое сознание лучом на замок, прикоснулся к нему, повертел, потянул.

Засов пополз в сторону.

Род распахнул дверь.

— Пойдешь со мной?

— С превеликой радостью. — Большой Том с усмешкой переступил порог. Позади зазвучало расстроенное бормотание бесенят, а призрак-великан крикнул, не удосужившись обернуться: — Идите за мной, если храбрости хватит! — А Роду он сказал: — Не сомневаюсь: Брюм их здесь держит, чтобы они мучили его врагов. Пусть теперь порезвятся на воле!

16

В подземном коридоре за дверью темницы горел одинокий факел и освещал винтовую лестницу, уводящую во мрак. Род и призрак Большого Тома начали подниматься по ней — и бормотание позади них стало громче. К тому времени, когда они поднялись на последнюю ступень, бормотание превратилось в

визг, на фоне которого время от времени слышалось маниакальное хихиканье.

Из колодца винтовой лестницы друзья вышли в большой зал, и уж тут бесенята разгулялись не на шутку. Воздух наполнился шелестом кожистых крыльев и воем.

Колдун был готов к их появлению. Какой бы псионной сигнализацией он ни владел, она работала превосходно. Первый огненный шар полетел в сторону Рода и Тома, когда они были всего в нескольких шагах от лестницы. Род отпрыгнул в сторону, но огненный шар метнулся за ним, а от стен оторвались мечи и помчались к нему.

Все это Род видел как бы сквозь патоку, поскольку впал в состояние транса, ментальной энтропии — и огненный шар померк и угас, не долетев до него. Сам же Род к этому времени уже орудовал собственным мечом. Через несколько минут ему пришла в голову мысль сорвать со стены щит. Щит, повинуясь мысленному приказу Рода, загородил его от двух порхающих в воздухе мечей, а Род просунул руку под старые, задубевшие кожаные ремни.

Но вот пол вдруг ушел у него из-под ног, и ему пришлось драться на лету. Стоило Роду отвлечься на пару мгновений — и один вражеский меч ухитрился миновать линию обороны. Род в отчаянии парировал удар, но опоздал, не успел отбиться: меч все же уколол его в грудь.

В это же мгновение бесенята набросились на Брюма. Мечи попадали на пол, поскольку колдуну пришлось переключить внимание на напавшую на него орду. Крылья у бесенят загорелись, они развопились от боли.

Род собрался с духом и направился к трону.

Брюм зыркнул на него, и у него с пояса сорвался нож и полетел навстречу Роду.

Род закрылся щитом и отбросил нож в сторону, но у него перед глазами тут же мелькнуло лезвие второго ножа. Род развернулся боком, присел на корточки. Нож пролетел мимо, но все же задел лоб Рода краем лезвия. Из раны хлынула

кровь. Род взревел от злости, вскочил на ноги и бросился к Брюму. Сверху дождем падали обгоревшие бесенята.

Брюм опять устремил взгляд на Рода, и Род поспешно отвел глаза. Ему вовсе не хотелось снова получить приступ телепатически спроецированной мигрени! Пламя окружило Рода со всех сторон, жуткая боль пронзила все его тело. Он побежал к колдуну, попытался прорваться сквозь стену огня, но стена двигалась вместе с ним. Роду не хватало воздуха, потому что пламя поглощало кислород...

Сквозь завесу огня Род увидел, как над колдуном навис призрак Большого Тома, как его кулак метнулся к лысой макушке Брюма. Но колдун взмахнул руками — и призрак исчез, его унесло куда-то, будто мыльный пузырь порывом ветра.

Род в ярости вскричал. Гнев его был настолько силен, что пелена огня разорвалась в клочья. Род вспрыгнул на возвышение, замахнулся мечом...

Брюм обернулся, поднял руку, как бы бросил что-то, и в живот Рода угодил невидимый шар и сбил его с ног. На миг перед глазами у Рода потемнело, а в ушах у него зазвучал мерзкий хохот колдуна.

И вдруг этот хохот сменился криком боли и страха. Род отдышался, перед глазами у него прояснилось, и он увидел живой факел, мечущийся из стороны в сторону над головой колдуна. Брюм отогнал его, но факел появился снова. В это же время поджарый волчонок-подросток укусил Брюма в живот и нацелился зубами в его шею. В воздухе возник широкий меч-палаш. Он вертелся, рубил, со свистом рассекал пространство, и этот свист звучал кровожадной песней. Зал от пола до потолка заполнился чистым и ясным звоном. Колдун где-то раздобыл щит, но ему стоило больших трудов защищаться от ударов меча — тем более что прямо перед ним заплясал огненный шар. Шар метался из стороны в сторону, искал возможности преодолеть магическую преграду, которой Брюм успел себя окружить. Силовое поле радужно мерцало, окружая колдуна.

А позади меча, огненного шара и волчонка стояла их движущая сила — прекрасная дама необыкновенно высокого роста, немыслимо стройная. Серебряный водопад ее волос обхватывала обручем корона. Глаза у женщины были суровые, безжалостные.

Брюм отступил перед ее атакой. Больше ему ничего не оставалось. Он едва мог держать оборону — не то что контратаковать.

Род пошел вперед молча, прищурившись.

Колдун глянул в его сторону и закричал от злости и отчаяния. Но вдруг его окружил огонь — пелена зеленого пламени. Брюм не стал виден за ним, а потом пламя превратилось в туман, и этот туман вскоре растаял.

А вместе с ним и колдун.

Род вытаращил глаза от изумления.

А вот на такой фокус еще ни один эспер не был способен!

Но может быть, никакого особого фокуса не было? Брюм мог телепортироваться под прикрытием зеленого пламени. Вот почему оно меркло и растворялось, а не просто разом угасло.

Или Род не видел того, что случилось на самом деле? Вот в этом и была вся загвоздка. В словах «на самом деле».

— Я в Грамерае или в Гранкларте?

— Что такое «Гранкларт»?

Вопрос задала красавица-великанша. Голос у нее был богатый, мелодичный, взгляд стал более человечным, но все же в нем присутствовала осторожность и отстраненность.

— Это... Это фантазия, — медленно выговорил Род, обернувшись к ней. — Продукт воображения, иначе говоря. Благодарю вас, леди, за то, что вы вовремя пришли мне на помощь. Сомневаюсь, чтобы я пережил это сражение, если бы не ваша поддержка.

— Я с радостью помогла вам, лорд Чародей, однако надо поблагодарить и моих помощников.

Ее рука легла на голову волчонка, на ладонь другой руки приземлился огненный шар. Рядом с ней запылал летучий факел, а перед ней запорхал поющий меч.

— Поблагодарить волшебные предметы, твои создания? — Род недоуменно сдвинул брови. — Что ж, да будет так. Сэр Волк, я благодарю тебя. — Род склонил голову и поклонился. — А также благодарю вас, Шаровая Молния, Факел и Меч. Без вашей помощи я бы превратился в головешку.

Шаровая молния издала одобрительный треск, факел вспыхнул ярче. Чистая нота, издаваемая мечом, зазвучала на тон выше и еще долго звенела эхом после того, как меч умолк.

— Но хотя я вправду высоко ценю вашу помощь, — сказал Род, — я не могу не дивиться ей. Кто я для вас, миледи, что вы пришли мне не выручку?

Волчонок раскрыл пасть так, словно ему хотелось рассмеяться, а дама ответила холодным, ясным голосом:

— Этот злой колдун нарушил равновесие Воды, Земли, Огня и Воздуха в моих владениях. Поэтому я давно желала выступить против него. Однако всех моих сил было недостаточно для того, чтобы пробить его оборону. А потом ты явился в этот замок — так, словно бы ничто не помешало тебе. Затем ты вышел из темницы и настолько завладел сознанием колдуна, что я смогла миновать его стражей, а вместе со мной — мои помощники. Вот так мы оказались здесь и были рады помочь тебе.

Но он бежал, — продолжала она сурово. — И потому мы должны быть настороже. Он появится вновь, в этом у меня нет сомнений.

— Появится, — согласился Род, — или я очень сильно ошибаюсь на его счет.

Фея нетерпеливо запрокинула голову.

— Ошибиться трудно.

— Это точно, — согласился Род. — И все же я не думаю, что нам стоит оставаться здесь и ждать его возвращения. Нам стоит уйти отсюда, миледи, пока он не вернулся с подкреплением.

Волчонок наморщил нос и зорко вгляделся в темноту.

— Славно сказано, — горделиво кивнув, проговорила фея. — Тем более что здесь теперь, когда колдун бежал, могут вырваться на волю всевозможные злобные духи, дотоле бывшие у него в услужении. О да, нам пора покинуть эту обитель зла.

Род развернулся к выходу из зала.

— Раз уж вы уходите, не могли бы вы оказать мне одну услугу? Не могли бы вы побывать в Раннимеде и поглядеть, как дела у их величеств? Боюсь, им непросто справиться с мятежом без помощи потусторонних сил.

Волчонок замер, вытаращил глаза, а меч удивленно зазвенел. Фея спросила:

— Откуда тебе известно о мятеже?

Род пожал плечами.

— Так, догадка. — Он не стал уточнять, чья. Пропустив фею с ее арсеналом под решеткой, Род вместе с ней пролетел над подъемным мостиком. — Может быть, король и королева и сами неплохо справляются, но у них есть враги, которые готовят им очень и очень неприятные сюрпризы.

— Если так, мы отправимся туда, — нахмурившись, проговорила фея. — Однако я должна проявить заботу о тебе, о мой союзник. Что будет с тобой, если колдун вернется?

— О, у меня есть еще один союзник. Он простит мне мою последнюю дурацкую вспышку и вернется ко мне. Не бойтесь, миледи. Его терпение и способность прощать безграничны.

— Ты, похоже, безмерно веришь в свое божество.

— Только в общем смысле. Я не жду помощи в насущных делах. Но я имел в виду другого союзника.

— Ну что ж — будь по-твоему. — Однако дама растерялась. — И все же если я понадоблюсь тебе, только громко крикни мое имя, и мы придем тебе на помощь.

— А как ваше имя? — учтиво поинтересовался Род.

— Мирабелла.

— Благодарю вас, леди Мирабелла, — с поклоном проговорил Род. — Не сомневайтесь, я позову вас.

— Тогда ради тебя я спасу твоих повелителей, — сказала Мирабелла и взлетела ввысь. — Прощай!

Род помахал ей рукой, а фея устремилась к югу в сопровождении шаровой молнии, факела и меча. Волчонок взглянул на Рода так, словно усомнился в его вменяемости (животные порой очень чувствительны к подобным вещам), потом фыркнул и помчался на юг следом за своей госпожой.

Род постоял и посмотрел им вслед, улыбаясь.

А потом он обернулся и попрощался с единственным духом, которого уж точно вызвал не колдун.

Мирабелла и ее эскорт сбавили высоту на подлете к сосновому бору. Фея оглянулась через плечо, убедилась в том, что замок Брюма уже не виден, и сказала:

— Ну хватит, дети. Мы можем спуститься на землю и избавиться от этих обличий.

Она не стала бросать слов на ветер и стремительно спикировала вниз. Как только ее ступни коснулись снега, ее силуэт заколебался, замерцал... и фея превратилась в самую обычную маму. Она с облегчением спрыгнула с помела, а приземлившийся рядом с нею факел превратился в Корделию. Шаровая молния, преобразившись, стала малышом Грегори, а поющий меч в последний раз издал мелодичный звон, потом фыркнул и превратился в Джеффри.

— Если тебе снова придется стать поющим мечом, — съязвила Корделия, — то научись хотя бы ноту держать.

Джеффри прищурился.

— А тебе, может, вправду охота сгореть?

— Где ваш брат? — вдруг резко спросила Гвен.

Дети в испуге оглянулись.

— Мы не знаем, мамочка, — ответила Корделия, немного подумав. — Откуда нам знать?

— Наверное, мчится со всех ног, — ухмыльнулся Джеффри. — В обличье волка не полетаешь. Но он не обязан был оставаться в этом обличье.

— Если бы он полетел, — заметил Грегори, — папа бы сразу его уэнал.

Но прежде чем Джеффри сумел возразить младшему брату, из-за деревьев выскочил поджарый голодный волчонок, подбежал к Гвен, встал на задние лапы и жалобно заскулил, прося подачки.

— Ой, хватит шутить! — сердито прикрикнула на него Корделия.

— И верно, хватит баловаться, сынок, — урезонила волчонка Гвен.

Волчонок вздохнул. Его силуэт расплылся, вытянулся, потом сжался — и вот перед матерью уже стоял Магнус.

— А я думал, мне идет это обличье.

— Еще как идет! Ты самый и есть, — фыркнула Корделия. — И я про это всем-всем девочкам расскажу.

Магнус встревожился и собрался было возразить, но мать покачала указательным пальцем.

— Тс-с-с! Нам нужно решить, как быть с вашим отцом.

— Это все из-за него, — капризно надула губки Корделия. — Почему он не попросил фею остаться с ним? Зачем ему понадобилось отсылать ее? — По лицу девочки пробежала тень. — Мама, я вот что думаю...

— Не надо, — оборвала ее мать. — У него порой бывает желание побыть в одиночестве, но долго он не выдерживает.

— Может быть, он ищет святости? — спросил Грегори.

— Нет, — покачал головой Магнус. — В сердце своем он почитает себя никчемным, ничего не стоящим человеком. И чем старше становимся мы, тем хуже его представление о себе самом.

— Магнус! — возмущенно вскричала Гвен, а Корделия прищурилась и спросила:

— Откуда тебе такое известно о нем?

— Я — его сын, — просто ответил Магнус.

Его сестра нахмурилась, а мать явно встревожилась.

Но вот она покачала головой и сказала:

— Хватит, дети. Его душа принадлежит только ему, ему о ней и заботиться. Но как мы позаботимся о его теле?

— Я промедлил, — стыдливо произнес Джеффри. — Надо было мне этого поганца прикончить. — Он обернулся к Магнусу. — На самом-то деле он, конечно же, не рыцарь, как думаешь?

— Нет, — заверил его старший брат. — Можно не сомневаться: королевский геральдист никогда не услышит о его гербе. Что же до его доспехов — так знаешь, любой сквайр может нацепить нагрудник и обзавестись щитом.

— А папа про него как думал? — спросил Грегори.

— Он все про колдуна твердил, — напомнил ему Джеффри.

— Что ж тут удивительного? — пожала плечами Корделия. — Это и был чародей.

— Изменник! — мрачно буркнул Магнус. — Жалко, что мне не удалось поймать ни единой его мысли — тогда бы мы узнали, куда он телепортировался.

— Он надежно закрыл свое сознание, — кивнул Джеффри. — Высокого класса колдун, не какая-нибудь деревенская ведьма.

— Но хотя бы его приспешники не станут преследовать папу — они слишком сильно напуганы. — Корделия вздохнула и покачала головой. — Папа слишком добрый, мамочка. Жаль, что он их всех не перебил.

— Не жалей об этом, — успокоила ее Гвен. — Их повелитель может быть посланцем папиных врагов из завтрашних дней, но я почти не сомневаюсь, что эти приспешники — всего-навсего бедные неграмотные крестьяне, которых злодей прельстил посулами богатства. Однако пребывание в королевской тюрьме может обогатить их души...

Магнус взволнованно посмотрел в сторону замка.

— Наверное, воины уже вошли за частокол.

— Можешь не сомневаться, вошли, — заверила его Гвен. — Несмотря на все свои беды, король исполнил данное слово. Его

воины явились, как только мы призвали их, и взяли в плен немало преступников, пойдя по следам вашего отца.

— И нам надо было пойти по его следам! — взволнованно воскликнул Магнус. — Этот мнимый рыцарь, Брюм, может напасть на него в любое мгновение.

— Для этого ему нужно собрать войско. Он слишком сильно боится папу, — проговорил Джеффри, однако вид у него был не слишком уверенный.

— Ну, и что же делать? — в отчаянии вопросил Магнус. — Разум у папы в расстройстве, и отпускать его одного опасно. Но если мы бросим все и отправимся за ним, его враги свергнут короля и королеву.

— А вместе с ними погибнет дело, которому ваш отец посвятил всю свою жизнь, — добавила Гвен. — Нет, этого мы не можем допустить.

— Страшно себе представить, как пострадают ни в чем не повинные люди, — покачала головой Корделия.

— Да, не так-то просто нам решиться, — кивнул Грегори. — Но может быть, нас хватит и на то, и на другое?

— Верно, — сказала Гвен. — Делать нечего. Магнус, прими опять обличье волка и возвращайся к отцу. Оберегай его от кого угодно, кто бы ни пожелал обмануть его в его безумии.

— А также оберегать всех тех, кого он пожелает обидеть? — поинтересовался юноша.

— Как это так? — возмутился Джеффри. — Почему это Магнусу такая честь, а не мне?

— Потому что он старший, — объявила Гвен голосом, в котором был слышен звон стали, но следующую фразу произнесла гораздо мягче: — Потерпи, сынок. Вот вырастешь, возмужаешь — и на твою долю тоже достанутся приключения и испытания. А сейчас ты еще маловат. Ну, ступай! — Она обернулась к Магнусу и поцеловала его в лоб. — Ступай с Богом, сынок. Будет хоть малейшая опасность — зови. Уж хотя бы твой братец Джеффри сразу примчится к тебе.

— Буду не против, если он прикроет меня своей могучей правой рукой, — усмехнулся Магнус. — Бог в помощь, мама, и вам, братцы и сестрица.

Корделия быстро чмокнула Магнуса в щеку, Джеффри скорчил рожу, а Грегори только слегка нахмурился. Похоже, он над чем-то сосредоточенно размышлял. А потом Магнус развернулся и вприпрыжку побежал к лесу, а Гвен обернулась, обвела взглядом остальных детей и сказала:

— Полетели!

С этими словами она оседлала свое помело, взлетела ввысь и направилась к югу. Позади Гвен на своей метле летела Корделия, а по обе стороны — мальчишки.

— Векс?

— Я здесь, Род.

Огромный черный конь вышел на дорогу из кустов.

— Я знал, что тебе можно верить, — очень смущенно проговорил Род. — Прости за последний выбрык.

— Можешь не извиняться.

— Нет, я должен. По крайней мере для себя. Готов ли ты идти со мной?

— Конечно, Род.

Конь-робот встал рядом с хозяином.

Род сел на него верхом.

— А молодцы Гвен и ребята. Неплохо потрудились над своей внешностью.

Робот на мгновение замер. Для него это было равносильно тяжелейшему шоку.

— Ты сумел узнать их в этих обличьях, Род?

— Не сразу, поэтому они справились со своей задачей. Они дали мне принять их помощь, а уж потом я догадался, кто они такие. После битвы это уже было совсем не сложно. — Род улыбнулся. — Знаешь, у меня очень теплое чувство оттого, что они так стараются приглядывать за мной — особенно

при том, что я только что их так обидел. Но с другой стороны, получается, что они во мне совсем не уверены.

— В каком-то смысле это так, Род. Они понимали, что ты был болен, когда так грубо с ними разговаривал.

— Я их не заслуживаю. И тебя, если на то пошло.

— И меня тоже?

Род вздрогнул, посмотрел вниз и увидел, что рядом с ним едет на своем ослике карлик.

— Эгей, Модвис! Вот славно, что ты меня опять разыскал! Как это тебе удалось?

— А я пошел на звук. Одна магия с другой схлестнулись — шуму было... Вы бы не гнали так коня, лорд Гэллоуглосс, что ли. Тяжеловато мне за вами поспевать.

— Ладно, договорились. Ну, охота ли тебе отправиться со мной на этот раз?

— Уж очень я недоволен тем, что с Брюмом сразиться не удалось, — ответил карлик. — Ну а вы куда теперь?

— На север, — ответил Род. — Пока Брюм меня опять не найдет. Ну а ты готов к сражению?

Модвис запрокинул голову. Его губы тронула улыбка.

— Готов, а как же. Вперед!

17

Ближе к полудню Род вдруг осознал неприятный факт: они тронулись в путь без запасов провизии и воды.

— А знаешь, Модвис, что-то я проголодался.

Карлик достал из сумки, притороченной к поясу, рогатку и распутал шнурки.

— Может, добыть пару куропаток?

У Рода потекли слюнки.

— Было бы неплохо. Ты умеешь их готовить?

— Умею. Только придется подождать. Сначала нужно их выследить и подстрелить.

— Ладно, потерплю. А я не могу тебе помочь?

Карлик усмехнулся.

— Один я быстрее поохочусь. Но спасибо.

— Ну, как скажешь. — Род остановил Векса на берегу речки. — А я пока костер разведу.

— Вот и славно. — Модвис спешился и привязал ослика к невысокому деревцу. — К полудню будет у нас обед. Пожелай мне ни пуха ни пера!

— Ни пуха ни пера! — крикнул Род и помахал карлику рукой. Тот исчез за деревьями, а Род направился к речке.

— Будь осторожен, Род.

— Буду, Векс. Но пить ужасно хочется.

Род поднял с земли упавший сук и сильно стукнул его острым концом по льду. Лед треснул, вода разлилась по его поверхности. Род опустился на колени, чтобы напиться.

И замер за месте. Потому что увидел бритую макушку с пучком волос, завязанных узлом, посередине. Голова плавала под водой, прямо у поверхности. Род попятился назад, но голова вынырнула наверх из-подо льда, а следом за ней появились бычья шея и массивный торс. Перед Родом предстала физиономия со свирепыми узкими раскосыми глазами, высокими скулами и длинными тонкими висячими усами. По жилам у Рода разлился адреналин.

«Что тут может делать монгол?» — мелькнула лихорадочная мысль.

Но тут он заметил, что вынырнувший из реки человек прозрачен.

— Я явился вновь, — прозвучал голос призрака — тихий, шелестящий, но в нем слышалось эхо раскатистого баса.

— Что до меня, то я тебя впервые в жизни вижу! Кто ты, проклятие, такой?

— О, не притворяйся, будто не узнал меня! Ты прекрасно знаешь, что я — великий воин Пантагр, которого ты преда-

тельски убил в бою! И теперь я вернулся, чтобы отомстить тебе!

Призрак вдруг взмахнул рукой, и Род понял, что если бы он действительно был в чем-то виноват, то этого грубого левого хука вполне хватило бы, чтобы он оказался под водой. Но поскольку он был невиновен, ручища призрака прошла сквозь него.

Призрак недоуменно воззрился на собственную руку.

— Как же моя рука могла подвести меня?

— Да очень просто. Я не виноват перед тобой ни в чем, — объяснил ему Род. — Я не знаю, кто убил тебя, но это был не я.

— Ты лжешь! Это был ты или некто, как две капли воды на тебя похожий!

— Вот это не исключено. Тут по округе слоняется великое множество моих двойников. Так что это был не я.

Призрак прищурился.

— Хватит ли у тебя храбрости доказать это?

— Вообще-то... Обычно хватает.

Призрак ухватился за свисающую к воде ветку дуба и сорвал с нее проросток омелы. Оторвав от него одну из белых ягодок, он протянул проросток Роду.

— Мои руки тебя схватить не могут, так может, твоих рук хватит. Возьми-ка эту ягоду и съешь, и я тоже съем. Вот и проверим, кто тут врет. Правда всплывет наружу.

— Всплывет? — переспросил Род. — Ну, что это значит для тебя, я понимаю. А мне-то зачем, чтобы она всплывала?

— Ты умрешь и станешь призраком, как я, — и тогда мы сразимся на равных.

У Рода волосы встали дыбом. Ягоды и вправду были похожи на омелу, но были ядовитыми!

— Боишься, да? — издевательски осведомился призрак. — Значит, виноват все-таки?

— Вовсе нет, — резко бросил Род, открыл рот, поднял ягодку...

С диким воем из-за кустов выскочил волчонок и бросился к нему.

Род вскрикнул и, упав, откатился в сторону. Ягода угодила в пасть волчонка, и тот пролетел мимо Рода. Приземлившись, зверь с хищным рыком развернулся к призраку.

Призрак испуганно взвыл и ушел под воду.

Род вытаращил глаза. Что же это был за призрак, если он волка испугался? И какой бы волк осмелился броситься на призрака?

Молодой. Волк-подросток. Зверь повернул голову к Роду, высунул язык. Род был готов поклясться, что волчонок улыбается. Его губы тоже тронула улыбка.

— Ага. Мирабелла оставила мне телохранителя, да?

Волчонок кивнул, подошел к Роду, сел и подал ему лапу.

Род пожал лапу и торжественно поклонился.

— Рад возможности продолжить наше знакомство, сэр Волк. — Но вдруг во взгляде Рода мелькнула тень тревоги. — Минутку, минутку! Если эта ягода была ядовитой, то тебе нужно поскорее прочистить желудок!

Все защитные инстинкты заговорили разом. Да, Род был готов продолжать играть в эту игру, но он прекрасно знал, кто такой этот волчонок!

Но Белый Клык, улыбаясь, покачал головой и Род понял: «Ну конечно. Если Большой Том был прав, то эта ягода была сотворена из ведьмина мха. А если волчонок — тот, кем его считаю, то ягода не могла ему повредить. Даже наоборот».

Либо так, либо волчонок хотел дать понять Роду, что он выплюнул ягоду. На миг у Рода возникло искушение спросить у волчонка, так ли это, но, подумав, он решил, что не хочет слышать, как разговаривает этот зверь. Зачем разрушать иллюзию?

— Ладно, Клык. И спасибо тебе за доверие. Я-то знал, что ни в чем не виноват, но так приятно, когда это подтверждает кто-то еще.

Модвис вышел на поляну, бросил убитых куропаток на снег и в испуге выпучил глаза.

Род оглянулся, улыбнулся и положил руку на голову волка.

— Привет, Модвис. Познакомься с моим другом.

Он очень надеялся, что все так и есть.

Весь следующий день они шли вместе, и Род с Модвисом решили, что волчонок — очень даже неплохой спутник. Но когда солнце стало клониться к закату и тени от деревьев вползли на середину стволов их соседей, Род не выдержал и сказал:

— Похоже, сегодня нам до постоялого двора не дойти.

— Все к тому, — согласно кивнул Модвис.

Род вздохнул.

— Пора устраиваться на ночевку. — Он посмотрел на волка. — Не хочешь пробежаться вперед и найти для нас полянку?

Волк ухмыльнулся и убежал вперед, виляя между деревьев.

— Вы уверены, что нам безопасно идти с ним? — спросил Модвис.

— Вот именно этому волчонку я бы доверил собственную жизнь, — ответил Род.

Векс, естественно, промолчал.

Волчонок вскоре вернулся, весело скалясь, уселся на задние лапы и мотнул головой — словно бы указал дорогу.

— Прямо вперед, да? — понимающе кивнул Род. — Что ж, поглядим.

Полянка оказалась маленькой — всего-то двадцать футов в ширину. Наверное, летом кроны деревьев над нею смыкались и образовывали купол, а теперь сквозь голые ветки просвечивало сумеречное небо. Модвис привязал ослика, повесил тому на шею мешочек с овсом. Род, наблюдая за ним, еле слышно проговорил:

— Ну а мы насколько убедительно себя поведем?

— Насколько помнит Модвис, однажды ты уже оставлял меня пастись, Род, — там же, где оставлял своего коня Бобрас, около замка Горделин.

Род кивнул.

— Хорошо, что ты это запомнил.

Он опустил поводья и пошел собирать хворост.

— Тут сосны кругом, — вытащив из-за пояса длинный нож, сказал Модвис. — Нарежу лапника, приготовлю для нас лежанки.

— Отлично! — крикнул в ответ Род. — А я костер разведу. А потом — моя очередь охотиться. — Он глянул на волчонка. — Я добуду еды на ужин для Модвиса и для меня, а тебе лучше поохотиться самостоятельно.

Волк добродушно оскалился, глядя в глаза Роду, а потом развернулся и вскоре скрылся в густом подлеске.

Род проводил его взглядом. Он понимал, что был груб, но ведь ему нужно было поддерживать стиль игры, верно? Либо так, либо пришлось бы выдать все, как есть, и эта новость обрушилась бы на Модвиса проливным осенним дождем.

Конечно, он мог и ошибаться — волк мог и в самом деле быть волком, любимой зверушкой красавицы-феи. Что тогда?

Что ж — если так, то волчонок должен был вернуться поздно либо не вернулся бы совсем. Рода знобило. Ему хотелось верить, что волчонок вернется.

А волчонок, отбежав подальше от поляны, превратился в Магнуса. Он побежал от ствола к стволу и бежал до тех пор, пока ясно не увидел стоянку за занавесом ветвей. Он подождал, пока Род и Модвис не отвернулись, и перебежал туда, где бы его мог увидеть Векс. Огромный черный конь поднял голову, а Магнус кивнул и отступил назад, довольный тем, что другой хранитель отца заметил его. Юноша прислонился к дереву, сунул руку в кошель, вынул кусок солонины. Не слишком роскошный ему предстоял ужин, но он не хотел упускать отца из виду. Яблоко от яблони... Теперь настала очередь Магнуса проявлять излишнюю опеку.

* * *

Род не спал, слушал глубокое ровное дыхание Модвиса и старался дышать так же, как карлик. Он мысленно уговаривал себя, твердил, что ведет себя глупо, что Магнус не сумеет сделать ничего дурного. Но он точно знал, что не уснет, покуда волчонок не вернется. Он даже оставил для него немного похлебки...

А потом он понял, что мерцающий свет за деревьями — это вовсе не луна.

Он еще сильнее напрягся, всмотрелся в ту сторону. Тревога за Магнуса смешалась в его сердце с опасениями: вдруг мальчик наткнулся на что-то опасное, на то, что излучало этот призрачный свет. О, как он жалел о том, что его сын один бродит по лесной глуши!

В конце концов Род решил, что лучше узнать правду, нежели лежать и сходить с ума от волнения. Если Магнус вернется в его отсутствие, Модвис проснется и позаботится о мальчике — если, конечно, его не слишком смутит волчье обличье Магнуса. А если смутит — есть палочка-выручалочка, Векс.

— Пойду погляжу, что за свет такой, — тихо сказал Род коню-роботу. — Оставайся здесь, приглядывай за «волчонком», ладно?

— Род, свет только от луны.

Род покачал головой.

— Нет. Я тоже так думал, но потом пригляделся получше. Не такой свет. Он *похож* на лунный, но он другой. Охраняй наш форт, Векс.

С этими словами Род бесшумно скрылся за деревьями.

Роботом владели смешанные чувства, если можно так выразиться, — обязанность выполнять приказы и тревога за хозяина. Но Род приказал ему остаться, а никакой настоящей опасности извне не было — существовала только галлюцинация Рода...

Но и она сама по себе могла быть очень опасной. Однако Род отдал приказ. Векс испустил «белый шум», равносильный человеческому вздоху, и стал ждать. При этом он все же включил канал связи с имплантированным наушником-микрофоном Рода и максимально увеличил громкость на приеме.

Голова Магнуса упала на грудь, и он очнулся от дремоты. Сонно моргая, он посмотрел в сторону костра...

И увидел, что лежанка Рода пуста.

Юноша тут же насторожился. Он огляделся по сторонам и увидел, как Род скрывается за деревьями по другую сторону от поляны. Магнус поднялся и пошел вокруг поляны, ступая по зимнему лесу осторожно, почти бесшумно.

Он одолел почти четверть пути, когда вдруг что-то тяжелое и тупое ударило его по затылку, и он, лишившись чувств, упал на снег.

18

Начался подъем. Свет разгорелся ярче. Роду уже показалось, что занимается заря, но это, конечно, было глупо — еще и полночь не наступила. Магнус еще не вернулся, а он никогда не гулял так поздно.

И вот Род вышел из-под деревьев на лужайку на вершине холма. Холм этот не был создан природой — на нем возвышался замок, светившийся изнутри. Стены замка были прозрачными. Он был похож на детский ночник или на елочную игрушку.

На игрушку высотой в шестьдесят футов и площадью в сто ярдов.

Род опасливо, но решительно приблизился к перекидному мостику. Его сын мог оказаться внутри этого замка. Если замок привлек его, почему он не мог привлечь к себе Магнуса?

Подходя к мостику, Род заинтересовался тем, из какого камня выстроен замок. Он остановился и пригляделся внимательнее... и в изумлении широко раскрыл глаза.

Замок был выстроен из мрамора — целиком из мрамора. Судя по легким различиям в оттенках, сортов мрамора было использовано несколько, но весь камень был чистый, без единой прожилки. Вот почему он светился — он был совершенно, абсолютно чист.

Но что-то находилось внутри. Род подошел поближе, перешел по мостику и увидел в толще камня торс и голову человека, глядящего на него. Незнакомец был необычайно хорош собой, а одет он был в дублет и плащ — в точности такие же, как у Рода.

Лишь через несколько минут Род осознал, что это его изображение.

Но это не был он, каким он себе представлял себя. Из любого зеркала на него всегда взирал невзрачный незнакомец, на вид очень опытный, но чрезвычайно неуверенный в себе человек. Это же изображение никак нельзя было назвать невзрачным. Напротив. Этот мужчина был весьма привлекателен внешне, а если ему и сопутствовала скромность, то она уравновешивалась некоторой суровостью, почти непроницаемостью. Роду даже не по себе стало. Перед ним был очень опасный человек!

Но опасность, как он понимал, исходила не из его способностей, а из его моральных устоев. Он был безопасен для всех, кто соблюдал принципы его морального кодекса, он мог быть безжалостным и умелым убийцей. Стоило кому-нибудь нарушить закон, согласно которому жил этот человек, — и нарушитель тут же становился вне закона. Убийца, смотревший на Рода, был уверен в том, что таковой нарушитель заслуживает самой тяжкой кары.

Род смотрел на себя и содрогался. А он-то всегда считал себя хорошим малым.

И ведь не без причины. Даже у этого человека в глазах было милосердие, а резкость характера компенсировалась чувством юмора. О да, он мог стать причиной внезапной гибели для любого, кто жил не по принципам его этического кодекса, но крайне редко ему встречались люди, о которых он мог бы со всей определенностью сказать: «Этот человек — злодей». Но если такая встреча происходила...

Он испытывал наслаждение от того, что делал.

У Рода сжалось сердце. Но отрицать очевидное было бесполезно. Человек, которого он видел перед собой, был хладнокровным убийцей, который наслаждался своим ремеслом. Этот призрак гонялся за Родом с тех самых пор, как он покинул Максиму. Вот почему он всегда пытался обуздать этого зверя рамками морали. Вот почему в глубине сердца он знал, что не достоин ни Гвен, ни детей.

Его детей. Что бы случилось с ними, если бы кто-то из них нарушил правила, согласно которым жил этот человек? Нет, не просто нарушил — наплевал бы на них, презрительно растоптал бы их.

Рода захлестнула волна отцовского инстинкта. «Никогда, — мысленно поклялся он себе, — никогда я не допущу, чтобы кто-то из них пострадал!» Он дал себе слово прибить эту зловредную ящерицу, если только она посмеет посягнуть на его детей.

Но как же он мог убить самого себя?

Очень просто.

Но за своим отражением он видел образы детей. Они росли и тоже боролись и страдали, и это успокоило Рода. Они были взращены и воспитаны в мире, который для них выгородили он и Гвен. Они могли пинать забор, огораживающий этот мир, могли в порыве злости сломать пару-тройку бревен, но разрушать этот забор целиком они бы ни за что не стали. Он был не только тюрьмой для них, но и защитой.

Видения продолжали мелькать у Рода перед глазами. Он увидел свои детство, юность, молодость. Вот он — среди наем-

ных солдат, штурмующих город, виновный лишь в том, что его жители пожелали свободы. Потом он увидел себя год спустя, помогающего отряду патриотов свергнуть инопланетную тиранию. Потом себя, сражающегося с телохранителем тирана и убивающего его. В это время местные жители приканчивали самого тирана. Он увидел себя в космосе, посреди звезд, изучающим историю очередной планеты, к которой мчал его Векс в звездолете-астероиде, потом опять — борющимся, манипулирующим... И снова. И снова. И все это время он искал, он охотился за любовью, которой не заслуживал.

Род не мог отвести глаз от волшебного экрана. Как зачарованный он следил за знакомыми сценами. Он помнил их, но теперь они представали перед ним не такими, какими они ему запомнились. Теперь в них была объективность, бесстрастность. То, что он видел, заставляло его в первое мгновение гордиться собой, а в следующее — стыдиться. Он то воспарял, то готов был под землю провалиться.

И вот тогда, когда он, забыв обо всем на свете, наблюдал за этим удивительным зрелищем, к нему подкрались враги.

Род не мог сказать, что заставило его насторожиться — скрип кожи, тяжелая поступь. Но какой-то знак вывел его из транса. Он развернулся, резко выхватил меч — и увидел перед собой великана, за которым следовало несколько троллей. Эта милая компания шествовала через мостик. Великан был ростом в десять футов, с ножищами толщиной в фута полтора, массивными ручищами, необъятной грудной клеткой, могучими плечами. А из одежды на этой немытой и волосатой громадине имелась только набедренная повязка. Чудовище глядело на Рода маленькими, злобно сверкающими глазками из-под косматых бровей. Портрет дополняли нос-картошка и два длинных клыка, свисавших из-под верхней губы. Следом за ним шаркали тролли с безобразными рожами, отвратительными телами и когтистыми лапами.

Великан утробно хохотнул и замахнулся на Рода дубинкой.

Род закричал и отбежал назад. Дубинка промелькнула мимо. Род ударил мечом в солнечное сплетение великана, но тот только заворчал и поддел противника дубинкой снизу. Род взлетел вверх и только успел приземлиться, как последовал новый замах. Род отскочил в сторону, но недостаточно далеко. Дубинка опустилась на его плечо, и правая рука у Рода мгновенно онемела. Он упал на снег, которым был усыпан мостик, и увидел, как над ним навис тролль. Зловеще мерцали его когти в сиянии, исходившем от замка. Род в отчаянии нащупал левой рукой рукоятку меча, сжал ее и выставил меч перед собой. Укол получился не слишком ловким.

Но тролль не смог уклониться. Он налетел на лезвие меча и прижал Рода спиной к мостику. Чудище завопило и умерло, но его когти мертвой хваткой сомкнулись на камзоле Рода, проткнули ткань, добрались до кожи. Хлынула кровь, грудь пронзила жаркая боль. Род вскрикнул, попытался приподняться, но только он успел высвободить свой меч, как рядом с ним возникла зловещая фигура великана. Тот стоял, подняв дубинку, сжатую двумя руками. Со всех сторон подступали тролли, а в ушах у Рода все еще звучал предсмертный вопль их собрата...

А потом он услышал вопль, доносившийся с задних рядов наступавших на него троллей, и великан получил удар по спине чем-то тяжелым. Он пошатнулся и, издав оглушительный рев, обернулся, и тут Род увидел Векса, вставшего на дыбы, бьющего копытами и орудующего стальными зубами. Конь бросился на тролля. Чудище попятилось и с воем упало в ров, где сразу же начало растворяться. Другой тролль дерзнул напасть на Векса. Стальной жеребец потянулся к нему стальными зубами, но великан размахнулся дубиной. Векс попытался ударить его копытом. Он встал на дыбы и с грохотом приземлился...

И замер на негнущихся ногах, и опустил голову. У Векса случился припадок.

А дубинка великана вот-вот должна была рухнуть на голову коня.

Род взревел и обрушился на великана всем своим весом. Он вогнал лезвие меча ему в поясницу. Великан взвыл, развернулся и замахнулся дубиной на Рода. Род отступил, но дубинка вскользь проехала по его виску. В ушах у Рода зазвенело, а перед глазами заплясали звездочки. Он помотал головой, ожидая нового удара, понимая, что обречен, слыша рев чудовища...

А потом звездочки вдруг исчезли, а рев не утих. Великан отвернулся от него и теперь бился с кем-то, кто напал на него с другой стороны. И вот один из троллей кувыркнулся назад и свалился в ров. На его месте возник Модвис с палицей в одной руке, с круглым щитом в другой. А позади него с великаном сражался Бобрас, орудуя топором и мечом. Его конь оборонял хозяина с тыла и бился с троллями копытами и зубами.

Тяжело дыша, Род бросился к ним. Он не мог позволить, чтобы рыцарь погиб, защищая его, просто так. Нужно было хотя бы попытаться помочь Бобрасу. Правда, одному только Богу было известно, каким образом Бобрас опять ожил.

Вот конь рыцаря встал на дыбы — и в ров с отчаянным воплем свалился последний тролль, но великану наконец удалось обмануть Бобраса, и его здоровенная дубина размозжила топорик рыцаря прямо у него на макушке. Бобрас закачался и упал, а великан приготовился наступить ему на грудь.

Род наконец добежал до великана и вонзил меч в его ступню.

Великан взвыл и еле удержался на ногах. И удержался бы, но тут подоспел Модвис, навалился всем весом на здоровенную коленную чашечку великана, чудовище пошатнулось и рухнуло в ров со злобным воплем, который плавно сменился воплем ужаса. Он ударился о воду с оглушительным всплеском. Взметнулись и опали волны.

— Похоже, у него тоже аллергия на воду, — пробормотал Род и повернулся к рыцарю. У него сильно кружилась голова.

Модвис опередил его и опустился на колени рядом с Бобрасом, приподнял голову рыцаря. Бобрас посмотрел на карлика, и Род увидел, что щека рыцаря залита кровью.

— Не плачь обо мне, дружище, — прошептал рыцарь, но глаза Модвиса были полны слез.

— Надо полежать, — скрипнув зубами от досады, проговорил Род. — Все обойдется, обязательно!

Бобрас посмотрел на него и печально улыбнулся.

— Нет, лорд Гэллоуглассс... хотя, слава Богу... я пришел вовремя.

— Но как вы... Ведь вы же...

— Умер? — Рыцарь слабо, вымученно усмехнулся. — Нет, я просто ушел, как ухожу и сейчас. Вам придется потрудиться за нас обоих, лорд Гэллоуглассс, за нас двоих — в этом мире и в вашем собственном. Но не бойтесь ничего — ибо я вернусь, я приду вновь. Я всегда буду приходить вновь.

Он вздохнул и обмяк.

Род в ужасе смотрел на него.

Силуэт рыцаря подернулся рябью, стал полупроэрачным, а потом исчез вовсе.

Модвис, не веря глазам, смотрел на свои пустые руки, только что обнимавшие Бобраса. Потом он устремил на Рода взгляд, полный немой мольбы. В слезах, наполнявших глаза карлика, зажглись звезды. Они становились все больше и больше, слепили Рода своим сиянием. Сквозь пелену этого сияния он разглядел прекрасную даму с длинными светлыми волосами, стянутыми на лбу обручем короны. Следом за красавицей шли несколько монахинь. Но это было из области невероятного. В Грамерае не было монахинь. Род погрузился в мир, наполненный светом.

Лепрехун сидел на корточках около тела лорда Чародея. В руке он сжимал молоток и, сверкая глазами, смотрел на высокорослую женщину.

— Мир тебе, о Древний, — сказала она. — Мы пришли, чтобы помочь твоему другу, а не для того чтобы сделать ему больно.

— А кто эти женщины с тобой? — недружелюбно поинтересовался Модвис. — Почему они нарядились в монашеские одеяния?

— Потому что мы и есть монахини.

— Мы сестры Ордена святого Видикона, о Древний, — сказала первая женщина. Она была полная, с добрыми глазами. На голове — белый капюшон, вокруг лба — широкая белая лента. — Мы посвятили свою жизнь поклонению Господу и служению ближним.

При упоминании о Господе лепрехун вздрогнул, но сдержался.

— Так вы — целительницы? — примирительно осведомился он.

— Да, и уж конечно же, мы видели все, что происходило прямо у врат нашей обители. А кто был тот мужчина в доспехах и алом плаще?

— Мнимый рыцарь Брюм, который гонялся за этим человеком по половине Грамерая, чтобы подвергать его страданиям. Еще я видел крестьян, его подручных. Те сразу разбежались. Так вы вылечите моего друга?

— О да, — отвечала дама. — Сестры, поднимите его.

Две монахини разложили носилки, опустили их рядом с Родом, переложили его на них, встали и пронесли его под готической аркой мимо невысоких стен.

Дама в короне обернулась к Модвису.

— Ты можешь насладиться нашим гостеприимством, если пожелаешь войти и отдохнуть.

— Нет, — покачал головой лепрехун. — Ваши святые обители закрыты для нас. Я побуду тут, поблизости, посижу в дупле. А если я вам понадоблюсь, леди, вы только крикните: «Модвис, иди сюда!»

— Я так и сделаю, друг. Не бойся. Мои подруги позаботятся о твоем товарище. Не скажешь ли мне, как его имя?

Но лепрехун уже исчез, растаял, как сон. Дама печально улыбнулась, отвернулась и направилась к обители. Привратница закрыла за ней дубовые створки ворот.

19

Во мраке появилась светящаяся точка — тусклая, туманная. Но она на глазах вырастала, и в конце концов Род догадался, что смотрит на луну, спрятанную за густой завесой тумана. Но луна росла и росла, стала больше, чем в полнолуние перед осенним равноденствием, когда ее называют «урожайной луной», — и продолжала вырастать.

Наконец Род понял, что движется к ней.

В страхе он огляделся по сторонам, надеясь, что увидит звездолет, несущий его, спасательный катер, на худой конец — скафандр...

...И увидел старика, летящего в пространстве вместе с ним. Его длинные седые волосы разметались по плечам, борода лежала на груди, плотно прижатая — не силой притяжения, а из-за космической перегрузки. Старик был одет в длинный белый балахон, поверх него — в парчовую ризу. Под мышкой он держал большую толстую книгу...

И никакого скафандра. Даже шлема — и того не было.

— Не страшись, сын мой, — мелодично проговорил старик. — Ты в волшебной стране. Здесь тебе не понадобится ни воздух, чтобы дышать, ни тепло, чтобы согреваться. А если ты прислушаешься, то услышишь музыку сфер.

Род собрался было по обыкновению пуститься в пререкания, но сдержал себя и прислушался. И конечно же, услышал гармоничный аккорд, составленный из ясных, чистых, кристаллических тонов, каждый из которых начинал звучать, а за-

тем утихал настолько плавно, постепенно, что музыка все время менялась, но звучать не переставала.

Род повернул голову и устремил на старика изумленный взгляд.

— Но ведь все это невероятно!

— Везде, кроме волшебной страны, — напомнил ему старик. — Сейчас ты — не на Земле времен зари человечества, не на острове Грамерай и даже не в Гранкларте, выдуманном твоим дедом. Ты в стране волшебства, чистого, подлинного волшебства, и более ничего иного.

Род решил, что в данный момент его школьные познания просыпаются намного хуже подсознания.

— Ведь ты же рыцарь, если на то пошло, — сказал старик, словно бы прочитал мысли Рода. — Где еще найдет успокоение твоя душа, как не в зачарованном царстве?

— На самом деле я не рыцарь — просто я ношу дворянский титул, — возразил Род, с болезненной уверенностью чувствуя, что старик прав. — Ну хорошо, допустим, я — рыцарь. А вы кто такой?

— Теперь я — всего лишь наблюдатель, — ответил старик. — Может быть — хранитель. Когда-то я писал книги, но эти мои труды завершены, и потому у меня есть время странствовать куда угодно ради собственного удовольствия. А ты ведь не только рыцарь, а еще и чародей, не так ли? Ведь если я не ошибаюсь, передо мной лорд Гэллоугласс?

— Да, именно так меня и зовут, — медленно проговорил Род. — А вы, почтенный господин... С кем я имею честь беседовать?

— Я Иоанн, прозванный Богословом, — ответил старец. — Это мне явилось видение о Конце Света, и я записал его, чтобы все могли прочесть.

— «Откровение»? Так вы — *тот самый* Иоанн? Апостол? Святой?

Старец добродушно улыбнулся.

— Святых по имени «Иоанн» много, слава Господу. Но я — один из них, это верно.

«И самый главный, пожалуй», — добавил мысленно Род.

— Такая честь для меня, святой отец, — вымолвил Род и подумал: «А как еще к нему обращаться? Ведь он был священником!»

А может быть, остался им до сих пор?

— Этой чести ты удостоен потому, что сам достоин чести, — отвечал старец.

Род на минуту задумался об этой формулировке.

— Но как же мне посчастливилось встретиться с вами? И почему мы летим на Луну?

Святой Иоанн негромко рассмеялся.

— Ты — рядом с мною, лорд Гэллоугласс, потому что это тебе нужно попасть на Луну. Ты должен оказаться там, чтобы твой разум исцелился.

— Мой разум? — переспросил Род. — А при чем тут луна?

— Красота луны притягивает разум людей, — пояснил святой Иоанн, — и те, чей разум слабеет, отдают его этому небесному светилу.

Род вспомнил о древнем поверье насчет того, что полная луна способна заражать людей безумием. «Вот, наверное, откуда пошел термин «лунатизм», — подумал он.

— Все, что утрачено сердцами и умами людей, попадает на поверхность Луны, — продолжал объяснения Богослов, — а там все это преображается в формы, какие можно узреть и потрогать. Однако будь настороже. Мы приближаемся.

«И верно!» — в ужасе осознал Род. Луна была уже так близко, что заполнила собой все поле зрения. Слушая музыку небес, он вдруг понял, что не летит в пространстве, а падает на поверхность Луны.

Однако падение замедлилось. Святого Иоанна и Рода плавно несло к темной стороне Луны — вот только здесь, в этом мире, она не была темной. Здесь она была залита странным,

приглушенным светом, не имеющим источника. Они пролетали мимо высоких зазубренных лунных гор. Но как ни странно, здесь их склоны были не каменистыми и безжизненными, а поросли кустарниками и вечнозелеными деревьями. Глядя вниз, Род разглядел несколько человек, бродивших по травянистым равнинам, по берегам темных спокойных озер. Но все цвета были туманными, приглушенными — как будто он видел их сквозь дымку.

— Святой отец, — спросил Род, — кто такие эти люди, которые бродят по этой тусклой равнине?

— Это несчастные потерянные души, сын мой, — грустно ответил Богослов. — Они утратили свой путь в жизни, потеряли веру, которая могла бы помочь им понять, какова их цель. Они скитаются здесь, бродят куда глаза глядят и ожидают смерти. Но теперь будь осторожен. Мы опускаемся.

Они приняли вертикальное положение, и их ступни коснулись... нет, не пыли, а серо-зеленого торфа. Род осмотрелся и увидел груду соединенных между собой колец, пригнанных друг к другу настолько прочно, будто бы кто-то поработал цементом. Но любые два кольца были разорваны в месте их соединения.

— Святой отец, а это что такое?

— Обещания любви, — ответил старец, — нарушенные и забытые. Любая потерянная душа может прийти, покопаться в этой груде и найти свое обещание, данное и забытое давным-давно. Бывает, что при помощи такого обещания душа исцеляется, но сюда приходят редко.

Род разглядел на одном из колечек выгравированное разбитое сердце, и ему стало совестно — он припомнил кое-какие романы времен своей юности. Он шагнул было к груде, чтобы посмотреть, чьи имена выбиты на колечках, которые лежали наверху, но Богослов взял его за руку и решительно увел.

— Будет тебе, сэр рыцарь. Мы разыскиваем утраченный разум, а не причину его утраты.

Они обошли груду колец, миновали лазурный пруд, берег которого обрамляла белая полоса соли, прошли по лугу, заросшему бледными сердечками «валентинок», и оказались в ивовой роще.

— Что это за деревья, святой отец?

— Те, что плачут, сын мой. Плакучие ивы. Их питают источники стыда и сожаления. Эти чувства должны смягчать сердце любого человека, однако у некоторых в сердцах нет ни капли сострадания, и их сердца черствы и сухи.

Род увидел имена и знаки, вырезанные на стволах деревьев. Одно из них было окольцовано стальным обручем, на другом был нарисован парус корабля — но старец поторапливал Рода, и тот толком ничего не успел разглядеть.

Они двигались дальше и прошли мимо гигантского улья, в сотах которого стояли хрустальные кубки былой славы, потом прошагали по туннелю, в стенах которого в нишах покоились запечатанные урны, и наконец, вышли на равнину, усыпанную пылью. Равнина хотя бы была похожа на тот лунный пейзаж, который был знаком Роду. Она казалась бесконечной — эта равнина, по которой змейками переползала с места на место пыль. Вдалеке чернели острозубые скалы.

Но посередине равнины возвышалась гора, составленная из потемневших металлических щитов.

Святой взял Рода под руку и шагнул в озеро пыли. У Рода противно засосало под ложечкой, но он послушно последовал за старцем. Он понимал, что пыльные впадины на Луне могут быть опаснее зыбучих песков. Но святой шел по этой предательской поверхности так же легко, как летел бы голубок, несомый великой верой — или волшебством этого мира. И Род шел рядом с ним.

— А что это за груда щитов, отец Иоанн?

— Это запятнанные репутации, сын мой. Славные гербы, некогда изготовленные из чистейшего серебра, но теперь потускневшие оттого, что никто не очищает их, пренебрегает этим.

Число им всегда было легион, но никогда не бывало их так много, как в последние, смутные дни.

Когда они проходили мимо горы щитов, Род наклонился и успел разглядеть на одном щите изображение кафедры, на другом — высокую шляпу с плюмажем. Но что означали эти символы, он не догадался.

Вскоре Род и апостол обогнули высокую кипу рваной бумаги, посреди листов которой бродили две бледные тени.

— А что они ищут? — шепотом спросил Род у святого Иоанна.

— Печать Доверия, сын мой, — ответил евангелист, — но они никогда не найдут ее, ибо эта печать есть не что иное, как их собственное измышление.

А потом зазубренные пики стали ближе, и Род увидел, что один из них состоит из миллионов осколков блестящего стекла.

— Святой отец, а тут не только потери, но что-то разбитое.

— О да, сын мой, и повезет той душе, которая отыщет тут все осколки одной и той же чаши, а еще более повезет, если удастся слепить эти осколки между собой. Однако у тех, кто утратил эти сосуды, нет такой цели, ибо здесь — место упокоения личностей, переживших распад. Здесь находят конец своих дней те, кто раздавал себя по кусочку всем, кто мог им помочь. Как ни печально, их жизнь еще долго тянется после смерти.

Род, когда они проходили мимо, вытянул шею и увидел в куче осколков компас, игла которого торчала кверху, игральную карту с изображением рыцаря, сжимавшего в руке древний пистоль, какой-то ржавый механизм. Успел он разглядеть и отдельные буквы — одни из них были римскими, другие — кириллическими, третьи — арабскими, но больше всего было восточных иероглифов. «А что же на дне этой кучи?» — задумался Род.

И вот наконец они подошли к высокой груде закупоренных пробирок. Некоторые, правда, лежали открытыми, но на всех

были выгравированы людские имена. Кое-где буквы от времени почти стерлись, и можно было не без труда различить только инициалы. На одной пробирке Род различил нечто, смутно напоминающее восклицание «АХ». Некоторые пробирки были настолько старыми (или, напротив, настолько новыми), что помечены были не буквами, а значками. На одной красовалось изображение двух лосей с раскидистыми рогами. На другой Род с удивлением разглядел рисунок, изображавший бластер системы Бака Роджерса.

— Что это за предметы, святой отец? — спросил он у старца.

— Эти сосуды содержат разум мужчин и женщин, сын мой, — дар мыслить рассудочно тех, кто его утратил.

Род заметил очень крупную пробирку, на которой значилось «Граф Орландо», и решил, что здесь и вправду хранится немало людских историй.

Но эта пробирка лежала открытой.

— Что же тут делает этот сосуд, если он пуст?

— Ожидает возвращения разума, который в нем находился, — объяснил святой Иоанн.

Род знал, что возвращения этого разума можно было ждать вечно.

— А я здесь тоже есть?

— Та часть тебя, которая придает твоему мышлению ясность и верность суждений, — да. То свойство твоего разума, которое позволяет тебе видеть материальный мир, окружающий тебя, таким, каков он есть.

— Только материальный мир? А как насчет той части моего разума, которая судит о неосязаемом мире?

— Этот дар, — сказал святой, — ты, на счастье, пока не утратил.

Род хотел было поинтересоваться насчет «пока», но передумал. Он отвернулся и начал перебирать пробирки.

— Наверное, долго искать придется, святой отец.

— Не так уж долго, — возразил евангелист. — Твой разум покинул тебя всего-то несколько дней назад, так что мы отыщем его наверху.

Тут внимание Рода привлекла еще одна большая пробирка. Она была запечатана не воском, а резиновой пробкой. На ней крупными незатейливыми буквами было выведено: «Род Гэллоугласс, урожденный д'Арман».

Ну а рядом, само собой, лежала пробирка, содержащая разум Рори. Род с изумлением обнаружил, что она пуста.

Он поднял свою пробирку и хмуро воззрился на темный пар внутри нее.

— А почему у других внутри пробирок чисто?

— Ты лучше спроси, — негромко посоветовал ему евангелист, — почему у тебя туманно.

Род обратил внимание, что на этот вопрос старец не ответил.

— Поднеси пробирку к ноздрям, — поторопил его старец, — и откупорил ее.

Род сдвинул брови и сделал, как ему было велено. Пар, клубясь, вышел из пробирки, окутал голову Рода, хлынул в ноздри, в глаза, в уши. Одна струйка пара коснулась его губ и оставила такой томительный след, что Род, не раздумывая, разжал губы, и пар каскадом устремился ему в глотку.

— Облако твоего разума проникло тебе в голову через все природные отверстия, — объяснил Иоанн Богослов.

Чувства захлестнули Рода. Он ощущал себя так, будто пробует на вкус цвета, осязает вкус, слышит тепло. А потом перед глазами у него поплыло, и все вокруг подернулось дымкой. Остался только звук — звук голоса старца, звучавший у него над ухом — нет, в обоих ушах, и даже скорее внутри головы.

— Помни об этом. И как только ты начнешь сомневаться в том, что тебе видится, как только ты начнешь подозревать, что видишь не то, что существует на самом деле, только зак-

рой глаза, вспомни это мгновение и это место. Отыщи вновь свой сосуд, если это тебе понадобится, — и тогда твой разум вновь вернется к тебе.

Кто-то далеко-далеко спросил:

— Но как это происходит, святой отец?

И старец ответил:

— За счет обращения к символам, сын мой. С помощью знаков, символизирующих то, чего нет, ты вернешься к тому, что воистину есть... воистину есть... воистину есть...

Где-то далеко-далеко закричала Гвен:

— Узри же мир таким, каков он воистину есть, заклинаю тебя! Супруг мой, очнись!

Род заморгал, и пелена немного рассеялась. Он крепко-крепко зажмурился, потом разжал веки — и увидел озаренную ярким солнцем беленую стену.

20

Очнувшись, Род ощутил знакомую тошноту. Он застонал и схватился за живот. Ему хотелось одного: лечь и умереть.

Но тут он понял, что и так уже лежит. Он лежал и видел чисто выбеленные стены, низкий, грубовато сработанный столик, стоявший возле узкой кровати, столь же непритязательной работы стул возле стола, а на стене — распятие. Род задержал взгляд на распятии и решил, что уж как-нибудь вытерпит тошноту.

Что-то прохладное и влажное прикоснулось к его лбу. Он непроизвольно отпрянул — и увидел рядом с собой полную женщину с добродушным лицом, выражение которого в данный момент было сугубо деловое. Женщина была в коричневом монашеском балахоне с отброшенным на спину капюшоном. Волосы ее были спрятаны под чепцом особого покроя — с широкой белой лентой на лбу.

— Тише, — негромко проговорила женщина. — Боль пройдет. Вы были тяжело ранены, господин, и потеряли много крови. Вам нужен покой.

— Я... наверное, я сумею... лежать спокойно, — простонал Род. — И... вы только поймите меня верно... Я вам вправду очень признателен... за все... а особенно... за то, что тут так тепло... Но где я нахожусь?

— В нашей обители, — отвечала монахиня. — А я — сестра Патерна Теста. У вас живот болит?

— Тошнит, — проговорил Род на выдохе.

Женщина вытащила из-под стола большую глиняную миску и поставила на стол.

— Воспользуйтесь ею, если будет нужда. Вы проснулись и ощутили тошноту или она у вас и прежде была, до сражения?

— Сражение? Какое сражение? Ах да, с великаном... Нет, сударыня... То есть я... видел всякое... чего другие не видели... уже несколько дней, как... Ну а... потом у меня все время бывала слабость... голова кружилась, тошнило... — Род не выдержал и закрыл глаза от боли. — Как только спазм прошел, он добавил: — А сейчас вот еще и судороги...

Сестра Патерна Теста снова наклонилась и на сей раз извлекла из-под стола бутылочку с розовой жидкостью. Она налила немного этой жидкости в сосуд, формой напоминавший яичную скорлупку, и поднесла к губам Рода.

— Пейте, — строго распорядилась она. — Это поможет вашему желудку.

Род не без опаски выпил снадобье. Было у него искушение решить, что он по-прежнему галлюцинирует, но тошнота обычно наваливалась на него после припадка, а не во время него. Проглотив питье, он нахмурился.

— Странно. И на вкус почти приятно.

— Погодите, сейчас подействует. — Монахиня взяла у него «скорлупку» и откинулась на спинку стула. — И давно вы видите такое, чего на самом деле нет?

— С тех пор как съел каштан, проданный одной старушкой. А вы сказали, что я только что с кем-то бился?

— Да.

— Если так, то и вы видели сражение. С кем я дрался?

— С воином, которого сопровождали пятеро вооруженных крестьян.

— Гм-м-м... — Род покачал головой. — А я видел великана с компанией троллей. Скажите, а не видели ли вы светловолосого рыцаря, который спас мне жизнь?

Монахиня покачала головой.

— Нет, я видела еще только высокого черного коня и лепрехуна. Но вы дрались с такой страстью, что казалось, будто вас двое.

Так. Значит как минимум Бобрас был нереальный.

Но вот до Рода дошел смысл первой из произнесенных монахиней фраз, и он резко сел и вытаращил глаза.

— Мой конь! Я должен помочь ему!

Он подвинулся к краю постели, но женщина положила руку ему на грудь и строго проговорила:

— Вам нельзя вставать. Что же до вашего коня...

— *Я на связи, Род.*

Род широко раскрыл глаза, услышав голос Векса.

— Он в порядке!

— О да, — невозмутимо отвечала сестра Патерна Теста. — К воротам обители подошел юноша, что-то сделал с конем, и тот сразу поднял голову и пошел за ним. Потом он постучал в ворота, и мы впустили его. У него еще сильно кружилась голова после удара по голове.

— После удара по голове?! — в ужасе вскричал Род. — О Боже! Не было ли сотрясения мозга, вы проверили?

— Нет, не было. Мы все проверили, и поверьте, юноша не ранен, но голова у него болит не слабее, чем у вас.

— Минутку! — воскликнул Род. — Между прочим, вы не должны знать, что такое «сотрясение мозга»!

Монахиня пожала плечами.

— Меня этому научил один монах, давным-давно. Знания, переданные им, и привели меня в обитель.

— Хотите сказать, что вы — ее зачинательница?

— Нет. Обитель существует уже почти две сотни лет и имеет несколько построек. Вы находитесь в нашем доме для гостей. Мы называем себя Орденом Кассет, что говорит о нашем призвании к целительству. Чаще всего нам доводится исцелять тех, у кого болит голова или пострадал разум. Вы ведь знаете, господин, что «casse tête» означает «разбитая голова»?

Род об этом знал, но вот монахиня явно не ведала о том, что такое «кассета».

— Официально вы к Ордену святого Видикона не принадлежите?

— Нет, у нас нет узаконенной хартии, хотя есть свой устав. Мы — всего лишь сообщество женщин, желающих жить вдали от мира, однако мы готовы покидать стены обители и оказывать помощь всем, кому только можем.

Род кивнул.

— И кто ваша аббатиса?

— У нас нет аббатисы. Мы не стали вводить у себя старшинство. Я уже говорила: мы — просто-напросто женщины, которым нравится жить так, как живут монахини. Правда, другие называют меня матушкой. Не знаю... Может быть, они шутят, но для меня это большая честь.

— Значит — вы мать Патерна Теста. — Род решил, что это скорее всего действительно шутка. — Если так, то я тоже буду звать вас матушкой, пока буду гостить у вас.

— Это не обязательно.

— Нет, обязательно. — Род поморщился, прижал ладонь ко лбу. Головная боль притупилась, но совсем не исчезла. — Интересно, прекратились у меня галлюцинации или нет. Монахи никогда не говорили мне о вашей обители.

— Они не знают о ней. Мы не рассказывали им о себе и не желаем этого. Мы хотим только одного: чтобы нам позволили мирно и спокойно заниматься своим делом.

— Не принимая приказов от аббата?

— Пожалуй, — призналась мать Патерна Теста. — Но более меня тревожит другое. Узнай он о нас, он бы распустил наш орден. Ну а покуда мы в самом деле орденом не являемся, мы ему не подвластны, и потому он не может нас распустить.

Род кивнул.

— Это мне понятно. Правда, нынешний аббат — добрый и отзывчивый молодой человек, может случиться и так, что его преемник таким не будет. Да, я вас понимаю.

— И тем не менее мы — самые настоящие.

Род пожал плечами.

— Все остальные, кто мне мерещился, утверждали то же самое.

— Да, но разве они знали о том, что они вам мерещатся?

— Я им этого не говорил, — признался Род. — А вам сказал — так почему же вы не исчезаете?

— Потому что я — настоящая. Есть вы тут или вас тут нет — а я точно есть.

В последнем утверждении было что-то не слишком приятное с философской точки зрения. Род опасливо взглянул на мать Патерну Тесту.

— Ну а теперь скажите мне, — настойчиво проговорила она, — почему вы стали бродить по лесам и откуда вам известно, что вы повредились умом?

— Вот-вот, в этом-то и состоит главная причина, понимаете? Я начинаю ощущать, что те, кто мне мерещится, нападают на меня, и я стараюсь дать сдачи. При этом я могу причинить вред кому-то настоящему. А особенно — жене и детям. — Он попытался сесть. — Я вспомнил, кстати... Мой мальчик. Юноша с конем. Где...

Перед глазами у него поплыло, а когда он очнулся, то увидел у себя над головой потолок и ощутил прохладную мокрую тряпицу на лбу.

— Вам нужно полежать еще несколько часов, — сказала мать Патерна Теста. — Скоро мы приведем к вам вашего сына, но сначала я должна еще поговорить с вами о вашей болезни.

Род пожал плечами.

— Тут все дело в химическом отравлении. Ну, в общем, призрак одного моего старого товарища, которого я встретил во время странствий, высказал такое предположение.

Он глянул на монахиню искоса, но та спокойно, невозмутимо кивнула.

— Что именно сказал этот призрак?

— Ну... Он сказал, что съеденный мной каштан был изготовлен из ведьмина мха и что мой организм не сумел его переварить.

— Это похоже на правду, — кивнула монахиня. — Есть, знаете ли, много людей, которые даже сами не ведают, что способны творить что угодно из ведьмина мха. И когда это магическое вещество попадает им в кровь, оно принимает обличье всего, что рисует часть нашего разума, отвечающая за сны. Вот и получается, что такие страдальцы видят сны наяву и справиться с ними не могут.

Это в большой степени согласовывалось с гипотезой Большого Тома.

— Но как же мне поправиться, матушка?

Монахиня на сей раз извлекла из-под стола небольшой кувшинчик, обернутый в пергамент. Сняв пергамент, она обмакнула в кувшинчик палец и сказала:

— Это снадобье — подарок от фейри. Они принесли его нам просто потому, что высоко ценят наше целительство. Они сами пользуются этим снадобьем для того, чтобы уметь видеть сквозь сотворяемые ими видения и не обманываться.

Быстрым и ловким движением монахиня прикоснулась к нижним векам Рода — так стремительно, что он не сумел отдернуть голову. Он и опомниться не успел — а Патерна Теста уже сидела на стуле, прижимала к груди кувшинчик и улыбалась, как Мона Лиза.

— Вот теперь вы будете видеть все таким, каково оно на самом деле.

Род подозревал, что воздействие если и имело место, то было по большей части психологическим. Зачем бы еще монахине понадобилось рассказывать про фейри? Тем не менее он был готов на все.

— Спасибо вам, матушка.

— Не за что, — просто отвечала монахиня. — Желаете ли повидаться с вашим сыном?

— Еще как желаю! — пылко воскликнул Род.

Мать Патерна Теста наклонилась, убрала кувшинчик, встала и достала из-под стола торбочку с длинной лямкой, которую перебросила через плечо. Затем она с загадочной улыбкой подошла к двери и отворила ее.

На пороге стояла красавица со сверкающей диадемой на голове, окутанная легкими облаками одежд пастельных тонов.

— Здравствуйте, матушка. Как наш пациент?

— Поправляется, — ответила монахиня и повернула голову к Роду. — Это наша самая верная патронесса, сударь. Графиня Благоделла.

— Рад познакомиться, графиня. — Род приподнялся на локте, но графиня подошла к нему легкой стремительной походкой и сказала:

— Не нужно подниматься из любезности, прошу вас. Вам нужен покой.

— Так... — Род опустился на подушку. — Вы, стало быть, тоже не были галлюцинацией.

Графиня вздернула брови.

— Вы полагали, что я вам приснилась?

— И вы, и матушка. Понимаете, мне многое мерещилось. Например, ваша обитель мне представилась замком из настолько чистого мрамора, что всякий, кто бы ни взглянул на него, видел себя таким, каков он на самом деле.

Графиня усмехнулась.

— Это было бы истинное чудо и великая благодать.

— Не сказал бы, чтобы так уж и благодать, — заверил ее Род.

— Разве всякая благодать не спорна? — проговорила графиня, но ответа на этот вопрос не дала. Она отвернулась к двери. — Мне пора возвращаться к моему супругу, однако позвольте прежде впустить к вам того, кто говорил о вас. Юноша, ваш ли это отец?

Порог переступил Магнус — натянутый, как лютневая струна. Увидев, что Род смотрит на него, он облегченно вздохнул. А в следующее мгновение он уже стоял на коленях возле кровати и сжимал руку отца.

— Прошу простить меня, сэр! Я хотел оберегать вас, но какой-то мерзавец, сумевший спрятать от меня свои мысли, застиг меня врасплох, и от его удара я лишился чувств!

— Не надо извиняться, ну зачем ты... — Род хлопнул сына по плечу и не удержался от улыбки. — Так ты решил, что нам пришла очередь поменяться местами? Взялся оберегать меня?

Магнус покраснел и потупился.

— Приятно узнать, — мягко проговорил Род. — Очень приятно узнать. И знаешь, я всегда рад тому, что ты рядом со мной.

Магнус отважился посмотреть на отца, увидел, что глаза у того светятся гордостью, и улыбнулся.

— А еще — спасибо тебе за то, что позаботился о Вексе, — добавил Род. — Я не смог.

— Знаю. — Магнус помрачнел. — Но кто ранил тебя, отец? Эльф сказал, что ты бился один против шестерых.

— Он себя забыл сосчитать, — проворчал Род, — и Векса не учел.

А сам он гадал, вправду ли сделал все то, что, как ему казалось, совершил Бобрас?

В дверь постучали.

Мать Патерна Теста отворила. На пороге стояла молодая монахиня.

— Матушка, — сказала она, — у стены какие-то люди. Они вызывают вашего больного.

— Я выйду к ним, — сказала мать Патерна Теста.

— Я тоже, — заявил Род и стал подниматься.

— Нет, — запретила ему монахиня.

— Говорю вам, я могу ходить! — воскликнул Род и ощутил прилив адреналина. — Дай мне руку, сынок. — Род не стал ждать. Он обнял Магнуса за плечи и выпрямился.

— Вы потеряли много крови, сударь! Вам нужно лежать!

Род переглянулся с Магнусом, устремил взгляд на монахиню.

— Вы готовы к потрясению, матушка? Только не посчитайте меня чудовищем, ладно?

Монахиня нахмурилась.

— Я целительница и ко многому привыкла. О чем вы говорите, сударь?

Род мысленно послал окружающий его мир куда подальше и все свои силы направил на то, чтобы оторваться от пола. И взлетел вверх на шесть дюймов.

Мать Патерна Теста вытаращила глаза и медленно кивнула.

— Так вы, стало быть, чародей.

— Мне очень жаль, но это так.

— Не жалейте! Радуйтесь! Ведь это дар Божий! — Монахиня отвернулась к двери. — Что ж, будь по-вашему. Пойдемте с нами.

Она пошла за молодой монахиней по коридору, затем по крытой аркаде вышла к церкви, вошла внутрь и поднялась на

колокольню. Род и Магнус проделали весь этот путь следом за ней. Обойдя вокруг большого колокола, они подошли к узкому окошку.

Внизу, перед воротами монастырской обители, стояло с полдюжины воинов, вальяжно воткнув в землю копья. На самом деле выглядели они как более или менее процветающие разбойники: все были одеты разномастно, но не в лохмотья. Перед ними нервно расхаживал высокий лысый мужчина средних лет в красной мантии. К поясу у него был приторочен меч, а его лицо Род узнал бы где угодно и когда угодно.

— Брюм! — воскликнул Род.

— Так он вам знаком?

— Еще бы! Он тот самый колдун, который наслал на меня безумие!

Магнус пристально воззрился на Брюма и прищурился.

Мать Патерна Теста кивнула.

— А кто позади него?

— Полдесятка наемников, — ответил Род. — А кого еще я мог бы увидеть?

— Великана и троллей, — ответила монахиня. — Это те самые, с кем вы сражались прошлой ночью.

Род вперил взгляд в людей, стоявших у ворот.

— Ну что ж, — проговорил он, помолчав, — отрадно осознавать, что я снова в контакте с реальностью.

Мать Патерна Теста довольно улыбнулась.

— Вы дрались как сущий демон. Ну, будем считать, что чудодейственная мазь избавила вас от видений.

— Определенно избавила. Но как это могло получиться с помощью какой-то мази?

— В вашем разуме есть часть, которая заведует снами, — напомнила ему монахиня. — Ведьмин мох укрепляет ее, придает ей сил, и ваш бодрствующий ум начинает видеть сны. Но теперь к вашим глазам прикоснулась мазь, изготовленная фейри, и, из чего бы они ее ни изготовили, это снадобье убедило ваш разум в том, что сны наяву больше не будут вас мучить, и

теперь ваш разум изгоняет любые видения, которые показывает вам ведьмин мох.

Род нахмурился, задумался об остаточных явлениях, но на самом деле это его не очень-то интересовало. Меньше всего в диагностической тираде монахини ему понравилось слово «укрепляет».

Мужчина в алой мантии развернулся к воротам, раздраженно махнул рукой и крикнул:

— Изволите вы говорить со мной или нет? Нам известно, что вы забрали к себе Верховного Чародея, тяжело раненного! Отдайте его нам сейчас же, иначе вам будет плохо!

Мать Патерна Теста несколько удивленно посмотрела на Рода.

— Вот как? Вы, стало быть, Верховный Чародей.

— Простите, что умолчал об этом, — пробормотал Род. — Просто у определенной части духовенства особое мнение о таких, как я.

— Нам известно, что способность творить чудеса даруется Богом, а здесь, на острове Грамерай, те из простонародья, кого называют «чародеями», не более грешны, чем всякий другой. Зачем вас хочет видеть этот человек?

— Чтобы убить его, — скрипнул зубами Магнус. — Мой отец стоит на его пути к власти.

Род стоял неподвижно.

— Правда ли то, что говорит этот юноша?

Род кивнул.

— Этот человек — один их тех, кто жаждет свергнуть короля и королеву. Пока единственными, кто останавливал их, были я и мое семейство.

Монахиня несколько мгновений молчала. Потом развернулась к окну и прокричала:

— Верховный Чародей попросил убежища у Церкви! И он получит его! А вы должны с почтением отнестись к этой обители. Вы не должны посягать на нее под страхом погибели для ваших душ!

Приспешники Брюма стали переступать с ноги на ногу, зашептались. Он резко развернулся к ним.

— Что?! Вас напугали бабьи байки? Неужто вы впрямь думаете, что у вас есть души, которым страшна погибель?

Воины, больше смахивающие на разбойников, присмирели, но смотрели на своего предводителя без особой любви.

Мать Патерна Теста немного расслабилась.

Брюм в отчаянии запрокинул голову.

— Ну хорошо же! Тащите сюда дрова и эту бабу!

Это распоряжение пришлось его свите по вкусу. Воины помчались к лесу и немного погодя вернулись с шестом и охапками дров. Шест они вбили в заранее вырытую яму и обложили его дровами. Потом двое вывели из леса женщину в светлых одеждах, с диадемой на голове.

Мать Патерна Теста ахнула.

— Графиня!

— Она выехала из обители час назад, — проговорила, сильно побледнев, молодая монахиня. — Сказала, что должна до полудня добраться до своего замка, что супруг ждет ее. Мы умоляли ее поехать с эскортом, но она и слышать об этом не желала!

Графиня отчаянно отбивалась, пыталась вырваться, кусалась, но разбойники подтащили ее к куче дров и привязали к шесту. Брюм обернулся к обители и злорадно ухмыльнулся.

— Выдайте нам Верховного Чародея, иначе ваша покровительница отправится к праотцам!

Монахини смертельно побледнели, но графиня вскричала:

— Не делайте этого! Вы не должны нарушать святость церковного убежища!

— Вот это точно, не должны, — кивнул Род и развернулся к лестнице. — Поэтому я пошел.

— Сестры! — крикнула мать Патерна Теста, и на пути у Рода встали две монахини.

Он обернулся и устремил на главную монахиню свирепый взгляд.

— Не такая я важная птица!

— Вас предупредили! — проорал Брюм и швырнул факел в дрова. Взметнулись языки пламени, поднялось облако дыма. — Видите? — неистовствовал Брюм. — Скоро она встретится со своими предками, вот и будет ей эскорт!

На глазах у всех из дыма выросли бесформенные головы с пустыми глазницами и стонущими ртами, потянулись в небо.

Монахини в испуге раскричались, а Род крикнул:

— Не позволяйте ему пугать вас! Мы знаем, что он — колдун, а дымом еще легче управлять, чем ведьминым мхом! Эти головы — его творение, никакие это не предки графини!

— Но ведь она сгорит! — простонала одна из монахинь.

— Не сгорит, если я выйду к ним, — буркнул Род и вылетел в окно.

— Папа! — возмутился Магнус и бросился следом за ним. — Ты еще не окреп! Ты упадешь!

Но Род летел ровно и легко. Он обернулся через плечо и спросил:

— Что ты сказал?

— Ничего, — смущенно отозвался Магнус.

Род приземлился прямо перед Брюмом, мгновенно обнажил меч и пошел в атаку. Брюм парировал его удар и контратаковал. Род отступил и мысленно позвал:

— *Векс!*

Монастырские ворота распахнулись, и оттуда с пронзительным ржанием выбежал великолепный черный конь.

21

Род только тем и занимался, что наносил удары да парировал, но все же время от времени ему удавалось искоса взглянуть на происходящее вокруг. Векс крушил разбойников передними копытами, хватал за ворот, отбрасывал в сторону.

Конечно, враги наступали на коня со всех сторон, и будь все, как обычно, это вызвало бы у робота перегрузку и «припадок». Но на нем верхом восседал Магнус и орудовал сразу тремя мечами, позаимствованными у противников. Два из них он держал в руках, а третий летал у него за спиной, и им Магнус управлял мысленно.

Но вот из подлеска выскочили разбойники, дотоле сидевшие в засаде, и бросились к стене, окружавшей обитель. Поскольку стена была высотой всего футов в восемь, враги в считанные минуты взобрались на нее.

Магнус в испуге развернул Векса.

Мать Патерна Теста, наблюдавшая за боем с колокольни, прищурилась.

— Помоги мне, сестра Линн.

Как только разбойники вскарабкались на стену, они тут же дружно оступились, потеряли равновесие и повалились на землю навзничь.

И тут встал Модвис, вооруженный палицей.

Мать-настоятельница зажмурилась и печально покачала головой.

— Господи, только бы они остались живы!

— Аминь, — негромко добавила сестра Линн.

Стоило Магнусу отвлечься, и разбойники навалились на него со всех сторон. Юноша вскрикнул, заработал всеми тремя мечами и заставил врагов отступить. Векс потянулся зубами к одному из них, пытаясь одновременно врезать другому копытом. Первое ему удалось, но как только он взбрыкнул задними ногами, то тут же замер в неподвижности.

Магнус разгневанно и отчаянно закричал. Его противники отделились от земли и, вопя, полетели в сторону леса.

Тем временем Род остервенело бился, боясь за несчастную, ни в чем не повинную графиню. Она уже кашляла от дыма, клубы которого по-прежнему карикатурно изображали ее предков.

Но вот налетел порыв ветра и унес призраков вправо от графини.

Роду не хотелось знать, откуда подул этот ветер, но увы, он это знал. Он заслонился от удара сбоку, парировал выпад, перестроился и сам нанес удар, и ранил Брюма в плечо. Колдун выкрикнул ругательство и отскочил назад, а потом сощурился и зарычал.

Да-да, именно зарычал, и видимо, как раз в это самое мгновение эльфийский чудодейственный бальзам перестал действовать, потому что колдун вырастал и разбухал прямо на глазах у Рода, и вот он стал ростом в восемь футов, приобрел длинные клыки и дубинку.

Великан вернулся.

Со всех сторон наступали тролли, размахивали короткими грубыми копьями, а между ними метался волчонок. Он подпрыгивал и клацал зубами, бросался на врагов, не давая им опомниться.

Волчонку грозила ужасная опасность, и у Рода екнуло сердце.

— Магнус! Уходи отсюда, скорее!

Стоило отвлечься только на миг... И тяжеленная великанская дубинища взметнулась и нанесла предательский удар, от которого Рода подбросило вверх. Он пролетел по воздуху и пребольно шмякнулся на спину. Прямо возле его головы плясали языки пламени, и Род в ужасе понял, что упал в костер, горевший около шеста, к которому была привязана графиня. Род попробовал подняться и заметил, что огонь не только не забрался выше, но, наоборот, начал угасать. Он, пошатываясь, встал, скривился от боли и пошел к великану, нацелившись мечом ему в пупок...

Модвис опередил его и заехал палицей великану по коленке.

Тот взвыл и, закачавшись, отступил, сжав коленку руками.

— Назад, скорее! — крикнул Модвис и, схватив Рода за рукав, потащил назад.

— Но... Но... — У Рода плыло перед глазами, но все же он помнил о самом главном. — Графиня...

— Она свободна и в безопасности! Скорее уходи, пока открыты ворота!

Род обернулся и изумленно вытаращил глаза. И верно, на костре никого не было, да и пламя погасло.

Он не стал ничего спрашивать и, смирившись, попятился к воротам.

Великан взревел и бросился следом.

Вспыхнул огонь, заполнил весь проем ворот.

Великан остановился на бегу, а тролли, испуганно бормоча, отбежали назад.

На раздумья у Рода была секунда. Как он должен был себя вести, когда опять навалится галлюцинация? И кто говорил ему об этом? ...Ах да, святой Иоанн. Он должен был вспомнить, что откупоривает пробирку, верно. Род закрыл глаза на пару мгновений, и перед ним предстало яркое зрелище. Огромная груда пробирок, и одна из них — у него под носом, и он вдыхает выливающийся из нее пар, и этот пар заполняет его голову...

— Лорд Гэллоуглас! — вскричал Модвис.

Род открыл глаза и, глядя сквозь завесу огня, увидел, как великан сморщился и уменьшился в размерах и опять стал Брюмом. Позади него стояли всего-навсего четверо разбойников, и вид у них был самый что ни на есть нервный.

— Это иллюзия, обман! — презрительно фыркнул Брюм. — Идите смело вперед, и вы даже не почувствуете жара!

Разбойники забормотали, начали переговариваться. Похоже, аргументы Брюма их не очень-то убедили.

— Смотрите! Я пойду и прикончу этого наглого чародея! — рявкнул Брюм и дерзко шагнул к пламени, пылавшему в воротах.

Он таки вошел в пламя, но тут же с воем выскочил обратно. Его мантия вспыхнула, и Брюм в отчаянии хлопал по ней ладонями, пытаясь погасить загоревшуюся ткань. Его подручные выпучили глаза, развернулись и дали стрекача.

Но только они добежали до деревьев, как начали пятиться назад, в страхе подняв руки. Из леса вылетел поющий меч. Он выписывал в воздухе восьмерки, а по обе стороны от него порхали горящий факел и шаровая молния.

Род ничего этого не видел. Они с Модвисом старательно сбивали огонь с мантии колдуна. Когда им удалось погасить огонь, Род поднял голову, посмотрел вверх — и конечно, у окошка на колокольне стояла мать-настоятельница и с каменным лицом смотрела на огонь. У Рода засосало под ложечкой. Походило на то, что у этих монахинь и у братьев из Ордена святого Видикона все-таки было нечто общее.

А в следующий миг лежащий на земле Брюм зловеще оскалился и попытался достать Рода мечом.

Род от неожиданности вздрогнул и отступил, а Брюм вскочил и замахнулся. Род успел вовремя выставить собственный меч и приготовился парировать удар. В это же мгновение Модвис пошел в атаку, и замах у Брюма получился более широким, а сам он потерял равновесие и наклонился вперед. Род шагнул в сторону, и колдун без чувств рухнул наземь.

Род опустился на колени рядом с ним. Он тяжело дышал и не в силах был поверить своим глазам.

Модвис действовал более практично. Он отвязал от пояса моток веревки и принялся связывать Брюма по рукам и ногам.

— Он... Он же... Он эспер, — выдохнул Род. — От веревки... никакого толка не будет... когда он очнется.

— Он не очнется.

Род вздрогнул, обернулся и увидел, что рядом с ними стоит его жена.

— Ты славно поработал, — сказала она лепрехуну. — Даже не знаю, как благодарить тебя.

— Одно то, что я помогал вам и вашему супругу, леди, для меня — превыше всякой благодарности, — смущенно, но польщенно пробормотал Модвис.

— И все же мы в долгу перед тобой, — возразила Гвен. — И чары, которыми ты был окован, теперь сняты с тебя, верно?

— Сняты, — кивнул Модвис. — И я наконец искупил свою вину.

— И в урочный час убил другого колдуна.

Гвен обернулась — и в это же мгновение из обугленного проема ворот вышла графиня в сопровождении Корделии и Грегори, а с колокольни спустилась во двор монастырской обители мать-настоятельница.

Прежде всего нужно было поговорить о самом главном.

— Что с разбойниками? — требовательно вопросила Гвен.

— Они спят, мама, — заверила ее Корделия. — И не проснутся до тех пор, пока их стережет Джеффри.

— Тогда лучше бы им спать подольше, — многозначительно проговорила Гвен. — Но он понимает, что будить никого из них ради развлечения нельзя?

— Понимает, понимает... — послышалось из-за монастырской стены, и в этом голосе явно прозвучало разочарование.

Графиня, широко раскрыв глаза, покачала головой.

— Но кто вы такая, чтобы так говорить?

— Их мать, — без лишних слов объяснила Гвен.

— И моя жена, — добавил Род с безмерной гордостью и обернулся к матери-настоятельнице. — Насколько я успел понять, вы и ваши сестры больше сведущи в волшебстве, чем дали мне понять.

— Мы — целительницы, — невозмутимо произнесла мать Патерна Теста. — У кого есть сила, чтобы лечить, есть сила и приносить вред.

С этими словами она опустилась на колени, приподняла голову Брюма и вылила ему в рот содержимое маленькой бутылочки.

— Не будите его! — в страхе вскричал Модвис.

— Я и не бужу, — встав, отвечала монахиня. — Снадобье, которое я дала ему, поможет ему проспать не меньше

суток. — Она посмотрела на Гвен. — Как вы оказались поблизости, когда были нам так нужны, леди?

— Мы закончили кое-какие дела в Раннимеде, о которых нас просил позаботиться мой супруг, — ответила Гвен, — и тут наш старший сын закричал и позвал нас на помощь. Мы прибыли так быстро, как только смогли.

— О да, очень быстро! — восторженно воскликнула графиня. — Я просто не знаю, как благодарить вас, леди, за то, что вы спасли меня, погасили этот ужасный костер!

— Вы помогаете этим досточтимым сестрам, а они помогли моему мужу, — учтиво ответила Гвен. — Если бы можно было сделать для вас больше, мы бы сделали больше. — Она обернулась к монахиням. — И для вас, сестры.

— Мы были рады помочь, — отозвалась мать Патерна Теста, — но тут же сурово взглянула на Рода. — А вам, сударь, было велено лежать в постели.

Род покачал головой.

— Я не мог видеть, как ни в чем не повинная женщина горит на костре из-за меня.

— Но вы еще слабы, вы, если на то пошло, не должны были суметь поднять меч. Вам нужен отдых и покой. Откуда же у вас взялись силы драться?

— Чистый адреналин, — ответил Род, но стоило ему произнести эти слова, как он почувствовал, что концентрация адреналина пошла на убыль. Слабость навалилась на него, и перед глазами потемнело.

22

Удивительно — но голова у Рода была совершенно ясная. Настолько ясная, что он и поверить не мог в то, что раньше ему было так худо.

— А что случилось с замком Брюма?

— Так вот что ты там видел? — удивленно переспросил Джеффри. — А мы-то видели простой бревенчатый дом, окруженный острым частоколом.

— Этого моему подсознанию хватило, чтобы выстроить замок для шоу ужасов, — объяснил Род.

Гвен ехала рядом с ним в санях, в которые был запряжен Векс, и Векс тащил сани по заснеженной зимней дороге к югу. Позади мчались самодвижущиеся санки с четырьмя детьми на борту.

Род спросил:

— А что с самим колдуном, Брюмом?

— О, он, супруг мой, был вполне настоящим, — ответила Гвен. — Правда, не сказать чтобы он слишком отличался от других грамерайских чародеев. Верно, его могущество сильнее, но способности такие же, как у других.

— Но у него были подручные, — мрачно буркнул Джеффри. — И между прочим, очень странно одетые.

— Ага, — кивнул Корделия и сдвинула брови. — Все в черном, лица черными шарфами замотаны, и мечи у них какие-то диковинные. А еще они остроконечными звездочками в тебя швырялись.

Род узнал субъектов по описанию и кивнул.

— Мое сознание не воспринимало ничего черного — как задумано в восточном театре. Чем меньше тебя видят, тем меньше на тебе вины. А теперь скажите, сколько из них я убил?

— Только одного, — поджав губы, ответил Джеффри. — Остальных мама усыпила.

— И где они?

— Их забрал отряд стражников, — успокоила его Гвен.

— Стражников? Но откуда взялись стражники? — Род повернул голову к жене, и его озарило. — Они шли за мной с тех самых пор, как я сбрендил, да?

— Да, — призналась Гвен. — Но очень скрытно, потому что мы знали, что ты хотел оставаться незамеченным.

— И теперь все мерзавцы — на пути к подземелью Туана?

— Верно. И ведут их туда те самые стражники, что присматривали за тобой.

— А колдун, когда очнется, обнаружит, что по рукам и ногам связан серебряной цепью, — добавил Магнус. — И вдобавок вокруг него будет стоять дюжина чародеев и волшебниц.

Род не был уверен, что даже это могло бы сдержать Брюма.

— Скажите Туану, чтобы он особо с ним не церемонился.

— Не думаю, что он вообще станет устраивать суд над Брюмом. Десятеро крестьян запросили пощады и обвинили колдуна в том, что он их совратил с пути истинного, а уж бабуся Бэн выболтала все-все, до последнего словечка — так она была рада, что ее наконец вызволили.

— Ага. А ведь это я ее связал. — Род понурил голову, и чувство вины охватило его. — А она была ни в чем не виновата?

— Она была ужасно напугана, пап, — объяснила Корделия, — но жива и невредима.

Род скорбно поджал губы.

— Слава Богу, что мне все-таки достало самообладания. Слава Богу и Вексу. Значит, я до полусмерти напугал ни в чем не замешанную старушку?

— Ну, не то чтобы так уж ни в чем не замешанную, — буркнул Магнус.

Род обернулся, широко открыл глаза.

— Похлебочка все-таки отравленная была?

— Овощи в ней были из ведьмина мха, — подтвердила Гвен. — Хотя она и вправду, как сама говорит, могла не знать об этом.

— Ее запугали какие-то люди, которых она называет разбойниками, — объяснил Джеффри. — Подлые мерзавцы — это они велели ей накормить тебя похлебкой, а за отказ грозили смертью.

— А один из них был лысым, — сказал Магнус, — и явился к ней одетым в красную мантию.

— Брюм собственной персоной, вот оно как? Что ж, это важные сведения в пользу старушки. Значит, сама она меня травить не хотела.

— Может быть, и так, — уклончиво проговорила Гвен. — Соседи отзываются о ней хорошо, хвалят ее как знахарку и повитуху.

— И еще она ужасно обрадовалась тому, что ты раскусил ее и что она тебя не убила.

— А эти негодяи с ней как обошлись?

— Никак, — покачала головой Гвен. — Первыми до нее добрались королевские воины, и я уверена: еще никогда на свете ни одна женщина так не радовалась тому, что ее ведут в темницу. — Теперь ей ничто не грозит, потому что Брюм и его подручные взяты под стражу.

— Да... У вас, как я посмотрю, забот был полон рот. Но выбора не было, дело ясное. Ну а насчет Модвиса что скажете?

— Он настоящий лепрехун, — объяснил Грегори, — и живет в этом лесу. Король эльфов велел ему заботиться о тебе, а потому он ужасно огорчился, когда очнулся от колдовского сна в хижине у Сольтика и обнаружил, что тебя нет.

— Так вот почему мне показалось, что он уменьшился... — Род нахмурился. — А что за искупление, про которое вы говорили? Он что же, оберегал меня в наказание за что-то?

— Нет, не так. Для него это была возможность оправдаться, искупить вину. У Маленького Народца тоже есть свои законы, супруг мой, а Модвис убил человека, не спросив на то дозволения у эльфийского короля.

Род вытаращил глаза.

— Модвис? Сентиментальный, добросердечный Модвис? Что же ему сделал этот человек?

Гвен бросила взгляд на детей.

— Об этом мы лучше поговорим в другой раз. Но думаю, кое-что он тебе про это рассказывал.

Род кивнул. Он вспомнил, как Модвис обмолвился о некоей девушке, украденной другим злым колдуном по имени Гормлин — но, видимо, Гвен не хотела при детях уточнять подробности.

— Стало быть, тот, кого он убил, был настоящим мерзавцем?

— Да, — кивнула Гвен. — И ни один эльф не стал бы винить Модвиса, но закон и есть закон — а он нарушил закон.

— И в итоге вынужден был взвалить на себя пренеприятное дело — сопровождал чокнутого чародея, чтобы заслужить право вернуться из изгнания. Бог свидетель, он заслужил это. Приятно узнать, что хотя бы он был настоящий, хотя и не совсем такой, каким я его видел.

— Но откуда Модвис столько всего знал? Хотя... Не надо, не говорите ничего. У эльфов всегда на все ответ готов, правда? И еще... Вы говорили, что вроде бы и ту старушенцию, что каштанами торговала, тоже нашли?

Гвен невесело проговорила:

— Мы узнали, что лорд-мэр Раннимеда возвращался домой со своей супругой незадолго до нас, и они не видели у дороги никакой женщины.

— Что же удивляться тому, что больше никому ничего не мерещилось! Больше никто не ел этих гадских каштанов — кроме меня и вас. Но вам-то каштаны из ведьмина мха повредить уж никак не могли!

Дети обменялись растерянными взглядами. Сани, на которых они сидели, немного отстали от родительских.

Гвен замерла и осторожно спросила:

— Как ты догадался об этом?

— Чистая дедукция, — махнул рукой Род. Щеки у него запылали, и ему ужасно захотелось, чтобы Гвен не видела, что он покраснел. — А вы как это доказали?

— Чародей Тоби выследил эту женщину по ее мыслям, и мы отобрали у нее корзинку. Когда Грегори превратил каштаны в абрикосы, сразу стало ясно, из чего они сотворены.

Род кивнул.

— И что вы сделали с пожилой леди?

— Не называй ее «леди», — желчно проговорила Гвен. — А что до ее возраста, так то не годы, а обилие краски. Теперь она в темнице — в ожидании свидетельств, которые предоставишь ты, и суда.

— Значит, она пришла к обочине специально ради нас?

— Только ради нас, — процедила сквозь зубы Гвен.

— Вот уж никогда мне не нравилось ходить в любимчиках, — хмыкнул Род.

— Теперь тебе придется потерпеть, папочка, — сообщила ему Корделия. — Твое тело ужасно утомлено.

— Да-да, конечно. Вот что бывает, когда тело и разум вступают в противоречие друг с другом, — кивнул Род. — Но не волнуйтесь. Отдохну, восстановлюсь.

Корделия и Гвен переглянулись.

— Мы так рады, что хотя бы твой разум исцелился, — вмешался Грегори.

Род нахмурился.

— Пока рано судить, сынок. Когда внутрь тебя попадает такая бяка — как знать... Может, она никогда тебя и не покинет. Очень боюсь, что у меня могут начаться рецидивы. Если я начну что-нибудь болтать насчет бесов, сразу разбегайтесь.

— Ну, вот как раз насчет бесов ты можешь не беспокоиться, — заверила его Гвен. — Те, которые тебе мерещились, исходили из извращенного разума колдуна Брюма.

— Надо отдать этому злодею должное, — буркнул Джеффри. — Уж что-что, а мысли он здорово умеет навязывать.

— Да, гипнотизер высшей марки, — согласился Род.

— Но в твой разум он посылал только воплощения страхов и ужасов, которые наполняют его душу.

Род кивнул.

— Точно так же, как те чудовища, которых видел я, на самом деле были порождениями моих собственных тайных страхов.

Джеффри изумленно вытаращил глаза.

— Неужто у тебя столько страхов, папа?

— О да, — тихо ответил Род. — Хотя обычно я храню их в глубоких-преглубоких подземельях моего разума. Приятно осознавать, что мои страхи врагам удалось вытянуть наружу, только попотчевав меня ведьминым мхом. Но в этом есть и плохая сторона.

Род поморщился. Тошнота и головная боль у него прошли, но самочувствие все же было такое, что не помешала бы таблеточка драмамина.

— Тебе не стоит так переживать, — укорила его Гвен. — Мы с детьми будем так заботиться о тебе, что тебе будет казаться, что ты фарфоровый.

— Ну... Если уж я чересчур разбуянюсь, можете снова отправить меня к матери-настоятельнице, — с улыбкой проговорил Род. — Скажите-ка, а как вы думаете, почему она вдруг так ужаснулась, когда я пообещал замолвить за нее словечко перед аббатом?

Гвен весело улыбнулась.

— Она отвела меня в сторонку и умоляла отговорить тебя от этого. Она боится, что, если об их обители узнают повсюду, им будет не так легко и просто вершить добрые дела — тем более что аббат может и не одобрить суть их миссии.

— О? А в чем же они видят суть своей миссии, хотелось бы знать?

— Они взяли на себя долг помогать ближним, дабы уберечь весь Грамерай от безумия, — объяснила Гвен. — Они знают, какие чудовища чаще всего мучают людей в страшных снах, и борются с ними.

— Как именно борются?

— Чаще всего — молитвами. Но их молитвы на диво помогают.

— Еще бы, — хмыкнул Род. — Обитель, напичканная телепатками и гипнотизершами, сосредоточивающими свои уси-

лия на общей медитации! Как же, интересно, могут не помогать их молитвы?

— И я рада тому, супруг мой! Ведь им удалось исцелить тебя!

Род изумленно воззрился на жену.

— Хочешь сказать, что я не случайно набрел на врата их обители?

— Ну, случайностей было сколько угодно. Тебе все перечислить? — услышал Род вдруг чей-то голос.

Он пригляделся и увидел впереди демона-искусителя, стоявшего под деревом в вальяжной позе. Род улыбнулся.

— Да нет, спасибо, не надо. Я уж как-нибудь сам.

А потом он сложил колечком большой и указательный палец и щелкнул указательным так, будто хотел согнать муху.

И демон исчез.

СОДЕРЖАНИЕ

СПУТНИК ЧАРОДЕЯ 5
ОБЕЗУМЕВШИЙ ЧАРОДЕЙ 345

По вопросам оптовой покупки книг
«Издательской группы АСТ» обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги «Издательской группы АСТ» можно заказать по адресу:
***107140, Москва, а/я 140*, АСТ – «Книги по почте»**

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Сташеф Кристофер

Спутник чародея
Обезумевший чародей

Фантастические романы

Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев
Компьютерная верстка: А.В. Массарский
Технический редактор О.В. Панкрашина
Младший редактор Е.А. Лазарева

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.02.953.Д.008286.12.02 от 09.12.2002 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ЗАО НПП «Ермак»
115201, г. Москва, 2-й Котляковский проезд, д. 1, стр. 32

**Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ФГУП «Издательство «Самарский Дом печати».
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.**

Кристофер Сташеф — человек, который сумел сказать собственное — бесконечно оригинальное — слово там, где сделать это, казалось бы, было уже практически невозможно. То есть — в жанре иронической фэнтези. В «сагах» о высоких замках, сильно нуждающихся в ремонте, и прекрасных принцессах, из последних сил правящих разваливающимися по швам королевствами, о веселых обольстительных ведьмочках, гнусных до неправдоподобия монстрах — и, конечно, о благородных героях, чье единственное оружие в мире «меча и магии» — юмор, юмор и еще раз юмор!

Вы — поклонник обаятельных приключений «чародея поневоле» Рода Гэллоугласа и его супруги, ведьмочки Гвен?

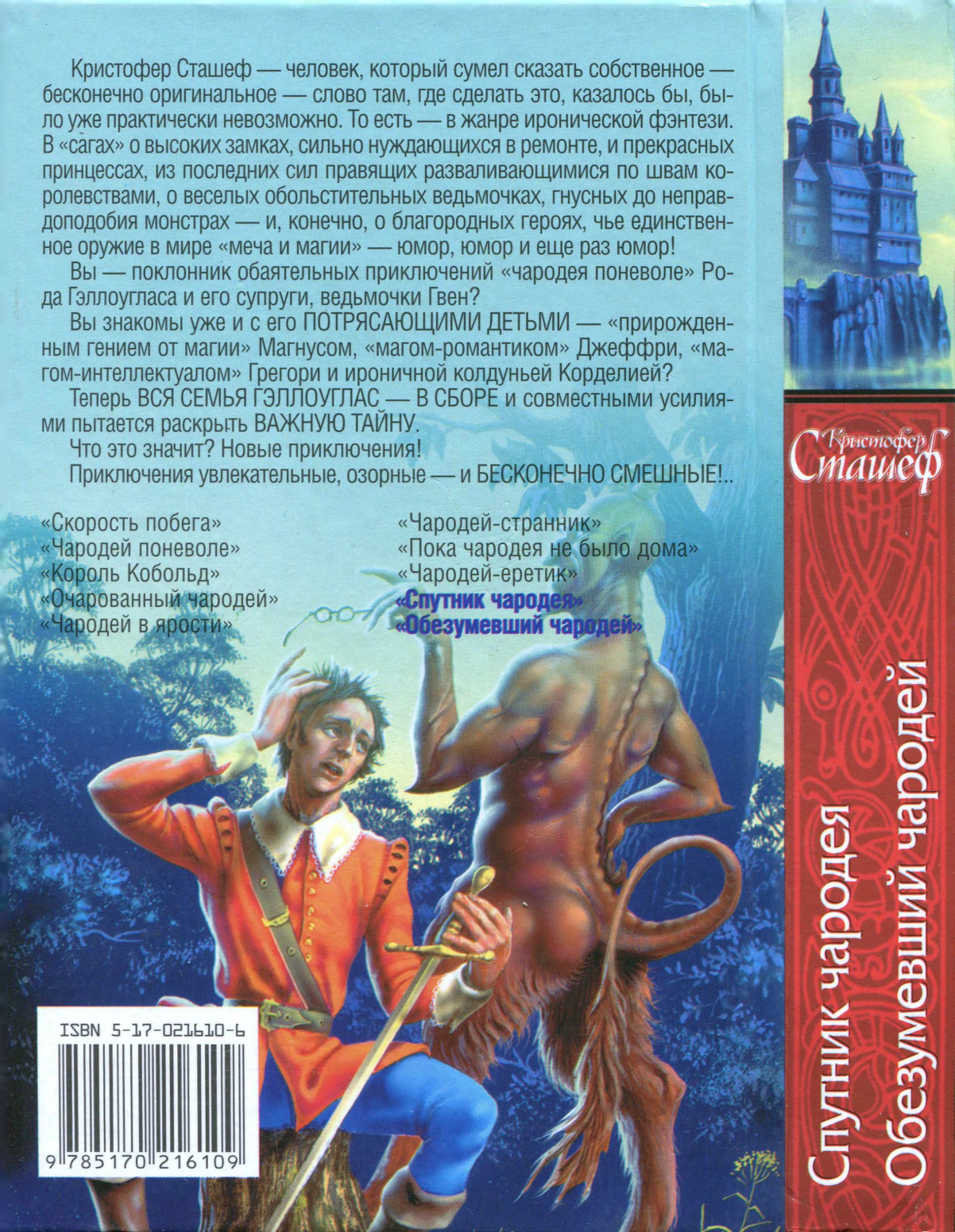
Вы знакомы уже и с его ПОТРЯСАЮЩИМИ ДЕТЬМИ — «прирожденным гением от магии» Магнусом, «магом-романтиком» Джеффри, «магом-интеллектуалом» Грегори и ироничной колдуньей Корделией?

Теперь ВСЯ СЕМЬЯ ГЭЛЛОУГЛАС — В СБОРЕ и совместными усилиями пытается раскрыть ВАЖНУЮ ТАЙНУ.

Что это значит? Новые приключения!

Приключения увлекательные, озорные — и БЕСКОНЕЧНО СМЕШНЫЕ!..

«Скорость побега»
«Чародей поневоле»
«Король Кобольд»
«Очарованный чародей»
«Чародей в ярости»
«Чародей-странник»
«Пока чародея не было дома»
«Чародей-еретик»
«Спутник чародея»
«Обезумевший чародей»



ISBN 5-17-021610-6
9 785170 216109

Кристофер Сташеф

Спутник чародея
Обезумевший чародей